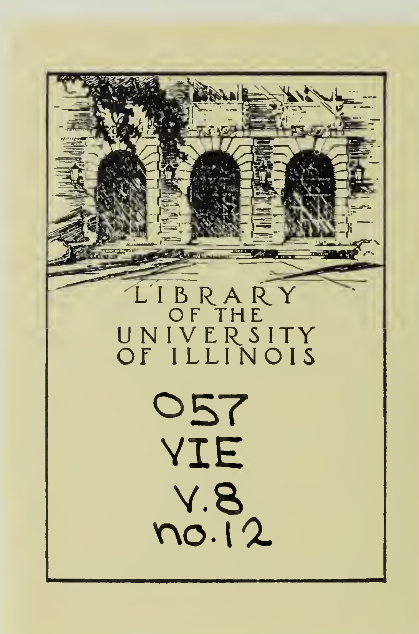

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
057
VIE
V.8
no.12

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О. 2 лин. 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1878.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XII стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1878 г. см. ниже, на оберткѣ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1874-мъ году.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, сохраняя прежнюю свою программу журнала исторіи, политики, литературы, въ 1874-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, каждый около 1,000 стр. большого формата.

ПОДПИСКА НА ГОДЪ:

1) БЕЗЪ ДОСТАВКИ.

15 р. 50 к.—въ Конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, въ С.-Петербургѣ (на Невскомъ просп., 30).

2) СЪ ДОСТАВКОЮ НА ДОМЪ.

16 рублей — въ Конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, въ Москвѣ.

Примѣчаніе. Для избѣжанія ошибокъ въ адрессѣ, покорно просятъ подавать въ упомянутыя мѣста свой адрессъ письменно, а не диктовать, подробно обозначая при этомъ названіе улицы и нумеръ дома и квартиры.

3) СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ ГУБЕРНІИ.

17 рублей — высылаются *по почтѣ, исключительно въ редакцію „Вѣстника Европы“—въ С.-Петербургъ, Галерная, 20*— для пересылки журнала въ губерніи и г. Москву, чрезъ Газетную Экспедицію.

Примѣчаніе. Гг. иногородные, имѣя случай подписаться *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, обращаются въ Контору редакціи.

4) СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ЗА ГРАНИЦУ.

Заграничные подписчики высылаютъ подписную сумму по почтѣ прямо въ редакцію, а лично подписываются въ кн. магаз. А. Ѳ. Базунова: за годовой экземпляръ съ пересылкою подъ бандеролью, въ **Германію и Австрію—19** *руб.;* въ **Бельгію, Нидерланды и Придунайскія княжества—20** *руб.;* во **Францію и Данію—21** *руб.;* **Англію, Швецію, Испанію,**

Португалію, Турцію и Грецію—22 *руб.;* въ **Швейцарію—23** *руб.;* въ **Италію и Японію—24** *руб.*; въ **Америку—25** *руб.*

Примѣчаніе. Заграничные адрессы доставляются письменно и на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Въ *Финляндіи* слѣдуетъ подписываться чрезъ мѣстный почтамтъ, какъ то могутъ дѣлать вообще всѣ заграничные подписчики.

Подписчики получаютъ отъ Конторы билетъ, вырѣзанный изъ книги редакціи: только при предъявленіи такого билета, или при сообщеніи его нумера, редакція отвѣчаетъ безусловно за свою Контору.

С.-Петербургъ, 1 декабря 1873 г.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ
ПУШКИНЪ

въ Александровскую эпоху.

По новымъ документамъ.

IV *).

(Продолженіе).

Умственное и нравственное развитіе Пушкина. — Ученыя и литературныя общества.—Арзамасъ.—Его значеніе и громадное вліяніе на Пушкина.—Русланъ и Людмила.—Катастрофа и высылка поэта изъ Петербурга.

Переходимъ къ изложенію умственнаго и нравственнаго развитія, какое началось для Пушкина при той обстановкѣ, которую мы старались описать.

Если самолюбіе Пушкина было оскорблено осторожностію и скрытностію аристократическихъ и политическихъ круговъ, то съ другой стороны—оно находило полное вознагражденіе себѣ въ обществѣ литераторовъ. Здѣсь всѣ двери были настежъ для Пушкина: восторженныя и неумолкаемыя привѣтствія встрѣчали его при каждомъ появленіи между собратами, какъ бы различны ни были ихъ убѣжденія. Пушкина носили здѣсь на рукахъ и тѣ

*) См. выше: нояб., 5 стр.

люди, которые не протягивали ему руки, когда стояли на другой почвѣ. Онъ былъ балованное дитя современныхъ ему писателей, которые старались избѣгать его эпиграммъ и домогались отъ него посланій, какъ отличія. По этому случаю возникали между пріятелями Пушкина вообще даже переписки, хлопоты и ревнивыя объясненія своихъ правъ на стихотворный подарокъ. Мы знали еще недавно престарѣлыхъ людей, вспоминавшихъ съ гордостію о томъ, что Пушкинъ, въ былыя времена, посвятилъ имъ нѣсколько печатныхъ или альбомныхъ строкъ. Все это приходило ему даромъ—безъ всякаго труда, домогательства или заискиванія у толпы своихъ поклонниковъ. И если припомнить, что Пушкинъ тогда еще былъ загадкой и ничего не могъ предъявить, кромѣ способности къ легкому стихосложенію, къ остроумной шуткѣ и нѣсколькихъ попытокъ въ элегическомъ родѣ (о дружескихъ посланіяхъ и памфлетахъ не считаемъ нужнымъ упоминать), то надо будетъ повторить, что само общество наше, по одному предчувствію его силы, выносило его на ту высоту, на которой онъ дѣйствительно и укрѣпился потомъ.

Классъ тогдашнихъ литераторовъ не отставалъ отъ публики въ провозглашеніи великихъ надеждъ, подаваемыхъ Пушкинымъ, но самъ отъ себя уже ничего не могъ ему сообщить, ничѣмъ не могъ подѣлиться съ нимъ. Классъ этотъ еще не сознавалъ для себя особеннаго призванія въ обществѣ, а о томъ, чтобъ готовиться къ ролѣ руководителя публики въ нравственныхъ и эстетическихъ вопросахъ — въ немъ не было и помина. Издали слѣдилъ онъ за движеніями и явленіями, которыя слагались на поверхности петербургскаго образованнаго общества, но отражалъ ихъ уже крайне слабо и тускло, какъ о томъ еще будемъ говорить; а что касается до задачи—возвыситься надъ многорѣчивыми толками «большого свѣта», опредѣлить ихъ смыслъ и отношеніе другъ къ другу и сдѣлаться центромъ и свѣточемъ общественной мысли, отыскавъ основанія для нея собственнымъ, свободнымъ и самостоятельнымъ трудомъ, то о возможности и необходимости подобной задачи въ кругѣ тогдашнихъ литераторовъ не было и предчувствія [1]).

---

[1]) Само собой разумѣется, что опредѣляя общій характеръ писателей того времени, мы должны исключить изъ этого очерка имена тѣхъ тружениковъ науки, литературы и искусства, которыя составляли славу эпохи. Таковы имена: Жуковскаго, Карамзина, Ник. Тургенева, Куницына, Велланскаго и т. д.; но всѣ эти лица стояли особнякомъ, внѣ волненій литературныхъ круговъ, занятые каждый своимъ дѣломъ, и не дали имъ отъ себя ни тона, ни окраски, а еще менѣе какой-либо части собственнаго своего содержанія.

Учиться тутъ чему-либо, чего еще не зналъ Пушкинъ, уже не предстояло возможности, хотя онъ усердно искалъ тогда учителей, если судить по извѣстному анекдоту съ П. А. Катенинымъ, къ которому явился съ предложеніемъ — «побить, да выучить». Напротивъ, изъ общества литераторовъ онъ вынесъ, благодаря ихъ легкому отношенію къ своимъ занятіямъ, ихъ промахамъ въ языкѣ и логикѣ, ихъ мелочнымъ цѣлямъ и стремленіямъ — привычку къ глумленію и ѣдкой насмѣшкѣ, которая проявляется въ его перепискѣ съ друзьями, съ 1823 года, къ сожалѣнію до сихъ поръ не собранной и не опубликованной вполнѣ. Какая-то удаль остроумія, въ ней проявляющаяся и иногда чрезвычайно мѣтко пятнающая выбранныя ею жертвы, не покидала его и въ сношеніяхъ съ такими людьми, какъ Жуковскій и Карамзинъ,—это мы увидимъ далѣе,—хотя уже и отзывалась тогда шалостію избалованнаго юноши. Но Пушкинъ считалъ еще правомъ и необходимымъ условіемъ свободной личности—не воздерживаться отъ шутки, когда она приходила на умъ, къ чему онъ такъ пріобыкъ въ кругу литераторовъ, безпрестанно вызывавшихъ ея. Никто лучше Пушкина и не выразилъ обычнаго свойства тогдашнихъ писателей: «они только разучиваются,—сказалъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей переписки,—вмѣсто того, чтобы учиться». Ясно, что съ этой стороны никакой нравственной поддержки и дѣльнаго наставленія онъ получить не могъ. Оставались многочисленныя литературныя общества того времени, оффиціальныя и полуоффиціальныя, но является вопросъ: что́ такое они были *въ самомъ дѣлѣ*?

Россія, какъ извѣстно, переживала тогда эпоху «обществъ» съ филантропическими и моральными цѣлями, подобно тому, какъ нынѣ переживаетъ она эпоху акціонерныхъ, коммерческихъ и спекуляціонныхъ ассоціацій. Въ обѣихъ нашихъ столицахъ каждый силился пристроиться къ тому или другому литературному кругу, оффиціально признанному администраціей, а нѣкоторые принадлежали сверхъ того еще и масонскимъ союзамъ, что́ уже считалось признакомъ высокаго многосторонняго развитія и давало лицу особенный вѣсъ. Всѣ эти круги терпѣлись и даже поощрялись сначала правительствомъ въ виду того, что они отвлекали людей отъ грубыхъ занятій и удовольствій и возвышали умы сближеніемъ ихъ съ вопросами моральнаго и отвлеченнаго свойства. На дѣлѣ однакожъ тогдашняя русская жизнь значительно упростила и понизила способы заниматься этими вопросами. Приманка масонскихъ ложъ, съ ихъ затѣйливыми и всегда безсмысленными мистическими прозвищами, заключалась для современниковъ преимущественно въ томъ, что они давали людямъ возможность *«слу-*

жить человѣчеству», имѣть искреннихъ братьевъ, какъ тогда думали, на всѣхъ концахъ вселенной, и потому чувствовать себя въ связи со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, не принося для этого никакихъ другихъ жертвъ, кромѣ усвоенія жаргона и устава своего братства и особенно покорности высшимъ степенямъ его. Не менѣе обольстительно было сдѣлаться и двигателемъ просвѣщенія, наукъ и искусствъ въ собственномъ своемъ отечествѣ, приписавшись только въ члены оффиціальнаго литературнаго общества и принявъ на себя легкую обязанность не пропускать слишкомъ часто его засѣданій, выслушивать терпѣливо чтеніе прозы и стиховъ на вечерахъ, заниматься тайной исторіей отношеній, существующихъ между писателями, и быть наготовѣ самому перевести или даже накропать какую-либо статейку. Но отъ такого упрощенія цѣлей всѣ эти «общества» обнаружили крайній недостатокъ самодѣятельности и творчества. Ихъ внутренняя слабость теперь поразительна, хотя и легко объясняется. Они сошли со сцены вскорѣ послѣ этой эпохи: масонскія общества—въ 1822 г., литературныя—въ 1825 г., не оставивъ никакихъ слѣдовъ послѣ себя, не выработавъ для цивилизаціи и культуры страны ни одной черты, на которую бы можно было указать. Масонство русское временъ Александра I-го окончательно утеряло свой строгій, подвижническій и моральный характеръ, которымъ отличалось въ эпоху своего единственнаго цвѣтенія на Руси, соединеннаго съ именами Новикова, Шварца, Походяшина: оно превратилось теперь въ собраніе сектъ и толковъ, раздѣленныхъ обрядовой стороной, но одинаково безцѣльныхъ и безпредметныхъ, которые доносили полиціи о своихъ засѣданіяхъ или о своихъ «работахъ», какъ они еще величали свои пусто-величавыя собранія, въ которыхъ главнымъ дѣломъ было исполненіе различныхъ, усвоенныхъ ими ритуаловъ. Нѣтъ никакой возможности указать, чтобы гроссмейстеры русскихъ масонскихъ союзовъ, не говоря уже о рядовыхъ членахъ, знали цѣли и задачи европейскаго масонства или создали для себя новыя, примѣняясь къ условіямъ края: таинственно, но тупо и молчаливо стояли они посреди нашего общества, безъ признаковъ чего-либо похожаго на пропаганду, но съ лживыми обѣщаніями будущихъ великихъ откровеній.

Отъ литературныхъ обществъ намъ остались печатные документы, вполнѣ разоблачающіе характеръ ихъ обычной дѣятельности. Всѣ они имѣли свои журналы и органы. «Общество Любителей Словесности» при московскомъ университетѣ, такъ долго находившееся подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго А. А. Прокопови-

ча-Антонскаго, издавало періодически свои «Труды»; «Петербургское Общество Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ» выбрало для себя органомъ журналъ своего председателя, А. Е. Измайлова, «Благонамѣренный», столь много потѣшавшій кружокъ Пушкина; наконецъ, петербургское же «Вольное Общество Любителей Словесности», управляемое тогдашнимъ своимъ предсѣдателемъ Ѳ. Н. Глинкой, обзавелось журналомъ «Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія». Кто пробѣгалъ эти изданія, тотъ знаетъ, что, за исключеніемъ весьма немногихъ статей, содержаніе ихъ не выражаетъ даже и той степени образованія, которая уже существовала у насъ въ «большомъ свѣтѣ».

Приводимъ здѣсь для примѣра оглавленія первыхъ январскихъ книжекъ этихъ журналовъ въ 1818 и 1820 гг. Это, конечно, были лучшіе №№ журналовъ, и вотъ что̀ они содержали:

„*Благонамѣренный*"

1818 года, № 1-й:

I. Стихотворенія:

1. Властолюбіе. Аркадій Родзянко.
2. Идиллія (Сыновняя любовь). В. Панаевъ.
3. Осень. Съ нѣмецкаго. Ры-скій.
4. Прудъ и Капля. Басня. Ѳ. Глинка.
5. Кащей и Лекарь. Сказка. И.
6. Отвѣтъ и Совѣтъ. О. Н.
7. Отвѣтъ на вызовъ написать стихи. Г—а.

II. Проза:

1. Не родись не хорошъ, не пригожъ, а родись счастливъ. Истинное происшествіе. В—ръ П—въ.

   NB. Дѣйствующія лица называются Аделаидой и Модестомъ.
2. Дорога отъ Устилуга до Варшавы. Отрыв. изъ записокъ русскаго офицера. А. Раевскій.
3. Нѣсколько словъ о кокетствѣ. В. П.
4. Избранныя мысли изъ Рошефуко, Флоріана, Демутье. П-на Р—ая.
5. Отрывки изъ Вакефильдскаго

„*Благонамѣренный*"

1820 года, № 1-й:

1. Приключеніе въ маскерадѣ. Истинное происшествіе. В. Панаевъ.
2. Скандинавская миѳологія. Боги второй степени. (*Семь страничекъ крупной и особенно разгонистой печати*). А—ъ Р—х—ъ.

Мелкія стихотворенія:

3. Мечты юности. П. Теряева.
4. Свиданіе. П. Межакова.
5. Романсы—числомъ 4.
6. Прости. *(Къ Лилѣ).* Н. Покровскаго.
7. Къ одной дѣвицѣ, гадающей на картахъ. С. Н.
8. *Къ Лилѣ.* Ѳ. Б—л—фъ.
9. Хмѣль и Василекъ. А. Ш-м-к-въ.
10. Клятва пьяницы. Сказка. И.
11. Эпиграммы—числомъ 4.

Новости:

Иностранныя извѣстія изъ Франціи, Италіи, Австріи, Пруссіи, Нидерландъ, Сѣв. Америки (на *четырехъ* страничкахъ). Благотворенія, Эпи-

священника. (Какъ образецъ чистаго, правильнаго и пріятнаго слога, какимъ писалъ покойный П. А. Никольскій).
6. Разборъ Хемницеровой басни: Воля и Неволя. И.

III. Смѣсь:

Русскіе анекдоты.

„*Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія*“

1818 года, № 1-й:

I. Проза:

1. Духъ Россійскихъ Государей Рюрикова дома.
2. Странствованіе Гумбольта по степямъ и пустынямъ Новаго Свѣта (*семь* стран.).
3. Различіе между дружбою и любовью. А. Боровкова.
4. Ратмиръ и Всемила (Древнее преданіе).

II. Стихотворенія:

1. Москва (Сойди, поэзія священна). Графа Сергѣя Салтыкова.
2. Отрыв. изъ Делилевой поэмы: L'imagination. А. Крылова.
3. Странствованіе Амура. Ѳ. Глинка.
4. Выборъ Флоры. В. Бриммера.
5. Мальчикъ и Голубокъ. Басня. Ал. Дуропа.
6. Мартышка и Слонъ. Басня. Гр. Д. Хвостова.
7. Эпиграммы. Р—ръ.
8. Романсъ къ другу. Съ нѣм. Н.

III. Смѣсь:

Жизнь В. П. Петрова. („Соперникъ Флакка и Марона“). Объявленіе о книгѣ, ноты на романсъ: „Тщетно плачешь, другъ любезный“.

граммы, Загадки, Логогрифы, Омонимы, три шарады.

NB. Въ каждой изъ книжекъ до 80 страницъ, in 12.

„*Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія*“

1820 года, № 1-й:

I. Проза:

1. Четыре первыя Божества Индіи (на *восьми* страничкахъ). Бар. Корфъ.
2. О Людовикѣ XIV. Д. Сахаровъ.
3. О гробахъ въ Герцеговинѣ. Съ польск. Ходаковскій.
4. Зоя, или не слѣдуйте системамъ философовъ. Съ фр. Н. А.

II. Стихотворенія:

1. Альфонсъ. Б. Федоровъ.
2. *Къ Лилетѣ*. Д.
3. Неумѣренному честолюбцу. Гр. Д. Хвостова.
4. Нераздѣляемое наслажденіе. Элегія. Плетневъ.
5. Къ другу. Ал. Д.
6. Шаррада. Ѳ. Г.
7. Свинья и Кабанъ. Басня. Ал. Д.

III. Смѣсь:

Ученыя извѣстія изъ Польши, Пруссіи, Австріи, Швеціи и Даніи, Англіи, Франціи, Италіи и *Филадельфіи*. (На *восьми* малыхъ страничкахъ разгонистаго шрифта).

Въ слѣдующемъ 2-мъ № 1820 г. были статьи: „Еще нѣкоторыя замѣчанія о Слободско-Украинской губерніи“, „Отрывокъ изъ походныхъ записокъ Лажечникова“ (3 странички), „О просвѣщеніи у исландцевъ“, „Смерть Лукреціи“, и т. д.

Мы освобождаемъ читателя отъ перечня статей въ «Трудахъ» Московскаго Общества любителей словесности, которые въ беллетрическомъ отношеніи ничѣмъ не превосходили образчиковъ сейчасъ представленныхъ, а въ ученомъ и критическомъ носили *школьный* характеръ, удалявшій отъ нихъ читателей даже и въ то время. Критическія статьи и замѣтки Мерзлякова и друг. составляютъ исключенія, но счастливыя исключенія встрѣчаются также точно и у «Соревнователя», какъ и у «Благонамѣреннаго».

Повторяемъ выводъ, который самъ собою представляется легко, когда разсматриваешь дѣятельность всѣхъ этихъ «Собраній»: они не расчистили дороги никакому серьёзному литературному направленію, не утвердили ничего похожаго на ученіе, доктрину или теорію, и не воспитали на собственныхъ своихъ началахъ ни одного сильнаго таланта, который могъ бы служить ихъ представителемъ, а потому и говорить о сходствѣ или различіи ихъ стремленій было бы празднымъ дѣломъ [1]).

Стóитъ упомянуть развѣ объ одной чертѣ, ихъ отличавшей. Всякій разъ, какъ появлялись люди въ родѣ Карамзина или Пушкина, открывавшіе собой новые литературные періоды, «общества» наши, застигнутые врасплохъ, приходили въ волненіе, погружались въ толки и раздѣлялись на партіи, изъ которыхъ однѣ сочувствовали вновь появившемуся феномену и рукоплескали ему, другія со страхомъ и бранью отвращались отъ него; но все это движеніе не измѣняло рутины и врожденной косности корпорацій и ихъ засѣданій, да и длилось обыкновенно короткій срокъ, послѣ котораго ряды членовъ опять приходили въ порядокъ и каждый снова стоялъ на старомъ мѣстѣ, со старыми умственными привычками и со старыми отношеніями къ другимъ, какъ будто ничего особеннаго и не случилось [2]).

Понятно, что при такомъ характерѣ литературныхъ обществъ и при такомъ состояніи беллетристики и критики въ ихъ нѣд-

---

[1]) Можно добавить къ этому въ видѣ археологической подробности, что Общество Измайлова склонялось болѣе къ воззрѣніямъ „Бесѣды Любителей Русскаго Слова“ Державина и Шишкова, и потому преслѣдовало въ своемъ органѣ романтизмъ и его „баловней“, между тѣмъ какъ „Вольное Общество“ Глинки радушно относилось къ новымъ дѣятелямъ и видимо состояло подъ вліяніемъ знаменитаго „Арзамаса“, хотя и собиралось въ домѣ Державина, какъ прямой наслѣдникъ основанной имъ „Бесѣды“.

[2]) Надо помнить, что мы не говоримъ о жаркой борьбѣ, происходившей нѣкогда между членами Шишковской „Бесѣды“ и „Арзамасомъ“ и дѣйствительно раздѣлявшей ихъ сторонниковъ на серьёзныя партіи. Ко времени выпуска Пушкина изъ Лицея— 1818 г., ни Бесѣды, ни Арзамаса уже не существовало фактически, о чемъ ниже.

рахъ, не Пушкину приходилось искать у нихъ помощи и указаній, а напротивъ, они опредѣлены были слѣдить за нимъ и учиться у него: такъ именно и случилось.

Съ 1820 года Пушкинъ повлекъ за собой блестящими и быстро смѣняющимися своими произведеніями, изъ которыхъ каждое открывало новые источники поэзіи и неожиданныя соображенія эстетическаго, моральнаго и частію даже политическаго характера, — повлекъ, говоримъ, за собой также точно читающую нашу публику, какъ и литературныя общества, и писателей, и во многихъ случаяхъ противъ воли и желанія послѣднихъ, уже свыкшихся съ покоемъ литературныхъ собраній. Гораздо позднѣе описываемаго нами времени, и уже домогаясь позволенія на изданіе политической газеты (1833 г.), Пушкинъ, въ проектѣ своей оффиціальной просьбы поэтому поводу, чертилъ о себѣ слѣдующія строки, которыя онъ имѣлъ, по нашему мнѣнію, полное право сказать, но которыя онъ однако же вымаралъ, какъ, вѣроятно, отзывающіяся отчасти хвастливостію: «Могу сказать, что въ послѣднее пятилѣтіе царствованія покойнаго государя (Александра I), я имѣлъ на все сословіе литераторовъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ *Министерство* (т.-е. м-во Просвѣщенія), несмотря на неизмѣримое неравенство средствъ».

Исключеніе составляло одно только литературное общество, именно «Арзамасъ». Значеніе этого знаменитаго общества не только не разъяснено у насъ вполнѣ, но врядъ ли еще и понято достаточно ясно и правильно, благодаря тому, что историки и судьи «Арзамаса» видѣли въ немъ одну только шутливую сторону и сочли его на этомъ основаніи за сборище веселыхъ и праздныхъ собесѣдниковъ. Шутливость «Арзамаса» прикрывала однако же очень серьёзную мысль, чтó именно и даетъ ему право на вниманіе въ исторіи нашего просвѣщенія.

Извѣстно, что «Арзамасъ» основанъ былъ для противодѣйствія Державинско-Шишковской «Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова» и для поддержанія не только переворота въ языкѣ и литературѣ, произведеннаго Карамзинымъ, который поэтому и считался какъ-бы невидимой главой «Арзамаса», но и для защиты правъ русскихъ писателей на свободную, независимую дѣятельность. Пушкинъ былъ членомъ «Арзамаса» еще съ лицейской скамьи, но ко времени появленія его въ свѣтъ «Арзамасъ» и «Бесѣда» существовали только номинально и на литературной аренѣ уже болѣе не встрѣчались. Время уничтожило между ними яблоко раздора. Бóльшая часть нововводителей въ сферѣ русской мысли и слóва успѣли уничтожить предубѣжденіе своихъ враговъ и побѣдоносно

выдти изъ смуты и наговоровъ, которые вызваны были ихъ появленіемъ.

Много разъ приводился въ литературѣ нашей доносъ куратора московскаго университета Голенищева-Кутузова, въ которомъ онъ указываетъ на Карамзина какъ на заговорщика, помышляющаго о ниспроверженіи законной власти и присвоеніи ее себѣ, съ помощію многочисленныхъ своихъ поклонниковъ. Поводы къ такого рода чудовищностямъ крылись столько же въ личныхъ вопросахъ, сколько и въ условіяхъ тогдашняго быта. Неизбѣжная связь всякой литературы съ внутреннею политикою, т.-е. съ состояніемъ умовъ и жизнію страны вообще, какъ бы ни старались мѣшать образованію этой связи, давала поводъ ужасаться всякій разъ, какъ эта связь обнаруживалась сама собою. Тогда поднимались вопли и жалобы съ двухъ сторонъ: со стороны слѣпыхъ, боязливыхъ умовъ, и со стороны смѣлыхъ пройдохъ, имѣвшихъ своекорыстныя цѣли. И тѣ и другіе разрѣшались, одинаково, нелѣпѣйшими подозрѣніями и обвиненіями. Нѣчто подобное доносу Г.-Кутузова повторилось и позднѣе, въ эпоху появленія романтизма. «Вѣстникъ Европы» Каченовскаго, человѣка вполнѣ честнаго и благороднаго—видѣлъ въ попыткѣ уничтоженія піитическихъ правилъ, проповѣдываемой новой школой романтиковъ—затаенное ея намѣреніе высвободиться изъ-подъ власти іерархическихъ и всякихъ другихъ авторитетовъ. Это было только заблужденіе; но еще позднѣе извѣстный Булгаринъ уже пользовался страхомъ администраціи передъ тѣнію политической литературы, просто выдумывая сплетни и разоблачая небывалые политическіе замыслы, для погубленія своихъ критиковъ и недоброжелателей, и успѣвалъ въ томъ не разъ, какъ показываетъ исторія его съ Дельвигомъ (1831), бывшая одной изъ причинъ преждевременной смерти послѣдняго.

Карамзинъ уже переѣхалъ въ Петербургъ и пользовался высокимъ уваженіемъ государя; Жуковскій, пенсіонеръ двора съ 1816 г., уже приготовлялся къ занятію поста воспитателя въ царской семьѣ; друзья и ревнители ихъ славы — Уваровъ, Блудовъ, Дашковъ и друг.—уже стояли на дорогѣ, которая повела ихъ на высшія ступени въ государствѣ. Въ виду все болѣе усиливающагося ихъ вліянія и значенія, «Бесѣда» потеряла часть своей энергіи въ преслѣдованіи новаторовъ, ту энергію, которой обнаружила такъ много еще не очень давно, именно въ 1815, когда «Липецкія воды» кн. Шаховскаго, ея сторонника, съ своимъ нѣсколько топорнымъ обличеніемъ балладистовъ и сентиментадовъ, дѣлили публику на два лагеря. «Бесѣда», въ лицѣ Шишкова,

обнаружила даже попытки идти на встрѣчу прежнимъ врагамъ, а съ другой стороны «Арзамасъ» совсѣмъ замолкъ и не собирался болѣе съ 1817 г., столько же потому, что прямыя цѣли его основанія были достигнуты, сколько и по другому обстоятельству. Въ нѣдра его внесена была рознь съ прибытіемъ новыхъ членовъ яркой современной политической окраски (М. Ѳ. Орлова, Н. М. Муравьева, Н. И. Тургенева), членовъ, которые не хотѣли ограничиться узкой, либерально-литературной задачей «Арзамаса», упрекали его въ безцвѣтности, пустотѣ и праздности и указывали политическія и соціальныя цѣли для дѣятельности. Но «Арзамасъ» именно и занимался ими, стоя на почвѣ литературныхъ, ученыхъ и художническихъ вопросовъ и не уступилъ намѣренію втянуть его въ колею тайныхъ обществъ. Онъ предпочелъ лучше не собираться вовсе, чѣмъ собираться для скорыхъ приговоровъ и рѣшеній, которыя неспособны были измѣнить строя нашей жизни ни на одну іоту къ лучшему, и Д. Н. Блудовъ, отстранившій предложеніе М. Ѳ. Орлова,—обратиться къ вопросамъ политическаго содержанія—конечно не измѣнялъ дѣлу прогреса и развитія въ отечествѣ, выразивъ въ долгой рѣчи по этому поводу желаніе остаться на почвѣ критики, изученія русскаго слова и литературы [1]).

Какъ бы то ни было, но духъ этихъ двухъ знаменитыхъ литературныхъ центровъ не исчезъ вмѣстѣ съ ними. Главнѣйшіе представители обоихъ направленій, выражаемыхъ этими центрами, не измѣнили своихъ убѣжденій и борьба между ними продолжалась и тогда, когда знаменъ, подъ которыми они сражались прежде, не было уже видно на литературной аренѣ; только споръ былъ перенесенъ теперь изъ области теоретическихъ разсужденій и словесности вообще, гдѣ все смолкло, благодаря особеннымъ обстоятельствамъ времени, на служебную и дѣловую арену.

Прежде всего слѣдуетъ сказать, что «Арзамасъ» не имѣлъ собственно никакой, ни эстетической, ни политической теоріи, чѣмъ и отличался отъ своего соперника, «Бесѣды Любителей». Послѣдняя, благодаря А. С. Шишкову, обладала полнымъ кодексомъ воззрѣній на лучшія формы языка, на предметы, которыми должно заниматься искусство, и на пути, которыми слѣдуетъ вести и рус-

---

[1]) Можно пожалѣть, что слухъ о намѣреніи „Арзамаса" издавать журналъ, слухъ сильно распространенный въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ, оказался несправедливымъ, также точно какъ нельзя не пожалѣть и о томъ, что не состоялась политическая газета Н. И. Тургенева. Мы бы могли судить тогда съ поличнымъ въ рукахъ о направленіяхъ, раздѣлявшихъ старыхъ членовъ „Арзамаса" отъ новыхъ.

скую жизнь и русскую словесность къ ихъ вящшему преуспѣянію въ духѣ благочестія, народности и нравственности. Каковы были требованія и опредѣленія этого кодекса — теперь уже разобрано и оцѣнено по достоинству; но онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, имѣлъ нѣкоторую обольстительную сторону для своего времени, потому что мы встрѣчаемъ въ числѣ приверженцевъ «Бесѣды» и враговъ «Арзамаса» такихъ людей, какъ П. А. Катенинъ и А. С. Грибоѣдовъ, не говоря уже объ А. Н. Оленинѣ и т. д. Можетъ быть это зависѣло отъ полноты и цѣлостности системы Шишкова, которая давала готовые отвѣты на самые трудные вопросы русскаго просвѣщенія и быта. Какъ бы то ни было, но Катенинъ при всѣхъ называлъ книгу Шишкова «О старомъ и новомъ слогѣ» своимъ литературнымъ евангеліемъ, а модно-архаическія, славянофильскія тенденціи Грибоѣдова достаточно обнаруживаются въ нѣкоторыхъ выходкахъ «Чацкаго», что́ и объясняетъ холодность, съ которой встрѣтили нѣкоторые истые Арзамасцы, какъ напр. князь Вяземскій, его безсмертную комедію. Чѣмъ же былъ собственно «Арзамасъ», неимѣвшій противупоставить «Бесѣдѣ» никакой равносильной эстетической и философской теоріи, а тайнымъ обществамъ никакой не только выработанной, но и намѣченной политической темы?

«Арзамасъ» представлялъ собственно партію молодыхъ людей, которые опираясь на примѣръ Карамзина, отстаивали право каждаго человѣка, сознающаго въ себѣ нравственныя силы, открывать для себя новыя дороги въ жизни и литературѣ. «Арзамасъ» ставилъ ни во что̀ напыщенность и торжественность выраженія, которой многіе тогда удовлетворялись, и ненавидѣлъ пустую, трескучую фразу во всякомъ ея видѣ — либеральномъ или консервативномъ. Болѣе всего сопротивлялся онъ намѣренію водворить обязательныя правила для умственной и общественной дѣятельности своего времени, подозрѣвая тутъ замыселъ управлять нравственными стремленіями эпохи, не справляясь съ ней, и утвердить за нѣсколькими личностями право безапеляціоннаго суда надъ всѣми мнѣніями и начинаніями ея. Вотъ почему «Арзамасъ» неукоснительно принималъ подъ свое покровительство все, что́ появлялось съ ясными задатками развитія, съ несомнѣнными признаками способности завоевать себѣ будущность. Онъ очень любилъ противоставлять новыя имена и таланты старымъ извѣстностямъ, да не отступалъ и передъ разоблаченіемъ упроченныхъ, но все-таки фальшивыхъ репутацій, обнаруживая при этомъ, сколько кумовства, дружескихъ подкуповъ и самовосхваленія издержано было для составленія ихъ. Въ лицѣ Жуковскаго «Арза-

масъ» привѣтствовалъ и *романтизмъ* въ нашей литературѣ, а когда воздвигнуто было гоненіе на самую идею романтизма — «Арзамасъ», уже явно несуществовавшій, выслалъ однакоже горячаго защитника новому виду творчества, князя Вяземскаго, и поддерживалъ его своимъ согласіемъ. Вотъ въ чемъ заключались всѣ теоріи Арзамаса. Къ этому надо прибавить, что орудіемъ борьбы служили для него, когда онъ собирался еще въ свои засѣданія, острота, насмѣшка, ироническое восхваленіе въ стихахъ и прозѣ, причемъ, заставляя хохотать до упаду и такихъ людей, какъ Карамзинъ, «Арзамасъ» самъ называлъ «галиматьей» свои произведенія. Ничто не могло быть болѣе по вкусу Пушкину, тоже расположенному отмщать мѣткимъ эпитетомъ, эпиграммой или пародіей безсильныя или отсталыя претензіи. «Арзамасъ» шутилъ, но по тогдашнему времени воспитывающими и образующими шутками.

Въ области пониманія и представленія гражданскихъ обязанностей, вліяніе «Арзамаса» на людей обнаруживалось не менѣе сильно. Тутъ опять мы не находимъ ничего похожаго на систему или ученіе, съ точностію опредѣляющее всѣ свои основы. Подобно тому, какъ на литературной почвѣ чувство изящнаго, пониманіе таланта и силы въ изображеніяхъ замѣняло «Арзамасу» эстетическія теоріи, такъ на политической, вмѣсто обдуманной программы, онъ обладалъ только живыми *инстинктами* свободы, стремленіями къ образованію и крѣпкими надеждами на общечеловѣческую, европейскую *науку*, какъ на лучшую исправительницу народныхъ и государственныхъ недостатковъ, а главное — онъ отличался непоколебимой вѣрой въ возможность соединенія коренныхъ основъ русской жизни и русскаго законодательства — монархизма и православія съ свободой лицъ, сословій и учрежденій. Проводя эти убѣжденія, «Арзамасъ» выражалъ истинную мысль своей эпохи, или по крайней мѣрѣ огромнаго большинства ея людей, между которыми были и руководители ея судебъ [1]).

---

[1]) Строки эти были уже написаны, когда мы нашли подтвержденіе нашей мысли въ двухъ замѣчательныхъ изданіяхъ послѣдняго времени, именно въ „Перепискѣ Карамзина съ Дмитріевымъ“, изданіе академиковъ П. Пекарскаго и Я. Грота, и въ „Исторіи царствованія Александра I-го“, составленной генераломъ М. Богдановичемъ. Не то ли же думалъ самъ императоръ Александръ I-й, когда, по свидѣтельству своего историка, за нѣсколько дней до кончины, говорилъ: „Пусть толкуютъ обо мнѣ, что́ хотятъ, но я былъ и остался республиканцемъ“. Конечно, знаменательныя слова эти не могутъ быть поняты въ смыслѣ какъ-бы отреченія власти отъ своихъ правъ, а содержатъ въ себѣ, по нашему мнѣнію, только благородное убѣжденіе въ ея назначеніи служить многостороннему развитію общества, всѣми своими силами и средствами. И не пояснялъ ли ту же мысль Карамзинъ, когда въ задушевной пере-

Конечно, несправедливо было бы смѣшивать характеръ и убѣжденія честнаго, прямодушнаго, хотя и упорнаго А. С. Шишкова съ характеромъ и проповѣдями такихъ честолюбцевъ и проходимцевъ, какъ Магницкій и Руничъ; но оба эти реформатора все-таки прикрывали свои мрачныя цѣли началами, сходными съ воззрѣніями Шишковской «Бесѣды». «Арзамасъ», можно сказать, цѣликомъ вступилъ въ борьбу съ старымъ своимъ врагомъ, очутившимся уже на административной почвѣ. Недавно опубликовано было письмо къ государю [1]) бывшаго попечителя с.-петербургскаго округа С. С. Уварова (отъ 17-го ноября 1821), смѣло объяснявшее средства, употребляемыя Руничемъ для возведенія простыхъ ученыхъ и учебныхъ положеній въ преступныя заявленія и въ уголовные проступки—письмо, не оставшееся безъ непріятныхъ послѣдствій для его автора. Позднѣе, когда съ назначеніемъ министромъ самого А. С. Шишкова (1824) пресловутая «Бесѣда» очутилась, такъ сказать, во главѣ управленія вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія — она нашла всѣхъ старыхъ своихъ противниковъ на своихъ мѣстахъ. Новый министръ, какъ видно изъ его записокъ, до конца своей жизни сохранялъ убѣжденіе, что шаткость общественнаго порядка въ Россіи находится въ зависимости отъ ослабленія основъ старой русской жизни, стараго русскаго воспитанія и образованія, потрясенныхъ литературной реформой послѣдняго времени, которая открыла будто бы двери всяческому легкомыслію и вольнодумству. Слѣдствіемъ этихъ убѣжденій было появленіе цензурнаго устава 1826 г., съ его извѣстнымъ, крайне притѣснительнымъ характеромъ [2]). Въ особенной смѣшанной коммиссіи, которая была составлена для просмотра иностраннаго цензурнаго устава, тогда же выработаннаго министерствомъ, засѣдали два Арзамасца, Уваровъ и Дашковъ. Подъ ихъ вліяніемъ коммиссія занялась не только иностраннымъ цензурнымъ уставомъ, но подняла вопросъ и о рус-

---

пискѣ съ И. И. Дмитріемъ, еще задолго до словъ Императора, говорилъ: „я бы желалъ назвать себя монархическимъ республиканцемъ". Арзамасцы были такими республиканцами, готовыми всѣмъ жертвовать за монархическое начало въ Россіи. Съ теченіемъ времени мысль о дружномъ, параллельномъ развитіи власти и свободы затерялась въ средѣ членовъ описываемаго общества, но въ эпоху цвѣтенія „Арзамаса" она составляла драгоцѣннѣйшее убѣжденіе ихъ.

[1]) Въ Матеріалахъ для ист. образованія, г. Сухомлинова, 1866. Статья I.

[2]) Мы воздерживаемся отъ ссылки на нѣкоторые его параграфы, просто лишающіе возможности русскихъ ученыхъ и писателей заниматься вопросами исторіи правъ и иностранными литературами. Любопытные могутъ найти уставъ въ Полномъ Собраніи Законовъ.

скомъ недавно вышедшемъ, и строго разобрала его положенія и основанія [1]). Коммиссія подготовила, такимъ образомъ, возможность новаго проекта съ болѣе благопріятными условіями для русской ученой и художественной дѣятельности, который дѣйствительно вскорѣ и появился. Это былъ тотъ знаменитый цензурный уставъ 1828 г., который стоялъ такъ выше людей своего времени и укоренившейся цензурной практики, что никогда не былъ вполнѣ примѣненъ къ дѣлу и большей частью оставался мертвой буквой вплоть до своего уничтоженія въ 1865 г.

Вообще «Арзамасъ» представляетъ въ исторіи нашей общественности поучительный примѣръ собранія съ одними нравственными и образовательными цѣлями, формально просуществовавшаго менѣе трехъ лѣтъ, но оставившаго послѣ себя долгій слѣдъ и живую мысль, которая питала людей его, когда они уже были разсѣяны по-свѣту. Долго сохранили они свою либеральную окраску, одинаковое пониманіе европейскихъ идей и неотлагательныхъ нуждъ русскаго общества. Только гораздо позднѣе, въ половинѣ слѣдующаго царствованія начинаетъ тускнѣть и загрубѣвать между ними единившая ихъ мысль; люди «Арзамаса» наживаютъ себѣ противуположныя цѣли, расходятся въ разныя стороны и даже становятся отъявленными врагами другъ друга. Что касается Пушкина, онъ остался ему вѣренъ всю жизнь.

Первые примѣры свѣтлыхъ общественныхъ стремленій, полученные имъ въ общеніи съ Жуковскимъ, Карамзинымъ, Блудовымъ, Дашковымъ и другими членами «Арзамаса», залегли глубоко въ его душѣ, вмѣстѣ съ твердымъ пониманіемъ исторической почвы, на которой стремленія эти могутъ быть осуществляемы. Если это созерцаніе не тотчасъ же выразилось на первыхъ порахъ въ его сужденіяхъ и поступкахъ, то причиною были непреодолимые соблазны жизни, вмѣстѣ съ порывами и увлеченіями молодости; но оно пустило корни въ его мысль, въ нравственную его природу, и при первой возможности дало свои отпрыски. Можно полагать, какъ уже было сказано нами, что атмосфера тайныхъ обществъ, окружавшая нѣкогда его существованіе, сообщила впослѣдствіи его слову ту прямоту, смѣлость и откровенность, съ какими онъ отвѣчалъ на всякій вопросъ, откуда бы онъ ни исходилъ. «Арзамасъ» далъ ему нѣчто другое. Онъ научилъ его свободно, самостоятельно и независимо подчиняться условіямъ русскаго быта, желать имъ наиболѣе разумнаго содержанія, искать для этихъ условій основъ въ мысли, фило-

---

[1]) Изъ неопубликованныхъ записокъ А. С. Шишкова.

софской поддержки, теоретическаго оправданія, и въ то же время сохранять за собой право судить отдѣльныя явленія самаго быта по своему разумѣнію. Никогда онъ не былъ болѣе смѣлъ и независимъ, какъ въ то время, когда добровольно признавалъ необходимость покориться тому или другому требованію установленнаго порядка, потому что основывалъ эти уступки на представленіяхъ и мотивахъ, еще казавшихся многимъ ересями и опасными идеями.

Но до всего этого еще было далеко, а теперь покамѣстъ невидимо копились только и отлагались на душѣ Пушкина всѣ тѣ начала, которыя составили его послѣдующій характеръ. Онъ продолжалъ пробовать людей, искать впечатлѣній, либеральничать и потѣшаться жизнію. И вотъ, напримѣръ, какой отрывокъ изъ его утерянныхъ записокъ, касающійся Карамзина, сохранился въ его бумагахъ, отрывокъ, необычайно рисующій какъ его самого, такъ и высокую природу нашего исторіографа. Отрывокъ важенъ еще и тѣмъ, что написанный, по всѣмъ вѣроятіямъ въ 1825 г., вскорѣ послѣ смерти исторіографа, онъ выражаетъ глубокую привязанность его автора къ описываемому лицу и составляетъ какъ бы характеристику и надгробные проводы всему періоду нашего развитія, кончившемуся съ этимъ лицомъ.

«Кстати, замѣчательная черта, говоритъ Пушкинъ. Однажды началъ онъ (Карамзинъ) при мнѣ излагать *свои любимые парадоксы*. Оспоривая его, я сказалъ: «Итакъ, вы рабство предпочитаете свободѣ!» Карамзинъ вспыхнулъ и назвалъ меня своимъ клеветникомъ. Я замолчалъ, уважая самый гнѣвъ прекрасной души. Разговоръ перемѣнился. Я всталъ. Карамзину стало совѣстно, и прощаясь со мной, онъ ласково упрекалъ меня, какъ бы самъ извиняясь въ своей горячности. „*Вы сказали на меня то, чего ни Шаховскій, ни Кутузовъ на меня не говорили*“. Въ теченіе шестилѣтняго знакомства, только въ этомъ случаѣ упомянулъ онъ при мнѣ о своихъ непріятеляхъ, противъ которыхъ не имѣлъ онъ, кажется, никакой злобы, не говоря уже о Шишковѣ, котораго онъ просто полюбилъ. Однажды, отправляясь въ Павловскъ и надѣвая свою ленту, онъ посмотрѣлъ на меня наискось... Я прыснулъ, и мы оба расхохотались...» В. А. Жуковскій терпѣлъ точно такія же, если не бóльшія выходки молодого человѣка и баловалъ его, можетъ быть, пуще всѣхъ. Онъ, между прочимъ, первый смѣялся его пародіямъ и эпиграммамъ па себя. П. А. Катенинъ разсказываетъ въ своихъ (неизданныхъ) «Воспоминаніяхъ» о Пушкинѣ, что Александру Сергѣевичу очень нравилось, когда его сравнивали съ Вольтеромъ,

и особенно доволенъ онъ былъ каламбуромъ, который выходилъ изъ шуточнаго прозвища, даннаго переводчикомъ «Андромахи» своему молодому другу. Катенинъ часто называлъ его: un monsieur à rouer (Arouet), и Пушкинъ всякій разъ заливался при этомъ веселымъ смѣхомъ, но собственно ни на какого, даже микроскопическаго Аруэта ни тогда, ни послѣ, поэтъ нашъ не походилъ. Въ описываемую эпоху онъ представляется намъ веселымъ молодымъ человѣкомъ, у котораго было гораздо болѣе своевольства, чѣмъ нажитыхъ принциповъ, и гораздо болѣе наклонности къ задирающей шуткѣ или къ производству эффектныхъ либеральныхъ гимновъ, чѣмъ революціоннаго одушевленія или дѣйствительной ненависти къ людямъ и установленіямъ.

Уваженіе къ самостоятельному сужденію и независимымъ мнѣніямъ Катенина пережило у Пушкина эпоху молодости и продолжалось въ зрѣлые года его, но критическія воззрѣнія Катенина не имѣли большого вліянія на Пушкина, какъ на поэта, потому что стѣсняли постоянно его свободу творчества и фантазіи. Одинъ примѣръ такихъ воззрѣній находится и въ «Воспоминаніяхъ» П. А. Катенина. Такъ, упоминая о пьесѣ «Моцартъ и Сальери», критикъ осуждаетъ Пушкина за то, что построилъ свой драматическій этюдъ на сомнительномъ анекдотѣ и оклеветалъ Сальери. Другой учитель Пушкина отъ этой эпохи, Чаадаевъ, кажется, дѣйствительно имѣлъ нѣкоторыя права на это званіе, признанныя за нимъ и нашимъ поэтомъ, какъ извѣстно, но, конечно, не въ той степени, въ какой обыкновенно провозглашалъ ихъ самъ наставникъ. П. А. Чаадаевъ уже тогда читалъ въ подлинникѣ Локка и могъ указать Пушкину, воспитанному на французскихъ сенсуалистахъ и на Руссо,—какъ извратили первые философскую систему англійскаго мыслителя своимъ упрощеніемъ ея, и какъ мало научнаго опыта и изслѣдованія лежитъ у второго въ его теоріяхъ происхожденія обществъ и государствъ. Выводы и соображенія, которыя рождались изъ анализа этихъ предметовъ, конечно, должны были поражать Пушкина новостію и сдѣлать въ глазахъ его «мудрецомъ» самого ихъ проповѣдника. Въ перечнѣ людей, у которыхъ Пушкинъ искалъ тогда наставленій, нельзя забыть объ А. Н. Оленинѣ. Почтенный предсѣдатель академіи художествъ, будучи родственникомъ и почитателемъ Г. Р. Державина, разумѣется, склонялся на сторону «Бесѣды» и не совсѣмъ одобрительно смотрѣлъ на полемическія замашки «Арзамаса», но онъ имѣлъ важное качество. По званію артиста и по прямому знакомству съ классическимъ искусствомъ, онъ понималъ эстетическіе законы, которые

лежатъ въ основанiи художническаго производства вообще, а потому могъ уразумѣть изящество произведенiя, еслибы даже оно явилось и не съ той стороны, откуда онъ привыкъ его ожидать. Такъ, онъ былъ одинъ изъ первыхъ, которые признали поэтическое достоинство «Руслана и Людмилы». Качество это сдѣлало самый домъ его нейтральной почвой, на которой сходились люди противуположныхъ воззрѣнiй, что́ облегчалось еще необычайной любезностью хозяйки, урожденной Полторацкой, а потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, привѣтливостiю красавицы-дочери, воспѣтой Пушкинымъ. Поэтъ нашъ былъ у нихъ, какъ свой человѣкъ, и, по семейнымъ ихъ преданiямъ, часто бесѣдовалъ съ А. Н. Олениным объ искусствѣ. Впрочемъ, ни одно изъ этихъ лицъ не провело никакой глубокой черты на его характерѣ или на его талантѣ, по которой можно было бы судить о родѣ и степени ихъ влiянiя. Одинъ «Арзамасъ» оставилъ только на немъ неизгладимые слѣды своего политическаго и литературнаго направленiя, а все прочее сгладилось или пропало въ его дальнѣйшемъ, самостоятельномъ развитiи.

Несчастiе Пушкина состояло въ томъ, что современная литература не отвѣчала ни на одинъ вопросъ, существовавшiй уже въ обществѣ: читать было нечего, а еще менѣе чему-либо учиться у нея.

Нѣтъ сомнѣнiя, что перiодъ петербургскаго броженiя, который можно назвать «искусомъ», пережитымъ мыслiю Пушкина, ранѣе бы кончился для него, если бы тогда существовало какое-либо серьёзное литературное направленiе, которое обыкновенно понуждаетъ людей собирать свои силы и ставитъ задачи для ихъ дѣятельности. Но эпоха живыхъ, горячихъ литературныхъ споровъ, мы уже сказали, кончилась, и на аренѣ русской печати не стояло никакого вопроса. Мѣсто Карамзина, какъ основателя школы, оставалось пусто съ 1815 г., когда онъ покинулъ его для главнаго своего труда, и было пусто лѣтъ десять, когда его занялъ самъ Пушкинъ. Мы уже видѣли, чѣмъ занимались журналы, отчасти связанные съ литературными обществами; но и тѣ, которые могли назваться независимыми, носили на себѣ не менѣе плачевный беллетристическiй и критическiй характеръ. «Вѣстникъ Европы» Каченовскаго, напримѣръ, безспорно былъ лучшимъ журналомъ эпохи и оставался первымъ до самаго появленiя «Московскаго Телеграфа» (1824). Никто, конечно, не забудетъ его литературныхъ заслугъ. «Вѣстникъ Европы», хотя издали и очень робко, но все-таки слѣдилъ за развитiемъ конституцiонныхъ порядковъ въ Польшѣ, за такъ-называемымъ осво-

божденіемъ крестьянъ въ Остзейскихъ провинціяхъ, печаталъ замѣтки о «свободномъ трудѣ», и сначала даже намекалъ, въ упрекъ классицизму нашей сцены, на существованіе великой романтической школы Гёте и Шиллера. Онъ особенно выдался впередъ при появленіи «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина, когда первый осмѣлился отнестись къ ней критически и показать возможность другого пониманія задачъ русской исторіи вообще и фактовъ русской исторіи въ особенности, за что и получилъ отъ ультра-карамзинистовъ генерическое прозвище «Зоила».

Кстати замѣтить, что ультра-карамзинисты имѣли, кромѣ того, очень много скрытныхъ, невысказавшихся противниковъ въ публикѣ. При выходѣ восьми томовъ исторіи Карамзина (1818)—этого памятника, съ котораго собственно и начинается у насъ работа общественнаго самоопредѣленія и самосознанія—трудъ Карамзина встрѣченъ былъ недоброжелательно не только людьми тайныхъ круговъ, но и множествомъ лицъ, имѣвшихъ претензію на либеральное, независимое развитіе. Даже извѣстный анекдотъ Пушкина свидѣтельствуетъ о томъ же. Исторію Государства Россійскаго называли «придворной исторіей» и упрекали ее въ отсутствіи настоящихъ, историческихъ пріемовъ для изслѣдованія прошлаго славянъ и духа Московскаго княжества. Ничто, однакоже, не показываетъ такъ наглядно приниженнаго состоянія литературы тѣхъ годовъ, какъ обстоятельство, что наружу, въ печать и въ публику, выходили отъ противниковъ исторіи только замѣтки о формальной ея сторонѣ, а рѣчь о принципахъ велась втихомолку. Принципы, лежавшіе въ глубинѣ разнорѣчія между врагами и защитниками «Исторіи», такъ и остались подъ спудомъ и не дошли до потомства ни въ одной печатной строчкѣ. А между тѣмъ въ нихъ-то и было все дѣло, потому что относительно археологіи, ученаго изслѣдованія предмета, эрудиціи вообще, обѣ стороны въ сравненіи съ яблокомъ раздора, съ обсуждаемой ими исторіей, осуждены были ограничиваться кое-какими замѣтками, походившими на дѣтскій лепетъ. Итакъ, сущность спора, по необходимости, состояла въ различномъ опредѣленіи цѣлей исторіи, въ различномъ представленіи той службы, какую она вообще должна приносить современному обществу, тѣхъ отвѣтовъ, которые вправѣ ожидать отъ нея новыя поколѣнія въ ихъ нуждахъ и требованіяхъ, а это уже связывалось съ развитіемъ политическихъ воззрѣній и направленій, существовавшихъ въ обществѣ. Вотъ гдѣ было настоящее слово этого спора между враждующими партіями; но ни секретные враги Карамзина, ни явные его приверженцы никогда не затрогивали этого слова въ лите-

ратурѣ, хотя много занимались имъ въ частной жизни и приватныхъ бесѣдахъ.

Совсѣмъ тѣмъ, если прослѣдить все содержаніе московскаго «Вѣстника Европы» въ полномъ его составѣ за время, которымъ занимаемся, то общій характеръ журнала окажется не болѣе важнымъ, чѣмъ у его собратовъ по журналистикѣ, и всѣ дѣльныя его статьи явятся опять чѣмъ-то въ родѣ пріятныхъ неожиданностей. Подробный списокъ съ оглавленій его книжекъ могъ бы представить такой же скорбный листъ, смѣемъ выразиться, нашей литературы съ 1815 по 1820, какой самъ сложился у насъ изъ перечня статей «Соревнователя» и «Благонамѣреннаго», уже сообщеннаго читателю. И «Вѣстникъ Европы» наполнялся произведеніями, отстоявшими далеко отъ уровня общаго образованія эпохи. «Рѣчь о главныхъ обязанностяхъ молодого человѣка, вступающаго въ свѣтъ, Гавріила Попова», «О Спорахъ и Норикахъ, древнихъ именахъ Словенъ», «Отрывокъ изъ разсужденія о чистой Маѳематикѣ», «Объ отличительныхъ свойствахъ памятниковъ Египетскихъ и о томъ, почему знаменитѣйшіе изъ новѣйшихъ художниковъ не берутъ ихъ для себя за образцы» и проч., и проч. Вотъ что́ составляло ученый багажъ журнала. Съ беллетристической и художественной литературой было еще хуже, и нѣтъ никакой возможности пробѣгать его переводы, въ родѣ отрывка «Изъ обозрѣнія степей славнаго путешественника Гумбольдта», хотя это не представило бы особеннаго труда, такъ какъ отрывокъ весь на четырехъ страничкахъ, или перечитывать его мечтательныя повѣсти, его ребяческія идилліи, его стихотворенія, притчи, басни и аллегоріи. Все это кажется какъ будто насмѣшкой надъ тогдашней читающей публикой, особенно когда знаешь разнообразіе идей, полученныхъ ею съ Запада и сравнительную обширность ея образованія.

Петербургскій конкуррентъ московскаго «Вѣст. Европы», журналъ столь многоизвѣстнаго Н. И. Греча «Сынъ Отечества», также не лишенъ своего рода литературныхъ заслугъ. Онъ стоялъ ближе къ умственному движенію петербургской жизни, въ которой принималъ довольно дѣятельное участіе, находясь постоянно въ связяхъ съ противниками Шишковской школы, а потомъ съ врагами партіи правительственныхъ мистиковъ, и не разъ давалъ у себя мѣсто ихъ жаркимъ, прямымъ и косвеннымъ протестамъ. Притомъ же журналъ старался быть разнообразнымъ и очень занимался критикой текущихъ явленій словесности. На страницахъ его встрѣчаются самыя почетныя имена эпохи, начиная съ Карамзина и С. С. Уварова, въ немъ даже и переписывавшихся

между собой (1818 г. № VII), и переходя черезъ рядъ такихъ именъ, какъ Головнинъ, Коцебу, А. Бестужевъ, Куницынъ, Давыдовъ и др. Всѣ они сообщили свои вклады журналу, хотя, надо сказать, въ необычайно микроскопическихъ размѣрахъ. Чуть ли не наибольшій изъ нихъ «Отрывокъ изъ путешествія вокругъ свѣта, флота капитана Головнина», умѣщался на 5-ти страничкахъ крупнаго шрифта. Совсѣмъ тѣмъ нельзя не изумляться тому, что при подобныхъ связяхъ редакціи и при такой обстановкѣ журналъ никогда не выходилъ изъ рамки умной, изворотливой посредственности. У него не было, какъ и у московскаго «Вѣстника Европы», руководящихъ идей. Само разнообразіе журнала покупалось цѣною крайняго ничтожества статеекъ, сообщавшихъ обыкновенно на двухъ-трехъ страничкахъ разгонистой печати извѣстія объ иностранныхъ литературахъ, всю современную исторію и политику, разборы русскихъ книгъ, свѣдѣнія о театрѣ и проч. Ученая и литературная критика, занимавшая въ немъ не болѣе мѣста, чѣмъ всѣ другія статейки, не имѣла никакихъ твердыхъ основаній, не проводила никакихъ зрѣло обдуманныхъ убѣжденій, если исключить нѣсколько протестовъ за свободу мышленія и развитія,—и большей частію писалась съ вѣтра, по капризу или случайному настроенію авторовъ. Благодаря такому повсемѣстному состоянію критики въ это время, весьма замѣчательные и почтенные ученые труды, явившіеся между 1816—20 г., какъ, напримѣръ, «Опытъ теоріи налоговъ», Н. Тургенева, «Право естественное» А. Куницына, «Начертаніе статистики россійскаго государства» К. Арсеньева, «Исторія философскихъ системъ» А. Галича—никогда не знали на родинѣ своей дѣльной оцѣнки, которая вошла бы въ сущность излагаемыхъ ими предметовъ и ученій. Послѣднія три сочиненія разобраны были не періодическими нашими изданіями, какъ слѣдовало бы ожидать, а администраторами изъ партіи мистическихъ обскурантовъ, которые и произвели этотъ разборъ, подкрѣпивъ его еще и надлежащими мѣрами, тѣмъ съ большей свободой и развязностію, что ни съ какимъ общественнымъ и ни съ какимъ авторитетнымъ мнѣніемъ въ печати не имѣли надобности считаться. Всѣ эти добросовѣстные труды, къ которымъ слѣдуетъ еще причислить переводъ Д. Велланскаго: «О свѣтѣ и теплотѣ, какъ извѣстныхъ состояніяхъ всемірнаго элемента (изъ Окена)» 1816,—просто потонули въ пучинѣ «большого свѣта», гдѣ нѣкоторые изъ нихъ были подняты, какъ, напр., теоріи Окена—Велланскаго, усвоенные кн. Одоевскимъ, а другіе исчезли уже безъ слѣда, подъ шумъ разговоровъ о тысячѣ другихъ явленій всякаго рода. Такъ кончалась

въ памятное время министерства князя А. Н. Голицына первая четверть литературнаго періода, блестящее открытіе котораго Карамзинымъ и его послѣдователями и сподвижниками въ началѣ столѣтія, казалось, сулило ему совсѣмъ другую будущность.

Вина этого заглохшаго состоянія печати, конечно, отчасти падаетъ на суровые обычаи тогдашней цензуры, изумлявшей слѣпотой и безсмысленностью придирокъ даже очень осторожные правительственные умы, но вмѣстѣ съ ней вину эту дѣлятъ и многія другія лица и само общество. Цензура эта, какъ извѣстно, была порожденіемъ страха въ виду возбужденнаго состоянія умовъ на Западѣ. Русская печать, еще ничѣмъ не заявившая наклонности слѣдовать революціонной пропагандѣ своихъ и западныхъ агитаторовъ, просто платилась за излишества и шалости европейской печати, возбуждавшей ужасъ всѣхъ оберегателей европейскаго порядка, въ числѣ которыхъ значилась тогда и наша родина. Какъ далеко она зашла въ этой работѣ *предупрежденія преступленій*, показываютъ многіе, изумительные примѣры. Въ той же просьбѣ Пушкина, 1833-го года, о дозволеніи ему политической газеты, откуда мы уже извлекли одинъ отрывокъ, находится и еще слѣдующая зачеркнутая фраза, совершенно справедливая въ сущности и опущенная имъ, вѣроятно, изъ нежеланія возбуждать непріятныя воспоминанія у тѣхъ людей, въ которыхъ онъ нуждался: «Литераторы во время царствованія покойнаго Императора — говоритъ Пушкинъ — были оставлены на произволъ цензуры своенравной и притѣснительной. *Рѣдкое сочиненіе доходило до печати* [1])». Въ другой статьѣ Пушкинъ потрудился сообщить и самые факты цензурной практики, на основаніи которыхъ онъ сдѣлалъ это замѣчаніе. Мѣсто, гдѣ онъ упоминаетъ о ней, взято нами изъ статьи: «О цензурѣ», и въ печать не попало. Извѣстно, что статья эта принадлежитъ къ ряду краткихъ разборовъ, писанныхъ Пушкинымъ, тоже въ 1833 году, на извѣстную книгу Радищева, главы которой онъ провѣрялъ одну за другой на дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. Приводимое мѣсто до такой степени ярко обрисовываетъ обычные пріемы тогдашней цензуры, что послѣ него нѣтъ надобности вести рѣчь далѣе объ этомъ предметѣ. «Было время, — пишетъ

[1]) Пушкинъ отчасти испыталъ и на себѣ это дѣйствіе цензуры. Имя его было такъ страшно и подозрительно ей, что онъ принужденъ былъ печатать нѣсколько стихотвореній, и притомъ самыхъ чистыхъ и возвышенныхъ, какъ, напр., пьесъ: „Овидію“, „Мечта воина“—безъ подписи своего имени, а только съ звѣздочками, во избѣжаніе ея придирокъ. („Поляр. Звѣзда“ 1823 года). Элегія („Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“) тоже явилась безъ подписи автора („Пол. Звѣзда“ 1824 г.).

Пушкинъ—*слава Богу, что оно прошло и, вѣроятно, уже не возвратится* — что наши писатели были преданы на произволъ цензуры самой безсмысленной. Нѣкоторыя изъ тогдашнихъ рѣшеній могутъ показаться выдумкой и клеветою. Напримѣръ — какой-то стихотворецъ говоритъ о *небесныхъ* глазахъ своей возлюбленной. Цензоръ велѣлъ ему, вопреки просодіи, поставить, вмѣсто небесныхъ, голубые—*ибо слово небо принимается иногда въ смыслѣ высшаго промысла.* Въ славянской балладѣ Ж. назначается свиданіе наканунѣ Иванова дня; цензоръ нашелъ, что въ такой великій праздникъ грѣшить неприлично, и не хотѣлъ пропустить баллады. Нѣкто критиковалъ трагедію Сумарокова; цензоръ вымаралъ всю статью и написалъ на полѣ: «перемѣнить, соображаясь съ мнѣніемъ публики...» Понятно становится, отчего нѣкоторыя имена тогдашнихъ цензоровъ, какъ г.г. Бирюкова, Тимковскаго и Красовскаго, напримѣръ, не сходили съ языка у писателей 20-хъ годовъ: они не могли надивиться довольно силѣ ихъ фантазіи и изобрѣтательности при толкованіи самыхъ простыхъ мыслей и представленій. Пушкинъ ошибся только въ одномъ; времена старой цензуры возвратились лѣтъ черезъ 15 и даже вслѣдствіе однѣхъ и тѣхъ же причинъ, чуждыхъ русскому міру. Возникли и новыя имена цензоровъ, чуть ли еще не превзошедшіе свои первообразы въ подозрительности и въ чудовищности своихъ догадокъ.

Но были еще причины безпомощнаго состоянія литературы и поважнѣе цензуры, которая только дѣлала свое настоящее дѣло. Объ идеальной цензурѣ съ качествами государственнаго ума, способной строго оберегать интересы правительства и общественный строй, и вмѣстѣ понимать свободу, нужную мысли и словесности—тогда еще не было и помина. Цензура просто понималась, какъ застава, черезъ которую слѣдуетъ пропускать какъ можно менѣе народа; но цензура, подобно всѣмъ другимъ установленіямъ, умѣряется массой общественныхъ и нравственныхъ силъ, ей противостоящихъ. Къ несчастію, послѣднихъ-то и не было на лицо. Всѣ лучшія силы времени ушли въ молчаливые, гордые политическіе круги, презиравшіе литературу, и заперлись тамъ, почти никогда не выходя на литературную арену. Послѣ того, какъ съ нея сошли и ветераны Карамзинскаго періода, вмѣстѣ съ главой своимъ, на другія, болѣе обширныя поприща— арена эта оставалась достояніемъ нашихъ литературныхъ обществъ съ ихъ многочисленнымъ персоналомъ, который однакоже не имѣлъ ни трудовой энергіи, ни особенно важныхъ нравственныхъ интересовъ, для веденія борьбы съ нѣкоторой настойчивостію и

одушевленіемъ. Цензура имѣла дѣло съ разрозненными личностями и мелкими побужденіями, которыхъ потому скоро и легко одолѣвала и устраняла. Умы и характеры другого рода сами сторонились передъ нею, какъ передъ несчастіемъ эпохи, чѣмъ, конечно, цензура оказывала плохую услугу обществу въ дѣлѣ изъясненія, поправленія и обсужденія идей, въ немъ проявившихся.

Производительныя силы не совсѣмъ, однако же, заглохли у насъ и подъ ея гнетомъ. Литература наша пробуждена была изъ летаргическаго сна своего двумя явленіями, послѣдовавшими одно за другимъ: поэмой «Русланъ и Людмила» Пушкина, которая походила на неожиданный лучъ солнца, освѣтившій литературное поле, давно съ нимъ незнакомое, и альманахомъ «Полярная Звѣзда» К. Ѳ. Рылѣева и А. Бестужева, который обнаружилъ, что само поле это еще не вовсе лишено сѣмянъ и цвѣтовъ и далеко не похоже на голую степь, какую изъ него хотѣли сдѣлать люди и обстоятельства. Такъ какъ оба явленія принадлежатъ, по нашему мнѣнію, къ весьма крупнымъ событіямъ той эпохи, то мы и скажемъ о нихъ нѣсколько словъ, начиная съ позднѣйшаго, альманаха «Полярная Звѣзда».

Какую значительную долю вліянія на словесность, а черезъ нея и на общество, могли бы имѣть наши политическіе круги, доказываетъ то обстоятельство, что два члена изъ среды ихъ, явившись съ «Полярной Звѣздой» (1823), привели въ движеніе всѣ умы, поднятые уже дѣятельностію Пушкина, и положили конецъ ихъ праздному существованію, такъ что 1823-й годъ долженъ считаться годомъ возрожденія литературы и поворота къ труду, замысламъ и начинаніямъ разнаго рода. Это подтверждается и фактами. «Полярная Звѣзда» поставила себѣ задачей собрать въ одинъ центръ всѣ наличныя и доселѣ разрозненныя литературныя силы, чтó было необходимо и чтó она сдѣлала при громкомъ сочувствіи, какъ публики, такъ и писателей. Второй ея задачей было учинить повѣрку всего литературнаго наслѣдства, оставленнаго прежними дѣятелями, и притомъ съ точки зрѣнія новыхъ людей, которые призваны пользоваться наслѣдствомъ и желàютъ оцѣнить его по соображеніямъ и по мѣркѣ своего времени. За эту работу взялся постоянный «обозрѣватель» «П. Звѣзды», А. Бестужевъ, сужденія котораго, правда, часто рождались по вызову эффектной, вычурной фразы, попадавшей подъ его перо, но смѣлость котораго и независимость отъ преданія уже предвѣщали начало новаго періода литературы. Пушкинъ скоро понялъ важность задачи, принятой на себя новымъ критикомъ, и поспѣшилъ къ

нему на встрѣчу. Прямо и безцеремонно завязываетъ онъ съ нимъ, въ 1823 г. изъ Одессы, гдѣ тогда находился, переписку, которая дѣлается все серьёзнѣе, чѣмъ далѣе идетъ. Онъ опровергаетъ нѣкоторыя положенія Бестужева, предлагаетъ свои опредѣленія людей и произведеній, взамѣнъ высказанныхъ критикомъ, и видимо не желаетъ остаться безъ дѣла и участія въ этомъ, только-что открытомъ процессѣ надъ міромъ литературныхъ явленій, процессѣ, который долженъ былъ положить конецъ мирному общежитію литераторовъ подъ гулъ однихъ и тѣхъ же похвалъ, подъ покровомъ одного и того же всеобщаго потворства и кумовства. Но литературный органъ, созданный «Полярной Звѣздой» и имѣвшій всѣ задатки весьма блестящей будущности, разсѣянъ былъ политической бурей, посѣянной самими его основателями и ихъ товарищами по заговору. Не пропалъ только толчокъ, данный литературѣ изданіемъ; живительный духъ, которымъ отъ него повѣяло, освѣжилъ атмосферу словесности, и вслѣдъ за нимъ являются новые сборники, новыя изданія: «Мнемозина», кн. Одоевскаго, «Сѣверный Архивъ» Булгарина, и наконецъ «Московскій Телеграфъ» Полевого. Самъ Пушкинъ, поддержанный въ роли представителя новыхъ творческихъ началъ и романтизма на Руси восторженными похвалами Рылѣева и Бестужева, крѣпнетъ въ силахъ и дѣйствительно становится главой и свѣтиломъ литературнаго періода, который по справедливости носитъ его имя.

Но это еще будущее. Обратимся къ поэмѣ «Русланъ и Людмила» и посмотримъ, чтó такое она была для этой эпохи. Пушкинъ писалъ ее въ маленькой своей комнаткѣ, на Фонтанкѣ, куда онъ возвращался послѣ пирушекъ, литературныхъ вечеровъ, похожденій всякаго рода; гдѣ онъ лежалъ иногда отчаянно больной и гдѣ потомъ принималъ своихъ гостей, готовый на всякую проказу по первому ихъ призыву [1]). «Русланъ и Людмила» создавалась въ средѣ всего этого смутнаго, тяжелаго, въ разныхъ смыслахъ, времени и была единственнымъ дѣломъ, занимавшимъ Пушкина въ теченіи многихъ лѣтъ. Нѣсколько подробностей, касающихся исторіи возникновенія этого перваго труда нашего поэта, которыя сообщаемъ ниже, кажется, не будутъ лишними даже для опредѣленія степени его развитія и состоянія его мысли въ ту эпоху.

Извѣстно, что Пушкинъ потрудился оставить намъ въ запис-

---

[1]) Нѣсколько словъ о ней сохранилось въ „Русскомъ Альманахѣ", изд. В. Эртелевымъ и А. Глѣбовымъ (стр. 218).

ныхъ своихъ тетрадяхъ почти всю исторію своей души, почти всѣ фазисы своего развитія и даже бóльшую часть мимолетныхъ мыслей, пробѣгавшихъ въ его головѣ. Исключеніе изъ этого правила составляетъ только первая, начальная тетрадь его, пустыя страницы которой даютъ краснорѣчивое свидѣтельство о томъ, какъ еще бѣдна была его жизнь нравственнымъ содержаніемъ. Онъ ничего не внесъ въ первую свою тетрадь, кромѣ двухъ посланій къ пріятелямъ, одной эротической эпистолы, одной французской блюетки, переложенной потомъ въ русскую пьесу (Твой и Мой), одной эпиграммы (Ты правъ, несносенъ Ѳирсъ), пять-шесть стихотвореній вчернѣ [1]), да нѣсколько безсвязныхъ, неразборчивыхъ строкъ какой-то начинавшейся, но незаконченной фантазіи, похожей на программу къ пьесѣ—«Фаустъ и Мефистофель». Никакихъ признаковъ бесѣды съ самимъ собою, чтó составляло отличительную черту позднѣйшихъ его тетрадей, здѣсь мы не встрѣчаемъ, а если и является нѣчто подобное такой бесѣдѣ, то исключительно въ формѣ рисунковъ. Съ однимъ изъ нихъ мы уже знакомы, но кромѣ его тетрадь наполнена эскизами женскихъ головокъ, начертанныхъ весьма бойкимъ карандашомъ и мужскихъ портретовъ, иногда въ цѣлый ростъ, какъ, напримѣръ, тогдашняго петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, который въ то же время былъ и героемъ театральныхъ, закулисныхъ романовъ. Между этими изображеніями мы встрѣчаемъ и голову самого Пушкина, слившуюся въ одинъ поцѣлуй съ другой неизвѣстной женской головкой: импровизованный художникъ такъ дорожилъ подобнаго рода воспоминаніями, что подъ рисункомъ сдѣлалъ подпись: «le baiser, 1818, 15 Déc.». Отъ всѣхъ листовъ начальной его тетради вѣетъ страшно-разсѣяннымъ существованіемъ, не находившемъ времени помѣтить что-либо иное, кромѣ впечатлѣній, какія вызывала и искала игра молодыхъ и только-что проснувшихся физическихъ силъ. Напрасно было бы ожидать тутъ слѣдовъ его чтенія, бесѣдъ съ людьми, наблюденія жизни, нравственныхъ и историческихъ замѣтокъ, чтó составляетъ такую поучительную сторону его тетрадей вообще:

---

[1]) Въ числѣ ихъ находится и пьеса: Уединеніе („Деревня", по первой редакціи), конецъ которой, направленный противъ крѣпостного права, сталъ извѣстенъ и государю, одобрившему какъ мысль, такъ и стихи произведенія, но эта вторая и существеннѣйшая половина его не попала ни въ одно изданіе сочиненій поэта при его жизни. Такъ точно другое стихотвореніе, тогда же имъ написанное (а не въ лицеѣ, какъ утверждаютъ нѣкоторые біографы), именно „Посланіе къ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ", только одинъ разъ было напечатано въ журналѣ „Соревнователь Просвѣщенія" (1819, № 10-й) и затѣмъ уже не повторялось болѣе вплоть до 1856 г.

автору еще нечего было соображать, нечего помѣщать и не въ чемъ исповѣдываться.

Ясно становится, что жизнь для Пушкина представляла еще не что иное, какъ простой сборъ матеріаловъ, разборъ и обсужденіе которыхъ отлагались до другого времени.

Есть однакожъ какъ въ этой начальной тетради, такъ и въ отдѣльныхъ листахъ, составляющихъ ея дополненіе, свидѣтельство, что самый упорный, усидчивый трудъ не былъ чуждъ ему даже и въ это время: перемаранныя, искрещенныя и опять возстановленныя строфы «Руслана и Людмилы» занимаютъ въ тѣхъ и другихъ огромное мѣсто. Если принять въ соображеніе, что поэма задумана еще на лицейской скамьѣ и не совсѣмъ была готова даже весной 1820 — то время, употребленное на ея созданіе, придется опредѣлить четырьмя или можетъ быть пятью годами. Ни одна изъ поэмъ не стоила Пушкину столькихъ усилій, какъ та, которою онъ начиналъ свое поприще и которая, повидимому, не должна была очень затруднять автора: только необычайная отдѣлка всѣхъ ея частей могла бы изобличить тайну ея произведенія, но объ этомъ никто не догадывался: тогда вообще думали, что Пушкину достается все даромъ. Дни и ночи необычайнаго труда положены были на эту полушутливую, полусерьёзную фантастическую сказочку, и мы знаемъ, что даже основная ея мысль, идея и содержаніе достались Пушкину послѣ долгихъ и долгихъ исканій. Такъ мы встрѣчаемъ у него множество программъ для русской сказки, въ числѣ которыхъ наиболѣе понятная и разборчивая назначаетъ еще героемъ поэмы плѣннаго Бову, попавшаго въ руки злого царя и спасающаго свою жизнь разгадываніемъ его загадокъ и исполненіемъ его неисполнимыхъ задачъ, при помощи, съ одной стороны, дочери царя, царевны Мельчигреи, а съ другой — добраго волшебника. Имена дѣйствующихъ лицъ приложены тутъ же: Маркобрунъ, Суворъ, Зензивей, Милитриса, *Дидонъ*, *Гвидонъ*. Лѣтъ черезъ 15, когда Пушкинъ вздумалъ опоэтизировать русскую сказку на свой манеръ, онъ употребилъ въ дѣло послѣднія два имени. Всего замѣчательнѣе, что первая мысль о нынѣшнемъ названіи поэмы представилась Пушкину во французской формѣ, именно такъ: «Rouslane et Ludmilla». Слова эти написаны на самой программѣ о Бовѣ и уже предвѣщаютъ чужестранные, аріостовско-французскіе пріемы самой поэмы, которую они породили.

Такъ въ теченіи трехъ лѣтъ шумной петербургской своей жизни, Пушкинъ находилъ пріютъ для мысли и души своей въ одной этой поэмѣ, возвращался къ самому себѣ и чувствовалъ

свое призваніе черезъ посредство одного этого труда! Со стороны это можетъ показаться очень мало, но у Пушкина, какъ и у всѣхъ его друзей, начиная съ Жуковскаго, было предчувствіе, что Русланомъ онъ могъ завоевать себѣ исключительное положеніе въ литературѣ.

И дѣйствительно, Пушкину суждено было именно поднять и оживить литературный міръ и общество своей поэмой. При появленіи ея въ 1820 г., она дѣлается сигналомъ пробужденія не только старыхъ партій и ихъ воззрѣній на словесность, но и всѣхъ ихъ страстей, которыя казались заснувшими надолго. Классики-старовѣры и прежніе реформаторы принимаются снова за давній, оставленный ими споръ. Затѣмъ все, что́ только страдало отсутствіемъ чтенія, поэтическихъ впечатлѣній, художественнаго удовлетворенія мысли, то-есть огромное большинство русскихъ читателей бросается на поэму Пушкина, какъ на живое слово, разрѣшающее долгій постъ, въ которомъ томился русскій людъ съ своими эстетическими потребностями. Не подлежитъ сомнѣнію, что всеобщее царство скуки и пошлости, охватившее нашу словесность незадолго передъ появленіемъ поэмы, много способствовало ея успѣху, но она имѣла еще и сама по себѣ обаятельныя качества. Никто не могъ вдоволь наслушаться сладчайшей стихотворной рѣчи, какой заговорилъ ея авторъ, а еще болѣе никто не могъ довольно надивиться бойкости всѣхъ его пріемовъ, разсказу его, исполненному движенія, разнообразію найденныхъ имъ мотивовъ, занимательности содержанія, построеннаго на сказочныхъ небылицахъ. Все, что́ прежде выдавалось за народную русскую жизнь въ повѣстяхъ Карамзина, въ балладахъ Жуковскаго, въ одахъ на манеръ «Ермака» Дмитріева и проч., меркло передъ новымъ способомъ изображать сказочный міръ и вводить его въ сферу искусства. Не то, чтобы тутъ открывались вполнѣ или даже частію разоблачались тайны народнаго творчества и народной фантазіи, хотя нѣкоторые изъ ихъ ходовъ и пріемовъ угаданы довольно счастливо, но тутъ поражало мастерство и виртуозность, съ какими разработывались произвольныя темы, въ духѣ народныхъ сказаній. Къ этому присоединились еще и другія оригинальныя отличія поэмы отъ старыхъ поддѣлокъ подъ русскія преданія: ни малѣйшаго признака нервной слабости или фальшиваго одушевленія, ни напыщенности, ни слезливости, ни фантасмагоріи страховъ и чертей; напротивъ, все въ ней было весело, бодро, страстно и имѣло мо́лодое, здоровое выраженіе. Вотъ чѣмъ поразила первая поэма Пушкина современниковъ, которые, наслаждаясь ею, думали, что она передаетъ

сущность и характеръ народной поэзіи. Конечно, теперь «Русланъ и Людмила» являются не болѣе, какъ изумительнымъ *tour-de-force* начинающаго таланта, и о сродствѣ поэмы съ народнымъ творчествомъ не можетъ быть и рѣчи.

Вообще, историческое изложеніе совершенно необходимо, когда идетъ рѣчь о первыхъ опытахъ Пушкина и о восторгахъ, съ какими ихъ встрѣчала публика. Съ этой поры, съ «Руслана» именно каждое изъ его произведеній только увеличиваетъ кругъ литературнаго волненія, поднятаго начальной поэмой. Надо перенестись мысленно въ ту эпоху и, если возможно, сдѣлаться на мгновеніе ея современникомъ для того, чтобъ основательно понять, какое громадное впечатлѣніе должны были производить слѣдовавшія за тѣмъ поэмы Пушкина. Все было въ нихъ открытіемъ. «Кавказскій Плѣнникъ» и «Бахчисарайскій Фонтанъ», напримѣръ (1822—24), изумили и околдовали публику неподдѣльнымъ языкомъ страсти, искренностію чувства, пыломъ молодого сердца, біеніе котораго слышалось, такъ сказать, во всѣхъ ихъ строфахъ, уже не говоря о поэтическо-реальной обстановкѣ, въ которой двигались ихъ романтическія событія и байроническіе характеры.

Впечатлѣніе росло съ каждымъ годомъ. Едва публика успѣла насытиться двумя поэмами Пушкина, какъ онъ явился передъ ней опять съ ослѣпительной картиной Петербурга и съ начальнымъ абрисомъ характера, уже не имѣвшаго и признаковъ романтической неопредѣленности прежнихъ его героевъ (первая глава Онѣгина, 1825). Затѣмъ, когда въ томъ же году разнесся слухъ о «Цыганахъ» и отрывки изъ нихъ пошли по рукамъ въ спискахъ, Пушкинъ возведенъ былъ общимъ приговоромъ въ геніальные писатели, хотя далеко еще не всѣ права на это названіе состояли у него на лицо. Кстати о спискахъ. Это напоминаетъ намъ, что Пушкинъ могъ уже и тогда избавиться отъ стѣснительныхъ условій печати, характеризовавшихъ эпоху. Издателямъ его и повѣреннымъ въ дѣлахъ стоило не малыхъ трудовъ, чтобъ помѣшать распространенію каждаго новаго его произведенія въ многочисленныхъ рукописныхъ экземплярахъ прежде посѣщенія самими оригиналами типографскаго станка, который, такимъ образомъ, становился ненужнымъ автору для сообщенія съ публикой и для пріобрѣтенія славы. Извѣстно, что одни только *денежныя соображенія*, которыя у Пушкина всегда стояли на первомъ планѣ, помѣшали всѣмъ его поэмамъ, слѣдовавшимъ за «Русланомъ», опередить примѣръ, данный позднѣе комедіей Грибоѣдова и, миновавъ цензуру и печать, — обойти весь русскій

міръ, до самыхъ крайнихъ его угловъ, въ рукописяхъ. Но мы ушли впередъ и возвращаемся къ нашему разсказу.

Прежде чѣмъ была окончена поэма «Русланъ и Людмила», надъ Пушкинымъ обрушилась давно ожидаемая и предвидѣнная катастрофа.

Подробности дѣла, кончившагося высылкой Пушкина изъ Петербурга, не вполнѣ извѣстны, такъ какъ составляютъ еще секретъ архивовъ; но можно принять за достовѣрныя и доказанныя слѣдующія извѣстія о немъ. Дѣло началось по докладу петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, который получилъ, не безъ труда и издержекъ, какъ мы слышали, копію съ извѣстной оды «Свобода» и съ нѣсколькихъ политическихъ эпиграммъ и пѣсенъ, ходившихъ подъ именемъ Пушкина въ городѣ. Многимъ уже было тогда извѣстно, что доклады генералъ-губернатора о лицахъ и происшествіяхъ, несмотря на все его добродушіе и рыцарскую правдивость, носили строгій, нѣсколько преувеличенный характеръ [1]), и не имѣли важныхъ послѣдствій только по отвращенію государя вообще къ шуму изъ пустяковъ. На этотъ разъ случилось иначе. По всѣмъ вѣроятіямъ, государь повторилъ только слова доклада, когда, встрѣтивъ на прогулкѣ, въ Царскомъ Селѣ, директора лицея Энгельгардта, сказалъ, что Пушкинъ наводнилъ Россію возмутительными стихами, которые вся молодежь учитъ наизусть. (Пущинъ, «Атеней» 1859 г. № 8). Энгельгардтъ горячо защищалъ характеръ молодого поэта, и слова его были выслушаны благосклонно. Дѣло въ томъ, что рыцарская струна въ сердцѣ государя, всегда очень чувствительнаго къ правдивому заявленію, была уже затронута поступкомъ Пушкина въ канцеляріи генералъ-губернатора, куда онъ былъ потребованъ вслѣдъ за докладомъ. Приглашенный указать свои стихи, Пушкинъ съ откровенностью и полной надеждой на высокій характеръ того, отъ имени котораго исходило приказаніе, написалъ тутъ же на-память всѣ литературные грѣхи своей музы, за исключеніемъ, впрочемъ — какъ говорили тогда — одной эпиграммы на гр. Аракчеева, которая бы ему никогда не простилась. Со всѣмъ тѣмъ можно полагать, что ни заступничество Энгельгардта, ни этотъ поступокъ самого Пушкина не въ состояніи были бы смягчить во многомъ ожидавшаго его приговора, если бы не явились еще болѣе могущественные ходатаи за поэта. Н. М. Карамзинъ, предувѣдомленный П. Я. Чаадаевымъ о бѣдствіи, грозившемъ Пушкину, поспѣшилъ къ нему на помощь и

[1]) См. Исторію г. Богдановича.

заинтересовалъ въ судьбѣ его статсъ-секретаря гр. И. А. Каподистрія, пользовавшагося еще тогда — до греческаго возстанія — великимъ довѣріемъ государя. Графъ Каподистрія, знакомый съ характеромъ настоящихъ агитаторовъ въ Европѣ, понималъ Пушкина чуть ли не лучше самыхъ близкихъ его знакомыхъ и хорошо видѣлъ, на какой основѣ тщеславія, минутныхъ увлеченій и молодыхъ страстей держится вся его политическая пропаганда. Будущій президентъ греческой республики употребилъ свое вліяніе для того, чтобы измѣнить первоначальное, довольно суровое рѣшеніе, принятое относительно памфлетиста и, благодаря еще порукѣ Карамзина, успѣлъ въ томъ. Вмѣсто ссылки въ Сибирь, которая угрожала Пушкину, или даже водворенія на покаяніе въ Соловецкомъ монастырѣ—какъ утверждаютъ нѣкоторые—все дѣло ограничилось простымъ служебнымъ переводомъ изъ Петербурга, въ канцелярію генерала И. Н. Инзова. Послѣдній, занимая должность «попечителя колонистовъ южнаго края», проживалъ въ Екатеринославѣ и состоялъ въ вѣдомствѣ того же министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ служилъ Пушкинъ и на управленіе которымъ графъ И. А. Каподистрія имѣлъ почти одинаковое вліяніе съ его оффиціальнымъ начальникомъ графомъ Нессельроде. Въ довершеніе своихъ благодѣяній, графъ предупредительно снабдилъ еще Пушкина собственноручнымъ, рекомендательнымъ письмомъ къ генералу Инзову, что̀ помогло изгнаннику нашему съ перваго же раза установить нѣкоторый родъ свободныхъ отношеній къ новому своему начальству. Все это дѣлалось свѣдома и совѣта Карамзина. 5-го мая 1820 г. Пушкинъ и покинулъ столицу.

Есть однакоже еще одна подробность, принадлежащая тоже къ этому дѣлу и опускаемая обыкновенно біографами, но весьма важная, какъ для характеристики самой эпохи, такъ и по тому обстоятельству, что въ свое время потрясла Пушкина до глубины души:—мы говоримъ о слухѣ, который еще задолго до призыва поэта къ генералъ-губернатору распространился въ городѣ и упорно держался затѣмъ нѣкоторое время. На основаніи его, во всѣхъ углахъ говорилось, что Пушкинъ будто бы былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію при тайной полиціи за вольнодумство. Когда слухъ дошелъ до Пушкина, онъ обезумѣлъ отъ гнѣва и чуть не надѣлалъ весьма серьёзныхъ бѣдъ, чему легко повѣрить, зная его представленія о чести и о личномъ человѣческомъ достоинствѣ. Черезъ пять лѣтъ онъ еще дрожалъ отъ негодованія, вспоминая о тогдашней позорной молвѣ, распущенной на его счетъ, и памятникомъ этого душевнаго состоянія ос-

тался въ его бумагахъ одинъ странный документъ отъ 1825 года. Проживая тогда въ Михайловскомъ, послѣ второй своей ссылки, и изыскивая всѣ способы освободиться отъ заточенія, Пушкинъ рѣшился обратиться съ письмомъ на имя императора; но вмѣсто дѣльнаго и согласнаго съ обстоятельствами письма, изъ-подъ пера его вылился какой-то пламенный и фантастическій монологъ, въ которомъ правдиво было только глубоко-возмущенное чувство, его подсказавшее. Письмо было набросано по-французски и выписку изъ него мы здѣсь приводимъ въ переводѣ. Разумѣется, оно никогда и ни въ какомъ видѣ не было послано. «Мнѣ было 20 лѣтъ въ 1820 г.,—говоритъ въ немъ Пушкинъ. Нѣсколько необдуманныхъ словъ, нѣсколько сатирическихъ стиховъ обратили на меня вниманіе. Разнесся слухъ, что я былъ позванъ въ тайную канцелярію и высѣченъ. Слухъ былъ давно общимъ, когда дошелъ до меня. Я почелъ себя опозореннымъ передъ свѣтомъ, я потерялся, дрался—мнѣ было 20 лѣтъ! Я размышлялъ, не приступить ли мнѣ къ самоубійству или... Но въ первомъ случаѣ я самъ бы способствовалъ къ укрѣпленію слуха, который меня безчестилъ, а во второмъ, я не смывалъ никакой обиды, потому что обиды не было: я только совершалъ преступленіе и приносилъ жертву общественному мнѣнію, которое презиралъ... Таковы были мои размышленія; я сообщилъ ихъ одному другу, который вполнѣ раздѣлялъ мой взглядъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ начать попытки оправданія себя передъ правительствомъ: я понялъ, что это безполезно. Тогда *я рѣшился выказать столько наглости, столько хвастовства и буйства въ моихъ рѣчахъ и въ моихъ сочиненіяхъ, сколько нужно было для того, чтобы понудить правительство обращаться со мною, какъ съ преступникомъ. Я жаждалъ Сибири, какъ возстановленія чести.*

«Я былъ глубоко тронутъ великодушными мѣрами правительства относительно меня, которыя окончательно уничтожили смѣшную клевету...»

Черновое письмо здѣсь обрывается, но остановимся на немъ еще одно мгновеніе.

Нѣтъ никакой возможности, на основаніи историческихъ данныхъ, принять цѣликомъ объясненіе Пушкина и повѣрить, что только изъ желанія смыть съ себя пятно, наложенное неблагородной молвой, отдался онъ задирающему либерализму и всѣмъ увлеченіямъ жизни и пера, которыя ознаменовали петербургскій періодъ его развитія. Въ отрывкѣ есть еще и смѣшеніе эпохъ: сколько намъ извѣстно, напримѣръ, въ Петербургѣ Пушкинъ ни съ кѣмъ не дрался и слова его могутъ быть отнесены только къ

эпохѣ его пребыванія въ Кишиневѣ. Истина письма заключается, какъ уже сказали, въ неудержимомъ чувствѣ негодованія, которымъ оно пропитано, благодаря одному воспоминанію о давно забытомъ слухѣ. Самый фактъ возникновенія такого слуха еще очень знаменателенъ, и если мы теперь свободно, хотя и не безъ стыда за свое довольно давнее прошлое, говоримъ о немъ съ публикой, то именно въ виду его историческаго значенія. Стóитъ только подумать, что такой слухъ зародился и находилъ себѣ полную вѣру въ нѣдрахъ того же самаго общества, которое занято было глубокомысленными нравственными и политическими вопросами, которое готовилось къ соціальному перевороту и для котораго издавалась съ высочайшаго дозволенія волюминозная книга Делольма «Конституція Англіи», даже и посвященная августѣйшему имени [1]). Позорный слухъ никого не изумилъ, никому не показался бредомъ, изрыгнутымъ какимъ-либо маніакомъ: такъ еще сходился онъ съ административными нравами вообще, съ тѣмъ, чтó всегда можно было ожидать отъ условій тогдашней русской жизни. Если вспомнить еще, что слухъ передавался тогда совсѣмъ не съ ужасомъ или негодованіемъ отъ человѣка къ человѣку, а съ шуткой и добродушной веселостью, то состояніе обстановки, въ которой жило это общесво и самыхъ его понятій о правахъ людей и чести, покажется, можетъ быть, далеко не радостнымъ.

Какъ бы то ни было, Пушкинъ покинулъ Петербургъ, конечно, неохотно, но не съ тѣмъ мрачнымъ отчаяніемъ, которое сопровождало его позже при вторичномъ насильственномъ переселеніи изъ Одессы въ Михайловское (1824). Онъ уносилъ изъ Петербурга сладкія воспоминанія и полагалъ, что разстается съ нимъ не на долго. Съ тѣхъ поръ Петербургъ никогда уже не терялъ надъ нимъ своего обаятельнаго вліянія; мы знаемъ, что несмотря на бездну новыхъ впечатлѣній, встрѣченныхъ на югѣ Россіи, Пушкинъ уже не отрывалъ глазъ своихъ отъ Петербурга. Онъ жилъ его жизнію, раздѣлялъ мысленно его удовольствія и занятія, и вмѣстѣ съ партіей друзей, тамъ оставленныхъ, боролся съ тѣми, кого они считали врагами. Въ этомъ смыслѣ замѣчаніе наше о косвенномъ вліяніи на судьбу поэта министра народнаго просвѣщенія, князя А. Н. Голицына, оправдывается фактами. Пушкинъ уже около мѣсяца жилъ въ Кишиневѣ, когда книга

---

[1]) Вотъ полное ея оглавленіе по каталогу Смирдина, гдѣ она приведена за № 2112: «Конституція Англіи, или состояніе англійскаго правленія, сравненнаго съ республиканскою формою и съ другими европейскими монархіями, соч. де-Лольма, пер. съ фр. Иванъ Татищевъ, 2 части. М. Въ универ. типогр. 1806 г. (8) 15 руб.»

Куницына, по которой онъ учился «Право естественное»—подверглась запрещенію и конфискаціи по опредѣленію ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, въ октябрѣ 1820, согласившагося съ мнѣніемъ о ней Магницкаго и Рунича. Черезъ годъ нагнала его вѣсть въ томъ же Кишиневѣ о полномъ торжествѣ мистической обскурантной партіи, объ исключеніи четырехъ профессоровъ изъ стѣнъ петербургскаго университета и проч. Извѣстія эти, изъ которыхъ послѣднее совпало еще съ возбужденнымъ состояніемъ умовъ въ Кишиневѣ, видѣвшемъ такъ сказать зародышъ греческой революціи въ своихъ стѣнахъ, и затѣмъ дальнѣйшее ея развитіе въ сосѣдней Молдавіи—открыли двухгодичный періодъ настоящаго „Sturm und Drang“ въ жизни Пушкина. Тогда-то написана была извѣстная эротическая поэма его, въ видѣ отвѣта на корыстное ханжество клерикальной партіи, наградившая потомъ автора мучительными угрызеніями совѣсти на всю жизнь, и тогда же воцаряется въ душѣ его, подъ именемъ байронизма—мракъ и хаосъ искусственно-возбужденныхъ и разнузданныхъ страстей, прорѣзываемый по временамъ полосами чистаго, свѣтлаго, цѣломудреннаго творчества. Время было страшное, и поэзія одна спасла тогда Пушкина отъ конечной потери той изящной, нравственной физіономіи, подъ которой онъ извѣстенъ русскому міру: она одна поддержала его и вывела опять на предопредѣленную ему дорогу.

П. Анненковъ.

ПОЛЖИЗНИ

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ВТОРАЯ *).

Въ сторонѣ.

I.

Въ вагонѣ я сидѣлъ одинъ. На послѣдней станціи вышелъ офицеръ въ плащѣ, съ цѣлыми двумя саблями и уродливой каской въ кожаномъ футлярѣ. Поѣздъ то-и-дѣло попадалъ въ туннели и двигался точно ощупью. Я сначала старался приглядываться къ мѣстности: ночь стояла темная, и еле-еле можно было распознать пологія очертанія Апенниновъ.

Посмотрѣлъ я на часы: около часу, а мы, по росписанію, должны были добраться ровно въ полночь; но Италія сродни матушкѣ-Россіи по безпорядочности. Спать мнѣ не хотѣлось. Я усѣлся въ уголъ и прислонившись затылкомъ къ жесткой спинкѣ, обитой волосяной матеріей, отдался отрывочнымъ мыслямъ и образамъ.

Представилась мнѣ тучная, сдобная фигура Стрѣчкова. Мы съ нимъ столкнулись въ Петербургѣ у Доминика, за двумя рюмками водки. Обрадовался онъ мнѣ чрезвычайно, точно будто насъ не раздѣляли цѣлыхъ тринадцать лѣтъ. Мотя остался Мотей и восхитилъ меня своей цѣльностью. Онъ, разумѣется, ми-

---

*) См. выше: нояб., 112 стр.

ровой судья; но кромѣ того свѣчной и конный заводчикъ, винокуръ и хлѣбный торговецъ.

— Въ Нижній, братъ, пробираюсь, говорилъ онъ, посапывая, всякой штуки искупить, шпіалтеру, того-другого, да и ко дворамъ. У меня, вѣдь, пятеро пискленковъ. Ну, а ты что́?

— Я графскій управитель, отвѣтилъ я съ усмѣшечкой.

— Изъ какого же шута ты такъ застрялъ у дяденьки Платона Дмитріевича? Или при тетенькѣ состоишь?

Онъ расхохотался на весь ресторанъ.

Меня хохотъ этотъ не покоробилъ: напротивъ, я продолжалъ любоваться типомъ моего Стрѣчкова.

— Вѣдь она, братъ, старая баба теперь. Ей поди за сорокъ перевалило.

— Тридцать восемь, выговорилъ я обстоятельно.

— Ну, не все равно. Нѣтъ, я тебя, дружище, не понимаю. Такой ты ученый и толковитый — и до сихъ поръ состоишь въ услуженіи у графа Кудласова. Да въ тебѣ пороху-то въ десять разъ больше, чѣмъ въ дяденькѣ. Доро́ги тебѣ что-ли нѣтъ? Куда хочешь: профессоромъ,—ныньче вонъ нѣсколько академій земледѣльческихъ, или директоромъ завода, банка, дорожной компаніи. Слава тебѣ Господи: всѣ только и кричатъ, что людей нѣтъ!

Онъ спросилъ пива и усѣлся за столикомъ—усовѣщевать меня. Чтобъ его сколько-нибудь успокоить, говорю я ему:

— Куда-жъ мнѣ торопиться, я еще не старикъ. Прошелъ я хорошую школу, кое-какую деньгу скопилъ. Вотъ поѣду еще разъ посмотрѣть на заграничные порядки—а тамъ и начну что-нибудь.

— Развѣ такъ, откликнулся онъ; только я, признаться сказать, думалъ, что ты здѣсь какимъ-нибудь тузомъ акціонернымъ—право.

— Напрасно думалъ, наставительно возразилъ я.

И мы облобызались. На другой день мы оба выѣхали изъ Петербурга: онъ къ Макарію—я въ Вѣну. Эта встрѣча съ Стрѣчковымъ точно нарочно кѣмъ поставлена была въ преддверіи моей поѣздки. Судьба говорила: «на вотъ, погляди на того простачка, котораго ты перетаскивалъ изъ курса въ курсъ. Видишь, и онъ взялъ нотой выше тебя. Онъ сидитъ на трехъ китахъ и ничѣмъ ты его не сдвинешь. А ты!»

Но судьба не очень-то опечалила меня такимъ поученіемъ. Я думалъ о Стрѣчковѣ, сидя на жесткомъ диванѣ вагона, вовсе не затѣмъ, чтобы язвить себя: мнѣ просто было пріятно вызы-

вать его фигуру воображеніемъ и чувствовать при этомъ, что отъ нея пышетъ чѣмъ-то своимъ.

— Firenze, Firenze! закричали въ носъ кондукторы, и поѣздъ въѣхалъ подъ освѣщенный навѣсъ.

Дверцу отворили, и служитель пожелалъ взять мои вещи. Тутъ, въ третій разъ, на итальянской почвѣ, я поблагодарилъ мою наставницу за то, что она пріучила меня хоть немного къ итальянскому языку.

Мой «Бедекеръ» рекомендовалъ мнѣ недорогую гостинницу «*Porta Rossa*», существующую больше для commis-voyageur'овъ. Я такъ и распорядился. Но омнибуса отъ этого отеля не оказалось: поѣздъ опоздалъ на цѣлыхъ два часа.

— Ragazzi! крикнулъ толстый багажный служитель, и два какихъ-то оборванца потащили мой сундукъ къ каретѣ.

Ночь стояла звѣздная, но очень темная и такая теплая, что мнѣ даже не вѣрилось. Карета въѣхала въ улицу, вымощенную плитами, и шумъ ея звонко раздавался между высокими, грандіозными домами. Улица похожа была на гостиную по своей чистотѣ и изяществу. Я глядѣлъ направо и налѣво. Съ угла какого-то палаццо раздались престранные звуки. Одинъ голосъ пѣлъ мелодію, а другой аккомпанировалъ на одной гудящей нотѣ, точно на волчкѣ или дребежащей пластинкѣ. Только-что стихла въ отдаленіи эта музыка, мы повернули въ узкую улицу. Подъ фонаремъ темнѣлась фигура полицейскаго, въ длинномъ сертукѣ и трех-угольной шляпѣ.

— Ecco la Porta Rossa! крикнулъ мнѣ оборванецъ, помѣстившійся рядомъ съ кучеромъ, и соскочивъ съ козелъ принялся звонить.

Не сразу намъ отперли. Сонный швейцаръ ввелъ меня въ сѣни, гдѣ мнѣ пришлось еще поторговаться съ кучеромъ.

Дали мнѣ большущую комнату съ двумя кроватями—другой не случилось. Я такъ проголодался, что радъ былъ куску сыра и красненькому винцу въ красивой переплетенной въ солому «фіаскѣ». Тревоги я не чувствовалъ. Ложась спать подъ кисейный пологъ, я проговорилъ, совершенно по-дѣтски:

— Утро вечера мудренѣе.

II.

Гида я не потребовалъ. Вооруженный «Бедекеромъ» и планомъ Флоренціи, я захотѣлъ добиться всего самъ: такъ я дѣлалъ даже въ Лондонѣ, да и тамъ въ накладѣ не былъ. Я зналъ адресъ графини, и выходя утромъ изъ отеля, уже сообразилъ: какимъ путемъ я доберусь пѣшкомъ до окрестности парка *Cascine*, гдѣ она жила.

Узкая, живая, чисто-итальянская улица съ крытымъ базаромъ, вереницей лавокъ, цвѣточнымъ рынкомъ, съ тратторіями, кабачками, лоттерейными бюро, съ гамомъ и говоромъ простонародья, съ криками ословъ и ржаніемъ маленькихъ тосканскихъ лошадокъ, запряженныхъ въ одноколки — привела меня къ площади: *della Signoria*.

Она мнѣ такъ пришлась по вкусу, что я пробылъ на ней съ полчаса. Много про ея прелестные размѣры и очертанія говорила мнѣ графиня, и въ самомъ дѣлѣ это—игрушка, но игрушка грандіозная, такая, которая цѣликомъ окунетъ васъ во все прошлое Флорентинской республики. Площадь покрыта была группами разнаго люда: послѣ мнѣ объяснили, что тутъ биржа для подгородныхъ крестьянъ. Было около десяти часовъ. Солнце на порядкахъ пекло. Я укрылся подъ «Logge», гдѣ уже двѣ англичанки въ синихъ вуаляхъ провѣряли по красной книжкѣ: всѣ ли статуи находятся въ исправности.

Я бы не ушелъ такъ рано съ площади, еслибъ не рѣшилъ быть у графини къ одиннадцати часамъ.

На самую средину площади противъ «Palazzo Vecchio» выбѣжало нѣсколько кучеровъ въ куцыхъ пальто и цвѣтныхъ широкихъ штанахъ, и стали приставать ко мнѣ со своими зазываньями.

— Мушью, мушью, кричали одни, una bona vettura aperta.

— Cascine? Colli? допытывали другіе.

Я угрюмо миновалъ этихъ наѣздниковъ и побрелъ себѣ по образу пѣшаго хожденія, помня сколько мнѣ разъ нужно было повернуть, чтобы попасть на прямой путь. По плану значилось: дойти до собора и взять налѣво, потомъ опять налѣво, а тамъ направо и, выйдя на площадку, идти по улицѣ, которая и должна была довести меня до обѣтованнаго пункта. Съ гордостью подходилъ я къ парку Cascine: я ни разу не сбился. Тутъ только спросилъ я у какой-то простоволосой старушки, въ ситцевомъ фартукѣ:

— Villino Ruffi?

Она, шамкая, добродушно отвѣтила:

— Eccolo — qui! И показала мнѣ рукой на рѣшетку дома, на противуположной сторонѣ нарядной и совершенно пустой улицы, облитой сплошь солнцемъ.

Приблизился я къ рѣшеткѣ. Сквозь нея видѣнъ былъ большой палисадникъ съ клумбами цвѣтовъ, кустами олеандровъ и темными купами хвойныхъ и каштановыхъ деревьевъ. Прямо противъ рѣшетки, позади зеленой лужайки, стоялъ главный корпусъ въ три этажа съ маленькимъ бельведеромъ. По бокамъ родъ двух-этажныхъ флигелей.

«Неужели это она все нанимаетъ? подумалъ я, и еще разъ прочелъ на фарфоровой дощечкѣ, вдѣланной въ столбъ: «Villino Ruffi».

Я позвонилъ. Половинка желѣзныхъ воротъ сама щелкнула и отворилась. Войдя въ садикъ, я разсудилъ, что направо дверка вела къ привратнику. Дѣйствительно, краснолицая женщина съ усами и бородавкой высунулась изъ окна.

Мой вопросъ: «тутъ ли живетъ графиня Кудласова», она поняла и указала мнѣ на крыльцо дома съ бельведеромъ. Только-что я приблизился къ этому крыльцу, какъ на него выбѣжали: маленькій грумъ въ курточкѣ и черномазенькая, коренастая, вертлявая горничная, въ короткой цвѣтной юбкѣ и бархатномъ спенсерѣ, и начали выколачивать небольшой коверъ. Горничная кричала хриповатымъ голосомъ, закидывала голову назадъ, хохотала и всячески извивалась всѣмъ своимъ тѣломъ.

— La comtesse Koudlassoff? спросилъ я ее по-французски, думая, что она француженка.

Битье ковра остановилось. Она встрепенулась, соскочила съ крыльца на землю, близко - близко подбѣжала ко мнѣ, закинула назадъ свой взбитый шиньонъ въ сѣткѣ и затараторила. Я понялъ только фразу:

— La signora e fuori...

— Dove? съумѣлъ спросить я.

— A Cascine...

И вдругъ, точно спохватившись, она поправилась:

— Non so precisamente... Lei e il signor conte?

— No, объяснилъ я ей и, ничего не говоря, отправился къ рѣшеткѣ.

Она забѣжала впередъ, взяла меня даже за руку и улыбаясь, подпрыгивая и виляя станомъ, повторяла:

— Lei reverra, lei reverra?

— Si, si, отдѣлывался я отъ нея.

Она еще что-то болтала: кажется, спрашивала мою фамилію; но я только махнулъ рукой и повернулъ изъ воротъ направо: я разсудилъ прогуляться въ паркѣ и вернуться часа черезъ два.

О Колѣ я не хотѣлъ ничего спрашивать у этой егозы.

III.

Вышелъ я на большую площадь. Въ глубинѣ виднѣлась каменная ограда парка съ двумя воротами. Посрединѣ шла широкая дорога между двумя овальными насыпями, устроенными для сидѣнья гуляющихъ на каменныхъ лавкахъ, подъ деревьями. Солнце такъ слѣпило глаза, что я долженъ былъ прищурить ихъ. А изъ воротъ парка зелень аллей манила подъ густую тѣнь старыхъ дубовъ и платановъ. Я взглянулъ на небо: отъ синевы его даже жутко дѣлалось: такой бездонной казалась она. Налѣво, на самомъ верхнемъ краю горизонта, прорѣзывали воздухъ легкіе темно-синіе конусы кипарисовъ, изъ-за которыхъ выглядывалъ портикъ бѣлаго зданія съ башенкой и крестами.

Такая картина обдаетъ васъ сразу горячей, блистающей жизнью юга. Грудь точно расширится и впиваетъ въ себя жаркій и влажный воздухъ.

Меня чуть не сбилъ съ ногъ какой-то франтикъ въ сѣренькомъ пиджачкѣ: онъ прокатилъ на велосипедѣ. Это заставило меня обратить вниманіе на другихъ такихъ же любителей велосипеда, сновавшихъ взапуски по одной сторонѣ площади. На углу той улицы, откуда я вышелъ, разсмотрѣлъ я лавку, гдѣ отдаются на прокатъ эти самые велосипеды. Тутъ же прочелъ я, что площадь называется: «Piazza degli Zuavi».

Бедекеръ не посовѣтовалъ мнѣ запастись полотнянымъ зонтикомъ отъ солнца, и я заторопился въ аллею, уходившую неизвѣстно куда, только очень далеко. Влѣво отъ аллеи попалъ я подъ настоящую тѣнь парка и тихо двигался по тропинкѣ. Мнѣ очень хорошо дышалось. Вспомнилъ я свой заказной боръ, Ивана Петрова и его пчельникъ и, ни о чемъ тяжеломъ не думая, шелъ себѣ впередъ, какъ малое дитя. Меня все тѣшило: и прозрачность воздуха, и вѣковые стволы деревьевъ, густо обвитыхъ плющемъ, и темная южная ихъ листва, и звонкое рѣзанье какой-то птицы, и страстная, немолчная музыка кузнечиковъ. Вправо, сквозь дальній край аллеи виднѣлась огромная луговина. На ней учились солдатики, всѣ въ бѣломъ. А на самомъ дальнемъ планѣ

выступали невысокіе холмы съ розовымъ отливомъ, покрытые точно дымкой, сквозь которую бѣлѣлись на уступахъ домики и виллы. Откуда-то летѣлъ поѣздъ, и паровикъ локомотива, точно какая жаръ-птица, разрывалъ дымчатую даль...

Молодо было у меня на сердцѣ и я невольно благословилъ это южное утро, показавшее мнѣ, что не даромъ я хвалился самъ себѣ своей выносливостью.

Дойдя до перекрестка съ старымъ каменнымъ колодцемъ, я почувствовалъ голодъ: мудренаго ничего не было—я ушелъ на тощакъ. Позади, у самаго входа въ паркъ я замѣтилъ что-то-похожее на кандитерскую, но идти назадъ мнѣ нехотѣлось; отдохнувши у колодца, двинулся я дальше, дошелъ до какой-то пирамиды и вступилъ въ боковую аллею. Изъ-за низкой каменной ограды, съ круглыми павильонами по бокамъ, выставлялся двухэтажный домъ, позади палисадника. Я прочелъ вывѣску: *Caffè e ristoratore.*

И въ этомъ мнѣ была удача: я разсудилъ сдѣлать привалъ.

Черезъ палисадникъ, очень-таки запущенный, прошелъ я къ крыльцу ресторана. Вдоль всего фасада стояли въ тѣни зеленые диваны и стулья. Ко мнѣ выскочилъ черноватый курчавый малый, маленькаго роста, съ краснымъ и потнымъ лицомъ, въ затрапезномъ сертучишкѣ, такой же почти вертлявый, какъ и мамзель въ Villino Ruffi. — Было всего часовъ одиннадцать, а отъ него уже шли винные пары.

На мое желаніе чего-нибудь закусить, онъ однимъ духомъ пустилъ: — *C'è* brodo, *c'è* bistecca, *c'è* eccelentissimo bove, con fagiolini al burro...

Такъ онъ *зачекалъ*, что я долженъ былъ попросить его говорить порѣже. Онъ согласился, и плутовато усмѣхнувшись, обошелся со мной, какъ съ неумѣлымъ *форестьеромъ*, т.-е. самъ мнѣ, долго не думая, притащилъ порцію бифштекса и чашку плоховатаго бульона съ натертымъ сыромъ. Прислуживалъ онъ, несмотря на свои винные пары, ловко и, такъ сказать, умно. Его рьяная фигура мнѣ нравилась. Я даже спросилъ, какъ его звать.—Звать его Филиппо, или въ сокращеніи: Пипо.

Пипо разсказалъ мнѣ всякую штуку: какъ великъ паркъ, въ которомъ часу здѣсь катаются господа изъ Флоренціи, гдѣ находится модное кафе, тиръ и зданіе бывшей молочной фермы; но добавилъ, что теперь тамъ молока нѣтъ, ибо —

— Le bestie non ci sono piu!

И такъ онъ выпалилъ слово *бестіе*, что я даже разсмѣялся

отъ удовольствія: позавидовалъ бы ему каждый майоръ въ произношеніи этого звука.

Подавая мнѣ чашку кофею, Пипо продолжалъ меня «оріентировать», по любимому выраженію графа Платона Дмитріевича. Я узналъ отъ него, что въ ресторанѣ я могу имѣть обѣдъ хоть въ девять часовъ вечера; что на задахъ дома происходятъ рысистые бѣги въ туземныхъ таратайкахъ, и удобно упражняться на велосипедахъ; что ѣздятъ даже и дамы, и могутъ переодѣться тутъ же на верху, въ особой комнатѣ. Онъ припомнилъ какую-то иностранку, которая на-дняхъ каталась на велосипедѣ.

— Una signora russa! взвизгнулъ онъ и сдѣлалъ рукой итальянскій жестъ, точно онъ что̀ хотѣлъ засунуть себѣ въ носъ.

— Russa? переспросилъ я его.

— Si signor, magnifica!..

И онъ даже подмигнулъ лѣвымъ глазомъ.

Мы разстались друзьями. Я обѣщалъ ему захаживать. Этотъ ресторанчикъ избавлялъ меня отъ необходимости ходить въ городъ за ѣдой; а съ графиней я что-то не разсчитывалъ обѣдать.

IV.

По указаніямъ Пипо отправился я все той же боковой узкой аллеей къ большой площадкѣ, гдѣ посрединѣ цвѣтника возвышалась ротонда, съ китайской крышей на тонкихъ столбикахъ. Я еще не добрелъ до площадки, какъ вдругъ изъ-за угла поперечной аллеи показались двѣ фигуры, и черезъ нѣсколько секундъ поровнялись со мною.

— Коля! вскрикнулъ я.

Предо мной дѣйствительно стоялъ Коля. Онъ ужасно выросъ и смотрѣлъ чистымъ итальянцемъ: такъ онъ загорѣлъ. Стройное его тѣло казалось еще гибче и тоньше въ сѣромъ костюмѣ съ широкими панталонами, подобранными въ штиблеты. Соломенная шляпа сидѣла на затылкѣ по иностранному.

Онъ точно не сразу узналъ меня. Потомъ что-то нехорошее проскользнуло у него по широкому лбу и отразилось въ усмѣшкѣ.

— А, Николай Иванычъ! безъ всякой радости выговорилъ онъ и, какъ большой, подалъ мнѣ руку.

Я пожалъ ее, бросивъ взглядъ не столько на него, сколько на его спутника.

Съ нимъ шелъ рослый и плечистый молодой малый, съ полнымъ румянымъ лицомъ и русой, красивой, точно четырехуголь-

ной бородкой. Онъ былъ одѣтъ весь въ желтоватый полотняный костюмъ; на головѣ коричневая шляпа такой формы, какія носятъ пѣвцы въ «Гугенотахъ». Сразу я узналъ русскаго, лицо такъ и сіяло по *нашему*, по-русски, не то что самодовольствомъ, а какъ-бы смѣсью удали съ добродушіемъ.

— Николай Иванычъ Гречухинъ? обратился онъ ко мнѣ, приподнимая шляпу.

— Да-съ, отвѣтилъ я съ недоумѣніемъ.

— Графиня ждетъ васъ и графа съ княжной цѣлыхъ три дня, продолжалъ онъ, не мѣняя своей сіяющей улыбки. Вы одни пріѣхали?

— Одинъ.

— Леонидъ Петровичъ! крикнулъ ему Коля пріятельскимъ тономъ; я пойду за почтой, а вы проводите *monsieur* Гречухина... Да?..

И не дожидаясь отвѣта, онъ побѣжалъ по направленію къ ресторану.

Мы остались въ аллеѣ другъ противъ друга въ выжидательныхъ позахъ. Я рѣшительно не зналъ, съ чѣмъ къ нему обратиться.

За то онъ нашелся, и протягивая мнѣ руку, груднымъ голосомъ проговорилъ:—Позвольте представиться: кандидатъ правъ—Рѣзвый. Прошу любить да жаловать.

Такой молодостью и свѣжестью дышала вся фраза господина Рѣзваго, что я отвѣтилъ очень искренно на его рукопожатіе.

— Пойдемте, заговорилъ онъ, я васъ проведу къ графинѣ. Она тамъ, за цвѣтникомъ на скамейкѣ. У ней образовалась привычка: утромъ сидѣть въ паркѣ, читать здѣсь газеты и письма, иногда работать. Только жаръ началъ одолѣвать. Графиня жалѣетъ, что поторопилась пріѣхать съ водъ; да оттуда погода прогнала. А на море еще рано.

Все это сообщалъ онъ мнѣ, не желая меня занимать, а просто такъ, между прочимъ. Съ нимъ мнѣ стало очень легко.

— Вы здѣшній житель? полюбопытствовалъ я.

— Нѣтъ! Въ Италію я заѣхалъ какъ туристъ... а во Флоренцію собственно я попалъ очень недавно. Я ужъ третій годъ за границей.

— Живете себѣ такъ, или съ спеціальной цѣлью?

Я посланъ былъ отъ университета. Но срокъ мой кончился, и я остался еще на годъ. Не знаю: получу ли магистра, или нѣтъ, но я того мнѣнія, что для профессуры по политическимъ наукамъ надо пройти практическую школу публициста: все видѣть, вездѣ побывать. Книжной учености мало.

— Вы и разъѣзжаете, сказалъ я.

— Я бы и еще поѣздилъ! вскричалъ онъ весело и тономъ истаго юноши; да у меня всего до сентября финансовъ хватитъ!.. По неволѣ поплетешься: сдавать экзаменъ и кончать диссертацію.. А здѣсь-то какъ хорошо!—а?.. Чудо!..

Онъ остановился, снялъ шляпу и вскинулъ свои свѣтло-каріе глаза на синее, бездонное небо.

Жизнь брызгала изъ всѣхъ поръ господина Рѣзваго. Я даже заглядѣлся на него и тутъ же вспомнилъ курьёзное объявленіе, прочитанное мною по дорогѣ въ Вѣнѣ, въ тамошнемъ Tagblatt'ѣ. Какая-то дѣвица желала провести пріятно время съ благороднымъ иностранцемъ. Она называла себя: «eine lebenslustige Blondine». Это слово *lebenslustig* точно выпрыгнуло у меня изъ головы, глядя на господина Рѣзваго. Такъ я его и прозвалъ съ той же минуты: «жизнерадостный».

Мы стояли съ нимъ подъ тѣнью древняго бука, лицомъ къ луговинѣ, посреди которой посажено въ рядъ четыре дерева. Солнце обливало ихъ искристымъ свѣтомъ, и въ промежутки ихъ стволовъ луговая зелень врывалась веселыми полосами. Не хотѣлось оторваться отъ блистающей картины, такой же жизнерадостной, какъ и мой собесѣдникъ.

— Да, хорошо здѣсь живется! откликнулся я.

— А посмотрите въ эту сторону, пригласилъ онъ меня рукой: какъ красива эта площадка. Вечеромъ бываетъ большой съѣздъ экипажей.

Изъ-за деревьевъ выглядывало красное зданіе съ галереей и крыльцомъ желтоватаго цвѣта.

— Тутъ вотъ и были самые cascine, т.-е. по нашему хлѣвы и молоко...

— Но теперь, перебилъ я: le bestie non ci sono piu.

— Э, да вы все это знаете, и по-итальянски вы—тово́.. Извините за болтовню и поспѣшимъ къ графинѣ... Намъ только перейти вотъ эту аллею.

Мы перешли и очутились на дорожкѣ большого цвѣтника съ ротондой. Спутникъ мой оглянулся направо и налѣво, прищуривъ свои красивые глаза.

— Вонъ графиня тамъ, въ тѣни куста... Позвольте васъ довести и сдать съ рукъ на руки.

Онъ повелъ меня по дорожкѣ къ дальней скамьѣ, стоявшей противъ деревянной лѣсенки, придѣланной къ ротондѣ. Я не сразу узналъ фигуру графини: она мнѣ показалась миніатюрнѣе, и поза ея была мнѣ что-то неизвѣстна.

V.

— Варвара Борисовна, вотъ вамъ гость! вскричалъ Рѣзвый, подводя меня къ скамьѣ.

Графиня приподнялась и какимъ-то неловкимъ, ей несвойственнымъ движеніемъ, протянула мнѣ руку. Я былъ озадаченъ ея внѣшностью: на самомъ темени сидѣла высокая шляпа со множествомъ цвѣтовъ и лентъ, нѣчто въ родѣ башни. На лобъ спускались завитые волосы, отчего этотъ прекрасный лобъ совсѣмъ почти исчезалъ и все лицо дѣлалось сдавленнымъ и некрасиво-широкимъ. Глаза стали точно больше и удлиннились какъ-то странно. Во всемъ туалетѣ сказывалась моложавость, не совсѣмъ идущая даже къ такой моложавой женщинѣ, какъ графиня; платье было свѣтлое съ кружевами и всякими оборками. Никогда я не видалъ графиню *такою.* Я врядъ ли бы и узналъ ее, еслибъ проходилъ мимо одинъ.

— Николай Иванычъ! выговорила она съ тревожной улыбкой и точно не зная: сѣсть ей опять, или постоять еще... Что-жъ вы не телеграфировали?

Я ничего не отвѣчалъ и поцѣловалъ ея руку. Ей это какъ будто не понравилось, по крайней мѣрѣ я не почувствовалъ въ рукѣ никакого пожатія.

— Сегодня пріѣхали? спросила она, опускаясь на скамью.

— Вчера, графиня, отвѣтилъ я, продолжая разглядывать ее.

— Вы гдѣ разъѣхались съ графомъ?

Она выговорила это точно съ неудовольствіемъ.

— Они поѣхали въ Парижъ на Берлинъ, а я на Вѣну и Тріестъ.

— Когда же ихъ ждать наконецъ?

Всѣ эти вопросы кидала она тономъ, который опять-таки озадачивалъ меня; слышались ноты, мнѣ положительно неизвѣстныя.

— Вы получите сегодня письма, сказалъ успокоительно Рѣзвый. Вотъ Коля сейчасъ придетъ. А мнѣ позвольте раскланяться.

— Куда это? окликнула тревожно графиня и, улыбаясь для меня непонятнымъ манеромъ, прибавила: я васъ не отпущу, вы будете съ нами завтракать.

— Невозможно графиня, воля ваша. Вотъ ужъ больше недѣли, какъ у меня лежатъ русскія книги на желѣзной дорогѣ... Надо же за ними съѣздить; а то меня заставятъ заплатить штрафъ.

— Полноте, капризно упрашивала она, не ѣздите.

— Позвольте васъ ослушаться... въ первый разъ, разсмѣялся

Рѣзвый, и тотчасъ же обратился ко мнѣ. Если вамъ понадобится что-нибудь на счетъ квартиры, или осмотрѣть городъ — я къ вашимъ услугамъ, Николай Иванычъ, во всякое время... я вѣдь здѣсь никакимъ особымъ дѣломъ не занимаюсь... Вотъ моя карточка. До свиданія.

Онъ пожалъ руку и мнѣ, и графинѣ, и пошелъ веселой и красивой походкой. Еслибъ, удаляясь, онъ, какъ герцогъ въ Риголетто, запѣлъ:

La donna è mobile—

я бы не удивился: такъ вся его особа, съ средневѣковой шляпой на головѣ, дышала чѣмъ-то удалымъ и подходящимъ къ обстановкѣ.

— Какой пріятный юноша! замѣтилъ я вслухъ, указывая на него головой.

-- Почему же юноша? перебила меня графиня съ явственнымъ раздраженіемъ въ голосѣ; онъ давно мужчина...

— Конечно, но въ немъ ужасно много молодости.

— А вамъ завидно?

Я взглянулъ на нее съ удивленіемъ и проговорилъ:

— Если хотите—да, но только безъ всякой злобы. Напротивъ, мнѣ всегда хорошо бываетъ съ такимъ юнымъ народомъ. Они— не то что мы, не такъ выросли...

— Ну, полноте резонировать, перебила меня графиня; что́ вы все стоите, сядьте, разскажите какъ вы добрались, на долго ли къ намъ?

Она стала поспокойнѣе; но я ее все-таки не узнавалъ. Что-то напряженное и неестественно-холодное было въ ней.

— На долго ли я прибылъ? переспросилъ я; да какъ прикажете. Вы, я слышалъ, на море собираетесь, ну такъ до тѣхъ поръ хоть...

— Вы были у меня на квартирѣ?

— Заходилъ и имѣлъ удовольствіе познакомиться, кажется, съ вашей камеръ-юнгферой.

— Брюнетка, живая такая?

— Да, ужъ больно что-то живая.

— Извините, здѣсь вѣдь не Россія — у здѣшнихъ женщинъ кровь въ жилахъ... Я занимаю второй этажъ. Графъ непремѣнно настаиваетъ, чтобы помѣститься въ одной квартирѣ. Я нашла это совершенно неудобнымъ.

— Неудобнымъ? окликнулъ я.

— Ну, да, нервно подтвердила она; у меня квартира такая,

что я не могу поставить лишнихъ двѣ кровати, для графа и для моей дочери... Она большая особа, ей нужна отдѣльная спальня... а лишней комнаты нѣтъ въ этомъ этажѣ.

— Такъ какъ же вы устроитесь? спросилъ я, сдерживая какое-то раздраженіе, которое начинало въ меня закрадываться.

— Графъ помѣстится внизу, съ Наташей... Тамъ три комнаты съ передней. Я наняла ихъ. Если хотите, и вы могли бы тамъ жить... Только удобно ли вамъ? Здѣсь теперь квартиры въ каждомъ домѣ, сезонъ конченъ... вы найдете легко... и будете платить понедѣльно.

— Да ужъ какъ-нибудь помѣщусь, не извольте безпокоиться.

Вышла пауза.

«Что-жъ это такое? спросилъ я себя, развѣ *такъ* намъ слѣдуетъ говорить съ глазу на глазъ».

Она обдернула кружева на рукавѣ и, глядя на меня вкось, спросила:

— Вы должны были встрѣтить Колю?

— Встрѣтилъ, вздохнулъ я.

— Какъ онъ вамъ понравился?

— Выросъ и возмужалъ: будетъ красавецъ.

— Вамъ онъ... обрадовался?... нерѣшительно выговорила она.

— Не очень. Вы, кажется, напрасно возлагали надежду на годичное житье за-границей... У него какая-то кровная нелюбовь ко мнѣ.

— Ахъ полноте... вы увидите, что онъ очень исправился, только у него натура суховатая: какъ съ этимъ быть?

Лицо ея затуманилось; я увидалъ знакомое мнѣ выраженіе душевной заботы.

— Я и не возмущаюсь, откликнулся я, насильно милъ не будешь; да и съ какой стати мнѣ заявлять на него какія-то особыя права?

Она не прерывала меня, только опустила глаза.

— Пускай меня не любитъ, только бы прокъ изъ него какой-нибудь вышелъ.

И на это она ничего мнѣ не отвѣтила.

— Два письма, мама, два письма! раздался голосъ Коли, отъ котораго мы оба вздрогнули,

Онъ подбѣжалъ и подалъ ей письма.

— Ты видѣлся съ Николаемъ Иванычемъ? спросила его мать.

— Да, кинулъ онъ небрежно, тамъ въ аллеѣ.

— Чтожъ ты ничего не спросишь его... объ отцѣ?

— Да вѣдь папа ѣдетъ сюда... Прощай мама, мнѣ кататься надо...

Не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія, мальчикъ повернулся и побѣжалъ.

— Вы видѣли?.. прошепталъ я.

Графиня точно не слыхала моего вопроса и углубилась въ чтеніе письма. Не докончивъ, она вскинула на меня головой и раздражительно заговорила:

— Этотъ графъ ни на что не похожъ... тащится со мной въ Ливорно и Наташу туда же везетъ!.. Къ чему это?

— Ей бы недурно было покупаться, она такая анемическая.

— Все вздоръ!.. мы всѣ безкровныя до замужства... Кому же это неизвѣстно? Замужъ ее надо поскорѣе... Ѣхать цѣлой семьей... Какъ это пріятно! Надо нанимать цѣлую виллу, графъ захочетъ и того, и другого... А я бы помѣстилась попросту — въ chambres garnies...

Она сдѣлала языкомъ недовольный звукъ, и принялась за другое письмо.

— Что это, Николай Иванычъ, прервала она свое чтеніе, какому стилю вы научили вашу воспитанницу.

— Наташу? спросилъ я.

— Да; вѣдь это Богъ-знаетъ какая восторженность!.. Увидала Парижъ и расплывается въ самыхъ смѣшныхъ фразахъ... Вотъ хоть бы это: «чувствуешь, на этой площади, что тутъ совершались великія событія...»

— Что-жъ въ этой фразѣ смѣшного? серьёзно спросилъ я.

Графиня немного точно смутилась.

— Для такой дѣвочки—это ненатурально!..

Она дочла письмо, и рѣзко вставъ со скамьи, сказала:

— Доведите меня до дому. Пора завтракать. А потомъ мы и васъ устроимъ.

VI.

Леонидъ Петровичъ Рѣзвый рѣшительно обворожилъ меня: съ такимъ добродушіемъ устраивалъ онъ мнѣ житье во Флоренціи. Уклоняться отъ его услугъ я не могъ, да и не захотѣлъ бы: слишкомъ достолюбезно онъ себя навязывалъ. Онъ повелъ меня смотрѣть квартиры, по близости *Villino Ruffi*, самъ бѣгалъ по разнымъ этажамъ, звонилъ, разспрашивалъ о цѣнахъ, хотя по-итальянски маракуетъ куда плоше моего. Нанялъ я у какой-то англичанки, съ которой обстоятельно при этомъ объяснился, боль-

шую комнату съ маленькой спальней, на двѣ недѣли. Всѣ ея квартиры стояли, по случаю лѣтняго времени, пустыми, и она взяла съ меня тридцать франковъ съ прислугой и посудой.

Самъ Леонидъ Петровичъ помѣщался тоже въ двухъ шагахъ отъ *Villino Ruffi*, на той же самой улицѣ. А моя улица — Via Magenta—идетъ къ той параллельно. У меня передъ окнами узкій каналъ, ярко освѣщенный по ночамъ. Въ первую ночь Рѣзвый довелъ меня до квартиры и поболталъ минуту-другую на крыльцѣ. Мы съ нимъ вернулись вмѣстѣ отъ графини, гдѣ провели весь вечеръ. Обѣдалъ я съ ней и съ Колей, и бесѣда наша была какая-то десятипудовая по своей тяжести. Коля сидѣлъ развязно, поглядывая то на меня, то на мать своими злыми и умными глазами, и то-и-дѣло ухмылялся. Эти усмѣшки раздражили даже и графиню. Она ему рѣзко сказала по-французски:

— Qu'est ce que tu as donc à sourire si bêtement?

Онъ не задумался отвѣтить ей съ фальшивой кротостью:

— Je ne sais pas maman, c'est peut-être l'arrivée de monsieur (и онъ кивнулъ на меня) qui m'a rendu comme-ça.

Мы оба переглянулись, и графиня только пожала плечами. А Коля, ни мало не смущаясь, принялся за ѣду, поглядывая на меня изподлобья.

Ясно мнѣ было, что графиня болѣе, чѣмъ не въ своей тарелкѣ. Она то угощала меня, то задавала разные вопросы, безъ связи и внимательности, оглядывалась какъ-то, жаловалась на жару—словомъ, находилась въ такомъ возбужденномъ состояніи, въ какомъ я ее не видалъ въ теченіи двѣнадцати лѣтъ.

Послѣ обѣда мы перешли въ садъ, подъ тѣнь виноградныхъ лозъ, покрывающихъ густой трельяжъ. Туда принесли кофе и фрукты. Но и тамъ разговоръ рѣшительно не клеился. Я не хотѣлъ задавать ей никакихъ вопросовъ и держалъ себя спокойно; но и мнѣ становилось жутко. Около бесѣдки вертѣлся Коля, то-и-дѣло заглядывалъ къ намъ, выпрашивалъ себѣ фигу или персикъ, и убѣгалъ.

Въ одно изъ такихъ нападеній на вазу съ фруктами, Коля уставился на свою мать: лицо графини, въ эту минуту, сдерживало не то зѣвоту, не то какое-то физическое страданіе.

— Comme tu t'ennuies maman! вскричалъ онъ,—veux tu que j'aille chercher Леонидъ Петровичъ?

Не дожидаясь отвѣта, онъ выбѣжалъ изъ бесѣдки. Я поглядѣлъ на графиню: она вся встрепенулась, глаза ея сначала блеснули, потомъ скрылись подъ рѣсницами, что-то похожее на ру-

мянецъ покрыло ея щеки. Она видимо смутилась, какъ дѣвочка, какъ пансіонерка.

— Этотъ мальчикъ можетъ хоть кого вывести изъ терпѣнія! вырвалось у ней послѣ паузы... Кажется, я его не балую, а все-таки съ нимъ справу нѣтъ...

Я промолчалъ.

— Право не лучше ли будетъ вамъ взять его съ собою назадъ?

— Мнѣ? спросилъ я съ изумленіемъ.

— Ну да, вы должны же добиться того, чтобы онъ подчинился вашему вліянію. Все это было выговорено раздражительнымъ голосомъ. Не знаю: куда бы привела насъ бесѣда, еслибъ опять не вбѣжалъ Коля съ извѣстіемъ, что Леонидъ Петровичъ сейчасъ будетъ.

Вслѣдъ за вѣстникомъ явился и самъ гость, и заговорилъ о театрѣ какихъ-то «механическихъ маріонетокъ», куда онъ усиленно началъ звать меня.

— Вы нахохочетесь, Николай Иванычъ, особливо когда выскочатъ танцовщицы на проволокахъ и начнутъ дрягать ножками!.. Цѣлыя драмы даются съ участіемъ арлекина...

— Ха, ха, ха! разразился Коля, внимательно слушавшій Рѣзваго. Леонидъ Петровичъ, помните, какъ арлекинъ кричалъ: conte di Piedi Grotta, ха, ха, ха?!!

Онъ перевернулся и вытянулъ руку, какъ маріонетка, къ немалому удовольствію Леонида Петровича. Графиня успокоилась и начала тихо улыбаться. Разговоръ пошелъ пестрой вереницей легкой и добродушной болтовни. На дворѣ уже смерклось. Мы перешли въ комнаты и разсѣлись на балконѣ. Я не слѣдилъ, особенно, ни за Рѣзвымъ, ни за графиней. Только сдавалось мнѣ, что ихъ взгляды то-и-дѣло сталкивались. Рѣзвый заставилъ и меня говорить о Россіи и разныхъ «вопросахъ». Такъ мы проболтали еще часъ-другой...

Вдругъ на улицѣ раздались аккорды гитары или мандолины, подъигрывающіе мужскому голосу. Пѣніе все приближалось къ рѣшеткѣ палисадника. Мы примолкли. Я, по пѣвческой привычкѣ, сейчасъ нашелъ ключъ, въ какомъ шла пѣсня, и когда припѣвъ повторился, схватилъ и слова, и мелодію:

Non ti voglio piu lascia-ar, раздалось два раза по теплому и влажному воздуху, и мимо рѣшетки прошелъ медленно плечистый малый съ шляпой на затылкѣ, въ короткомъ пальто и широкихъ клѣтчатыхъ шароварахъ, съ мандолиной чрезъ плечо. Свѣтъ фонаря облилъ всю его фигуру. Было что-то искреннее и

бытовое въ этомъ пѣніи простого рабочаго; оно раздалось такъ нежданно, и въ немъ дрожали звуки живой и жгучей страсти.

Черезъ двѣ-три минуты опять повторился припѣвъ:

Non ti voglio piu lascia-ar,
Non ti voglio piu lasciar!

Я завторилъ ему басовыми тріолями. Графиня и Рѣзвый тоже запѣли въ полголоса, и повторяя слова схваченнаго ими припѣва, невольно приблизились другъ къ другу. Руки ихъ какъ-будто прикоснулись...

Это было всего одно мгновеніе, но и меня точно ударила электрическая искра. О себѣ я забылъ; но мнѣ чувствовалось присутствіе чего-то, отвѣчающаго на звуки пѣсни прохожаго...

— Чудо! вскричалъ Рѣзвый.—Вотъ чѣмъ Италія выше всего остальнаго! Графиня только вздохнула какъ-то особенно, и полушопотомъ вымолвила:

— Да!

Чрезъ полчаса мы ушли отъ нея съ Рѣзвымъ.

VII.

Рано проснулся я и подсѣлъ къ окну. Утро было такое радостное, что никакая горечь не пробиралась въ сердце. Я не хотѣлъ рѣшительно ни о чемъ думать — до той минуты, пока придется дѣйствовать: такая юношеская безпечность была, по крайней мѣрѣ, подъ-стать празднику природы среди города цвѣтовъ — Флоренціи.

Въ восемь часовъ служанка заварила мнѣ чаю. Оказалось, что она та самая старушка, у которой я наканунѣ спрашивалъ: гдѣ Villino Ruffi?

Эмилія — такъ ее зовутъ — пресимпатичная особа. Ея сморщенное и почти беззубое лицо, съ сѣденькимъ крысинымъ хвостикомъ вмѣсто косы, оживлено карими умными глазками. Она разговорилась со мной безъ болтовни и заявила, что русскихъ вообще любитъ больше, чѣмъ англичанъ, хотя хозяйкой своей и довольна. Отъ нея же узналъ я, что у насъ по сосѣдству знаменитый «signor Salvini» играетъ въ лѣтнемъ театрѣ «Politeama Fiorentina», и безподобенъ въ ролѣ Отелло.

— Un grand' artista! выговорила энергически Эмилія, и сдѣлала жестъ правой рукой.

Только-что она убрала со стола, какъ въ корридорѣ раздался звонокъ. Онъ меня немного удивилъ.

Эмилія пошла отворять и тотчасъ же вернулась со скромной миной недоумѣнія.

— Una signora, доложила она тихо-тихо.

Я былъ одѣтъ и могъ принять всякую «синьору». Только-что я отошелъ отъ окна, на порогѣ появилась дама вся въ бѣломъ, съ голубымъ вуалемъ поверхъ соломенной круглой шляпы.

— Не узнали меня? раздался голосъ графини.

Я подбѣжалъ къ ней и не могъ удержаться: поцѣловалъ руку. Она откинула вуаль и съ свѣтлымъ, нѣсколько напряженнымъ лицомъ оглядѣла мою квартиру.

— Да у васъ очень мило, и прохладно даже...

Послѣ того, она сѣла въ большое кресло и, обмахиваясь соломеннымъ вѣеромъ, продолжала:

— Извините меня, другъ мой, за вчерашній день... Я съ утра была нервная, вашъ пріѣздъ меня какъ-то сбилъ съ толку, потомъ это письмо графа... Сегодня я совсѣмъ не такая. И знаете, чтó я вамъ предлагаю?

— Чтó, графиня? весело спросилъ я.

— Поѣдемте-ка мы сейчасъ, въ маленькой телѣжкѣ, въ Фіезоле? Вѣдь вы читали, я думаю, у Бедекера, это—милое очень мѣсто... по дорогѣ позавтракаемъ въ какой-нибудь тратторіи,—согласны?

— Съ великимъ удовольствіемъ! вскричалъ я, чего же лучше... великолѣпное утро и такая поѣздка...

— Какъ я рада, перебила меня графиня, что вы сегодня бодрый и веселый. Вы видите, какъ здѣсь живется, не то что подъ нашимъ кисленькимъ небомъ.

— Вы совсѣмъ молоденькая, шутливо замѣтилъ я, оглядывая ее.

— Пожалуйста, объ моихъ годахъ не распространяйтесь, пригрозила она пальцемъ, нахмуривая брови, и какъ-то особенно разсмѣялась. Сбирайтесь же, Николай Иванычъ, ужъ и теперь довольно жарко... Дойдемъ пѣшкомъ до Cascine, тамъ насъ ждетъ телѣжка. Мы будемъ править... попеременно.

— Мои сборы короткіе, откликнулся я, берясь за шляпу.

Мы вышли и направились къ парку. Подъ тѣнью акацій стояла маленькая таратайка; крошечная сѣрая лошадка, некрупнѣе хорошаго водолаза, была впряжена въ нее и красиво закручивала голову, украшенную лисьими хвостами и цвѣтными покромками. Ее держалъ въ поводу грумъ графини.

— У меня есть цѣлая пара по́ни, говорила она, переходя со мною чрезъ площадь, я ихъ очень дешево купила... Вечеромъ ѣзжу въ паркъ.

— И сами правите! освѣдомился я.

— Да, сама... а это мнѣ нанялъ мой Луиджи... Вы видите: простая таратайка, на такихъ здѣсь ѣздятъ крестьяне, только съ ве́рхомъ... У васъ зонтика нѣтъ, я боюсь, какъ бы вамъ не схватить солнечнаго удара.

Мы усѣлись въ телѣжку, подъ низкій верхъ. Я взялъ возжи и только-что дотронулся до лошадки, какъ она подхватила чуть не вскачь.

— Куда, куда править? спрашивалъ я у графини; а она хохотала и показывала мнѣ рукой направленіе.

Лошадка побѣжала дробной рысью, точно какой мышенокъ; погремушки дребезжали у ней подъ ушами и лисьи хвосты развѣвались по воздуху вмѣстѣ съ красными покромками.

— Рысакъ! крикнула графиня, откидываясь въ глубь таратайки.

Я правилъ по ея указаніямъ, и очень скоро мы очутились на узкой пыльной дорогѣ, обставленной сплошь невысокими каменными заборами и изгородями, изъ-за которыхъ виднѣлись оливковыя и тутовыя деревья, кукуруза и жерди винограда; а коегдѣ торчалъ и нашъ подсолнечникъ. Въѣхали мы въ улицу съ двухъ-этажными грязноватыми домиками, лавчонками, кабачками: не то деревня, не то городъ.

Графиня выглянула изъ-подъ верха таратайки.

— Николай Иванычъ, окликнула она меня: видите вы вонъ тотъ балкончикъ и подъ нимъ вывѣска.

— Вижу, графиня, отозвался я.

— Это тратторія и отельчикъ. Видъ оттуда долженъ быть прелестный на всю Флоренцію... Вамъ ѣсть хочется?

— Не очень.

— А мнѣ такъ ужасно хочется; правьте вонъ туда, въ уличку.

Я повиновался, искоса посматривая на нее: мнѣ показалось, что ею опять овладѣвала тревожность, сродни той, какую я замѣтилъ вчера.

Таратайка наша подкатила къ сводчатымъ воротамъ бураго, мшистаго дома. Къ намъ вышелъ молодой паренёкъ въ прекурьёзной соломенной шляпѣ и босой. Онъ взялъ лошадь подъ уздцы. Я соскочилъ и высадилъ графиню. Она очень увѣренно вошла подъ ворота и взяла вправо по узенькой и темной камен-

ной лѣсенкѣ. На площадкѣ перваго этажа, гдѣ я распозналъ что-то похожее на гостинницу, она окликнула: нѣтъ ли кого, и сказала красивой служанкѣ, въ туфляхъ на каблукахъ безъ пятокъ, что мы желаемъ имѣть комнату на самой вышкѣ, съ видомъ на Флоренцію.

Добрались мы и до вышки. Комнатка оказалась свѣтленькой и съ чудеснѣйшимъ видомъ. Графиня заказала завтракъ. Намъ его очень скоро подали, и оба мы ѣли точно какіе бѣглецы, голодавшіе больше сутокъ. Мнѣ было весело, графиня подливала вина изъ большой фіаски и сама пила, повторяя, что она давно не чувствовала себя такъ легко и пріятно.

VIII.

Служанка, въ туфляхъ безъ задковъ, подала намъ дессертъ и спросила, удаляясь:

— Niente altro signora?

— Niente, отвѣтила графиня, встала изъ-за стола и подсѣла ко мнѣ.

— Вамъ хорошо? выговорила она, заглядывая мнѣ въ лицо. Глаза ея блеснули такъ, какъ они когда-то блистали... Я и позабылъ ужъ — когда.

— Очень, промолвилъ я, боясь взглянуть на нее и ощущая смущеніе, давно оставившее меня въ бесѣдахъ съ нею.

— Вы, бѣдный, продолжала она, кладя мнѣ руку на плечо, были цѣлый годъ въ одиночествѣ, и теперь огорчены этимъ негоднымъ мальчишкой... Я бы такъ хотѣла успокоить васъ, приголубить...

Руки ея обвились-было вокругъ моей шеи, но тутъ же опустились, лицо поблѣднѣло, голова осунулась, какой-то болѣзненный звукъ вырвался у ней изъ груди...

Черезъ секунду она лежала въ нервномъ припадкѣ.

Этотъ переходъ отъ нѣжности къ истерикѣ поразилъ меня и озарилъ: я понялъ все — и замеръ. Личное чувство сжалось и, ухаживая за нею, прыская на нее водой, я ничего не видалъ предъ собою, кромѣ больной женщины, ни о чемъ себя не спрашивалъ, ни о чемъ не хотѣлъ думать.

Припадокъ былъ томительный, но быстрый. Черезъ четверть часа графиня открыла глаза, оглянулась дико кругомъ, привстала и, облокотившись о-ручку кушетки, гдѣ она лежала въ исте-

рикѣ, долго-долго сидѣла беззвучно, устремивъ затуманенный взглядъ на закоптѣлую картину, висѣвшую противъ нея.

Я стоялъ у окна, и, притаивъ дыханіе, ждалъ. Въ этой трактирной комнатѣ съ остаткомъ завтрака, съ яркой полосой синяго неба, съ дымчатой далью Флоренціи было нѣчто, оставляющее позади всѣ пережитыя нами вдвоемъ минуты...

Да, новая полоса нашла на эту разбитую, мертвенно-блѣдную, трагически-прекрасную женщину.

— Подите сюда! раздался нервный, глухой голосъ графини.

Я сѣлъ на кушетку, рядомъ съ нею, не оборачивая къ ней головы.

— Не могу, не могу я лгать, вы видѣли: я не могла даже пересилить себя...

— Видѣлъ, повторилъ я, и не знаю, право, къ чему все это... Со мной-то кажется не трудно сладиться.

— Не трудно! вскрикнула она все тѣмъ же глухимъ голосомъ... Ну, да, вы скажете: это глупо, грязно, смѣшно наконецъ, мнѣ все равно!..

Графиня встала, я бросился-было поддержать ее, боясь, что она опять упадетъ; но она отвела меня рукой и, обернувшись ко мнѣ лицомъ, все также смертельно блѣдная, съ какими-то трепетными глазами, выговорила:

— Я себѣ не принадлежу! Ни вы, ни мужъ мой не увидите моей ласки...

Потомъ настало молчаніе: слышно было только, какъ мы оба тяжело дышали.

— Неужели, началъ я вполголоса, вы такъ полюбили?

— Ну, да, полюбила! крикнула она, и глаза ея вспыхнули. Васъ это скандализуетъ, не правда ли? Бабѣ — сорокъ лѣтъ, у ней дочь дѣвица на возрастѣ, у ней мужъ, такой примѣрный, любитъ ее, боготворитъ, у ней наконецъ другъ... и она обманула обоихъ, и въ одиночку, и разомъ... и бросилась на шею мальчику, юношѣ, котораго знаетъ какихъ-нибудь два мѣсяца!.. Ха, ха, ха!

Она болѣзненно захохотала. Я ожидалъ новаго припадка; но хохотъ смолкъ. Мнѣ становилось невыносимо жалко ее. Я готовъ былъ замахать рукой и прошептать: «не надо, не надо, полноте».

Но что-то сковало мнѣ губы. Я только глядѣлъ на нее, ожидая, что вотъ-вотъ съ ней опять что-нибудь сдѣлается.

— Вѣдь смѣшно, Николай Иванычъ? рѣзко спросила она. Ну, и смѣйтесь, и язвите меня; а я вамъ скажу истинную правду: я не любила до сихъ поръ и думала, что совсѣмъ застрахована

отъ такой глупости; а вотъ видите, и меня захватило, и я безумствую, и я смѣшна, и я упиваюсь своимъ паденіемъ... вѣдь это такъ кажется говорится высокимъ слогомъ?

— Вы не любили? точно съ радостью выговорилъ я.

— И васъ не любила, да никогда и не обманывала васъ... Моя связь съ вами, что̀ это такое? Это исполненіе какого-то долга — слушайте меня, я говорю правду... Да, долга. Мнѣ нельзя было не отдаться вамъ тогда, нельзя, потому что вы стоили поддержки, участія, ласки, всего, что̀ можетъ дать женщина больше, чѣмъ графъ, напримѣръ... Ну что же это какъ не долгъ, идея, принципъ, не такъ ли? Дико звучатъ мои слова; но я говорю правду, слышите, только правду, ничего больше; вотъ и все мое прошедшее. Графа я и считать не хочу: графъ укоръ за пошлую связь вздорной бабёнки. Вы уже знаете, почему я сдѣлалась его женой и какъ на него смотрѣла... Гдѣ же тутъ любовь, настоящая-то, такая, гдѣ ужъ ни объ чемъ не разсуждаютъ, а только все опускаются въ какой-то омутъ?.. Помните: вы меня спрашивали: неужели моя жизнь ушла вся на исправленіе графа Кудласова и обученіе господина Гречухина — да, она ушла на это, хоть не вся, ушла она и на то, что̀ я съ вами вмѣстѣ дѣлала... въ чемъ я васъ поддерживала... Такъ бы и нужно было скоротать свой вѣкъ! Анъ нѣтъ!..

И съ какой-то злостью она махнула рукой, опускаясь опять на кушетку.

— Да, это не то, что̀ прежде, прошепталъ я.

— Страсть налетѣла на меня сразу, не дала даже вздохнуть, и я въ ея когтяхъ и ничего я теперь знать не хочу, я способна на всякое безуміе, можетъ быть на всякую гадость... можетъ быть на преступленіе!..

— Графиня, перебилъ я ее, беря за руку, такъ ли это?

— Я не знаю, и знать не хочу!.. Развѣ я разсуждаю? я ужъ вамъ разъ сказала, что разсуждать я не могу. Вамъ *онъ* можетъ показаться юношей, мотылькомъ, сердечкинымъ, — Богъ знаетъ чѣмъ, а для меня онъ теперь—все; я, какъ дѣвчонка, какъ институтка, краснѣю, жантильничаю, веду себя ужасно!.. Вы скажете на это: Бальзакъ далъ себя знать. И я вамъ отвѣчу: ну да, Бальзакъ, а потомъ что̀?..

Но я не вымолвилъ ни одного слова. Когда глаза мои обратились къ ней, утомленіе и почти полный упадокъ силъ смѣнили горячечное возбужденіе, въ которомъ она излила свою страсть.

Нѣсколько минутъ лежала она безмолвно, съ закрытыми глазами, съ посинѣлымъ отъ блѣдности лицомъ.

— Пора домой, выговорила она довольно твердо, поднимаясь съ кушетки; вы теперь слышали, чѣмъ я живу. Все случилось между моимъ послѣднимъ письмомъ и вашимъ пріѣздомъ. На-дняхъ явится графъ, я не знаю, что между нами выдетъ... но мнѣ все равно!..

Помолчавъ, она добавила:

— Леониду Петровичу не извѣстно наше прошлое; а вы не-способны меня выдать. Больше я не могу говорить, я разбита— поѣдемте.

IX.

Какъ шаръ катилась сѣрая лошадка по улицѣ. Я правилъ и смотрѣлъ на мелькавшіе мимо насъ предметы. Вотъ на порогахъ сидятъ женщины, старыя и молодыя, въ затасканныхъ ситцевыхъ платьяхъ и въ запуски плетутъ солому, точно чулки вяжутъ: такъ быстро дѣйствуютъ ихъ пальцы. Вотъ у входа въ мясную лавку стоитъ пара огромныхъ бѣлыхъ воловъ. Хвосты у нихъ перевязаны красной тесёмкой. Эта тесемка долго потомъ раздражала мой зрительный нервъ, а мы уже катили между зеленыхъ изгородей... Мы ѣхали не въ Фіезоле, а обратно во Флоренцію.

Графиня, забившись въ уголъ телѣжки, промолчала всю дорогу. Чуть-живую сдалъ я ее на руки вертлявой Маріи, которая не преминула при этомъ всплеснуть руками съ вздираніемъ вверхъ плечъ и глазъ.

Я хотѣлъ послать за докторомъ; но графиня не позволила и попросила оставить ее.

Побрелъ я домой, чувствуя на ногахъ точно пудовики: а я совсѣмъ почти не ходилъ въ этотъ день. Должно быть, не очень-то легко было прощаться съ прошлымъ. Придя домой, я не рыдалъ, какъ истерическая женщина, но безъ слезъ выплакалъ все до послѣдней капельки...

«Она не любила, говорилъ я, сидя у окна, а теперь любитъ. Ну что-жъ, радоваться за нее надо, а не возмущаться!»

— Къ вамъ можно? окликнули меня съ улицы.

Я выглянулъ изъ окна. На троттуарѣ стоялъ Рѣзвый. Лицо у него менѣе сіяло, чѣмъ наканунѣ.

— Милости прошу, пригласилъ я.

— Вы видѣлись съ графиней? Вы съ ней ѣздили въ Фіезоле? Она вчера собиралась и говорила мнѣ. Что̀ съ ней случилось?..

Онъ такъ и засыпалъ меня вопросами. Большая тревога сказывалась въ его голосѣ.

— Нервы, отвѣтилъ я успокоительно.

— Марія меня очень напугала, продолжалъ онъ, торопливо закручивая себѣ папиросу; графиня — въ постели, надо бы за докторомъ...

— Она не желаетъ. Не безпокойтесь, натура у графини — могучая; къ вечеру все какъ рукой сниметъ.

Моя безцеремонная манера не особенно разувѣрила его.

— Можетъ быть пріѣздъ графа, не совсѣмъ твердо выговорилъ онъ.

— Пріѣздъ графа тутъ ни при чемъ. Вы развѣ полагаете, сталъ я допрашивать, что отношенія мужа и жены тяжелыя?

— Я не знаю, поспѣшно заговорилъ онъ, слегка краснѣя, графиня очень мало сообщала мнѣ о мужѣ; но она не совсѣмъ, кажется, довольна его письмами... Конечно, серьёзнаго тутъ ничего не можетъ выдти... Она сдѣлалась нервной всего какихъ-нибудь нѣсколько дней...

Онъ всталъ, зажегъ спичку, закурилъ, и вернувшись къ окну, подставилъ свой стулъ очень близко къ моему креслу.

— Позвольте быть съ вами совсѣмъ по душѣ, обратился онъ ко мнѣ, добродушно и нѣсколько застѣнчиво улыбаясь.

— Сдѣлайте одолженіе, ободрилъ я его.

— Вы—другъ графини и знаете ее давно. Она чувствуетъ къ вашей личности большое уваженіе... Вы знаете, она не любитъ фразъ; но я вамъ цитирую ея слова: «Гречухинъ—праведникъ». Кажется, этого довольно... Стало, вы выше всякихъ житейскихъ предразсудковъ... Скажите мнѣ, успокойте меня... мнѣ эта женщина слишкомъ дорога: ничего тутъ не готовится тяжелаго... Кто онъ таковъ, наконецъ, этотъ графъ?

Вся тирада Рѣзваго такъ и пахнула на меня искренностью и тепломъ. Леонидъ Петровичъ продолжалъ плѣнять меня. *Мой* соперникъ, уже настоящій, а не по правамъ супруга—испарился тамъ, гдѣ-то... въ туманной мглѣ.

— Напрасно вы смущаетесь, отвѣтилъ я, кажется, даже съ усмѣшкой; вотъ пріѣдетъ графъ—вы сами увидите. Онъ человѣкъ прекраснѣйшій...

— Этотъ эпитетъ слишкомъ эластиченъ! вскричалъ Рѣзвый.

— Знаю, возразилъ я, даже опошленъ чрезвычайно; но графъ—приличный, мягкій, гуманный баринъ, и вдобавокъ страстно, до сихъ поръ, влюбленный въ свою жену.

Я не долженъ былъ бы выпускать эту подробность; но она у меня сама-собой выскочила. Вѣроятно подробность была ему извѣстна: онъ что-то не высказалъ большого удивленія.

— Все это такъ, возразилъ онъ, продолжая волноваться; но ясно, что графиня заболѣла отъ какихъ-нибудь нравственныхъ потрясеній... Простите мнѣ, дорогой Николай Иванычъ, мою назойливость... Я не хочу быть нескромнымъ... Мы вѣдь люди безъ предразсудковъ, столковаться намъ не трудно.

Слушая его, я почувствовалъ, что во мнѣ дѣйствительно нѣтъ ужъ болѣе любовника. Мнѣ и жалко-то было этого юношу, и весело за него: онъ жилъ первой страстью или, быть можетъ—интрижкой—не все ли равно, только бы такъ жилось, какъ ему.

— Полноте, сказалъ я, протягивая ему руку; завѣряю васъ, что ничего тутъ нѣтъ серьёзнаго.

Я лгалъ по приказанію графини, да и безъ ея приказу солгалъ бы: къ чему же было грязнить то, чѣмъ онъ увлеченъ. Замужнюю женщину онъ, конечно, не осуждалъ за то, что она отдалась ему; но, такъ сказать, двумужницу...

Но мой отзывъ о графѣ покоробилъ-таки его.

— Мнѣ бы все-таки хотѣлось, заговорилъ онъ, познакомиться нѣсколько больше съ личностью графа.

— Заочно это трудно сдѣлать; но готовъ отдать свою голову на отсѣченіе, что вы съ нимъ будете въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Столкновеній между мужемъ и женой я просто не предвижу: графъ привыкъ жить желаніями графини рѣшительно во всемъ.

Рѣзвый слушалъ это съ глубочайшимъ вниманіемъ, опустивъ голову и закусивъ слегка нижнюю губу.

— Онъ пріѣдетъ съ дочерью графини? быстро спросилъ онъ. Она уже большая дѣвица?

— Ей семнадцать лѣтъ.

— У графини такая дочь — это изумительно! Который же ей годъ?

— Графиня лѣтъ своихъ, кажется, не скрываетъ: ей тридцать восемь.

— Тридцать восемь, повторилъ онъ, и взглянувъ на часы, взялся за шляпу. Извините еще разъ, Николай Иванычъ, я вамъ, быть можетъ, помѣшалъ... Сбѣгаю узнать, какъ графиня?

Онъ убѣжалъ, а я сталъ глядѣть на него въ окно. При поворотѣ въ улицу, вся фигура его, блистающая на солнцѣ, заставила меня чуть не вскрикнуть:

«Жизнерадостный!»

X.

Обѣдать я пошелъ къ Пипо. День стоялъ ужасно жаркій. По дорогѣ я раздумывалъ о томъ: какъ бы устроить все безъ грязи и скандала. Я объ этомъ думалъ; да и кому же было думать, когда она объявила, что «ни о чемъ разсуждать не хочетъ и не можетъ». Слово «грязь» забралось въ мои соображенія; но я остановилъ ихъ ходъ. Я тоже не хотѣлъ и не могъ обличать и обнажать... У меня у самого было кое-что на душѣ предъ тѣмъ же графомъ, и предъ той же Наташей.

Пришелъ я къ тому выводу, что надо подождать и не вмѣшиваться до тѣхъ поръ, пока графиня совсѣмъ не потеряетъ разума; а это врядъ ли могло случиться, чтобы она на себя не наговаривала.

Пипо оказался совсѣмъ пьяненькій, и его болтовня куда не подходила къ моимъ думамъ; но за то онъ мнѣ разсказалъ, какъ дѣлаютъ „maccheroni alla Napolitana" и такъ обстоятельно, что я могъ бы сейчасъ начать дѣйствовать по его рецепту.

Жаръ поспалъ въ седьмомъ часу и я пошелъ бродить по парку, миновалъ площадь съ краснымъ кафé и проникъ въ новую аллею, совсѣмъ утонувшую въ густой тѣни. Тамъ было особенно хорошо. Черезъ четверть часа я опять вернулся къ площадкѣ, на которой экипажи поворачиваютъ, чтобы, прокатившись мимо кафé, стать противъ него. Я сѣлъ на каменную скамью подъ деревомъ и смотрѣлъ на этотъ, довольно-таки глупый способъ пользоваться катаньемъ. Коляски, фаетоны и желтыя корзинки на колесахъ становились въ рядъ и барыни сидѣли въ нихъ, поглядывая по сторонамъ. Къ инымъ никакихъ кавалеровъ и не подходило вовсе, а онѣ сидѣли себѣ, точно восковыя фигуры. Лакеи, спустившись съ козелъ, заходили за экипажи и стоя группами, курили и болтали, нахально скаля зубы. И такъ-то съѣзжаются сюда каждый день однѣ и тѣ же модныя синьоры: мнѣ это въ подробности разъяснилъ Пипо. Я ужъ, конечно, больше забавлялся, чѣмъ всѣ эти восковыя фигуры, сидѣвшія въ экипажахъ.

Топотъ лошадиныхъ копытъ заставилъ меня обернуться къ аллеѣ, около которой я сидѣлъ, глядя не на нее, а по направленію большой площади передъ кафé.

Отъ площади катилъ низенькій четырехмѣстный шарабанъ, запряженный двумя вороненькими клиперами, съ свѣтлыми гривами, въ бѣлой упряжи и въ цвѣтными перьями на холкахъ.

Правила ими—графиня. Да, это была она, сіяющая, бодрая, съ бичомъ и возжами въ рукахъ. Ея станъ обтягивало черное платье, все въ золотой матовой тесьмѣ. На головѣ сидѣла уже не та шляпка, какую я видѣлъ утромъ, высокая-превысокая и совсѣмъ назадъ; я замѣтилъ какіе-то блѣдные цвѣты и бѣлый тюлевый вуаль. Рядомъ съ ней сидѣлъ Рѣзвый, одѣтый по-вечернему, но въ своей живописной гугенотовской шляпѣ. На задней скамьѣ помѣщались Коля и грумъ во всемъ бѣломъ и съ сѣрой шляпой, по итальянской лакейской модѣ, сложа руки на груди.

Вся эта скачущая группа слилась въ одно цѣлое, нарядное, удалое, съ какимъ-то ужъ русскимъ «чортъ побери», хотя все въ ней было иноземное, начиная отъ грума и кончая шляпкой графини. Ни слѣда утомленія не замѣтилъ я на лицѣ ея. Она сидѣла грудью впередъ, ловко и красиво натянула одной рукой возжи и обернулась на-половину къ Рѣзвому, говоря ему что-то, вѣроятно, веселое, потому что тотчасъ же раздался его звонкій смѣхъ. Шарабанъ вылетѣлъ на площадку, обставленную магноліями и взялъ направо въ ту чудную аллею, откуда я прицелъ. Это видѣніе успокоило меня на какой-то особый манеръ. Видимое дѣло: оба, и она, и онъ «жили» и ни о чемъ больше знать не хотѣли.

Ненужность, нелѣпость моего присутствія предстали предо мною, и, право, я сейчасъ же бы отправился домой укладываться, еслибъ я считалъ себя вправѣ спасаться бѣгствомъ. Я рѣшилъ уже—стушеваться. Но ждать я *долженъ* былъ.

Совсѣмъ почти смерклось, когда я подходилъ къ Villino Ruffi, но безъ всякаго намѣренія зайти къ графинѣ. Къ тому же я зналъ, что она еще не могла вернуться съ катанья.

— Buona sera, signor! окликнулъ меня хриплый женскій голосъ.

Я узналъ Марію. Она стояла за рѣшеткой сада, взявшись обѣими руками за полосы чугунной рѣшетки.

— Buona sera, отвѣтилъ я.

Она меня остановила, просунувъ руку, и начала болтать. Сразу я ее никакъ не могъ понять. Черезъ минуту я догадался, что она говоритъ о графинѣ.

— Dolori, dolori, tanti forti dolori! завыла она, вздергивая плечами, такъ что голова совсѣмъ уходила въ нихъ.

Этимъ тѣлодвиженіемъ она, должно быть, хотѣла мнѣ показать, какъ сильны были страданія графини.

На это я ей съумѣлъ сказать, что сейчасъ видѣлъ графиню въ паркѣ. Она нимало не сконфузилась и продолжала болтать,

поглядывая все на мои рукава. Догадался я, что ее привлекаютъ мои золотыя пуговицы.

— Piecino, piecino! ткнула она въ одну изъ пуговицъ, и глаза ея, разноцвѣтные и съ косиной, загорѣлись жадностью.

Я ждалъ: что-то будетъ изъ всего этого заигрыванія?

— La signora, начала она опять лепетать...

Я схватилъ слово: «passeggiata» и «lei», и сообразилъ, что она говоритъ о нашей утренней поѣздкѣ.

Марія подмигнула точь-въ-точь, какъ Пипо: «знаю-молъ я все, и ты долженъ мнѣ платить дань за скромность». Видя, что я храню вовсе не ласковый видъ, она продолжала изъясняться на своемъ гортанномъ тосканскомъ діалектѣ; и я очень явственно разслышалъ слова «il signorino biondo» и тотчасъ же сообразилъ, что это — Рѣзвый.

«Ахъ ты — дрянь этакая!» выругался я про себя, и давъ ей еще разъ ощупать мою запонку — повернулъ круто, и перешелъ улицу.

— A rivederla, signorino! крикнула она мнѣ, и почему-то пренахально захохотала.

XI.

За мной никто не присылалъ вечеромъ, и я не пошелъ въ Villo Ruffi. Я сходилъ только въ городъ справиться, нѣтъ ли мнѣ писемъ на poste restante. Мнѣ подали одно письмо — отъ Наташи. Огромный крытый дворъ почтоваго зданія настолько освѣщенъ, что я прочелъ Наташино письмо подъ газовымъ рожкомъ.

Оно дохнуло на меня всей искренностью этой прекрасной дѣвичьей души. Наташа и мнѣ говорила о впечатлѣніяхъ Парижа; но я не нашелъ ея фразъ «восторженными». Въ прокъ пошло ей все, чтó она читала одна или со мной, о чемъ я ей разсказывалъ... Удивительно даже видѣть въ семнадцатилѣтней дѣвушкѣ, выросшей въ ея средѣ, такую серьёзную человѣчность, такое пониманіе высокихъ задачъ жизни. Ни о тряпкахъ, ни о бульварахъ, ни о Пале-Роялѣ нѣтъ въ письмѣ никакихъ восторговъ. Она попала на лекцію въ Collége de France, она посѣтила всѣ развалины 1870 года, она была въ рабочихъ кварталахъ, ей пріятно видѣть, что народъ въ Парижѣ сытый, хорошо одѣтый, веселый, свободный.

Съ глубокою отрадой перечёлъ я это милое письмо, и мнѣ до самаго утра не хотѣлось возвращаться къ флорентинской дѣй-

ствительности. А какъ было къ ней не вернуться? Наташа сообщала, что они съ отцомъ выѣдутъ изъ Парижа черезъ день послѣ отправленія ея письма, значитъ черезъ день нужно было и ждать ихъ. Графъ могъ и не прислать телеграммы и пріѣхать, пожалуй, не въ подходящій часъ... Кому же слѣдовало предупреждать и отводить, какъ не мнѣ?

Рано утромъ я, почти противъ Villino Ruffi, зашелъ въ «stabilimento balneario», и холодный «душъ» пріятно возбудилъ мои нервы; а реакція ждала меня въ паркѣ. Не успѣлъ я показаться на площадь, какъ меня окликнули.

Вижу: милѣйшій Леонидъ Петровичъ изволитъ дѣйствовать на велосипедѣ и руками, и ногами. Свѣтлый пиджакъ его развѣвается и весь онъ сидитъ—на отлётѣ.

— Не хотите ли, Николай Иванычъ? кричитъ онъ, привѣтствуя меня рукой. Мнѣ показалось, что онъ даже послалъ мнѣ воздушный поцѣлуй. Отличное средство отъ всего!

— Отъ чего же? кричу я ему вслѣдъ и перехожу черезъ дорогу.

Онъ круто повернулъ, чуть не шлёпнулся, но тотчасъ же поправился и потише подъѣхалъ ко мнѣ.

— Отъ всего, весело вскричалъ онъ, поднимая шляпу и проводя платкомъ по бѣлому лбу: отъ геморроя, отъ нервности, отъ неваренія пищи... Я сегодня проснулся съ какими коликами... знаете: per mangiar gran'maccheroni!..

И онъ схватился комически за животъ.

— И что-жъ? спросилъ я.

— Какъ рукой сняло!. Право попробуйте: сначала на трехколёсномъ, вонъ тамъ въ лавкѣ возьмите, въ часъ вздоръ стóитъ!.. Вы что же вчера не пришли, мы васъ ждали? Графиня къ вечеру разгулялась, и мы ѣздили въ Кашины. Жаръ сталъ сильно донимать, только теперь да вечеромъ и можно быть на воздухѣ. Вы куда сегодня собираетесь?

— Не знаю, право; музеи я потомъ обойду, когда пріѣдетъ княжна, съ ней...

— Скучная матерія, особливо въ такой жаръ!.. Старые-то, въ византійскомъ вкусѣ, не стóитъ смотрѣть; а всѣ эти флорентинскіе богомазы успѣютъ вамъ намозолить глаза, пока вы доберетесь до настоящихъ вещей... Если угодно, я къ вашимъ услугамъ.

— Полноте, отговорился я.

— А, вотъ и Коля! молодецъ! крикнулъ Рѣзвый.

Я обернулся: къ намъ катился маленькій велосипедъ. Въ

облакѣ пыли я разглядѣлъ фигуру Коли, сосредоточенно выдѣлывающаго ногами.

На поворотѣ онъ взялъ еще круче Рѣзваго. Велосипедъ подогнулся подъ нимъ. Я вскрикнулъ и подбѣжалъ.

Коля не сразу поднялся, барахтаясь подъ большимъ колесомъ.

— Ушиблись, Коля?

На мой вопросъ онъ злобно глянулъ на меня, и съ усиліемъ поднялся.

Я началъ его осматривать и отряхать съ него пыль. Онъ ёжился и отводилъ меня рукой, повторяя:

— Оставьте, это пустяки, я сейчасъ поѣду...

На вопросъ подоспѣвшаго Рѣзваго: — Не раненъ ли ты, Коля? онъ отвернулъ и засучилъ лѣвый рукавъ своей курточки. На рубашкѣ оказалась кровь. Сердце у меня забилось, и я долженъ былъ сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы не выдать своего излишняго смущенія.

Рука была ссажена у локтя. Коля порывался-было сѣсть опять на велосипедъ; но мы его не допустили. Рѣзваго онъ слушалъ охотно. У нихъ были *пріятельскія* отношенія. Я предложилъ ему проводить его до дому, но онъ отказался идти.

— Я посижу здѣсь, выговорилъ онъ раздражительно, и буду смотрѣть какъ Леонидъ Петровичъ ѣздитъ; рукѣ моей совсѣмъ не больно.

И онъ сѣлъ на скамью, сжавъ губы и искоса поглядывая на меня. Рѣзвый продолжалъ свои упражненія.

Мнѣ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ производить свою реакцію послѣ дýша. Какъ я ни смирился, но это упорное пренебреженіе мальчика ко мнѣ душило меня. Я изучилъ его натуру, я видѣлъ, что онъ въ сущности ни къ кому не привязанъ; но такія безпощадныя проявленія его сухости и непріязни выходили изъ ряду вонъ...

Войдя въ аллею парка, я оглянулся на кругъ, гдѣ леталъ Леонидъ Петровичъ. Законна была бы зависть къ нему; но онъ обезоруживалъ меня. Онъ привлекалъ даже Колю.

Когда я возвращался послѣ своей реакціи, они уже вдвоемъ продолжали кружиться. Коля и не подумалъ сѣсть на трехколесный велосипедъ; онъ взялъ себѣ инструментъ такихъ же почти размѣровъ, какъ и у его пріятеля, Леонида Петровича.

XII.

Густая мгла охватила насъ подъ навѣсомъ деревьевъ. Тамъ, гдѣ-то наверху зажигались звѣзды, какъ онѣ зажигаются только въ глубинахъ южнаго неба. Вправо и влѣво, по изгородямъ сверкали и искрились свѣтляки. Ихъ было такъ много, они такъ отважно и часто летали, что ихъ брильянтовые огни казались дождемъ какихъ-то волшебныхъ ракетъ.

Дойдя до площадки, мы сѣли на каменную скамью.

— Это все червяки, проговорила графиня, указывая мнѣ на мелькавшія ежесекундно свѣтлыя точки.

— Червяки, повторилъ я.

И мы долго молчали.

— Подождемъ ихъ здѣсь, заговорила первая графиня, оглядываясь назадъ; Леонидъ Петровичъ такъ балуетъ Колю... Я увѣрена, что онъ завелъ его къ Doney... лакомиться чѣмъ-нибудь.

— Завтра графъ пріѣзжаетъ? спросилъ я.

Она сразу мнѣ не отвѣтила, только сдѣлала какое-то движеніе.

— Да, завтра, выговорила она небрежно.

— Онъ вѣроятно съ утреннимъ поѣздомъ...

— Должно быть; да онъ еще разъ пришлетъ телеграмму, будьте покойны.

— Вы еще не знаете, какъ вы съ нимъ обойдетесь?

Этотъ вопросъ стоилъ мнѣ порядочнаго усилія.

Отвѣтъ послѣдовалъ не тотчасъ.

— Я не въ состояніи держаться никакой программы.

— Тогда лучше сразу покончить.

— Какъ покончить? рѣзко окликнула она.

— Сказать все мужу... Вы говорили, что способны даже на преступленіе... этого не понадобится, графъ не такой человѣкъ... Онъ слишкомъ васъ любитъ.

Глаза графини сверкнули, точно два свѣтляка.

— Къ чему вы мнѣ все это говорите? возразила она взволнованнымъ и почти злобнымъ голосомъ.

— Я говорю это въ интересахъ вашего чувства, вашей страсти...

— Скажите пожалуйста!

— Да, вашего чувства, повторилъ я съ удареніемъ, и мой тонъ показалъ графинѣ, что я отступать не намѣренъ.

— Объясните, сдѣлайте милость.

— Вы сами должны чувствовать это. Зачѣмъ же вы станете

грязнить вашу первую любовь, когда вы можете честно распорядиться съ ней?.. Характеру у васъ достанетъ; за это поручусь.

— Ха, ха, ха, разразилась графиня, вотъ каковы всѣ эти люди съ принципами!.. Когда они были на сценѣ, я могла преспокойно, больше десяти лѣтъ, держать около себя мужа, а теперь, совсѣмъ другое: я должна со скандаломъ бросить мужа, публично объявлять всѣмъ, что я ему измѣнила... Прекрасно, прекрасно!

Я слушалъ и мнѣ не вѣрилось, что это говоритъ она, графиня Кудласова.

— Я тутъ ни причёмъ, перебилъ я ее, и не за свою особу хлопочу. Я, быть можетъ, и глупо поступаю, что вмѣшиваюсь, но чтó прикажете: я предпочитаю глупость равнодушію и эгоизму. Когда вамъ угодно было наградить меня... за мою добродѣтель, вы и поступать могли не такъ, какъ теперь. Но я и тогда, и одиннадцать лѣтъ тому назадъ, называлъ ложь ложью, и помирился съ нею потому только, что вы прибрали меня къ рукамъ, а потомъ ужъ поздно было открывать графу глаза. Ваше тогдашнее поведеніе я теперь вполнѣ понимаю. Изъ-за чего вамъ было жертвовать всѣмъ мнѣ, когда вы меня не любили страстью, когда вы меня только награждали, исполняли долгъ, какъ вы выразились намедни? Но теперь...

— Чтó же теперь? чуть слышно выговорила она.

— Теперь—вы живете первой страстью; для васъ *онъ* все: вѣдь вы сами мнѣ это объявили. Теперь ложь — просто ложь, вы въ ней задохнетесь, вы убьёте и свое, и его чувство... Никто вамъ не говоритъ о скандалѣ. Скандала не нужно. Я его-то и боюсь. Я его-то и хочу отвратить.

— Вамъ-то чего же бояться?

— Я ничего въ жизни своей не боялся, графиня, будьте въ томъ увѣрены, но я умоляю васъ вспомнить, что завтра объ эту пору здѣсь будетъ дочь ваша, а этой дочери семнадцать лѣтъ. Вы думаете, она не пойметъ всего... не черезъ мѣсяцъ, такъ черезъ два, не черезъ два мѣсяца, такъ черезъ полгода. Лучше же вамъ не знать ее совсѣмъ, чѣмъ съ каждымъ днемъ падать въ ея глазахъ...

— Почему же она не была помѣхой нашимъ отношеніямъ?

Графиня прибавила къ этому вопросу какое-то небывалое, злостное хихиканье.

— Потому, отвѣтилъ я съ невольнымъ раздраженіемъ, что вы умѣли себя сдерживать, часто больше моего, а теперь вы себѣ не принадлежите; потому что тогда вы не любили, а теперь вы

любите; потому что Наташа была ребенокъ, а теперь она— женщина.

— Дочерью вы меня не напугаете!..

— Ваше равнодушіе къ ней—не оправданіе. Такъ откажитесь отъ всякихъ правъ на нее, это будетъ, по крайней мѣрѣ, послѣдовательно!

— Оставьте меня! крикнула графиня и поднялась со скамьи; я вамъ разъ высказалась, больше передъ вами не лгу, чего же вамъ еще отъ меня надобно!..

XIII.

— Ау! мама! ау! визгливо раздался голосъ Коли.

— Графиня, вы здѣсь, доносился голосъ Рѣзваго.

— Здѣсь, здѣсь! откликнулась графиня и выбѣжала на дорожку. Я вышелъ за нею. Подошли «пріятели» (я такъ ихъ началъ звать), и одинъ изъ нихъ, кажется Рѣзвый, поднесъ графинѣ букетъ...

— Сами нарвали, говорилъ онъ запыхавшись, пробрались въ темныя трущобы...

— И къ Doney, разумѣется, заводили Колю? спросила весело графиня.

— Нѣтъ, мама.

— Лгать дурно, мой дружокъ.

«Лгать дурно» повторилъ я про себя, и чуть не расхохотался.

— Онъ правду говоритъ, вмѣшался Рѣзвый: мы не заходили въ кафе, клянусь вамъ, графиня!

— Боже мой, какъ торжественно, Леонидъ Петровичъ; идемте домой; а то здѣсь на насъ пожалуй нападутъ какіе-нибудь birbanti.

— Съ такимъ-то эскортомъ! подхватилъ Рѣзвый и предложилъ руку графинѣ. Коля не захотѣлъ идти рядомъ со мною и побѣжалъ впередъ.

О чемъ бесѣдовала пара, я рѣшительно не слыхалъ. Мнѣ сдѣлалось какъ-то «все равно». Чувство жалости не забралось въ меня такъ, какъ два дня назадъ. Я еще не могъ *жалѣть* постоянно ту женщину, которую привыкъ считать полновластной госпожой всѣхъ своихъ словъ, думъ, желаній и дѣйствій. Только чистый и кроткій образъ Наташи всплывалъ все свѣтлѣе и свѣтлѣе, поднимаясь изъ омута, на днѣ котораго я очутился въ городѣ Флоренціи...

Я такъ задумался, что меня точно разбудилъ голосъ Рѣзваго, у самой рѣшетки Villino Ruffi.

— Николай Иванычъ, графиня васъ проситъ откушать чаю.

Онъ стоялъ по ту сторону рѣшетки, а графиня уже подходила къ крыльцу.

— Выпью чашечку, выговорилъ я, улыбаясь добрѣйшему Леониду Петровичу.

Онъ мнѣ представился какимъ-то имянинникомъ. Для него дымъ идетъ коромысломъ, но онъ ни въ чемъ не виноватъ, и даже не знаетъ, чего стоитъ торжество, подносимое ему.

Рѣзвый поддерживалъ меня подъ руку, когда мы поднимались по лѣстницѣ, и ввелъ въ салонъ, освѣщенный лампой изъ античной бронзы. Я присѣлъ на круглый диванъ съ вазой посрединѣ, а онъ сталъ поправлять себѣ волосы передъ зеркаломъ.

— Вы обратили вниманіе на эту комнату? спросилъ онъ меня, обернувшись въ мою сторону.

— А что?

— Очень оригинально отдѣлана, въ этрусскомъ вкусѣ: взгляните-ка на плафонъ и полъ.

Я въ первый разъ замѣтилъ, что плафонъ раздѣленъ поперечными балками на три части, что каждое отдѣленіе расписано черными фигурами по красно-желтому фону, а полъ весь изъ деревянной мозаики, и что вся мебель въ салонѣ—bouton d'or. При лампѣ, съ зеленью въ углахъ, комната имѣла въ себѣ что-то горячее и страстное. Мнѣ вспомнилась зимняя голубая комната на Садовой... Предо-мной въ эту минуту стоялъ герой желтаго салона. Онъ былъ, надо правду сказать, куда попригляднѣй того долговязаго управителя, который сразу началъ говорить чуть не грубости аристократкѣ въ красной кацавейкѣ...

Грумъ и Марія завозились около чайнаго стола. Марія и при «господахъ», какъ у насъ говорятъ, не теряла своей неугомонности. Она раза три подмигнула Рѣзвому, и, не обращая на меня вниманія (должно быть за запонки), начала шептаться съ нимъ.

Я не желалъ любопытствовать и удалился на балконъ; но и туда пронзительный шопотъ Маріи черезчуръ явственно долеталъ.

— Il signor conte, рѣзала она воздухъ... la giu!

«То-есть, внизу», перевелъ я себѣ.

Чтó сказалъ ей Рѣзвый — нельзя было разслышать. Онъ по-итальянски изъяснялся больше существительными. Вотъ раздался ихъ общій смѣхъ: стало быть, они другъ друга поняли.

Коля пробѣжалъ по гостиной, выглянулъ на балконъ, и сейчасъ же ретировался, разглядѣвъ меня въ углу.

— Domani? спросила Марія, и зашумѣла чашками.

Опять они разсмѣялись: Леонидъ Петровичъ вторилъ ей съ особымъ добродушіемъ и мнѣ съ балкона видно было, какъ она передъ нимъ извивается. Руки ходили, точно вѣтряная мельница, станъ перегибался, точно лоза какая въ осенній сиверокъ.

Картина выходила забавная. Возмущаться было бы слишкомъ «по книжкѣ», какъ когда-то говаривала графиня Варвара Борисовна. Вѣдь надо же было Леониду Петровичу хоть разъ въ жизни отпраздновать свои имянины! А развѣ онъ виноватъ, что для другихъ это—поминки?..

Вотъ вошла графиня. Ея фигура въ очень легкомъ платьѣ и съ полуоткрытой грудью точно озарила всю эту огненную комнату. Всякій художникъ вскричалъ бы: «матрона!»

Можетъ быть и Рѣзвый сдѣлалъ ей то же привѣтствіе. Она подошла къ столу, и глядя на Марію, что-то сказала по-итальянски.

Всѣ трое разсмѣялись, послѣ чего «наперсница тайнъ» подбѣжала къ балкону и крикнула мнѣ горломъ:

— Il tè!

XIV.

Послѣ чая, мы остались въ салонѣ. Графиня сначала разсѣянно курила (уже не пахитосы, а довольно толстыя папиросы), потомъ оставила насъ съ Рѣзвымъ и сѣла къ пьянино. Заиграла она что-то томное и расплывающееся, какое-то «morceau», нервно и даже съ аффектаціей. Она и въ музыкѣ стала другой.

— Графъ пріѣзжаетъ завтра, сказалъ мнѣ Рѣзвый не то въ видѣ вопроса, не то въ формѣ сообщенія.

— Вамъ будетъ очень пріятно съ нимъ познакомиться, замѣтилъ я безъ всякой задней мысли.

Леонидъ Петровичъ какъ будто поёжился, но тотчасъ же спросилъ, какъ ни въ чемъ не бывало:

— Графъ, кажется, одинъ изъ самыхъ видныхъ нашихъ земцевъ?

— Да, онъ много сдѣлалъ для своего края и очень вѣритъ въ земскія учрежденія.

Опять-таки я выговорилъ это безъ всякаго желанія язвить графа Платона Дмитріевича.

— Вѣритъ! подхватилъ Рѣзвый, и расхохотался... Признаюсь, много нужно имѣть святой вѣры, чтобы смотрѣть съ надеждой на наше русское самоуправленіе.

Графиня остановилась.

— Будемте говорить тише, прошепталъ Рѣзвый, мы мѣшаемъ графинѣ.

— Нисколько, откликнулась она, вставая съ табурета; продолжайте говорить, я вамъ не буду мѣшать... вѣдь вы завели мужской разговоръ?

Она обратилась съ этимъ вопросомъ къ Рѣзвому, подойдя къ нему очень близко. Блуждающая и сладковатая улыбка ея остановилась томно на глазахъ его. Предо мной ужъ больше не стѣснялись: я за это былъ почти благодаренъ.

— Что это вы, графиня!.. вскричалъ Рѣзвый, вскакивая съ своего мѣста. Развѣ есть дѣленіе на мужскіе и женскіе разговоры!..

Она сѣла въ кресло, вынула изъ соломенной корзиночки какую-то работу и отвѣтила уже съ другой, нервной усмѣшкой:—Есть.

— Чтó установило его? добивался Рѣзвый.

— Многое, Леонидъ Петровичъ, многое; если не природа, то общество... среда, какъ вы нынче всѣ выражаетесь.

— Однако...

— Я не говорю ничего обиднаго для женщины; но было бы смѣшно, даже дико взваливать на нее такую же, напримѣръ, отвѣтственность, какъ на мужчинъ.

«Вотъ оно куда пошло», подумалъ я и замѣтилъ вслухъ:

— Другими словами, вы ее считаете невмѣняемой, какъ малолѣтныхъ, слабоумныхъ и совсѣмъ помѣшанныхъ?..

— Ахъ, Николай Ивановичъ, перебила она меня, что это вы не отстанете никакъ отъ ученыхъ словъ... Невмѣняемость! Да это и не выговоришь сразу... чтó это значитъ?

— Это значитъ, графиня, объяснилъ за меня Рѣзвый, именно то, чтó вы доказываете, и, можетъ быть, не совсѣмъ безъ основанія — именно, что женщина не можетъ быть обвиняема во всемъ наравнѣ съ другими... то-есть съ мужчиной... Вѣдь вотъ ваша мысль?

— Да; я въ этомъ все больше и больше убѣждáюсь, продолжала она, опуская нѣсколько голову... Я говорю только за женщинъ моего времени и моего общества... Другихъ я мало знаю... Есть у насъ теперь новыя женщины... Допускаю, что тѣ будутъ иначе жить, чѣмъ мы... Но мы...

— Внѣ закона, подсказалъ я.

Она быстро обернулась, гнѣвно поглядѣла на меня и съ удареніемъ выговорила:

— Если вамъ такъ угодно, то и внѣ закона...

— Ну, это парадоксально! возразилъ Рѣзвый; но глаза его съ такимъ выраженіемъ глядѣли на графиню, что не трудно было прочитать въ нихъ:

«Все что́ вы ни скажете, я готовъ подписать».

— Намъ не дано было ни въ дѣтствѣ, ни тогда, когда мы сдѣлались дѣвицами, никакого profession de foi. Религія?—развѣ она входитъ въ наше воспитаніе, какъ во Франціи, напримѣръ, гдѣ у каждой дѣвочки есть свой directeur de conscience? Мораль? Какая? И она у насъ не имѣетъ никакихъ традицій, потому что у насъ нѣтъ класса, который бы самъ себѣ предписывалъ правила морали. Примѣры? Объ этомъ лучше и не говорить. Гражданскіе интересы... вѣдь такъ, кажется, Николай Иванычъ?.. Они и у мужчинъ-то кончаются полнѣйшимъ фіаско, и ихъ-то, что ни день, обличаютъ, въ разныхъ земствахъ—въ простомъ воровствѣ. Ну, что-жъ остается? Материнскія обязанности, семейный долгъ?.. Но все это такъ, съ неба не слетитъ, надо это создать себѣ, а создавать — не изъ чего!

— Прекрасная защитительная рѣчь! вскричалъ Рѣзвый и захлопалъ въ ладоши...

— Очень убѣжденная, тихо добавилъ я.

Графиня врядъ ли слышала мое замѣчаніе; да и не для меня она и тратила свое краснорѣчіе. *Объектив*ъ ея былъ — Леонидъ Петровичъ. Значитъ, эта защитительная рѣчь была необходима, если графиня рѣшилась произнести ее въ присутствіи человѣка, который зналъ ее за женщину, смѣло бравшую всякую отвѣтственность на себя. Во время-о́но, она не стала бы тратить словъ на доказательства своей «невмѣняемости».

— Я не хочу заводить философическаго спора, небрежно вымолвила она, принимаясь опять за свою работу.

— Адвокатскія способности у васъ блестящія! продолжалъ восторгаться Леонидъ Петровичъ, и подсѣлъ поближе къ графинѣ. И все, что́ вы сказали о женщинахъ вашего поколѣнія — безусловно вѣрно, насколько я знаю наше общество! Да и пора, наконецъ, перестать накидываться на женщину съ уголовнымъ кодексомъ въ рукахъ. У насъ есть одна вещь, которая все оправдываетъ...

— Именно? полюбопытствовалъ я.

— Именно отсутствіе развода!

Графиня ни единымъ словомъ не отозвалась на восклицаніе Рѣзваго. Я замѣтилъ только особую игру въ ея глазахъ.

Мнѣ ничего не оставалось дѣлать въ этрусскомъ салонѣ.

Программа была разжевана, и тотъ, къ кому она обращалась— контрасигнировалъ ее.

Я взялся за шляпу.

— Куда же вы, Николай Ивановичъ? затараторилъ Рѣзвый, такіе интересные дебаты—и вы торопитесь спать!

— Да вы уже договорились до полнаго соглашенія, отвѣтилъ я; какіе же возможны дебаты?

— Николай Иванычъ одобряетъ разводъ на свой собственный фасонъ, вымолвила неспѣша графиня.

Когда я подошелъ къ ней проститься, она сухо спросила меня:

— Вы поѣдете встрѣчать?

— Поѣду, а вы?

— Нѣтъ, они не маленькіе... Впрочемъ, съ кѣмъ же отпустить Колю...

Наморщивъ лобъ, она рѣшила:

— Можетъ быть, я и соберусь; но вы меня не ждите...

— Слушаю-съ, смиренно выговорилъ я.

Добрѣйшему Леониду Петровичу точно въ самомъ дѣлѣ было непріятно, что я уходилъ. Даже кожа счастливца не дѣлала его эгоистомъ.

XV.

Съ настоящимъ замираніемъ сердца ждалъ я поѣзда на дебаркадерѣ. Наканунѣ, я прочелъ въ какой-то итальянской газетѣ о желѣзнодорожномъ несчастіи, случившемся между Римомъ и Неаполемъ. А тутъ мнѣ представились спуски съ горъ и безпрестанные туннели, хотя я и зналъ, что графъ съ Наташей ѣхали не изъ Неаполя, а изъ Турина. Оставалось три минуты до прихода поѣзда; но графини я не видалъ подъ навѣсомъ дебаркадера. Ухо мое схватило чуть слышный свистокъ машины... Я побѣжалъ къ срединѣ платформы, разсчитывая, что тутъ должны остановиться вагоны перваго класса.

Разсчетъ мой оказался вѣренъ. Почти прямо противъ меня въ окнѣ вагона показалась фигура графа въ такой же шляпѣ, какая у Рѣзваго, но въ бѣлой парусинѣ. А за нимъ выглядывала и моя милая Наташа.

Они меня не сразу разглядѣли. Я ихъ окликнулъ, прежде чѣмъ поѣздъ совсѣмъ остановился.

Съ графомъ мы обнялись, а Наташа чуть не прыгнула мнѣ на шею. Мы съ ней расцѣловались по-русски, что́ графу, кажется, очень понравилось.

Но онъ тотчасъ же, съ тревогой въ лицѣ, спросилъ:

— А графиня?

— Здорова, поспѣшилъ я его успокоить, она хотѣла пріѣхать встрѣтить васъ вмѣстѣ съ Колей.

— Отчего-жъ вы не вмѣстѣ?

Этотъ вопросъ такъ естественно вылетѣлъ изъ устъ графа, что я почти затруднился отвѣтить на него безъ запинки. И въ самомъ дѣлѣ: отчего-жъ мы были не вмѣстѣ съ графиней на платформѣ?!.

— Графиня просила не дожидаться ее, выговорилъ я.

— Значитъ, съ ней что-нибудь случилось? продолжалъ волноваться графъ.

— Я видѣлся съ ней вчера вечеромъ, пояснилъ я.

— Развѣ вы живете не въ одномъ домѣ съ нами? пугливо спросила Наташа, и лицо ея затуманилось.

Графу это тоже не понравилось. Онъ даже щелкнулъ языкомъ, что́ у него означало большое неудовольствіе.

— Мѣста вамъ не достало, что ли? сказалъ онъ полу-обиженно.

— Неудобно, отвѣтилъ я, чувствуя, что вотъ-вотъ покраснѣю.

Они оба стояли на платформѣ въ какой-то нерѣшительности. Служители держали ихъ мѣшки и пледы, не зная куда нести.

— Вонъ Коля! Сюда! крикнула вдругъ Наташа и двинулась впередъ.

Подбѣжалъ Коля и бросился къ отцу. Графини съ нимъ не было, но тотчасъ же выяснилась фигура Леонида Петровича. Онъ безъ всякаго смущенія или неловкости подошелъ прямо къ графу и поднялъ шляпу:

— Графиня прислала со мною Колю, выговорилъ онъ съ необыкновенной отчетливостью, у ней сдѣлался ужасный мигрень. Николай Иванычъ уже уѣхалъ... Позвольте при этомъ отрекомендоваться: кандидатъ правъ Рѣзвый.

Не особенно благодушно протянулъ графъ свою руку «кандидату правъ», хотя на губахъ его и явилась обычная его благосклонная улыбка. Онъ съ безпокойствомъ и недоумѣніемъ взглянулъ на меня, точно спрашивая: «кто это: гувернеръ, что ли Колинъ, или просто молодой человѣкъ»?

— Леонидъ Петровичъ, выручалъ я, познакомился съ графиней на водахъ, въ Оропѣ... вѣдь въ Оропѣ кажется? обратился я къ Рѣзвому.

— Да, въ Оропѣ, отвѣтилъ тотъ необыкновенно весело.

Но этотъ веселый тонъ не подѣйствовалъ что-то на графа. Наташа, очень застѣнчивая, почти дикая, ёжилась вся отъ при-

сутствія незнакомаго мужчины и глядѣла на меня жалобными глазами.

— Папà, ты надолго? окликнулъ графа Коля.

— Погоди, не таранти! отвѣтилъ ему графъ съ небывалой нервностью; ты бы лучше вотъ взялъ у сестры мѣшокъ.

Мы всѣ продолжали толчись на мѣстѣ.

— Прикажете карету? догадался Рѣзвый.

— Не безпокойтесь, увертывался графъ, мы сейчасъ распорядимся...

— Я минутой! крикнулъ Рѣзвый и побѣжалъ къ выходу...

— Очень любезный молодой человѣкъ, выговорилъ графъ съ усмѣшечкой, которая меня удивила: онъ въ жизнь свою не издалъ, я думаю, ни одного двусмысленнаго звука; а тутъ звукъ былъ, положительно, кисло-сладкій.

Мы двинулись гуськомъ. Наташа успѣла шепнуть мнѣ:

— Гдѣ же вы живете? Далеко?

— Въ двухъ шагахъ.

— А maman какъ?

На этотъ вопросъ я ей ничего не сказалъ: графъ меня выручилъ, спросивши тоже: далеко ли я живу отъ Villino Ruffi?

Леонидъ Петровичъ приготовилъ намъ четырехмѣстную коляску, ловко подсадилъ Наташу, причемъ она адски покраснѣла, и низко снявши шляпу, раскланялся съ графомъ.

— А вы-то что-жъ? пригласилъ я, рискуя не угодить его сіятельству, вамъ вѣдь по дорогѣ?..

— Пожалуйста, пропустилъ сквозь зубы графъ; Коля, садись на козлы.

— Нѣтъ, нѣтъ! защищался Рѣзвый, махая рукой... Мнѣ здѣсь надо зайти въ магазинъ на Торнабону.

Онъ такъ вкусно выговорилъ эту обрусенную имъ «Торнабону», т.-е. *Via Tornabuoni*, что я невольно разсмѣялся, и, право, безъ малѣйшаго коварства, пожалъ ему руку.

Графъ, кажется, легче вздохнулъ, когда коляска выѣхала изъ воротъ и Рѣзвый зашагалъ къ церкви Santa-Maria Novella.

XVI.

Совсѣмъ новое безпокойство ощущалъ я, сидя противъ графа въ коляскѣ, когда мы повернули въ улицу, гдѣ находится Villino Ruffi. Ужъ, конечно, не за себя боялся я. Я былъ совершенно въ сторонѣ; но на мнѣ точно продолжала лежать отвѣтственность за все, что̀ можетъ произойти въ семействѣ графа.

Вѣроятно графиня видѣла, какъ мы подъѣхали къ рѣшеткѣ. Грумъ и Марія выскочили принимать «дорогихъ гостей». Марію я не узналъ: она вся какъ-то подобралась и притихла, только все сладко поводила глазами; выбиваясь изъ всѣхъ силъ, какъ бы подслужиться самому «il signor conte».

Она схватила два мѣшка и взбѣжала съ ними въ сѣни, куда настежъ была отворена дверь въ квартиру перваго этажа, по правую руку отъ входа.

— Куда это она? спросилъ тревожно графъ, обращаясь ко мнѣ.

— Папа̀, ты будешь здѣсь жить, съ Наташей, вмѣшался Коля, наверху негдѣ.

— Что ты за вздоръ говоришь! не на шутку разсердился графъ.

— Да, графъ, долженъ былъ пояснить я, видя, что Марія находится въ выжидательной позѣ: куда ей нести мѣшки; графиня, вѣроятно, не успѣла вамъ написать объ этомъ...

— Какъ же Наташа будетъ здѣсь жить одна? недоумѣвалъ онъ.

— Да и ты, папа, и ты, продолжалъ свое Коля.

— Ахъ, папа, мы вѣдь забыли взять багажъ...

Эти слова Наташи, сказанныя пугливымъ тономъ, совсѣмъ взбаломутили графа.

— Господи! вскричалъ онъ, что̀ же это такое!..

Я принялся приводить ихъ въ нормальное настроеніе. За багажемъ тотчасъ же былъ отправленъ мужъ привратницы, за котораго Марія начала клясться и божиться, что ему можно поручить хоть «cinque mila lire!»

Мѣшки она, все-таки, внесла въ помѣщеніе нижняго этажа. Коля полетѣлъ наверхъ къ матери. За нимъ двинулись графъ, Наташа и я.

Только-что мы вошли въ желтый салонъ, какъ Коля выбѣжалъ изъ спальни.

— Мамѣ лучше, объявилъ онъ, но она въ постели.

Я остался въ салонѣ: графъ и Наташа скрылисѣ.

Должно быть пріемъ пришелся не особенно по вкусу его сіятельству. Минутъ черезъ десять вышелъ онъ, стараясь улыбнуться, но съ напряженнымъ и растеряннымъ лицомъ. Мнѣ положительно стало жаль его; но какое же утѣшеніе могъ я ему доставить?

Наташа шла за нимъ грустная. Я догадался: мать приняла ее также сухо, какъ и простилась съ нею. По крайней мѣрѣ въ этомъ графиня оставалась той же.

— Надо намъ отправляться внизъ, сказалъ графъ Наташѣ съ кислой усмѣшечкой...

— Тамъ хорошо, утѣшала его добрая душа: цвѣты въ саду, тѣнь, и подниматься не такъ высоко.

— Такъ, такъ, повторялъ графъ, и съ понурой головой побрелъ на свою «половину».

Наташа кинулась ко мнѣ, жала мнѣ руки, со слезами на глазахъ повторяла: какъ ей хотѣлось быть со мной въ Парижѣ, гдѣ столько «чудныхъ вещей»... и остановившись посреди своихъ изліяній, прошептала:

— Maman совсѣмъ не рада папѣ.

И потомъ вдругъ примолкла, точно прикусила языкъ и боязливо оглянулась на дверь въ спальню.

— Пойдемте, пойдемте, къ *намъ*, увлекла она меня внизъ, продолжая свой разсказъ о путевыхъ впечатлѣніяхъ.

На бѣдномъ графѣ просто лица не было. Я ясно видѣлъ, что все его нестерпимо раздражаетъ: и это отведеніе ему отдѣльной квартиры, и встрѣча графини, и ея политическая болѣзнь, и гортанное лебезеніе Маріи, и бѣготня Коли. Онъ на него раза два прикрикнулъ и успѣлъ сказать мнѣ съ удареніемъ:

— Очень мнѣ не нравится Коля!..

Я не сталъ, конечно, сообщать ему собственныхъ наблюденій.

Наташа, видя, что отчимъ ея такъ недоволенъ, не знала, какъ ей быть, и все шептала мнѣ:

— Никогда папа не былъ такимъ!.. Ахъ какъ это жаль! Но что́ же дѣлать, что́ же дѣлать?

— Переждать, училъ я ее; а самому приходилось чуть ли не такъ же жутко.

Привезли багажъ, и въ развязываніи, вынимапіи и укладываніи прошло добрыхъ два часа. Графъ нѣсколько разъ поднимался наверхъ и возвращался оттуда все съ той же стереотипной улыбкой душевнаго недовольства.

Воспользовавшись отсутствіемъ Наташи, убиравшей свою ком-

нату, Платонъ Дмитріевичъ взялъ меня за руку, съ особой силой, и тяжело переводя духъ, заговорилъ:

— Я совсѣмъ не узнаю графиню. Болѣзни ея я не вѣрю: она гнѣвается на меня; но за что?.. И потомъ, это дикое распоряженіе насчетъ особой комнаты для меня... Точно будто мы не занимали съ ней одной комнаты... цѣлыхъ почти двадцать лѣтъ...

Онъ опять щелкнулъ языкомъ.

— Заграничная жизнь, попробовалъ я.

— Конечно, я не стану насильно къ ней врываться... она больна, у ней нервы, мигрень... не знаю тамъ что!.. И все это такъ не похоже на нее. Ну, скажите на милость, вы ее кажется хорошо знаете: развѣ всѣ эти манеры и причуды похожи на нее?..

— Вотъ поѣдетъ на морскія купанья, нервы улягутся...

Онъ еще разъ вздохнулъ вмѣсто всякаго отвѣта, и началъ вынимать вещи изъ своего вѣнскаго туалетнаго несессера.

На немъ опять лица не было, и едва ли я ошибся, примѣтивъ двѣ слезинки на его рѣсницахъ.

XVII.

Я зналъ, что мнѣ легко очутиться между двухъ огней. Такъ оно и выходило. Не успѣлъ я хорошенько проснуться, какъ ко мнѣ въ спальню уже влетѣлъ Леонидъ Петровичъ. Онъ не показывался въ Villino Ruffi въ день пріѣзда графа.

— Ну что? спросилъ онъ меня полушепотомъ, и подсѣлъ на кровать.

Такъ точно спрашиваютъ мальчики, наблудившіе и прибѣжавшіе узнать: провѣдали большіе про ихъ шалость, или все сошло благополучно.

Мнѣ съ нимъ сейчасъ же стало весело, помимо моей воли, до неприличія весело.

— Да ничего, отвѣтилъ я, продолжая лежать. Леонидъ Петровичъ видимо расположился бесѣдовать со мною на кровати.

— Не было бури?

— Никакой; графиня жаловалась на мигрень и осталась у себя въ спальнѣ.

— А графъ? расположился внизу съ княжной?

Глаза его такъ и прыгали, когда онъ дожидался моего отвѣта.

— Да.

— Какъ онъ это принялъ?

— Это ему нѣсколько не понравилось; но онъ сказалъ потомъ: à la guerre, comme à la guerre.

— Разумѣется!.. Что за купеческіе нравы! Непремѣнно съ супружницей! Ну, и прекрасно!..

Онъ былъ такъ радъ, что потрепалъ меня по груди. Я уже попалъ въ его наперсники. Онъ не только не стѣснялся со мною, но въ немъ жила неудержимая потребность изливаться, разсказывать мнѣ денно и нощно про все, сдѣлать изъ меня настоящаго, закадычнаго друга. Мнѣ оставалось только справляться съ пріятностями и удобствами этой роли.

— Вы навѣстите сегодня Villino Ruffi? спросилъ я.

— Явлюсь съ визитомъ къ графу... Безъ этого нельзя же... Ну, батюшка, онъ меня не *анравилъ*.

— Что, что такое? переспросилъ я.

— Это у меня такъ бабушка одна выражалась. Она смастерила русское слово изъ французскаго: *ravir*. Когда ей кто-нибудь не нравился, она, бывало, говоритъ: нѣтъ, онъ меня не *анравилъ*.

— Такъ васъ графъ Платонъ Дмитріевичъ не анравилъ.

— Чопорный какой-то, кислосладкій, и преисполненный, кажется, земской мудрости. Во всѣхъ статьяхъ — добродѣтельный мужъ!..

— А вамъ хотѣлось бы забулдыгу или старикашку какого-нибудь? совершенно добродушно спросилъ я.

— Мнѣ все равно, милѣйшій Николай Иванычъ, я скорблю только за женщину, находящуюся въ безвыходномъ положеніи, и...

Онъ не договорилъ и задумался. Въ глазахъ его мелькнула вспышка теплаго чувства, и не совсѣмъ легкая дума тотчасъ замутила ихъ.

— Вы, поди, говорите про меня: онъ такъ сбираетъ медъ, какъ пчела, съ каждаго цвѣтка... А выходитъ, что жизнь наталкиваетъ на такія поразительныя встрѣчи. Что-жъ, и бѣжать отъ нихъ?.. И пойдутъ дилеммы!.. И кто же всего больше страдаетъ? женщина, одна женщина!.. Поневолѣ она стряхнетъ съ себя всякую отвѣтственность.

Онъ опять задумался, но тотчасъ же вскочилъ и заходилъ по моей крошечной спаленькѣ.

— Вы скоро къ графу? спросилъ онъ.

— Вотъ, напившись кофею; онъ просилъ завтракать вмѣстѣ.

— Завтракъ будетъ часовъ въ одиннадцать? Такъ я тотчасъ послѣ завтрака явлюсь. Пожалуйста не уходите, Николай Иванычъ, поддержите меня сколько-нибудь! Право какъ-то скверно. Вѣдь

мы съ вами должны быть солидарны... Развѣ онъ нашъ, этотъ графъ?

Я чуть-чуть не разразился смѣхомъ: такъ чудовищно было обращеніе ко мнѣ Рѣзваго.

Но онъ продолжалъ волноваться не на шутку.

— Да вотъ подите, исповѣдывался онъ вслухъ, какъ ни бодришься, а скверно!..

— А что, спросилъ я понижая голосъ: или забираетъ васъ?

— Не то чтобы очень; а неловко какъ-то.

— Въ первый разъ должно быть?.. не договорилъ я, но онъ меня понялъ.

Подсѣвши снова на постель, онъ, съ поникшей головой, выговорилъ, краснѣя, какъ маковъ цвѣтъ:

— Я хвастаться не хочу... и потомъ, такая женщина!.. Готовъ сейчасъ на все... Но я не могу дѣйствовать, какъ я хочу, вы понимаете, у меня руки не развязаны. Да и что́ тутъ сдѣлаешь!.. Кромѣ дуэли ничего...

Помолчавъ, онъ встряхнулъ волосами, всталъ во весь ростъ, расправилъ какъ-то плечи и грудью крикнулъ:

— Не выдавайте только меня, а мы какъ-нибудь вынырнемъ. Прощайте! И выбѣжалъ.

«Имянинника» начиналъ забирать недугъ совѣсти...

Да, Леонидъ Петровичъ превратилъ меня, долго не думая, въ своего друга; и право, мнѣ оставалось только благодарить его за такое довѣріе. Кому же могъ онъ изливаться, какъ не мнѣ? Правда, онъ взывалъ къ «солидарности» слишкомъ скоро; но въ этомъ сказывалась его молодая довѣрчивость: ни одной минуты не подумалъ онъ, что я стану на сторону мужа.

Ни на какую сторону я не могъ становиться. Происходило что-то печальное и уже неисправимое. Но умывать руки я тоже не желалъ... Графиня, та, которую я когда-то зналъ, куда-то скрылась и только образъ ея жилъ, слышался ея голосъ, видѣлась ея семейная обстановка...

Мои думы не стали свѣтлѣе у рѣшетки Villino Ruffi. Напротивъ, онѣ получили особый непріятный колоритъ отъ неизбѣжнаго появленія Маріи на крыльцѣ, въ ея неизмѣнномъ спенсерѣ, съ гортанными, наянливыми звуками. Даже въ выборѣ камеристки я не узнавалъ прежней графини Варвары Борисовны. Такое олицетворенное пронырство и такое шумное нахальство должны были доставлять невыносимыя ощущенія высоко приличному Платону Дмитріевичу.

XVIII.

Меня встрѣтила Наташа въ парадной комнатѣ нижняго помѣщенія. Я тотчасъ увидалъ, что вчерашнее ея смущеніе продолжается.

Папа̀ наверху, сообщила она мнѣ, но мы будемъ завтракать здѣсь: maman все еще не выходитъ отъ себя... Папа такой... жалкій... выговорила она потише.

— Что̀ же съ нимъ? поспокойнѣе освѣдомился я.

— Кажется все это отъ maman... и, потомъ, ему не нравятся комнаты, ему скучно... я не знаю...

Въ первый разъ очутилась она въ воздухѣ, предвѣщавшемъ супружескую бурю. У меня сердце ныло, глядя нее. Зачѣмъ только привозили ее? Зачѣмъ вызывали всѣхъ насъ?..

Спустился сверху графъ, вычесанный, благоухающій, въ очень модномъ костюмѣ, всѣми силами старающійся улыбаться и—смертельно разстроенный, гораздо больше вчерашняго.

— Графинины нервы продолжаются. Давайте завтракать.

— А Коля? спросила Наташа.

— Коля у матери, отвѣтилъ графъ, ни къ кому особенно не обращаясь.

Мы сѣли за столъ. Прислуживалъ намъ грумъ. Вѣроятно, графъ распорядился, чтобы Марія не являлась внизъ.

Помолчавъ съ минуту, графъ пожалъ плечами и заговорилъ:

— Ужасная жара!.. Я не ожидалъ, что здѣсь такая температура. Не понимаю: зачѣмъ графиня зажилась во Флоренціи... Ну, не понравилось ей на этихъ водахъ, дурная погода; но здѣсь, въ окрестностяхъ есть премилыя мѣста; мнѣ вотъ въ вагонѣ одинъ очень приличный итальянецъ, депутатъ, говорилъ про какія-то воды... онѣ близехонько отсюда... Какъ бишь онѣ называются... Ты должна помнить, Наташа?

— Поретта, припомнила Наташа.

— Ну да. Это гдѣ-то въ Апеннинахъ, часа три ѣзды... Да и на море пора, на югѣ купаются въ жаркіе мѣсяцы, а не въ сентябрѣ.

— Развѣ графиня раздумала? спросилъ я.

— Затрудняюсь вамъ сказать, чего желаетъ графиня въ настоящую минуту...

И не договоривъ, онъ принялся съ большой энергіей рѣзать тощую итальянскую котлетку «milanese».

Наташа вовсе не была запугана графомъ и не боялась его;

но она сидѣла — ни жива, ни мертва: такъ ей сдѣлалось жутко отъ его недовольства.

— Я даже не вижу, заговорилъ опять графъ, что̀ здѣсь возможно дѣлать въ такой жаръ?.. Городъ хорошенькій, но когда въ немъ уже бывалъ не разъ, право—скука порядочная.

— Вы не забыли вашего обѣщанія? спросила меня Наташа.

— Какого это? вмѣшался графъ.

— Походить со мной немного по Флоренціи... по музеямъ.

Наташа совсѣмъ переконфузилась, точно будто признавалась въ чемъ-то ужасномъ.

— Мнѣ жаль Николая Иваныча, замѣтилъ графъ съ усмѣшкой, у него будетъ солнечный ударъ!

— Полноте пугать! вскричалъ я, мы станемъ ходить пораньше... Я нарочно не заглядывалъ никуда до васъ, добавилъ я Наташѣ.

Конецъ завтрака прошелъ въ отрывочныхъ фразахъ... Не одна тревога графа—и тридцать семь градусовъ жару свинцовой тяжестью ложились на нашу затрапезную бесѣду.

Только-что мы встали изъ-за стола и перешли въ гостиную, грумъ подалъ графу визитную карточку.

«Мой другъ» подумалъ я, и сѣлъ на диванъ съ желаніемъ «поддерживать» Леонида Петровича.

Графъ взглянулъ на карточку, чуть-чуть поморщился; но тотчасъ же сказалъ по-французски:

— Faites entrer monsieur.

Леонидъ Петровичъ не то, чтобъ влетѣлъ, а необыкновенно какъ-то развязно вступилъ въ комнату, храня на своихъ румяныхъ ланитахъ сколь возможно солидную печать.

Я его тутъ сравнилъ съ графомъ. Рѣзвый убивалъ графа, и статностью (хотя графъ куда еще не смотрѣлъ старикомъ), и ясностью лица, и своей новизной. Онъ былъ въ сто разъ *новѣе* насъ.

Графъ протянулъ ему руку почти также, какъ и наканунѣ, но на гостя это не подѣйствовало; онъ сѣлъ преудобно въ кресло, указанное ему графомъ, и успѣлъ раскланяться съ Наташей, которая, разумѣется, спаслась бѣгствомъ.

— Какъ здоровье графини? началъ Рѣзвый.

— Не выходитъ изъ своей комнаты, прекисло улыбаясь отвѣтилъ графъ.

— Пора отсюда вонъ! рѣшилъ Рѣзвый.

Лицо графа нѣсколько просвѣтлѣло.

— Еще бы!.. Я то же самое говорю графинѣ второй день...

И точно спохватившись, онъ перемѣнилъ этотъ разговоръ на вопросъ:

— Вы давно изъ Россіи?

Леонидъ Петровичъ повторилъ ему о себѣ то, что́ я уже слышалъ въ первую нашу встрѣчу.

Узнавъ, что Рѣзвый готовится къ высшимъ ученымъ степенямъ, графъ еще больше замкнулся. Онъ любилъ знанія только до кандидатскаго диплома включительно.

Ему пришлась сильно не по вкусу и фраза Леонида Петровича:

— А вы, графъ, пріѣхали отдохнуть отъ трудовъ земскихъ?

Можетъ быть въ ней была и маленькая доля насмѣшки, но Рѣзвый выговорилъ ее такъ добродушно, что рѣшительно никого бы не могла она покоробить.

Никого, кромѣ графа. И такъ разговоръ шелъ цѣлыхъ двадцать минутъ. Рѣзвый велъ себя ловко, говорилъ скромно, солидно, не выказывалъ никакой напряженности: только я зналъ, что ему внутренно не по себѣ, и все-таки онъ раздражалъ графа каждымъ своимъ словомъ, каждой интонаціей голоса. Такъ, видно, всегда бываетъ, когда сходятся настоящіе соперники.

Не мудрено было видѣть: кто выйдетъ побѣдителемъ.

— Вы долго еще пробудете здѣсь? спросилъ Рѣзваго графъ съ особой обстоятельностью.

— Не знаю право... Пора купаться въ морѣ. Я еще не рѣшилъ гдѣ: въ Средиземномъ, или Сѣверномъ морѣ.

Вышло это у него не дурно. Точно будто ему рѣшительно все равно куда ни поѣхать.

Не стану рѣшать: поддался или нѣтъ графъ на эту удочку; да и врядъ ли это была удочка.

Можетъ быть, и жизнерадостному Леониду Петровичу захотѣлось переждать погоду—въ одиночествѣ.

Мнѣ почти не пришлось вставить ни одного слова въ визитный разговоръ мужа и счастливца. Только въ самомъ концѣ его, когда опять задѣта была щекотливая тэма земства, я подоспѣлъ нѣсколько на помощь, отвлекши разговоръ на невинную тэму флорентинскихъ художественныхъ сокровищъ.

Рѣзвый совсѣмъ-было собрался откланиваться, какъ вдругъ вбѣжалъ Коля, и впопыхахъ крикнулъ:

— Леонидъ Петровичъ, maman васъ проситъ зайти на минуту... Она въ гостиной.

Яркая краска поднялась внезапно на щекахъ Леонида Петровича: онъ этого самъ никакъ не ожидалъ. Графъ замеръ, поблѣднѣлъ и, обратившись къ Колѣ, съ усиліемъ спросилъ:

— Тебя послала мать?

— Да, папа̀, ей лучше, она сидитъ около балкона... Приходите пожалуйста, Леонидъ Петровичъ.

И онъ выбѣжалъ, точно ему было дано еще какое-нибудь порученіе.

— До свиданія, обратился Рѣзвый къ графу, совладавъ уже съ своей краской.

— Прощайте-съ, отчеканилъ тотъ, и не пошелъ даже проводить его до дверей: онъ стоялъ точно убитый.

За то я довелъ Рѣзваго до сѣней.

— Благодарю! шепнулъ онъ и крѣпко пожалъ мнѣ руку, занося ногу на первую ступеньку лѣстницы.

XIX.

Рѣзвый скрылся на поворотѣ первой площадки, а въ дверяхъ появился графъ. Онъ подошелъ ко мнѣ, какъ-то странно оглянулъ меня и торопливо вымолвилъ:

— Пойдемте посидѣть въ тѣнь.

Я пошелъ за нимъ, ожидая чего-то чрезвычайнаго. Однако графъ сѣлъ довольно спокойно на скамью, подъ фиговое дерево, надъ которымъ возвышалась густая магнолія.

— Вотъ мы и подъ смоковницей, указалъ я ему.

— Да кажется и пора возсѣсть подъ нее, по-евангельски, отвѣтилъ онъ съ грустной улыбкой.

Потомъ онъ выпустилъ два кружка дыма, чуть замѣтно бросивъ взглядъ на балконъ, и обратился ко мнѣ въ вопросомъ:

— Вы сошлись съ этимъ господиномъ... Рѣзвымъ?

— Слишкомъ скоро, графъ, отвѣтилъ я, стараясь смотрѣть въ сторону.

— Николай Иванычъ... помните что̀ я вамъ говорилъ, когда графиня задумала эту заграничную поѣздку?.. ея возрастъ самый опасный. Вы не хотѣли со мной согласиться... Я просилъ васъ поѣхать съ нею... При васъ ничего бы этого не было...

Голосъ его дрогнулъ и оборвался.

Я не рѣшился предложить ему вопросъ: «чего же бы не было».

— Согласитесь сами, продолжалъ онъ съ возрастающей тревогой, не можетъ же такая женщина (онъ сдѣлалъ длиннѣйшее удареніе на слово «такая») совсѣмъ точно переродиться въ одинъ годъ, безъ очень, очень важной причины...

— Болѣзненность... пролепеталъ я.

— Ахъ, полноте!.. Развѣ Barbe была когда-нибудь особенно болѣзненна?.. Она ѣздила на воды, какъ всѣ наши дамы ѣздятъ— у ней натура образцовая, вы это прекрасно знаете, Николай Иванычъ... Я не вѣрю этимъ мигренямъ! съ силой прошепталъ онъ и засосалъ свою сигару. Балконъ опять какъ магнитъ притянулъ его взглядъ, отуманенный душевнымъ разстройствомъ.

Странно; но оно такъ было: изліянія этого человѣка вдругъ какъ-то начали будить во мнѣ собственную горечь. Я не только глубоко жалѣлъ его, мнѣ не только страшно стыдно сдѣлалось передъ нимъ за прошлое; но я сливался съ нимъ въ одной общей скорби. Къ Рѣзвому я не чувствовалъ никакой злобы. *Соперничество* давно перегорѣло во мнѣ; я не становился «на сторону графа», какъ мужа, о нѣтъ! Но я, рядомъ съ нимъ, вдвойнѣ страдалъ за все: и за то, что̀ было, и за то, что́ теперь происходило, наверху, въ этрусскомъ салонѣ, за этими желтыми портьерами, которыя смертельно влюбленный мужъ желалъ бы пронизать глазами.

Но онъ не шелъ туда, въ этотъ этрусскій салонъ, и, конечно, не изъ малодушія. Онъ оставался сидѣть тутъ, подъ смоковницей. Въ немъ, въ эту минуту, жилъ не законный мужъ, имѣющій положительныя права, а именно соперникъ, соискатель любви и взаимности, т.-е. той высокой награды, которой онъ весь свой вѣкъ такъ мучительно добивался. Въ салонъ пригласили не его, а Рѣзваго, и сдѣлали это такъ рѣзко, такъ обидно. Ну, онъ и не шелъ, и засѣлъ тутъ подъ смоковницей, ожидая, когда Рѣзвый спустится сверху.

— Одинъ какой-нибудь годъ, говорилъ онъ, точно про себя,— и такъ все обрывается, цѣлая жизнь потрачена; бьешься, исправляешь себя, какъ каторжный... живешь одною радостью, одной сердечной отрадой... и вдругъ!..

Онъ невыносимо страдалъ, и въ послѣдней фразѣ заслышались явственныя слезы.

Я взялъ его за руку, но онъ не повернулъ ко мнѣ лица, не желая выдавать своего волненія.

— Помилуйте, графъ, очень весело и убѣжденно заговорилъ я, изъ-за чего же такъ убиваться?.. Графиня хандритъ, это такъ, но зачѣмъ же вамъ все это себѣ-то приписывать? Когда я пріѣхалъ—я нашелъ въ ней точно такую же перемѣну.

— Вотъ видите! вскрикнулъ онъ.

— Ну да, но что́ же это доказываетъ? Графиня разнемоглась при мнѣ... за два дня до̀ вашего пріѣзда. Ну, съ чего же ей было притворяться предо мной?

Нарочно старался я говорить обыденнѣе, даже грубоватѣе, чтобы доводы мои дышали безпристрастіемъ, и это мнѣ начало удаваться.

— Но къ чему эти выходки... какой-то юноша, Богъ знаетъ откуда, Богъ знаетъ какого общества... вы говорили: познакомились они на водахъ... Развѣ это порядочное знакомство... Графиня отличалась всегда такимъ тактомъ—и вдругъ...

— Что вы, графъ! перебилъ я его, и потрепалъ даже по рукѣ (никогда я не позволялъ себѣ съ нимъ такихъ фамильярностей); этотъ юноша и мнѣ бы не былъ непріятенъ, не только вамъ!..

Доводъ вышелъ у меня довольно глупый и почти нахальный; но онъ-то всего больше и подѣйствовалъ на графа. Я не разбиралъ, что́ хорошо, что́ нехорошо, я говорилъ съ нимъ какъ говорятъ съ отчаянно больными, только бы отвести ихъ отъ ужаса смерти.

Онъ на меня взглянулъ глазами, въ которыхъ я прочелъ внезапное успокоеніе. Какая мысль блеснула въ мозгу графа? Всего вѣроятнѣе вотъ какая:

«Вѣдь Гречухинъ тоже могъ бы возымѣть подозрѣнія, ну хоть въ качествѣ друга графини, а онъ спокоенъ; стало быть...»

Вотъ это «стало быть» и отразилось на лицѣ графа. Онъ даже вольнѣе вздохнулъ, пересталъ курить и прошелся по дорожкѣ взадъ и впередъ.

— Вы, можетъ быть, и правы, выговорилъ онъ, поднимая голову. Еслибъ не настроеніе графини, я бы конечно...

Онъ опять не договорилъ; но мнѣ и не нужно было конца, чтобы понять его мысль.

— Положимъ, обрадовался я, и происходятъ кризисы въ жизни женщины; но надо, чтобы они были мотивированы...

Кончить мнѣ не далъ «имянинникъ». Онъ сбѣжалъ съ крыльца съ легкостью гимнаста, но улыбка у него была приличная, сдержанная, такая, въ которой никакой ревнивый мужъ не могъ бы прочесть ничего возмутительнаго.

— Графиня ждала все васъ, господа, обратился онъ къ намъ, на ходу, она еще въ гостиной.

Графъ послалъ ему болѣе любезный поклонъ; я ему даже улыбнулся. Онъ велъ себя, какъ умненькій мальчикъ, и, право, не думалъ о томъ, что онъ «счастливецъ». Ручаюсь, что еслибъ графъ сказалъ ему одно слово, забирающее за живое, Леонидъ Петровичъ вскричалъ бы:

— Что-жъ мнѣ дѣлать, графъ! Вы оскорблены—какое вамъ угодно удовлетвореніе? Къ вашимъ услугамъ.

XX.

Еще урокъ успокоивающаго свойства былъ прочитанъ графу... самимъ Шекспиромъ.

Графинины «нервы» поулеглись. Но она сидѣла у себя наверху, и только вечеромъ ѣздила въ паркъ съ графомъ, Колей и Наташей. Она видимо избѣгала оставаться съ мужемъ съ глазу на глазъ. Тонъ ея смягчился, замѣтно было кое-что изъ прежняго самообладанія. Она вызвалась сопровождать насъ съ Наташей въ музей, несмотря на жаръ, отъ котораго она положительно страдала. Наташа совсѣмъ ушла въ себя во время этихъ художественныхъ экскурсій, не смѣла дѣлать замѣчаній, жалась и исподтишка поглядывала на меня. Графиня, скучающая, утомленная, вялая, еле-двигалась. Шествіе замыкалъ графъ, точно «по наряду» ходившій съ нами изъ залы въ залу. Раза два провожалъ насъ Рѣзвый. Онъ только и оживлялъ немного эти похоронныя процессіи.

Онъ же предложилъ взять ложу на представленіе «Отелло» въ «Politeama Fiorentina». Въ «Отелло» долженъ былъ «въ послѣдній разъ» отличиться тотъ самый signor Salvini, котораго отрекомендовала мнѣ моя беззубая Эмилія.

Графиня и Коля обрадовались мысли Леонида Петровича. Графъ принялъ ее довольно охотно. Меня взяли тоже въ ложу, хотя я и порывался въ кресла: Наташа упросила. Безъ меня ей было бы въ спектаклѣ, пожалуй, еще веселѣе, чѣмъ и со мною во флорентинскихъ музеяхъ.

Никогда еще не попадалъ я въ такія «ажурныя» хоромины, какъ эта Politeama. Подъ открытымъ небомъ стоитъ амфитеатръ, освѣщенный газомъ, съ партеромъ, галереями, рядами ложъ, переходами, балкончиками; все это очень большихъ, почти грандіозныхъ размѣровъ, что-то древне-римское, только безъ крови и звѣрей. Вся полукруглая стѣна амфитеатра и весь партеръ были залиты народомъ... или лучше сказать публикой. Народъ виднѣлся только съ верхней галдареечки, ярко освѣщенной газовыми рожками, подъ самымъ сводомъ синяго неба, усѣяннаго звѣздами. Тишь и мягкость воздуха были изумительныя. Сдѣлалось даже жарковато еще до поднятія занавѣса.

На Наташу такая чисто-южная театральная зала сразу произвела почти чарующее впечатлѣніе. Леонидъ Петровичъ тоже наслаждался: онъ показывалъ графу, изъ ложи, всю эффектность театра. Графиня слушала его со сдержанной, но страстной улыб-

кой и односложно вторила ему. Даже Коля, скорчивъ дѣловую мину, изрекъ:

— Il n'y a pas à dire: c'est beau, ce théâtre.

Онъ не разъ сбѣгалъ внизъ и вверхъ, разсмотрѣвъ своихъ товарищей по школѣ — англичанъ и итальянцевъ, по ложамъ и кресламъ.

Мѣстныя барыни и иностранки, однѣ разряженныя въ пухъ, по итальянской манерѣ, другія почти по дорожному, съ цвѣтными платками черезъ плечо, пестрѣли въ дорогихъ мѣстахъ. Подфабренные, подзавитые женоподобные итальянчики въ полосатыхъ рубашкахъ, съ тросточками, столпились у двухъ входовъ въ кресла, оглядывая женщинъ съ ногъ до головы. Къ половинѣ девятаго весь амфитеатръ заволновался.

Передъ «Отелло» давали какой-то переведенный съ французскаго фарсъ. Рѣзвый и Коля хохотали. Наташа, насколько понимала, тоже смѣялась. Графъ никогда громко не смѣялся, но и онъ улыбался. Молодой буфъ, въ изорванномъ фракѣ и смятой шляпѣ, былъ и безъ словъ такъ заразительно забавенъ, что отъ каждаго его дурачества зала разражалась хохотомъ.

Обращаясь къ предмету своей любви, разочарованный въ ней, онъ вскричалъ съ неописуемой гримасой и со шляпенкой, ссаженной назадъ:

— Donna volgare e senza ortographia!

Коля сейчасъ подцѣпилъ эту фразу и перекинулъ ее другу своему Рѣзвому. Тотъ повторилъ ее, и оба они помирали со смѣху; только Рѣзвый смѣялся молодо и добродушно, а Коля злобно и старо, несмотря на свои одиннадцать лѣтъ.

Началась и шекспировская трагедія. Я замѣтилъ тотчасъ же, что графъ съ особеннымъ вниманіемъ уставился на сцену. Синьора Salvini встрѣтили почтительными рукоплесканіями. Онъ «и ростомъ и дородствомъ» подходилъ къ роли. Лицо и сквозь актерскую окраску хранило настоящую значительность; а глаза, въ самомъ дѣлѣ, блистали спокойной страстностью мавританскаго стараго дитяти.

— Вотъ вы поглядите что́ будетъ во второмъ актѣ, шепталъ Рѣзвый.

Пришелъ и второй актъ. Полководецъ и великодушный начальникъ переданы были съ рѣдкой силой и обаяніемъ; меня и въ этомъ актѣ пропяла легкая дрожь: такой игры я еще никогда не видалъ. Въ антрактѣ мы только переглянулись всѣ. Графиня нервно поблѣднѣла, поблѣднѣлъ и Рѣзвый; графъ многозначительно прошепталъ:

— Какой артистъ!

— А мнѣ его жаль, вырвалось у Наташи.

— И теперь уже жаль? спросилъ ее Рѣзвый.

— Да, онъ точно маленькій, его всякій погубитъ...

Эта вѣрная оцѣнка была выговорена съ такой искренностью, что Леонидъ Петровичъ ласково поглядѣлъ на «княжну», какъ онъ называлъ Наташу.

XXI.

Но съ третьяго акта всей нашей ложей овладѣла особая лихорадка. Мы молчали и усиленно дышали, какъ и вся громадная Политеама. Боль раненаго сердца захватила насъ въ крикахъ, шопотѣ, ласкахъ, вздохахъ, необузданныхъ тѣлодвиженіяхъ несчастнаго мавра, точно запертаго мерзавцемъ-предателемъ въ желѣзную, раскаленную клѣтку. Каждая новая сцена слѣдующихъ актовъ все болѣе и болѣе пугала, волновала, трогала, спирала духъ. Я видѣлъ самъ, какъ графиня закрыла глаза и нагнула голову отъ одного раздирательнаго крика Отелло. Объ актерѣ я совсѣмъ и забылъ; но и въ человѣкѣ-то, въ настоящемъ шекспировскомъ маврѣ я безмѣрно изумлялся почти нечеловѣческому натиску страсти, гигантской тратѣ силъ, клокочущему трагизму звуковъ, плача и хохота, взвизгиваній дикаго звѣря и жалкихъ всхлипываній предсмертной агоніи безконечно добраго и любящаго существа.

Пятый актъ просто доконалъ насъ всѣхъ. Видно было, что никто не досидѣлъ по доброй волѣ: каждый выбѣжалъ бы охотно изъ ложи до того момента, когда Отелло перерѣзываетъ себѣ горло, даже Коля.

— Тяжело, выговорила графиня... къ чему все это на сценѣ?

И она, вставая съ мѣста, вздрогнула.

— Настоящая правда! выговорилъ Рѣзвый гораздо серьёзнѣе, чѣмъ я ожидалъ... Вотъ это страсти! добавилъ онъ, и подалъ графинѣ ея тальму.

Для Наташи зрѣлище оказалось слишкомъ сильнымъ. Она притихла, и съ поблекшимъ лицомъ взглядывала на занавѣсъ. Графъ, оправившись, громко вздохнулъ и сказалъ, ни къ кому особенно не обращаясь:

— И все это изъ-за платка... fazzoletto!..

— Этакъ всегда дѣйствуютъ настоящіе ревнивцы, отозвалась графиня, тоже ни къ кому особенно не обращаясь.

Графъ промолчалъ и вышелъ изъ ложи, подавъ мнѣ руку. Рѣзвый повелъ графиню. Съ ними двигалась и Наташа.

Изъ обширныхъ сѣней, гдѣ охватила насъ толпа, мы попали въ улицу, теплую, благоухающую, съ легкимъ мерцаніемъ луны.

Мы съ графомъ немного поотстали отъ передовой группы, при которой состоялъ и Коля.

— Какая ужасная вещь! заговорилъ графъ тронутымъ голосомъ, и опять вздохнулъ. Хорошо, что наши нравы не тѣ...

— Нельзя сказать, возразилъ я: читайте судебную хронику, —не мало душатъ женъ изъ ревности и покончиваютъ потомъ съ собой...

— Невозможно! вырвалось у него, точно будто онъ отвѣчалъ на какой-то зловѣщій образъ или темную мысль. И изъ-за чего? Изъ-за какого-нибудь fazzoletto!..

— Да, графъ, подхватилъ я, изъ-за одного fazzoletto!.. Вы видите, какъ вся эта шекспировская выдумка похожа на правду? Подведено все негодяемъ Яго; но и безъ Яго Мавръ могъ построить такую же систему уликъ, не правда ли?

— Разумѣется, могъ бы, наивнымъ тономъ согласился графъ.

— Человѣкъ мягкій или очень сдержанный не рѣшился бы, можетъ быть, на убійство, но онъ измучилъ бы точно также и себя самого, и жену... и все изъ-за fazzoletto.

— Изъ-за fazzoletto! повторилъ онъ, уже другимъ, боязливымъ и тронутымъ голосомъ.

— Оглянитесь—и вы увидите, какъ легко ошибиться въ любомъ Кассіо.

Я могъ и не говорить этого; но случай успокоить графа былъ уже слишкомъ хорошъ.

Мы дошли до рѣшетки.

— Вы зайдете къ намъ? спросилъ онъ меня.

— Спать пора, а то совсѣмъ разнервничаешься отъ чаю, послѣ игры синьора Сальвини.

— Благодарю васъ, прошепталъ графъ, и крѣпко-крѣпко пожалъ мнѣ руку. Вы во всемъ—вѣрный другъ.

Рѣзвый раскланивался съ дамами по ту сторону рѣшетки. Кажется, и его приглашали зайти, но и онъ отказался.

Онъ меня нагналъ въ моей улицѣ и взялъ за плечи. Отъ него пахнуло воздухомъ, въ которомъ я узналъ духи графини.

— Какову намъ баню задалъ Сальвини? вскричалъ онъ. Поразителенъ, но только въ одномъ Отелло—въ остальномъ слабъ.

— Даже графа пронялъ, сообщилъ я.

— Я вѣдь нарочно предложилъ этотъ спектакль, и съ со-

гласія графини, добавилъ онъ на-ухо. Мы не мало смѣялись. Вы вѣдь скрытничать не будете: супругъ зѣло злобствуетъ на меня.

— А вамъ какъ кажется?

— Мнѣ Господь съ нимъ. Я бы на его мѣстѣ иначе повелъ себя, да не мнѣ же его учить, и то сказать!... Покойной ночи.

Въ темнотѣ своей комнаты, отыскивая коробочку спичекъ, я съ горечью повторилъ про себя:

«Съ согласія графини... Мы не мало смѣялись!!»

XXII.

Становилось черезчуръ душно; не отъ жары, а отъ того воздуха, которымъ дышали въ Villino Ruffi. Все то же statu quo тянулось изо-дня въ день. Надо было чѣмъ-нибудь его прикончить. Не знаю, выдержалъ ли бы я еще, еслибъ не поѣздка графа съ графиней въ Фьезоле.

Должно быть этой дорогѣ суждено было каждый разъ служить развязкѣ или по крайней мѣрѣ приготовленіемъ къ ней.

Графъ два дня сряду приставалъ къ женѣ, приглашая ее отправиться вдвоемъ куда-нибудь въ окрестности. Она предлагала ему общій пикникъ «съ дѣтьми», но онъ упорно держался своего плана и такъ поставилъ этотъ *вопросъ*, что она согласилась, съ видимой неохотой.

Супруги поѣхали въ Фьезоле до обѣда, а я, оставшись одинъ съ Наташей, забылъ на нѣсколько часовъ: гдѣ и какъ мы съ ней живемъ. Задушевная бесѣда съ нею показалась мнѣ точно лебединою пѣснью: я чувствовалъ уже, что не жить мнѣ съ нею больше ни въ Слободскомъ, ни въ городѣ Н., ни въ Москвѣ. А она строила все воздушные за́мки: какъ мы съ ней будемъ прекрасно проводить время, какъ она заведетъ въ деревнѣ и въ городѣ по школѣ, какъ мы съѣздимъ съ ней на зиму въ Петербургъ.

— Папа отпуститъ меня съ вами... Я буду слушать педагогическіе курсы и выдержу экзаменъ. Господи, какъ будетъ хорошо!

Она даже захлопала въ ладоши...

Я не расхолаживалъ ея невинныхъ восторговъ.

Послѣ обѣда явился Рѣзвый и пригласилъ насъ воспользоваться луннымъ вечеромъ и съѣздить въ Colli. Наташа немного

попривыкла къ нему, и я видѣлъ, что она не прочь отъ этой поѣздки... А Коля всюду радъ былъ сопровождать пріятеля своего, зная, что тотъ всегда предложитъ что-нибудь съѣстное.

Къ восьми часамъ вечера коляска подняла насъ на ту платформу подъ церковью, откуда видна вся Флоренція.

— Какъ хорошо! тихо вскрикнула Наташа, подходя къ периламъ.

И въ самомъ дѣлѣ было хорошо...

Мягкій, нѣсколько дымчатый и теплый свѣтъ луны позволялъ каждому куполу, каждой башнѣ, каждой колоннѣ выдѣлиться и словно вздрагивать въ воздухѣ.

— Вонъ Palazzo Vecchio, вонъ колокольня собора, показывала Наташа... Чудо какъ хорошо, точно въ сказкѣ.

Коля оставался равнодушенъ къ картинѣ: онъ думалъ видно, что будетъ угощеніе мороженымъ въ саду Тиволи.

Слѣва отъ насъ шли по склону оливковыя деревья, и ихъ блѣдная зелень серебрилась подъ лучами луны; а въ промежуткахъ темныя купы бросали рѣзкую тѣнь на покатую луговину. Ярко вставали стѣны виллъ и павильоновъ, тамъ-и-сямъ поднимаясь изъ садовъ.

— Не наглядѣлся бы! тихо вымолвила Наташа, и такъ и застыла на мѣстѣ.

Рѣзвый стоялъ въ десяти шагахъ, безъ шляпы, и задумчиво глядя вдаль.

Я удивился его внезапной сосредоточенности. Онъ долженъ былъ вторить Наташѣ и указывать ей на разныя красоты вида, а онъ недвижимо безмолвствуетъ, да еще руку заложилъ за жилетъ.

Я подошелъ къ нему шага на три, но не заговорилъ; подождалъ, что-то онъ мнѣ самъ скажетъ.

— Николай Иванычъ, почти шепотомъ окликнулъ онъ меня, и самъ приблизился ко мнѣ.

Я взглянулъ на него вопросительно.

— Какъ вы думаете, что́ теперь дѣлается тамъ?...

И онъ указалъ рукой прямо отъ себя.

— Въ Фьезолѣ? спросилъ я.

— Да.

— Ничего, я думаю, не дѣлается. Они ужъ на возвратномъ пути.

— Ну, а что́ тамъ происходило часъ тому назадъ?

Не дожидаясь моего отвѣта, онъ пожалъ плечами и покачалъ головой.

Я догадался, что ему сильно не по себѣ и подумалъ: «и ты проходишь черезъ страданія его сіятельства—что́ же дѣлать.»

Утѣшать его было нечѣмъ, да у меня и языкъ не поворачивался, хоть я и жалѣлъ его.

— Супружескія права! выговорилъ онъ въ волненіи, какое варварство... Вѣдь не правда ли, Николай Иванычъ, варварство?!

— Надо же кому-нибудь и права имѣть, отшучивался я; но мнѣ все жальче дѣлалось бѣднаго «имянинника».

— Я уже вамъ сказалъ разъ: еслибъ я могъ дѣйствовать, какъ я хочу... Но у меня руки связаны.

«И лучше, что онѣ у тебя связаны», подумалъ я.

— Она, конечно, не такая женщина, чтобы поддаться какому-нибудь насилію...

— Полноте, перебилъ я его и взялъ подъ руку; зачѣмъ же волноваться, коли вы отвѣчаете за нее?

— Да! Въ томъ-то дѣло, что отъ женщинъ этой генераціи нельзя ничего требовать!

— Невмѣняемы?

— Невмѣняемы, повторилъ онъ, но такъ глухо и скорбно, что я не сталъ больше шутить.

Леонидъ Петровичъ старался послѣ того *занимать* Наташу; но фразы у него обрывались. Коля началъ щипать его, на возвратномъ пути, и всячески ему надоѣдалъ; но онъ не отыгрывался и только, отъ времени до времени, грустно улыбался...

Не могъ же я не взойти и въ его душу: чрезъ его страданія я проходилъ, зналъ, что они неизбѣжны, какъ бы человѣкъ ни былъ «осчастливленъ». Не даромъ онъ понукалъ кучера. Ему захотѣлось какъ можно скорѣе быть въ Villino Ruffi, чтобы въ одномъ взглядѣ или полусловѣ графини узнать: что́ было и чего не было? Онъ почти опрометью бросился къ дому черезъ цвѣтникъ, увидавъ, что гостиная освѣщена. Я расплачивался съ кучеромъ и пошелъ позади всѣхъ. На дорожкѣ, не доходя до крыльца, меня окликнули.

Это былъ графъ.

XXIII.

Ка̀къ онъ поздоровался съ Рѣзвымъ—я этого не могъ видѣть; но на меня онъ бросилъ такой растерянный и вмѣстѣ мрачный взглядъ, что я испугался и вскрикнулъ:

— Что́ съ вами, графъ?

— Пойдемте ко мнѣ въ комнату; или нѣтъ, останемтесь

здѣсь... или лучше уйдемъ куда-нибудь, туда на площадь, въ паркъ...

Мы вышли молча на площадь. Посреди дороги въ паркъ онъ вдругъ остановился и у него вырвалось:

— Что же это наконецъ такое, Господи, Боже мой!!

Онъ чуть-чуть не разрыдался. Ему было такъ плохо, что я подвелъ его къ скамьѣ и усадилъ.

— Вдругъ я сталъ ей противенъ... Она не выноситъ меня... она чувствуетъ ко мнѣ физическое отвращеніе!

«Ужъ не припадокъ ли опять?» подумалъ я.

Разспрашивать его о подробностяхъ я не былъ въ силахъ.

— Что это, что это? повторялъ онъ совсѣмъ потерянно, и опустивъ голову въ руки, просидѣлъ такъ нѣсколько минутъ.

— Графъ, рѣшился я заговорить, гдѣ же ваша выдержка?... Вамъ, быть можетъ, показалось такъ оттого, что вы сами были слишкомъ тревожны...

— Нѣтъ-съ, отрѣзалъ почти гнѣвно графъ, и поднялъ голову. Я понимаю, чтó мнѣ говорятъ и даже то, чего не договариваютъ... Вы меня успокоивали и такъ и этакъ... Я не долженъ, я не смѣю ревновать!... Ну, и прекрасно! Я не подозрѣваю никого... Вы мнѣ сказали: легко принять Кассіо за... ну, вы понимаете за кого... Я оставляю этого Кассіо въ покоѣ. Вотъ сейчасъ съ нимъ столкнулся... Онъ бѣжалъ туда, наверхъ, и я съ нимъ любезно раскланялся... Довольны вы мной? Кажется, нельзя быть благоразумнѣе... Но это все не то!...

— Что же графъ?

— А вотъ что-съ: она мнѣ вдругъ говоритъ, что давно-давно она не должна была... ну, какъ вамъ это выразить... быть моей!...

— Графиня вамъ это сказала? спросилъ я, чувствуя, какъ у меня что-то подкатило къ сердцу.

— Почти въ подлинныхъ выраженіяхъ! Давно... Почему?... Я былъ такъ пораженъ, что просто онѣмѣлъ... Она тоже замолчала. Но я видѣлъ по всему: по ея тону, по ея... какой-то небывалой брезгливости... что я—не мужъ ей, что она не хочетъ даже прикасаться ко мнѣ! Ну, оставимъ Кассіо, долой его, пускай онъ стоитъ внѣ всякихъ подозрѣній... Значитъ, ея совѣсть заговорила, значитъ, было давно уже что-то... Давно. Когда, сколько лѣтъ, съ кѣмъ?...

Еслибъ графъ еще разъ повторилъ послѣдній вопросъ, я, быть можетъ, отвѣтилъ бы:

— Со мной.

Но онъ смолкъ и опять заметался, а я сдержалъ свой порывъ. Точно кто дернулъ меня за руку и крикнулъ:

— Погоди!...

Я не имѣлъ права это дѣлать—и я смолчалъ. Нужды нѣтъ, что изъ признаній графа я видѣлъ, какъ начала дѣйствовать *она*. Какъ бы она ни дѣйствовала, пускай въ тысячу разъ печальнѣе— я шелъ по своей дорогѣ. До тѣхъ поръ, пока она не выдавала *всей* тайны, мой языкъ не долженъ былъ мнѣ повиноваться.

Но я вкушалъ тутъ такое возмездіе, о какомъ не мечталъ бы и самъ графъ, еслибъ онъ мстилъ мнѣ, какъ предательски обманутый мужъ. Я уже предвидѣлъ, каково мнѣ будетъ, вотъ съ этой самой минуты.

— Вы знаете ея жизнь лучше меня, заговорилъ онъ, протягивая ко мнѣ руки чуть не съ жестомъ мольбы: я часто былъ въ отлучкѣ, я не вникалъ въ ея сердце, я вѣрилъ ей, она была для меня какое-то божество... Вамъ извѣстно, чѣмъ и какъ я стремился заслужить ея любовь... Ну да, я ее не стоилъ, она осчастливила меня; но развѣ она не была свободна?... Скажи она мнѣ одно слово?... Я умеръ бы, только бы не лечь поперегъ дороги. Но теперь!... У насъ есть дѣти. Я отъ васъ не имѣю тайнъ, Николай Иванычъ... Наташу я считаю своей дочерью... сердце не обманываетъ. Князь Дуровъ не былъ ея отцемъ... Ну, да мы любили другъ друга еще до свадьбы... Развѣ насъ можно было осудить? Но она никогда потомъ не мирилась съ этой... связью... Вы знаете ли, что къ Наташѣ она холодна только по этому. И такая-то женщина, съ такими правилами, съ такой гордостью... вдругъ бросаетъ мнѣ ужасную фразу!... Ей-богу, я помѣшаюсь!...

Еслибъ въ эту минуту я сказалъ ему всю правду — я бы убилъ его на мѣстѣ.

Онъ всталъ, взялъ меня подъ руку и пошелъ медленными, разбитыми шагами по направленію къ парку. Я чувствовалъ какъ у него бьется сердце. Какъ оно билось у меня — я не сталъ считать. Ужъ и то для меня было большимъ облегченіемъ, что онъ нѣсколько минутъ молчалъ. Я успѣлъ хоть немного собраться съ мыслями.

Вдругъ онъ опять остановился, бросился ко мнѣ на шею, слезы брызнули у него градомъ и онъ зашепталъ:

— Николай Иванычъ, другъ мой, поддержите меня... если я съума не сойду, я кинусь въ старую страсть...

И на это я не могъ ничего отвѣтить: всякое мое слово было бы оскорбленіемъ.

Онъ такъ ослабъ, что я его долженъ былъ довести до дому. Предпослѣдняя его фраза была:

— Буду терпѣть... допытываться я не могу... Это свыше силъ моихъ.

Въ эту минуту изъ желтаго салона долетѣли звуки фортепьяна. Графъ вздрогнулъ и уныло, подавленно выговорилъ:

— Для всего прежняго она умерла... не для одного меня, и для васъ также!..

Эта капля переполнила чашу.

XXIV.

Наташа просительно сказала мнѣ:

— Я бы такъ хотѣла погулять съ вами въ паркѣ; пойдемте завтра, пораньше.

Мы и пошли. Былъ часъ восьмой утра. Нагулялись мы и наговорились вдосталь. Возвращаясь домой по той боковой аллеѣ, гдѣ пробуютъ туземныхъ рысачковъ въ таратайкахъ, намъ приходилось пройти мимо задняго фасада моего ресторанчика.

— Я первый вышелъ на площадку, и то, что́ я увидалъ на ней, бросилось въ глаза мнѣ первому, а не моей спутницѣ.

Въ углу, около каменной ограды, сходила съ велосипеда какая-то странная фигура, въ синей блузѣ, перехваченной кушакомъ, большихъ сапогахъ и женской шапочкѣ: я глазамъ своимъ не вѣрилъ,—это была графиня. Ее поддерживалъ Леонидъ Петровичъ. Она вся запыхалась и что-то скоро-скоро ему сказала, послѣ чего онъ побѣжалъ къ навѣсу ресторана.

Наташа успѣла уже бросить взглядъ на эту группу и, вѣроятно, узнала мать. Я взялъ ее за руку и повернулъ круто направо:

— Подите по этой дорожкѣ, сказалъ я ей: тамъ стоитъ скамейка на берегу рѣки; подождите меня, я забѣгу только въ ресторанъ, закурить папиросу.

Наташа опустила глаза и молча пошла къ рѣкѣ; я почувствовалъ, что она—все поняла.

Какъ только она скрылась за кустами, я подбѣжалъ къ графинѣ. Она махала на себя платкомъ и, щурясь немного, смотрѣла на небо. При видѣ меня ее всю передернуло. Краска отъ ѣзды сошла тотчасъ съ лица, и зеленые глаза уставились на меня раздраженно и насмѣшливо.

— Вы шпіоните за мною? спросила она, и выпрямившись, оперлась рукой на ручку своего велосипеда.

— Графиня, вскричалъ я, не умѣя сдерживать своей тревоги: что́ вы съ собою дѣлаете?!.

— Какъ видите, катаюсь на велосипедѣ, больше ничего.

— Ваша дочь видѣла васъ.

— Наташа? рѣзко спросила она. Когда, гдѣ?

— Я ее увелъ нарочно туда, къ рѣкѣ.

— Зачѣмъ же вы ее приводили сюда? Вдвоемъ подсматривать? Я вамъ не мѣшаю.

Она пошла къ ресторану, пожавъ презрительно плечами. Но я очень хорошо распозналъ подъ ея рѣзкостями большое смущеніе.

Она скрылась; я стоялъ нѣсколько секундъ, пораженный этой сценой.

«Мѣра перепущена, выговорилъ я про себя—теперь слѣдуетъ всего ожидать». Почти сорокалѣтняя женщина, въ мужской блузѣ и лакированныхъ сапогахъ на велосипедѣ — кажется, что́ можетъ быть комичнѣе?.. Но я не разсмѣялся, да и не было въ ней ничего смѣшного, даже въ ту минуту, когда я очутился передъ нею и смутилъ ея веселыя упражненія. На то она и была «мраморная». Смѣшное къ ней не приставало. Оставалось одно—печальное...

«Какъ быть съ Наташей?» почти съ ужасомъ подумалъ я, направляясь къ рѣкѣ.

Наташа сидѣла скромненько на скамейкѣ. Она проводила концомъ зонтика по песку. Я еще разъ сказалъ себѣ: «все видѣла».

Окликнулъ я ее и сѣлъ рядомъ. Она помолчала, и обернувшись ко мнѣ спросила:

— Неужели это была maman? Вѣдь да?

Я не сразу могъ выговорить:—Да.

Наташа сидѣла блѣдная, только ея свѣтло-голубые глаза необычно загорѣлись.

— У меня никого дороже васъ нѣтъ, заговорила она, тяжело дыша, и скрывать отъ васъ ничего я не хочу, ничего... Вразумите меня милый, дорогой Николай Иванычъ... Здѣсь что-то дѣлается, я не знаю... мнѣ страшно...

Она тихо заплакала и, какъ маленькая, припала къ моему плечу.

Я переждалъ, когда слезы стихнутъ. Наташа быстро отняла

голову, взглянула на меня, точно прося извиненія за свое движеніе, и нѣсколько сдержаннѣе продолжала:

— Maman не любитъ меня... я не знаю за что́; но я не объ этомъ тужу... я ужъ привыкла, давно привыкла. Но мнѣ такъ жаль папа... И ее жаль, я не хочу перестать уважать ее... Какъ же я буду жить послѣ того? Вы меня учили всегда, что надо все до послѣдней капельки въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ сдѣлать честнымъ. А если я такъ смущена... какъ же мнѣ быть? Пойти къ ней самой? Спрашивать ее? Я не смѣю, я боюсь ее... Говорить съ отцомъ тоже нельзя... Онъ и безъ того страдаетъ; я это вижу.

— Способны вы жить для отца? перебилъ я ее.

— Да, онъ добрый и честный.

И готовьте себя къ этому: что́ бы ни случилось здѣсь—поддержать его надо вамъ. Ваша любовь только и будетъ дѣйствительна. А на остальное не смотрите... Вы не судья вашей матери, потому что вы слишкомъ близки къ ней... Черезъ годъ, черезъ два—вы будете жить по-своему...

Чувствовалъ я, что въ словахъ моихъ нѣтъ той убѣдительности, какой страстно жаждала молодая душа, полная идеаловъ; не лгать же мнѣ было и замазывать то, что́ семнадцатилѣтняя, очень развитая дѣвушка уже осуждала всѣмъ своимъ глубоко-нравственнымъ существомъ... Я бы тутъ же повинился передъ ней и въ собственномъ окаянствѣ, еслибъ только мое признаніе помогло чему-нибудь. Для него былъ свой чередъ.

— Такъ тяжело, шептала сквозь слезы Наташа, когда не можешь ничего сдѣлать... и никто вамъ не говоритъ настоящей правды!.. Милый мой Николай Иванычъ, я не на васъ жалуюсь, я вижу, что вамъ нельзя иначе говорить со мной... И вы страдаете... Какъ бы намъ было хорошо въ Слободскомъ... мнѣ такъ не хотѣлось ѣхать... Зачѣмъ мы здѣсь будемъ жить; а папа не увезешь теперь!.. Лучше бы ничего не видать, ничего!..

Не скоро высохли слезы на блѣдныхъ щекахъ Наташи. Она оправилась, выпрямилась и наивно-милымъ тономъ сказала мнѣ:

— Простите, я больше не буду. Что-жъ тутъ дѣлать. Надо молчать. Не оставьте папа... Со мной онъ здѣсь совсѣмъ не говоритъ.

И точно, въ первый разъ чуть замѣтная морщинка легла у ней на переносицѣ: къ непорочному существу впервые прикоснулась грубая рука жизни...

XXV.

«На очередь» сталъ вопросъ о переселеніи въ Ливорно. Графиня послѣ сцены съ велосипедомъ совсѣмъ почти «игнорировала» мое присутствіе. Можетъ быть, она и въ самомъ дѣлѣ произвела меня въ шпіоны: я не сталъ этого допытываться. Мнѣ было такъ лучше. Графъ тоже успокоился, то-есть вставилъ себя въ футляръ своей прежней исправительной выучки. Глядя на него, я недоумѣвалъ: порода ли сказывалась въ немъ, или школа графини Варвары Борисовны такъ воспитала его? Я видѣлъ, что онъ уже ничего не добивается, ни о чемъ не допрашиваетъ жену, никого изъ присутствующихъ не подозрѣваетъ,—онъ томительно и сосредоточенно ждетъ. Жена его могла быть имъ отмѣнно довольна. Но эта сдержанность и уклончивость сильно начали тревожить Леонида Петровича. Въ первые дни онъ какъ будто обрадовался, но потомъ началъ терять равновѣсіе и не разъ обращался ко мнѣ за объясненіями. Я отвѣчалъ ему каждый разъ одно и то же: то-есть, что графъ—образумился. Рѣзвый бывалъ не всякій день въ Villino Ruffi. Не думаю, чтобы графъ слѣдилъ за нимъ. Скорѣе онъ предавался разнымъ неразрѣшимымъ вопросамъ на счетъ прошлаго графини. Когда Рѣзвый приходилъ провести вечеръ, графъ не избѣгалъ его, вступалъ съ нимъ охотно въ разговоръ, разспрашивалъ о его занятіяхъ и заграничной жизни. Своей приличностью, сдержанностью и безобидностью, онъ подавлялъ ихъ обоихъ: и графиню, и Рѣзваго, и надо правду сказать, наводилъ на желтый салонъ невыносимую скуку. Увѣренъ, что оба они предпочли бы какой угодно взрывъ этимъ благонамѣреннымъ и прѣснымъ бесѣдамъ.

Вопросъ о морскихъ купаньяхъ былъ рѣшенъ по прогулкѣ въ Cascine.

Мы разсѣлись двумя группами на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ у насъ вышелъ разговоръ съ графиней при свѣтѣ червяковъ.

Мимо проѣзжали барскія коляски, извощичьи фіакры, американскіе кабріолеты.

— Посмотрите, графъ, король ѣдетъ! окликнулъ вдругъ Рѣзвый и указалъ на двухмѣстный фаэтонъ, проѣзжавшій нескорою рысью. Лошади были гнѣдыя. Ливреи на кучерѣ и лакеѣ темнозеленыя съ красными воротниками. Въ фаэтонѣ сидѣло двое мужчинъ: тотъ, который сидѣлъ къ нашей сторонѣ—былъ безъ шляпы. Его большая мохнатая голова рѣзко отдѣлялась своими контурами.

По полнокровной щекѣ легъ широчайшій нафабренный усъ. Это и былъ король.

— Въ пиджакѣ, замѣтилъ графъ, съ любопытствомъ осматривая фигуру короля.

— Смотри папа, шепнулъ Коля, онъ письмо читаетъ.

Насъ это всѣхъ заинтересовало. И дѣйствительно, король читалъ, на прогулкѣ, свою корресподенцію, хотя начинало уже смеркаться.

— И чтó онъ дѣлаетъ здѣсь въ такую жару! выговорилъ графъ.

— Проѣздомъ въ Туринъ, кажется, доложилъ Рѣзвый.

— А когда ѣдетъ?

— Завтра; я читалъ въ «Gazzetta d'Italia».

— Вагbе, онъ намъ даетъ благой примѣръ, произнесъ наставительно графъ; на этой же недѣлѣ пора въ Ливорно.

Фаэтонъ съ темно-зелеными ливреями еще разъ проѣхалъ мимо насъ, чтó заставило графа почему-то повторить:

— На этой недѣлѣ—въ Ливорно!

Графиня не возражала. Но чего она, конечно, не ожидала— это приглашенія, котораго удостоился Рѣзвый отъ графа.

— Вы куда же купаться, monsieur Рѣзвый? спросилъ онъ его тутъ же. Еще не рѣшили?

— Не совсѣмъ еще, графъ, нѣсколько замялся Леонидъ Петровичъ.

— Да чего же ближе—въ Ливорно? Вѣдь это въ трехъ часахъ ѣзды отсюда. И двинемся всѣ вмѣстѣ.

Графиня, чуть замѣтно, обмѣнялась взглядомъ съ Рѣзвымъ. Тотъ не сразу отвѣтилъ.

— Конечно; боюсь одного, не жарко ли очень будетъ.

Слушая его я подумалъ: «ей не перетони, не согласиться тебѣ не позволятъ».

— Вы должны были привыкнуть къ жару, любезно уговаривалъ графъ; а на морѣ всегда есть пріятная свѣжесть...

— Конечно, конечно, повторилъ Рѣзвый.

Онъ былъ настолько юнъ, что не умѣлъ еще сразу справляться съ неожиданностью... да еще такого пріятнаго свойства. Впрочемъ, желалъ ли онъ пламенно ѣхать въ Ливорно — я не знаю. Быть можетъ, онъ предпочелъ бы дожидаться отъѣзда графа въ другомъ мѣстѣ; но ужъ онъ признавался мнѣ не разъ, что у него «руки связаны». Чтó руководило графомъ? Желаніе выказать себя джентльменомъ, великодушнымъ, образцовымъ мужемъ, въ надеждѣ вызвать перемѣну въ графинѣ, или же разсчетъ имѣть подъ рукой этого «оставленнаго имъ въ покоѣ Кассіо»?..

Довольно того, что вернувшись съ прогулки, всѣ три главныя лица, завязанныя въ дѣйствіе, почувствовали себя покойнѣе. Наташа отправлялась въ Ливорно все съ тѣмъ же душевнымъ грузомъ; а себя я ужъ больше не спрашивалъ: хочу я, не хочу ѣхать, пріятно мнѣ, или нѣтъ. Я зналъ и чувствовалъ одно: что развязка еще не подошла, и оставлять свой постъ — я не могу. А Флоренція, Ливорно, или какой-нибудь островъ Уйатъ или Монако —не все ли равно. Такъ или иначе, но заграницей разыграется послѣдній актъ.

XXVI.

Переѣздъ въ Ливорно совершился семейно, но безъ участія Рѣзваго. Ему почему-то нельзя было отправиться въ тотъ же день изъ Флоренціи: онъ мнѣ не сказалъ почему именно. Леонидъ Петровичъ сдѣлался со мною гораздо сдержаннѣе, и не трудно было замѣтить, что эта сдержанность стѣсняла его самого. Его, вѣроятно, остерегли или посовѣтовали ему перемѣнить со мною обхожденіе.

Графиня не хотѣла дѣлать никакихъ особыхъ распоряженій на счетъ квартиры. Она не справлялась о виллахъ около морского берега и настаивала только на томъ, чтобы помѣститься въ отелѣ. Но шарабанъ и понни она перевозила въ Ливорно.

Мы и помѣстились въ «Англо-Американскомъ отелѣ», на самомъ берегу, въ пяти минутахъ ходьбы отъ моднаго купальнаго заведенія: «Stabilimento Pancaldi». Тутъ у каждаго было по комнатѣ. Въ первомъ этажѣ размѣстились графиня съ Колей и Наташей—по одну сторону корридора, графъ по другую. Я взялъ комнатку въ верхнемъ этажѣ. Графъ простеръ свою любезность до того, что подыскалъ Рѣзвому помѣщеніе въ сосѣднемъ домѣ: въ отелѣ ужъ не случилось лишняго нумера.

Поздоровался я съ моремъ. У меня къ нему нѣтъ привычки, но я родился на Волгѣ, и дѣтство свое провелъ глядя на ея мореподобные разливы. Потребность въ созерцаніи обширныхъ водныхъ массъ жила во мнѣ, и сколько разъ мнѣ въ глуши моего хутора, или въ захолустьяхъ, куда я каждый годъ попадалъ, хотѣлось неудержимо очутиться на берегу, съ котораго видна синяя или сѣро-зеленая безграничная даль...

Тутъ, въ Ливорно, море было прекрасно, какъ и вездѣ; но порою слишкомъ ужъ празднично, слишкомъ смотрѣло растопленнымъ золотомъ въ полдень, слишкомъ переливало лазурью къ закату. Но я впервые испыталъ, какой это безцѣнный другъ и

повѣренный всякихъ думъ и сердечныхъ тайнъ. Сидите вы на камнѣ у самой окраины, легкая зыбь прибиваетъ ласкающія волны и поднимаетъ искристую пѣну. Все тотъ же звукъ, безконечно-различный въ самомъ однообразіи своемъ, шопотъ и журчаніе, плескъ и прибой... Закроешь глаза и кажется тебѣ, что ты посреди океана на какой-то скалѣ. Ничего тебѣ не страшно, мысль витаетъ вширь и вдаль, совѣсть не допускаетъ сдѣлокъ, во всемъ ты слышишь одинъ голосъ правды, во всемъ доходишь до самаго конца. Да, нигдѣ такъ не думается, какъ на морѣ, нигдѣ такъ не вздрагиваетъ сердце отъ каждаго великодушнаго помысла...

И Наташѣ полюбилось море. Больше у насъ и не было убѣжища. Она испугалась, въ первый же день, увидавъ, какъ шумно, людно и модно на Ливорнскихъ купаньяхъ. Съ ранняго утра у «Панкальди» толкутся разодѣтые купальщицы и купальщики, и обсматриваютъ другъ друга. Изъ города спѣшатъ барскіе экипажы, фіакры снуютъ туда и сюда, дѣти бѣгаютъ и болтаютъ, на проходахъ между кабинами и подъ всѣми полотняными навѣсами сидятъ группами ничего недѣлающія дамы и дѣвицы и показываютъ видъ, что занимаютъ себя пріятнымъ разговоромъ. Проходить между этими группами до своей кабины было для Наташи — инквизиторской пыткой. Каждое утро она сбиралась на купанье, точно на выпускной экзаменъ. Графиня дѣлала ей мало замѣчаній; но то, что́ она ей говорила, было всегда ѣдко и совершенно уничтожало ее. Все это касалось ея внѣшности: туалета, турнюры, походки. Семейство ходило купаться въ одинъ часъ. Графиня совсѣмъ затмѣвала свою дочь, но ея туалеты ужъ черезчуръ бросались въ глаза рядомъ съ простенькими, только-что приличными платьицами Наташи.

Вотъ мы и убѣгали вдвоемъ на море, подальше, въ ту сторону, гдѣ *Ardenza*, пройдя аллею, по которой каждый вечеръ съ семи часовъ происходитъ такое же московско-купеческое катанье, какъ и во флорентинскомъ паркѣ. Избѣгали мы съ ней въ первые же три дня все прибрежье. Когда мы въ день пріѣзда вошли въ маленькій садъ, идущій передъ линіей прибрежныхъ домовъ, насъ поразила южная растительность. Подъ яркимъ солнцемъ, во влажномъ воздухѣ, пропитанномъ запахомъ свѣтло-зеленыхъ южныхъ сосенокъ, предстали передъ нами кусты олеандровъ красныхъ, розовыхъ, бѣлыхъ, алоэ, кактусы, и какіе-то стебли, прорѣзывающіе листву, точно гдѣ въ очарованномъ лѣсу. Благоуханіе чуть не кружило головы. Аллея низенькихъ сосенъ показалась намъ такимъ сладкимъ пріютомъ. Но жаръ далъ себя

чувствовать, и въ тропическомъ цвѣтникѣ мы начали просто задыхаться. Одно только море не измѣняло намъ, ни утромъ, ни передъ обѣдомъ, ни вечеромъ, особливо при лунномъ свѣтѣ. Зайдемъ съ ней далеко, подъ самую Арденцу, сидимъ, читаемъ, глядимъ подолгу на зеленовато-голубую поверхность, на старый угасшій маякъ, стоящій предъ купальнями, на выступы подъ навѣсомъ, гдѣ модная публика сидитъ по цѣлымъ днямъ. Издали кажется, точно мухи обсѣли какую дощечку. Я такъ и прозвалъ ихъ «мухами».

— Много сегодня мухъ, Николай Иванычъ! говоритъ съ улыбкой Наташа.

Графу и графинѣ я сказалъ, что мнѣ хотѣлось бы позаняться съ Наташей по естественнымъ наукамъ. Мои лекціи импровизовались не каждый день; за то каждый день Наташа могла убѣгать отъ Панкальди.

XXVII.

Морское купанье, все равно что питье водъ, методически наполняетъ день ничего недѣланьемъ. Ни графу, ни графинѣ, ни Рѣзвому, ни пріятелю его Колѣ — рѣшительно нечего было дѣлать съ девяти часовъ утра; но цѣлый день у нихъ раздѣленъ былъ по часамъ, точно на клѣточки. Графиня чуть не три раза въ день мѣняла туалетъ. Графъ тоже переодѣвался раза два. Не отставалъ отъ него и Рѣзвый: онъ сдѣлался даже изящнѣе, чѣмъ во Флоренціи, попавъ въ воздухъ воднаго фэшена. Они долго завтракали, потомъ сидѣли подъ навѣсомъ у Панкальди, иногда переходили въ сосѣднее заведеніе Пальмьери, потомъ садились подъ палатку тамъ, гдѣ собираются «мухи», потомъ обѣдали, послѣ обѣда ѣздили въ шарабанѣ по дорогѣ въ Арденцу. Это мнѣ напомнило нѣсколько блаженную жизнь у Стрѣчковыхъ, въ Хомяковкѣ. Коля пользовался вакаціей, и графъ какъ-то перестала находить, что онъ безъ пути балуется. Сейчасъ завелись у Коли аристократическія знакомства съ разными итальянскими маленькими «principe» и породистыми англійскими «boys». Онъ преважно расхаживалъ, заложивъ руки въ карманы своихъ синенькихъ широкихъ панталонъ, съ матросскимъ воротникомъ и голой шеей, и переглядывался съ дѣвочками не моложе двѣнадцати лѣтъ. Не всѣхъ удостоивалъ онъ ухаживанья. Нѣкоторыя вертѣлись около него, играли въ кольцо, заговаривали даже; но онъ смотрѣлъ на нихъ презрительно и проходилъ мимо.

Леонидъ Петровичъ, явившійся въ Ливорно два дня послѣ

насъ, порывался войти со мной опять въ пріятельскія изліянія; но я мало былъ съ нимъ вмѣстѣ. Я вѣдь зналъ, что новаго онъ мнѣ ничего не скажетъ, и утѣшать его не приходилось: онъ освоивался, понемногу, съ своимъ положеніемъ. Я могъ бы, еслибъ хотѣлъ, узнать отъ него: какіе у нихъ планы на осень, возвращается ли онъ въ Россію, и думаетъ ли графиня оставаться въ Италіи на зиму; но выспрашивать что-либо подобное я не пожелалъ. Поневолѣ я долженъ былъ сторониться не только отъ Рѣзваго, да и отъ графа. Графъ точно стыдился нѣсколькихъ страстныхъ сценъ со мною, онъ старался самъ успокоивать меня, онъ поторопился даже сдѣлать мнѣ сообщеніе, касавшееся его одного.

— Знаете, что̀ я вамъ скажу, Николай Иванычъ, началъ онъ разъ, когда мы возвращались съ нимъ изъ города. Barbe отъ меня долго скрывала, но она очень больна...

— Да? не безъ удивленія спросилъ я.

— Она, по гордости или по благородству натуры, не любитъ говорить о своихъ недугахъ; но это такъ... Ей нужна совершенно спокойная жизнь... Мнѣ право совѣстно, что я по пріѣздѣ такъ волновался... Но этого больше уже не будетъ. И то сказать: я не семнадцатилѣтній юноша.

«Вотъ оно что, выговорилъ я про себя, давно бы такъ».

— Придется оставить ее еще на зиму въ Италіи, продолжалъ графъ серьёзно и заботливо, я думаю въ Римѣ... климатъ тамъ лучше... она еще не настаиваетъ на этомъ, но я самъ ей предложу... Какъ мнѣ ни горько быть съ ней въ разлукѣ, но довольно предаваться малодушію... И вы меня за это похвалите, не такъ ли, Николай Иванычъ?

«Такъ, такъ» поддакивалъ я мысленно, но вслухъ не могъ выговорить.

Въ болѣе глубокіе тайники души своей Платонъ Дмитріевичъ не впускалъ меня. Все же лучше, что онъ передѣлалъ себя на этотъ фасонъ. На долго ли? Мнѣ уже поздно было спрашивать.

Я желалъ уйти отъ всякихъ интимныхъ изліяній и наблюденій и ждать «чего-то» въ тихихъ бесѣдахъ съ Наташей, но мнѣ и это начинало не удаваться: я самъ незамѣтно проникался особой тревогой, точно будто я хотѣлъ какого-нибудь новаго взрыва, бурнаго столкновенія съ графиней. Это былъ послѣдній «рефлексъ» выгорѣвшей страсти. Кто прожилъ съ мое, знаетъ: трудно или легко сразу, въ какихъ-нибудь двѣ-три недѣли, разорвать *все* съ женщиною, на которую, когда-то, чуть не молился. Графъ, какъ ему ни жутко приходилось, все-таки былъ въ своей обычной роли. Особой нѣжности онъ никогда не ви-

далъ отъ супруги. Онъ надѣялся и ждалъ, думая, что рано или поздно — пойдетъ по старому. А я? Съ самаго пріѣзда въ Ливорно, не знаю: сказала ли мнѣ графиня счетомъ пять словъ? Не то было горько, что тутъ находился другой счастливецъ, а то, что ничего не осталось изъ прежней задушевной жизни, ни пониманія, ни симпатій, ни общихъ интересовъ, ничего!.. «Неужели, въ самомъ дѣлѣ, спрашивалъ я себя, все, что́ меня влекло и очаровывало, и даже подавляло когда-то въ этомъ существѣ — миражъ, наивный самообманъ? Неужели она отвернулась отъ меня, какъ «власть имѣющая?» Вѣдь выходка у велосипеда — придирка; а если не придирка, то въ ней нѣтъ и тѣни, не только уваженія ко мнѣ, но простого человѣческаго чувства?»

Да, такъ оно было. Графиня вела себя со мною, точно будто *я* провинился передъ нею, *я* упалъ въ ея глазахъ. Даже удивительно: почему она мнѣ при всѣхъ не сказала:

— «Что это вы здѣсь все торчите, Николай Иванычъ; вамъ бы пора домой, хозяйство наше совсѣмъ безъ призора!»

И, въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ я жилъ? Мое присутствіе было для нея — острый ножъ. Останься у ней въ сердцѣ хоть капля дружбы ко мнѣ — она нарочно бы облеклась въ холодъ и пренебреженіе. Ей такъ было ловчѣе; а супругъ и не замѣчалъ даже того, что между нами пробѣжала черная кошка...

Общій столъ въ отелѣ и общія прогулки дѣлались для меня не меньшей пыткой, чѣмъ «Панкальди» для Наташи.

XXVIII.

Прошла еще цѣлая большая, водяная недѣля. Я началъ бояться за себя не на шутку: а вдругъ какъ я не выдержу и ударюсь бѣжать изъ Ливорно?

Даже Наташа стала спрашивать: почему на меня находитъ какая-то тревожность, и не прекратить ли мнѣ купанье?

Я и отъ нея началъ удаляться. Въ самые жаркіе часы дня, когда водяная жизнь стихнетъ, и только въ садикѣ сидятъ подъ сосенками няньки съ дѣтьми или какой-нибудь древній итальянецъ съ газетой, я ходилъ, не боясь солнечнаго удара, безъ зонтика, по берегу или по бульвару, гдѣ тоже не было тѣни. Эта ходьба на припёкѣ успокоивала меня.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ я присѣлъ на бульварѣ, подъ жидкой тѣнью деревца, съ блѣдной хвоей, похожей на кипарисную; скамейка приходилась около садика, гдѣ по вечерамъ бы-

ваетъ музыка и даютъ французскія оперетки, наискосокъ воротъ, ведущихъ въ городъ. Между шоссе и крѣпостнымъ валомъ раскинутъ плохенькій скверъ, насквозь пропекаемый солнцемъ. Проѣдетъ фіакръ, и кучеръ, изнывающій отъ жары, непремѣнно крикнетъ вамъ: «La vole?» Протащится какая-нибудь прачка или судомойка босая, въ шлёпальцахъ безъ пятокъ, лѣниво пронесетъ ходячій торговецъ зонтики, и на всю набережную, съ какимъ-то вывертомъ запоетъ: «Ombrelli, ombrellajo!» И потомъ опять все затихнетъ, до новаго шума коляски или до грохота поливальной бочки, которая прибьетъ маленько пыль, но не освѣжитъ раскаленнаго воздуха...

Я все сидѣлъ себѣ на скамьѣ. На балконъ перваго этажа въ угольномъ домѣ, гдѣ внизу распиваютъ разные напитки, вышли три восточныя фигуры: два турка въ фескахъ и европейскомъ платьѣ, тучные и широколицые, и третій въ турбанѣ, точно синьоръ Сальвини въ «Отелло». Имъ также хорошо было на солнцѣ, какъ и той маленькой ящерицѣ, которая только-что передъ тѣмъ перебѣжала черезъ бульваръ, мелькая своимъ зеленовато-бурымъ хвостикомъ. Турбанъ вкусно такъ скалилъ зубы и слегка щурился; фески обернулись въ сторону воротъ и начали во что-то вглядываться.

И я поглядѣлъ въ ту же сторону. Извощичья карета остановилась, не доѣзжая шоссе; изъ нея вышла высокаго роста женщина въ батистовомъ платьѣ съ кружевами, и въ широкой соломенной шляпѣ съ темнымъ вуалемъ. На нее-то и уставились фески. Турбанъ присоединился къ нимъ.

Дама перешла торопливо черезъ шоссе, распустивъ зонтикъ, прикрывшій совсѣмъ ея лицо. Она направлялась къ тому мѣсту, гдѣ я сидѣлъ. Только въ пяти шагахъ я узналъ походку и платье графини. Я притихъ, кажется, даже притаилъ дыханіе. Въ головѣ моей сейчасъ же запрыгали такіе образы, отъ которыхъ я сильнѣе всего открещивался. Графиня поровнялась со мной и не обратила на меня никакого вниманія; она даже и не замѣтила: сидитъ тутъ кто-нибудь, или нѣтъ. Она спѣшила добраться поскорѣе до перваго поворота въ садикъ: это видно было по тому, какъ она шла. Черезъ нѣсколько секундъ она повернула и совершенно скрылась за зеленью.

Я снялъ шляпу и отеръ себѣ лобъ. Меня бросило въ особый жаръ. Не стану исписывать нѣсколькихъ страницъ, чтобы повѣрнѣе схватить, что́ у меня закопошилось на душѣ. Фактъ былъ самый обыденный. Графиня могла, просто, съѣздить въ городъ, купить какого-нибудь тюлю или рюшу; но эта остановка у сквера,

эта поспѣшность въ походкѣ, это желаніе поскорѣе скрыться въ садикѣ,—все показывало слишкомъ ясно, что она ѣздила куда-нибудь тайкомъ. Но и въ этомъ что́ же было *для меня* новаго?.. А вотъ подите: цѣлыхъ пять минутъ во мнѣ царствовалъ переполохъ, и не безъ особаго напряженія воли подавилъ я свое волненіе. Когда я всталъ и пошелъ назадъ, вопросъ: куда ѣздила графиня?—уже не разжигалъ меня. Я вспомнилъ, что меня ждетъ Наташа.

Въ садикъ повернулъ я машинально, какъ часто это дѣлалъ, и вплоть до аллеи сосенокъ даже не отдавалъ себѣ полнаго отчета: иду ли я по бульвару, или по одной изъ дорожекъ цвѣтника? Сладковатый, смолистый запахъ доложилъ моему обонянію, что я у аллейки. Въ ней было душно, но тѣнисто. Я бросилъ взглядъ во всю ея длину, и на одной изъ дальнихъ скамеекъ мелькнули платье и шляпка графини. Идти назадъ я не захотѣлъ. Не мѣняя шага, но усиленно наблюдая надъ собою, продолжалъ я свой путь. Вотъ и скамейка... это она. Я не закрылъ глазъ, но и не оборачивалъ ихъ въ ея сторону.

— Николай Иванычъ! позвали меня, не то радостнымъ, не то убитымъ голосомъ.

Я обернулся и простоялъ съ минуту болѣе, чѣмъ удивленный; она сидѣла, облокотясь рукой о-спинку скамейки, и опустивъ голову: всѣ черты вытянулись и глаза совсѣмъ потухли.

— Что́ вамъ угодно, графиня? спросилъ я, садясь рядомъ съ ней.

Она точно очнулась отъ сна.

— Я много виновата передъ вами, кинула она мнѣ лихорадочнымъ голосомъ, не судите меня, Бога ради, не судите! Тамъ, во Флоренціи, изъ-за этой безумной затѣи съ велосипедомъ, я вамъ насказала Богъ знаетъ чего... Не мнѣ васъ укорять...

— Полноте, что за счеты, успокоивалъ я ее, еще не совсѣмъ владѣя собой. Отъ звука ея голоса у меня точно мурашки пошли по спинѣ.

— Мнѣ нужно съ вами видѣться сегодня, сказала она уже другимъ, рѣшительнымъ голосомъ; теперь я слишкомъ взволнована... и эта жара...

— Гдѣ же? почти шепотомъ спросилъ я.

— Гдѣ?.. Намъ необходимо быть совершенно однимъ... Вы знаете это caffé, вотъ тутъ, противъ сада, съ мостикомъ, гдѣ есть также купальни: еще тамъ бываетъ такая ужасная музыка... Будьте тамъ въ десять часовъ, не раньше... Когда перейдете мо-

стикъ, возьмите налѣво... Тамъ есть такая насыпь по берегу... Такъ подъ этой насыпью ждите меня...

Она встала, оправилась и подняла вуаль.

— Будете? спросила она меня, и глаза ея вспыхнули. Вы великодушны, я знаю... Скажу вамъ одно—вы только и способны помочь мнѣ. Прощайте.

Мнѣ пожали руку крѣпко и горячо. Я промолчалъ и не могъ оторваться отъ ея удалявшейся фигуры до той минуты, когда она исчезла на поворотѣ.

Я все разомъ забылъ: и трехнедѣльную презрительную холодность, и сцену съ велосипедомъ, и тревогу послѣднихъ дней... *Я* ей *нуженъ* былъ. Вотъ что́ меня всего наполняло. «Пришло» прошепталъ я, чувствуя, что не обманываюсь, что *оно* въ самомъ дѣлѣ пришло...

XXIX.

Еще не было десяти часовъ, когда я, укрываясь точно какой гидальго, положительно боясь наткнуться на Рѣзваго или на графа, пробирался къ мостику того демократическаго заведенія, гдѣ мнѣ уже пришлось разъ напиться табачной гущи подъ именемъ „caffè-nero". Съ мостика повернулъ я налѣво, какъ мнѣ говорила графиня. Направо начиналась большая площадка, вся уставленная столами и стульями въ перемежку съ малорослыми деревьями, и освѣщенная низкими керосиновыми фонарями. Въ этотъ вечеръ жестокая роговая музыка что-то дудѣла, и гулъ ея разносился по морю съ раздражающей звонкостью.

Нашелъ я насыпь и проходъ около самаго берега. Графини еще не было. Я принесъ два стула и поставилъ подъ самую насыпь, такъ чтобы насъ не видно было сразу, если кому-нибудь придетъ охота заглянуть въ этотъ уголъ. Теплый вѣтерокъ пахнулъ мнѣ въ лицо, когда я, въ волненіи, подошелъ къ водѣ; пахнулъ, но не освѣжилъ. Никакой надежды, никакихъ обольщеній не было во мнѣ. Я зналъ только, что надо «что-то» сдѣлать, и я это, во что бы то ни стало, сдѣлаю. Но голова и воля сами по себѣ, а сердце и пульсъ сами по себѣ...

Слышу черезъ пять минутъ шумные итальянскіе голоса, все ближе, ближе, и цѣлое общество изъ трехъ дамъ, двухъ кавалеровъ и одного худого франтоватаго аббата вваливается на площадку, гдѣ я стоялъ.

Я такъ и обмеръ. Общество шло прямо къ нашей засадѣ, и двѣ дамы преспокойно разсѣлись на моихъ стульяхъ, аббатъ

влѣзъ на самую насыпь, и тамъ возсѣлъ на стулъ, откуда сталъ балагурить съ дамами.

Моя пытка продолжалась не меньше десяти минутъ. Я ужъ рѣшался бѣжать на мостикъ и остановить тамъ графиню. Но вотъ, аббатъ слѣзъ съ вышки, дамы сказали, что имъ хочется къ Панкальди, и все общество удалилось.

Еще пять долгихъ, почти безконечно долгихъ минутъ... Тутъ я еще разъ почувствовалъ, что мнѣ не больше двадцати лѣтъ отъ роду.

— Вы здѣсь? послышался, наконецъ, въ темнотѣ звонкій грудной шопотъ, и графиня, пробираясь между деревьями, вышла къ берегу.

— Здѣсь, здѣсь; стулья я приготовилъ.

Я это выговорилъ съ такой негеройской заботливостью, что Леонидъ Петровичъ, будь онъ тутъ, ужъ конечно бы не запылалъ ревностью...

— Благодарю васъ, сказала съ особымъ удареніемъ графиня; подойдя ко мнѣ, она взяла меня за руку и сама подвела къ стульямъ.

Луна шла на ущербъ и только отблескъ моря позволялъ мнѣ разглядѣть ея лицо. Оно было возбуждено, но движенія казались спокойными.

— Онъ долженъ ѣхать! выговорила она однимъ духомъ, точно продолжая какой-то споръ.

Я понялъ, кто этотъ «онъ».

— Но онъ такъ не уѣдетъ... Онъ захочетъ узнать все и говорить съ графомъ, а я не допущу этого. Я не приму отъ него никакой жертвы... Заклинаю васъ: все, что̀ вы услышите—умретъ въ васъ. Да?

— А когда же я вамъ измѣнялъ? спросилъ я.

— Вѣрю, вѣрю... Николай Иванычъ, мое положеніе требуетъ... рѣшительнаго шага. Докторъ сказалъ мнѣ сегодня...

Она произносила эти отрывочныя фразы съ тревогой, сразу напомнившей мнѣ сцену въ тратторіи. Но не за себя она такъ волновалась...

— Какъ же быть, графиня? Приказывайте.

Мои слова, сказанныя суховато, вывели ее изъ крайняго возбужденія. Она перевела духъ и выговорила медленнѣе и тверже:

— Не приказывать вамъ пришла я, а просить васъ... вы имѣете полное право сказать: я васъ больше не знаю, графиня, ничего вы не заслуживаете, кромѣ...

— Къ чему все это? перебилъ я. Мнѣ сдѣлалось слишкомъ больно отъ такого предисловія.

— Какъ хотите, такъ и отвѣтите, продолжала она. Я не о себѣ... Обманывать графа я не буду: это было бы черезчуръ дерзко. Но ребенокъ не долженъ родиться ничьимъ. Ему надо имя, ему надо пользоваться всѣмъ, чѣмъ мои остальныя дѣти пользуются... Или я умру вмѣстѣ съ нимъ, или это такъ будетъ!

Она выпрямилась, ея блѣдное лицо все судорожно вздрогнуло. Звуки голоса были *прежніе:* говорила мраморная женщина голубой комнаты.

— Живите, живите, шепталъ я, беря ее за трепетную руку; все что только я въ силахъ...

— Васъ графъ уважаетъ, онъ васъ и любитъ больше всѣхъ, кромѣ меня и дѣтей. Отъ васъ онъ все выслушаетъ... Говорите съ нимъ, вспомните, что вы добрый, добрый, безконечно добрый. Я не подсказываю вамъ ничего, вы сами вольны въ каждомъ вашемъ словѣ... Но спасите ни въ чемъ неповиннаго ребенка, спасите!..

Не взвидѣлся я, какъ она опустилась на колѣни, и глухія рыданія вырвались изъ ея груди... Она — предо мной — колѣнопреклоненная!.. Я бросился поднимать ее, повторяя, ужъ не помню что, усаживалъ, готовъ былъ превратиться въ червя ползущаго, только бы она успокоилась...

Больше она меня ни о чемъ не просила; но я точно въ глазахъ ея прочелъ все, что мнѣ нужно было прочесть. Ни у какой другой женщины не хватило бы духа предложить *мнѣ* «спасти» ея ребенка. И въ этомъ я увидалъ, за кого она меня считаетъ. Я не зналъ, какъ благодарить ее, какъ ей выразить мою радость, какъ похвалить ее за ясновидѣніе: такое-то бремя я и мечталъ взять на себя... Но сказать ей что-нибудь, хотя бы только похожее на это—я не былъ въ состояніи, да она и не требовала...

— Онъ уѣзжаетъ черезъ два дня, не позднѣе... Вамъ онъ будетъ изливаться—я знаю. Вы дали мнѣ слово—и я спокойна... А потомъ все въ вашихъ рукахъ, Николай Иванычъ — и я чувствую...

Она не договорила, и держа меня обѣими руками, смотрѣла такъ глубоко-добро и умиленно... Потомъ, она опустила низко глаза и прошептала съ выраженіемъ, на какое способны только натуры, одинаково сильныя въ добрѣ и злѣ:

— Простите, я разбила вашу жизнь, я загрязнила вашъ

идеалъ... мнѣ нѣтъ оправданія. Для васъ я не существую больше, вотъ моя казнь...

Слушая ее, я точно прислушивался къ голосу, выходящему изъ могилы, укрывшей чьи-то драгоцѣнные для меня останки... И вдругъ кроткій, свѣтлый обликъ Наташи сталъ предо мною, въ минуту, когда я былъ поглощенъ ея матерью...

Точно отвѣчая на этотъ образъ, графиня проговорила:

— Если графъ потребуетъ дѣтей... я подчинюсь его волѣ... Я не стóю ихъ. Мнѣ невыносимо присутствіе дочери... Она на вашихъ рукахъ. А мальчика ничто не исправитъ...

— Какой же конецъ? чуть слышно вымолвилъ я.

— Не спрашивайте меня, ради Создателя, не спрашивайте! вскричала она и почти гнѣвно рванулась отъ меня... Хуже того, какъ мнѣ теперь — не будетъ...

Она почти побѣжала отъ меня, но вернулась тотчасъ же, и еще разъ пожавъ мнѣ руку, сказала:

— Мы говоримъ объ этомъ въ послѣдній разъ, Николай Иванычъ... Вы не обязаны отдавать мнѣ отчета ни въ чемъ. Я сама все увижу... говорить два раза о томъ же—право лучше броситься въ море! Вы уѣдете отсюда послѣ разговора съ графомъ: вотъ моя послѣдняя просьба.

Молча прошли мы по набережной, еще не опустѣвшей отъ гуляющихъ паръ. Изъ саду несся гулъ хоровъ какой-то оффенбахіады. Вдали мелькали огни у Панкальди. Въ сосновой аллейкѣ мы разстались. Физически разбитый опустился я на скамью; а на душѣ у меня сдѣлалось такъ свѣтло, какъ у всякаго, кто томительно ждалъ—и наконецъ дождался...

XXX.

Словно морской смерчъ, налетѣлъ на меня Леонидъ Петровичъ. Я думалъ даже уѣхать на два дня въ городъ, чтобы не попадаться ему: такимъ путемъ я всего вѣрнѣе выполнилъ бы слово, данное графинѣ; но только-что утромъ отправился я купаться въ дешевенькія купальни «Aurora» противъ нашего отеля, какъ на дорогѣ черезъ пустырь, отдѣляющій купальни отъ бульвара, Рѣзвый сталъ предо мною во весь ростъ.

Ретироваться было поздно. Стоило мнѣ бросить взглядъ на его лицо, чтобы убѣдиться, въ какой онъ душевной тревогѣ.

— Вы идете купаться? спросилъ онъ меня почти сурово, извините, что останавливаю; но если вамъ все равно выкупаться

двадцатью минутами позже — подарите ихъ мнѣ: я долженъ съ вами говорить.

Онъ такъ сказалъ «долженъ», какъ врядъ ли выговаривалъ самыя страстныя предложенія.

Надо было повиноваться. Рѣзвый увлекъ меня, вдоль пустыря, по набережной... Мы сѣли на два камня.

— Графиня, началъ онъ, требуетъ отъ меня невозможнаго.

— Чего же? безстрастно выговорилъ я.

— Она требуетъ, чтобы я сейчасъ же ѣхалъ.

— А вамъ это такъ трудно?

— Очень легко и правдоподобно: мнѣ и нужно даже вернуться къ концу августа; но я этого не могу сдѣлать!

Я молчалъ, какъ-бы ожидая поясненій.

— Вы любили же, Николай Иванычъ, продолжалъ Рѣзвый, вы поймете меня. У женщинъ—другая мораль. Хоть и печально, а надо съ этимъ согласиться... Онѣ не признаютъ совсѣмъ долга, великодушныхъ поступковъ, жертвы отъ человѣка... который имъ близокъ. Да и жертвы тутъ никакой нѣтъ! Всякій долженъ отвѣчать за себя: вотъ мой девизъ, и я не затѣмъ готовлюсь быть публичнымъ дѣятелемъ, чтобы начинать съ обмана и малодушія!..

Я бы его расцѣловалъ: такъ онъ это хорошо выговорилъ.

— Она хочетъ утаить отъ меня главное... Напрасно. Вчера я былъ въ городѣ и видѣлъ, какъ она ѣздила къ доктору... Да и раньше я уже подозрѣвалъ... Зачѣмъ же она меня гонитъ, зачѣмъ заставляетъ играть презрѣнную роль, когда ея тайна — моя тайна? Я долженъ дать за нея отвѣтъ, и я дамъ...

— Леонидъ Петровичъ, остановилъ тутъ я его, на чтó же идете вы? Вѣдь мало вашего долга, вашего достоинства, нужно и о той подумать, кого вы любите...

— А какъ же иначе докажу я свою любовь? Вѣдь не ныньче, такъ завтра — все откроется... Чтó же тогда дѣлать: лгать, проводить графа?.. Но это фактически невозможно... вы понимаете: фак-ти-чес-ки!..

— Положимъ...

— Кто же будетъ отвѣчать?—Одна она; а кандидата правъ—Рѣзваго—ищи-свищи!.. Нѣтъ!.. Этого не будетъ... Называйте меня идіотомъ... чѣмъ вамъ угодно, но наше поколѣніе, повторяю я вамъ, не такъ себя готовило къ жизни.

Онъ остановился, и перемѣнивъ позу, сталъ говорить сдержаннѣе и съ жестами человѣка разсуждающаго.

— Вникните въ то, чтò случится: тайна откроется. Кромѣ ея—никого на лицо къ отвѣту не будетъ привлечено... И это

уже гнусно само по себѣ, но этого еще мало: а чей же ребенокъ? Кто его признàетъ, кто ему дастъ права?..

— Да вѣдь и вы ему не дадите ихъ... вспомните, что мы не французы: а русскіе, возразилъ я.

— Знаю и прекрасно все помню. Ну, пускай графъ не признаетъ его; у него будетъ отецъ, онъ долженъ его знать съ младенческихъ лѣтъ... Не бѣда, что его не станутъ величать графскимъ титуломъ. Человѣкомъ его сдѣлаетъ отецъ... Да и это еще не все: каковъ бы ни былъ графъ, онъ не маріонетка же. Вызоветъ онъ меня: — кто-нибудь изъ насъ останется на мѣстѣ; не вызоветъ — онъ обойдется съ женой своей иначе, коль скоро между ними станетъ человѣкъ, сознающій свой долгъ, не уступающій никому своихъ... коли на то пошло! — естественныхъ правъ. Выйдетъ что-нибудь серьёзное, горячее, честное... Все остальное — грязь, и какая: трусливая, позорная грязь!..

Въ этомъ монологѣ вылился весь Леонидъ Петровичъ. Чтó онъ сказалъ бы, въ такихъ же дѣлахъ, три года спустя—я за это не поручусь. Но тогда, каждое слово его превратилось бы въ дѣло, еслибъ передъ нимъ очутился вдругъ графъ Платонъ Дмитріевичъ.

— Мнѣ нужно было васъ видѣть, Николай Иванычъ, не затѣмъ, чтобы тянуть съ графомъ... Но вы старый другъ графини. Она на васъ тутъ дулась немного; но ваше слово для нея не потеряло вѣса, повѣрьте мнѣ. Вамъ я высказался; а вы вразумите ее, заставьте и въ ней дрогнуть чувству смѣлаго порыва, скажите ей: какъ она оскорбляетъ меня такимъ выгораживаніемъ моей личности!.. Право, это высшая обида для человѣка, который любитъ такую женщину...

Слезы готовы были брызнуть изъ глазъ Рѣзваго, но онъ сдержалъ ихъ...

Мнѣ сдѣлалось такъ жаль его, что подъ вліяніемъ этого чувства—быстрая, какъ молнія мысль, пронизала мой мозгъ, и я несказанно обрадовался ей; будь я мистикъ, я бы увѣровалъ, что это — свыше...

— Послушайте, Леонидъ Петровичъ, началъ я, подсаживаясь къ нему: что я раздѣляю вашъ символъ вѣры — объ этомъ и толковать нечего. Но вѣдь не въ одномъ порывѣ спасеніе. Кого вы больше любите — себя, или ее? Вѣдь ее? Надо же такъ и дѣйствовать.

— Но другого исхода нѣтъ! крикнулъ почти отчаянно Рѣзвый.

— Погодите. Кто его знаетъ, быть можетъ графъ окажется погуманнѣе, чѣмъ мы съ вами думаемъ. Ну, хорошо, онъ дол-

женъ узнать правду, и приметъ ее, пожалуй, такъ, что ваше вмѣшательство сдѣлается только пагубнымъ... и для матери... и для ея ребенка.

Онъ взглянулъ на меня такъ строго, точно хотѣлъ выпытать: не провожу ли я его побасёнками?

— Предположите, продолжалъ я одушевляясь, что онъ не отниметъ у ребенка никакихъ правъ, а настоящему отцу не откажетъ и въ его правахъ...

— Идиллія, быть этого не можетъ!...

— Спорить съ вами не стану; но отчего же не попробовать?... И тутъ вамъ — всего менѣе надо выставляться. Это не уклончивость, а разумная любовь. Между вами можетъ выдти печальное столкновеніе, и оно ничего не рѣшитъ. Вы говорите: одинъ на мѣстѣ останется. А какъ не останется? Развѣ дуэль подниметъ ваши права? Ни малѣйшимъ образомъ. Вы оба останетесь живы. Графъ поведетъ себя, какъ ему угодно, разведется или нѣтъ съ женой, признаетъ или нѣтъ ея ребенка — а вы ни при чемъ...

— Исходъ будетъ! стремительно перебилъ Рѣзвый. Нельзя будетъ продолжать брачныхъ отношеній.

— А вы справлялись у графини: желаетъ она развода или нѣтъ?

— Я не знаю!...

— А хотите дѣйствовать? Такъ позвольте мнѣ васъ увѣрить, что она не пойдетъ на разводъ; и еслибъ она шла на него, вашъ долгъ—долгъ любящаго человѣка—удержать ее отъ такого безумія. Вѣдь ей скоро сорокъ лѣтъ, у ней взрослая дочь, у ней сынъ подростаетъ... Вы забыли видно, что такой разводъ поведетъ за собою церковное покаяніе... да это еще бы не бѣда; а то—потерю добраго имени... въ глазахъ тѣхъ, которые и мизинца графини не стоютъ...

По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, Рѣзвый все блѣднѣлъ и тревожно озирался...

— Какъ же быть!... вырвалось у него.

— Не дѣлать ничего наскокомъ. Вы не хотите уклоняться— выступайте, когда васъ надо будетъ. Васъ душитъ ложь и притворство,—попросите у графини позволенія снять съ себя эту ложь.

— Но она не хочетъ; я знаю, что она сама все скажетъ графу...

— Если вы въ этомъ увѣрены—предупредите ее, но какъ?...

Я сдѣлалъ передышку и взявъ его за руку, добавилъ:

— Мнѣ вы вѣрите, черезъ меня вы и должны дѣйствовать.

— Черезъ васъ? изумленно переспросилъ онъ.

— Ни черезъ кого другого. Я изучилъ графа. Онъ меня одобряетъ. Я съумѣю изложить ему все — ничего не утаивая... Онъ пойметъ васъ... и...

— Я не хочу его великодушія!

— Вы ничего не можете хотѣть, Леонидъ Петровичъ, для себя... Какъ будетъ лучше для нея и для существа, которое появится на свѣтъ—такъ и для васъ будетъ ладно.

Я съ такой твердостью выговорилъ это, что онъ даже склонилъ голову.

— Я вамъ вѣрю, прошепталъ онъ.

— Стало-быть слушайтесь меня. Я переговорю съ графомъ. Нужны будете вы сами, я скажу вамъ: идите къ нему. Не нужны —я скажу: уѣзжайте, какъ можно скорѣе. И вы должны будете повиноваться мнѣ. Идетъ? весело спросилъ я.

— Идетъ, выговорилъ онъ тронутымъ голосомъ.

На томъ мы и разстались.

XXXI.

Я былъ совсѣмъ готовъ. Ни колебанія, ни вопросы, ни увертки—ничто не замарало моего чувства, оно осталось тѣмъ; тѣмъ же осталось и рѣшеніе...

Но не безстрастное равнодушіе жило во мнѣ, когда я шелъ къ «Панкальди», разсчитывая, что найду тамъ графа за газетой—я зналъ: каково мнѣ будетъ сказать этому честному и довѣрчивому человѣку:—«Вотъ, что́, я сдѣлалъ», и этимъ же признаніемъ на половину обмануть его; но страданія ждалъ я, точно какой-то манны... Грубо сколоченному человѣку, какъ я, позволительно, хоть разъ въ жизни, такое самобичеваніе!...

Я нашелъ графа—какъ разсчитывалъ—за газетой. Онъ обрадовался моему приходу: должно быть газету онъ прочелъ и скучалъ, дожидаясь обѣда.

— Извините, графъ, началъ я, хочу васъ немного потревожить... Вы читаете...

— Кончилъ, кончилъ, очень радъ пройтись съ вами... Пойдемте туда, черезъ мостикъ, подъ навѣсъ, понюхать морского запаха. Теперь тамъ еще никого нѣтъ...

Онъ такъ поспѣшно сложилъ газету и поднялся, точно будто онъ уже былъ предупрежденъ. Быть можетъ его и предупредили.

Мы добрались до круглой площадки. Она оказалась совершенно пустою, да и врядъ-ли кто-нибудь явился бы туда въ этотъ часъ—часъ обѣда итальянцевъ. Кудласовы обѣдали позднѣе.

Мы сѣли на единственную скамью, около мачты, поддерживающей верхъ полотнянаго колокола-навѣса.

Предисловій никакихъ не было.

— Пришла минута, графъ, заговорилъ я спокойно и глядя ему прямо въ глаза, когда я долженъ снять съ себя маску... Графиня собирается быть матерью... Передъ вами — отвѣтчикомъ я, а не она...

Онъ откинулся и вспыхнулъ. Всѣ слова онъ отлично разслышалъ и понялъ, но не хотѣлъ ихъ сразу понять.

— Это не шутка, графъ, продолжалъ я все также, не безумный вздоръ... Лучше поздно, чѣмъ никогда... Да и графиня не хотѣла бы обманывать васъ...

Я нарочно это прибавилъ, и самымъ обыденнымъ, почти грубоватымъ тономъ.

Тутъ только онъ вполнѣ уразумѣлъ.

— Вы? вскрикнулъ онъ, и какъ-то странно улыбнулся... вы, повторилъ онъ, теперь... послѣ двѣнадцати лѣтъ?!...

— Не тратьтесь графъ, не стóитъ. Лучше спрашивайте меня, я вамъ все разскажу, все...

Въ эту минуту я не только способенъ былъ разсказать ему мою, настоящую правду, но умеръ бы доказывая, что я дѣйствительно во *всемъ* виноватъ. Одного бы я ни за что не сказалъ, что Коля — мой сынъ. Я этому вполнѣ не вѣрилъ и не хотѣлъ отнимать его у графа.

— Не надо, чуть дыша, и замѣтно борясь съ собою, проговорилъ графъ. Это останется—при васъ... Я не судья, я не инквизиторъ, Николай Иванычъ, я...

Онъ отвернулся, потомъ всталъ, и быстро подошелъ къ самому краю платформы. Платокъ забѣлѣлъ въ его рукахъ. Меня охватилъ мгновенный страхъ. Я даже сдѣлалъ движеніе, приготовляясь броситься и схватить его за плечи.

Но я ошибся. Графъ хотѣлъ только вернуться ко мнѣ «съ достоинствомъ».

Онъ и вернулся такъ. Поблѣднѣвшее лицо его нѣсколько удлиннилось, но не выдавало никакого сильнаго чувства. Только я бы сказалъ, что онъ въ одну минуту постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ.

— Что же вамъ угодно? выговорилъ онъ «Кудласовскимъ»

тономъ. Баринъ, прошедшій женину школу, уже овладѣвалъ его формами.

— Мнѣ ничего не угодно, графъ. Я ни о чемъ не смѣю просить васъ. Но пускай вамъ покажутся дерзостью мои слова: не карайте жены вашей... и того существа, которое...

— Я знаю, въ чемъ заключается мой долгъ, господинъ Гречухинъ, перебилъ меня съ разстановкой графъ. Всякія объясненія тутъ излишни. Ребенокъ графини Кудласовой—долженъ носить ея имя... Я говорю это вамъ потому... что вы, какъ-будто, не отъ одного себя дѣйствуете.

Вышла крошечная пауза. Я не спускалъ съ него глазъ. Мнѣ показалось—и я убѣжденъ теперь въ этомъ—что въ глазахъ графа промелькнуло нѣчто, выдавшее его.

— Ваше признаніе останется при васъ, *Николай Иванычъ* (тонъ вдругъ сталъ гораздо мягче). Я ужъ вамъ сказалъ: я не инквизиторъ, а что̀ каждый теряетъ — то погибло безвозвратно... Господинъ Рѣзвый скоро ѣдетъ?

Этотъ неожиданный вопросъ былъ второй и торжественной уликой: онъ все понялъ.

— Кажется, онъ ѣдетъ завтра, сказалъ я безразлично.

— А-а... Ну, и прекрасно. Я надѣюсь, что онъ не будетъ заживаться здѣсь... А вы?

Вопросъ этотъ былъ бы слишкомъ страненъ, еслибъ я уже не зналъ, *какъ* графъ принялъ мое признаніе. Но этакъ выходило болѣе, чѣмъ кстати.

— Я на вашей службѣ, графъ...

— Николай Иванычъ! вскричалъ онъ разбитымъ, но задушевнымъ голосомъ — полноте. Вы уходите отъ меня — это ваше дѣло. Иначе нельзя; но какіе же счеты могутъ быть у насъ. Вы свободны... какъ воздухъ.

И онъ опять улыбнулся.

— Сегодня же я скажу графинѣ, что мнѣ пора въ Россію; а ей куда будетъ угодно—въ Римъ, въ Неаполь... Она удерживаетъ сына при себѣ? остановился графъ.

— Она подчинится вашей волѣ.

— Хоть вамъ и покажется это очень страннымъ... Я спросилъ бы вашего совѣта?

— Возьмите его. Наташа, быть можетъ, привяжетъ его къ себѣ...

Незамѣтно мы впали въ... дружескій тонъ.

— Вамъ не жаль Наташи? тихо вымолвилъ онъ. Я одинъ, не могу слѣдить...

И вдругъ точно спохватившись, что онъ вышелъ совсѣмъ «изъ роли», онъ поднялъ какъ-то особенно голову и спросилъ:

— Вы ѣдете въ Россію?

— Я уѣзжаю изъ Европы, отвѣтилъ я.

Это заставило его вздрогнуть. Совладать съ собою онъ не могъ. Рука его горячо протянулась къ моей.

— Какъ? мы прощаемся... на долго?

— Если не навсегда, твердо выговорилъ я.

А во мнѣ, въ эту минуту клокотало желаніе: остановить его, сказать ему сто разъ сряду, что онъ ошибается, что я не ширма, что я обманывалъ его больше Рѣзваго, который и не зналъ, быть можетъ, сначала о его существованіи; что я двѣнадцать лѣтъ предаю и довѣріе, и дружбу его; что мое признаніе наболѣло во мнѣ годами, что лучше ему убить меня на мѣстѣ... Но развѣ онъ повѣрилъ бы мнѣ хоть въ одномъ словѣ? Чѣмъ чудовищнѣе бы выставилъ я себя, тѣмъ выше, свѣтлѣе предстала бы предъ нимъ моя личность. Одна вещь: выдать себя за отца Коли—могла бы его смутить: такое нахальное самообличеніе немыслимо даже и въ «святомъ», какимъ онъ считалъ меня въ эту минуту. Но я не могъ и не хотѣлъ этого.

Вотъ какъ я исполнилъ свой долгъ; вотъ какъ возложилъ на себя бремя, на которое такъ долго, такъ трепетно уповалъ! «Доказательствъ! сказалъ бы мнѣ графъ, даже усомнившись, даже разъяренный, для спасенія своего гонора, доказательствъ я требую, милостивый государь! Я не позволю вамъ клеветать на *нее*, на ту, которая была и вашей руководительницей!» Доказательствъ: а гдѣ они? Ихъ нѣтъ, ни одного, буквально ни одного! Ни писемъ, ни записокъ, ни сувенировъ, ни нескромностей, ни неосторожныхъ выходокъ, ни свидѣтелей, кромѣ одной совѣсти! Не даромъ же Варвара Борисовна стоитъ и теперь на пьедесталѣ, а мы изнываемъ въ терзаніяхъ...

«А почему же вы увѣровали теперь?» спросилъ бы я его, и сейчасъ же нелѣпость вопроса откинула бы меня назадъ. «Почему же это Рѣзвый; а не я?» допытывался бы я дальше. А потому, отвѣтилъ бы мужъ, «что послѣ двѣнадцатилѣтней дружбы страсть не является, а я видѣлъ и вижу ее въ ней, и вы ее видѣли, когда пріѣхали во Флоренцію, и сами мнѣ это сказали».

— Прощайте! раздался глубоко-скорбный голосъ графа. Онъ вывелъ меня точно изъ горячешнаго бреда.

— Вы обманываетесь! крикнулъ я и рванулся къ нему.

— Ну да, ну да, кротко отвѣтилъ онъ. Довольно мы жили, Николай Иванычъ — молодыми, пора и застывать... по-стариковски.

Болѣе стонъ, чѣмъ вздохъ послышался мнѣ, и мы просидѣли молча еще цѣлыхъ десять минутъ, слушая тихо-рокочущій плескъ волны.

XXXII.

Рѣзвый уѣхалъ. Онъ повиновался мнѣ какъ младенецъ: я видѣлъ, что довѣріе его ко мнѣ—чрезвычайно, и это немало меня утѣшило. Онъ только вздохнулъ крѣпко-крѣпко и проговорилъ, опустивъ голову:

— Подите, какіе есть на Руси титулованные земцы. Не ожидалъ!

Графъ простился съ нимъ, не моргнувъ бровью: я видѣлъ ихъ прощанье. Графиня все поняла. Она не избѣгала меня, но и не заводила рѣчи. Изрѣдка взглядывала она на меня, какъ бы желая допытаться: что̀ у меня на душѣ?

Она напрасно просила меня: уѣхать тотчасъ послѣ разговора съ графомъ. Чего же я и ждалъ, какъ не *этого?* Никто бы меня не удержалъ ни она, ни графъ, ни Наташа...

Жутко было мнѣ на другой день, когда я возвращался изъ города, куда ходилъ узнавать объ отходѣ парохода въ Марсель. Черезъ часъ ждала меня на прогулкѣ Наташа, и сегодня же нужно было ей сказать, что черезъ два дня оборвется наша долголѣтняя жизнь душа въ душу. Все свое отеческое чувство перенесъ я на это любящее, разумное и безобидное существо. Ни въ комъ не видалъ я такой полной, теплой, чуткой привязанности, какъ въ ней. А я бѣжалъ отъ нея. Еслибъ ей все могло быть извѣстно, она не осудила бы меня...

— Monsieur Рѣзвый не вернется больше? спросила меня Наташа, когда я догналъ ее по дорогѣ въ Арденцу.

— Онъ уѣхалъ въ Петербургъ... сообщилъ я.

— А мы когда? нетерпѣливо выговорила она.

Я промолчалъ: у меня еще недостало смѣлости тутъ же объявить ей, что я съ ними не вернусь.

Почти-что молча дошли мы до набережной Арденцы, гдѣ на этотъ разъ было очень мало гуляющихъ. Нѣсколько минутъ глядѣла Наташа на закатъ. Надъ бѣлымъ, блестящимъ, чуть зыблющимся моремъ стояло розовое зарево, книзу болѣе отливающее янтарнымъ пурпуромъ, а сверху перерѣзанное узкими, дымчатыми и фіолетовыми облачками.

— Вотъ ужъ этого не будетъ въ Слободскомъ, сказала Наташа... только моря и жаль... Я дорогой скажу папа̀ насчетъ

Петербурга. Онъ навѣрно согласится... А maman все равно, да она и не поѣдетъ съ нами...

— Да, перебилъ я, вамъ надо теперь начинать другую жизнь... Мнѣ графъ сказалъ, что онъ беретъ Колю въ Россію... Только вы, быть можетъ, и способны будете размягчить его, а то вы видите: въ немъ нѣтъ никакихъ привязанностей.

— Неужели это правда? почти съ ужасомъ вымолвила она.

— До сихъ поръ такъ.

— Какъ же это онъ васъ-то не любитъ!

Она такъ это выговорила, что я невольно обернулся и взглянулъ на нее.

Наташа вся зардѣлась и, глядя на море, продолжала съ какимъ-то особымъ волненіемъ:

— Онъ несчастный мальчикъ... Чтó же можетъ быть выше вашего добра? Чѣмъ бы я была теперь, еслибъ не вы? Вонъ такая же, какъ эти въ колясказъ, съ бантами... точно такая... Мнѣ жаль ихъ, у нихъ никогда не будетъ моего счастья... Ахъ, Николай Иванычъ, какъ мы будемъ славно жить... у себя дома!..

Глаза ея все разгорались; она не смѣла обернуться ко мнѣ лицомъ, но голосъ ея становился все теплѣе и тонъ порывистѣе.

«Она любитъ тебя! выговорилъ я про себя, любитъ, не какъ Наташа, не какъ дѣвочка...»

— Я такъ и умру около васъ, слышалось мнѣ...

Да, эти звуки выходили изъ груди любящей женщины...

— Наташа, остановилъ я, чувствуя, что надо сейчасъ же все оборвать.

— Вѣдь да? умиленно спросила она, и обратила ко мнѣ свои прозрачные русскіе глаза.

— Наташа, повторилъ я, мы не вернемся вмѣстѣ.

— Не вернемся? вырвалось у нея, и она, блѣднѣя, точно поняла все значеніе моей фразы.

— Я уѣзжаю далеко...

— Куда?

— Далеко, за море, показалъ я рукой.

— Зачѣмъ?..

Этотъ вопросъ словно замеръ на ея устахъ; черезъ секунду же она прибавила:

— Значитъ, надо... если вы такъ дѣлаете... Надо, надо, повторила она съ надрывающимъ выраженіемъ.

— Надо, рѣшилъ я.

Она встала, приблизилась ко мнѣ, протянула мнѣ обѣ руки

и, безъ слезливости, безъ дѣтства, почти съ геройской ясностью, сказала:

— Надо, — и довольно этого. Я вѣрю одному: вы не бросите вашей Наташи... Я васъ буду ждать.

И потомъ она уже не стала ни сокрушаться, ни разспрашивать меня: куда я ѣду, на долго ли, что́ вызвало такое путешествіе. Я видѣлъ, что около меня безгранично преданный другъ, которому довольно одного слова, чтобы онъ уничтожился и весь вошелъ въ вашу душу...

Не прошло и десяти минутъ, какъ она говорила мнѣ:

— Простите меня, милый мой Николай Иванычъ, я все о себѣ мечтаю... Я вѣдь не маленькая, я вижу, что вамъ стало слишкомъ тяжело... Вамъ надо уйти... Вѣдь и я уйду, когда буду поумнѣе, чему-нибудь выучусь... Вамъ душно съ господами... Вотъ папа̀, хорошій человѣкъ, а все въ немъ не то я вижу, что въ ва̀съ... Онъ не виноватъ, разумѣется, а такъ и умретъ... Maman я не стану судить... Нѣтъ, милый мой. Но она была бы не такая, еслибъ... не родилась княжной Киргизовой... Ужъ если я только о томъ и мечтаю, такъ какже вамъ-то не уйти... Вы только и жили... для насъ съ Колей... а то и для меня одной.

Столько было добра, пониманія, всепрощенія, смѣлости въ этихъ немудреныхъ, отрывочныхъ фразахъ!.. Предо мною зарождалась великая женская душа—и я ее бросалъ.

Но развѣ можно было остаться и не назвать ее, рано или поздно, своей подругой?.. Наташа—*моя жена!*... У меня волосы поднялись при одной мысли объ этомъ: не за тѣмъ люди опаиваютъ, на время, свою совѣсть, чтобы потомъ искупать все *такимъ* счастіемъ...

Она шла со мною по бульвару неспѣшной, кроткой походкой, подавляя свою скорбь, а я, глядя на нее, повторялъ: «ты не смѣешь, ты не смѣешь!» Можетъ быть, въ такомъ растравленіи и есть доля ѣдкаго наслажденія... но я предавался ему помимо своей воли. Пришли мы домой. Я, простившись съ ней, сѣлъ противъ отеля на скамью, и смотря на окна комнатъ Наташи и ея матери, до поздней ночи, прощался съ погибшей для меня подругой, прощался со всякимъ желаніемъ личнаго счастія, рылъ могилу для всего прошлаго...

Но умирать и тутъ я не собрался. Не изъ такого дерева сдѣланы мы. Мы не *жизнерадостные*, какъ Леонидъ Петровичъ, но мы выносливы и, разъ покаявшись, не примемся опять за старое. Право, я бы наложилъ на себя руки, еслибъ въ эту

ночь, сидя передъ окнами двухъ существъ, на которыя ушла вся моя страсть и вся нѣжность, зная, что мнѣ не вкушать уже никакой отрады, даруемой женщиной; еслибъ я, со всѣмъ этимъ грузомъ жизни, началъ томно повторять элегическій припѣвъ старичковъ, которымъ нечему насъ учить; еслибъ я мечталъ вмѣстѣ съ ними о томъ, какъ —

. . . . . «На мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.»

XXXIII.

Настало затишье, то затишье, которое находитъ на всѣхъ передъ отъѣздомъ, или на похоронахъ передъ выносомъ... Тутъ нѣтъ скуки, нѣтъ томленія—тутъ одно «пребываніе» во времени и пространствѣ.

Графъ держался своей «роли». Мы съ нимъ цѣлый день не встрѣчались. И такое у меня было чувство: точно будто въ Ливорно, на этомъ купальномъ прибрежьѣ, я и не могъ наткнуться ни на одно русское лицо, точно будто я былъ одинъ-одинешенекъ. Наташа заперлась у себя въ комнатѣ. Коля попался мнѣ на дорогѣ къ Панкальди. Онъ шелъ небрежно покачиваясь, очень красивый и больше, чѣмъ когда-либо, похожій на свою мать.

Я не выдержалъ и остановилъ его:

— Прощайте, Коля, сказалъ я ему, мы съ вами долго не увидимся.

Онъ нѣсколько удивленно поморщился на меня, остановился и совершенно равнодушно отвѣтилъ:

— А вы куда ѣдете, monsieur Гречухинъ? Въ Петербургъ? поклонитесь Леониду Петровичу. Онъ тамъ. Вы спросите, какъ это?.. да, въ университетѣ.

— Нѣтъ, Коля, я не въ Россію. А вамъ бы не хотѣлось отсюда?

Онъ сдѣлалъ движеніе головой.

— Мнѣ все равно. Здѣсь хорошо... мои товарищи очень порядочные, меня любятъ. Меня вездѣ будутъ любить... Куда меня хотятъ—вы не знаете: въ лицей или въ правовѣдѣніе?

— Я не знаю.

— А... ахъ, вонъ Чарли идетъ! прощайте, monsieur Гречухинъ.

И, не взглянувъ на меня, онъ убѣжалъ.

«Нѣтъ, это не твоя кровь, выбрось ты дурь изъ сердца!»

Вотъ съ чѣмъ я возвращался домой, повторяя вопросъ моего «названнаго» сына: «въ лицей или въ правовѣдѣніе»?

На лѣстницѣ схватила меня за руку Марія. Я совсѣмъ почти забылъ о ея существованіи. Она перемѣнила свой спенсеръ на ярко-желтое платье съ лиловыми оборками и бантами, сзади взбитое чтó твой курдюкъ. Въ глазахъ такъ у меня и запестрѣло.

— Signorino, таинственно шептала она, заигравъ косыми глазами; la contessa...

И опять она заболтала связно и гортанно. Мнѣ удалось понять, что графиня у себя и желаетъ меня видѣть.

— Subito? спросилъ я.

— Si, si, извиваясь тараторила Марія и повела меня въ первый этажъ, на чтó не было никакой надобности, довела до двери въ гостиную графини и даже постучала за меня.

Оттуда раздался голосъ. Марія чуть не впихнула меня въ дверь.

У окна, за маленькимъ столикомъ сидѣла графиня и что-то вышивала. На ней накинутъ былъ красный легкій платокъ. Оглядѣлъ я ее, и внезапно предо мною всталъ весь образъ той «настоящей» графини, которую я впервые увидалъ, съ краснымъ же цвѣтомъ на плечахъ. Да, это была та же «аристократка», то же мраморное лицо, тѣ же смѣлые и строгіе глаза, тотъ же лобъ, та же діадема изъ волосъ, то же невозмутимое и горделивое безмятежье, то же сознаніе своего «я». Эта ли женщина была предо мною на колѣняхъ два дня тому назадъ, безумствовала, плакала, умоляла, каялась?.. Не можетъ быть!..

— Присядьте, Николай Иванычъ.

Я слушалъ и говорилъ про себя: «да, такъ, такъ, это въ Москвѣ, на Садовой; это—графиня Кудласова, жена моего принципала; а я управитель изъ студентовъ».

— Вы не возвращаетесь въ Россію. Я узнаю васъ. Это очень хорошо.

«Ну да, она меня одобряетъ, какъ и тогда, за гражданскія чувства».

— Все къ лучшему, говорили мнѣ ровно, безъ жестовъ, увѣренно, почти торжественно... Колю надо въ заведеніе. Наташу жаль, но она при отцѣ. О себѣ я вамъ не разсказываю...

— Почему же? вырвалось у меня совершенно такъ, какъ у студента «изъ красныхъ».

— Буду жить и платиться за то, что запоздала... Если мнѣ суждено быть еще матерью, авось я и найду свое призваніе. Николай Иванычъ, я вижу, что вы, до сихъ поръ, оскорблены за меня... Вы, бѣдный, работали, работали надъ моимъ пьедесталомъ,

и вдругъ я въ два мѣсяца такъ слетѣла съ него... А вѣдь я, право, та же.

— Да, выговорилъ я громко и не отводя отъ нея глазъ.

Она не смутилась; только чуть замѣтная усмѣшка пробралась на ея алыя губы.

— Вы не думайте, что я уже вылечилась... Нѣтъ, да я и не хочу этого... Довольно всякихъ «задачъ», какъ вы любили выражаться... я сказала, что я та же, потому что это правда. Мою... plaidoierie, во Флоренціи, помните?

— Помню.

— Теперь мнѣ нечего и не предъ кѣмъ выгораживать себя— не предъ вами же? А я то же скажу. И зачѣмъ только вы такъ мучились?... Мало жили, а я была первая большая барыня на вашемъ пути — вотъ и вышло такъ...

Она скусила своими молодыми зубами шерстинку и ласково, точно старшая сестра (какъ глядѣла на меня когда-то сотни разъ) выговорила:

— Вы вѣдь такой чудно́й... по добротѣ, что, я увѣрена, вы и за него сокрушаетесь, думаете, что онъ загубитъ себя, испортитъ дорогу, не добьется каѳедры. Ну, Николай Иванычъ, по старому пріятельству, признайтесь?

— Я совсѣмъ не такой сосудъ милости божьей, графиня.

— Ха, ха, ха, я угадала... Не смущайтесь: онъ не погибнетъ и ему не дадутъ тратить свои силы на роль чичисбея... Даю вамъ слово, что онъ не выѣдетъ изъ Петербурга безъ диплома.

Она еще разъ улыбнулась и положила шитье на столикъ.

— Вы куда же это, за море?

— За море, отвѣтилъ я.

— Дѣло. Вы такъ здѣсь за насъ настрадались, что не думаете ли пробраться къ мормонамъ?

Мы оба разсмѣялись.

— Не мнѣ, болѣе задушевнымъ тономъ начала она, разбирать: что́ вы выиграли и что́ потеряли, связавъ себя съ нашей семьей. Только вы вѣдь знаете, Николай Иванычъ: кто передъ вами сильно прегрѣшилъ, того не забывайте, когда придется плохо... Мало ли что́ можетъ быть!.. Тогда не побрезгуйте, заверните къ старухѣ, гдѣ-нибудь вотъ здѣсь, въ Италіи, на Lago di Como... Тамъ все разныя окаменѣлости—заживо погребаютъ себя... тамъ и я куплю себѣ виллу... заверните; хоть это и дерзко, а, право, никто васъ и тогда лучше не пойметъ...

Я всталъ.

— Идите, я васъ не удерживаю, милый гость... еще бы

кое-что вамъ сказала, да... вы вѣдь человѣкъ дикій... бѣда заикнуться съ вами объ иныхъ вещахъ...

Точь-въ-точь какъ бывало, мнѣ протянули руку, такую же тонкую, бѣлую и нѣжную, съ античными пальцами. И я не могъ не поцѣловать ее.

— Прошу не разсердиться: вашего адреса не спрашиваю, а мой — Florence, poste restante.

Я вышелъ точно очарованный, брошенный опять въ то, чтó такъ глубоко кануло на самое дно жизни.

Но Марія окунула меня опять въ ливорнскую дѣйствительность.

Она меня дожидалась. Схвативъ меня одной рукой за бортъ пальто, она другой начала тыкать въ золотую брошку, приколотую у ней подъ манишкой.

— Il signorino biondo! объявила она мнѣ, краснѣя отъ удовольствія. Tanto gentile! вскричала она и ушла вся въ плечи... I signori Russi sono tutti gentili-gentili!..

Я видѣлъ, куда идетъ маневръ; но оставался холоденъ и нѣмъ, какъ рыба. Она не отставала отъ меня и поднялась даже со мной на слѣдующую площадку; потомъ, видя, что никакія ея заигрыванія не въ силахъ выманить у меня ни единой галантерейной вещи, ниже засаленной бумажки въ пятьдесятъ чентезимовъ, она остановилась, подперла одну руку въ бокъ, подернула плечами и, сжавши губы корабликомъ, надменно выговорила:

— A rivederla!

XXXIV.

Наташа, не спрашивая, догадалась почему-то, что я ѣду изъ Ливорно не по желѣзной дорогѣ, а моремъ.

— Вы идете въ городъ? спросила она меня на другой день утромъ. Возьмите меня.

Она силилась говорить спокойно, и даже улыбаться.

Мы пошли. На набережной, лодочники стали приставать къ намъ на каждомъ шагу съ неизбѣжнымъ:

— Comanda una barca, signore?

Я намѣтилъ сверху бѣлую лодку, съ кличкою «Страделла», и указалъ на нее кучкѣ лодочниковъ.

— Кýда вы? пугливо спросила Наташа.

— Хотите со мной на пароходъ?

— Какъ, вы совсѣмъ?..

Она не договорила.

— Нѣтъ, тихо разсмѣялся я, увозить васъ не стану, я только осмотрѣть пароходъ. Проѣдемся—и назадъ. Нынче, видите, море, какъ зеркало, качки не будетъ.

— Я не боюсь... куда хотите... съ вами...

Сторговались мы съ лодочникомъ до парохода «Etna» и обратно. Подъ навѣсомъ лодки сидѣть было прохладно. Наташа повеселѣла немного. Лодочникъ въ пестрой фланелевой рубашкѣ, съ цыганскимъ лицомъ, работалъ за троихъ — совсѣмъ не по-итальянски, и мы, черезъ двѣ-три минуты, выѣхали на просторъ.

— Николай Иванычъ, обратилась ко мнѣ Наташа, и серьёзный взглядъ ея добрыхъ глазъ съ заботой покоился на мнѣ... Простите за одинъ вопросъ... Скажите: я угадала, вы туда ѣдете? и она махнула рукой.

— Туда, Наташа.

— Можно еще вамъ сказать одну вещь?..

— А то хотите, небось, таиться отъ меня?

— Неужели навсегда? Свою родину совсѣмъ бросите? Мы не такъ давно говорили съ вами объ русскихъ переселенцахъ... Они на васъ не похожи... И вы то же тамъ будете дѣлать, или нѣтъ?

Приходилось въ послѣдній разъ исповѣдываться:

— Нѣтъ, Наташа, я бы блажилъ, еслибъ выдавалъ себя за отщепенца, за искателя удачи... Не нужда меня гонитъ, жаловаться мнѣ не на что... Со студенческой скамьи попалъ я къ графу... въ вашемъ семействѣ прожилъ до тридцати-семи лѣтъ, меня учили, ласкали меня, платили хорошо... я все извлекъ изъ моего дѣла, чтó только можно было... Такъ изъ-за чего же я стану прикидываться горькимъ пролетаріемъ?

— Вы бѣжите же... чуть слышно возразила Наташа.

— Нѣтъ, я не бѣгу, а ѣду стряхнуть съ себя то, чтó пристало ко мнѣ не моего, чтó мѣшаетъ мнѣ, руки связываетъ... Видите ли, голубушка моя, у каждой породы людей—своя очистительная купель... Прежде ѣхали воевать съ невѣрными, или искали приключеній, или наслаждались красотами природы, или кидались въ философію... нынче переплываютъ море... Въ воздухѣ оно, видно иначе трудно вернуться съ другой кожей и другимъ лицомъ...

— Вы останетесь все тотъ же, увѣренно выговорила Наташа.

— Для того, чтó мнѣ дорого—да; но между всѣмъ остальнымъ и мной—должна лечь пропасть... Много ли на это потребуется времени—я не знаю...

— А какъ всю жизнь?

— Не бойтесь, въ янки меня не передѣлаешь, я не для Америки туда ѣду, а для своей же берлоги...

Мы подъѣхали къ пароходу. Насъ приняли на трапъ. Наташа внимательно все осмотрѣла и нашла, что въ общей залѣ слишкомъ много украшеній; а каюты — темны и узки.

— Развѣ вы прямо? спросила она меня съ тревогой.

— Нѣтъ, я до Марсели; а тамъ проѣдусь по Франціи. Только я хочу сейчасъ же пріучить себя къ морскому пути.

Она не возражала мнѣ и, спустившись въ лодку, притихла и сосредоточенно глядѣла на воду...

— И намъ съ вами, Наташа, заговорилъ я, надо переждать... справляться другъ о другѣ... до поры до времени.

— Зачѣмъ? сквозь слезы вымолвила она.

— Такъ лучше будетъ.

Она отвернулась къ водѣ и до самой набережной не проронила ни одного слова.

Только на крыльцѣ отеля она спросила меня:

— Вы ночью?

— Въ десять часовъ вечера.

— Такъ прощайте же, Николай...

Она вырвала руку, которую только-что подала мнѣ, и бросилась бѣжать по лѣстницѣ.

XXXV.

Ей только и высказалъ я вслухъ то, что́ цѣлый годъ смутно жило во мнѣ. Она — не погибнетъ. Ее не засосетъ никакое барство. Въ этомъ нѣжномъ тѣлѣ нервы мыслящаго и самоотверженнаго существа. Вся ея жизнь уйдетъ на долгъ и на идею. Если и суждено намъ встрѣтиться, я ей не возвѣщу ничего новаго. А до тѣхъ поръ надо быть одному, надо выкурить изъ себя все кудласовское — вплоть до моей безцѣнной Наташи. И она — тепличный цвѣтокъ, и она возрощена на готовенькомъ, и ей придется куда-нибудь бѣжать, когда захочетъ, какъ я, сдѣлать себѣ иной образъ...

Мнѣ никого уже не было жаль за три часа до прощанія моего съ твердымъ материкомъ, я уже не стыдился своего бездушія, я не повторялъ байроновскаго «farewell». Я зналъ одно: сотни тысячъ такихъ же людей, какъ я, и, быть можетъ, умнѣе, честнѣе, даровитѣе, сгинули въ этомъ самомъ «старомъ свѣтѣ» въ ужасныхъ мукахъ общественнаго ада! А я выплылъ, безъ

особой борьбы выплылъ, выплылъ чрезъ то самое барство, къ которому не измѣнилъ чувствъ своихъ. И что́ такое одна моя сдѣлка съ совѣстью, когда милліоны готовы бы продать себя всѣмъ духамъ тьмы, только бы не горѣть на медленномъ огнѣ голодной агоніей? Какъ смѣю я носиться съ своей совѣстью? Могу ли я медлить хоть еще минутой? Кому же, какъ не мнѣ, вернуть алчущимъ и жаждущимъ то, что́ я отложилъ на моей «управительской службѣ», отложилъ не въ однихъ деньгахъ, а въ возможности кончать свой вѣкъ чуть не лёжа на полатяхъ! А какъ же спастись отъ этого лежанья, которое по̀ходя зовется у насъ «дѣломъ»? Гдѣ отрѣшиться отъ того, что я — «интеллигенція», гдѣ выучиться быть такимъ бурлакомъ, съ которымъ бы всякому стало хоть на чуточку полегче тянуть свою лямку?

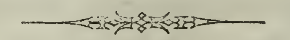
Я довелъ эти вопросы до желаннаго вывода—и, посмотрѣвъ на часы, спустился внизъ, куда къ девяти часамъ долженъ былъ явиться пѣшій возница: довезти мои вещи до лодки. Возница запоздалъ. Я сѣлъ на лѣстницу и поглядывалъ на вечернее катанье и гулянье. Вотъ пронесся шарабанъ... Я узналъ вороныхъ клеперовъ графини. Она каталась со всѣмъ семействомъ. Да и Наташа сидѣла съ Колей на задней скамейкѣ. И хорошо она сдѣлала, что поѣхала. Кромѣ ея никто не зналъ, когда я уѣзжаю. Заднія колеса шарабана промелькнули и слились съ сумерками, за нимъ проѣхали еще два экипажа... Глаза мои не послѣдовали за шарабаномъ. Одно тѣло мое стояло тутъ; а мысль, воля, желаніе, все это уже катило на всѣхъ парахъ, пожирая бездонный океанъ...

Только когда раздался послѣдній звонокъ и загудѣла грузная машина, а пароходъ, точно китъ, сталъ неуклюже поворачивать, торопясь выдти поскорѣе изъ порта, я снялъ шляпу и всей грудью вдохнулъ въ себя влажную и пахучую струю морского воздуха.

— Прощай, Гречухинъ! чуть не крикнулъ я на берегъ.

И показалось мнѣ, что поплылъ я все туда же, все въ ту же скорбную страну; только путь мой лежитъ черезъ долгое, но нестрашное для меня чистилище...

П. Боборыкинъ.

ВЗЯТІЕ ХИВЫ

и

ХИВИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ 1873 ГОДА

Матеріалы для исторіи похода.

Окончаніе *).

Пока оренбургскій отрядъ, подъ начальствомъ ген. Веревкина, двигался по степямъ, и наконецъ, 25-го мая, достигъ г. Кошъ-Купыра, манглишлакскій отрядъ полк. Ломакина совершилъ благополучно переходъ отъ Ильтеидже на Итыбай и оттуда, по полученному 6-го мая приказанію ген. Веревкина, на Кунградъ, въ обходъ солончаковъ Барса-Кильмасъ, черезъ высохшій Айбугирскій заливъ.

Семидневный переходъ полк. Ломакина до Кунграда, послѣ чего мангишлакскій отрядъ соединился съ оренбургскими войсками 12-го и 14-го числа, можно назвать труднѣйшимъ изъ всего похода. Утомленные и безъ того уже почти 500-верстнымъ переходомъ, имѣя на пути всего пять дневокъ и дѣлая, среднимъ числомъ, около 30-ти верстъ ежедневно, войска были, сверхъ того, подъ конецъ этого пути ослаблены еще дурной водой въ Табынъ-Су и Итыбаѣ, содержащей въ себѣ обильный растворъ глауберовой соли и большое количество извести; несмотря на все это, усиленный переходъ до Кунграда (250 верстъ,

*) См. выше: авг. 583; окт. 718 стр.

въ томъ числѣ 75 верстъ безъ воды), необходимый, чтобы оказать во́-время отряду ген. Веревкина содѣйствіе, такъ какъ онъ одинъ находился въ ханствѣ, совершенъ былъ блистательно: въ кунградскомъ лазаретѣ оставлено было всего шесть человѣкъ заболѣвшихъ и около 20-ти человѣкъ съ потертыми ногами.

Въ Кунградѣ изъ мангишлакскаго отряда оставлены были: горный взводъ, сборная сотня дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка изъ наиболѣе побившихся коней, а также одинъ саперъ для указанія рабочимъ, какимъ образомъ привести въ оборонительное положеніе одно большое зданіе у Кунграда, предназначенное для помѣщенія кунградскаго гарнизона (одной роты и одной сотни оренбургскаго и одной сотни и горнаго взвода кавказскаго отряда).

Присоединеніе кавказскаго отряда къ оренбургскому (кавалеріи 12-го, а пѣхоты 14-го числа) совершилось за Кунградомъ какъ нельзя болѣе кстати и вполнѣ своевременно. Хивинскія войска, тысячъ до 10—12-ти, при 6-ти орудіяхъ, подъ предводительствомъ высшихъ сановниковъ ханства (кушъ-беги, диванъ-беги, инака и мехтера), собиравшіяся встрѣтить оренбургскія войска у канала Карабайлы, при истокѣ его изъ Аму-Дарьи, и выстроившія подлѣ два укрѣпленныхъ лагеря, узнавъ о прибытіи кавказскихъ войскъ, очистили ихъ безъ выстрѣла.

Вступивъ въ предѣлы ханства, войска получили награду за понесенные труды при движеніи по пустынѣ: они пришли въ восторгъ, когда издали увидѣли синеву надъ бывшимъ Айбугирскимъ заливомъ; она показала имъ, что недалеко осталось идти до страны населенной, обработанной и обильной водою. Ночевать пришлось на спускѣ съ Усть-Урта, безъ воды. Хотя въ этомъ заливѣ была прѣсная вода и высохъ онъ лѣтъ десять тому назадъ, о чемъ можно судить по довольно толстому саксаулу, но въ найденныхъ глубокихъ колодцахъ вода оказалась до того соленою, что ее не могли пить даже лошади. Здѣсь ясно обнаружилось, что если бы войска продолжали наступать къ Айбугиру по прежнему маршруту, разсчитывая на воду въ Акъ-Чеганакѣ, то жестоко ошиблись бы, такъ какъ всѣ разсчеты основывались на прѣсной водѣ, которую полагали найти въ Айбугирскомъ заливѣ. 12-го числа, послѣ мѣсячнаго похода, кавказцы увидѣли, наконецъ, впервые воду въ безчисленныхъ каналахъ, обработанныя поля и осѣдлыя жилища. Страна, въ которую вступали войска, представляла на каждомъ шагу образцовое земледѣліе, культурную обработку и орошеніе. Офицеры, бывавшіе за границей, сравнивали хивинскій оазисъ, по оро-

шенію и обработкѣ земли, съ сѣверной Италіей. Производительность и богатство занятаго войсками края такъ велики, что его можно назвать житницей хивинскаго ханства. Обезпеченіе мангишлакскаго отряда пшеничною мукою, рисомъ и джугары (послѣднею для лошадей вмѣсто ячменя) на продолжительное время, не представляло ни малѣйшаго затрудненія.

Такимъ образомъ, мангишлакскій отрядъ съ 14-го апрѣля, т.-е. со дня выступленія перваго эшелона изъ Киндерли, по 15-е мая включительно, сдѣлалъ до 700 верстъ. Независимо отъ этого, зимою настоящаго года, для сбора верблюдовъ, пройденъ былъ путь около 500 верстъ, и въ апрѣлѣ, изъ Киндерли къ Карабугазу и къ Ченжиру, а также при слѣдованіи верблюдовъ изъ форта въ Киндерли, сдѣлано до 1040 верстъ. Всего пройдено войсками мангишлакскаго отряда въ этомъ году, до 15-го мая включительно, 2200 верстъ. Постоянные переходы не менѣе, среднимъ числомъ, 26 верстъ въ сутки, были и безъ того уже, сами по себѣ, велики, но трудность ихъ увеличивалась еще главнымъ образомъ отъ тропическихъ жаровъ и недостатка въ водѣ, въ особенности при движеніи отъ кол. Ильтеидже; причемъ, до самаго вступленія въ предѣлы хивинскаго ханства войска встрѣчали на пути только одиночные колодцы и притомъ чрезвычайно глубокіе (наименьшая глубина 12—15 саж., и два въ 30 саж.) и узкіе—діаметромъ отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ арш. Напоить людей и животныхъ изъ этихъ колодцевъ было дѣло чрезвычайно трудное. При опусканіи нѣсколькихъ ведеръ вмѣстѣ, веревки путались, ведра обрывались, приходилось опускать людей въ колодцы, чтобы достать ведра. Чтобы напоить отрядъ изъ трехъ ротъ пѣхоты изъ глубокаго колодца, требовалось отъ 15-ти до 20-ти часовъ. Такимъ образомъ, сдѣлавъ большой переходъ, люди не имѣли достаточнаго отдыха; приходилось иногда по утрамъ подавать повѣстку къ выступленію въ то время, когда люди еще ужинали. Въ довершеніе ко всему, вода оказывалась дурного качества или съ большою примѣсью извести (вода, которая только распаляла жажду, а не утоляла ее), или съ большимъ содержаніемъ глауберовой соли, отчего страдали диссентеріей не только всѣ безъ исключенія люди, но лошади и верблюды, или, наконецъ, съ примѣсью соли. Изъ одного колодца разъ вытащили предавшагося сильной гнилости барана.

Пройденный мангишлакскимъ отрядомъ путь казался киргизамъ, находившимся при отрядѣ, до того труднымъ, что они были вполнѣ увѣрены въ томъ, что войска по немъ не пройдутъ. Они думали, какъ сами впослѣдствіи говорили, что русскіе, придя въ

Бишъ-Акты, или потомъ до Ильтеидже, построятъ крѣпость и уйдутъ домой. Только тогда, когда авангардная колонна дошла до Итыбая, сомнѣнія киргизовъ кончились. Таково же, по всей вѣроятности, было убѣжденіе и хивинцевъ, чѣмъ и объясняется, что они не засыпали и не отравили на пути отряда ни одного колодца, чѣмъ могли бы поставить войска въ самое затруднительное положеніе.

25-го мая, соединенный оренбургскій отрядъ двинулся далѣе съ цѣлью подойти къ самымъ стѣнамъ Хивы.

Небольшой переходъ 26-го мая совершенъ былъ вполнѣ спокойно. Отойдя верстъ восемь отъ ночлега, выбрано было удобное для стоянки и для обороны мѣсто у канала Хатыръ-Тутъ, въ ханскомъ саду Чанакчикъ, гдѣ и расположенъ отрядъ, отъ котораго высланъ былъ авангардъ изъ двухъ сотенъ (1-я уральская и сунженская), подъ начальствомъ подполковника Скобелева, на передовую позицію верстахъ въ двухъ отъ лагеря. Авангарду приказано было, въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, оттѣснить его къ городу, но отнюдь не увлекаться преслѣдованіемъ. Но, прежде чѣмъ отрядъ успѣлъ окончательно расположиться лагеремъ, въ авангардѣ послышались выстрѣлы и получено было донесеніе, что непріятелемъ произведено нападеніе, и что кавалерія главныхъ силъ съ ракетными командами направилась на выстрѣлы. Выславъ къ авангарду два конныя орудія и приказавъ пѣхотѣ оставаться на мѣстѣ, для защиты лагеря, ген. Веревкинъ поручилъ полк. Саранчову, для разъясненія дѣла, спѣшить къ авангарду, куда и самъ направился вслѣдъ затѣмъ. Полковникъ Саранчовъ засталъ непріятеля, въ значительныхъ силахъ, отступающимъ по направленію къ городу, почему, въ ожиданіи прибытія ген. Веревкина, остановилъ войска, выставилъ артиллерію на позицію и приказалъ ей открыть стрѣльбу. Подъѣхавъ въ это время къ авангарду, ген. Веревкинъ направилъ полк. Леонтьева съ двумя сотнями для преслѣдованія непріятеля, но убѣдившись, что поражаемый артиллерійскими выстрѣлами онъ обратился въ поспѣшное бѣгство, вскорѣ приказалъ сотнямъ вернуться въ лагерь, оставивъ авангардъ, усиленный еще одною ротою Апшеронскаго полка, на передовой позиціи.

Утромъ, 27-го мая, густыя толпы непріятеля, пробравшись стороной вдали отъ авангарда, бросились на оба фланга лагернаго расположенія, напирая преимущественно на лѣвый флангъ,

ближе къ которому, впереди лагеря, паслись верблюды. Караульные посты открыли пальбу, по которой войска были подняты на тревогу, между тѣмъ какъ толпы непріятеля ворвались въ верблюжій табунъ, стараясь его отогнать.

Въ это время, 1-я уральская и дагестанская сотни, при двухъ ракетныхъ станкахъ, оставивъ пѣхоту на передовой позиціи, двинулись влѣво и наскочили на непріятельскую пѣхоту, находившуюся, повидимому, въ резервѣ, и на значительную массу кавалеріи, которая, по отбитіи ея отъ лагеря, съ частью захваченныхъ верблюдовъ, спѣшила пробраться въ городъ. Быстро и рѣшительно пущенныя въ атаку, обѣ сотни эти успѣли настигнуть непріятельскую конницу и ударили въ шашки; непріятель, бросивъ верблюдовъ, обратился въ бѣгство, но часть его была изрублена въ свалкѣ; особенно удачно дѣйствовали въ этомъ случаѣ дагестанцы.

Одновременно съ нападеніемъ на лѣвый флангъ, непріятель, въ незначительныхъ силахъ, показался изъ опушки кустовъ противъ праваго фланга лагернаго расположенія, но былъ вскорѣ отогнанъ стрѣльбою пѣхотныхъ частей, оставшихся въ лагерѣ.

Послѣ окончательнаго отраженія непріятеля, признавая дальнѣйшее преслѣдованіе его безполезнымъ, ген. Веревкинъ приказалъ отвести войска въ лагерь, оставивъ авангардъ изъ двухъ ротъ и двухъ сотенъ на мѣстѣ, и поручивъ подполковнику Скобелеву, совмѣстно съ капитаномъ генеральнаго штаба Ивановымъ, въ тотъ же день произвести тщательную рекогносцировку мѣстности, въ разстояніи двухъ верстъ отъ передовой позиціи, съ тѣмъ, чтобы авангардъ къ ночи былъ переведенъ впередъ, если для этого выбрано будетъ удобное мѣсто. Порученіе это было исполнено вполнѣ удачно, и авангардъ расположился на новой позиціи, верстахъ въ четырехъ отъ лагеря, чтобы ближайшимъ сосѣдствомъ къ непріятелю наиболѣе обезпечить спокойствіе войска на ночлегѣ и при выступленіи на слѣдующій день; въ подкрѣпленіе ему, на разсвѣтѣ, высланы были еще одна сотня и два конныя орудія. Какъ во время этой рекогносцировки, такъ и утромъ слѣдующаго дня, авангардъ имѣлъ незначительныя стычки съ непріятелемъ.

Дѣйствія непріятеля въ теченіе 26-го и 27-го мая показывали, что смѣлость его увеличивается съ каждымъ днемъ, а между тѣмъ войска, утомленныя десятидневнымъ безостановочнымъ движеніемъ, въ постоянныхъ дѣлахъ съ непріятелемъ, нуждались уже въ отдыхѣ; кромѣ того, отвага непріятеля наводила также на мысль,

что туркестанскія войска еще далеко отъ Хивы. Поэтому ген. Веревкинъ счелъ наиболѣе благоразумнымъ, выждавъ до полудня 28-го мая приказаній отъ ген. Кауфмана, въ 12 часовъ этого числа сняться съ позиціи, съ тѣмъ, чтобы оставивъ тяжести на авангардной позиціи, съ войсками подойти къ городу на дальность артиллерійскаго выстрѣла, и выбравъ удобное мѣсто, обстрѣлять городъ перекидными выстрѣлами изъ нарѣзныхъ орудій, чтобы тѣмъ подѣйствовать на духъ непріятеля, а между тѣмъ, воспользоваться этимъ случаемъ для ближайшей рекогносцировки окрестностей сѣверной части стѣны.

Войска были двинуты по дорогѣ въ общей колоннѣ, имѣя пѣхоту съ артиллеріей впереди, кавалерію сзади; обозъ съ самостоятельнымъ прикрытіемъ слѣдовалъ въ особой колоннѣ. Подойдя къ позиціи, занимаемой авангардомъ (верстахъ въ четырехъ отъ города), обозъ съ своимъ прикрытіемъ былъ остановленъ; авангардъ также оставленъ на позиціи, въ видѣ общаго резерва; войска же приняли вправо отъ дороги, гдѣ было открытое мѣсто, позволявшее развернуть свободно наши силы. Какъ только голова отряда вышла на поляну, ограниченную слѣва садами, справа же песчаными барханами, и впереди ихъ болотомъ, передъ ними, изъ-за садовъ, стали показываться непріятельскіе всадники въ значительномъ числѣ. Построивъ войска въ боевой порядокъ, ген. Веревкинъ выдвинулъ взводъ пѣшей и дивизіонъ конной артиллеріи на позицію. Нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ заставили непріятеля броситься частью къ городу, частью же вправо за болото, откуда онъ также былъ выбитъ тремя-четырьмя мѣткими гранатами.

Войска, между тѣмъ, продолжали наступленіе, принявъ снова влѣво, чтобы выдти на дорогу; кавалеріи приказано было держаться сзади, для прикрытія фланговъ. Непріятеля не было видно; не видно было также и города, закрытаго садами. Наконецъ, когда голова колонны вышла на большую дорогу, съ высоты кирпиче-обжигательной печи, въ разстояніи около 1200 саженъ отъ стѣны, изъ-за садовъ обнаружились минареты и башни Хивы; впереди, саженяхъ въ полутораста, находилась открытая поляна, удобная для расположенія батареи. Войска выстроены были въ окончательный боевой порядокъ и двинуты для занятія позиціи; но какъ только головныя части показались изъ-за стѣнъ, ограждавшихъ дорогу, послышалась сильная артиллерійская стрѣльба со стороны города, и ядра стали ложиться между рядами войскъ; вскорѣ послышались фальконетные выстрѣлы и свистъ пуль. При-

казавъ шести орудіямъ, находившимся въ 1-й линіи, сняться съ передковъ и открыть огонь, ген. Веревкинъ велѣлъ пѣхотѣ продолжать наступленіе, принявъ вправо и влѣво, дабы не мѣшать дѣйствію орудій.

Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ орудій, непріятельскій артиллерійскій огонь ослабѣлъ; тогда приказано было артиллеріи продолжать наступленіе до новой позиціи.

Между тѣмъ пѣхотная цѣпь со своими резервами, двигаясь въ страшной пыли по лабиринту, образованному садами, строеніями, каменными стѣнками и канавами, попала подъ сильный непріятельскій огонь: ядра, фальконетная картечь и ружейныя пули, хотя мало дѣйствительныя, направлялись массой изъ садовъ и зданій, окружающихъ стѣну. Оказалось, что непріятельская батарея, дѣйствовавшая противъ отряда, расположена была внѣ городской стѣны въ разстояніи не болѣе 200 саженъ отъ цѣпи. Не желая подвергать войска безполезной потерѣ, ген. Веревкинъ приказалъ овладѣть батареею. Стоявшія въ первой линіи двѣ роты 2-го оренбургскаго и двѣ роты апшеронскаго баталіоновъ двинулись стремительно въ атаку.

Когда цѣпь находилась уже въ разстояніи 100 саж. отъ непріятельской батареи, слѣва изъ садовъ показалась толпа непріятельскихъ всадниковъ, устремившихся на нашъ лѣвый флангъ, почему было приказано пріостановить движеніе и направить огонь стрѣлковъ и казачьей ракетной команды навстрѣчу непріятеля. Толпы обратились въ бѣгство, роты же 2-го баталіона бросились снова на батарею. Но роты апшеронскаго полка, двигаясь безостановочно, уже успѣли ихъ предупредить: давъ нѣсколько залповъ по прикрытію, роты быстро овладѣли мостомъ и находящимися за нимъ орудіями, въ то время когда 2-й баталіонъ подходилъ къ мѣсту схватки [1]). Между тѣмъ непріятель открылъ сильный ружейный и фальконетный огонь съ городской стѣны; тогда приказано было стрѣлкамъ 2-го баталіона залечь за канавой влѣво отъ моста, расположивъ резервы за закрытіями.

Пославъ приказаніе нашей батареѣ ускорить движеніе и занять позицію у моста, генералъ Веревкинъ въ это время прибылъ на мѣсто боя. Получивъ донесеніе, что за каналомъ, ближе къ городской стѣнѣ, расположено еще одно орудіе, ген. Верев-

---

[1]) Вмѣстѣ съ апшеронцами въ отбитіи орудія участвовалъ полувзводъ стрѣлковой роты 1-го баталіона, который при движеніи къ городу оставленъ былъ для осмотра одного подозрительнаго зданія, а затѣмъ двинулся на выстрѣлы.

кинъ далъ полковнику Ломакину разрѣшеніе направить часть людей чрезъ мостъ, чтобы захватить его. Ширванскія роты овладѣли орудіемъ, но вывезти его не могли и, засѣвъ за закрытіями, поддерживали перестрѣлку. Эти атаки дали возможность разъяснить вполнѣ положеніе наше относительно непріятеля и ознакомиться съ мѣстностью. Городская стѣна оказалась въ разстояніи 100 саж. отъ занятаго нами моста; для овладѣнія открытою силою она была малодоступна, тѣмъ болѣе, что такъ какъ штурма производить вовсе не предполагалось, то штурмовыя лѣстницы не были заготовлены; притомъ, отбитіемъ непріятельской батареи и изслѣдованіемъ мѣстности ген. Веревкинъ считалъ цѣль рекогносцировки болѣе чѣмъ достигнутою, и потому рѣшился: выставивъ батарею у моста, открыть сильный огонь по городу и воротамъ какъ для того, чтобы произвести должное впечатлѣніе, такъ и для того, чтобы подбить непріятельскія орудія и повредить стѣну и ворота; затѣмъ, подъ прикрытіемъ огня батареи и стрѣлкововой цѣпи, залегшей за каналомъ, вывести людей изъ-за канала; и, наконецъ, выбравъ позицію въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ города, но внѣ непріятельскихъ выстрѣловъ, отвести сюда войска, выставивъ впереди, подъ сильнымъ прикрытіемъ, мортирную батарею для бомбардированія города, съ тѣмъ чтобы, на другой день, если не послѣдуетъ мирныхъ заявленій, заложить ночью брешъ-батарею для производства обвала.

Но, не успѣвъ отдать всѣхъ соотвѣтствующихъ приказаній, ген. Веревкинъ былъ раненъ и принужденъ удалиться на перевязочный пунктъ, передавъ начальство надъ войсками начальнику штаба отряда полковнику Саранчову. Исполняя упомянутыя предположенія ген. Веревкина, полк. Саранчовъ выбралъ позицію для расположенія лагеря и батарей; бывшія въ резервѣ войска подъ начальствомъ подполк. Скобелева заняли позицію для прикрытія обратнаго движенія войска; части бывшія въ дѣлѣ получили приказаніе отходить въ шахматномъ порядкѣ; кавалерія, остановленная внѣ выстрѣловъ, прикрывала оба фланга; два изъ числа отбитыхъ орудій вывезены были подъ выстрѣлами изъ-за канала черезъ мостъ и взяты съ войсками, третье же, за невозможностью провезти его безъ большихъ потерь по узкому дефиле подъ ближайшимъ огнемъ со стѣнъ, оставлено было за каналомъ.

Но прежде чѣмъ войска успѣли сняться съ позиціи, а артиллерія прекратить огонь, изъ города высланъ былъ главный ишанъ, для мирныхъ переговоровъ. Приказавъ прекратить огонь, полков-

никъ Саранчовъ заявилъ ему слѣдующія условія: 1) дѣйствія наши прекращаются на три часа; 2) по истеченіи ихъ изъ города должна выдти депутація почетныхъ лицъ и привести съ собою для выдачи, сколько успѣютъ собрать, орудій и другого оружія; 3) такъ какъ генералъ Веревкинъ не уполномоченъ прекратить совершенно военныя дѣйствія, то старшее въ городѣ лицо немедленно должно отправиться къ генералу Кауфману за рѣшеніемъ его участи; 4) если, по истеченіи трехъ часовъ, не послѣдуетъ отвѣта, то городъ будетъ бомбардированъ.

Предложенія эти были одобрены ген. Веревкинымъ. Между тѣмъ войска были отведены на позицію, и немедленно приступлено было къ возведенію мортирной батареи.

По истеченіи назначеннаго срока, явился изъ Хивы новый посланецъ съ заявленіемъ, что въ городѣ полнѣйшій безпорядокъ, что туркмены не слушаются хана (который, по его словамъ, былъ въ городѣ [1]), и что жители просятъ прекратить дѣйствія до утра; выстрѣлы, которые непріятель между тѣмъ производилъ по нашимъ работамъ, посланецъ объяснялъ также неповиновеніемъ туркменъ.

Видя въ этомъ обычную у азіатцевъ уловку затянуть дѣло, полк. Саранчовъ, съ разрѣшенія ген. Веревкина, приказалъ открыть огонь съ мортирной батареи. Тотчасъ же снова явилась депутація съ просьбой отсрочки; но желая понудить непріятеля къ рѣшительной сдачѣ, полк. Саранчовъ не прекращалъ огня въ теченіи цѣлаго часа, и затѣмъ уже, уступая настоятельнымъ просьбамъ депутатовъ и обѣщаніямъ, что ни одного выстрѣла не будетъ сдѣлано изъ города, далъ имъ снова отсрочку на три часа, съ тѣмъ, что при первомъ же выстрѣлѣ со стѣны будетъ начато бомбардированіе.

Вскорѣ послѣ этого, получено было отъ генерала Кауфмана предписаніе о прекращеніи огня, если непріятель стрѣлять не будетъ. Полковникъ Саранчовъ, оставивъ батареи и прикрытіе на позиціи въ полной готовности, отдалъ приказаніе, чтобы огонь былъ прекращенъ и чтобы на случайные выстрѣлы, которые могутъ быть произведены со стѣны, наша артиллерія не отвѣчала. Ночь прошла спокойно, хотя непріятель продолжалъ изрѣдка

---

[1]) Ханъ со всѣми туркменами-іомудами и съ тѣми изъ своихъ приближенныхъ, которые были сторонниками войны съ нами, вышелъ изъ города во время самаго дѣла 28-го мая; жители не пустили его обратно въ городъ и онъ удалился съ воинственною партіею своею къ іомудамъ, гдѣ и пробылъ по 1-е іюля.

безвредную стрѣльбу со стѣнъ и задѣлывалъ пробоины въ стѣнахъ и воротахъ.

Дѣло 28-го мая, стоившее, къ сожалѣнію многихъ жертвъ, хотя и искупленныхъ достигнутыми результатами, выказало доблестныя качества нашихъ войскъ и навело паническій ужасъ на непріятеля, по его собственному сознанію. Потери наши въ этотъ день составляютъ: два убитыхъ, и ранеными: начальникъ отряда ген. Веревкинъ, пять штабъ и оберъ-офицеровъ, нижнихъ чиновъ 45; контужено: офицеровъ 4 и нижнихъ чиновъ 11.

Потери непріятеля, по слухамъ, весьма значительныя, съ точностью не могли быть приведены въ извѣстность. Во время дѣйствія подъ стѣнами города, туркменскія шайки, по обыкновенію, дѣлали попытки на обозъ, но были отражены безъ всякой для насъ потери. На другой день, 29-го мая, часть войскъ обоихъ отрядовъ, при двухъ конныхъ орудіяхъ, отправлена были мимо города навстрѣчу войскъ туркестанскаго отряда, такъ какъ передвиженіе всего отряда при тогдашнемъ положеніи дѣлъ и съ значительнымъ числомъ раненыхъ, признано было генераломъ Веревкинымъ невозможнымъ.

Еще прежде ген. Веревкину было извѣстно, что въ городѣ происходитъ сильная борьба партій, что среди полнаго безначалія берутъ верхъ туркмены и другіе пришельцы, чуждые интересамъ города, и что, за отъѣздомъ хана съ ближайшими къ нему лицами, власть его дяди Сеидъ-Эмиръ-Ульумара, заступившаго его мѣсто, не представляетъ достаточной гарантіи въ исполненіи принятыхъ имъ условій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ авангарда получено было донесеніе, что непріятель готовится къ оборонѣ: задѣлываетъ пробоины въ стѣнахъ и воротахъ, выставляетъ подбитыя орудія и не прекращаетъ огня съ крѣпостной стѣны. Поэтому, получивъ извѣстіе, что ген. Кауфманъ съ соединенными войсками всѣхъ трехъ отрядовъ въ тотъ же день предполагалъ вступить въ городъ, и предвидя возможность возникновенія въ немъ при этомъ безпорядковъ, генералъ Веревкинъ приказалъ овладѣть городскими стѣнами, въ случаѣ, если бы это оказалось нужнымъ, для того, чтобы имѣть достаточную гарантію къ безпрепятственному занятію города.

Утромъ, 29-го іюня, приступлено было къ возведенію брешъ-батареи на два орудія, въ 250 шагахъ отъ городской стѣны. Батарея окончена къ 10 часамъ утра, и вскорѣ изъ нея былъ открытъ огонь. Послѣ 24 выстрѣловъ, въ стѣнѣ и въ воротахъ удалось пробить отверстія, чрезъ которыя могли пролѣзать одиночные люди. Одновременно съ этимъ, двѣ роты, разсыпанныя

по сторонамъ орудій, и мортирная батарея не допускали непріятеля производить изъ-за зубцовъ фальконетную стрѣльбу. Увидя пробоины въ воротахъ, подполковникъ Скобелевъ двинулъ на штурмъ 8-ю роту самарскаго и 4-ю роту оренбургскаго линейнаго баталіоновъ, которыя, пробѣжавъ подъ огнемъ непріятеля 250 шаговъ, вмигъ овладѣли валомъ, взявъ съ бою три орудія. Подполковникъ Скобелевъ первый пролѣзъ чрезъ пробоину; за нимъ состоявшій при немъ въ качествѣ его помощника, поручикъ графъ Шуваловъ, а за нимъ капитанъ Асѣевъ. Лишь только войска ворвались чрезъ пробоину, непріятель далъ по нимъ залпъ съ кладбища и бросился съ криками на выстраивавшуюся пѣхоту. Напоръ непріятеля былъ необыкновенно силенъ, и большинство нашихъ людей переранено въ эту минуту. Между тѣмъ, послѣ чрезвычайныхъ усилій, удалось выломать ворота, и въ городъ введенъ былъ артиллерійскій взводъ, стрѣлковая рота 1-го линейнаго баталіона была направлена влѣво отъ воротъ на мазарки, 1-я же рота 2-го баталіона вправо отъ воротъ, гдѣ и было взято еще одно орудіе. Самарская же и 4-я рота 2-го баталіона, очистивъ впереди лежавшую мѣстность отъ непріятельскихъ стрѣлковъ, двинулись къ арыку, что̀ позади городскихъ воротъ саженяхъ въ 50-ти, куда вскорѣ прибылъ и артиллерійскій взводъ. Здѣсь произведено было нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ и пущены двѣ ракеты для очищенія улицъ отъ стрѣлявшихъ по войскамъ вооруженныхъ кучекъ. Въ это время получено было приказаніе генерала Кауфмана пріостановить военныя дѣйствія.

Потери наши въ этотъ день состояли: ранеными оберъ-офицровъ 1 и 10 рядовыхъ; изъ нихъ три тяжело.

Чтобы объяснить, что̀ именно побудило главнаго начальника экспедиціонныхъ силъ прекратить военныя дѣйствія противъ столицы ханства, мы должны обратиться къ тому, что̀ происходило въ туркестанскомъ отрядѣ.

Расположившись на позиціи между Шеихъ-арыкомъ и Хазараспомъ, туркестанскій отрядъ простоялъ на ней 24-е, 25-е и 26-е мая. Въ эти дни сформированъ былъ арбяной обозъ слишкомъ въ 500 арбъ, а 27-го числа, утромъ, туркестанскія войска, въ составѣ 12-ти ротъ, 12 орудій и 3-хъ сотенъ, съ ракетнымъ дивизіономъ направились чрезъ Хазараспъ по дорогѣ къ Хивѣ.

Переходъ къ этому городу, въ 68 верстъ, отрядъ сдѣлалъ въ теченіи 27-го и 28-го чиселъ, и въ 8 часовъ утра, 29-го мая, остановился въ 2-хъ верстахъ отъ городской стѣны. Весь путь

туркестанскихъ войскъ до Хивы былъ очищенъ отъ непріятеля и отрядъ прослѣдовалъ это разстояніе безъ выстрѣла. Кишлаки и поселки, по выходѣ войскъ изъ района гор. Хазараспа, на разстояніи 40 верстъ до Хивы, были пусты и брошены жителями, которые всѣ, съ семьями и имуществомъ, были стянуты въ Хиву.

Наканунѣ выступленія войскъ изъ-подъ Хазараспа, 26-го мая, къ генералу Кауфману явился опять посланецъ съ письмомъ отъ хана, въ которомъ Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-Ханъ, повторяя прежнія заявленія о своей дружбѣ и расположеніи, о томъ, что онъ уже исполнилъ всѣ требованія о высылкѣ бывшихъ въ плѣну въ Хивѣ русскихъ, и потому не понимаетъ, зачѣмъ русскіе вступили въ его владѣнія съ трехъ сторонъ, просилъ ген. Кауфмана остановить движеніе впередъ войскъ, отойти назадъ и выяснить свои требованія и условія мира.

Оставивъ это письмо безъ отвѣта, ген. Кауфманъ приказалъ посланцу ѣхать обратно въ Хиву и объявить хану на словахъ, что движенія войскъ онъ не остановитъ, а переговоры съ нимъ будетъ вести въ Хивѣ.

Одновременно съ прибытіемъ этого посланца ген. Кауфманъ получилъ донесеніе отъ ген. Веревкина, что, убѣдившись изъ достовѣрныхъ свѣдѣній о занятіи туркестанскими войсками Хазараспа, онъ измѣнилъ направленіе движенія ввѣренныхъ ему войскъ оренбургскаго и мангишлакскаго отрядовъ, и вмѣсто Новаго-Ургенча двинулся отъ Мангыта чрезъ Китай, Гурленъ, каналъ Клычъ-назъ-бай, Кятъ и Кошъ-Купыръ, къ Хивѣ.

На послѣднемъ ночлегѣ туркестанскаго отряда предъ Хивою, вечеромъ 28-го мая, къ ген. Кауфману въ лагерь у Анги-арыка явился новый посланный отъ хана, двоюродный братъ его, инакъ Иртазали-ханъ. Онъ представилъ новое письмо отъ Сеидъ-Рахимъ-хана, гдѣ ханъ, объявляя себя сдающимся со всѣмъ ханствомъ Бѣлому Царю, уполномочивалъ родственника своего инака Иртазали выслушать отъ ген. Кауфмана всѣ условія мира и требованія, и представить по нимъ соотвѣтствующіе отвѣты.

На словахъ посланецъ передалъ просьбу хана приказать ген. Веревкину, подшедшему уже съ войсками къ Хивѣ и открывшему по городу канонаду, прекратить стрѣльбу, такъ какъ ханъ передаетъ себя, гор. Хиву и все ханство на милосердіе Государя Императора и проситъ милости и прощенія.

Объявивъ посланному, что заявленіе нашихъ требованій и условія мира онъ желаетъ лично передать хану, а потому и проситъ его, со свитою въ 100 человѣкъ, выѣхать къ нему навстрѣчу,

утромъ 29-го мая, когда туркестанскія войска будутъ подходить къ Хивѣ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ инаку Иртазали, для отправки въ оренбургскій отрядъ, предписаніе ген. Веревкину, гдѣ сообщалось ему о заявленіи хана и предлагалось ему прекратить пальбу по городу и не открывать огня, если по его отряду не будутъ стрѣлять изъ города. На подтвержденія командующаго войсками, что въ силу посылаемаго съ нимъ ген. Веревкину предписанія онъ прекратитъ пальбу, съ тѣмъ чтобы и изъ города не стрѣляли по нашимъ войскамъ, инакъ увѣрялъ, что ханъ рѣшительно прикажетъ своимъ войскамъ прекратить враждебныя противъ насъ дѣйствія; но что онъ не ручается и не увѣренъ, чтобы находящіеся въ полчищахъ хана туркмены-іомуды послушались, въ данномъ случаѣ, приказанія хана; что очень можетъ быть, что іомуды будутъ продолжать свои нападенія на отрядъ генералъ-лейтенанта Веревкина и стрѣлять по нашимъ войскамъ изъ города. Предложивъ инаку убѣдить хана принять всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы этого не было и чтобы онъ заставилъ іомудовъ повиноваться, ген. Кауфманъ приказалъ посланцу ѣхать въ Хиву и передать сказанное хану.

На разсвѣтѣ, 29-го мая, туркестанскій отрядъ выступилъ съ бивака у Янги-арыка, и около 8-ми часовъ утра вошелъ въ районъ садовъ, непосредственно прилегающихъ къ стѣнѣ Хивы. Генералъ Кауфманъ встрѣченъ былъ здѣсь выѣхавшими изъ города высшими сановниками ханства: Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаромъ, дядею хана (второе послѣ хана лицо), среднимъ братомъ хана, Ата-Джаномъ, инакомъ Иртазали (двоюродный братъ хана), пріѣзжавшимъ къ нему наканунѣ, и другими почетными лицами, со свитою. Они явились съ подарками и съ заявленіемъ, что такъ какъ ханъ, не выждавъ наканунѣ его отвѣта, выѣхалъ съ іомудами и съ нѣсколькими приближенными, въ томъ числѣ съ диванъ-беги Мать-Мурадомъ, изъ города въ сторону, откуда дѣйствовалъ отрядъ ген. Веревкина, и затѣмъ уже не возвращался въ него, то жители города, освободивъ бывшаго арестованнымъ ханомъ въ теченіи семи мѣсяцовъ, средняго брата его Ата-Джана, провозгласили его ханомъ подъ регентствомъ дяди и тестя бывшаго хана Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умара. Это—слабый старикъ, за 70 уже лѣтъ; еще при отцѣ настоящаго хана и во все время правленія Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-Хана, онъ былъ всегда представителемъ мирной партіи въ Хивѣ, настаивавшей у хана на необходимости жить въ добрыхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ съ Россіею; вслѣдствіе

этого онъ былъ постояннымъ врагомъ ближайшему совѣтнику и любимцу хана, диванъ-беги Мать-Мураду, который, напротивъ, всегда, и въ послѣднее время въ особенности, подстрекалъ хана на враждебныя дѣйствія противъ Россіи. Поэтому, Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умара, особенно въ послѣднее время, былъ у хана въ большой немилости. Теперь этотъ старикъ, здоровье котораго разрушено опіумомъ и хашишемъ, лишенъ всякаго значенія, хотя и пользуется въ народѣ почетомъ и уваженіемъ и, главнымъ образомъ, за его мирное настроеніе по отношенію къ русскимъ.

Въ то время, какъ ген. Кауфманъ велъ переговоры съ выѣхавшею ему навстрѣчу депутаціею отъ города, состоявшею изъ поименованныхъ выше лицъ и присоединившагося еще къ нимъ диванъ-беги Мать-Ніяза, въ сторонѣ, гдѣ расположенъ былъ отрядъ ген. Веревкина, снова послышалась орудійная и оружейная перестрѣлка. Находя нужнымъ остановить военныя дѣйствія кавказскаго и оренбургскаго отрядовъ, такъ какъ хана съ Мать-Мурадомъ и іомудами, которые собственно и составляли воинственную партію въ городѣ, уже не было въ немъ, ген. Кауфманъ тотчасъ же послалъ ген. Веревкину приказаніе прекратить огонь, такъ какъ городъ, въ лицѣ явившихся его представителей и уполномоченныхъ, сдавался безусловно и отворялъ войскамъ ворота. Вскорѣ канонада прекратилась и ген. Кауфманъ отдалъ приказанія о вступленіи въ Хиву соединенныхъ войскъ отъ трехъ отрядовъ: оренбургскаго, кавказскаго (мангишлакскаго) и туркестанскаго. Въ исполненіе его предписанія, посланнаго наканунѣ, 28-го мая, съ бивака у Янги-Арыка, ген. Веревкинъ для возстановленія связи между туркестанскими и подчиненными ему войсками, выслалъ къ мосту Сарра-Кутукъ на Палванъ-Арыкѣ двѣ роты, два конныя орудія и четыре сотни подъ начальствомъ полк. Саранчова; самъ же, вслѣдствіе своей раны, не могъ выѣхать къ ген. Кауфману навстрѣчу съ этимъ отрядомъ, и оставался у себя въ лагерѣ.

Въ 2 часа дня, 29-го мая, войска туркестанскія ($7^1/_2$ ротъ, 8 орудій, три сотни), оренбургскія (одна рота и двѣ сотни) и кавказскія (рота ширванскаго полка, сотня линейныхъ казаковъ и сотня конно-мусульманскаго иррегулярнаго полка), подъ общимъ начальствомъ начальника туркестанскаго отряда, генералъ-майора Головачева, торжественно, подъ звуки музыки ширванскаго полка, вошли въ гор. Хиву.

Занявъ карауломъ дворецъ хана и поставивъ часовыхъ для охраны части невывезеннаго ханомъ имущества и гарема, въ

которомъ оставалось еще ханское семейство, генералъ Кауфманъ пробылъ во дворцѣ около двухъ часовъ, принимая разныя депутаціи отъ жителей города, торговцевъ, нѣкоторыхъ служащихъ лицъ, и затѣмъ отправился съ своимъ конвоемъ чрезъ городъ въ противоположныя хазараспскимъ, сѣверныя, шахъ-абатскія ворота, которыя къ этому времени уже были заняты отрядомъ отъ кавказскихъ и оренбургскихъ войскъ. Чрезъ эти ворота генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ проѣхалъ въ лагерь соединенныхъ оренбургскаго и мангишлакскаго отрядовъ, гдѣ осмотрѣлъ войска и ихъ расположеніе и посѣтилъ раненыхъ и больныхъ. Войска подъ начальствомъ генералъ-майора Головачева, вошедшія въ городъ, занимали его 30-го, 31-го мая и 1-го іюня, и утромъ 2-го іюня перешли въ свои лагери, оставивъ въ городѣ занятыми только хазараспскія, шахъ-абатскія и крѣпостныя ворота. 30-го мая, въ день годовщины рожденія императора Петра I-го, отслушавъ утромъ, въ войскахъ оренбургскаго и кавказскаго отрядовъ, молебствіе за здравіе Государя Императора и панихиду за упокой Петра I-го и сподвижниковъ, убитыхъ въ войнѣ съ Хивою, командующій войсками отправился по дорогѣ вдоль Полванъ-арыка, внѣ городской стѣны, и выбралъ вблизи хазараспской дороги мѣсто подъ лагерь туркестанскихъ войскъ Оренбургскій отрядъ оставленъ былъ въ прежнемъ своемъ расположеніи на шахъ-абатской дорогѣ, а кавказскія войска переведены въ центральное расположеніе между туркестанскимъ и оренбургскимъ отрядами, на дорогѣ изъ Хивы въ Новый Ургенчъ.

Общее смятеніе, неурядицы и безпорядокъ въ ханствѣ и въ Хивѣ, вызванныя и произведенныя военными дѣйствіями, начали понемногу улегаться. Жители города и окрестностей стали возвращаться въ свои дома, собирать свое имущество и приступали къ работамъ. Базаръ, лавки и торговля въ городѣ были открыты въ первый же день занятія города войсками. Приказомъ отъ 2-го іюня, генералъ Кауфманъ запретилъ войскамъ всякія фуражировки; все необходимое для нихъ пріобрѣтается отъ жителей и на городскомъ базарѣ за деньги. Депутаціямъ, являвшимся къ нему безпрерывно изъ разныхъ мѣстъ и городовъ ханства, генералъ Кауфманъ объявлялъ, чтобы населеніе жило мирно, спокойно; чтобы жители возвращались къ своимъ жилищамъ, иму-

ществу, къ полямъ и спокойно занимались дѣломъ. Именемъ Государя Императора, генералъ Кауфманъ объявилъ также всему населенію ханства милосердіе Его Императорскаго Величества, съ непремѣннымъ условіемъ мирной жизни и занятія дѣломъ и полевыми работами.

О ханѣ, между тѣмъ, опредѣленныхъ свѣдѣній, гдѣ онъ находится и куда скрылся, сначала не было никакихъ. Извѣстно было только, что онъ находится у іомудовъ, которые, будто бы, собираются въ значительномъ числѣ около Казавата и Татауса, чтобы подъ начальствомъ хана продолжать, во что бы то ни стало, борьбу съ нами. Не довѣряя вполнѣ этимъ слухамъ, генералъ Кауфманъ рѣшился самъ написать хану письмо, въ которомъ совѣтовалъ хану явиться къ нему. Письмо это было послано утромъ 1-го іюня, а 2-го числа, вечеромъ, ханъ, не заѣзжая въ Хиву, прямо прибылъ въ лагерь туркестанскаго отряда и тотчасъ же представился командующему войсками.

Генералъ Кауфманъ принялъ хана съ подобающимъ его сану почетомъ, и допустилъ его къ управленію страною. Изъ лицъ, имѣвшихъ вліяніе на веденіе дѣлъ въ ханствѣ, генералъ Кауфманъ назначилъ въ совѣтъ управленія диванъ-беги Мать-Ніаза, который одинъ изъ всѣхъ бывшихъ ближайшихъ совѣтниковъ хана обратилъ на себя вниманіе умомъ, пониманіемъ и вѣрною оцѣнкою совершившихся событій; Мать-Ніазъ и въ населеніи пользуется почетомъ и уваженіемъ. Онъ представился генералу Кауфману еще до вступленія войскъ въ Хиву и до возвращенія хана; все трудное, смутное время, когда жители города были въ сильно напряженномъ состояніи, и не могли еще опомниться отъ постигшей ихъ катастрофы, Мать-Ніазъ былъ единственный разумный человѣкъ изъ всѣхъ приближенныхъ хана, съ которымъ можно было имѣть дѣло и который помогъ до нѣкоторой степени успокоить населеніе.

Войска трехъ отрядовъ: туркестанскаго, оренбургскаго и кавказскаго, расположены были, какъ выше сказано, тремя лагерями съ сѣверной и восточной стороны Хивы, внѣ городской стѣны, въ садахъ, на трехъ смежныхъ дорогахъ: туркестанскій — на хазаръ-аспской и ханкинской, кавказскій — на ново-ургенчской, и оренбургскій—на шахъ-абатской или казаватской дорогѣ.

Общій видъ войскъ, ихъ настроеніе, санитарная часть — не оставляли желать ничего лучшаго. Больныхъ во всѣхъ трехъ отрядахъ было очень немного; войска были веселы и бодры,

какъ будто и не дѣлали по тысячѣ слишкомъ верстъ неимовѣрно труднаго, до сихъ поръ небывалаго въ Средней Азіи похода.

Однимъ изъ первыхъ и важнѣйшихъ вопросовъ, представлявшихся для разрѣшенія по вступленіи русскихъ войскъ въ территорію хивинскаго ханства, былъ вопросъ о рабствѣ, такъ какъ, съ одной стороны, полагалось, что наше достоинство не допускало невольничества и торга людьми въ странѣ, занятой нашими войсками; съ другой стороны, не только сами рабы-иранцы ждали отъ русскихъ себѣ свободы и возвращенія на родину, но повсемѣстно, въ средней Азіи, было убѣжденіе, что если русскіе явятся въ Хиву, то рабство должно прекратиться.

Поэтому, когда ханъ былъ возстановленъ въ своемъ званіи, признано было необходимымъ немедленно обсудить этотъ вопросъ, чтобы онъ могъ быть окончательно разрѣшенъ до оставленія Хивы главнымъ начальникомъ экспедиціонныхъ войскъ. Рѣшеніе этого вопроса становилось тѣмъ болѣе настоятельнымъ, что рабы, бѣжавшіе уже отъ своихъ хозяевъ,—а такихъ было очень много, начинали производить грабежи и разбои, а сами хозяева, боясь лишиться своихъ рабовъ, хотѣли привести ихъ къ повиновенію самими жестокими мѣрами наказанія.

11-го іюня, генералъ Кауфманъ, пригласивъ къ себѣ хана, подробно разъяснилъ ему необходимость освобожденія невольниковъ въ его владѣніяхъ. Ханъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, согласился съ доводами командующаго войсками и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ ускорить это дѣло, чтобы покончить съ нимъ, пока войска наши будутъ оставаться въ предѣлахъ ханства. На слѣдующій день, въ присутствіи хана, состоялось постановленіе совѣта управленія, утвержденное генераломъ Кауфманомъ, въ силу котораго провозглашено было безусловное освобожденіе рабовъ и установленъ порядокъ отправленія ихъ на родину.

Такъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ полуторавѣковыя усилія Россіи обезпечить спокойствіе нашей степи до самыхъ крайнихъ ея предѣловъ. Трудно, конечно, сказать, чтобы паденіе Хивы принесло намъ какія-либо особыя прямыя матеріальныя выгоды: освобожденіе нашихъ плѣнныхъ и уничтоженіе рабства, и то нравственное вліяніе, какое произведено паденіемъ Хивы во всемъ

населеніи Средней Азіи—вотъ, пока несомнѣнные и осязательные факты, которые безъ сомнѣнія повлекутъ за собой въ будущемъ обширныя послѣдствія, и мы будемъ современемъ вознаграждены за пожертвованія, неизбѣжныя въ предпріятіяхъ такого рода [1]).

Ф. Лобысевичъ.

Оренбургъ.

[1]) Расходы по снабженію собственно оренбургскаго экспедиціоннаго отряда продовольствіемъ и перевозочными средствами, со дня командированія до возвращенія на Оренбургскую линію, исчисляются въ 1.423.735 руб. (Въ эту же сумму входятъ расходы на заготовленіе въ Иргизѣ и отправленіе на Ургу мѣсячнаго запаса продовольственныхъ припасовъ и фуража для войскъ мангишлакскаго отряда). Главные расходы были произведены за перевозку путевого довольствія и другихъ тяжестей, перевозку нижнихъ чиновъ и содержаніе при отрядѣ верблюдовъ—858,478 руб. Продовольственныхъ припасовъ было заготовлено на весь отрядъ со дня выхода съ линіи и до возвращенія всего:

Муки . . .	525 четвертей	по 7 руб. 84 коп.		
Сухарей . .	6928 „	отъ 7 „ 17 „	до 9 р. 84 к.	
Крупъ . . .	1291 „	„ 9 „ 20 „	„ 11 „ 65 „	
Овса. . .	24,925 „	„ 3 „ 72 „	„ 5 „ 45 „	

Весь расходъ на заготовленіе всего этого составлялъ . . . . 181,003 р. 59 к.

На приварочное довольствіе, по 6³/₄ к. въ день на человѣка, на все число людей по 1-е октября отпущено . . . . 51,698 „ 11 „

На довольствіе винными порціями, чаемъ, капустой и за перевозку консервовъ отпущено всего, тоже по 1-е октября . . . . 15,461 „ 81 „

На довольствіе лошадей сѣномъ въ мѣстностяхъ, гдѣ таковое окажется возможнымъ пріобрѣсти покупкою, было отпущено примѣрно . . . . 41,322 „ — „

На денежные и натуральные раціоны офицерамъ . . . . . . 31,250 „ — „

На экстраординарные расходы отпущено начальнику отряда. . 25,000 „ — „

Перевозочныя средства всего этого составляли верблюды, которыхъ всего находилось въ движеніи до 10 т. штукъ.

ѲЕОФИЛАКТЪ РУСАНОВЪ
ПЕРВЫЙ ЭКЗАРХЪ ГРУЗІИ.

Біографическій очеркъ.

1765—1821 гг.

(Окончаніе).

III *).

Объ отношеніяхъ Ѳеофилакта къ бѣлому духовенству мнѣ приходилось слышать много и отъ пожилыхъ, и отъ молодыхъ священниковъ, помнившихъ и управленіе Ѳеофилакта, и управленіе другихъ архіереевъ, какъ его предшественниковъ, такъ и преемниковъ. Ни объ одномъ я не слыхалъ столько хорошихъ отзывовъ, какъ именно о Ѳеофилактѣ, несмотря на одну его слабость, которая, впрочемъ, была и слабостью вѣка.

Рязанскій архіерейскій домъ былъ очень небогатъ до тѣхъ поръ, пока по просьбѣ архіепископа Гавріила Городкова Радовицкій монастырь не сдѣлался архіерейскою бенефиціей. Но Ѳеофилактъ, какъ кажется, привыкъ въ Петербургѣ жить на широкую ногу, любилъ бывать въ гостяхъ, любилъ и самъ быть гостепріимнымъ хозяиномъ. По выраженію одного стараго рязан-

---

*) См. выше: нояб., 229 стр.

скаго священника, къ Ѳеофилакту въ воскресные и праздничные дни, послѣ обѣдни, рязанская помѣщичья, чиновничья и купеческая знать «валомъ валила». Конечно, тутъ угощеніе было небольшое; чашки по двѣ, по три чаю, но нѣкоторые посѣтители оставались на пирогъ и другія закуски, къ которымъ присоединялось надлежащее количество винъ и водокъ. Такимъ образомъ явилась необходимость открыть новые источники доходовъ, которые никакъ не могутъ быть названы безукоризненными, хотя у насъ къ нимъ привыкли съ незапамятныхъ временъ, и выражаютъ ихъ деликатнымъ словомъ: *благодарность*, а нѣкоторые изъ нихъ называются даже *безгрѣшными*. Непосредственно Ѳеофилакту, конечно, не осмѣливались выражать «благодарность», за то обращались къ его домашнему секретарю Щ. Ѳеофилактъ привезъ его изъ Калуги съ собою и потомъ взялъ въ Грузію; по странной случайности, московскій митрополитъ Филаретъ Дроздовъ, постоянный врагъ Ѳеофилакта, по смерти послѣдняго опредѣлилъ Щ. секретаремъ своей консисторіи. Конечно, послѣ Щ., служившаго, впрочемъ, въ концѣ своей жизни едва ли не директоромъ московскаго опекунскаго совѣта, осталось очень хорошее благопріобрѣтенное имѣніе; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что и эпоха его секретарства не прошла безъ *пенязей*. Просьбы къ Щ. съ приличнымъ приложеніемъ благородныхъ металловъ, или ихъ представителей, — ассигнацій, всегда были рѣшаемы въ пользу просителей, а Ѳеофилактъ, какъ извѣстно, не очень любилъ, по поговоркѣ: свистать подъ чужую дудку, особенно же подъ дудку своего письмоводителя, котораго только изъ вѣжливости называлъ домашнимъ секретаремъ.

Взяточничество касалось разнообразныхъ предметовъ и началось чуть не съ первыхъ дней пріѣзда Ѳеофилакта въ Рязань. Экзаменуя у себя учениковъ реторики, которыхъ число состояло изъ 60-ти человѣкъ, онъ поздравилъ 36 изъ нихъ съ переводомъ въ философію, а 24-мъ сказалъ, что они остаются въ прежнемъ классѣ. Но между этими нашелся молодецъ, по фамиліи Доброхотовъ, который предложилъ своимъ непереведеннымъ товарищамъ сейчасъ же обложить себя поборомъ въ два рубля съ каждаго, и 48 р. представилъ Щ. съ тѣмъ, чтобы онъ помогъ имъ перейти въ философію. Безкорыстный письмоводитель сначала выразилъ даже что-то похожее на негодованіе, говоря: «развѣ наука продается? Намъ нужны умные люди». На это Доброхотовъ отвѣчалъ: «мы просимъ принять это вовсе не для того, чтобы насъ перевести въ слѣдующій классъ; просимъ васъ объяснить владыкѣ, что мы, никогда не экзаменовавшись у архіереевъ, струсили и

потому не могли удовлетворительно отвѣчать. Похлопочите, чтобы намъ вновь дозволено было держать экзаменъ». Отказать въ такой скромной просьбѣ нельзя было; добровольное приношеніе принято; но разсказывавшій мнѣ объ этомъ старецъ-священникъ, учившійся въ то время самъ въ семинаріи, сказалъ, что всѣ участники въ складчинѣ переведены были въ философію даже безъ переэкзаменовки.

Но вотъ другой случай, весьма характеристическій и обрисовывающій нравы того времени. Тогдашній каѳедральный протоіерей Полянскій получилъ въ наслѣдство отъ Ѳеофилактова предшественника Амвросія, своего родственника, отличную соболью рясу, которую бы не стыдно было надѣть и митрополиту. Владѣльцу ея былъ сдѣланъ намекъ, что столь богатой рясѣ неприлично появляться на плечахъ протоіерея, когда нѣтъ такой даже у самого архіерея. Протоіерей сначала не догадывался, но когда его уволили отъ должности учителя семинаріи, то рѣшился разстаться съ собольей рясою и подарилъ ее архіерею. Но архіерей не захотѣлъ остаться неблагодарнымъ и нашелъ случай *отдарить* своего догадливаго и тароватаго подчиненнаго. При постройкѣ новаго дома для семинаріи, старыя прежнія семинарскія зданія нужно было сломать или продать. Но въ числѣ ихъ былъ очень хорошій домъ, въ которомъ живалъ ректоръ семинаріи; тамъ даже была устроена домовая церковь. Его-то Ѳеофилактъ и подарилъ Полянскому. Домъ этотъ до сихъ поръ существуетъ, только, разумѣется, на томъ уже мѣстѣ, гдѣ его поставилъ протоіерей.

Но наибольшее количество взятокъ приносилось и принималось въ тѣхъ случаяхъ, когда надобно было замѣщать вакантныя священно- и церковно-служительскія мѣста. Догадливые люди тутъ давали не только въ то время, когда уже имѣлось въ виду какое-либо вакантное мѣсто и подавалась просьба для поступленія на него, но даже какъ-бы въ задатокъ, напередъ, въ ожиданіи, что гдѣ-нибудь откроется вакансія. Такой случай мнѣ разсказывали объ одномъ дьячкѣ егорьевскаго уѣзда. Сдѣлавши архіерейскому письмоводителю подобающее приношеніе, онъ просилъ опредѣлить себя на какое-либо діаконское мѣсто въ егорьевскомъ же уѣздѣ. Приношеніе принято и дано обѣщаніе сдѣлать просителя діакономъ. Дьячокъ, возвратившись домой, началъ похваливаться, что вотъ-де онъ скоро будетъ діакономъ. Односельчане подсмѣивались надъ нимъ тѣмъ болѣе, что онъ не отличался ни умомъ, ни голосомъ, ни даже грамотностію: но сверхъ всякаго ожиданія вдругъ присылается изъ консисторіи указъ, которымъ дьячка вызвали въ Рязань для посвященія въ діаконы.

Независимо отъ взятокъ въ пользу Щ., священническія мѣста иногда предоставлялись Ѳеофилактомъ по просьбамъ его любимцевъ, къ числу которыхъ принадлежали лучшіе пѣвчіе. Еще и теперь живъ въ рязанской епархіи священникъ, который произвелъ своего отца-причетника въ священники. Сынъ, имѣя прекрасный голосъ и отлично зная, такъ-называемую, *ноту*, былъ любимцемъ владыки. Въ одну пасху священникъ на его родинѣ, будучи подъ хмѣлькомъ, упалъ съ печки и этимъ способомъ отдалъ Богу свою душу. Отецъ пѣвчаго является къ сыну, приноситъ кошолочку яицъ для доставленія архіерейскому эконому и проситъ сына: «походатайствуй у владыки за меня, да попроси и отца-эконома похлопотать о томъ, чтобы владыка сдѣлалъ меня попомъ». Сыну нельзя было отказать въ просьбѣ своему отцу. Онъ является къ Ѳеофилакту и излагаетъ ему просьбу отца. Но архіерей былъ, вѣроятно, не въ духѣ; сказалъ: «пожалуй, этакъ ты станешь просить произвести отца твоего въ протопопы», и даже немного побранился. Но однажды у владыки сидѣлъ рязанскій богачъ Рюминъ; хозяинъ для удовольствія гостя призвалъ своихъ пѣвчихъ и заставилъ ихъ пѣть разныя пьесы. Когда пѣвчіе довольно потѣшили и хозяина, и гостя, то первый вспомнилъ о неуваженной имъ просьбѣ своего любимца-пѣвчаго и сказалъ ему: «можетъ ли хорошо читать и пѣть твой отецъ?» Пѣвчій просилъ владыку произвести экзаменъ отцу. Но когда явился для испытанія кандидатъ на священство, то оказалось, что онъ не отличается бойкостію ни по чтенію, ни по пѣнію; даже, растерявшись, вовсе почти не могъ пѣть и только при пособіи сына пропѣлъ какую-то херувимскую; но за всѣмъ тѣмъ былъ сдѣланъ священникомъ и только получилъ наставленіе слѣдующаго рода: «смотри, будь исправенъ, а иначе также скоро разстригу тебя, какъ и постригъ».

Вѣроятно, что злоупотребленія, происходившія тѣмъ или другимъ способомъ при замѣщеніи священно- и церковно-служительскихъ должностей, такъ часто повторялись и до такой степени сдѣлались невыносимыми, что отважныя головы изъ семинаристовъ съумѣли ночью прибить надъ входомъ въ архіерейскій домъ вывѣску, надъ которой крупными буквами было написано: «Въ семъ домѣ продаются священническія, дьяконскія и причетническія мѣста, а о цѣнѣ спросить Щ.». Къ несчастію, приближенныя къ архіерею лица не скоро узнали о ней, и она оставалась надъ воротами съ утра чуть не до полудня; ее читали не только духовные, имѣвшіе нужду быть въ тотъ день въ архіерейскомъ домѣ, но и горожане, узнавшіе о существованіи ея. Если не един-

ственнымъ, то, по крайней мѣрѣ, главнымъ виновникомъ столь непріятнаго для архіерея событія считали кончившаго курсъ семинариста Глѣбова, который былъ очень даровитый и умный человѣкъ, но *забулдыга*, какъ мнѣ выразился о немъ старый священникъ. Ѳеофилактъ отъ семинарскаго начальства зналъ о дурномъ поведеніи Глѣбова; и когда послѣдній подалъ прошеніе на священническое мѣсто, то получилъ рѣшительный отказъ. Глѣбовъ спросилъ архіерея: «За что̀ это ко мнѣ такая немилость?» и услышавъ отвѣтъ: «О тебѣ говорятъ, какъ о дурномъ человѣкѣ», продолжалъ: «да у меня хорошій аттестатъ».— «Это ничего не значитъ, сказалъ архіерей; гласъ народа гласъ Божій».—«Пословица эта несправедлива».—«Нѣтъ, справедлива». Тогда Глѣбовъ дерзко сказалъ: «Я думаю, что нѣтъ. Если она справедлива, то значитъ справедливъ и тотъ гласъ, что въ вашемъ домѣ продаются священническія, діаконскія и причетническія мѣста; такъ говорятъ всѣ». Ѳеофилактъ хотѣлъ-было отдать его въ солдаты, но гражданское начальство не нашло достаточныхъ причинъ для этого.

И несмотря на все это, духовенство рязанской епархіи, повторяю, чрезвычайно любило Ѳеофилакта и даже теперь вспоминаетъ о немъ, какъ о лучшемъ своемъ архипастырѣ. Личная его слабость по духу того времени не удивляла никого, а привѣтливое, нисколько не гордое обращеніе, быстрое и умное рѣшеніе дѣлъ было рѣдкостью и привлекало всѣхъ безъ исключенія.

IV.

Архіерействуя въ Рязани, Ѳеофилактъ не былъ постояннымъ ея жителемъ. Онъ въ первые годы пріѣзжалъ сюда только на лѣто, а потомъ отправлялся въ Петербургъ, какъ членъ св. Синода, чтобы участвовать въ его засѣданіяхъ. Но присутствіе его тамъ нужно было и относительно личныхъ его интересовъ. Петербургъ слишкомъ скоро забываетъ тѣхъ лицъ, которыя уѣзжаютъ изъ него надолго въ провинціальные города; а забытому архіерею не очень легко попасть въ петербургскіе митрополиты. Кромѣ того, Амвросій не только держался на петербургской каѳедрѣ, но и нашелъ себѣ умнаго союзника въ молодомъ монахѣ, съ которымъ Ѳеофилакту пришлось вступить въ борьбу и быть побѣжденнымъ—говорю о Филаретѣ Дроздовѣ.

Эти два талантливыхъ, честолюбивыхъ и дѣятельныхъ монаха, искавшіе дѣятельности для осуществленія своихъ мыслей и пла-

новъ, не могли идти рядомъ по одной и той же дорогѣ, каждому изъ нихъ хотѣлось быть главнымъ дѣятелемъ; по какому бы отдѣлу администраціи они ни служили вмѣстѣ, между ними дружба была невозможна, а произошла бы непремѣнно если не открытая вражда, то самое неуступчивое соперничество, и потому одному кому-нибудь изъ нихъ надобно было взять верхъ надъ другимъ и устранить его куда-нибудь подальше.

Все, повидимому, благопріятствовало Θеофилакту стоять выше Филарета. Первый былъ, какъ говорится, въ большомъ уже ходу, быстро подвигался впередъ и даже не могъ еще замѣчать того человѣка, который встанетъ предъ нимъ поперегъ дороги и остановитъ его движеніе. Θеофилактъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ отличный законоучитель въ кадетскихъ корпусахъ, сдѣлался архимандритомъ, членомъ св. Синода, въ то еще время, когда какой-то Василій Дроздовъ обучался въ коломенской и троицкой семинаріяхъ и при господствовавшей тогдашней суровой школьной дисциплинѣ, сидя за классным столомъ топорной работы, со страхомъ и трепетомъ посматривалъ на грознаго педагога,—видалъ, какъ равноправные съ нимъ товарищи смиренно ложились на полъ подъ лозу. А Θеофилактъ въ это время былъ уже настоящею знаменитостію, замѣтною звѣздою даже въ Петербургѣ, и вытребованный туда уже въ санѣ архіепископа для присутствія въ Синодѣ, вмѣстѣ съ Сперанскимъ, составлялъ и приводилъ въ исполненіе почти всѣ проекты, необходимые для преобразованія духовно-учебныхъ заведеній, двигался, можно сказать, быстрыми шагами къ петербургской митрополіи, по крайней мѣрѣ, имѣлъ основательныя причины мечтать о ней. Въ это-то самое время ректоръ петербургской духовной академіи три раза принимался хлопотать о перемѣщеніи изъ троицкой семинаріи іеродіакона Филарета Дроздова въ академическіе баккалавры, и три раза потерпѣлъ неудачу. Когда же, наконецъ, рѣшено было перевести Дроздова въ Петербургъ, то московскій митр. Платонъ чуть-было не помогъ Θеофилакту, котораго уже не любилъ, не желая отпустить изъ троицкой семинаріи будущаго его соперника. Платонъ, получивъ предписаніе изъ Петербурга о перемѣщеніи туда Филарета, спросилъ его: «имѣешь ли ты желаніе отправиться въ Петербургъ?» Тогда Филаретъ, по разсказу М. Евреинова, отвѣчалъ: «Желанія сего не имѣю».—«Если не имѣешь, сказалъ Платонъ, то подай прошеніе, напиши, что желаешь остаться здѣсь». Но находчивый Филаретъ отвѣчалъ: «Я подалъ прошеніе о постриженіи, и послѣ такого прошенія не могу подавать никакого, потому что первымъ

отрекся отъ своей воли». Впрочемъ, несмотря на всѣ рекомендаціи, Дроздова опредѣлили не въ академію баккалавромъ, а въ петербургскую семинарію наставникомъ по философіи,—такому предмету, съ которымъ преподаватель, по его собственному сознанію, былъ мало знакомъ, такъ что самъ съ вечера долженъ былъ учиться, а на утро то преподавать, слѣдовательно «въ одно время я учился и училъ», прибавляетъ Филаретъ. И вотъ скромный іеродіаконъ, отрекшійся отъ своей воли, пріѣзжаетъ въ Петербургъ въ очень простыхъ саняхъ, съ рогожною кибиткою, въ дорогѣ едва не отморозивъ своихъ ногъ отъ недостатка теплой одежды, и начинаетъ свою петербургскую жизнь.

Ѳеофилактъ считалъ тогда уже другомъ стараго своего школьнаго товарища, а теперь государственнаго секретаря, любимца и довѣреннаго человѣка у царя; былъ, какъ говорится, если не въ дружбѣ, то *въ ладахъ* съ другимъ любимцемъ царскимъ, завѣдывавшимъ въ должности оберъ-прокурора всѣми духовными дѣлами; пріобрѣлъ въ свѣтскомъ обществѣ много знакомыхъ и почитателей своимъ умомъ, ловкостію и проповѣдями, сдѣлался извѣстнымъ императору, какъ замѣчательный архіерей; заслужилъ благоволеніе вдовствующей императрицы. А пріѣхавшій въ рогожной кибиткѣ іеродіаконъ самъ даже не посмѣлъ явиться одинъ къ этому блистательному архіепископу, а былъ представленъ и отрекомендованъ своимъ протекторомъ, ректоромъ академіи, и при этомъ свиданіи долженъ былъ испытать подавляющее величіе хозяина. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ случаѣ Ѳеофилактъ не показалъ того свѣтскаго такта, которымъ онъ отличался между архіереями; какъ будто какой-то инстинктъ или предчувствіе подсказали ему, что въ этомъ маленькомъ и худенькомъ монахѣ скрывается будущій его врагъ. Архіепископъ, конечно, не былъ невѣжливъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ ему захотѣлось поэкзаменовать новичка, но и тутъ онъ опять обнаружилъ безтактность. Экзаменъ можно было произвести деликатнымъ образомъ, вовлекая испытуемаго въ разговоръ о какомъ-либо ученомъ предметѣ, но вмѣсто того поступлено было по-экзаменаторски; прямо предложили вопросъ: что̀ такое истина? на который и вопрошавшій едва ли бы съумѣлъ дать удовлетворительный отвѣтъ. Самъ ректоръ осмѣлился деликатно намекнуть на неумѣстность и трудность вопроса, сказавши, что и Іисусъ Христосъ не отвѣчалъ на него. Ѳеофилактъ не сталъ требовать отвѣта, но помучилъ іеродіакона другимъ образомъ. Платонъ, несмотря на господствующее до сихъ поръ высокое мнѣніе объ его учености, не очень былъ благосклоненъ къ новымъ идеямъ, волновавшимъ тогда западный уче-

ный міръ; ему, какъ извѣстно, хотѣлось удержать духовныя училища въ прежнемъ положеніи, и даже, пожалуй, во блаженномъ невѣдѣніи того, что́ подумываютъ, поговариваютъ и подѣлываютъ за Нѣманомъ. Поэтому неудивительно, что въ троицкой семинаріи, находившейся подъ непосредственнымъ его вліяніемъ, почти вовсе не говорили и не слыхали о новыхъ мыслителяхъ Германіи, не читали новыхъ сочиненій на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, даже слишкомъ мало занимались ими. Ѳеофилактъ, замѣтивши, что сидѣвшій передъ нимъ іеродіаконъ есть настоящій питомецъ троицкой семинаріи въ этомъ отношеніи, заявилъ ему, что съ одними древними языками далеко не уйдешь, что нужно заняться новѣйшими языками, особенно же французскимъ, и чрезъ нихъ познакомиться съ новѣйшими идеями. Скромному іеродіакону пришлось проглотить эту пилюлю и выждать свое время. Но Ѳеофилактъ скоро самъ наложилъ руку на свою репутацію. Онъ выступилъ гонителемъ извѣстнаго Фесслера, и хотя одержалъ побѣду, но потерялъ дружбу Сперанскаго и Голицына.

Первому не могло не показаться обиднымъ, что школьный его товарищъ и даже другъ обозвалъ вольнодумцемъ и настоялъ выгнать изъ академіи того человѣка, котораго онъ (Сперанскій) вызвалъ изъ Германіи. Конечно, школьные друзья не сдѣлались врагами, но между ними появилась холодность. Голицынъ къ Фесслеру былъ безразличенъ, но Ѳеофилактъ въ своей критикѣ доказывалъ, что «Фесслеръ держится ученія иллюминатовъ и подрываетъ религію,—это видно изъ словъ его: царство божіе—царство свѣта и любви, то-есть благодати, въ насъ находится». Голицынъ, уже увлеченный тогда мистицизмомъ, принялъ эти слова Ѳеофилакта чуть ли не на свой счетъ. Фесслеровская исторія и петербургскому обществу показалась доказательствомъ того, что блистательный архіепископъ, умнѣйшій духовный администраторъ и краснорѣчивый церковный ораторъ сдѣлался обскурантомъ и гонителемъ просвѣщенія.

Всѣ эти обстоятельства, неблагопріятныя для Ѳеофилакта, были болѣе или менѣе выгодны для Филарета. Князь Голицынъ, несмотря на свою силу при дворѣ, чувствовалъ, что ему, при управленіи дѣлами духовнаго вѣдомства, часто бываютъ нужны совѣты умнаго духовнаго лица. До сихъ поръ Ѳеофилактъ могъ еще быть отчасти такимъ совѣтникомъ,—говорю: отчасти, потому что онъ, какъ лицо, уже высоко стоящее, имѣлъ свои интересы, несовпадавшіе съ интересами Голицына. Послѣднему, какъ оберъ-прокурору, и прежде, и еще болѣе теперь послѣ разладицы съ Ѳеофилактомъ нужно было найти для совѣтовъ не члена

св. Синода, не архіепископа, а другое духовное лицо, умное, но еще не очень знаменитое, которому можно бы въ перспективѣ указать санъ епископа и кресло въ св. Синодѣ. И вотъ, скромный бывшій іеродіаконъ сблизился съ оберъ-прокуроромъ св. Синода; онъ его поддерживалъ, потому что самъ имѣлъ нужду въ немъ.

Впрочемъ, Дроздовъ и самъ могъ прокладывать себѣ дорогу. Еще въ 1806 г. Платонъ писалъ къ Августину: «А у меня появился отличный проповѣдникъ, учитель Дроздовъ; я сообщу его проповѣдь, и вы удивитесь»; и потомъ, подаривъ экземпляръ своей Исторіи Церкви, собственноручно написалъ: «Господину Дроздову, отличному проповѣднику». По пріѣздѣ въ Петербургъ молодой проповѣдникъ почему-то не появлялся на церковной каѳедрѣ до Пасхи 1811 г. Но, появившись, онъ съ перваго же раза удивилъ петербургскаго митрополита также, какъ и Платона; ему посовѣтовали заняться проповѣдничествомъ. Затѣмъ, вскорѣ одна за другою произнесены были имъ проповѣди въ Невскомъ монастырѣ въ Троицынъ день и въ одно простое воскресенье, а въ отстроенномъ Казанскомъ соборѣ по случаю освященія его и погребенія строителя его, графа Строгонова;—послѣднія двѣ проповѣди говорены въ присутствіи императорской фамиліи, самаго высшаго петербургскаго общества и дипломатическаго корпуса.

По случаю появленія новаго, даровитаго проповѣдника въ Петербургѣ Ѳеофилактъ опять обнаружилъ порядочную безтактность. Сторонники его, вѣроятно не противъ его желанія, первую петербургскую проповѣдь Дроздова назвали *одою.* Въ Троицынъ день Ѳеофилактъ, нарочно пріѣхавшій въ Невскій монастырь, чтобы послушать новую проповѣдь молодого проповѣдника, прочиталъ ее еще до произнесенія ея и возвратилъ автору молча, безъ всякихъ замѣчаній. Между тѣмъ на обѣдѣ у митрополита Амвросія принялся, въ присутствіи автора проповѣди, отыскивать въ ней пантеизмъ.

Другой поступокъ Ѳеофилакта былъ не лучше. Вотъ какъ его разсказываетъ авторъ статьи «Изъ прошлаго»: «Ѳеофилактъ въ одной изъ своихъ проповѣдей представилъ преклоннаго старца, обремененнаго дѣлами, вмѣсто котораго управляетъ молодой человѣкъ по своей волѣ, прикрываясь авторитетомъ старца, которымъ успѣлъ онъ овладѣть совершенно. Весь Петербургъ заговорилъ, что этотъ намекъ прямо направленъ противъ митрополита Амвросія и баккалавра Филарета, уже начинавшаго тогда свое блистательное поприще проповѣдника. Амвросію крайне

было досадно, но онъ не зналъ, какъ заградить уста Ѳеофилакту, боясь, что онъ, пожалуй, и впредь не будетъ оставлять его въ покоѣ. Филаретъ указалъ на средство заградить уста. По его совѣту, во время засѣданія въ Синодѣ, митрополитъ раскрылъ Кормчую и, молча положивъ ее предъ Ѳеофилактомъ, указалъ пальцемъ на слѣдующія ея слова: «да не будетъ позволено епископу въ иномъ градѣ, не принадлежащемъ ему, всенародно учити; аще ли же кто будетъ творяще сіе, да престанетъ отъ епископства и да совершаетъ дѣла пресвитерства». Ѳеофилактъ промолчалъ и съ тѣхъ поръ не проповѣдывалъ въ Петербургѣ».

V.

Не трудно было предвидѣть исходъ борьбы, завязавшейся между двумя антагонистами. Я уже сказалъ, что послѣ Фесслеровской исторіи отношенія Ѳеофилакта къ двумъ прежнимъ своимъ союзникамъ и благопріятелямъ, Сперанскому и Голицыну, поизмѣнились; они уже не имѣли поводовъ поддерживать его съ прежнимъ усердіемъ въ свѣтскомъ обществѣ и при дворѣ. Между тѣмъ одинъ изъ этихъ бывшихъ союзниковъ, Голицынъ, сдѣлавшійся покровителемъ Филарета, стоялъ на высотѣ и все болѣе и болѣе высился, да и Амвросій все еще оставался петербургскимъ митрополитомъ. Потомъ одинъ изъ антагонистовъ имѣлъ характеръ живой, прямой и открытый, не владѣлъ искусствомъ затаивать въ себѣ свои чувства и намѣренія, былъ не всегда остороженъ и на словахъ, и въ поступкахъ; далѣе, любилъ не только свѣтскія науки и удовольствія, но и о духовныхъ предметахъ, не имѣвшихъ догматическаго характера, иногда былъ готовъ разсуждать по-свѣтски; наконецъ, и по жизни, и по внѣшнему своему виду не былъ и не хотѣлъ быть аскетомъ. Напротивъ, другой, непроницаемый даже для своихъ почитателей (друзей у него, особенно между духовными, почти никого не было), осторожный во всемъ, не любившій безъ нужды тратить даже одно слово, пренебрегавшій всѣми свѣтскими науками, не пропускавшій случая посмѣяться надъ ними, сосредоточившій всѣ свои ученыя занятія на однихъ богословскихъ и церковныхъ наукахъ, а главное и по жизни, и по внѣшнему виду являвшійся настоящимъ аскетомъ. Очевидное дѣло, что послѣдній на духовномъ поприщѣ легко могъ одержать побѣду надъ первымъ. Притомъ Ѳеофилактъ, какъ архипастырь, желавшій возвысить бѣлое духовенство въ умственномъ и нравственномъ, а слѣдовательно и въ іерархическомъ

отношеніяхъ, и чрезъ то повредить привилегіямъ и автократизму монашества въ церковной администраціи и духовно-учебномъ вѣдомствѣ, не могъ нравиться черному духовенству, любившему держать бѣлое духовенство чуть не въ крѣпостномъ состояніи, останавливавшему умственное его развитіе схоластическою ученостію, и называвшему священниковъ только «попами» и «протопопами».

Конечно, Ѳеофилактъ, по крайней мѣрѣ повидимому, еще твердо стоялъ на занятой имъ позиціи; очарованіе, которое онъ произвелъ на свѣтскую публику, еще не совсѣмъ исчезло и легко могло возобновиться съ прежнею силой; заслуги его по духовному вѣдомству были въ свѣжей еще памяти; въ административныхъ его способностяхъ даже смѣшно было бы сомнѣваться. И потому его не только еще держали въ Петербургѣ, но и награждали; 30-го августа 1812 г. онъ получилъ орденъ Александра Невскаго, а чрезъ $7^1/_2$ мѣсяцевъ послѣ того—алмазный крестъ на клобукъ; все это такія награды, которыя въ то время для 47-лѣтняго монаха могли назваться необыкновенными. Но и Филаретъ шелъ впередъ. Будучи съ небольшимъ еще 30-ти лѣтъ, онъ уже пожалованъ былъ въ 1813 г. орденомъ св. Владиміра 2-ой степени,—отличіе слишкомъ рѣдкое, а тогда едва ли не безпримѣрное для архимандрита. И потому вовсе неудивительно, что по случаю полученія этото ордена называли Филарета *скороспѣлкою*. Но едва ли не самымъ благопріятнымъ для него событіемъ было то, что онъ еще прежде этого, въ 1812 г., сдѣланъ былъ ректоромъ петербургской духовной академіи; чрезъ это надолго упрочилось его пребываніе въ Петербургѣ. Потомъ онъ, какъ человѣкъ дальновидный, могъ разсчитать, что студенты перваго и послѣдующихъ курсовъ академіи, по выходѣ изъ нея, будутъ главными дѣятелями сперва въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, а потомъ и въ іерархіи. Ему теперь предстояла возможность подчинить себѣ эту молодежь. Какъ профессоръ богословскихъ наукъ, онъ могъ очаровать ихъ своими лекціями; какъ ректоръ, онъ могъ выдвинуть на первый планъ тѣхъ, въ которыхъ замѣтилъ наклонность быть его почитателями, а строптивыхъ по отношенію къ нему пристроить гдѣ-либо подальше, словомъ сказать, составить себѣ преданную партію въ будущихъ іерархахъ. Наконецъ, не непріятно было для Филарета и то, что при опредѣленіи его на ректорство, Ѳеофилактъ потерпѣлъ новое пораженіе. Послѣднему хотѣлось сдѣлать ректоромъ своего баккалавра Леонида Залѣсскаго, но не удалось.

На новой своей должности Филаретъ могъ уже быть замѣт-

нымъ лицомъ, независимо отъ своихъ умственныхъ способностей и проповѣдничества, но и проповѣдничество продолжало возвышать Филарета. Извѣстность его, мы видѣли, утвердилась еще въ 1811 г. Императорская фамилія слушала его въ Казанскомъ соборѣ, но соборъ Зимняго дворца до сихъ поръ не слыхалъ его поученій. Филаретъ удостоился и этой чести, правда не совсѣмъ удачно, и потому онъ проповѣдывалъ тамъ только два раза: это объясняли обличительнымъ тономъ его проповѣдей. Между тѣмъ, новыя обстоятельства еще сильнѣе поколебали положеніе Ѳеофилакта.

Школьный его товарищъ Сперанскій впалъ въ немилость и не могъ защищать себя самого. Голицынъ становился сильнѣе и сильнѣе; и ему, и Филарету Дроздову удаленіе Ѳеофилакта становилось нужнѣе и нужнѣе. Къ сожалѣнію, я не имѣю вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, какъ Ѳеофилакта сбыли въ Рязань. Могу только помѣстить, по этому случаю, одинъ изъ двухъ разсказовъ, который я слыхалъ въ рязанской епархіи отъ современныхъ Ѳеофилакту лицъ.

Основаніемъ этого разсказа служатъ событія 1813 г. Извѣстно, что во время нашествія французовъ на Россію, въ томъ году могилевскій архіепископъ приказалъ поминать Наполеона въ церквахъ на ектеніяхъ во время богослуженія и пр. По изгнаніи французовъ изъ Россіи, поклонника Наполеона не оставили безъ наказанія; св. Синодъ положилъ лишить его архіерейскаго сана, и исполненіе приговора возложилъ на архіеп. Ѳеофилакта. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему же поручили огромную сумму для раздачи духовенству и церквамъ въ губерніяхъ, разоренныхъ французами. Пріѣхавши въ Могилевъ и остановившись въ домѣ архіерея, онъ увѣрилъ послѣдняго, что ему нечего опасаться за свой поступокъ, и убѣдилъ его отслужить литургію въ ближайшій воскресный или праздничный день. Архіерей согласился на это и пришелъ съ обыкновенною торжественностію въ соборъ. Когда его облачили и слѣдовало приступить къ богослуженію, то вмѣсто благословенія, которое слѣдовало испрашивать у владыки, чтобы начать литургію, прочитанъ былъ съ амвона синодскій указъ, вслѣдствіе котораго затѣмъ разоблачили архіерея и надѣли на него простую монашескую рясу. Разжалованный всю обѣдню простоялъ, опершись руками на трость, съ поникнутой головой и заливаясь слезами; потомъ отвезенъ былъ въ какой-то монастырь, въ которомъ и зачисленъ въ составъ братства. Но при исполненіи другой миссіи, Ѳеофилактъ подалъ врагамъ своимъ оружіе противъ себя. Дѣло состояло въ томъ, что онъ будто бы не могъ

представить удовлетворительнаго отчета въ громадной части той суммы, которую ему поручено было роздать духовенству и церквамъ. Различно объясняли это. Одни говорили, что онъ потерялъ деньги, другіе, что укралъ ихъ келейникъ его; третьи, разумѣется, враги, что онъ истратилъ ихъ на себя.

Какъ бы то ни было, въ 1813 г. дальновидные враги Ѳеофилакта считали положеніе его шаткимъ и стали мало-по-малу вытѣснять его, если еще не изъ Петербурга, то изъ академіи и изъ Невскаго монастыря. Занимая должность профессора словесныхъ наукъ, Ѳеофилактъ имѣлъ квартиру въ Невскомъ монастырѣ, тогда какъ свита его жила на калужскомъ подворьѣ. Къ такому, такъ сказать, раздвоенію побуждало его и то, что онъ, живя въ монастырѣ, удобнѣе могъ слѣдить за своими благопріятелями. Съ другой стороны этимъ благопріятелямъ гораздо бы пріятнѣе было, если бы онъ жилъ отъ нихъ подалѣе. Прямо высылать, выживать его изъ монастырской квартиры было неловко; воспользовались отъѣздомъ его въ разоренныя французскимъ нашествіемъ губерніи. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, Ѳеофилактъ нашелъ свою монастырскую квартиру занятою другимъ жильцомъ. Теперь оставалось выжить его изъ Петербурга. Средство для этого далъ самъ Ѳеофилактъ, и притомъ не какимъ-либо своимъ проступкомъ, достойнымъ порицанія, а единственно своимъ искреннимъ желаніемъ исполнять профессорскую должность возможно-лучшимъ образомъ.

Ѳеофилактъ не былъ въ академіи такимъ только профессоромъ, который приходитъ въ классъ, говоритъ лекцію, дѣлаетъ репетиціи и пр. Ему хотѣлось, чтобы студенты и внѣ классовъ знакомились съ идеями современныхъ мыслителей объ изящномъ. Для этого онъ доставлялъ французскія и нѣмецкія книги тѣмъ студентамъ, которые могли понимать ихъ. Вмѣстѣ съ этимъ, разумѣется, онъ слѣдилъ за новыми иностранными сочиненіями. Въ то время въ Германіи пользовался извѣстностію Ансильонъ, происходившій изъ семейства, которое при Людовикѣ XIV-мъ, вслѣдствіе отмѣны нантскаго эдикта, принуждено было бѣжать изъ Франціи и поселиться въ Пруссіи. Выслушавши богословскій курсъ въ Женевѣ и поживши нѣсколько времеми въ Парижѣ, онъ постепенно съ 1790 г. былъ проповѣдникомъ въ одной изъ протестантскихъ церквей Берлина, профессоромъ исторіи въ военномъ училищѣ, членомъ академіи наукъ, секретаремъ ея по отдѣлу нравственныхъ и философскихъ наукъ, королевскимъ исторіографомъ и наставникомъ наслѣднаго прусскаго принца; а съ 1814 г. вступилъ на политическое поприще и занималъ разныя

должности, особенно по министерству иностранныхъ дѣлъ. Онъ принадлежалъ къ умѣренно-либеральной партіи. Изъ этой краткой характеристики очевидно, что Ансильонъ вовсе не былъ такимъ человѣкомъ, который бы стремился къ ниспроверженію существующаго порядка, къ распространенію анти-монархическихъ и анти-религіозныхъ идей. Онъ извѣстнымъ сдѣлалъ себя многими сочиненіями, писанными большею частію на французскомъ языкѣ. Одно изъ нихъ издано имъ было въ 1809 г. подъ названіемъ *Mélanges de littérature et de philosophie.* Изъ этого-то сочиненія Θеофилактъ поручилъ студентамъ Павскому, Кутневичу, Малову и пр. перевести на русскій языкъ разныя статьи, соединилъ ихъ въ одну рукопись подъ названіемъ: «*Эстетическія разсужденія Ансильона*» и еще въ 1810 г. рѣшился напечатать, имѣя въ виду двѣ цѣли: дать студентамъ хорошее руководство по своей наукѣ и кромѣ того показать публикѣ, что новооткрытая академія не отличается мертвенностью или отсталостію, а живетъ современною жизнію. Но для того, чтобы какое бы то ни было сочиненіе могло быть учебнымъ руководствомъ въ академіи, нужно было одобреніе его коммиссіей духовныхъ училищъ. Поэтому рукопись и была представлена въ коммиссію, которая поручила разсмотрѣть ее императорскому духовнику Криницкому.

Подобныя порученія неторопливо исполнялись, если авторы разсматриваемыхъ сочиненій не были авторитетными лицами. Но Θеофилактъ въ 1810—1812 г. былъ еще звѣздою первой величины по духовному вѣдомству, а между тѣмъ Криницкій не представлялъ своей рецензіи на Ансильона болѣе двухъ лѣтъ. Этого нельзя было объяснить обычною медлительностію. Криницкій и самъ въ рецензируемомъ сочиненіи находилъ мысли, которыя надобно выпустить, поизмѣнить или поприспособить къ цензурнымъ требованіямъ. Но ему, кромѣ того, по всей вѣроятности было извѣстно, что въ Невскомъ монастырѣ приготовляется походъ не противъ Ансильона, который въ то время былъ наставникомъ наслѣднаго прусскаго принца, а противъ того, подъ чьимъ надзоромъ и руководствомъ переведены *Эстетическія разсужденія.* Криницкій, можетъ быть, щадилъ Θеофилакта и не хотѣлъ подвергать его опасности. Но Θеофилактъ не обратилъ должнаго вниманія на это, или былъ увѣренъ въ томъ, что рукопись его не заключаетъ въ себѣ ничего богопротивнаго и непозволительнаго. И потому, наскучивъ намѣреннымъ замедленіемъ рецензіи, онъ взялъ у Криницкаго рукопись, представилъ въ свѣтскую цензуру и напечаталъ. Можетъ быть, дѣло кончилось бы безъ бѣды, если бы на книгѣ не было означено, что она переведена сту-

дентами петербургской духовной академіи, и если бы баккалавръ Леонидъ Зарѣцкій, по совѣту своего профессора, не принялъ изданной книги за руководство при преподаваніи эстетики.

Враги Ѳеофилакта стали дѣйствовать по плану, который въ духовенствѣ и прежде, а иногда и послѣ того употреблялся. Если какого-либо дѣльнаго человѣка не было возможности устранить съ занимаемаго имъ мѣста, или попріостановить быстрое его возвышеніе, а между тѣмъ нельзя обвинить его ни въ недостаткѣ ума, ни въ неисправности по службѣ, ни въ дурномъ поведеніи, то старались уличить его въ неправославномъ образѣ мыслей, въ ереси, въ распространеніи пагубныхъ ученій и пр. Къ сожалѣнію, мы видѣли, этой политики держался и самъ Ѳеофилактъ въ Фесслеровской исторіи, а также и относительно Филарета Дроздова, когда этотъ началъ отличаться своими проповѣдями. То же самое сдѣлано и противъ Филарета партіей Фотія въ концѣ царствованія Александра I-го, и самимъ Филаретомъ противъ Иннокентія Борисова и священника Красноцвѣтова.

Кому первому: митрополиту Амвросію или Филарету пришла мысль воспользоваться «Эстетическими разсужденіями» Ансильона для обличенія Ѳеофилакта въ неблагонамѣренномъ и неправославномъ образѣ мыслей, — остается неизвѣстнымъ. Обоимъ имъ для собственныхъ ихъ выгодъ нужно было удалить Ѳеофилакта изъ Петербурга; оба, разумѣется, рады были воспользоваться всякимъ случаемъ, который помогъ бы имъ исполнить свое намѣреніе.

Дѣло началось и производилось канцелярски-форменнымъ и, пожалуй, канцелярски-придирчивымъ образомъ. На изданныхъ Ѳеофилактомъ эстетическихъ разсужденіяхъ Ансильона было напечатано, какъ я сказалъ, что они переведены студентами петербургской духовной академіи. Слѣдовательно, надобно было сначала узнать, кто изъ студентовъ это дѣлалъ;—розыскъ нетрудный, потому что переводчики давно были извѣстны. Но они могли переводить и издавать свои переводы по собственной иниціативѣ; поэтому слѣдовало спросить ихъ, сами ли собою они принялись за свой трудъ, или кто-либо не изъ студентовъ внушилъ имъ эту мысль. Само собою, подстрекателемъ оказался Ѳеофилактъ. Теперь надобно было сдѣлать шагъ поближе къ нему, но пока еще не совсѣмъ касаясь его. Обратились съ вопросомъ къ баккалавру Леониду Зарѣцкому: съ чьего дозволенія и почему онъ руководствуется на лекціяхъ «Эстетическими разсужденіями» Ансильона? И тутъ виновнымъ оказался Ѳеофилактъ. Во всѣхъ этихъ розыскахъ Филаретъ, повидимому, игралъ страдательную роль; онъ только исполнялъ предложенія Амвросія, какъ высшаго на-

чальника академіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему приказано было представить свое мнѣніе о книгѣ вообще и о томъ, можно ли ею руководствоваться при преподаваніи эстетики въ академіи? Отвѣтомъ не замедлили, потому что онъ, вѣроятно, давно уже былъ если не вполнѣ составленъ и отредактированъ, то по крайней мѣрѣ обдуманъ. Филаретъ, разумѣется, донесъ, что Ансильонъ никакъ не можетъ быть употребляемъ, какъ руководство, на лекціяхъ въ академіи, и въ доказательство этого представилъ двѣ причины. Первая состояла въ томъ, что «эстетическія разсужденія» не показаны въ спискѣ пособій по классу словесныхъ наукъ; Филарету можно бы прибавить, что и не могли быть показаны, потому что изданы уже послѣ того, какъ программа была составлена. Но Филаретъ не обратилъ вниманія даже и на то, что по проекту духовныхъ академій «теорію эстетики должно почерпать изъ самыхъ лучшихъ ея источниковъ, а потому профессоръ сего класса долженъ показать студентамъ мнѣнія объ изящномъ первыхъ геніевъ въ семъ родѣ. Показаніе ихъ теорій должно быть почерпаемо изъ самыхъ источниковъ посредствомъ правильныхъ извлеченій (analysis), кои профессоръ долженъ раздѣлять съ студентами, заставляя ихъ самихъ упражняться въ сихъ извлеченіяхъ и такимъ образомъ знакомя ихъ съ самыми коренными началами сей науки».

Второю причиною, почему Ансильона слѣдовало изгнать изъ академіи, а переводъ его «Эстетическихъ разсужденій» даже отобрать у студентовъ, Филаретъ выставилъ то, что книга «заражена пантеизмомъ и натурализмомъ». Въ этомъ обвиненіи нельзя не замѣтить тонкой ироніи: мы видѣли, что Θеофилактъ открывалъ пантеизмъ въ проповѣди Филарета.

Чтобы подтвердить свое обвиненіе Ансильона и Θеофилакта въ пантеизмѣ, натурализмѣ и другихъ злоехидныхъ ученіяхъ, Филаретъ написалъ на «Эстетическія разсужденія» критику; ее можно считать образчикомъ, какъ и очень умные люди, положившіе непремѣнно раскритиковать какую-либо книгу, впадаютъ въ придирчивость, высказываютъ такія возраженія, которыя и имъ самимъ показались бы неосновательными, если бы они услыхали ихъ отъ другихъ. Такъ какъ критика эта касается и критикуемаго, и критикующаго, то нахожу не излишнимъ выставить нѣсколько образчиковъ ея; числа страницъ относятся къ русскому переводу Ансильоновыхъ разсужденій.

1) Стр. 4. «Вселенная и Богъ составляютъ такое цѣлое, къ которому не можно ничего прибавить, которое соединяетъ все, содержитъ все; внѣ сего цѣлаго нѣтъ бытія, нѣтъ веществен-

ности; внѣ его нѣтъ ничего возможнаго»... «Еслибы, возражаетъ Филаретъ, вселенная и Богъ составляли цѣлое, то Богъ былъ бы частію какого-то цѣлаго. Богъ бы безъ вселенной былъ нѣчто неполное и недостаточное; и нельзя исчислить нелѣпостей, которыя за симъ послѣдуютъ». На это Ѳеофилактъ между прочимъ отвѣчалъ, что «государство есть цѣлое и государь также, но изъ совокупности ихъ рождается такое цѣлое, которое соединяетъ все, содержитъ все». Или: развѣ не говорятъ, что душа и тѣло составляютъ одно цѣлое, называемое человѣкомъ? И между тѣмъ вовсе этимъ не выражаютъ того, что душа не есть самостоятельное существо, что она есть нѣчто не полное, недостаточное?

2) Стр. 25. «Согласіе искусствъ, особенно музыки и поэзіи съ религіей..... утвердило царство послѣдней». На это Филаретъ возражаетъ: «итакъ, царство религіи утверждено музыкою, поэзіей и другими искусствами. Сколько мысль сія обидна для религіи, пусть почувствуютъ чтители религіи».

3) Стр. 28. «Религія въ чистѣйшемъ и высочайшемъ своемъ значеніи есть не что иное, какъ отношеніе конечнаго къ безконечному». Филаретъ пишетъ: «Конечное — это я, а вселенная есть безконечна. Посему настоящее положеніе, въ которомъ содержится опредѣленіе религіи, можно произнести такъ: религія есть отношеніе человѣка ко вселенной. Гдѣ же Богъ? Да сохранитъ насъ Богъ отъ религіи ансильоновской!» Отвѣтъ свой на это возраженіе Ѳеофилактъ заключилъ словами: «да сохранитъ Богъ здравую логику отъ заключеній критика»!

4) Стр. 51. «Не ложно говорятъ, что есть религія истины, красоты, нравственности и патріотизма». Филаретъ не счелъ за нужное опровергать это предложеніе въ полномъ его составѣ, но не смѣлъ также сказать, что нѣтъ религіи истины, нравственности и патріотизма. Онъ отдѣлилъ одну часть этого предложенія, именно: «есть религія красоты», и потомъ восклицаетъ: «какое злоупотребленіе священнаго имени религіи! Можно ли религіей называть чувствованіе, производимое статуей Аполлона Бельведерскаго, или какимъ-либо изображеніемъ другого языческаго божества, котораго самымъ именемъ оскорбляется скромный слухъ, какъ бы оное чувствованіе ни было утончено. Согласимся, что есть религія красоты только для тѣхъ, у которыхъ нѣтъ религіи, имѣющей предметомъ истиннаго Бога: но и ту не пристойнѣе ли назвать идолопоклонствомъ красоты?» Ѳеофилактъ на это замѣтилъ, что латинское слово: *религія*, во многихъ случаяхъ означаетъ не богослуженіе, а внутреннее чувство уваженія ко всему досточтимому; что красота принадлежитъ къ досточтимымъ предметамъ,

но красота, эстетически понимаемая, а не та, надъ которою глумится критикъ».

5) Стр. 50. «Кто можетъ презирать все, приводящее въ трепетъ толпы народа; кто сдѣлавшись холоднымъ ко всему, что̀ лично до него касается, умѣлъ посвятить всего себя какому-либо одному великому предмету, тотъ есть истинный герой, каковъ бы ни былъ предметъ его дѣятельности». На это пишетъ Филаретъ: «Геростратъ умѣлъ посвятить себя одному великому предмету,—обезсмертить свое имя въ потомствѣ; дабы достигнуть сей цѣли, онъ презрѣлъ все, приводящее въ трепетъ толпы народа, именно религію своего народа, сдѣлался холоднымъ къ тому, что́ существенно до него касалось, поелику не дорожилъ честію и жизнію, и сжегъ бывшій чудомъ свѣта храмъ Артемиды, рѣшась погибнуть, но погибелью сохранить свою память. По ученію Ансильона, Геростратъ былъ истинный герой». Послѣ, сопоставивъ Наполеона I-го съ Геростратомъ, Филаретъ заключаетъ: «сего довольно, чтобы почувствовать, какая бы язва была для общества, еслибы эстетическія разсужденія образовали хоть одного героя по разуму Ансильона». Придирчивость критика тутъ слишкомъ очевидна, и Ѳеофилактъ могъ бы отвѣтить: «сего довольно, чтобы почувствовать, какая была бы язва для литературы и науки, если бы на основаніи подобныхъ критикъ подвергали запрещенію всѣ книги».

6) Стр. 178. «Христіанская религія возвратила женскому полу природное его достоинство и извлекла изъ оковъ, въ которыя ввергли его общественныя постановленія и вообще грубость нравовъ. Рыцарство довершило дѣло религіи, облекши самую сильнѣйшую страсть въ нравственную красоту». На это Филаретъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «что студная и неистовая страсть облекается въ наши времена призракомъ нравственной красоты, сіе, говоритъ авторъ, есть дѣло рыцарства въ своемъ совершеніи, а въ самомъ началѣ дѣло христіанской религіи. Какая клевета на чистѣйшую религію»!

7) Стр. 254. «Руссо имѣлъ душу благочестивую, хотя и являлъ часто духъ невѣрія». Филаретъ на это говоритъ: «Можно ли человѣку имѣть душу благочестивую и являть часто духъ невѣрія? Чувствовать какъ христіанинъ, и мыслить, какъ язычникъ или безбожникъ? Любить и чтить Бога, но не вѣрить его дѣламъ? Если сіе возможно, то авторъ, вѣроятно, нашелъ сію возможность въ себѣ самомъ и разлилъ въ своихъ разсужденіяхъ духъ невѣрія, не опасаясь оскорбить душу благочестивую». Конечно, послѣднія слова относились не столько къ Ансильону, сколько къ Ѳеофилакту.

8) Стр. 172. «Въ большей части обществъ новѣйшихъ политическая свобода почти совершенно исчезла. Одинъ человѣкъ является, хочетъ, дѣйствуетъ, другіе не что иное суть, какъ послушныя орудія, вѣрные исполнители его повелѣній». Въ 1809 г., когда Ансильонъ издавалъ свои *Mélanges*, на западѣ Европы только въ одной Англіи, отчасти въ Швеціи было конституціонное правленіе; Францiя же, несмотря на свой сенатъ и законодательный корпусъ, испытывала вполнѣ деспотизмъ Наполеона I-го. Мысль Ансильона была потому вѣрна съ *исторической* точки зрѣнія, и нельзя было сомнѣваться, что Ансильонъ подъ «однимъ» человѣкомъ разумѣетъ узурпатора Франціи. Но Филарету, который въ Ансильонѣ отыскалъ антирелигіозность, надобно было доказать, что онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Ѳеофилактъ распространяютъ республиканскія революціонныя идеи. Вотъ потому критикъ и восклицаетъ, призывая на помощь общественную власть: «Да услышатъ блюстители общественнаго благоустройства и спокойствія, какія наставленія преподаетъ народамъ учитель прекраснаго и высокаго! Въ большей части обществъ новѣйшихъ, говоритъ онъ, политическая свобода почти совершенно исчезла? Но почему такъ? Потому что въ нихъ одинъ человѣкъ хочетъ, дѣйствуетъ, другіе не что иное суть, какъ послушныя орудія, какъ исполнители его повелѣній. А какъ называется то общество, въ которомъ одинъ человѣкъ хочетъ, дѣйствуетъ, а прочіе суть послушныя орудія и вѣрные исполнители его повелѣній? Это монархія. Итакъ, по мнѣнію Ансильона, въ новѣйшихъ обществахъ политическая свобода исчезла, потому что правленіе ихъ монархическое? Итакъ, политическая свобода только въ республикахъ? Только тамъ, гдѣ нѣтъ ни послушныхъ орудій власти, ни вѣрныхъ исполнителей повелѣній? Только въ мятежахъ и ужасахъ революцій?»

Критика написана; митрополитъ Амвросій представилъ ее въ коммиссію духовныхъ училищъ; надобно было произнести судъ и о ней, и о переводѣ, и объ издателѣ. Сперанскаго тамъ уже не было; оставались членами Амвросій, Голицынъ, Криницкій, оберъ-священникъ Державинъ и самъ Ѳеофилактъ,—его устранили отъ обсужденія предмета, къ которому онъ былъ соприкосновенъ. Изъ оставшихся четырехъ членовъ Амвросій, разумѣется, нашелъ критику справедливою, а Ѳеофилакта виновнымъ; Голицынъ съ нимъ согласился. Но Криницкій и Державинъ подали сильные протесты противъ мнѣнія двухъ своихъ сочленовъ. Первый написалъ: «Критика должна быть проста и ясна; сего я въ замѣчаніяхъ ректора академіи архимандрита Филарета не нахожу; а

напротивъ того замѣчанія наполнены то вопросами, сомнѣнію подлежащими, то заключеніями софистическими». Оцѣнивъ такимъ образомъ критику Филарета, Криницкій счелъ за нужное еще обвинить его, если не въ республиканскихъ или анти-монархическихъ идеяхъ, то по крайней мѣрѣ въ неуваженіи къ начальству, въ неисполненіи существующихъ постановленій. Дѣйствительно, на основаніи § 5 проекта духовныхъ академій и § 129 начертанія правилъ, академическое правленіе, разсмотрѣвъ предложеніе мѣстнаго архіерея, обязано извѣщать коммиссію духовныхъ училищъ о томъ, какое опредѣленіе имъ будетъ постановлено по предложенію. «Но о томъ,—говоритъ Криницкій,—писать ли замѣчанія (на эстетическія разсужденія Ансильона) или нѣтъ, въ коммиссіи и разсуждаемо не было и, что́ еще дерзновеннѣе, помянутыя замѣчанія безъ рѣшенія коммиссіи духовныхъ училищъ уже напечатаны, уже и продаются. Кто бы подумалъ, чтобы учитель истинной богословіи пренебрегъ сіи святыя нашея вѣры предписанія: всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется? Сколько такой примѣръ дурной, вредный и, что́ всего болѣе, опасный!»

Державинъ пишетъ: «Замѣчанія о. ректора академіи Филарета извлечены во многихъ мѣстахъ изъ однихъ словъ, безъ соображенія съ связью полнаго смысла, и вообще слабы и неудовлетворительны». Кромѣ того Державинъ настаивалъ на томъ, чтобы Ѳеофилакту позволено было отвѣчать на Филаретовы замѣчанія. «Дать,—говоритъ онъ,—неоспоримую достовѣрность замѣчаніямъ о. ректора академіи Филарета и основать заключеніе свое по единственному содержанію оныхъ, что книга сія (эстетическія разсужденія Ансильона) заключаетъ въ себѣ пантеизмъ или натурализмъ, не отобравъ отъ издателя сея книги, преосвященнаго архіепископа Ѳеофилакта, о точности разума выставленныхъ сомнительныхъ пунктовъ обвиненія, или опроверженія на сдѣланныя о. ректоромъ замѣчанія, безъ существеннаго, чрезъ сложеніе того и другого, изысканія истины, справедливымъ и съ законами согласнымъ онъ не находитъ».

Впрочемъ и самъ Ѳеофилактъ не былъ похожъ на тѣ обреченныя жертвы, которыя, молча, съ покорностью идутъ на закланіе; онъ и умѣлъ, и хотѣлъ защищаться противъ Филаретовскихъ обвиненій, и потому представилъ въ коммиссію духовныхъ училищъ антикритику на критику своего соперника; нѣсколько образчиковъ его антикритики помѣщены нами выше. Коммиссія однако не только не обратила вниманія на мнѣнія Криницкаго и Державина, но и не приняла даже антикритики, не выслушала его оправданія точно также, кстати сказать, какъ за три

года самъ Ѳеофилактъ убѣдилъ коммиссію духовныхъ училищъ не выслушать Фесслера. Критику же Филарета, несмотря на всѣ, слишкомъ ясные ея недостатки, признали вполнѣ справедливою, осудили эстетическія разсужденія Ансильона, и дѣйствія Ѳеофилакта по переводу и изданію ихъ признали *несообразными*, забывши при этомъ сказать, съ чѣмъ они несообразны.

Мнѣніе о «несообразности» нельзя было назвать мнѣніемъ коммиссіи духовныхъ училищъ; его приняли только два члена, а остальные двое, — Криницкій и Державинъ не согласились съ нимъ, и подали, какъ сказано, отдѣльные голоса. Амвросій хотя и занималъ въ коммиссіи первое кресло, но не имѣлъ званія и правъ предсѣдателя; поэтому на той и другой сторонѣ было по равному числу голосовъ. Въ подобныхъ случаяхъ дѣло докладывалось Государю. Но доклады по духовному вѣдомству Государю вносятся синодальнымъ оберъ-прокуроромъ. Голицынъ пользовался тогда особенною довѣренностью императора. Ѳеофилактъ былъ уволенъ изъ Петербурга на епархію безъ всякаго отъ него прошенія, и 11-го ноября 1813 г. долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга въ Рязань.

Враги Ѳеофилакта не только выжили Ѳеофилакта изъ Петербурга, но и постарались отнять у него возможность оправдаться. Онъ могъ напечатать свою антикритику также, какъ напечатана была критика Филарета. Но Голицынъ выхлопоталъ высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы Ѳеофилактъ не печаталъ своей антикритики. Впрочемъ, несмотря на это, антикритика сдѣлалась извѣстною; ее списывали и читали не только въ Петербургѣ, но и въ провинціяхъ; мнѣ въ двадцатыхъ уже годахъ удалось ее видѣть у одного священника рязанской епархіи.

Для самого Ѳеофилакта удаленіе его изъ Петербурга было, кажется, неожиданнымъ событіемъ. Три священника, отъ которыхъ преимущественно получены мною свѣдѣнія о его жизни въ Рязани, согласно утверждаютъ, что ему приказано было оставить столицу въ 24 часа. По крайней мѣрѣ отъѣздъ его оттуда былъ слишкомъ поспѣшенъ, какъ видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Ѳеофилактъ не имѣлъ времени ни уложить надлежащимъ образомъ тѣ вещи, которые хотѣлось ему взять съ собою, ни продать тѣ, которыхъ перевозка была или не нужна, или очень дорога. Для того и другого онъ оставилъ въ Петербургѣ жившаго у него въ свитѣ студента семинаріи Михаила Миртова, который послѣ былъ учителемъ духовнаго училища и священникомъ въ Касимовѣ. Потомъ, всякій архіерей, присутствовавшій въ Синодѣ, выѣзжая на время, особенно же навсегда изъ Петербурга, увѣдом-

ляетъ о томъ управляющаго архіерейскимъ домомъ, чтобы все было приготовлено для его житья. Пріѣздъ же Ѳеофилакта въ Рязань въ 1813 г. былъ совершенно для всѣхъ неожиданъ. Почтенный нынѣ одинъ рязанскій протоіерей, разсказывавшій мнѣ объ этомъ, говорилъ, что онъ тогда былъ у ректора семинаріи Іеронима, какъ вдругъ кто-то изъ прислуги сказалъ, что пріѣхалъ владыка. Извѣстію этому не хотѣли вѣрить, но вскорѣ оно подтвердилось. Кромѣ того одинъ теперешній священникъ, бывшій въ молодости очень приближеннымъ человѣкомъ къ Ѳеофилакту, говоритъ, что отъѣздъ владыки изъ Петербурга сопровождался разными мелкими непріятностями. Такъ, напр., Ѳеофилактъ гораздо ранѣе этого времени подарилъ кн. Голицыну свой портретъ. Но Голицынъ не захотѣлъ имѣть въ своихъ комнатахъ портретъ опальнаго и возвратилъ его въ день отъѣзда Ѳеофилакта изъ Петербурга, поручивъ исполнить это своему кучеру, пріѣхавшему къ Ѳеофилакту на лошади верхомъ вмѣстѣ съ портретомъ.

VI.

Возвратившись въ Рязань, Ѳеофилактъ не упалъ духомъ, не бросилъ заниматься дѣлами, какъ это часто случается съ людьми, потерпѣвшими кораблекрушеніе на житейскомъ морѣ. Онъ съ бóльшимъ, нежели прежде, усердіемъ занялся устройствомъ своей епархіи, обратилъ особое вниманіе на благочинныхъ, выбирая ихъ изъ умныхъ, окончившихъ курсъ въ семинаріи священниковъ, хотя бы они были и молоды; приглашалъ ихъ къ себѣ и въ разговорахъ съ одной стороны узнавалъ ихъ характеръ и умственныя способности, а съ другой—давалъ наставленія, какъ имъ надобно дѣйствовать при исполненіи своей должности.

Особенное же вниманіе Ѳеофилактъ обратилъ на семинарію. Въ это-то преимущественно время онъ дѣлалъ ей тѣ визиты, о которыхъ я выше говорилъ; — тогда же онъ зналъ всѣхъ богослововъ по именамъ, фамиліямъ и по успѣхамъ въ наукахъ и проч. Въ это же самое время онъ особенно сблизился и съ мірянами, и наставлялъ ихъ своими проповѣдями. Много бы полезнаго онъ могъ сдѣлать для рязанской епархіи, если бы его тутъ оставили въ покоѣ; но о немъ не забывали петербургскіе его враги.

Онъ и въ Рязани для нихъ, особенно для одного былъ опасенъ; отъ нея такъ близка Москва и не очень отдаленъ Петербургъ; очень возможно, что при первомъ какомъ-либо благо-

пріятномъ случаѣ Ѳеофилактъ могъ быть вызванъ и въ столицу, и въ Синодъ. Слѣдовало сбыть его туда, откуда бы трудно ему было выбраться, гдѣ бы его почетнымъ, повидимому, образомъ можно было удержать подолѣе, если не навсегда. Для этого Грузія пригодилась какъ нельзя лучше. Чтобы достигнуть сближенія съ грузинскимъ духовенствомъ, чтобы грузинскую церковь сдѣлать нераздѣльною вѣтвію грекороссійской, — на что же было искать кого-либо лучшаго, нежели Ѳеофилактъ. Тутъ вспомнили объ его умѣ, административныхъ способностяхъ, свѣтскости и пр. А кстати и мѣсто очень далеко отъ Петербурга. И вотъ, получается въ Рязани синодскій указъ, по которому ея архіепископъ переводится въ Тифлисъ съ титуломъ экзарха грузинскаго.

По слышаннымъ мною разсказамъ, Ѳеофилактъ принялъ извѣстіе о своемъ новомъ назначеніи равнодушно. «Что же дѣлать? будто бы онъ сказалъ, прочитавши указъ, надобно ѣхать». Но, очевидно, что это равнодушіе было не вполнѣ искренно; онъ очень хорошо понималъ цѣль своихъ враговъ. Бесѣдуя о своемъ назначеніи въ Грузію чрезъ нѣсколько дней по полученіи указа, онъ сказалъ: «мнѣ уже оттуда не возвратиться; тамъ надобно будетъ умереть». Состояніе души его еще яснѣе обнаружилось, когда нужно было окончательно выѣзжать изъ Рязани. При всей твердости характера и умѣньи скрывать свои чувства, при всемъ желаніи не уронить себя въ глазахъ людей, не дать врагамъ своимъ случая поглумиться надъ нимъ и порадоваться упадку его духа, Ѳеофилактъ не выдержалъ себя. По обычаю всѣхъ архіереевъ онъ предъ самымъ отъѣздомъ зашелъ въ каѳедральный соборъ; приложившись къ престолу и мѣстнымъ иконамъ, онъ хотѣлъ-было что-то сказать собравшимся въ огромномъ числѣ гражданамъ и всему духовенству, но не могъ совладѣть собою, поклонился всѣмъ и поскорѣе вышелъ изъ собора. На площади предъ соборомъ онъ увидѣлъ еще болѣе громадное число людей; многіе изъ нихъ плакали. Владыка, замѣтивъ эти нелицемѣрныя слезы, еще покушался-было сказать что-нибудь на прощанье; но опять не могъ совладѣть съ собою, залился слезами, сѣлъ въ карету и, какъ увѣрялъ меня одинъ священникъ, склонился въ ней на подушку. Карета навсегда увезла его изъ Рязани.

Но Ѳеофилактъ уѣхалъ изъ Рязани въ Грузію не одинъ. Ему дозволили изъ рязанскихъ духовныхъ лицъ и изъ семинаристовъ взять тѣхъ, кто захочетъ съ нимъ ѣхать. Впрочемъ, охотнѣе всего съ нимъ поѣхали пѣвчіе архіерейскаго хора и семинаристы высшаго и средняго отдѣленій. Семинаристамъ онъ обѣщалъ пристроить ихъ тамъ къ лучшимъ мѣстамъ. Уговари-

вая холостыхъ и уже довольно взрослыхъ, онъ любилъ съ ними пошутить. «Пристроитесь тамъ, говорилъ онъ, женитесь на тамошнихъ невѣстахъ, а грузиночки гораздо красивѣе, нежели рязанскія поповны». Нѣсколько и женатыхъ людей, т.-е. священниковъ и діаконовъ, поѣхали съ нимъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ борисоглѣбскій священникъ Александръ, протодіаконъ Василій съ сыномъ Никаноромъ; многія фамиліи уѣхавшихъ семинаристовъ теперь еще извѣстны; напр. Затишинъ, Суляевъ, Можаровъ, Лакашинъ, Никулицкій и пр. По словамъ старожиловъ, вся свита состояла не менѣе, какъ изъ 40 человѣкъ. Правда, нѣкоторые съ дороги возвратились назадъ и, какъ кажется, тайкомъ уходили. Впрочемъ, вакансіи заняты были нѣсколькими лицами изъ Тамбова, гдѣ Ѳеофилакту помогъ въ этомъ случаѣ тамошній епископъ Іона, извѣстный уже намъ его другъ.

По пріѣздѣ своемъ въ Тифлисъ, Ѳеофилактъ не нашелъ приличнаго помѣщенія ни для себя, ни для своей свиты. Тогдашній Тифлисъ вовсе не былъ похожъ на нынѣшній, онъ еще не успѣлъ обстроиться послѣ всѣхъ опустошеній, которыя вся вообще Грузія претерпѣла отъ персовъ, турокъ и горцевъ. Поэтому, Ѳеофилакту пришлось помѣститься въ каменномъ домѣ, имѣвшемъ не болѣе шести комнатъ; на немъ была, по крайней мѣрѣ, черепичная крыша, которая не пропускала сквозь себя дождевой воды, между тѣмъ свита помѣстилась въ такихъ домахъ, которые, по выраженію одного жившаго тамъ рязанца, во время сильныхъ дождей *обращались въ бассейны*.

Еще болѣе затрудненій Ѳеофилактъ встрѣтилъ въ управленіи своимъ экзархатствомъ. Конечно, грузинская церковь послѣ того, какъ Грузія присоединена къ Россіи, признавала надъ собою власть св. Синода; но эта власть на разстояніи болѣе, нежели 2600 верстъ, не могла быть слишкомъ ощутительною. Притомъ грузинскіе владыки, происходя изъ княжескихъ, а иногда даже изъ царскихъ тамошнихъ фамилій, привыкли дѣйствовать очень самостоятельно. Затѣмъ и прочее духовенство, особенно монашествующее, по своему грузинскому патріотизму, не очень довольно было тѣмъ, что имъ началъ распоряжаться русскій архіерей и давать ходъ своимъ рязанцамъ. Враждебное свое настроеніе грузинскіе пастыри и архипастыри умѣли передать и паствѣ своей; вражда эта принимала иногда очень опасный характеръ потому преимущественно, что тогда значительное большинство грузинъ, по своимъ привычкамъ, мало чѣмъ различалось отъ своихъ сосѣдей и враговъ,—горцевъ. Это особенно испыталъ Ѳеофилактъ при первомъ обозрѣніи своей епархіи, которое онъ верхомъ на лошади

предпринялъ вскорѣ послѣ пріѣзда своего въ Грузію. Въ одномъ городѣ, едвали не въ Кутаисѣ, два туземныхъ архіерея (одного изъ нихъ, какъ я слышалъ, звали Софоніемъ) такъ умѣли возбудить свою полудикую паству противъ экзарха, что жизнь его была спасена, только благодаря вмѣшательству войска, окружившаго тотъ домъ, гдѣ онъ помѣщался. Вся почти его свита поспѣшила отъ взбунтовавшейся толпы скрыться въ церковь; но и здѣсь спаслась только тѣмъ, что одинъ архимандритъ изъ туземцевъ, уважаемый своими земляками, сказалъ имъ, что они не иначе войдутъ въ церковь, какъ чрезъ трупъ его. Впрочемъ и между туземцами, особенно въ бѣломъ духовенствѣ, Ѳеофилактъ скоро пріобрѣлъ нѣсколько приверженцевъ, которые въ немъ находили болѣе ласковаго, привѣтливаго и правдиваго владыку, нежели въ своихъ сіятельнѣйшихъ и свѣтлѣйшихъ землякахъ-архіереяхъ.

Ѳеофилактъ совершалъ богослуженіе въ Тифлисѣ не такъ часто, какъ въ Рязани. Главная причина этого заключалась въ томъ, что тамошніе жары были невыносимы для него, какъ для нѣсколько тучнаго человѣка; и потому лѣтомъ онъ почти вовсе не служилъ литургій, кромѣ какихъ-либо экстренныхъ случаевъ. Вмѣсто того, онъ со свойственною ему энергіей, взялся за административныя занятія по устройству подчиненныхъ ему епархій. Дѣятельность его по этому предмету главнымъ образомъ состояла въ ограниченіи деспотическаго произвола туземныхъ архіереевъ, въ опредѣленіи достойныхъ, какихъ можно было найти, лицъ на священническія мѣста и въ устройствѣ семинаріи, которой до него тамъ не было. Въ послѣднихъ двухъ отношеніяхъ онъ обнаружилъ полную довѣренность къ прибывшимъ съ нимъ въ Грузію рязанцамъ и тамбовцамъ. Кто изъ нихъ соглашался поступить въ священники, тѣхъ опредѣлялъ онъ на лучшія мѣста. Должности наставниковъ семинаріи едва ли не всѣ были поручены рязанскимъ богословамъ и философамъ; достать для этого академическихъ воспитанниковъ тогда не было никакой возможности. Главное затрудненіе русскіе священники и наставники встрѣчали въ языкѣ; они не понимали грузинъ, а эти, въ свою очередь, ихъ. Ѳеофилактъ убѣдилъ, а отчасти и заставилъ своихъ земляковъ заняться изученіемъ грузинскаго языка, для чего нашелъ и учителей. Наконецъ, онъ занимался и миссіонерствомъ. Будучи не въ состояніи непосредственно участвовать въ немъ по незнакомству съ туземными языками, онъ ласково принималъ прозелитовъ, испытывалъ ихъ чрезъ переводчика въ пониманіи христіанскихъ догматовъ, дарилъ крестъ и рубашку, оставлялъ у себя пообѣ-

дать, бесѣдовалъ и послѣ, если было возможно. Лучшими помощниками ему въ этомъ дѣлѣ были два грузинскихъ протоіерея: одинъ изъ нихъ,—Чубиновъ, какъ мнѣ его называли, жилъ въ Тифлисѣ, а другой состоялъ протоіереемъ въ Мцхетскомъ соборѣ. По словамъ рязанскаго священника, жившаго при Ѳеофилактѣ до самой смерти его, число обращенныхъ въ христіанство изъ иновѣрцевъ простиралось до 18.000 человѣкъ.

Общественная и домашняя жизнь Ѳеофилакта въ Тифлисѣ была невесела. Грузинская аристократія, не только духовная, но и свѣтская, считала его чуть не врагомъ своимъ; нѣкоторые изъ грузинъ бывали у Ѳеофилакта, но самъ онъ, какъ гость, не ѣздилъ ни къ кому изъ нихъ. Съ бѣлымъ духовенствомъ сблизиться потѣснѣе, поинтимнѣе мѣшало незнаніе одною стороною грузинскаго, а другою русскаго языка, не говоря уже о соперничествѣ національностей. Изъ русскихъ мірянъ, жили въ Тифлисѣ почти только одни военные; между ними было человѣкъ десять, напр., Самойловъ, Поповъ и др., къ которымъ Ѳеофилактъ изрѣдка ѣзжалъ. Съ одними изъ нихъ онъ сблизился уже въ Тифлисѣ, а знакомству съ другими помогли прежнія петербургскія связи; такъ, напр. съ отцомъ Самойлова онъ былъ друженъ въ Петербургѣ. Съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, пріѣхавшимъ въ Тифлисъ послѣ, онъ не могъ скоро сойтись. Ѳеофилактъ, узнавъ о днѣ пріѣзда Ермолова въ Тифлисъ, и думая, какъ бы онъ не заѣхалъ въ соборъ, мимо котораго ему нужно было проѣзжать, велѣлъ своей свитѣ встрѣтить его тамъ, самъ же оставался дома. Но Ермоловъ прежде проѣхалъ къ Ѳеофилакту, который съ нимъ послѣ свиданія отправился въ соборъ, гдѣ вмѣстѣ и стояли во время благодарственнаго молебна, совершеннаго по случаю благополучнаго прибытія Ермолова.

Дальнѣйшему сближенію этихъ двухъ замѣчательныхъ людей, какъ говорили, старался помѣшать тогдашній тифлисскій губернаторъ. Онъ поселилъ пріѣхавшихъ въ Грузію какихъ-то колонистовъ на церковныхъ земляхъ. Ѳеофилактъ протестовалъ противъ этого, и протестъ его былъ уваженъ. Въ другой разъ непріятность произошла отъ семейнаго обстоятельства. У губернатора умерла жена лютеранскаго вѣроисповѣданія, надъ которою нельзя было, по церковнымъ постановленіямъ, совершать такой же обрядъ погребенія, какъ и надъ православными. Между тѣмъ, губернатору хотѣлось похороны своей жены совершить торжественнымъ образомъ, для чего онъ и пригласилъ Ѳеофилакта съ пѣвчими. Ѳеофилактъ не отказался, но призвавши къ себѣ регента своего пѣвческаго хора Затишина, велѣлъ ему на слѣдующій

день явиться въ домъ губернатора съ пѣвчими и далъ наставленіе, какъ дѣйствовать. «Я-де, говорилъ онъ, скажу: *благословенъ Богъ нашъ*, а вы прямо начинайте: *Аминь;—Святый Боже* на распѣвъ и пойте, растягивая, до самаго кладбища». Дѣйствительно, на слѣдующій день Ѳеофилактъ пріѣхалъ къ губернатору, сказалъ свое: *благословенъ Богъ нашъ*, и проводивъ покойницу до воротъ дома, сѣлъ въ карету и уѣхалъ; а пѣвчіе распѣвали *святый Боже* до кладбища. Очень возможно, что губернаторъ, съ своей точки зрѣнія, могъ счесть тотъ и другой случай обиднымъ для себя и желалъ поссорить Ермолова съ Ѳеофилактомъ. Но Ермоловъ не поддался его внушеніямъ. Услышавъ о дѣлѣ колонистовъ, онъ сказалъ только, что это до него не касается. Такимъ образомъ, Ѳеофилактъ и Алексѣй Петровичъ можетъ быть и не были настоящими друзьями, но и не враждовали между собою, ѣзжали другъ къ другу, какъ знакомые, а не по случаю однихъ только оффиціальныхъ визитовъ.

За всѣмъ тѣмъ Ѳеофилакту оставалось главнымъ образомъ искать развлеченія у себя дома, въ своей свитѣ. А развлеченіе и даже утѣшеніе нужны были и ему, и ей. Первые полгода еще жилось кое-какъ, хотя тоска по Россіи и жизнь на чужбинѣ тяжелымъ бременемъ лежали на сердцѣ; пріѣхали уже тогда, какъ жаркое время года покончилось, по крайней мѣрѣ, знойная погода не мучила. Но вотъ, на слѣдующій годъ наступили невыносимые жары, продолжавшіеся нѣсколько мѣсяцевъ. Загородной дачи для архіерея не было; пришлось ему все лѣто прожить чуть не въ буквальномъ смыслѣ подъ палящими лучами солнца. Чтобы хоть сколько-нибудь облегчить себя въ этомъ отношеніи, онъ любилъ сидѣть въ водѣ, — въ бассейнѣ, находившемся близъ архіерейскаго дома. Непріятная тифлисская жизнь дѣлалась для него еще непріятнѣе отъ моральнаго положенія его свиты. Многіе изъ нея, тяготясь нестерпимымъ жаромъ, еще болѣе прежняго стали сожалѣть о своей родинѣ и скучать своею жизнію на чужбинѣ. Другимъ слишкомъ понравился дешевый виноградъ и чихирь. Нѣкоторые желали освѣжить себя отъ жары купаньемъ въ холодной водѣ Куры. Отъ того или другого не обходилось безъ болѣзней и даже смертныхъ случаевъ.

Ѳеофилактъ, замѣтивъ распространяющееся уныніе въ своей свитѣ, забылъ о своихъ непріятностяхъ. Особенное вниманіе онъ обращалъ на маленькихъ пѣвчихъ, заводилъ игры, самъ иногда въ нихъ участвовалъ, во время жаровъ сиживалъ съ ними попросту въ бѣльѣ и употреблялъ всевозможные способы, чтобы поободрить ихъ. Въ нежаркое время, безъ стороннихъ гостей и

просителей, владыка проводилъ время въ комнатахъ, частенько безъ всякой церемоніи, одѣтый въ панталоны и фуфайку; къ подобной безцеремонности онъ привыкъ еще въ Рязани, гдѣ въ жаркое время видѣли его сидящимъ безъ подрясника, у котораго-либо изъ оконъ своего кабинета на архіерейскій дворъ. Но когда въ Тифлисѣ прискучивало заниматься дѣлами, или сидѣть въ бассейнѣ, или прохаживаться по комнатамъ, то онъ призывалъ къ себѣ Щ., Затишина и Суляева и проводилъ время, играя съ ними въ карты. Если прискучивало это, то приглашалъ пѣвчихъ и приказывалъ пѣть веселыя, простонародныя, казацкія пѣсни.

При поступленіи на грузинское экзархатство Ѳеофилакту было съ небольшимъ 50 лѣтъ. Имѣя очень крѣпкое тѣлосложеніе, онъ могъ бы разсчитывать на продолжительную жизнь. Съ этимъ вмѣстѣ нельзя же было не ласкать себя надеждою и на то, что онъ опять переселится въ Европу и будетъ однимъ изъ высшихъ дѣятелей по духовному вѣдомству. Теперешній священникъ рязанской епархіи, бывшій спутникъ Ѳеофилакта въ Грузіи, достопочтеннѣйшій отецъ Василій Затишинъ говоритъ, что любимою мечтою, задушевною мыслію владыки было возвратиться въ Рязань. Приведя въ извѣстность почти всѣ церковныя имущества, устроивъ духовную администрацію по образцу русской іерархіи, устроивши также духовную семинарію въ Тифлисѣ и вообще поставивъ все епархіальное управленіе на твердую ногу, могъ ли онъ не думать, что его въ награду за все это возвратятъ изъ-за-Кавказа. Приближеннымъ изъ своей свиты онъ говаривалъ: «на моемъ мѣстѣ теперь и кто-нибудь можетъ дѣйствовать; нужно лишь удержать то, что́ я сдѣлалъ». Но за скромнымъ желаніемъ поселиться въ Рязани, по всей вѣроятности, скрывалась мечта занять какую-либо митрополичью каѳедру. Этого не только могъ онъ надѣяться, но и опасались враги его. Въ 1821 г., по смерти петербургскаго митрополита Михаила, Филаретъ Дроздовъ почти навѣрное могъ разсчитывать быть его преемникомъ, но—ошибся; несмотря на всѣ усилія Голицына, онъ занялъ только московскую каѳедру съ званіемъ архіепископа, а митрополитомъ петербургскимъ сдѣланъ Серафимъ. Съ воцареніемъ, такъ сказать, его въ Синодѣ, вліяніе ханжи и фанатика Фотія, при помощи графини Орловой-Чесменской, усилилось, и значеніе Филарета умалилось. Въ это-то время или нѣсколько поранѣе, рязанскій архіепископъ Сергій, преемникъ Ѳеофилакта, пригласилъ къ себѣ на чай одного изъ сельскихъ благочинныхъ, имъ любимаго; разговаривая съ нимъ о разныхъ разностяхъ, онъ коснулся Филарета и со вздохомъ прибавилъ: «знаете ли, о. благочинный, что молва

готовитъ ему далекій путь».—Куда же? осмѣлился спросить благочинный. «Далеко, за Кавказъ». — Да развѣ преосвященный Ѳеофилактъ скончался?—«Нѣтъ, живъ еще, отвѣчалъ Сергій съ оттѣнкомъ неудовольствія, да, пожалуй, скоро станетъ жить не далеко отъ насъ». Справедливость опасеній Сергія можетъ быть хоть отчасти подтверждена словами г. Сушкова, который на 106 стр. своего сочиненія о Филаретѣ говоритъ: «при назначеніи (Голицына) главноуправляющимъ почтоваго вѣдомства, завистники московскаго пастыря хлопотали объ удаленіи его изъ Москвы въ Грузію... Но онъ спокойно готовился къ переселенію въ область св. Нины, какъ солдатъ, говорилъ архіепископъ, долженъ стоять на часахъ тамъ, гдѣ его поставятъ, идти туда, куда его пошлютъ».

Но судьба скоро распорядилась иначе. Ѳеофилактъ захотѣлъ осмотрѣть въ другой разъ свою епархію и пріѣхалъ въ городъ Сигнахъ, вблизи котораго въ монастырѣ жилъ одинъ туземный престарѣлый митрополитъ. Между ними не было пріятельскихъ отношеній, какъ можно заключить даже изъ слѣдующаго обстоятельства. Когда они вечеркомъ, на чистомъ воздухѣ, расположились на коврахъ и начали бесѣду, то Ѳеофилактъ замѣтилъ митрополиту: «знаете ли, преосвященный, что въ Петербургѣ, когда старшій архіерей идетъ съ тростію, младшій уже не беретъ своей въ руки?» Но по наружности бесѣда ихъ продолжалась мирно и они закончили ее взаимными лобызаніями. На другой день Ѳеофилактъ отправился по приглашенію къ князю Чавчевадзе, который не очень далеко отъ Сигнаха жилъ въ своемъ имѣніи. И здѣсь свиданіе и угощеніе происходило въ саду на открытомъ воздухѣ. Побесѣдовавъ часа три съ княземъ, Ѳеофилактъ верхомъ поѣхалъ Сигнахъ въ одномъ подрясникѣ. Во время этого переѣзда къ вечеру, и особенно вечеромъ, приближенные уговаривали владыку надѣть на себя рясу или бурку, но онъ не послушался, хотя вечеръ былъ очень прохладенъ.

Возвратившись въ Сигнахъ, Ѳеофилактъ почувствовалъ себя дурно, а чрезъ нѣсколько дней, 19-го іюля 1821-го г., его уже не стало.

Р—овъ.

ПОЗДНІЯ РОЗЫ

Я. П. Полонскому.

Позднія гости мелькнувшаго лѣта,
Розы, въ убранствѣ ненужномъ разцвѣта,
Лишнія вы на землѣ!
Саваномъ бѣлымъ природа одѣта—
Холодъ у ней на челѣ!
Время-ль теперь красоваться на пирѣ
Въ алой и царственной вашей порфирѣ,
Чистый струить ароматъ!
Нѣтъ красоты въ этомъ скованномъ мірѣ—
Сумракъ и стужа царятъ.
Ждите, покуда подъ царствомъ холоднымъ
Корень пробьется росткомъ многоплоднымъ
Снова изъ нѣдръ темноты—
И разольется надъ міромъ свободнымъ
Вѣчная власть красоты!

НА ЮГЪ

Я этого неба, я этого блеска,
Я этой волны колыханья и плеска,
Безъ слёзъ, безъ страданія сердца больного,
Когда-бъ ихъ увидѣлъ,—не вынесъ бы снова.
Подъ этимъ же небомъ, при этомъ же блескѣ,
При этомъ волны колыханьи и плескѣ,
Я жизнь молодую, я память былого
Зарылъ,—и блаженства не вынесъ бы снова!

П. Ковалевскій.

НОВѢЙШАЯ ИСТОРІЯ
АВСТРІИ

Десять лѣтъ реакціи. — Министерство Шварценбергъ-Баховское.

1848 — 1859.

(Окончаніе).

V. *)

Реакція, застоявшаяся въ безцѣльныхъ перестройкахъ. — Великіе люди мизерной эпохи.

Со смертью Шварценберга Австрія лишилась правителя, императоръ—наставника въ государственныхъ дѣлахъ. Молодой императоръ, которому не исполнилось еще 22-хъ лѣтъ отъ роду, не вносилъ въ правленіе никакого замѣтнаго личнаго почина и поддавался попеременно тѣмъ или другимъ дѣйствующимъ на него вліяніямъ. Такъ какъ и воспитала его, и окружала теперь среда исключительно реакціонная, уединявшая его со всѣхъ сторонъ и недававшая къ нему доступа свѣжимъ людямъ, свѣжимъ силамъ и остававшемуся безгласнымъ общественному мнѣнію, то вопреки всеобщихъ ожиданій не только все осталось по старому, но кромѣ того въ управленіи страною было еще меньше единства, еще болѣе противорѣчій въ частностяхъ, вслѣдствіе взаимной борьбы приближенныхъ, въ сущности совершенно одинаково настроенныхъ

*) См. выше: май, 122; іюль, 148 стр.

въ смыслѣ реакціи людей, за власть и существованіе. Неосновательность всякихъ надеждъ на перемѣны выразилась самымъ положительнымъ образомъ въ первомъ личномъ государственномъ дѣйствіи новаго государя, въ его поѣздкѣ по своимъ землямъ въ іюнѣ и іюлѣ 1852 года, въ которой онъ впервые знакомился непосредственно со своими народами. Совѣтовавшему предпринять ему поѣздку кабинету, въ которомъ вліятельнѣйшимъ лицомъ являлся уже въ то время Бахъ, хотѣлось прежде всего укрѣпить свое положеніе и дать государю въ восторженномъ пріемѣ населеній явное доказательство, что въ имперіи все обстоитъ благополучно. Восторженный пріемъ не требовалъ никакой особой подготовки, всѣ сердца и взоры съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ и любовью обращены были на восходящее свѣтило, и малѣйшее обстоятельство, совпадающее съ этимъ ожиданіемъ, вызывало восторгъ и ликованія. Взрывамъ неподдѣльнаго восторга и крикамъ «Eljen» не было конца, когда въ Будѣ-Пештѣ монархъ явился въ національномъ венгерскомъ костюмѣ и заговорилъ чистымъ мадьярскимъ языкомъ. Народныя чувства проявлялись съ силою, несмотря на то, что не явился никто изъ мадьярской знати; что представлялись государю собственно только «Баховы гусары», переодѣтые въ доломанахъ и колпакахъ съ перьями; что полуоффиціальное литографированное сообщеніе предваряло публику не предаваться мечтаніямъ и не слушаться идеологовъ; наконецъ, что пріемъ, оказанный депутаціи города Пешта, былъ весьма немилостивъ и рѣзокъ (ударяя по саблѣ и указывая на свою свиту изъ генераловъ, Францъ Іосифъ отвѣтилъ, какъ говорятъ, на увѣренія въ вѣрности: «за вѣрность мнѣ порукою эта сабля и эти господа»). Гораздо менѣе радушно встрѣчаемъ былъ государь на дальнѣйшемъ пути по военной границѣ и у хорватовъ, которые никакъ не могли забыть, что они спасли имперію и злились на бюрократическую централизацію и на попытки онѣмеченія, которымъ они теперь подвергались со стороны полка заѣзжихъ чиновниковъ изъ краинцевъ словенскаго происхожденія, дѣйствовавшихъ въ качествѣ Баховыхъ гусаръ. Эти непріятности были отчасти сглажены впечатлѣніями, вывезенными изъ Трансильваніи, гдѣ мадьяры и шеклеры изъ кожи лѣзли, чтобы не отстать отъ своихъ соплеменниковъ въ Венгріи, а саксы по своему нѣмецкому обычаю не могли не чествовать посильно близкаго имъ по крови монарха, хотя имъ приходилось жутко послѣ событій 1848 г., и хотя незадолго предъ тѣмъ правительство отрѣшило отъ должностей весь Германштадтскій магистратъ и опредѣлило въ члены его тридцать человѣкъ по своему назначенію съ ко-

роннымъ начальникомъ участка (Bezirksvorsteher) въ качествѣ бургомистра во главѣ, послѣ чего эти господа къ своему удивленію прочли въ оффиціальной газетѣ состоявшіяся будто бы по ихъ волѣ постановленія, о которыхъ имъ ничего не было извѣстно. Но когда по возвращеніи въ Вѣну (августъ 1852 г.), не послѣдовало ни для кого никакихъ облегченій и даже въ самой Вѣнѣ не было снято осадное положеніе; когда при неслабѣющемъ гнетѣ, которому подвергалась печать, изданъ законъ объ ассоціаціяхъ, сдѣлавшій всякія общества, вовсе даже неполитическія, невозможными, вслѣдъ затѣмъ положенъ конецъ уравненію народностей распоряженіемъ, чтобы всѣ законы издаваемы были на одномъ только нѣмецкомъ языкѣ, а 3 мая 1853 года обнародованъ новый паспортный уставъ, по которому нескончаемымъ стѣсненіямъ были подвергаемы не только иностранцы, но и туземцы, и всякій человѣкъ, останавливающійся хотя бы на три дня въ большомъ городѣ, обязанъ брать за деньги особый видъ на жительство; когда уяснилось, что венгерцамъ нечего и думать о возстановленіи ихъ конституціи и учрежденій; когда дорогія сердцу венгерцевъ корона и другія регаліи св. Стефана, послѣ того какъ онѣ были найдены въ сентябрѣ 1853 г. близъ Орсовы, гдѣ были зарыты Кошутомъ, перевезены не въ Пештъ, а въ Вѣну,—тогда наступило всеобщее разочарованіе и въ коронныхъ земляхъ, и у венгерцевъ, которые пришли къ убѣжденію, что хорошо сдѣлали ихъ магнаты, блиставшіе въ Пештѣ своимъ отсутствіемъ. Гладь и затишье были на поверхности, но то, что̀ таилось внутри подъ этою обманчивою наружностію, сказывалось порою весьма замѣтнымъ для правительства и возбуждающимъ его опасенія образомъ въ многочисленныхъ заговорахъ, которыми ознаменованы годы 1851 и 1853 г., и въ покушеніи на жизнь императора, показавшемъ, сколь можетъ быть сильна національная злоба. Остановимся на этихъ довольно крупныхъ фактахъ.

Ни одинъ изъ европейскихъ народовъ не обнаружилъ такого мастерства въ дѣлѣ заговоровъ и тайныхъ обществъ, какъ итальянскій въ первой половинѣ XIX-го вѣка. Въ Италіи, классической странѣ карбонаризма, нѣтъ почти никого изъ теперешнихъ государственныхъ людей, который бы не прошелъ эту школу. Тайныя общества раскидывались густою сѣтью и до и послѣ 1848 года. Всѣ нити этой организаціи стекались въ Лондонѣ въ рукахъ Маццини. Когда, послѣ своихъ похожденій въ Турціи, Кошутъ нашелъ блистательный пріемъ въ Англіи со всевозможными оваціями, тогда послѣдствіемъ сближенія Маццини съ Кошутомъ явился обширный итальянско-мадьярскій заговоръ, въ которомъ

приняли участіе и нѣкоторые нѣмцы радикальнаго космополитическаго направленія. По Венгріи и Трансильваніи странствовали итальянскіе эмиссары, въ Трансильваніи арестованъ былъ 1854 г. мацциніевскій агентъ, извѣстный Орсини. Мадьяры, привыкшіе къ широкой жизни политической и къ откровенности и прямотѣ въ дѣйствіяхъ, оказались весьма неумѣлыми заговорщиками; между тѣмъ въ Италіи тайна хранима была столь искусно, что о замышляемомъ знали всѣ, даже уличная чернь, кромѣ австрійской полиціи; въ Венгріи напротивъ вошла въ заговоръ одна почти порывистая молодежь, но бывшіе гонведы, какъ болѣе опытные, сторонились, и приготовленія получили огласку прежде, чѣмъ предпріятіе успѣло созрѣть и окрѣпнуть. Венгерская организація имѣла форму года, дѣлилась на мѣсяцы, изъ которыхъ 9 приходились на Венгрію, 3 на Трансильванію; мѣсяцы подраздѣлялись на 4 недѣли, недѣли на дни, дни на часы, минуты и даже на секунды. Всякій зналъ только непосредственнаго начальника, величайшая тайна окружала главу организаціи «года»: иные считали этимъ годомъ Кошута, иные даже принца-президента Луи-Наполеона. Каково бы ни было участіе авантюриста, помышлявшаго тогда уже о французскомъ престолѣ, въ планахъ общества, несомнѣнно, что онъ зналъ объ обществѣ, и что, готовясь занять постъ въ семьѣ европейскихъ вѣнценосцевъ, онъ же сообщилъ еще осенью 1851 г. австрійскому правительству о грозящей ему опасности, вслѣдствіе чего въ январѣ 1852 г. (еще при Шварценбергѣ) послѣдовали многочисленные аресты въ землѣ шеклеровъ, въ Трансильваніи, въ Вѣнѣ и Пештѣ, и начался процессъ, окончившійся въ 1854 г. кровавыми экзекуціями. Суть дѣла, какъ обыкновенно водится, не была вовсе раскрыта процессомъ, и онъ нисколько не помѣшалъ въ ихъ дѣйствіяхъ заговорщикамъ въ Вѣнѣ и Миланѣ. Въ послѣднемъ изъ этихъ городовъ 6-го февраля, на масляницѣ, произведено было въ сумерки открытое нападеніе вооруженною рукою на гауптвахты. Инсургенты дѣйствовали съ прокламаціями Маццини и Саффи въ рукахъ и разсчитывали на успѣхъ распространяемаго между расположенными въ Италіи мадьярскими полками воззванія Кошута къ солдатамъ.

Едва былъ подавленъ миланскій мятежъ, когда 18-го февраля 1853 г. совершено, вѣроятно бывшее въ близкой связи съ итальянско-венгерскимъ заговоромъ, покушеніе на жизнь австрійскаго императора. Францъ-Іосифъ прогуливался, сопровождаемый однимъ только адъютантомъ по гласису близъ Kärthner Bastei между городомъ и предмѣстьемъ Alsergrund; къ нему подошелъ кузнечный подмастерье, бывшій гонведъ, и какъ говорятъ, сынъ казнен-

наго Яношъ Либени (Libenyi) изъ Штульвейсенбурга, 22-хъ лѣтъ, и поразилъ его сзади сильнымъ ударомъ ножемъ въ шею. Хотя сила удара ослабѣла вслѣдствіе того, что удару помѣшала пряжка галстука, тѣмъ не менѣе рана была опасна и возбуждала нѣкоторое время опасенія, чтобы отъ нея императоръ не ослѣпъ. Въ томъ же февралѣ обнаружена часть организаціи въ Пештѣ и совершенно случайно сдѣлано въ Вѣнѣ важное открытіе. Одинъ еврей, вытѣсняемый полиціей Штаркенфельса изъ Вѣны, желая выслужиться, представилъ министру полиціи Кемпену попавшія ему въ руки бумаги, по которымъ отысканы планы, снятые съ австрійскихъ крѣпостей, адская машина и обширный кругъ лицъ, задумывавшихъ государственный переворотъ, во главѣ коихъ стояли доцентъ въ политехнической школѣ мадьяръ Безардъ и омадьярившійся вѣнскій уроженецъ Май или Макъ, бывшій начальникъ артиллеріи въ Коморнѣ, а потомъ, послѣ капитуляціи Коморна, тайный агентъ Кошута, къ которому онъ ѣздилъ въ малоазіатскую Кутаю. Казни послѣдовали быстро за преступленіями. Прежде еще нежели императоръ выздоровѣлъ, Либени, невыдавшій никого, былъ повѣшенъ 26-го февраля (престарѣлой его матери, которую сынъ содержалъ, назначено было императоромъ содержаніе). Макъ сжегъ себя въ тюрьмѣ, подложивъ огонь подъ солому, служившую ему постелью; Безардъ обнаружилъ необычайную твердость духа, слѣдуя на висѣлицу. Трудно счесть всѣ смертные и конфискаціонные приговоры по разнымъ городамъ сѣверной Италіи; университетъ въ Павіи былъ закрытъ. Въ числѣ осуждаемыхъ къ тяжкимъ работамъ въ Венгріи было множество женщинъ; въ Вѣнѣ въ числѣ заговорщиковъ изъ студентовъ попадались и такія лица, какъ, напр., приговоренный къ 12-лѣтнему заключенію молодой Сальвіотти, сынъ одного изъ злѣйшихъ итальянскихъ правителей, помѣщеннаго за свои заслуги въ государственный совѣтъ. Весь 1853 годъ занятъ былъ политическими слѣдствіями, процессами и казнями; спокойнѣе стало только весною 1854 г., когда, по случаю женитьбы императора съ баварскою принцессою Елисаветою (24-го апрѣля), которая всѣхъ плѣнила своею необыкновенною красотою и привѣтливостью, правительство сочло возможнымъ освободить болѣе 500 политическихъ арестантовъ, прекратить посредствомъ амнистіи неразрѣшенныя еще дѣла о политическихъ преступленіяхъ и снять наконецъ осадное положеніе, просуществовавшее въ большей части имперіи болѣе 5 лѣтъ (съ Вѣны и Праги оно снято еще въ сентябрѣ 1853 г., но для Галиціи, Венгріи и Ломбардо-Венеціи оно прекратилось только 1-го мая 1854 г.). Жителямъ Вѣны дѣло Либени принесло то облег-

ченіе, что оно ихъ избавило наконецъ отъ ихъ градоначальника—свирѣпаго директора полиціи Вейса фонъ-Штаркенфельса, который гналъ евреевъ, преслѣдовалъ биржевиковъ, но не досмотрѣлъ заговорщиковъ: его смѣстили и сдѣлали генералъ-инспекторомъ тюремъ.

Войдемъ въ подробности управленія имперіею и сдѣлаемъ его обзоръ по вѣдомствамъ. Всѣ, кромѣ англійскаго, народы западной Европы были страшно утомлены послѣ бурь 1848—1849 г., и эта усталость была ручательствомъ за то, что въ ближайшее время не произойдетъ никакихъ международныхъ столкновеній. Только ею объясняются мелкіе успѣхи задорной, вызывающей и неуживчивой внѣшней политики Шварценберга; ему уступали въ мелочахъ и сторонились ради благого мира, но въ концѣ-концовъ эта своенравная и самолюбивая политика и повергала Австрію въ совершенное одиночество; одна, безъ друзей и союзниковъ, окруженная со всѣхъ сторонъ врагами, она поплатилась потомъ потерею Италіи и вліянія на Германію, пораженіями подъ Сольферино и Садовою. Шварценбергъ въ сущности любилъ только сожигать блистательные фейерверки и пятился назадъ, когда встрѣчалъ серьёзную силу и рѣшимость. Въ послѣдніе дни жизни озлобленный на Англію за ея гостепріимство для Кошута, за негласную поддержку итальянскихъ стремленій къ независимости, онъ, по поводу потасовки, заданной Гайнау въ пивоварнѣ Барклая и Перкинса, сталъ грозить репрессаліями въ отношеніи къ англичанамъ-туристамъ, наложилъ арестъ на изданія англійскаго библейскаго общества и выгналъ шотландскихъ миссіонеровъ изъ Богеміи; но когда вся англійская пресса подняла страшный крикъ, и вопросъ объ этихъ дѣйствіяхъ былъ возбужденъ въ англійскомъ парламентѣ, Шварценбергъ отмѣнилъ свои распоряженія и разрѣшилъ вывезти арестованныя библіи за границу. Когда, по смерти Шварценберга, австрійскій посланникъ въ Лондонѣ графъ Буоль Шауэнштейнъ занялъ вакантныя послѣ него должности министра иностранныхъ дѣлъ и двора,—дипломація австрійская сдѣлалась нѣсколько спокойнѣе и приличнѣе въ своихъ пріемахъ, но отличалась тою же притязательностью въ требованіяхъ, тою же близорукостью въ разсчетахъ. Между большою Австріею и крошечнымъ Пьемонтомъ, въ которомъ однако всѣмъ правилъ Кавуръ, происходилъ обмѣнъ непріятнѣйшихъ колкихъ нотъ о невыдачѣ политическихъ выходцевъ и о потачкѣ итальянскимъ замысламъ, направленнымъ противъ Австріи. Споръ этотъ дошелъ до полнаго дипломатическаго разрыва, но Австрія не могла все-таки ничего сдѣлать съ Пьемонтомъ. Та же причина, то-есть пріемъ

бѣглецовъ изъ Ломбардіи и изгнаніе изъ Тессинскаго кантона монаховъ-капуциновъ, были причиною того, что не только всякія дипломатическія сношенія были прерваны между швейцарскимъ союзомъ и Австріею, но еще Австрія прибѣгла къ дикимъ репрессаліямъ: учредила блокаду вдоль границы Тессина и выпроводила изъ Ломбардіи подъ военнымъ эскортомъ до 6000 осѣдлыхъ тамъ швейцарцевъ, большею частью торговцевъ и рабочихъ (1852). Въ самомъ началѣ 1853 года важныя событія, близко касающіяся Австріи, разыгрались на востокѣ. Турція снарядила 60-тысячную армію, подъ командою Омеръ-Паши, для покоренія Черногоріи, въ которой, по смерти послѣдняго державнаго владыки Петра III (октября 1852), сталъ княжить, не принимая духовнаго званія, племянникъ его, молодой и предпріимчивый Данило. Когда опасность грозитъ Черногоріи, то неизбѣжно подымаются и вооружаются ей въ помочь сербы и хорваты, какъ въ новой Сербіи, такъ и въ австрійскихъ областяхъ. Къ такому движенію австрійское правительство не можетъ не относиться подозрительно и враждебно. Оно и арестовало множество лицъ, подозрѣваемыхъ въ панславизмѣ и въ томъ, что они были русскими агентами въ Загребѣ, Новомъ Садѣ, Зимунѣ, въ томъ числѣ знаменитаго и заслуженнаго доктора Людевита Гая; но въ то же самое время вполнѣ неожиданно оно взяло князя Данилу подъ свой щитъ и покровительство. Какія въ этомъ случаѣ были побужденія?—неизвѣстно. Можетъ быть вспомнили, что умершій владыка готовился примкнуть съ черногорцами къ Іеллачичу, идущему брать Вѣну; можетъ быть, хотѣли доказать славянамъ, что не одна Россія радѣетъ о славянскомъ дѣлѣ; всего же вѣроятнѣе, — хотѣли наказать Турцію за то, что она приняла къ себѣ Бема, выпустила Кошута и выслала теперь противъ черногорцевъ ренегата изъ Австріи Омеръ-Пашу съ штабомъ изъ мадьяръ и поляковъ-выходцевъ. Моментъ для вмѣшательства былъ избранъ такой, что нельзя было ожидать отъ Порты сопротивленія: она находилась въ столкновеніи съ Россіею по вопросу о святыхъ мѣстахъ. Помощь Черногоріи оказана была Австріею двоякая: тайная, военная, и явная дипломатическая. Въ рядахъ черногорцевъ сражались переодѣтые австрійскіе солдаты, они стрѣляли изъ австрійскихъ пушекъ съ перекрашенными лафетами, подъ предводительствомъ извѣстнаго генерала Стратимировича и сына фельдмаршала Нугента. Въ то же время отправленъ былъ съ грознымъ ультиматумомъ въ Константинополь генералъ графъ Лейнингенъ. Тѣснимая съ двухъ сторонъ, Порта согласилась на все (17 февраля 1853): на отозва-

ніе Омера-Паши изъ Черногоріи, денежное вознагражденіе, переводъ въ отдаленныя области выходцевъ даже отуречившихся, проложеніе военной дороги чрезъ тѣ части далматскаго поморья, которыя, составляя турецкія владѣнія, пересѣкаютъ въ двухъ мѣстахъ на куски длинную полосу австрійской Далмаціи. Легкій, блистательный успѣхъ казался купленнымъ дешево, а между тѣмъ, онъ достался дорогою цѣною. Онъ былъ достигнутъ въ то самое время, когда всѣ заботы императора Николая были обращены на скорую кончину «больного». Поѣздка Лейнингена подтвердила предположенія о наступающей катастрофѣ, послужила прецедентомъ и ускорила отправку въ Константинополь князя Меньшикова. Князь Меньшиковъ предъявилъ свои требованія Портѣ 28-го февраля, чрезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Лейнингена; послѣдствіемъ неудавшихся переговоровъ былъ переходъ русскими войсками Прута 4-го іюня 1853 г. и занятіе ими Молдавіи и Валахіи, а затѣмъ великая европейская война, среди которой самое неловкое и опасное положеніе было удѣломъ Австріи съ ея финансовымъ банкротствомъ, неприведеннымъ въ порядокъ войскомъ и совсѣмъ неотстроеннымъ государственнымъ укладомъ. Пришлось посредничать, балансировать между враждующими сторонами, мѣшая каждой и оказывая обѣимъ одинаково плохія услуги. Австрія выполнила слѣдующимъ образомъ свою третейскую задачу.

Ошибки начала пятидесятыхъ годовъ въ русской политикѣ по восточному вопросу были столь блистательно поправлены и изглажены впослѣдствіи, что къ нимъ можно относиться нынѣ совершенно объективно. Онѣ состояли въ увѣренности въ неизбѣжно близкой кончинѣ «больного», который хотя и не выздоровѣлъ, но до сихъ поръ живъ, въ разсчетахъ на трудность того, чтобы Франція и Англія спѣлись по восточному вопросу, въ надеждѣ заинтересовать Англію, въ увѣренности въ полномъ безучастіи Пруссіи, и въ дружественномъ, если не болѣе, нейтралитетѣ Австріи, которой столь недавно оказана была громадная, безцѣнная услуга. Въ сообщеніяхъ лорда Сеймура, относящихся ко времени, непосредственно предшествовавшему поѣздкѣ князя Меньшикова, встрѣчается слѣдующая фраза нашего императора: «Когда я говорю: «Россія», то разумѣю и Австрію». Въ самый день перехода русскихъ войскъ чрезъ Прутъ (4-го іюня 1853) въ циркулярной нотѣ Буоля тѣснѣйшій союзъ Россіи и Австріи признаваемъ былъ надежнѣйшимъ оплотомъ противъ затѣй революціоннаго духа. По своему географическому положенію Вѣна была самый удобный пунктъ для совѣщаній по во-

сточному дѣлу, въ ней и собралась дипломатическая конференція лѣтомъ 1853 г.; но она предлагала только свои услуги (bons offices) спорщикамъ, съ цѣлью склонить ихъ представить споръ полюбовному суду европейскаго конгресса. Дружба, казалось, прочно была скрѣплена, когда 24-го сентября 1853 г. императоръ Николай посѣтилъ австрійскій лагерь и присутствовалъ при маневрахъ подъ Ольмюцомъ, за нѣсколько дней до объявленія со стороны Порты войны. Послѣдовало сожженіе турецкой эскадры въ гавани Синопа, вступленіе англо-французскаго флота въ Черное море, полный дипломатическій разрывъ между Франціею и Англіею съ одной, и Россіею съ другой стороны, 26-го декабря 1853 г., англо-французское требованіе 27-го февраля 1854 очистить румынскія княжества къ 30-му апрѣля, и образованіе, 12-го марта 1854, англо-франко-турецкаго союза. Среди охватывающей такимъ образомъ всю Европу войны, сила вещей ставила два безучастныя въ вопросѣ государства, Австрію и Пруссію, въ такое положеніе между Россіею и трехчленною коалиціею, что эти двѣ державы, не обнажая оружія, могли по волѣ склонять вѣсы побѣды въ ту или другую сторону простымъ заявленіемъ готовности вступить въ союзъ съ другою стороною. Понятно, что у Австріи не было никакого основанія помогать Россіи и даже образовать вмѣстѣ съ Пруссіею нейтралитетъ, обращенный остріемъ своимъ противъ Франціи и Англіи; понятно, что, имѣвшая цѣлью созданіе такого нейтралитета, поѣздка князя Орлова сначала въ Вѣну, потомъ въ Берлинъ, въ январѣ 1854 г., кончилась полнѣйшей неудачей. Понятно также, что въ Вѣнѣ возобновились дипломатическія конференціи, что протоколомъ 9-го апрѣля 1854 признано и со стороны Австріи и Пруссіи начало неприкосновенности Оттоманской имперіи, что между Австріею и Пруссіею состоялся 20-го апрѣля 1854 года трактатъ о нейтралитетѣ, котораго добавочною статьею Австрія обязалась категорически требовать отъ Россіи, а Пруссія поддержать это требованіе объ очищеніи княжествъ русскими войсками. Это требованіе могло быть еще объяснено съ точки зрѣнія европейскаго равновѣсія; но никакими заботами о европейскомъ равновѣсіи не объясняется уже то, что, не выждавъ отъ русскаго правительства отвѣта (который послѣдовалъ 29-го іюня и который далеко не былъ рѣшительнымъ отказомъ въ очищеніи княжествъ, такъ какъ Россія изъявляла въ немъ готовность, при извѣстныхъ условіяхъ, и подписать протоколъ 9-го апрѣля и очистить княжества), Австрія заключила въ то самое время, когда еще продолжалась осада Силистріи (снятая только 21-го іюня) формальный

союзъ съ Турціею 14-го іюня 1854 г.., которымъ обязалась занять румынскія княжества своими войсками совокупно съ турецкими. Очевидно, что этотъ трактатъ далеко выходилъ за предѣлы нейтралитета, былъ въ высшей степени оскорбителенъ для Россіи, поражалъ ее неожиданно въ чувствительное мѣсто и въ самую неудобную минуту. Его только и можно осмыслить тѣмъ, что Австрію одолѣло искушеніе явиться рѣшительницею міровыхъ судебъ безъ риска, а, можетъ быть, и надежда на кое-какія пріобрѣтенія за Дунаемъ при дѣлежѣ добычи въ случаѣ, если бы въ самомъ дѣлѣ *больной* скончался. Съ этой минуты подъ этимъ неожиданнымъ натискомъ отступленіе за Прутъ стало безусловною необходимостью. И по слѣдамъ удаляющихся за Прутъ русскихъ войскъ княжества заняты были турками, подъ предводительствомъ Омеръ-Паши, и австрійцами, подъ предводительствомъ Коронини.

Этого оскорбленія Россія не могла простить, эта неудача оставила одно изъ самыхъ тяжелыхъ воспоминаній среди всѣхъ остальныхъ неудачъ восточной войны; этимъ воспоминаніемъ опредѣлилось потомъ на многіе годы главное направленіе внѣшней политики Россіи, сдѣлавшееся рѣшительно анти-австрійскимъ. Вступленіе австрійскихъ войскъ въ Валахію, возможность вооруженнаго столкновенія съ Россіею, были событіями громадной важности, которыя, видоизмѣняя политическое положеніе Европы, всѣхъ озадачивали, и даже мирили съ Австріею многихъ изъ ея враговъ, а именно тѣхъ, коихъ радовалъ разрывъ священнаго союза. Галиція, Венгрія, всѣ радикалы и либералы Германіи ликовали и вслушивались съ тревожнымъ ожиданіемъ, когда послѣдуютъ первые выстрѣлы; одни только итальянцы были сильно опечалены. Но выстрѣлы не послѣдовали, австрійскому правительству стало жутко среди своихъ новыхъ доброжелателей, у него недостало тогда ни средствъ, ни охоты пойти впередъ, смѣло и рѣшительно ополчиться на Россію и начать совокупно съ западными державами войну, которая бы неминуемо получила ненавистный Австріи революціонный характеръ и разыгралась бы не въ Крыму, а гдѣ-нибудь на Днѣстрѣ или Вислѣ. Придворные, высшая аристократія виндишгрецовскаго пошиба, генералитетъ, старались ставить на-показъ свое полнѣйшее сочувствіе Россіи изъ-за консервативныхъ принциповъ. «Императоръ можетъ намъ приказать сражаться въ одномъ строю съ англичанами, гласила одна изъ тогдашнихъ брошюръ, выражавшая мнѣніе вліятельныхъ кружковъ, но и самъ императоръ не можетъ насъ заставить, чтобы мы, даже въ крайней нуждѣ, преломили кусокъ хлѣба съ этими союзниками». При такихъ условіяхъ Австрія не могла

снискать расположеніе и заслужить особенную благодарность у англичанъ и у французовъ; она и ихъ тормозила, она и ихъ заставила направить силы на дальній конецъ Россіи, гдѣ война стоила страшныхъ денегъ и потерь и гдѣ даже полнѣйшая удача не была въ состояніи пошатнуть или значительно умалить міровое значеніе сѣвернаго колосса. Трактатъ 2-го декабря 1854 г., которымъ Австрія, вступая въ союзъ съ Англіею и Францію во вредъ Россіи, обязалась защищать княжества отъ русскихъ, не мѣшать движеніямъ англо-франко-турецкихъ войскъ, еслибы они направлялись на Россію чрезъ княжества, и не вступать ни въ какіе переговоры съ Россіею помимо коалиціи,—не предупредилъ нисколько того, что злѣйшій врагъ Австріи—крошечная Сардинія была 26-го января 1855 года принята въ коалицію, отправила свой корпусъ въ Крымъ и купила такимъ образомъ право засѣдать на европейскомъ конгрессѣ 1856 г., съ тѣмъ, чтобы на этомъ конгрессѣ обличать австрійское правительство въ его неправдахъ по отношенію къ Италіи и сдѣлать изъ итальянскаго дѣла европейскій вопросъ. На конгрессѣ 1856 г. сѣялъ Кавуръ то, что̀ пришлось ему пожать въ 1859 г.: на этомъ конгрессѣ Австрія была совершенно одна, безъ друзей и заступниковъ. Единственный престолъ, на который она возлагала всѣ свои надежды, уже шатался, обуреваемый волнами вѣка—это былъ римскій престолъ св. Петра, болѣе всѣхъ другихъ нуждающійся въ поддержкѣ.

Если отъ дипломаціи перейдемъ въ военному устройству, то и въ этой области окажется, что за весь періодъ реформъ, въ періодъ, когда власть только и дѣлала, что опиралась на вооруженную силу и пускала ее въ ходъ, не сдѣлано ничего хорошаго и путнаго. 10 марта 1853 года военное министерство было совсѣмъ упразднено, завѣдываніе всѣми военными дѣлами поручено третьему генералъ-адъютанту генералу Бамбергу подъ личнымъ руководствомъ самого императора, иными словами, какъ нѣкогда Яковъ II былъ собственнымъ своимъ морскимъ министромъ, такъ Францъ Іосифъ сдѣлался своимъ военнымъ министромъ. Вся сложная машина военнаго управленія съ центральнымъ Armee Ober-Commando, во главѣ коего поставленъ былъ одинъ изъ молодыхъ эрцгерцоговъ, съ департаментами этого Ober-Commando, безчисленными комитетами, инспекціями, изъята была изъ общей системы государственнаго управленія и сдѣлалась самостоятельною до того, что даже образовался особый Central-Militär-Rechnungs Departement, совсѣмъ независимый отъ государственнаго контроля. Добавимъ, что при особѣ монарха состоялъ

вновь учрежденный корпусъ (государевыхъ) адъютантовъ, котораго начальникъ, графъ Грюнне, засѣдалъ въ кабинетѣ съ министрами и пользовался рѣшительнымъ закулиснымъ вліяніемъ не только на перемѣны въ личномъ составѣ, но и на весь ходъ дѣлъ въ военномъ вѣдомствѣ. Легко можно себѣ представить, каково приходилось министру финансовъ, отъ котораго именемъ государя требовались ежеминутно безъ счета и бюджета все бóльшія и бóльшія суммы и который часто не смѣлъ не только отказать въ требованіяхъ, но и перечить. Впослѣдствіи времени Бруку, министру финансовъ, случалось слышать отъ генералъ-адъютантуры такого рода отзывъ: «Мы и безъ васъ знаемъ, что это стóитъ денегъ; ваше дѣло въ томъ только, чтобы добыть эти деньги». Съ поглощавшими несоразмѣрно великую часть доходовъ расходами на войско еще можно бы было помириться, еслибы въ самомъ дѣлѣ армія была дѣйствительно приведена въ состояніе, если не образцовое, то по крайней мѣрѣ удовлетворительное; но армія австрійская оказалась впослѣдствіи на дѣлѣ (1859 и 1866) далеко несоотвѣтствующею по своей организаціи требованіямъ времени, и даже въ матеріальномъ отношеніи она извлекала чрезвычайно мало пользы отъ дѣлаемыхъ на нее затратъ. Ежегодный дефицитъ въ государственномъ бюджетѣ, займы, возрастающій лажъ на металлическую монету, вздорожаніе всѣхъ товаровъ дѣлали содержаніе арміи съ каждымъ годомъ болѣе дорогимъ, нисколько не улучшая положенія солдатъ и офицеровъ. Одинъ приказъ отмѣнялся другимъ, и страсть къ преобразованіямъ, при которыхъ никакой ладъ не могъ установиться, была столь велика, что въ десятилѣтіе реакціи военно-врачебная часть была преобразована четыре раза, а трижды передѣланы на совершенно новыхъ основаніяхъ части военно-судная, артиллерійская и инженерная. Разумѣется, мѣнялось больше всего наружное, покрой мундировъ, формы. Это безконечное и поминутное передѣлываніе покроя увѣковѣчено мѣткою эпиграммою, которая появилась послѣ того, какъ вслѣдъ за войною 1859 г. дана новая форма артиллеріи: «На киверѣ султанчикъ, на штанахъ лампасикъ, да на воротѣ гранаты: теперь-то угадали въ чемъ суть» [1]). Само собою разумѣется, что умъ, способность, истинныя заслуги не были нисколько въ ходу и почетѣ, что выходили въ люди и процвѣтали только паркетные герои, люди со связями, съ протекціей. Выросло

[1]) Am Tchako a Schwaferl,
An d'Hozen a Straferl,
Am Kragen Granaten,
Jetzt hab'n s'es errathen.

цѣлое поколѣніе новыхъ молодыхъ парадныхъ генераловъ, среди котораго господствовала аристократическая бонтонность и непомѣрное чванство; оно вытѣсняло по возможности старыхъ, испытанныхъ въ бою служакъ. Графъ Грюнне, выводившій въ люди и создававшій карьеры, писалъ не стѣсняясь о Радецкомъ къ Гьюлаю, склоняя сего послѣдняго принять въ 1859 г. командованіе войсками въ Италіи, слѣдующія слова: «Если старый оселъ Радецкій потрафилъ, то и ты конечно потрафишь». Если такъ отзывались о Радецкомъ, то легко себѣ представить, что̀ доставалось другимъ менѣе крупнымъ полководцамъ. Когда потомъ, въ 1866 г., старикъ Гессъ удивлялся, какъ можно безъ особой резервной арміи вести двойную войну съ Пруссіею и съ Италіею, въ генералъ-адъютантурѣ поговаривали: «Гессъ сильно старѣется и голова у него не совсѣмъ въ порядкѣ». Самоувѣренность этихъ господъ не имѣла предѣловъ: въ 1859 г. они отправлялись въ Ломбардію дать урокъ французамъ и проникнуть, если не до Парижа, то до Ліона. Добавимъ для полноты картины, что въ интендантствѣ господствовало казнокрадство (Эйнаттенъ) и что спеціальная коммиссія, которой послѣ датско-нѣмецкой войны предложенъ былъ для обсужденія вопросъ о принятіи игольчатыхъ ружей по прусскому образцу, отвергла это предложеніе на томъ основаніи, что при столь скорой стрѣльбѣ нѣтъ возможности устроить достаточно скорый подвозъ необходимаго количества патроновъ.

Устройству арміи мѣшало крайне плохое состояніе финансовъ, которые въ свою очередь никакъ не могли поправиться при безалаберномъ военномъ хозяйствѣ. Революція 1848 г. застала финансы, страдающіе хроническимъ дефицитомъ изъ года въ годъ [1]). Финансовый годъ 1848—1849 (отъ ноября до ноября) представлялъ слѣдующую картину: расходъ 290 милліоновъ, приходъ 150, на одно войско требовалось 158 м., значитъ 8 милліонами болѣе, нежели весь государственный приходъ. Государственная казна кредитовалась у національнаго банка, банкъ истощилъ скоро свой металлическій размѣнный фондъ, вслѣдствіе чего (2 іюня 1848) указомъ данъ обязательный курсъ банковымъ билетамъ, серебро и золото исчезли въ обращеніи, явился лажъ на нихъ весьма высокій, и многіе признаки предвѣщали повтореніе памятнаго австрійцамъ государственнаго банкротства 1811 г. Въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ министръ финансовъ Краузъ (съ 3 апрѣля 1848 по 26 декабря 1851 г.) извертывался съ

[1]) 1845—12 м. гульд.; 1846—15; 1847—45.

крайнимъ трудомъ малыми средствами, преслѣдуя при помощи Штаркенфельса мѣнялъ, дѣлая гдѣ только можно займы и наводняя рынокъ множествомъ процентныхъ заемныхъ обязательствъ казны разныхъ наименованій [1]). Когда всѣ оптимистическія предсказанія Краузе, что дѣла поправятся, не сбылись; ему назначили преемникомъ (съ 1851 по 1855 г.) барона Андрея Баумгартнера, бывшаго профессора физики, ученаго естествоиспытателя, который вмѣстѣ съ тѣмъ взялъ въ свое вѣдѣніе торговлю, промышленность и общественныя работы. Баумгартнеръ хотѣлъ-было противодѣйствовать злу, вытекающему изъ того, что теперь спутались банкъ съ казною, что кредитные знаки банка, вслѣдствіе указа объ обязательномъ курсѣ, стали въ сущности бумажными деньгами, и что банкъ, пользуясь указомъ объ обязательномъ курсѣ, доставлялъ казнѣ, по правилу «рука руку моетъ», сколько угодно этихъ своихъ кредитныхъ знаковъ на самые ненужные расходы. По настоянію министра финансовъ банкъ долженъ былъ сдѣлать второй выпускъ своихъ акцій, чего онъ дѣлать не хотѣлъ въ виду уменьшенія чрезъ то жирнаго дивиденда акціонеровъ; но эта мѣра, удвоившая складочный капиталъ банка, оказала самое ничтожное вліяніе на курсъ и лажъ. Вокругъ всякаго, укоренившагося общественнаго факта, будь онъ самый злокачественный, обвиваются тотчасъ, въ видѣ тунеядныхъ растеній, многочисленные матеріальные интересы, они его отстаиваютъ и защищаютъ столь сильно, что никакія мѣры часто не въ состояніи его искоренить. Въ высокомъ лажѣ заинтересованы были теперь, во-первыхъ, банкъ, платящій только 4% по своимъ билетамъ, между тѣмъ какъ всѣ европейскіе банки возвысили свой дисконтъ до 6 до 7%, а на провинціи деньги не отдавались взаймы подъ залоги ниже 10%; во-вторыхъ, всѣ фабриканты, для которыхъ послѣ отмѣны запретительной системы низкій курсъ австрійскихъ денегъ служилъ оплотомъ противъ заграничной конкурренціи, оптовые торговцы хлѣбомъ, выигрывавшіе на разницѣ курса на цѣнахъ, и та стая спекулянтовъ, которые спѣшили въ запуски учреждать акціонерныя общества и спекулировать на биржѣ. Вѣна значительно объевреилась въ эту эпоху, но замѣчательно, что въ этой погонѣ за наживой и въ этихъ обществахъ и компаніяхъ участвовали вмѣстѣ съ евреями самые знатные роды, самыя аристократическія имена: Шварценберги, Меттернихи, Эстергази, Сапѣги, Хотеки, Зичи, Вальдштейны, Андра-

[1]) Банковые билеты, Anweisungen an die Salinen von Gmunden, Casse-Anweisungen, Bileti di Tesoro, Anweisungen an die ungarische Staatseinkünfte, Reichschatzscheine.

ши. Такъ нарождалась еврейско-панская денежная знать, какъ тунеядное растеніе, высасывающее лучшіе соки общества и государства. Вторая забота Баумгартнера состояла въ томъ, чтобы положить конецъ пестротѣ государственнаго долга и обмѣнять на банковые билеты тѣ разнообразные государственные кредитные знаки, которые были изобрѣтены Краузомъ, и которые стояли столь низко, что лажъ взимался даже при обмѣнѣ ихъ на банковые билеты. Наконецъ Баумгартнеръ рѣшился прибѣгнуть, по примѣру Наполеона III, къ новому займу по всенародной подпискѣ и демократизировать такимъ образомъ ренту, сдѣлавъ ее доступною для людей съ самыми малыми средствами. Эта мѣра могла бы имѣть хорошіе финансовые результаты, судя потому, что объявленъ былъ заемъ отъ 350 до 500 милліоновъ по курсу 95 за 100, приносящихъ 5% серебряною монетою, а цифра всенародной подписки дошла до 507 милліоновъ. Но это предпріятіе испорчено было въ своемъ, такъ сказать, корню тѣмъ, что ему данъ политическій характеръ; что въ указѣ, при обнародованіи займа (26 іюня 1854 г.), цѣлью займа поставлено не только поднятіе курса монеты, но и покрытіе расходовъ, требуемыхъ осложненіемъ восточнаго вопроса; что полицейскія власти принуждали жителей къ подпискѣ; что принято за правило при неучиненіи взносовъ подписчиками взыскивать съ нихъ эти взносы какъ недоимки въ податяхъ; что, наконецъ, бо́льшая часть этого займа обращена была на вооруженія и на содержаніе корпуса Коронини въ румынскихъ княжествахъ. Заемъ не погасилъ долга казны банку (съ 286 долгъ понизился только до 155), не избавилъ Австрію отъ дефицита (за 1855 приходъ 264 м., расходъ 403 м., дефицитъ 139 м.), не понизилъ лажа, банковые билеты шли ниже серебра и золота на 20—22%; а такъ какъ надо было платить металлическими деньгами, то правительство должно было прибѣгнуть къ продажѣ выстроенныхъ, строющихся и проектированныхъ желѣзныхъ дорогъ, длиною въ 1,218 верстъ, парижскому обществу движимаго кредита на 99 лѣтъ за 200 м. франковъ съ правительственною гарантіею въ $5^1/_5$%. Гарантіи этой не пришлось платить, но государство поставлено было въ неловкое положеніе, когда въ 1859 надобно было двигать войска въ Ломбардію противъ Италіи и Франціи по дорогамъ, переданнымъ французской компаніи. Баумгартнеръ подалъ въ отставку въ 1855 г., его замѣнилъ вызванный изъ Константинополя Брукъ, занимавшій тамъ должность интернунція, о дѣятельности котораго на его новомъ посту разсказано будетъ подробно впослѣдствіи. Министръ полиціи и шефъ корпуса жандар-

мовъ, баронъ Кемпенъ фонъ-Фихтенштамъ, по должности своей былъ постоянный соперникъ Баха, хотя судьба связала ихъ неразрывно одного съ другимъ такъ, что имъ довелось получить одновременно отставку. Не будемъ также говорить ни о министерствѣ юстиціи, которое при министрѣ Краузѣ (братѣ бывшаго м. ф.) ничѣмъ не проявляло своей дѣятельности, за исключеніемъ изданія устава уголовнаго судопроизводства 29 іюля 1853 года, съ инквизиціоннымъ слѣдствіемъ, устными объясненіями сторонъ при закрытыхъ дверяхъ и адвокатами, назначаемыми министромъ юстиціи,—ни о государственномъ контролѣ; наконецъ, отложимъ до будущей главы подробный разборъ дѣятельности министра вѣроисповѣданій и просвѣщенія графа Льва Туна, главнаго ревнителя по части возстановленія іезуитскаго воспитанія въ Австріи и заключенію конкордата. Этотъ хамелеонъ мѣнялъ всевозможные цвѣта, былъ панславистомъ, потомъ германизаторомъ, централизаторомъ и сепаратистомъ; онъ былъ лишенъ всякаго почина, годился только на придворныя интриги, нуждался постоянно въ вожатомъ и былъ покорнѣйшимъ слугою и исполнителемъ предначертаній отца Бекса, генерала іезуитовъ, по вѣдомству народнаго просвѣщенія. Гораздо вліятельнѣе Кемпена и Туна, который значилъ что-нибудь не самъ по себѣ, а какъ орудіе темнѣйшихъ реакціонныхъ силъ, былъ министръ внутреннихъ дѣлъ, только-что возведенный въ баронское достоинство Александръ Бахъ.

Бахъ былъ человѣкъ замѣчательный и выходящій изъ ряда даже въ ту эпоху, въ которой онъ дѣйствовалъ и которая изобиловала политическими оборотнями, людьми, мѣнявшими убѣжденія, какъ змѣя кожу. Онъ успѣлъ продѣлать полный циклъ превращеній отъ скептика и вольнодумца до ханжи, и дѣлалъ эти превращенія просто, естественно, съ изумительнымъ и беззастѣнчивымъ апломбомъ. Отецъ Баха (родившагося въ 1813 г.) состоялъ управляющимъ имѣніями у одного изъ богатыхъ владѣльцевъ въ эрцгерцогствѣ Австріи; самъ онъ, по рожденію бюргеръ, избралъ одно изъ самыхъ хлѣбныхъ занятій—адвокатское, открылъ адвокатскую контору въ Вѣнѣ, устроилъ юридико-политическую читальню, сборное мѣсто для остряковъ, фрондеровъ и вольнодумцевъ, либеральничавшихъ въ послѣдніе годы меттерниховa режима. Въ 1842 году, онъ присталъ къ Ричарду Кобдену и совершилъ съ нимъ нѣсколько путешествій по Европѣ и Востоку. Съ первыхъ же дней мартовской суматохи, Бахъ кинулся стремглавъ въ революціонный омутъ и восхищалъ толпу своимъ демагогическимъ азартомъ и яркою, изысканною картинностью своихъ фразъ: «вѣнскій народъ сказалъ свою державную волю на внятномъ

языкѣ баррикадъ»—говоритъ онъ 26-го мая 1848 г. Предъ выборами въ рейхсратъ, одинъ только агитаторъ рабочихъ Таузенау прозрѣлъ насквозь Баха, и хотѣлъ его уничтожить, между тѣмъ какъ всѣ другіе носили на рукахъ честнаго демократа, который вѣровалъ «въ демократическую Австрію на федеральной подкладкѣ» и увѣрялъ, что сохранитъ эту вѣру до гроба, такъ какъ онъ не изъ тѣхъ, которые на другой день стали свободолюбцами. Либерализмъ Баха уже износился въ Вѣнѣ съ марта по октябрь, въ Ольмюцѣ онъ уже сдѣлался тѣмъ абсолютистомъ и централизаторомъ, какимъ остался до отставки. Еще во время итальянской войны онъ говорилъ саркастически лицамъ, указывавшимъ на необходимость возврата къ парламентскому правленію: «трибуну въ Австріи? да гдѣ же вы ее поставите?» Проникнувъ въ кабинетъ, Бахъ смекнулъ, что ему, какъ выскочкѣ мѣщанскаго происхожденія, никакъ нельзя будетъ втереться въ настоящую породистую знать, что имъ будутъ брезгать и высшая аристократія и военная партія, и что одно только можетъ вывести его и поддержать: піетизмъ, союзъ самый тѣсный съ клерикальною партіею. Бахъ предался цѣликомъ благочестію, взялъ за девизъ герба своего: «in cruce spes mea», и выразился въ 1857 г. по поводу конкордата: «конкордатомъ положено разъ навсегда основаніе нравственному развитію имперіи; желательно, чтобы всѣ правительства стояли на той же высотѣ пониманія отношеній между государствомъ и церковью». Оставивъ министерство, Бахъ былъ назначенъ посланникомъ при папѣ. Въ Римѣ этотъ человѣкъ, который всю жизнь былъ себѣ на умѣ и на котораго довольно вульгарномъ лицѣ съ прищуренными глазками застыла въ тонкихъ устахъ фиглярная улыбка жуира и скептика, котораго всѣ считали шутникомъ, острякомъ и называли «вѣчно смѣющимся Бахомъ», сдѣлался набожнымъ богомольцемъ, босыми ногами слѣдовавшимъ за церковными процессіями: онъ весь за правду на этотъ разъ погрузился въ тупѣйшій религіозный мистицизмъ. Необычайная легкость, съ которою совершались всѣ вышеописанныя эволюціи, только и можетъ быть объяснена тѣмъ, что Бахъ былъ весьма поверхностный, не солидный, не серьёзный человѣкъ, у котораго все было напускное: убѣжденія, принципы. Что касается до простой дѣловой честности, то вообще его считали въ денежномъ отношеніи безкорыстнымъ, хотя говорятъ, что въ 1854 году онъ получилъ, свѣдома о томъ императора, благодарность отъ французской компаніи за дѣло о продажѣ ей желѣзныхъ дорогъ. Въ 1857 году магнаты венгерскіе сложились на большую сумму, чтобы купить у него его добровольный вы-

ходъ въ отставку, но получили отъ приближенныхъ Баха отвѣтъ, что нѣтъ человѣка, который бы осмѣлился доложить Баху о подобномъ предложеніи. Такъ какъ Бахъ былъ главнымъ лицомъ въ кабинетѣ и мѣшался во все, и во внѣшнюю политику и въ финансы, такъ какъ весь порядокъ 1853—1859 неразрывно связанъ съ его именемъ, то онъ и служилъ мишенью для выстрѣловъ, направляемыхъ противъ правительства его внутренними врагами. Его ругали ренегатомъ даже люди, которые сами вовсе не отличались стойкостью убѣжденій, завистники. Старикъ Пиллерсдорфъ не могъ говорить о немъ безъ пѣны у рта,—онъ, который за свой умѣренный либерализмъ былъ оффиціально ошельмованъ, разжалованъ, лишенъ чиновъ, между тѣмъ какъ его демагогическій собратъ стоялъ теперь у кормила правленія. Еще сильнѣе былъ ярый гнѣвъ противъ Баха старика Сѣчени, излитый въ его знаменитой анонимной брошюрѣ, написанной въ частномъ заведеніи для умалишенныхъ близъ Вѣны, гдѣ онъ и застрѣлился 7-го апрѣля 1860 г. [1]); сила этого гнѣва не вполнѣ соотвѣтствуетъ нравственному ничтожеству Баха; въ нападкахъ Сѣчени сказывается магнатъ, презирающій пройдоху, свободный мадьяръ, презирающій нѣмца, бюрократическаго строчилу, но въ нихъ слышится и скорбный голосъ цѣлаго народа, давимаго десятокъ лѣтъ самою недостойною рукою. Въ этихъ обличеніяхъ попадаются поразительно вѣрныя черты для характеристики образа управленія Баха, состоящей изъ одной лжи, изъ однѣхъ жалкихъ «тартуфіадъ», изъ пусканья пыли въ глаза. Люди скорѣе выносятъ произволъ, нежели лицемѣріе; «они ненавидятъ васъ за то, что точно вы со всѣмъ вашимъ чернильнымъ отродьемъ стали стѣною между народами Австріи и монархомъ; всѣ тѣ фарсы, которые вы вывели на сцену обѣщаніями, угрозами и чистоганомъ монетою, дабы надуть объѣзжающаго свои края молодого государя, весь этотъ маскарадъ Новой Австріи, вѣдь это только комедія достойная подмостковъ бургъ-театра». Слово отыскано: организаціонный талантъ Баха былъ талантъ сценическій, всѣ его учрежденія—декораціи изъ картона и полотна, актерами въ этомъ представленіи являлись чиновники, которые своею игрою производили впечатлѣніе полной иллюзіи на невзыскательныхъ зрителей и въ томъ числѣ, въ концѣ-концовъ, и на самого поставщика пьесы. Посмотримъ на это зрѣлище какъ съ партера, такъ и изъ-за кулисъ.

Первое сценическое условіе успѣха представленія заключалось

[1]) Ein Blick auf den anonymen Rückblik, von einem Ungarn. London, 1859.

въ полной тишинѣ со стороны зрителей, въ полной безгласности. Это условіе было достигнуто. Не только печать, поставленная подъ сильнѣйшимъ правительственнымъ гнетомъ, не смѣла никого обличать, не только уголовный процессъ происходилъ втихомолку, но въ угоду реакціи, законъ объ общинахъ Стадіона оставленъ безъ введенія въ дѣйствіе впредь до изданія новаго закона, котораго проектъ Баха, сколоченный на скорую руку, Бахъ представилъ только наканунѣ своей отставки. Усилія Баха направлены были къ тому, чтобы искоренить въ корпораціяхъ то, что̀ составляетъ ихъ жизнь—духъ самоуправленія, силу почина и оппозиціи. Всякая община сдѣлана подначальною административному произволу. Съ рескрипта 31-го декабря 1851 г. засѣданія общинныхъ собраній и совѣтовъ закрыты для публики. Городскіе и общинные комитеты, магистраты, управы держались только для того, чтобы исполнять предписанія начальства и выжимать деньги изъ городскихъ и сельскихъ сословій. Ихъ всѣхъ пустили въ ходъ при муссированіи всенародной подписки на заемъ 1854 года. Правительство умѣло сдѣлать магистраты ручными: гдѣ вышелъ составъ послушный, смирный, тамъ оно его оставляло безсмѣнно съ отстраненіемъ выборовъ на неопредѣленное время. Такъ, въ Вѣнѣ слѣдовало въ 1854 г. магистрату обновиться на $1/3$, но министръ сказалъ выходящимъ остаться впредь до изданія новаго общиннаго устава,—весь магистратъ такъ и остался въ полномъ составѣ до 1860 г. Организація посредствующимъ звеньямъ между общиною и министерствами дана двумя объемистыми общими положеніями отъ 19-го января 1853 г., однимъ для обрѣзанной почти во всѣхъ странахъ Венгріи, другимъ—для остальныхъ коронныхъ земель, къ которымъ сопричислены: Кроація, Трансильванія и Воеводина сербская, и статутами для отдѣльныхъ земель, изданными съ декабря 1853 г. по октябрь 1854. Оба общія положенія, одно для Венгріи, или лучше сказать для 5-ти венгерскихъ областей, и другое для коронныхъ областей, не особенно много труда стоили организаторамъ: они были выкроены несмотря на страшную разницу мѣстности, населенія, условій, по одному шаблону и даже бо̀льшая часть параграфовъ одного дословно повторялась въ другомъ, съ тою только разницею, что участковымъ управамъ или бецирксамтамъ соотвѣтствовали штульрихтерамты или стольно-судейскія управы, окружнымъ правленіямъ (Kreisbehörden) соотвѣтствовали комитатскія правленія (Comitats Behörde), наконецъ, что намѣстничествъ было въ коронныхъ земляхъ столько же, сколько и земель, но въ Венгріи былъ одинъ намѣстникъ эрцгерцогъ Альбрехтъ и пять отдѣленій намѣстниче-

ства венгерскаго, по пяти областнымъ главнымъ городамъ. Эрцгерцогъ-намѣстникъ состоялъ болѣе для виду, отдѣленія намѣстничества переписывались прямо съ министерствами въ Вѣнѣ, при чемъ намѣстникъ былъ только передаточною инстанціею, на представленіяхъ ставилъ слово: «прочтено», а иногда присовокуплялъ свое мнѣніе, а указы и предписанія изъ Вѣны, присылаемые незапечатанными, посылалъ, запечатавъ ихъ, по принадлежности. Судъ и администрація, раздѣленные въ окружныхъ и комитатскихъ инстанціяхъ, сливались воедино, въ такъ-называемыхъ смѣшанныхъ бециркс-и штульрихтерамтахъ, на которыя сверхъ судебныхъ и полицейскихъ взвалены были еще и финансовыя обязанности. Эта нехитрая организація приводилась въ исполненіе сословіемъ чиновниковъ, вышколенныхъ еще въ добрыя старыя времена при Францѣ I-мъ и Меттернихѣ. Это сословіе держали въ черномъ тѣлѣ, на нищенскихъ окладахъ временъ Маріи-Терезіи, при которыхъ нельзя было, изъ одной только службы, жить безъ негласныхъ доходовъ. Шпіонство, кондуитные списки, низкопоклонничество, унижали нравственное достоинство служащихъ, имъ былъ строжайше предписанъ не только покрой платья, но и форма волосъ: «подбородокъ брить до самыхъ устныхъ угловъ, цѣльныя бороды запрещены, бакенбарды позволяется носить, но безъ всякаго преувеличенія»—гласилъ циркуляръ 1852 г. Распекаемый за всякую бездѣлицу, чиновникъ вымѣщалъ свои униженія на просителяхъ и публикѣ, былъ педантъ и медлителенъ, важничалъ и, не дѣлая дѣла, отписывался. Настоящаго дѣла отъ него и не требовали, а только бумажнаго удостовѣренія въ томъ, что все обстоитъ благополучно. Чѣмъ въ болѣе розовомъ цвѣтѣ были донесенія и отчеты, тѣмъ самодовольнѣе потирали руки вѣнскіе начальники и министры. Начальники не хотѣли знать того, что́ происходитъ въ самомъ обществѣ; нигдѣ это незнаніе не было столь поразительно, какъ въ той странѣ, которая никакъ не давалась правительству, которая почти цѣлыя двадцать лѣтъ не признавала вновь заведеннаго порядка и своимъ упорнымъ, почти безпримѣрнымъ терпѣніемъ провела начало непрерывности своего историческаго права, иными словами, исторгла признаніе, что все то, что́ Бахъ съ товарищами и преемниками затѣвали въ предѣлахъ короны св. Стефана, было только призракомъ и произволомъ, а не дѣйствительностью и закономъ. Мадьярскій народъ не добылъ себѣ всемірно-историческаго значенія ни въ наукѣ, ни въ искусствѣ, вся жизнь его ушла на одну только выработку свободныхъ учрежденій въ чисто шляхетскомъ духѣ. Съ этой стороны является самое разительное сходство между мадьяр-

скою и польскою культурами; въ обѣихъ то же свободолюбіе, та же атмосфера общественности, внѣ которой мадьяру немыслимо жить, невозможно дышать, то же пожертвованіе всѣмъ частнымъ общественному, но при непосредственномъ участіи каждаго гражданина въ этомъ общественномъ, въ судѣ и сеймѣ, въ выборахъ или реставраціяхъ, публичныхъ рѣчахъ, пирахъ и агитаціяхъ, наконецъ, та же страсть ябедничать и судиться. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этой жизни были свои темныя стороны, что во многихъ отношеніяхъ гражданскій австрійскій кодексъ 1811 г. былъ, можетъ быть, и лучше, нежели Трипартитъ Вербеча, что коронный стольный судья былъ гуманнѣе выборнаго стольнаго судьи, который немилосердно сѣкъ на экзекуціонной скамьѣ или дерешѣ провинившагося простолюдина; въ Венгріи былъ, можетъ быть, избытокъ адвокатовъ, и мирные процессы часто тянулись десятки лѣтъ потому только, что ими кормились отцы, дѣти и внуки; но дѣло въ томъ, что благодѣянія культуры никакъ не вгоняются насильственно, что всѣ эти кодексы и порядки столь же мало были пригодны мадьяру, какъ англичанину французскій *ministère public* и французская полиція благоустройства; что въ странѣ, гдѣ для обозначенія студента и юриста только и есть одно слово *юратъ*, гдѣ ходатайство по дѣламъ, юратство, адвокатура составляютъ необходимое начало всякой почти общественной карьеры, посягательство на адвокатуру равносильно посягательству на весь складъ жизни народной. Бой между мадьярскою національностью и системою Шварценберга и Баха— былъ бой непримиримый и на смерть. Гусары Баха, кто бы они ни были, имѣли видъ зачумленныхъ, отъ которыхъ всѣ бѣгали въ непріязненной землѣ. Есть маленькая брошюра, содержащая классическое по истинѣ описаніе страданій такого Бахова гусара и цивилизатора въ Венгріи (Acht Jahre Amtsleben in Ungarn von einem K. K. Stuhlrichter in Disponibilität. Leipzig, 1861). Авторъ брошюры былъ противъ воли своей перемѣщенъ изъ нѣмецко-славянской области въ Венгрію, на должность смѣшаннаго стольнаго судьи въ провинціальномъ захолустьи. Бѣдняга напрасно отпрашивался, протестовалъ: ему сказано, что если онъ будетъ отказываться отъ мѣста, то его отставятъ съ тѣмъ, чтобы никогда на службу даже писцомъ не принимать. Жалованье назначено ему 1250 г. изъ которыхъ 500 употреблены обязательно на покупку атиллы или плаща съ ментикомъ, обшитымъ золотыми шнурками, долмана, мѣховой шапки, тоненькихъ штановъ, вышитыхъ шнурками и лакированныхъ сапоговъ. Цивилизатора никто иначе не называлъ какъ *Швабомъ*, или «богемскою собакою». При

немъ иронически спрашивали кочующихъ музыкантовъ-чеховъ, зачѣмъ они не ѣдутъ въ Вѣну къ министру, «который ихъ пошлетъ стольными судьями въ Венгрію, потому что всѣ новые судьи начали съ того, что были такими же музыкантами, бродягами и штукарями, а всѣ вѣдь богемцы либо воры, либо музыканты». Бѣднягѣ никто не хотѣлъ отводить казенной, слѣдующей ему по штату квартиры, наконецъ сжалился жандармскій начальникъ и далъ комнату съ двумя кабинетами, то-есть въ сущности отвелъ въ пользованіе голыя стѣны, безъ стола и стула, безъ всякихъ принадлежностей жилья. Подъ кроватью у сторожа новый судья нашелъ груду какихъ-то тетрадей, которыя оказались ипотечными книгами. Мебель доставлена была спустя 9 мѣсяцевъ, канцелярскіе запасы выданы спустя два года съ того момента, который былъ назначенъ министерствомъ для вступленія новыхъ судей въ отправленіе ихъ должностей. Мѣста заключенія не существовали вовсе; содержаніе арестантамъ выдавалось на руки, они его проѣдали въ харчевнѣ; выдача денегъ служила единственнымъ ручательствомъ, что они не разбѣгутся. И этотъ человѣкъ, который долженъ былъ выпрашивать, какъ нищій, у кого стулъ, у кого столъ и кровать, судилъ гражданскимъ и уголовнымъ судомъ, велъ ипотечныя книги, вѣдалъ дѣла опекунскія, взыскивалъ казенныя недоимки, участвовалъ въ рекрутскомъ наборѣ и въ расположеніи проходящихъ войскъ по квартирамъ. Никто труженику не сказалъ спасибо. Священники и дворяне сердились за то, что онъ не сѣкъ по ихъ жалобамъ крестьянъ, не спрашивая за что́, какъ дѣлалъ его предмѣстникъ; надъ нимъ трунили, что онъ ходитъ пѣшкомъ, между тѣмъ какъ его предмѣстникъ ѣздилъ четвернею; еслибы онъ купилъ экипажъ, то его бы попрекали тѣмъ, что онъ корчитъ изъ себя барина и что ему не на чемъ будетъ выѣхать, когда его прогонятъ. Самое бо́льшее расположеніе къ чиновнику выражалось въ словахъ: какъ жаль, что онъ Швабъ, а не то онъ былъ бы хорошій человѣкъ. Устраивались компаніи съ цѣлью стѣснить матеріально Шваба, подкупить его подаркомъ, а потомъ обличить его передъ начальствомъ какъ взяточника. Послѣ Виллафранкскаго мира всѣхъ заѣзжихъ цивилизаторовъ какъ помеломъ вымело: ихъ просто отставили въ видахъ соглашенія съ мадьярами. «Система, — говоритъ авторъ, — была покинута, и нами пожертвовали». Авторъ не подозрѣвалъ, что вскорѣ потомъ Шмерлингъ сдѣлаетъ второй выпускъ цивилизаторовъ, и что опять во второй разъ и уже окончательно будутъ цивилизаторы прогнаны при Белькреди. Не знаешь, кого болѣе

жалѣть при подобной системѣ: участь цивилизаторовъ едва ли не была еще хуже участи цивилизуемыхъ насильственно.

Бесѣдуя въ Будѣ съ однимъ иностраннымъ дипломатомъ въ 1853 г., Бахъ выразилъ надежду справиться съ Венгріею въ теченіи 25-ти лѣтъ. «Если намъ позволятъ внѣшнія обстоятельства, — сказалъ онъ, — дѣйствовать и распоряжаться въ теченіи этого срока, то Венгрія превратится въ славяно-нѣмецкую область, въ которой мадьяризмъ будетъ уже побѣжденнымъ, спорадически только всплывающимъ явленіемъ». Въ то время Бахъ разсчитывалъ главнымъ образомъ на германизацію Венгріи, но бюрократическимъ пріемамъ національность мадьярская противопоставила несокрушимую, чисто духовную оппозицію,—вотъ почему у Баха мелькала мысль, что задача труднѣе, чѣмъ ему казалась. Причину помѣхи онъ сталъ усматривать въ протестантизмѣ, и вмѣстѣ съ Туномъ сталъ прилагать всѣ силы, чтобы подрѣзать корни вѣкового дерева. «Въ коронныхъ областяхъ, — говоритъ онъ, — протестантизмъ не страшенъ, но въ Венгріи онъ сила, онъ прирожденная оппозиція, съ нимъ не справиться католицизму римскому и восточному, къ нему надобно приложить государственную сѣкиру». Бахъ не ошибался на счетъ страшной нравственной силы и живучести протестантизма въ Венгріи. Хотя протестантовъ тамъ не болѣе двухъ милліоновъ, но эта церковь изъ всѣхъ церквей въ Венгріи самая дѣятельная и живая, самая національная; она проникнута духомъ самоуправленія, въ ея конвентахъ міряне съ духовными совѣщаются о пользахъ церкви, ея школы несравненно выше и лучше римско-католическихъ, протестантскіе комитаты высылаютъ самыхъ оппозиціонныхъ депутатовъ, человѣкъ, въ которомъ воплотилась венгерская революція, Лайошъ Кошутъ былъ кальвинистъ. Дѣйствія правительственной сѣкиры, подрѣзывающей корни протестантизма, заключались во всевозможномъ стѣсненіи протестантскаго самоуправленія, въ закрытіи протестантскихъ училищъ и непризнаваніи никакой силы и значенія за выдаваемыми ими аттестатами. Но какъ бы сильна ни была регламентація, подсѣкаемое дерево стояло крѣпче прежняго. Ясно, что на убѣжденіе могло дѣйствовать только убѣжденіе, на религіозность не менѣе сильная другая религіозность, на пропаганду пропаганда, разумѣется, римско-католическая; но спрашивается еще, какая? Всякая старая религія, еще не превратившаяся окончательно въ мертвую обрядность, имѣетъ столько оттѣнковъ, сколько переживаемыхъ ею историческихъ моментовъ. Одинъ изъ такихъ оттѣнковъ и былъ католицизмъ австрійскій, умѣренный іозефинизмомъ, сросшійся съ механизмомъ имперіи и сжившійся

до извѣстной степени съ анти-католическими элементами, входящими въ составъ державы. Если въ вѣка мрачнаго фанатизма и костровъ ему не удалось обратить иновѣрцевъ на путь свой, то нельзя было и думать, чтобы онъ могъ обратиться въ вѣкъ вѣротерпимости и свободомыслія въ дѣлахъ вѣры. Очевидно, что этотъ застывшій въ умѣренномъ консерватизмѣ католицизмъ не годился для предполагаемыхъ цѣлей, необходимо было обратиться къ другому, самому новому, пренебрегающему условіями времени, мѣста, исторіи, незнающему уступокъ, отрицающему науку, прогрессъ, требованія вѣка, и тѣмъ болѣе самоувѣренному, чѣмъ меньше дѣйствительность соотвѣтствовала его идеалу. Этотъ-то особый новѣйшей формы католицизмъ, который называютъ, хотя и неудачно, ультрамонтанствомъ, долженъ былъ помочь Австріи и справиться съ венгерцами, и побороть вольнодумство, распущенность, индифферентизмъ, перевоспитать молодыя поколѣнія посредствомъ строгой умственной и нравственной дисциплины. Мы подходимъ, такимъ образомъ, теперь къ самому важному, къ самому характеристическому событію десятилѣтія реакціи, налагающему на всю политику реакціи неизгладимую печать—къ конкордату.

VI.

Конкордатъ 18-го августа 1855 г.

Конкордаты или соглашенія государствъ съ папою, какъ олицетвореніе римско-вселенской церкви, никогда не считались со стороны римской куріи окончательнымъ и нормальнымъ установленіемъ отношеній церкви къ государству. Такъ какъ эта церковь единая, по ея мнѣнію, вселенская, единая истинная; такъ какъ внѣ себя она не предполагаетъ возможности спасенія, такъ какъ всѣ права и преимущества, какія только можетъ предоставить ей государство, считаются ею принадлежавшими ей изначала по божескому закону и установленію, то всякія соглашенія съ государствами разсматривались папскою властью какъ снисхожденія и уступки съ ея стороны, какъ самое меньшее, на чемъ она по обстоятельствамъ времени могла помириться съ тѣмъ, чтобы потомъ при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ продолжать осуществленіе своего идеала. Идеалъ этотъ былъ безконечно далекъ отъ дѣйствительности въ самыя цвѣтущія времена папства. Даже тѣ государи, которые воздвигали у себя инквизиціонные костры, не думали отказываться отъ права созывать соборы, участвовать въ нихъ, давать на приведеніе папскихъ буллъ свое exequatur.

Филиппъ II противился обнародованію постановленій тріентскаго собора и обнародованіе послѣдовало съ оговоркою о неприкосновенности правъ королевскихъ. Во Франціи и до нынѣ дисциплинарная часть постановленій этого собора необязательна. Противъ централизаціи власти въ папѣ и превращеніи управленія церковью въ чистый абсолютизмъ ратовали сознающія за собою извѣстную долю самостоятельности мѣстныя національныя церкви и королевская власть. Реформація пробила въ римскомъ католицизмѣ сильнѣйшую брешь и доказала ту непостижимую для среднихъ вѣковъ истину, что могутъ жить вмѣстѣ люди разныхъ вѣръ, пребывая въ гражданскомъ между собою согласіи. Наконецъ, выросла мощная духовная сила, вступившая въ борьбу съ религіознымъ міросозерцаніемъ: наука, философія, раціонализмъ. Во имя этой новой силы предприняты были существенныя реформы въ отношеніяхъ государства къ церкви, въ видахъ подчиненія послѣдней строгому просвѣщенному государственному надзору. Такимъ реформаторомъ въ Австріи явился Іосифъ II. Онъ упразднилъ до 700 монастырей, а остающіеся монастыри подчинилъ епископамъ, епископовъ старался сдѣлать самостоятельнѣе въ отношеніи къ Риму, изъ конфискованныхъ духовныхъ имуществъ образовалъ народный училищный фондъ, измѣнилъ епископскую присягу, подчинилъ свѣтскому контролю семинаріи, пресѣкъ апелляціи къ папѣ, дѣла брачныя предоставилъ свѣтскимъ судамъ и, прерывая непосредственныя сношенія духовенства съ Римомъ, соблюдалъ строжайше jus placeti regii, то-есть не пропускалъ въ Австрію папскихъ буллъ безъ своего просмотра и разрѣшенія. Конечно, іозефинизмъ далекъ былъ отъ совершенствъ; онъ не что иное какъ полицейскій просвѣщенный абсолютизмъ; онъ ввелъ тягостную опеку тамъ, гдѣ единственное спасеніе — совершенный разводъ между государствомъ и церковью, но въ этомъ іозефинизмѣ вышколились и воспитались лучшіе государственные люди Австріи вплоть до 1848 г. Какъ ни тупъ былъ Францъ I, и какъ ни былъ онъ проникнутъ мыслью, что клерикальная дрессировка людей есть лучшее средство пріучить ихъ къ безусловному послушанію, но и онъ былъ весьма далекъ отъ того, чтобы предаваться въ руки духовной власти. Памятны его слова, сказанныя въ 1816 г. въ Иннспрукѣ ректору университета изъ духовныхъ, по вопросу о замѣщеніи каѳедры католическаго права: «Я не хочу насиловать совѣсть священника, а потому я и беру всегда на каноническое право свѣтскихъ людей; они меня такъ не искусаютъ». Особенность реакціи, наступившей послѣ 1848 г., заключалась въ томъ, что она была реакціею не противъ од-

нихъ революціонныхъ оргій, но и противъ системы управленія, налаженной Іосифомъ II. Іосифъ II считался въ ея глазахъ «позоромъ» дома, даже Францъ I слылъ за вольнодумца. Ревнители католицизма въ сознаніи своей теперешней силы, дабы закрѣпить Австрію за католицизмомъ навсегда, спѣшили сковать ее съ католицизмомъ крѣпкими договорными узами, спѣшили, по знаменитому изреченію Антона Ауэршперга (Anastasius Grün), отправиться «въ Каноссу», чтобы, съ пожертвованіемъ достоинства и правъ государства, испросить у ватиканскаго старика благословеніе и нравственную силу, потребную на то, чтобы одолѣть духъ вѣка, съ которымъ ни сами просители, ни мѣстное духовенство не были въ состояніи справиться. Нельзя сказать, чтобы это нетерпѣніе отправиться поскорѣе въ Каноссу было обще всѣмъ государственнымъ людямъ Австріи пятидесятыхъ годовъ: Стадіонъ не сдѣлалъ бы этого никогда, Феликсъ Шварценбергъ едва ли бы рѣшился,—въ средѣ кабинета ему были сильно противны фонъ-Кемпенъ, не ладившій съ духовенствомъ, министръ юстиціи Краузъ, оставшійся по вопросу о конкордатѣ при особомъ мнѣніи, графъ Грюнне, считавшій униженіемъ для Австріи быть управляемой теократически и публично обнаруживавшій по временамъ неудовольствіе, хотя бы такимъ образомъ, напримѣръ, что въ 1856 г., во время молебствія съ крестнымъ ходомъ на Кольмарктѣ, онъ одинъ стоялъ демонстративно выпрямившись съ откинутою назадъ головою и скрещенными руками, между тѣмъ какъ всѣ остальные присутствовавшіе преклоняли колѣни. Самъ Бахъ шелъ на конкордатъ неохотно и по сознанной невозможности оставаться въ кабинетѣ безъ поддержки со стороны католиковъ. Основаніе великому дѣлу ревнителей католицизма—конкордату, положено было помимо кабинета, окольными путями; такъ большинству членовъ кабинета пришлось отнестись къ нему, какъ къ рѣшенному уже вопросу: хотя мысль о конкордатѣ занимала правительство, хотя 28-го октября 1852 г. газеты оповѣстили, что министру Буолю поручено принять мѣры къ открытію въ Вѣнѣ переговоровъ о конкордатѣ, и хотя учреждена особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Кюбека, для выработки особаго проекта конкордата, но задача встрѣчала столь много затрудненій, что вѣроятно она затянулась бы на долгое время, а можетъ быть и совсѣмъ бы разстроилась, еслибы не слѣдующее событіе, ускорившее развязку и перенесшее переговоры въ Римъ вмѣсто Вѣны.

Во время тяжкой болѣзни императора, вслѣдствіе покушенія на жизнь его рукою Либени (февраль 1853 г.), только что назначенный вѣнскимъ архіепископомъ Раушеръ настоялъ, въ качествѣ

бывшаго учителя и священника, на томъ, чтобы его пустили къ императору, и имѣлъ съ нимъ свиданіе, послѣ котораго онъ вынесъ изъ этого свиданія маленькій листокъ въ осьмушку, писанный карандашомъ и карандашомъ же подписанный Францомъ-Іосифомъ. Листокъ содержалъ всѣ главныя основанія конкордата и былъ представленъ коммиссіи о составленіи проекта конкордата, которой оставалось только оформить пункты листка и окончательно разработать основныя, изложенныя въ немъ, начала. Работа пошла живо при участіи множества приглашенныхъ въ конференцію духовныхъ владыкъ: Раушера, примаса Венгріи, гранскаго архіепископа Сцитовскаго, пражскаго архіепископа Шварценберга, венеціанскаго патріарха Мутти и другихъ. Въ этой коммиссіи, которая превратилась въ конференцію епископовъ и въ которой правительство представляли Бахъ и въ особенности Тунъ, составленъ былъ къ концу октября 1854 проектъ конкордата, съ которымъ отправлены въ Римъ Раушеръ, Сцитовскій и Шварценбергъ. Раушеръ тамъ и остался всю зиму 1854 и весну 1855 г.; 9-го іюня 1855 онъ представилъ императору въ Вѣнѣ римскій привезенный имъ съ собою проектъ, который былъ просмотрѣнъ въ особой коммиссіи при министерствѣ вѣроисповѣданій и просвѣщенія, состоявшей подъ предсѣдательствомъ Буоля изъ Туна, Баха, Раушера и предсѣдателя государственнаго совѣта Кюбека. 18-го августа 1855 г. конкордатъ былъ подписанъ въ Вѣнѣ со стороны Австріи Раушеромъ, со стороны папы нунціемъ Віале Преля, 23-го августа врученъ папѣ, 25-го сентября послѣдовалъ размѣнъ ратификацій, 13-го ноября 1855 г. опубликованъ въ оффиціальныхъ газетахъ. Такова хронологія конкордата; всѣ прикладывавшіе къ нему руку заявляли о большихъ затрудненіяхъ, съ которыми было сопряжено его рожденіе. Главными лицами, которымъ Австрія непосредственно обязана приведеніемъ этого дѣла къ успѣшному окончанію, были Раушеръ и Тунъ. Прежде чѣмъ приступить къ изложенію задачъ, которыя имѣлъ въ виду конкордатъ, и способа рѣшенія этихъ задачъ, необходимо вникнуть въ характеръ этихъ дѣйствующихъ лицъ и объяснить, какъ ихъ отношенія другъ къ другу, такъ ихъ отношенія къ другому контрагенту—римской куріи, которая не уронила въ этомъ дѣлѣ своей дипломатической славы и которой дѣйствія представляютъ верхъ совершенства и образецъ искусства.

Іосифъ Отмаръ риттеръ фонъ-Раушеръ (род. въ 1797 г.) есть безъ сомнѣнія одинъ изъ самыхъ умныхъ и образованныхъ австрійскихъ іерарховъ. Свою карьеру онъ началъ съ профессорской каѳедры: сначала преподаватель духовнаго права и исторіи

въ Зальцбургѣ, потомъ съ 1832 г. директоръ восточной академіи послѣ знаменитаго оріенталиста Гаммера, онъ только въ мартѣ 1849 г. сдѣланъ былъ епископомъ Секаускимъ въ Штиріи; съ тѣхъ поръ, хотя младшій по времени назначенія, онъ сдѣлался душою всѣхъ епископскихъ съѣздовъ, редакторомъ всѣхъ постановленій, и въ мартѣ 1853 никто не сочтенъ достойнѣе его занять княжескій архіепископскій престолъ въ Вѣнѣ. Раушеръ обладалъ въ высокой степени качествомъ, необходимымъ для предводителя партіи: большою послѣдовательностью въ дѣйствіяхъ. Онъ не мѣнялся какъ другіе, видѣлъ всегда ясно цѣль, къ которой стремился и подбиралъ средства разборчиво и мѣтко. Будучи нѣмцемъ по рожденію, онъ никогда не доходилъ до того, чтобы изъ ненависти къ современной культурѣ и сильному этой культурой нѣмецкому бюргерству кидаться въ объятія славяно-клерикальной коалиціи. Впослѣдствіи, при конституціонномъ правленіи, онъ былъ всегда изъ вѣрно-конституціонныхъ и изъ централистовъ и никогда не заигрывалъ съ федералистами, чтобы при помощи ихъ низвергать либеральныя нѣмецкія министерства. Въ церкви онъ имѣлъ тоже свое отдѣльное мнѣніе, былъ противникъ ордена іезуитовъ, и до послѣдней возможности противился на римскомъ соборѣ догмату непогрѣшимости папы, печаталъ въ Неаполѣ во время собора брошюру, направленную противъ этого догмата, и весьма долгое время медлилъ съ обнародованіемъ буллы о непогрѣшимости, несмотря на ропотъ въ іезуитскихъ кружкахъ. Степенная важность и сдержанность Раушера ставили его несравненно выше грубыхъ нахаловъ, въ родѣ Ридигера или восторгающихся мистиковъ и сангвиниковъ-зилотовъ. Взглядъ у него на вещи и людей былъ трезвый, гораздо болѣе политическій, нежели у его товарищей, и былъ онъ изъ породы тѣхъ духовныхъ владыкъ, которыми изобилуетъ исторія Испаніи, Франціи, Австріи и которые умѣли твердою и опытною рукою держать кормило правленія. Но, съ другой стороны, знаніе и государственныя дарованія Раушера дѣлали его для либерализма и культуры гораздо опаснѣе всякихъ Ридигеровъ и всякихъ зилотовъ. Гораздо умнѣе ихъ, свѣдущѣе, дальновиднѣе и хладнокровнѣе, онъ стремился въ сущности къ тому же самому къ чему и они: онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова клерикалъ, обскурантъ, фанатикъ, поклонникъ законченной догмы, безусловнаго церковнаго авторитета; вотъ почему во всѣхъ позднѣйшихъ баталіяхъ сеймоваго времени, въ которыхъ католицизмъ сражался съ духомъ вѣка, Раушеръ стоялъ въ первомъ ряду бойцовъ, вкупѣ со всѣми обскурантами и зилотами, и сражался за права папы, за конкордатъ и даже за іезуитовъ.

Раушеръ скорѣе другихъ понялъ необходимость ковать желѣзо пока оно горячо и дáлъ съ большимъ искусствомъ толчокъ переговорамъ о конкордатѣ. Въ Римъ онъ явился, какъ представитель самыхъ задушевныхъ мыслей государя по церковному вопросу, какъ лицо, пользующееся полнымъ его довѣріемъ и имѣющее полную довѣренность на заключеніе конкордата. Нельзя сказать, чтобы, двигая это дѣло, Раушеръ былъ свободенъ отъ личныхъ честолюбивыхъ и властолюбивыхъ разсчетовъ. Съ тѣхъ поръ какъ Венгрія, разчлененная на области, была развѣнчана, можно было предполагать, что какъ въ политическомъ, такъ и въ церковномъ отношеніи она потеряла всякую свою особность, что упразднится достоинство венгерскаго примаса, присвоенное по венгерской конституціи гранскому архіепископу. На вакантныя мѣста епископскія назначались ненавистные германизаторы и фанатики, въ родѣ Гайнальда, Кунцта, Гааса, попиравшихъ права венгерской церкви. Гранскимъ архіепископомъ сдѣланъ словакъ Сцитовскій, котораго славянское происхожденіе должно было служить ручательствомъ, что онъ не омадьярится (въ чемъ однако правительство ошиблось, какъ обнаружилось впослѣдствіи). По распоряженію Баха, Сцитовскому воспрещено пользоваться примасовскимъ крестомъ, а жандармы Кемпена не допускали поднимать при крестныхъ ходахъ хоругви съ тремя національными цвѣтами венгерскими. При такихъ обстоятельствахъ Раушеръ надѣялся, что ему удастся сдѣлаться всеавстрійскимъ примасомъ, главою всеавстрійской католической церкви. Въ этихъ замыслахъ Раушеръ прежде всего потерпѣлъ неудачу. Сцитовскій, спутникъ его въ путешествіи, имѣлъ также долю честолюбія, которую скрывалъ дома и въ Вѣнѣ, но которую могъ проявить втихомолку въ Римѣ, осыпая папу и кардиналовъ просьбами о томъ, чтобы не были умалены «старинныя права венгерской церкви». За эти ходатайства Сцитовскій получилъ высочайшій выговоръ, объявленный ему чрезъ Туна, но тѣмъ не менѣе, цѣль Сцитовскаго была достигнута, подозрѣнія куріи возбуждены (она никогда не любила образованія обширныхъ національныхъ церквей и приматствъ), и о всеавстрійскомъ приматствѣ не могло быть потомъ и рѣчи. Но этимъ не ограничилась неудача Раушера: ему не везло и въ остальномъ, и работа не спорилась, наталкиваясь поминутно на препятствія; роды были трудные, такъ что послѣ многихъ мѣсяцевъ переговоровъ не видѣлось еще конца. Главною, рѣшающею вопросъ силою были іезуиты, съ которыми Раушеръ не былъ въ особенно близкихъ отношеніяхъ. Римская курія входила, по своему обыкновенію, въ роль власти, къ которой обращаются съ прось-

бами о содѣйствіи и которая не торопится соглашаться на просимое, и недовольствуясь дѣлаемыми ей предложеніями, требуетъ гораздо бóльшаго. Эта точка зрѣнія, съ которой всякія жертвы со стороны государства разсматриваются какъ исполненіе долга, какъ дань, выразилась потомъ въ рѣчи Пія IX, произнесенной въ консисторіумѣ 3-го ноября 1855 г., въ которой про Франца-Іосифа говорилось слѣдующее: «онъ обратился къ намъ съ настоятельнѣйшею просьбою войти съ нимъ въ соглашеніе, посредствомъ котораго онъ бы могъ устроить церковныя дѣла своего государства и дѣятельнѣе споспѣшествовать духовному благу своихъ подданныхъ, силою нашей апостольской власти». Соглашенію придаваемъ былъ видъ, что оно есть только освобожденіе и приведеніе въ должное положеніе церкви, которая была стѣсняема и почти гонима. Даже и послѣ конкордата римскій дворъ не считалъ себя вполнѣ и окончательно удовлетвореннымъ, и Пій IX говорилъ, въ 1856 г., Сен-Пёльтенскому епископу Фесслеру: «приведеніе въ исполненіе конкордата не обойдется безъ затрудненій со стороны привычки не уважать церковные законы, со стороны господствующаго у бюрократовъ предубѣжденія, что церковь мѣшается въ свѣтскія дѣла, со стороны преувеличивающихъ все безбожниковъ». Раушеръ, который предвидѣлъ, что ему будетъ не легко проводить конкордатъ въ государственномъ совѣтѣ, что, можетъ быть, для заглушенія оппозиціи надо будетъ прибѣгнуть къ личной волѣ монарха и его повелѣнію, жаловался на то, что въ Римѣ смотрятъ на дѣло слишкомъ отвлеченно и не знаютъ мѣстныхъ отношеній. Съ другой стороны, римскіе святители и дипломаты были о Раушерѣ такого мнѣнія, что онъ уменъ, но что ему недостаетъ основательнаго знанія церковнаго права. Въ окончательномъ результатѣ оказалось, что римскій дворъ и іезуиты гораздо вѣрнѣе оцѣнивали положеніе, нежели Раушеръ, что не только рѣзкой, но и никакой оппозиціи въ вѣнскомъ государственномъ совѣтѣ не испыталъ конкордатъ, и что у нихъ подъ рукою явился человѣкъ, гораздо болѣе Раушера склонный на всѣ уступки, на всякое угодничество, а именно Тунъ, къ котораго характеристикѣ мы должны теперь перейти. По всѣмъ почти пунктамъ Раушеръ долженъ былъ подчиниться, долженъ былъ терпѣть, что самыя существенныя оговорки и требованія государства были вычеркнуты папою изъ проекта съ замѣчаніемъ: *sapit iosephinismum* (пахнетъ іозефинствомъ), долженъ былъ довольствоваться наконецъ тѣмъ, что всѣ условія государства и соглашенія между нимъ и церковью относительно того, какъ понимать, толковать и примѣнять постановленія конкордата, были

помѣщены въ особой нотѣ, начинающейся словомъ: Ecclesia, такъ какъ въ конкордатѣ имъ, будто бы, не подобало находиться, и эта нота за подписью Раушера, помѣченная однимъ съ конкордатомъ числомъ (18-го августа 1855 г.), была передана, по порученію императора Раушеромъ папскому нунцію въ Вѣнѣ монсиньору Віале Преля. Оба представителя контрагентовъ, Раушеръ и нунцій, получили отъ императора большой крестъ ордена св. Стефана; изъ нихъ Раушеръ получилъ потомъ отъ папы кардинальскую шляпу.

Другой человѣкъ, претендовавшій съ меньшимъ однако правомъ, нежели Раушеръ, на званіе отца конкордата, былъ графъ Лео Тунъ, одинъ изъ именитѣйшихъ и богатѣйшихъ богемскихъ аристократовъ. Рѣдко наружность человѣка была болѣе обманчива, нежели у Туна. Въ рѣзкихъ чертахъ лица, въ зычномъ тонѣ рѣчи звучали, повидимому, сама откровенность, непреклонное убѣжденіе и самая энергическая воля. Въ сущности, въ основаніи характера Туна лежала только одна глубоко врѣзавшаяся черта: безусловная преданность интересамъ своей касты; все остальное было заимствованное, напускное, такъ что на дѣлѣ графъ Тунъ отстаивалъ всегда и съ азартомъ только свое послѣднее, новѣйшее убѣжденіе, но изобличить его въ непослѣдовательности не было возможности, потому что все, что́ онъ сдѣлалъ, даже свои отступленія и зигзаги, отстаивалъ онъ съ неподражаемымъ упрямствомъ, и изъ словъ его всегда выходило, что онъ одинъ только былъ правъ, а все зло случилось оттого, что его не послушали. Тунъ, родившійся 1811 г., началъ свою общественную дѣятельность въ то время, когда національное чешское движеніе было въ своей литературной фазѣ, въ полномъ процвѣтаніи и разгарѣ; Тунъ сдѣлался панславистомъ и преломилъ копье за славянъ, противъ нѣмцевъ и мадьяръ въ брошюрѣ, изданной въ 1842 г. на нѣмецкомъ языкѣ: «О современномъ состояніи чешской литературы и ея значеніи», и въ послѣдующемъ затѣмъ по поводу этой брошюры литературномъ турнирѣ съ мадьярскимъ публицистомъ Пульскимъ. Брошюра надѣлала болѣе шуму по имени автора, нежели по содержанію, но она поставила Туна въ ряду ревнителей славянства до того момента, когда славянству пришлось явиться въ 1848 г. на политической аренѣ. Эта волна національнаго чешскаго движенія выдвинула и Туна, который очутился начальникомъ гражданскаго управленія въ Богеміи (Gubernialpräsident). Здѣсь онъ держался съ начала мая до іюля, лавируя между національнымъ комитетомъ, котораго демократическимъ стремленіямъ онъ нехотя поддавался, конститу-

ціоннымъ министерствомъ Пиллерсдорфа въ Вѣнѣ, отъ котораго онъ нѣсколько разъ пытался отложиться, и императорскимъ дворомъ, бѣжавшимъ въ Иннспрукъ, которому онъ предлагалъ свои услуги. Во время бурныхъ іюньскихъ дней его захватили въ свои руки пражскіе студенты, такъ что Виндишгрецу пришлось его освобождать. Вступивши въ кабинетъ, Тунъ на первыхъ порахъ сочинялъ еще либеральныя школьныя реформы и примѣнялъ къ Австріи прусскіе школьные уставы. Но эта маска носима была не долго, и Тунъ обнаружилъ себя не только ближайшимъ пріятелемъ и угодникомъ католическаго духовенства, передающимъ ему охотно въ руки все народное воспитаніе, а также тѣснителемъ протестантовъ, и вмѣстѣ ярымъ германизаторомъ даже въ славянскихъ земляхъ. Независимо отъ лишенія протестантскихъ училищъ всякихъ преимуществъ и подчиненія ихъ инспекторамъ католическихъ училищъ, независимо отъ запрещенія въ школахъ «раціоналистическихъ учебниковъ» закона Божія и удаленіе изъ гимназій учителей, пропитанныхъ духомъ Гегелевой системы, содѣйствовавшей «въ новѣйшее время своими разрушительными стремленіями къ потрясенію государства и церкви», Тунъ обратилъ (1850) въ нѣмецкія учебныя заведенія евангелическій лицей и римско-католическую академію въ Пресбургѣ, чѣмъ вызвалъ такое озлобленіе между мѣстными словаками, не говоря уже мадьярахъ, что архіепископъ Сцитовскій поднялся ѣхать съ депутаціею въ Вѣну жаловаться императору. Тунъ ввелъ въ школы ломбардо-венеціанскія обязательное преподаваніе нѣмецкаго языка и литературы (1852), замѣнилъ чешскій языкъ нѣмецкимъ во всѣхъ училищахъ Богеміи (1853), и предписалъ всѣ предметы читать по-нѣмецки въ краковскомъ университетѣ (1854). По распоряженію Туна не только послѣдовало строжайшее очищеніе заведеній отъ неблагонадежныхъ преподавателей, но и классическія книги: Виргилій, Одиссея и др. были процензурованы, обрѣзаны, съ исключеніемъ изъ нихъ соблазнительныхъ мѣстъ, и въ такомъ видѣ введены въ преподаваніе. Сначала въ Венгріи, а потомъ въ Богеміи, гимназіи были подчинены непосредственно мѣстнымъ епископамъ, относительно не только каѳедръ закона Божія, но и надзора за духомъ и направленіемъ всего преподаванія вообще. Но самою характеристическою чертою управленія Туна, по вѣдомству народнаго просвѣщенія, была его исполненная нѣжнѣйшей заботливости предупредительность въ отношеніи къ ордену іезуитовъ, которые были изгнаны изъ Австріи указомъ 7-го мая 1848 г., во время разгара революціи, возстановлены опять въ свои прежнія права указомъ 23-го іюня 1851 г.,

и сдѣлались при измѣнившихся обстоятельствахъ гораздо сильнѣе, чѣмъ когда-либо въ былыя времена. Конечно, не одинъ Тунъ повиненъ тому, что іезуиты возвратились. Разсказываютъ, что когда въ 1852 г. Францъ-Іосифъ, во время своей венгерской поѣздки, гостя́ у архіепископа Сцитовскаго въ Гранѣ, осматривалъ галерею портретовъ примасовъ Венгріи, то по поводу одного изъ этихъ портретовъ, на которомъ изображенъ былъ Пазманъ, нѣкогда іезуитъ, а потомъ примасъ, императоръ замѣтилъ: «отъ іезуитовъ жду я воспитанія юношества въ католическомъ духѣ, потому-то я ихъ и возстановилъ». Тогда Сцитовскій просилъ позволенія пригласить двухъ или трехъ іезуитовъ въ Тарнау, на что́ получилъ отвѣтъ: «двухъ или трехъ мало, имъ надо передать многія школы и дать отправлять миссіи». При такомъ расположеніи къ іезуитамъ со стороны верховной власти, понятно, что епископы спѣшили наперерывъ, одни передъ другими, зазывать къ себѣ черную братью, послѣдователей Лойолы, и что потомъ ихъ были цѣлыя сотни въ Галиціи, Тиролѣ, Вѣнѣ, наконецъ въ Венгріи, гдѣ іезуиты совсѣмъ не появлялись со временъ высылки ихъ при Іосифѣ II послѣ закрытія ордена папою Климентомъ XIV (1773), потому что появленію ихъ вновь сильнѣйшимъ образомъ противились протестанты, палатинъ и всѣ вообще сословія. Іезуиты основали конвентъ въ Тирновѣ, большія коллегіи въ Калочѣ и Сатмарѣ, наконецъ свили себѣ прочное гнѣздо въ Пресбургѣ, гдѣ покровитель ихъ магистръ нѣмецкаго ордена Максимиліанъ герцогъ Эсте подарилъ имъ дворецъ, въ которомъ они устроили семинарію. При такомъ общемъ настроеніи въ пользу іезуитовъ, Тунъ не хотѣлъ отставать отъ другихъ, и открылъ переговоры съ орденомъ (ноябрь, 1853 г.) о томъ, насколько орденъ, если бы ему предложили взять въ свое вѣдѣніе нѣсколько австрійскихъ гимназій, могъ бы сообразоваться съ существующими узаконеніями (т.-е., съ только-что испеченнымъ гимназическимъ уставомъ 1851 г.), или насколько требовалъ бы онъ, въ противномъ случаѣ, измѣнить эти узаконенія и сдѣлать изъ нихъ изъятія. Но генералъ ордена, патеръ Бексъ, вовсе не былъ намѣренъ проникать заднимъ ходомъ, куда онъ надѣялся войти съ парадной лѣстницы; онъ заставилъ ждать Туна полгода и поставилъ въ своемъ отвѣтѣ вопросъ слѣдующимъ образомъ. Исходный пунктъ его отвѣта заключался въ томъ, что если іезуиты возстановлены, то вмѣстѣ съ тѣмъ возстановлена ихъ система воспитанія, ихъ знаменитая *ratio studiorum*, съ ея классицизмомъ и преподаваніемъ на латинскомъ языкѣ, съ зависимостью преподавателей только отъ ордена, съ полнымъ устраненіемъ всякаго правительствен-

наго контроля и всякихъ испытаній для учителей, однимъ словомъ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ выработалась эта педагогическая система 300 лѣтъ тому назадъ. Повторилось такимъ образомъ знаменитое изреченіе: «sint ut sunt, aut non sint», и предложено Австріи либо взять въ преподаватели іезуитовъ, какъ они есть, либо совсѣмъ отказаться отъ содѣйствія этого уважаемаго церковью ордена. Соглашеніе не могло на этотъ разъ состояться; Тунъ выразилъ надежду, что оно состоится со временемъ, а между тѣмъ, въ видѣ опыта, онъ безъ всякихъ условій предоставилъ іезуитамъ сначала гимназію въ Рагузѣ, которою со временъ маршала Мармона (1808) завѣдывали піаристы, замѣщенные теперь орденомъ Лойолы, а потомъ и многія другія гимназіи. При введеніи іезуитовъ въ Рагузу обнаружилось, какъ мало былъ Тунъ самостоятеленъ даже и въ своей германизаціи преподаванія. Далмація, какъ извѣстно, есть страна славянская, прикрытая тонкимъ культурнымъ слоемъ итальянскимъ; мѣстныхъ морлаховъ заѣдаютъ влахи; нѣмецкій элементъ въ преподаваніи былъ бы тамъ полезенъ для славянства, какъ противовѣсъ итальянству. Но напрасно намѣстникъ Далмаціи, баронъ Мамуля, испросившій передачу гимназій іезуитамъ, просилъ о присылкѣ учителей изъ нѣмецкихъ іезуитовъ; напрасно Тунъ самъ распорядился предписаніемъ о преподаваніи на нѣмецкомъ языкѣ. Патеръ Бексъ, ненавидѣвшій нѣмецкій языкъ, отклонилъ всякія просьбы и предписанія подъ предлогомъ неимѣнія преподавателей-нѣмцевъ, и министръ долженъ былъ отступить отъ своихъ распоряженій, выразивъ только надежду, что со временемъ орденъ найдетъ средства исполнить его требованія, надежду, въ которой Бексъ, конечно, не торопился его разувѣрить, и которая оказалась совершенно напрасною. Орденъ вполнѣ постигъ человѣка, который совокупно съ Раушеромъ работалъ надъ конкордатомъ, съ необыкновенною услужливостью устранялъ, въ угоду римской куріи, всякія возраженія и препятствія, и исполнялъ малѣйшія пожеланія куріи. Содержаніе этого трактата, состоящаго изъ 36 статей опубликованныхъ и множества соглашеній и условій секретныхъ и неопубликованныхъ, и перемѣны произведенныя имъ въ отношеніи церкви къ государству, заключались въ слѣдующемъ:

Ст. 1-я конкордата обезпечиваетъ навсегда за *святою* римско-католическою вѣрою въ цѣлой Австріи и всѣхъ ея частяхъ всѣ тѣ права и преимущества, какими она должна пользоваться *по установленію божескому и церковнымъ законамъ*; статья же 35-я отмѣняетъ всѣ прежніе государственные законы, противные

конкордату, который становится на ихъ мѣсто, какъ государственный законъ. Въ случаяхъ могущихъ возникнуть затрудненій, императоръ войдетъ въ сношеніе съ папою для полюбовнаго разрѣшенія вопроса. Каноническое право, въ цѣломъ его объемѣ, вошло въ силу въ Австріи посредствомъ этихъ статей и сдѣлалось основнымъ государственнымъ закономъ. Каноническое право есть безбрежное и бездонное море; оно состоитъ изъ вѣками накопившагося матеріала, начиная съ вселенскихъ соборовъ и кончая новѣйшими постановленіями соборовъ и папъ. Такъ какъ притязанія церкви были и суть безпредѣльны, то нѣтъ вопроса церковнаго права, по которому бы существовало полное единогласіе между государствомъ и церковью. Защищаясь отъ церковныхъ притязаній, выведенныхъ изъ божескаго установленія, государство ограждало себя искусственными межами, заключающимися въ томъ, что оно процѣживало церковные законы сквозь фильтръ законодательства свѣтскаго и не пропускало къ обнародованію и исполненію тѣхъ изъ соборныхъ и папскихъ постановленій, которыя оно признавало несовмѣстимыми съ государственнымъ порядкомъ. Конкордатъ запахалъ эти межи; статья 2-я конкордата предоставляетъ апостольской столицѣ полную свободу общенія съ епископами, духовенствомъ и народомъ, а статья 3-я предоставляетъ точно такую же свободу общенія каждому епископу въ предѣлахъ его епархіи, съ правомъ издавать поученія и постановленія по церковнымъ дѣламъ, созывать епархіальные синоды, и разрѣшаетъ епископамъ съѣзжаться въ провинціальные соборы и публиковать ихъ постановленія (пунктъ *e* ст. 4-я). Автономія церкви дана, такимъ образомъ, неограниченная и полная, и притомъ такая, которая, при нынѣшнихъ условіяхъ, немыслима ни для одной изъ церквей ни въ одномъ изъ современныхъ государствъ. Если это полное церковное самоуправленіе мелькаетъ нынѣ, какъ отдаленный идеалъ, къ которому идетъ медленными шагами современная культура, то нельзя не признать, что осуществленіе его возможно только при слѣдующихъ условіяхъ: а) чтобы эта автономія была совершенно одинаковая для всѣхъ, безъ изъятія, вѣроисповѣданій, какъ уже сложившихся, такъ и возникающихъ вновь; б) чтобы она вытекала изъ полнаго разобщенія церквей съ государствомъ, причемъ государство признало бы, что ему нѣтъ дѣла до того, что̀ происходитъ внутри того или другого вѣроисповѣданія, но не оказывало бы никакому изъ нихъ никакого преимущества, никакой матеріальной поддержки; в) наконецъ, чтобы всѣ вѣроисповѣданія, не какъ церкви, а просто какъ общества и наравнѣ со всякими другими обще-

ствами, преслѣдующими цѣли научныя, художественныя и другія, подчинялись съ внѣшней стороны нормѣ государственнаго закона. Осуществленіе автономіи даже и при этихъ условіяхъ возможно не сразу; допустимъ, что имѣется страна, въ которой римскій католицизмъ весьма силенъ; понятно, что если ввести разомъ автономію прежде, чѣмъ другія вѣроисповѣданія сплотились и сдѣлались способными давать отпоръ римскому католицизму, сей послѣдній, въ силу своей превосходной организаціи, раздавитъ ихъ, будучи разнузданъ, и угнететъ ихъ подъ видомъ равноправности и свободы, послѣ чего захватитъ въ свои руки самую государственную власть. Но конкордатъ вводилъ автономію при полномъ отсутствіи всѣхъ вышеуказанныхъ условій. Всѣ другія вѣроисповѣданія оставались скованы и подъ государственною опекою, освобождался только римскій католицизмъ; онъ одинъ господствуетъ, чествуется и охраняется свѣтскою властью государства.

По ст. 16-й, императоръ не допуститъ, чтобы римско-католическая церковь, ея вѣра, богослуженіе, установленія были поносимы дѣломъ, словомъ, письмомъ; чтобы ея служители были останавливаемы при исполненіи своихъ обязанностей, при огражденіи ими вѣры, нравственности и церковнаго порядка. Государство дѣлается исполнителемъ церковныхъ рѣшеній и обязано оказывать матеріальное содѣйствіе при исполненіи епископскихъ приговоровъ о духовныхъ лицахъ, виновныхъ въ преступленіяхъ противъ церкви (ст. 16-я). Такъ какъ въ ст. 11-й, разрѣшающей епископамъ заключать провинившихся духовныхъ въ монастыряхъ и иныхъ помѣщеніяхъ, предоставлено тѣмъ же епископамъ подвергать церковнымъ наказаніямъ и мірянъ, преступающихъ церковные законы и распоряженія, то можно было заключить, что свѣтская власть будетъ исполнять принудительно церковныя эпитеміи и надъ мірянами, между тѣмъ какъ до конкордата никакія церковныя наказанія не могли имѣть мѣста безъ соизволенія на нихъ свѣтской власти. Можно было бы ожидать, что по началу *взаимности* признана будетъ со стороны церкви по крайней мѣрѣ подсудность духовныхъ, какъ гражданъ, суду свѣтскому государства. Эта возможность на первый взглядъ какъ будто бы допущена, конечно, не въ видѣ логическаго принципа, но въ видѣ уступки со стороны церкви духу вѣка. Въ виду обстоятельствъ времени (Zeitverhältnisse), апостольская столица, по 13-й ст., соизволила на то, чтобы духовныя лица судились свѣтскимъ судомъ по своимъ чисто свѣтскимъ дѣламъ, каковы дѣла: о собственности, долгахъ, договорахъ, на-

слѣдствѣ и даже, по ст. 14-й, въ уголовныхъ дѣлахъ о преступленіяхъ и проступкахъ, караемыхъ по законамъ имперіи. Безчисленными оговорками и смягченіями ограждена была эта уступка, слѣдственное дѣло должно быть сообщаемо предварительно епископу, въ тюрьмѣ священники содержатся отдѣльно, съ должнымъ ихъ званію уваженіемъ, вмѣсто тюрьмы заключаются въ монастырь. При подобныхъ условіяхъ, тюремное заключеніе могло превращаться въ пріятное препровожденіе времени, въ чемъ и убѣдилось впослѣдствіи одно изъ министерствъ послѣдующаго конституціоннаго періода (такъ-называемое бюргерское): оно преслѣдовало неподчиняющихся закону священниковъ, ихъ приговаривали суды, но осужденный, претерпѣвъ, при всѣхъ удобствахъ и комфортѣ, заключеніе, награждаемъ былъ, по отбытіи наказанія, болѣе доходнымъ приходомъ. Но изъ уступки сдѣлано еще изъятіе, которое подсудность духовенства ставитъ въ иномъ видѣ и свѣтѣ. Въ статьѣ 14-й сказано, что она не простирается на дѣла, о которыхъ состоялось постановленіе въ 24-мъ засѣданіи тріентскаго собора (с. 5 de reforma), а въ этомъ постановленіи содержится правило, что епископа, обвиняемаго въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи (causae graviores), судитъ папа на основаніи слѣдствія, производимаго, по его назначенію, коммиссіею изъ епископовъ и прелатовъ, а въ меньшей важности преступленіяхъ епископы судятся мѣстными соборами. Такимъ образомъ, по прямому смыслу конкордата, епископамъ присвоено почти право внѣземельности, какимъ пользуются иностранные посланники, неудобосовмѣстимое съ формулою епископской присяги на вѣрность и послушаніе императору, съ прибавкою словъ: «какъ подобаетъ епископу», и, разумѣется, только по отношенію къ дѣламъ чисто свѣтскимъ (ст. 20-я). Какъ рѣшилось государство признать себѣ епископовъ совсѣмъ неподсудными? Какими оно заручилось гарантіями? Есть свѣдѣнія, что по поводу этой 14-й статьи состоялось какое-то секретнѣйшее, особое соглашеніе между императоромъ и папою, которое не было нигдѣ опубликовано, не сообщено судамъ и о которомъ только въ величайшей тайнѣ поставлены въ извѣстность областные намѣстники. Весь конкордатъ былъ обставленъ такими секретными письменными и даже устными соглашеніями и условіями. Когда, въ 1867 г., конституціонное министерство представило въ имперскій сеймъ списокъ статей и вопросовъ, по которымъ, по его мнѣнію, можно законодательствовать свободно, не стѣсняясь конкордатомъ, такъ какъ о нихъ въ конкордатѣ ничего не постановлено, кардиналъ Раушеръ заявилъ, что, въ силу своего полно-

мочія, онъ, при заключеніи конкордата, обязался именемъ императора, что никакой законъ, касающійся вѣроисповѣданія римско-католическаго или отношеній этого вѣроисповѣданія къ другимъ, не можетъ быть изданъ безъ предварительнаго соглашенія съ папою, хотя бы по предметамъ, незатрогиваемымъ вовсе конкордатомъ. Если этотъ сюрпризъ, всплывшій наружу только на двѣнадцатомъ году существованія конкордата, сопоставить съ 10-й ст., по которой всѣ дѣла церковныя, и въ томъ числѣ брачныя, предоставлены исключительно духовнымъ судамъ (такъ что свѣтскіе суды опредѣляютъ только гражданскія послѣдствія брака, но признаніе брака существующимъ зависитъ только отъ церкви) и въ которой сказано, что все остальное, не упомянутое въ конкордатѣ, касающееся церковныхъ лицъ и дѣлъ, должно быть отправляемо и разрѣшаемо во всемъ сообразно ученію церкви, то необходимо придти къ заключенію, что внутри свѣтскаго государства образовалось другое, церковное, самостоятельное, независимое, что государство свѣтское подчинилось этому церковному и отреклось въ пользу папы отъ существенной части своей верховной власти, отъ права, которое хранили монархи, какъ зѣницу ока въ средніе вѣка, законодательствовать по вопросамъ, касающимся вѣроисповѣданій, какъ обществъ, стоящихъ подъ щитомъ и охраною государства. Если послѣ того Австрія не погибла, если въ ней не была заглушена окончательно всякая свобода мысли, совѣсти, изслѣдованія, то этимъ она обязана только тому, что иго конкордата тяготѣло не долго—всего 13 лѣтъ (1855—1868), и что новѣйшая культура, съ ея нравами, оказываетъ пассивное, но несокрушимое сопротивленіе клерикальнымъ попыткамъ, возвращающимъ насъ въ средніе вѣка.

Чтобы противодѣйствовать распущенности нравовъ общества посредствомъ духовенства, надо было преобразовать сначала духовенство и потомъ уже мірянъ. Духовенство австрійское до-конкордатское нуждалось въ реформѣ, какъ высшее, такъ и низшее. Изъ 75-ти архіепископовъ и епископовъ, которые имѣлись тогда въ Австріи съ ея итальянскими владѣніями (64 р.-кат., 10 уніатскихъ, 1 арм.) нѣкоторые пользовались громадными доходами (не говоря о богатѣйшихъ венгерскихъ епархіяхъ, замѣтимъ, что архіепископъ ольмюцкій имѣетъ 119 т. гульденовъ, вѣнскій 59 тыс. гульд. чистаго дохода), между тѣмъ какъ оклады приходскихъ священниковъ на провинціи были не болѣе 420 гульд., а въ самой Вѣнѣ отъ 1545 до 840 гульд. Іосифъ II-й предполагалъ обложить епископовъ и архіепископовъ, имѣющихъ чистаго дохода болѣе 12 и 18 т. гульд., процентнымъ сборомъ въ

церковный фондъ на увеличеніе содержанія низшаго духовенства; но этотъ указъ, можно сказать, не исполняется, доходъ чистый ускользаетъ отъ контроля, а валовой разсчитывается донынѣ по люстраціямъ 1782 года. Всѣхъ почти епископовъ и архіепископовъ назначалъ императоръ, за исключеніемъ архіепископовъ зальцбургскаго и ольмюцкаго, избираемыхъ капитулами, епископовъ марбургскаго и секаускаго въ Штиріи, назначаемыхъ зальцбургскимъ архіепископомъ, и епископа гуркскаго въ Каринтіи, назначаемаго попеременно, то зальцбургскимъ архіепископомъ, то императоромъ. Замѣщеніе архіепископскихъ вакансій императоромъ ставило епископовъ въ положеніе административныхъ чиновниковъ и порождало искательство, погоню за мѣстами, при существованіи которой духовными владыками, канониками и прелатами дѣлались не тѣ, которые достойнѣе, но тѣ, которые имѣли либо болѣе протекціи, либо болѣе ловкости. Конкордатъ не улучшилъ состоянія низшаго духовенства. Ст. 26-я выразила только желаніе, чтобы въ будущемъ, по возможности, возвышены были оклады приходскихъ священниковъ въ мѣстахъ, гдѣ оно оказывается недостаточнымъ; священники остались при своихъ грошахъ, прелаты и епископы при своихъ десяткахъ и сотняхъ тысячъ, но положеніе священниковъ ухудшилось, потому что конкордатъ усилилъ до послѣднихъ предѣловъ власть епископскую, ослабивъ вмѣстѣ съ тѣмъ зависимость епископовъ отъ государства. По 19-й ст. конкордата, представленіе императоромъ кандидатовъ на епископскія вакансіи обусловлено тѣмъ, чтобы императоръ пользовался при выборѣ совѣтомъ епископовъ той же церковной области. По 25-й ст., на церковныя вакансіи, содержимыя изъ церковнаго или школьнаго фонда, императоръ, которому до сихъ поръ принадлежало полное право патронатства или выбора кандидата, долженъ съ тѣхъ поръ представлять епископу трехъ кандидатовъ, а епископъ выбираетъ изъ нихъ одного. Нота Ecclesia и папское бреве, отъ 5-го ноября 1855, предлагали, правда, епископамъ, при замѣщеніи всѣхъ вообще духовныхъ должностей, выбирать лицъ безупречныхъ въ политическомъ отношеніи; но исполнять это требованіе зависѣло отъ произвола епископовъ; оно не составляло никакого положительнаго обязательства церкви въ отношеніи къ государству. Страшная власть, предоставленная епископамъ по 11-й статьѣ подвергать подначальное имъ духовенство церковнымъ наказаніямъ, не была ослаблена, а скорѣе усилена словами ноты Ecclesia о томъ, что при обращеніи къ свѣтской власти за содѣйствіемъ при исполненіи надъ священникомъ церковнаго наказанія, императоръ

ожидаетъ, что епископы не откажутся отъ сообщенія правительству надлежащихъ объясненій. Смѣщеніе съ должности, запрещеніе священнодѣйствовать, равносильное отнятію всякихъ средствъ къ жизни, заточеніе, заключеніе стали теперь удѣломъ духовныхъ за малѣйшую провинность, за отсутствіе усердія, за дружбу съ протестантами, за либеральную проповѣдь. Въ началѣ 1868 г., во время преній въ палатѣ господъ о конкордатѣ, Тунъ высказалъ свой взглядъ на устройство церкви слѣдующими словами: «Церковь состоитъ изъ епископовъ, о томъ знаетъ всякій, кто занимался церковными дѣлами». Конкордатъ и былъ осуществленіемъ этой идеи о всемогуществѣ епископата по отношенію къ низшему духовенству, да еще другой о всемогуществѣ папы по отношенію къ епископамъ. Неисчислимы были послѣдствія новаго духа, который повѣялъ отъ конкордата на духовенство и который видоизмѣнилъ далеко не къ лучшему нравы и настроеніе этого духовенства. Своекорыстіе, сибаритизмъ, остались тѣ же, какъ и прежде, но они раскрывались въ прежнее время откровеннѣе и проще; теперь пропали и стушевались веселость нрава, довольство жизнью и мягкость, они уступили мѣсто желчной сектаторской нетерпимости и лицемѣрію. Людямъ простымъ и въ самомъ дѣлѣ благочестивымъ не было житья, не давалось ходу, за то процвѣтали и возвышались фанатики и ханжи. Уровень образованности и познаній въ духовенствѣ понизился; Раушеръ, хотя самъ ученый, не любилъ ученыхъ богослововъ; Ридигеръ просто глумился надъ ними и преслѣдовалъ ихъ съ остервененіемъ. Образцомъ священника считался простякъ, низкопоклонникъ въ отношеніи къ старшимъ, нахальный и грубый въ отношеніи къ мірянамъ, деспотически властвующій надъ необразованнымъ мужичьемъ. По командѣ такихъ священниковъ впослѣдствіи, въ конституціонный періодъ, мужичьё шло голосовать на выборы, какъ одинъ человѣкъ, и побивало или разгоняло палками сходки и собранія либераловъ. Епархіальныя семинаріи были безусловно изъяты отъ всякаго вмѣшательства правительства (ст. 17-я), отъ поступающихъ туда не требовалось никакихъ аттестатовъ объ окончаніи гдѣ-нибудь курса наукъ, вслѣдствіе чего утвердилось мнѣніе, что туда поступаютъ преимущественно ослы, которые бы не прошли ни въ какомъ учебномъ заведеніи. Преподавателей назначалъ и удалялъ епископъ по своему усмотрѣнію, удостовѣрившись въ вѣрѣ, знаніи и благочестіи кандидата. Богословскіе факультеты были преданы почти въ полное распоряженіе епископовъ (ст. 6-я конкордата и правила 8-го марта 1858 г.). Замѣщеніе каѳедръ должно происходить по

соглашенію епископа съ министромъ. Если таковое не состоится, открывается конкурсъ, въ которомъ епископъ заготовляетъ письменные вопросы соискателямъ, посылаетъ на пробную лекцію коммиссара, опять, совмѣстно съ министромъ, рѣшаетъ, кто изъ конкуррентовъ лучше, и обязанъ уступить только тогда, когда противъ избраннаго имъ лица заявлено министромъ сомнѣніе въ политической его благонадежности. Если этого сомнѣнія не заявлено, то участіе министра въ выборѣ профессора изъ конкуррентовъ дѣлается номинальнымъ, рѣшаетъ же этотъ выборъ епископъ въ силу 6-й статьи конкордата, которая гласитъ, что никто не можетъ ни въ какомъ заведеніи учить богословію, катехетикѣ или закону божію, кто не получилъ на то благословенія и полномочія отъ епископа, который можетъ во всякое время таковое полномочіе отнять. Свѣтъ и наука были принесены, такимъ образомъ, въ жертву практическимъ цѣлямъ простой и нехитрой дрессировки пастырей къ слѣпому и безусловному послушанію.

Церковь не только получила власть, но и состояніе ея значительно пріумножилось по конкордату. Австрійская церковь одна изъ богатѣйшихъ въ Европѣ; въ однихъ только коронныхъ земляхъ (Цислейтаніи) считается церковныхъ земель до 600,000 десятинъ, да до 220,000 десятинъ церковнаго и школьнаго фонда, итого 820,000 д., цѣною въ совокупности до 200 милліоновъ гульденовъ. Всѣ эти земли, по законамъ австрійскимъ, считались собственностью не юридическаго лица, церкви римско-католической вообще, но отдѣльныхъ приходовъ, монастырей, установленій; законодательство противодѣйствовало накопленію большой массы земель въ этой «мертвой рукѣ», даренія считались недѣйствительными, на пріобрѣтеніе покупкою или на принятіе отказа по завѣщанію необходимо было всякій разъ испрашивать разрѣшеніе правительства. Само управленіе церковнымъ имуществомъ принадлежало бо̀льшею частію священнику сообща съ выборными изъ прихожанъ, подъ наблюденіемъ декана или благочиннаго, и высшимъ надзоромъ правительства. Конкордатъ перевернулъ, такъ сказать, вверхъ дномъ всѣ эти отношенія. Однимъ почеркомъ пера уничтожена была вся работа Іосифа II по конфискаціи духовныхъ имѣній; ст. 31-ою признано, что имѣнія церковнаго и школьнаго фонда, по происхожденію своему, суть собственность церкви, должны быть управляемы именемъ церкви, порядкомъ, о которомъ послѣдуетъ соглашеніе между папою и императоромъ и подъ надзоромъ епископовъ. Притомъ, по отношенію ко всѣмъ церковнымъ имуществамъ, произошла замѣна

субъекта права; вмѣсто отдѣльныхъ церквей и установленій поставлено отвлеченное лицо *церковь*, олицетворяемая папою и представляемая епископами, распоряжающимися этими имуществами по приказаніямъ и въ интересахъ римскаго двора. Имъ, епископамъ, принадлежитъ и управленіе всѣми церковными имуществами, но они не могутъ ни продавать, ни отчуждать эти имущества. Государство такъ безусловно отреклось отъ всякаго своего участія въ завѣдываніи этимъ имуществомъ, что когда оно обратилось, послѣ погрома подъ Кёниггрецомъ и Садовою, къ епископамъ за матеріальнымъ пособіемъ, то получило ироническій отказъ, основанный на томъ, что они сожалѣютъ, если не могутъ помочь правительству вслѣдствіе того, что по конкордату имъ запрещено обременять церковныя имущества. Освободивъ все церковное отъ своего контроля и обязавшись еще помогать по возможности церкви деньгами (31 ст.), императоръ отмѣнялъ всякія стѣсненія, препятствовавшія умноженію владѣній мертвой церковной руки, и разрѣшалъ церкви свободно пріобрѣтать всякія недвижимости всякими способами, закономъ установленными, и опредѣлялъ, что эти владѣнія будутъ на вѣчныя времена неприкосновенны. Такъ какъ епископамъ предоставлено устанавливать празднества съ отпущеніемъ грѣховъ, церковныя процессіи (п. д. ст. 4), заводить всякіе духовные ордена и общества (ст. 28); такъ какъ религіозное чувство было теперь возбуждаемо всякими способами, дѣйствующими сильно на воображеніе массъ великолѣпіемъ обрядовъ, проповѣдями, учрежденіемъ безчисленныхъ братствъ между юношествомъ и рабочими, то понятно, что дары, приношенія, пожертвованія, вклады потекли обильною рѣкою. Клостернейбургскіе бенедиктинцы купили въ Венгріи въ 1855 г. огромное имѣніе Несипи за 800,000 г., іезуиты — имѣніе Годфруа въ Мауэрѣ, близъ Вѣны, за 65,000 и т. под. Задача епископовъ состояла въ томъ, чтобы часть этихъ богатыхъ приношеній направляема была въ Римъ не въ видѣ скудной лепты св. Петра, но въ видѣ постояннаго и обильнаго источника дохода. Въ этомъ пунктѣ прямой интересъ епископата сталкивался съ интересомъ богатыхъ монастырей, въ которыхъ монахи жили почти въ княжескихъ достаткахъ, а аббаты часто знать не хотѣли епископской власти. Такъ какъ теперь самостоятельность монастырей пропадала и собственность ихъ утопала въ собственности церкви, то въ общемъ интересѣ и римскаго двора и епископовъ приступлено было къ обревизованію монастырей епископами, которые очень были рады возможности укротить аббатовъ и пополнить монастырскими деньгами всегда нуждающуюся въ средствахъ папскую казну.

При такой ревизіи, произведенной Ридигеромъ въ бенедиктинскомъ монастырѣ въ Мёлькѣ, визитаторъ собственными руками ощупывалъ рубаху у одного изъ самыхъ почтенныхъ монаховъ— у извѣстнаго историка, съ тѣмъ, чтобы показать, что эта рубаха слишкомъ тонка по монастырскому уставу. Базиліанскіе монахи въ Галиціи должны были откупиться отъ ревизій уплатою папѣ 60 тысячъ гульденовъ. Наконецъ, конкордатъ открывалъ римскому двору еще одну чрезвычайно доходную статью. Дѣла брачныя судили духовные суды, а по каноническому праву бракъ воспрещенъ до восьмой степени родства; папскія буллы воспрещали всякіе смѣшанные браки съ иновѣрцами, какъ противные законамъ Бога и природы, но и то, и другое препятствіе устранялись диспенсами, разрѣшеніями, которыя стоили многихъ тысячъ гульденовъ; еще дороже обходились разводы между супругами. Такова была закулисная финансовая сторона конкордата, довольно грязная и весьма невыгодная для государства.

Остается обозрѣть устанавливаемыя конкордатомъ новыя точки соприкосновенія общества духовнаго со свѣтскимъ и новые пути, открытые духовенству къ подчиненію себѣ міряпъ. Выше было упомянуто о церковныхъ эпитиміяхъ; онѣ влекли за собою весьма чувствительныя гражданскія послѣдствія, лишеніе права быть свидѣтелемъ, повѣреннымъ. Появились примѣры отлученій отъ церкви. Въ силу п. е., ст. 4 конк., духовенству предоставлено устраивать похороны по церковному обряду. Изъ примѣненія этой статьи возникъ поднятый 1856 г. Раушеромъ кладбищенскій вопросъ: духовенство не хотѣло по-христіански хоронить убитыхъ на дуэли, не допускало хоронить не-католиковъ на общинныхъ кладбищахъ. Тунъ присоединился къ Раушеру по этому вопросу, и рѣшено, что католическій священникъ не долженъ ни въ какомъ случаѣ присутствовать при похоронахъ не-католика, даже какъ частное лицо, не въ облаченіи церковномъ, что кладбище есть принадлежность церкви, и гдѣ есть иновѣрческое кладбище, тамъ ни подъ какимъ видомъ нельзя на римско-католическомъ хоронить иновѣрцевъ; что гдѣ нѣтъ особаго кладбища для иновѣрцевъ, тамъ для нихъ должно быть отведено особое отгороженное мѣсто (въ циркулярѣ Бриксенскаго епископа сказано еще типичнѣе: особое мѣсто для не-католиковъ, отлученныхъ отъ церкви и самоубійцъ). При похоронахъ не-католика запрещено звонить въ католическихъ церквахъ въ колокола. Статьею 9-ю конкордата тяжелая рука церкви наложена на печать; въ этой статьѣ сказано, что епископы будутъ имѣть полную власть указывать на книги, вредныя для религіи и нравственности, и

удерживать вѣрующихъ отъ чтенія этихъ книгъ; правительство, съ своей стороны, употребитъ *всякія цѣлесообразныя* средства, чтобы подобныя книги не находились въ обращеніи. Хотя въ нотѣ Ecclesia Раушеръ заявилъ, что въ числѣ *всякихъ* средствъ въ статьѣ 9-й не должна быть разумѣема предварительная цензура, которая, по своей дознанной неуспѣшности, навсегда въ Австріи отмѣнена; хотя потомъ въ циркулярѣ Туна къ намѣстникамъ были приводимы тѣ мысли, что указанія епископовъ налагаютъ только долгъ совѣсти на вѣрующихъ, что правительство не можетъ считать себя простымъ исполнителемъ церковныхъ запретовъ, что всякій разъ, когда къ нему обращено требованіе епископовъ, оно должно взвѣсить, насколько это требованіе исполнимо на основаніи существующихъ законовъ, но эти оговорки и объясненія мало помогали дѣлу. Связанное конкордатомъ правительство, по совѣсти, обязано было арестовать всякія книги по первому требованію, и даже съ трудомъ могло отговариваться отъ возстановленія предварительной цензуры, если бы епископы дружно настаивали на томъ, что для противодѣйствія безвѣрію необходима перемѣна самихъ существующихъ законовъ, заключающихся въ постановленіяхъ предварительной цензуры. Несмотря на уступчивость правительства, оно не было въ состояніи избѣжать столкновеній съ епископами по цензурному вопросу, и это обнаружилось вскорѣ по слѣдующему случаю. Первое употребленіе, какое сдѣлано было изъ конкордата ломбардо-венеціанскими епископами, состояло въ томъ, что съѣхавшись въ Ро, близъ Милана, и сговорившись на этомъ синодѣ, они открыли посредствомъ пастырскихъ посланій, въ началѣ 1856 г., крестовый походъ противъ печати. Миланскій архіепископъ, а за нимъ и другіе, опубликовали въ газетахъ свои приказы типографамъ, книгопродавцамъ и издателямъ, какъ сынамъ церкви, представлять на предварительный просмотръ всѣ рукописи и книги, предназначаемыя къ печати или перепечаткѣ, и всѣ книги, приходящія изъ-заграницы. Въ посланіи венеціанскаго патріарха было заявлено, по отношенію къ протестантамъ, что государи, покровительствующіе этому ученію, являются «отступниками отъ Бога». Министерство отмѣнило эти епископскія распоряженія, какъ незаконныя, но въ отвѣтъ на эту мѣру бергамскій епископъ назвалъ въ посланіи свободу печати «дѣломъ сатаны», а миланскій архіепископъ опубликовалъ въ газетахъ слѣдующія четыре положенія: 1) предварительный просмотръ сочиненія, предназначаемаго къ изданію, есть долгъ совѣсти для всякаго римскаго католика; 2) никакой законъ свѣтскій не можетъ освободить из-

дателя отъ этого долга; 3) долгъ этотъ существуетъ, несмотря на законъ австрійскій о печати, и 4) даже несмотря на самый конкордатъ, такъ какъ конкордатъ не могъ отмѣнить прежнихъ церковныхъ законовъ, установившихъ предварительную церковную цензуру. Иными словами, предварительная духовная цензура была вымогаема если не свѣтскими средствами, то церковными эпитиміями и страхомъ отлученія отъ церкви.

Ни одна сторона жизни общественной не пострадала отъ конкордата столько, сколько народное воспитаніе. Главная мысль конкордата заключается въ томъ, чтобы вѣроисповѣданія не смѣшивались даже и въ школѣ, чтобы преподаваніе было строго конфессіональное. Конкордатъ, конечно, не касается и не могъ касаться всѣхъ училищъ, а только римско-католическихъ, но такъ какъ римско-католическихъ по числу населенія гораздо больше, чѣмъ всѣхъ остальныхъ, и такъ какъ протестантскія школы, низведенныя до значенія частныхъ заведеній, безъ выдачи сообщающихъ служебныя и иныя преимущества аттестатовъ, то понятно, что все то вліяніе, которое предоставлено духовенству по конкордату на римско-католическія народныя школы и гимназіи, должно было въ дѣйствительности распространяться на всю систему органовъ народнаго образованія, сверху до низу почти безъ изъятія. Не только 7-ю ст. конкордата предписано въ преподаватели римско-католическихъ гимназій опредѣлять исключительно однихъ только римско-католиковъ, но сказано, что и по содержанію преподаваніе должно быть принаровлено по возможности къ тому, чтобы насадить въ сердца правила жизни христіанской. Очевидно, что при такой постановкѣ задачи религіозныя тенденціи должны были проникать даже въ химію и математику, а нѣкоторыя науки должны были быть обходимы какъ особенно способныя привить ядъ революціи и невѣрія; статья 5-ая еще сильнѣе: все обученіе римско-католическаго юношества, какъ въ общественныхъ, такъ и въ частныхъ заведеніяхъ должно быть сообразовано съ ученіемъ римско-католической церкви; въ силу своего пастырскаго призванія, епископы должны направлять воспитаніе во всѣхъ этихъ заведеніяхъ и блюсти, чтобы ни по одному предмету не происходило что-нибудь противное римско-католической вѣрѣ и нравственной чистотѣ. Непосредственнымъ послѣдствіемъ этихъ началъ было быстрое исчезновеніе свѣтскаго элемента въ преподаваніи и возрастаніе духовнаго. Въ 1856 г. числилось въ Австріи 181 духовныхъ и только 85 свѣтскихъ директоровъ гимназій; 1380 духовныхъ и 1411 свѣтскихъ преподавателей. Но и директоръ въ рясѣ не былъ у себя въ заведеніи хозяинъ; сильнѣе всякихъ

духовныхъ и свѣтскихъ, директоровъ и учителей, оказывался тотъ сильный человѣкъ, который былъ око и ухо епископа въ дѣлахъ преподаванія, его довѣренное лицо—законоучитель. Если директоръ и учителя не хотѣли испортить себѣ карьеры, они должны были угождать этому лицу съ полнѣйшимъ униженіемъ своего достоинства. Въ вѣнскомъ университетѣ возвратились времена Фердинанда II: церковь университетская предоставлена іезуитамъ, евреевъ запрещено принимать въ студенты медицины; министръ распорядился (3-го октября 1857), чтобы университетскій совѣтъ присутствовалъ при богослуженіи и проповѣдяхъ въ университетской церкви въ каждый праздникъ и въ каждое воскресенье. Съ того же времени началось медленное, систематическое очищеніе отъ протестантовъ каѳедръ университетскихъ, начиная съ Вѣны и Праги. Стѣсненія, обрядность и ханжество достигли крайняго предѣла и возмущали самыхъ умѣренныхъ и благонамѣренныхъ людей, напримѣръ, Грильпальцера, который написалъ въ одной изъ своихъ сатирическихъ пѣсенокъ: Hört, ihr Herren, und lasst euch sagen, Der Cultus hat den Unterricht erschlagen.

Лѣтомъ 1856 открытъ, по поводу приведенія въ исполненіе конкордата, съѣздъ епископовъ въ Вѣнѣ, на которомъ духовенство возилось съ мыслью хлопотать о выдачѣ имъ изъ казны 200 м. гульд. выкупными свидѣтельствами, въ видѣ вознагражденія за потери, понесенныя церковью при Іосифѣ II-мъ, въ чемъ однако потерпѣло отказъ. Вскорѣ потомъ, 28-го октября 1856, соглашеніе съ Римомъ получило свое завершеніе и вѣнецъ въ новомъ *законѣ о бракахъ*, который составили не безъ труда, подъ руководствомъ Раушера, четыре духовные при содѣйствіе одного свѣтскаго юриста, послѣ чего его одобрили въ Римѣ, и затѣмъ уже послѣдовало утвержденіе его императоромъ. Такъ какъ, по 10 ст. конкордата, судъ о дѣлахъ брачныхъ положенъ духовный, не по гражданскому, а по каноническому праву, то необходимость требовала, во-1-хъ, устроить духовные суды, во-2-хъ, извлечь изъ груды каноническаго права, изъ громады наслоенныхъ вѣками положеній, практическія правила для руководства этимъ духовнымъ судамъ, объ условіяхъ брака, препятствіяхъ совершенію браковъ и расторженію ихъ. Хотя эти правила, возстановляющія содержаніе закона о бракахъ 28-го октября 1856, предназначены были собственно для римско-католиковъ, для которыхъ они должны были замѣнять постановленія гражданскаго кодекса 1811 года, остающіяся съ тѣхъ поръ въ силѣ только для иновѣрцевъ, но такъ какъ они касались и смѣшанныхъ браковъ, причемъ давали конечно всякія преимущества римско-католицизму, то косвенно

они подкапывались и подъ иновѣрческія исповѣданія. Съ внѣшней, технической стороны, новый законъ былъ ниже всякой критики, мелоченъ, запутанъ, казуистиченъ, страшно объемистъ (введеніе—14 ст., законъ самъ—77 статей, 50 страницъ печати); о содержаніи его можно судить по слѣдующимъ двумъ отрывкамъ: въ § 66 сказано, что церковь имѣетъ отвращеніе отъ браковъ христіанъ съ не-христіанами; она неодобряетъ браковъ между католиками и не-католиками и удерживаетъ отъ нихъ. Въ 67 § епископу предоставлено недопустить бракосочетанія, когда, по его мнѣнію, бракъ даетъ поводъ къ раздорамъ, неудовольствіямъ или иному соблазну. Само собою разумѣется, что необходимымъ условіемъ смѣшаннаго брака была дача родителями подписокъ о воспитаніи дѣтей въ римско-католическомъ вѣроисповѣданіи.

Таковъ, въ самыхъ крупныхъ чертахъ и главныхъ развѣтвленіяхъ, знаменитый трактатъ Австріи съ римскимъ дворомъ. Эта замѣчательная постройка носитъ печать не нашего вѣка; она имѣетъ тотъ же характеръ, массивный, сумрачный, какъ дворецъ папъ въ Авиньонѣ—полукрѣпость и полутюрьма. Она и имѣла назначеніемъ служить цитаделью для средневѣкового прошедшаго, за стѣнами которой можно бы безъ особаго труда отражать всякіе приступы духа вѣка. Появленіе этого выходца съ того свѣта, въ ржавыхъ доспѣхахъ и облаченіи чуть ли не XIII-го столѣтія, объяснимо со стороны государства только тѣмъ, что оно было плодомъ отчаянія, дѣйствіемъ умирающей власти, которая, для продленія существованія, рѣшается на рискованнѣйшія средства. Со стороны верховной власти, подчинившей себя клерикальному игу, конкордатъ равнялся покушенію на политическое самоубійство. Мы привыкли съ пренебреженіемъ относиться къ новой Австріи, какъ къ государству, страдающему безначаліемъ, не умѣющему устроиться, разлагающемуся, но надо признать, что въ ней есть много живучести, если она способна была вынести страшный пріемъ лекарства, которое было хуже всякой болѣзни. Надобно признать также, что отъ мартовскихъ дней 1848 г. и донынѣ, въ теченіи всей этой четверти столѣтія, не было дня веселѣе и торжественнѣе для Вѣны и всей Австріи, какъ суббота 21-го марта 1868 г., когда палата господъ рейхсрата голосовала въ пользу законо-проектовъ, принятыхъ уже палатою депутатовъ, когда подорвана была печатная Каносса, и когда вся столица запылала огнями, и несмѣтныя толпы народа окружали свѣжими лаврами вѣнчанную мѣдную статую Іосифа II-го на вѣнскомъ гофбургѣ, потому что въ этотъ день пробиты были въ конкордатѣ три пролома, а именно, возстановленъ гражданскій кодексъ 1811 по дѣламъ о бракахъ для ка-

толиковъ, секуляризованы опять училища и уравнены вѣроисповѣданія передъ закономъ.

VII.

Послѣдніе дни невозможной системы.

Конкордатъ былъ крайнимъ предѣломъ, до котораго дошла реакція, и вмѣстѣ моментомъ, когда въ государственномъ организмѣ Австріи почти совсѣмъ притаилось дыханіе, пульсъ пересталъ биться, и неподвижность, бездѣйствіе сдѣлались для государственныхъ людей единственнымъ средствомъ сидѣть на мѣстахъ и держаться. Ни у кого не доставало духу сказать откровенно, въ чемъ источникъ зла, но всѣ были недовольны и пеняли другъ на друга, министръ сцѣплялся съ министромъ, кабинетъ съ рейхсратомъ, вѣдомство мѣшало вѣдомству, учрежденіе воевало съ учрежденіемъ. Нѣкоторые признаки жизни обнаруживались еще въ области экономической. Сверхъ всякаго ожиданія, кабинету удалось сдѣлать два хорошія пріобрѣтенія: въ январѣ 1855 г. вышелъ въ отставку министръ финансовъ Баумгартнеръ и на его мѣсто вызванъ изъ Константинополя Брукъ; тогда же отъ министерства финансовъ отдѣлена торговля и предоставлена венеціанскому губернатору Тоггенбургу. Какъ тотъ, такъ и другой были люди даровитые; Тоггенбургъ оживилъ тотчасъ торговыя палаты, взялся за упраздненіе цеховъ и изготовилъ порядочный ремесленный уставъ на основаніи возможно большей свободы труда; но никакая законодательная работа не двигалась теперь: товарищъ Тоггенбурга Брукъ изъ мелкой зависти подкладывалъ ему палки въ колеса и достигъ того, что Тоггенбургъ вышелъ въ отставку (августъ 1859 г.), послѣ чего Брукъ, взявъ въ свои руки его портфель и усвоивъ себѣ его работу, провелъ ремесленный уставъ какъ свое произведеніе. Если Бруку повезло лучше, нежели Тоггенбургу, и если многіе планы его осуществились и удалось ему на весь міръ прослыть экономическимъ возсоздателемъ Австріи, то это произошло только потому, что при всѣхъ своихъ способностяхъ Брукъ былъ болѣе фокусникъ, нежели государственный человѣкъ, и выкидывалъ штуки, которыя только и могли сходить ему при условіяхъ безгласности и отсутствія всякаго контроля. (Таковъ, напримѣръ, выпускъ имъ тайно нигдѣ непоказанныхъ 111 милл. гульд. внутренняго займа). Брукъ поставилъ себя сразу внѣ всякаго надзора и принялъ портфель подъ условіемъ, что его проекты не будутъ вовсе обсуждаемы

государственнымъ совѣтомъ. Невыгода его положенія заключалась въ томъ, что его тормошили съ двухъ сторонъ требованіями денегъ: эрцгерцогъ Вильгельмъ, главный начальникъ арміи, а съ 1856 г., когда отъ Armee Ober-commando отдѣлено Marine Ober-commando, эрцгерцогъ Фердинандъ Максъ, главный начальникъ флота. Брукъ постигалъ весьма ясно (и въ этомъ его главная заслуга), что для поправленія финансовъ необходимо развить производительныя силы страны. Для развитія производительныхъ силъ необходимъ кредитъ. Надо было создать кредитныя учрежденія и толкать людей на спекуляціи. Брукъ далъ толчокъ этимъ спекуляціямъ, бросивъ биржевой игрѣ въ видѣ пищи два предмета: государственныя имущества, предполагаемыя къ продажѣ, и желѣзныя дороги. Всѣ эти средства въ совокупности должны были повести къ возстановленію павшаго курса банковыхъ билетовъ, чего можно было въ свою очередь достигнуть только доставивъ національному банку средства оплачивать свои купоны звонкою монетою. Такова была программа Брука; нѣтъ сомнѣнія, что она пробудила множество предпріятій и одарила Австрію сѣтью желѣзныхъ дорогъ, что свои мѣры Брукъ приводилъ въ исполненіе необыкновенно тонко, умно; что онъ умѣлъ ихъ муссировать, обстановлять великолѣпно; но нельзя никакъ провозглашать его за то геніальнымъ человѣкомъ, и онъ тѣмъ менѣе заслуживаетъ эту славу, что государственное хозяйство повелъ онъ далеко не раціонально и вовсе не достигъ по своей же волѣ главнаго результата, который имѣлся у него въ виду и которому пожертвовано было всѣмъ остальнымъ. Въ октябрѣ 1855 года Брукъ такимъ образомъ устроилъ отношенія правительства съ банкомъ, что правительство, дабы разсчитаться съ банкомъ, предоставило ему на 155 м. гульд. своихъ имуществъ (586 м. дес.) съ правомъ получать доходы и продавать подъ наблюденіемъ министра. Одновременно устроены два банка, земскій ипотечный, не стѣсняемый никакими законами о лихвенныхъ процентахъ, вооруженный быстрыми мѣрами взысканія, то-есть взыскивающій долги съ должниковъ по закладамъ тѣми же способами, какіе существовали для взысканія въ казну податныхъ недоимокъ,—и кредитный для торговли и промышленности (Credit Anstalt für Handel und Gewerbe), учрежденный Ротшильдами, Лэммелемъ изъ Праги и аристократами-капиталистами, который въ числѣ прочихъ операцій занялся ссудою денегъ подъ сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Брукъ заставилъ его принимать въ залогъ, въ огромномъ количествѣ и по высокимъ курсамъ, акціи невыгодныхъ дорогъ, чѣмъ повредилъ солидности учрежденія. Съ другой сто-

роны, онъ разнуздалъ ажіотажъ и сдѣлался богомъ биржевой игры, которая залила Вѣну золотомъ, украсила ея «ринги» дворцами, но и внесла въ нравы источникъ сильной нравственной порчи и разврата. Чтобы поставить національный банкъ въ возможность платить звонкою монетою свои купоны, Брукъ осуществилъ наканунѣ почти итальяно-французской войны (конецъ 1858) продажу всѣхъ отстроенныхъ и строющихся желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ Вѣну съ Тріестомъ и Вероною (чрезъ Бреннеръ) и Венеціанскую область съ Ломбардіею, иностранной акціонерной компаніи, основанной Ротшильдами и итальянскимъ герцогомъ Галліера, концессія и уставъ которой никогда не были опубликованы и составляютъ донынѣ тайну. Часть денегъ отъ продажи должна была поступить на усиленіе размѣннаго металлическаго фонда національнаго банка, а банкъ долженъ былъ съ 1 января 1859 г. возобновить свои платежи звонкою монетою. Къ назначенному сроку банкъ платежей не возобновилъ, и въ апрѣлѣ 1859 г. надо было прибѣгнуть къ обязательному курсу банковыхъ билетовъ. Брукъ конечно могъ сослаться на грозную рѣчь Наполеона III на новый годъ и на нависшую итальяно-французскую войну, но едва ли бы и безъ этой войны возобновленіе платежей не оказалось пуфомъ. Начиная съ парижскаго конгресса можно было ожидать этой войны, кредитъ Австріи былъ слабъ на европейскихъ рынкахъ, несмотря на всѣ штуки Брука, наконецъ до 1 января 1859 г. уже былъ совершенъ по крайней мѣрѣ на 75 м. тотъ грандіозный финансовый подлогъ, состоявшій въ выпускѣ 111 м. гульденовъ облигацій займа, и несмотря на глубочайшую тайну, его покрывавшую, большія банкирскія фирмы имѣли подозрѣніе объ этомъ подлогѣ и слѣдили зорко за №№ облигацій, годами выпуска и свѣжестью чернилъ. По ихъ указанію арестованъ былъ въ 1858 г. свѣжій транспортъ билетовъ, отпечатанныхъ въ Вервье, въ Бельгіи, и означенныхъ 1854 г. Правительство австрійское постаралось это дѣло замять. Съ началомъ войны всякія финансовыя соображенія уступили мѣсто военнымъ, правительство позаимствовало отъ банка всѣ его металлическіе фонды, банковые билеты стали, въ большей еще нежели прежде мѣрѣ, бумажными деньгами, и національный банкъ болѣе прежняго спутанъ былъ съ казною и министерствомъ финансовъ. Такимъ образомъ, все это финансовое управленіе, исполненное шумихи и блеска, принесло въ итогѣ государству столько же пользы, сколько и вреда.

Главнымъ лицомъ въ кабинетѣ оставался Бахъ, совсѣмъ опозорившій себя конкордатомъ въ глазахъ того мѣщанства, изъ

котораго онъ выросъ; интеллигенція края и среднее состояніе отворачивались отъ него съ презрѣніемъ, какъ отъ ренегата. Разставшись навсегда съ образованнымъ меньшинствомъ, онъ, чтобы держаться, долженъ былъ популярничать съ массами и не нашелъ никакого лучшаго средства, какъ прибѣгнуть къ тому, что̀ ему удалось въ 1852 г., а именно склонилъ императора къ предпринятію большой поѣздки, сначала въ итальянскія, а потомъ въ венгерскія владѣнія, причемъ употреблены были точно тѣ же самые, какъ и прежде, сценическіе пріемы. Бахъ нарочно ѣздилъ въ Венецію и Миланъ изучать почву и подготовить все къ тому, чтобы появленіе государя вышло по возможности эффектнѣе. Поѣздкѣ предшествовало возстановленіе еще въ 1855 г. конгрегацій, земскихъ собраній для Венеціи и Ломбардіи, въ такомъ видѣ, въ какомъ существовали эти установленія еще при Францѣ I-мъ, съ тѣми же мундирами и жалованьемъ для членовъ, и съ тѣмъ же только совѣщательнымъ голосомъ. Францъ-Іосифъ привозилъ съ собою весьма широкую амнистію и искреннее желаніе замѣны крутыхъ, жестокихъ пріемовъ управленія Радецкаго, болѣе кроткими и мягкими, не трогая, впрочемъ, главныхъ основъ установившагося порядка. Въ политикѣ необходимо хватать моментъ дѣйствія на лету, а тутъ опытъ примиренія являлся слишкомъ поздно, и никакія въ свѣтѣ усилія не могли привязать къ Австріи отваливающіяся сѣверо-итальянскія ея владѣнія. Военный терроръ, который смѣнилъ съ 1848 г. патріархальный абсолютизмъ прежней системы, былъ ужасенъ, и являлся полнѣйшимъ отрицаніемъ права, личности, собственности. Контрибуціи налагались безъ всякаго суда, по произволу; кто не платилъ ихъ, того имѣнія подлежали секвестру. Поземельная собственность дѣлалась невыносимымъ бременемъ. Желающій сбыть ее получалъ часто только $^1/_3$ или $^1/_4$ ея настоящей стоимости. Въ одно второе полугодіе 1848 изъ Ломбардіи, съ ея $2^1/_2$ милл. жителей, выжато 70 милл. лиръ податями и контрибуціями, то-есть половину тогдашнихъ доходовъ всей монархіи. По словамъ министра Крауза, въ кремзирскомъ сеймѣ, отъ Ломбардо-Венеціи нельзя отказаться, потому что за вычетомъ всѣхъ издержекъ управленія, она даетъ въ казну имперіи чистаго дохода 25 милл. лиръ; значитъ, сѣверная Италія подъ военнымъ прессомъ сдѣлалась доходною статьею для имперіи, которая изъ нея высасывала жизненные соки. Въ одинъ годъ, съ августа по августъ 1848—1849 г., насчитано 980 осужденныхъ на смертную казнь и каторгу, по приговорамъ военныхъ скорорѣшительныхъ судовъ. Изъ притѣсненій вытекала страшная ненависть къ варварамъ-тедескамъ; ненависть эта имѣла тѣмъ болѣе

крѣпкое основаніе, что никто порядочный по доброй волѣ не ѣхалъ въ Ломбардо-Венецію, что Австрія высылала туда подонки своего общества, и что эти чиновники и офицеры вымѣщали на итальянцахъ свою злобу за то, что всѣ сторонились отъ нихъ, какъ отъ чумы; они были мелочно придирчивы или нахально грубы. Во время бытности императора въ Миланѣ, случалось офицерамъ сталкивать женщинъ съ тротуаровъ и извиняться, услышавъ нѣмецкую рѣчь, тѣмъ, что они не знали, что это нѣмки. Въ театрахъ, гдѣ въ первыхъ рядахъ никто не садился, кромѣ австрійскихъ офицеровъ, на сценѣ, по обѣимъ ея сторонамъ, стояли въ полной аммуниціи два гренцера съ ружьями. Радецкій не стѣснялся въ началѣ 50-хъ годовъ подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ въ замкѣ миланскомъ женщинъ, замѣшанныхъ въ уличныхъ безпорядкахъ; послѣ экзекуцій въ замкѣ или на площади, городскому управленію посылаемъ былъ для уплаты счетъ за розги и ледъ, уксусъ, повязки и на вознагражденіе фельдшерамъ. Конкордатъ нисколько не поправилъ дѣлъ, не сдѣлалъ ручнѣе итальянцевъ; взоры Италіи устремлены были на Пьемонтъ, а Пьемонтъ имѣлъ двухъ противниковъ одинаково ненавистныхъ: Австрію и папство, вотъ почему въ сѣверной Италіи *бискотини*, или клерикалы, считались еще хуже *аустріакантовъ*. Итальянцы, какъ извѣстно, народъ злопамятный, но сдержанный и удивительно способный къ дружному политическому дѣйствію. Высшіе классы общества, которые имѣли въ настоящемъ случаѣ рѣшительное вліяніе на вопросъ, ка́къ отнестись къ ожидаемому пріему монарха, рѣшили выжидать, не сторониться, принять всѣ милости изъ его рукъ, но, не мирясь съ австрійцами, ограничиться самыми умѣренными выраженіями благодарности, которыя, ничѣмъ не обязывая, вызывали бы только на новыя милости и уступки. Всего блистательнѣе былъ пріемъ въ Венеціи (25-го ноября 1856 г.); энтузіазмъ постепенно слабѣлъ по пути къ Милану (15-го января 1857 году), причемъ замѣчено, что сельское населеніе было радушнѣе горожанъ. Въ Миланѣ сосредоточилось главное политическое взаимнодѣйствіе правительства и общества; явилась и высшая знать, но со многими изъятіями; были старѣйшіе представители аристократіи, но бо́льшею частью безъ дѣтей и женъ. Очаровательная любезность августѣйшей четы нашла тонкихъ цѣнителей въ итальянцахъ, которые подмѣтили съ признательностію даже ту черту, что амнистія дана была не при пріѣздѣ, но подъ конецъ пребыванія Франца-Іосифа. Полнота этой амнистіи отъ 25-го января 1857 г. превзошла всѣ ожиданія; прощены были почти всѣ политическіе преступ-

ники безусловно, даже безъ оставленія ихъ подъ надзоромъ полиціи, сложены недоимки контрибуціи, прекращены производящіяся дѣла о политическихъ преступленіяхъ. Въ три дня потомъ (28-го января) уволенъ, натурально со всѣми подобающими почестями, тотъ человѣкъ, который оставилъ глубокій кровавый слѣдъ въ итальянской исторіи—старикъ Радецкій, скончавшійся вскорѣ потомъ (5-го января 1858 г., въ Монца, на 92-мъ году жизни). Была одна минута неподдѣльной радости и увлеченія, которая даже смутила пьемонтскую партію и многочисленныхъ агентовъ, наполнявшихъ Миланъ (въ числѣ ихъ одна изъ самыхъ дѣятельныхъ была жена Ратацци, урожденная Сольмсъ, родственница Наполеона III-го). Туринъ почувствовалъ ударъ, ему нанесенный, и въ самое время бытности Франца-Іосифа въ Миланѣ, закладывались на площади передъ palazzo Madama въ Туринѣ основанія памятнику, сооружаемому на ломбардскія пожертвованія въ честь пьемонтской арміи и изображающему солдата съ итальянскимъ трехцвѣтнымъ штандартомъ въ одной рукѣ, и съ саблею, обращенною на востокъ противъ Австріи, въ другой рукѣ. Но впечатлѣніе было мимолетное, вслѣдъ за императоромъ смыкались ряды молчаливой пассивной оппозиціи. Новый намѣстникъ, заступившій мѣсто Радецкаго, родной братъ императора, Фердинандъ-Максъ, который потомъ сдѣлался извѣстнымъ своею трагическою судьбою на шаткомъ мексиканскомъ престолѣ, употреблялъ отчаянныя усилія, чтобы задобрить и привлечь итальянцевъ, ссорился даже съ вѣнскимъ кабинетомъ и мальтретировалъ нѣмецкихъ чиновниковъ ломбардо-венеціанской администраціи. Любезности расточались понапрасну, эрцгерцогъ былъ совершенно изолированъ; никакія ласки не могли предупредить ежедневно почти возобновляющихся демонстрацій и даже политическихъ убійствъ. Отдѣленная отъ званія намѣстника должность главнокомандующаго досталась, по стараніямъ Грюнне, его пріятелю веселому остряку Гьюлаю, который отличался только тѣмъ, что былъ человѣкъ весьма богатый, представительный и породистый аристократъ; онъ никогда не бывалъ ни въ какой кампаніи и доказалъ свою неспособность (1849 и 1850) въ должности военнаго министра. Съ назначеніемъ главнокомандующимъ въ Верону Гьюлая графъ Грюнне, которому мѣшалъ Радецкій, сдѣлался всемогущимъ въ военной администраціи и могъ не стѣсняясь распоряжаться, давать ходъ молодымъ аристократамъ, оттѣснять бюргеровъ, учредить порядокъ, въ которомъ повышеніе обусловливалось не способностями и заслугами, но только связями и происхожденіемъ. Имъ выработанъ новый законъ 29-го сентября 1858 г. о рек-

рутскомъ наборѣ, - одинъ изъ самыхъ неудачныхъ, по которому назначенъ попавшимъ въ рекруты весьма продолжительный десятилѣтній срокъ службы въ возрастѣ отъ 20-ти до 30-ти лѣтъ, и опредѣлена весьма высокая (въ 1500 гульденовъ) цѣна освобождающей отъ службы квитанціи. Въ Италіи, гдѣ обязанность ставить рекрутъ возложена на общины, законъ этотъ не мало содѣйствовалъ народному возстанію въ Ломбардіи въ 1859 году.

Еслибы половина тѣхъ примирительныхъ мѣръ и авансовъ, которые дѣлаемы были теперь или которые правительство готово было сдѣлать въ пользу неудержимо отпадающей Ломбардо-Венеціи, оказана была въ томъ же 1857 году Венгріи, то очень можетъ быть, что Габсбургская держава имѣла бы нынѣ совсѣмъ иной видъ, иное построеніе. Еще въ то время не существовала сознательная теорія о непрерывности права, никто не думалъ объ основныхъ законахъ 1848 г., Австрія могла въ эту минуту навѣрно разсчитывать, еслибы она имѣла имперскій сеймъ, что въ этотъ имперскій сеймъ войдутъ неколеблясь мадьяры, коль скоро имъ дана будетъ только автономія провинціальная. Въ виду посѣщенія императоромъ Вѣны состоялся адресъ, подписанный 130-ю лицами, въ числѣ которыхъ находились епископы, первѣйшіе магнаты, въ томъ числѣ бывшіе канцлеры Іосика и Аппони; Деакъ не подписался, но тамъ были его двойникъ, баронъ Этвёшъ, а также нѣкоторые выдающіеся люди средняго состоянія. Адресъ выражалъ, такимъ образомъ, желанія настоящихъ представителей націи. Онъ былъ весьма скроменъ и содержалъ слѣдующія признанія: «мы знаемъ, что въ слезахъ и крови погребенное прошедшее не можетъ быть воскрешено»; онъ изъявлялъ только просьбу о возстановленіи территоріальнаго единства Венгріи и мадьярскаго языка, конечно съ тою заднею мыслію, чтобы потомъ постепенно добиться и другихъ, дорогихъ мадьяру вещей, насколько онѣ совмѣстимы съ существованіемъ имперіи. Подать этотъ адресъ императору взялъ на себя Сцитовскій, который хотя словакъ, но силою вещей, вслѣдствіе своего положенія, успѣлъ омадьяриться и войти въ венгерскіе интересы. О замыслахъ мадьярскихъ узнало министерство, эрцгерцогъ Альбрехтъ ѣздилъ въ Вѣну предупреждать, что если правительство не намѣрено измѣнять систему, то въ виду преувеличенныхъ надеждъ, возбуждаемыхъ поѣздкою, надлежало бы заблаговременно осадить венгерцевъ. Буоль и Бахъ ѣздили въ Пештъ противодѣйствовать подачѣ адреса. Все путешествіе было устроено такимъ образомъ, чтобы разсѣять надежды и мечтанія венгерцевъ. 4-го мая 1857 г. Францъ-Іосифъ пріѣхалъ въ Пештъ не въ венгерскомъ гусар-

скомъ, а въ общемъ австрійскомъ генеральскомъ мундирѣ. Единственные флаги, которые и дозволено было выставлять, были черно-желтые. Изъ Пешта предполагаемо было объѣхать всѣ пять областей, на которыя теперь, послѣ подавленія революціи, раздѣлена была Венгрія, въ чемъ проглядывала мысль закрѣпить еще лишній разъ ненавистное дѣленіе. Помилованій опубликовано много, въ числѣ помилованныхъ былъ графъ Юлій Андраши (нынѣшній министръ-президентъ). Императоръ не допустилъ Сцитовскому развернуть заготовленный адресъ и отказался на-отрѣзъ принять его. По окончательномъ возвращеніи Франца-Іосифа въ Вѣну, 9-го сентября 1857 г., опубликованъ императорскій рескриптъ, обдающій холодною водою венгерцевъ и полагающій конецъ всякимъ ожиданіямъ; онъ гласилъ слѣдующее: «Я убѣдился, что учрежденія, введенныя, по зрѣломъ обсужденіи, въ дѣйствіе въ Венгріи, существенно содѣйствовали успѣхамъ страны. Рѣшившись неколебимо держаться началъ, руководившихъ мною въ управленіи имперіею, хочу я, чтобы это обстоятельство было всѣми признано и преподано всѣмъ органамъ управленія». Еще тяжелѣе для венгерцевъ было слѣдующее мѣсто рескрипта: «различныя племена должны быть сохранены съ ихъ національными особенностями». Фраза эта остріемъ своимъ была конечно направлена противъ мадьяръ. Магнаты льстились надеждою, что они купятъ у Баха портфель. Бахъ оказался съ этой стороны неприступнымъ, и остался въ безспорномъ обладаніи первенствующимъ постомъ въ кабинетѣ при отсутствіи даже всякихъ конкуррентовъ.

Мы дошли до рѣшительнаго перелома въ судьбахъ габсбургской монархіи, который произошелъ отъ чисто внѣшнихъ причинъ, а вовсе не отъ воздѣйствія находившейся въ оцѣпенѣніи мертваго застоя страны, перенесшей въ 1848 г. острую болѣзнь революціи и междоусобной войны. Быстрые успѣхи европейской цивилизаціи зависятъ, между прочимъ, оттого, что ни одна изъ великихъ европейскихъ державъ не можетъ долго уединяться, застаиваться; ее подталкиваютъ другія, и каждая ея остановка или односторонность въ развитіи силъ общественнаго организма влечетъ за собою тяжелые уроки со стороны другихъ политическихъ организмовъ. Такой жестокій урокъ готовила Австріи итальяно-французская война; она была роковымъ послѣдствіемъ ошибокъ австрійскаго правительства какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ, неожиданнымъ только для тѣхъ бездарныхъ и близорукихъ людей, въ чьихъ рукахъ было правленіе въ теченіе

десятилѣтней реакціи. Войнѣ этой предшествовалъ цѣлый рядъ дипломатическихъ промаховъ и неудачъ. Австрія противилась до конца соединенію румынскихъ княжествъ и дождалась, однако, что это соединеніе состоялось въ январѣ 1859 г., выборомъ Кузы въ господари какъ Молдавіи, такъ и Валахіи. Въ то же самое время сербскій князь Александръ Карагеоргіевичъ былъ прогнанъ, и въ Бѣлградѣ возсѣлъ опять на княжескомъ престолѣ старинный врагъ Австріи и другъ Россіи, Милошъ Обреновичъ. Австрія не имѣла тогда никакого предчувствія насчетъ того, что́ ей готовило таинственное свиданіе Наполеона III съ Кавуромъ въ Пломбьерѣ лѣтомъ 1858 г. Постъ австрійскаго посланника занималъ въ то время человѣкъ безспорно умный и тонкій, но не на своемъ мѣстѣ, креатура Меттерниха, которому послѣдній исходатайствовалъ у императора Франца перемѣну фамиліи изъ весьма мѣщанской Гафенбредль, въ болѣе звучную: Гюбнеръ. Этого мелкаго человѣка, за его услуги при вступленіи на престолъ Франца-Іосифа, возвели въ бароны, послѣ чего князь Феликсъ Шварценбергъ отправилъ его въ Парижъ, въ пику принцу-президенту Наполеону III, который счелъ себя лично оскорбленнымъ назначеніемъ къ нему этого выскочки. Гюбнеръ былъ совершенно огорошенъ комплиментомъ на новый годъ (1859): «я очень сожалѣю, что наши отношенія съ вашимъ правительствомъ не столь хороши, какъ были до сихъ поръ; прошу передать императору, что мои личныя чувства къ нему остались все тѣ же». Гюбнеръ старался въ своихъ депешахъ, конечно смягчить смыслъ этихъ словъ и умалить ихъ значеніе въ то самое время, когда паника распространилась уже на всѣхъ европейскихъ биржахъ и Пьемонтъ сталъ вооружаться на неравный бой, ставя на карту свое существованіе и дѣлая громаднѣйшія затраты совсѣмъ не по своимъ средствамъ. Жизненный вопросъ для Пьемонта заключался въ томъ, чтобы война состоялась и чтобы въ эту войну вовлечена была Франція на основаніи принятыхъ ею на себя обязательствъ. Помощь Франціи, хотя и обѣщанная, не была безусловно надежна, сфинксъ тюльерійскаго дворца колебался, медлилъ и привелъ въ отчаяніе Кавура телеграмою 20-го апрѣля 1859 г., предлагающею ему немедленно принять составленныя Англіею и поддерживаемыя Россіею предварительныя условія европейскаго конгресса, заключавшіяся въ разоруженіи и распущеніи волонтеровъ. Ударъ былъ до того тяжелый, что, по несомнѣннымъ извѣстіямъ (Reuchlin, Geschichte Italiens. III, 316), Кавуръ помышлялъ о самоубійствѣ, но его выручилъ австрійскій ультиматумъ, подписанный Буолемъ 19-го

апрѣля и привезенный 23-го въ Туринъ барономъ Келлерсбергомъ, въ которомъ Австрія, угрозою войны, вымогала отъ Сардиніи распустить волонтеровъ и перевести войска на мирное положеніе, на что̀ и давала для отвѣта три дня. Выходъ былъ найденъ, наступилъ случай, предусмотрѣнный при пломбьерскомъ свиданіи, Австрія явилась нападающею стороною; французскія войска двинулись черезъ Mont Cenis и высадились въ Генуѣ: завязалась война. Ходъ и результаты этой войны выходятъ за предѣлы настоящаго очерка. Скажемъ только, что подъ Маджентою и Сольферино побиты были не только австрійскія войска, но и система возсозданія Австріи посредствомъ бюрократической реакціи и обскурантизма, что система эта въ одинъ мигъ рухнула и провалилась: ея невозможность раскрылась яснѣе дня. Она долго была ненавистна и противна, но она сдѣлалась на глазахъ у всѣхъ забавна и смѣшна. Въ Вѣнѣ и другихъ главныхъ городахъ имперіи пораженія австрійцевъ встрѣчались шутками и остротами, и вызывали чуть ли не радость и удовольствіе. Сама собою, силою вещей, вошла въ общественную жизнь свобода мысли, мнѣній, развязались молчавшіе языки, заговорилъ инстинктъ самосохраненія. Будущее представлялось въ неясныхъ очертаніяхъ, но всѣ сознавали, что кончился одинъ періодъ жизни и начался другой, съ новыми людьми и задачами. Въ промежуткѣ между битвами маджентскою и сольферинскою, барону Іосикѣ, ближайшему другу Сѣчени, предложенъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ, и только когда онъ не рѣшился взять этотъ портфель, обратились въ Галицію къ тамошнему намѣстнику Голуховскому. Изъ Виллафранка, тотчасъ по подписаніи мира, Францъ-Іосифъ отправилъ графа Рехберга въ Вѣну, сказать конфиденціально Баху, чтобы онъ подавалъ въ отставку. 22-го августа 1859 г. опубликованы въ газетахъ отставки какъ Баха, такъ и Кемпена. Личный составъ кабинета мѣнялся по нѣскольку разъ, перепробовано множество комбинацій, каждая комбинація разрушала и уничтожала какую-нибудь часть прежняго, десять лѣтъ державшагося порядка. Съ постепеннымъ паденіемъ этого порядка, воскресала вся рознь и пестрота состава многоязычной монархіи и ставилась не легкая задача, примирить всѣ эти противоположные интересы посредствомъ одной конституціонной формулы: viribus unitis.

В. Спасовичъ.

1-го ноября 1873 г.

ПРИРОДА и ЛЮДИ

въ

АМЕРИКѢ

Картины и разсказы.

Prose and poetry, by *Bret Harte*. Authorized Edition. In two volumes. Leipzig, Bernhard Tauchnitz. 1872.

(Окончаніе).

VI *).

Пріятель Тенесси.

Не думаю, чтобы намъ извѣстно было его настоящее имя. Но эта неизвѣстность, конечно, нисколько не смущала насъ, ибо въ Санди-Баръ, въ 1854 г., большинство людей окрещивало себя заново. Иногда прозвище являлось вслѣдствіе какой-нибудь особенности въ костюмѣ, какъ, напр., «Суконный Джекъ»; иногда вслѣдствіе какой-нибудь особенной привычки, какъ, напр., «Просоленный Билль», который получилъ эту кличку за то, что непомѣрно солилъ свой хлѣбъ,—а иногда и вслѣдствіе недостатка въ произношеніи, какъ, напр., «Желѣзный Пиратъ», который снискалъ себѣ это прозвище тѣмъ, что называлъ «желѣзнымъ пира-

---

*) См. выше окт. 599 стр.

томъ», «желѣзный пиритъ» или колчеданъ. Быть можетъ, все это зачатки безъискусственной геральдики въ ея первобытныхъ формахъ; но мнѣ сдается, что это происходило также и оттого, что ни одинъ изъ поселенцевъ ничѣмъ не могъ подкрѣпить истинности того прозвища, которымъ онъ себя величалъ.

Но возвратимся къ пріятелю Тенесси, котораго мы не знавали подъ другимъ именемъ; а что онъ былъ человѣкъ самъ-по-себѣ—это мы узнали гораздо позже. Въ 1853 г. онъ оставилъ Покеръ-Флатъ и отправился въ Санъ-Франциско затѣмъ, чтобы пріискать себѣ жену. Но ему не пришлось ѣхать дальше Стоктона. Въ этомъ мѣстѣ ему понравилась молодая особа, прислуживавшая за столомъ отеля, гдѣ онъ обѣдалъ. Онъ сказалъ ей что-то, а она усмѣхнулась и убѣжала въ кухню, куда онъ за ней послѣдовалъ. Недѣлю спустя они были обручены мировымъ судьей и вернулись въ Покеръ-Флатъ. Объ ихъ супружеской жизни мало извѣстно, быть можетъ потому, что Тенесси, жившій тогда съ своимъ пріятелемъ, шепнулъ что-то новобрачной, послѣ чего она милостиво улыбнулась и убѣжала... на этотъ разъ въ Мерисвиль.

Тѣмъ временемъ общественное мнѣніе въ Санди-Баръ вооружилось противъ Тенесси. Онъ былъ извѣстенъ, какъ игрокъ и былъ заподозрѣнъ какъ воръ. Это подозрѣніе распространилось также и на пріятеля Тенесси; его дружеское отношеніе къ послѣднему послѣ вышеупомянутой исторіи могло быть объяснено только предположеніемъ, что ихъ связываетъ преступленіе. Наконецъ виновность Тенесси стала ясна, какъ божій день. Однажды онъ нагналъ какого-то пришлеца, который шелъ въ Редъ-Догъ. Пришлецъ сообщалъ впослѣдствіи, что Тенесси занималъ его всю дорогу интересными разсказами, но потомъ ни къ селу, ни къ городу заключилъ бесѣду слѣдующими словами: «а теперь, молодой человѣкъ, я васъ попрошу одолжить мнѣ вашъ ножъ, ваши пистолеты и ваши деньги. Видите ли, ваше оружіе могло бы поставить васъ въ затруднительное положеніе въ Редъ-Догѣ, а ваши деньги только послужатъ соблазномъ для воровъ. Вы, кажется, говорили, что живете въ Санъ-Франциско. Почту за долгъ явиться къ вамъ». Кстати будетъ тутъ засвидѣтельствовать, что у Тенесси было много юмору, который не покидалъ его ни въ какихъ серьёзныхъ дѣлахъ.

Это дѣяніе его было послѣднимъ. Редъ-Догъ и Санди-Баръ ополчились за-одно на грабителя. На Тенесси устроили облаву, какъ на его прототипъ, сѣраго медвѣдя. Когда онъ увидѣлъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, то сдѣлалъ отчаянное усиліе,

пробился сквозь толпу, выстрѣлилъ въ нее изъ пистолета и продралъ въ медвѣжье ущелье. Но на другомъ концѣ его онъ былъ остановленъ маленькимъ человѣчкомъ на сѣрой лошади. Оба человѣка молча поглядѣли другъ другу въ лицо. Оба были безстрашны, оба исполнены самообладанія и независимости; оба представляли такой типъ цивилизаціи, который въ семнадцатомъ столѣтіи назвали бы геройскимъ, а въ девятнадцатомъ зовутъ попросту «безпутнымъ».

— Какія у тебя карты въ рукахъ, говори? проговорилъ Тенесси спокойно.

— Два короля и тузъ, отвѣчалъ другой также спокойно, показывая ему два револьвера и ножъ.

— Ну, такъ я проигралъ! возразилъ Тенесси, и съ этими словами отбросивъ свой безполезный пистолетъ, сдался и послѣдовалъ за своимъ побѣдителемъ.

Ночь была теплая. Прохладный вѣтерокъ, который поднимается обыкновенно вмѣстѣ съ солнечнымъ закатомъ изъ-за зубчатыхъ горъ, въ этотъ вечеръ не дулъ надъ Санди-Баръ. Маленькое ущелье было пропитано запахомъ смолы, и плавучій лѣсъ издавалъ слабыя, гнилыя испаренія. Лихорадочное оживленіе протекшаго дня и его бѣшеныя страсти все еще одушевляли лагерь. Огни безпокойно двигались вдоль берега рѣки, но не отражались въ ея мутныхъ волнахъ. На темномъ фонѣ сосенъ яркимъ пятномъ блестѣли окна стараго чердака, надъ почтовой станціей и сквозь окна, лишенныя занавѣсей, посторонніе наблюдатели могли видѣть фигуры тѣхъ людей, которые были заняты рѣшеніемъ участи Тенесси. А надъ всѣмъ этимъ возвышалась рѣзко окаймленная темнымъ небосклономъ Сіерра, отдаленная и безстрастная, увѣнчанная еще болѣе отдаленными, еще болѣе безстрастными звѣздами.

Процессъ Тенесси велся съ тѣмъ безпристрастіемъ, какое только было совмѣстимо съ судьей и присяжными, чувствовавшими себя до нѣкоторой степени обязанными оправдать своимъ приговоромъ предварительныя неправильности ареста и обвиненія. Законъ Санди-Бара былъ неумолимъ, но не мстителенъ. Возбужденіе и личныя неудовольствія улеглись. Захвативъ Тенесси въ свои руки, поселенцы готовы были выслушать все, чтó защита могла сказать въ его пользу. Увѣренные въ томъ, что его слѣдуетъ повѣсить, они готовы были предоставить защитѣ больше простора, чѣмъ того желалъ самъ этотъ безпутный и беззаботный человѣкъ. Судья казался болѣе встревоженнымъ, чѣмъ подсудимый, который удивлялъ своимъ хладнокровіемъ и очевидно ощущалъ

злобное удовольствіе въ сознаніи той отвѣтственности, которую онъ взваливалъ на поселенцевъ.

— Я не вистую вамъ въ этой игрѣ, былъ его неизмѣнный отвѣтъ на всѣ задаваемые ему вопросы. Судья, который именно и захватилъ его, смутно пожалѣлъ одну минуту, что не застрѣлилъ его на мѣстѣ, но тотчасъ же отогналъ эту мысль, какъ недостойную его юридическаго ума. Тѣмъ не менѣе, когда раздался стукъ въ дверь и было сообщено, что пріятель Тенесси желаетъ дать показаніе въ пользу подсудимаго, то его тотчасъ же впустили. Быть можетъ младшіе изъ присяжныхъ, которымъ вся процедура суда казалась утомительно скучной, обрадовались его приходу, какъ развлеченію.

Пріятель Тенесси отнюдь не отличался внушительной осанкой. Малорослый и широкоплечій, съ четырехугольнымъ, краснымъ какъ кирпичъ отъ загара лицомъ, облеченный въ куртку и панталоны изъ грубаго полотна, забрызганные красной грязью, онъ показался бы при всякихъ другихъ обстоятельствахъ чуднымъ, а при настоящей обстановкѣ казался даже забавнымъ. Въ то время какъ онъ остановился, чтобы свалить къ ногамъ тяжелый ковровый мѣшокъ, который онъ несъ на плечахъ, стало очевиднымъ, что матерія, изъ которой были сшиты его панталоны, предназначалась совсѣмъ къ другому употребленію, судя по надписямъ и штемпелямъ, испещрявшимъ ее. Тѣмъ не менѣе, онъ подошелъ съ серьёзной торжественностью, пожалъ поочереди руку всѣмъ присутствующимъ съ сдержаннымъ радушіемъ, обтеръ свое серьёзное, смущенное лицо краснымъ бумажнымъ носовымъ платкомъ, который былъ лишь чуть-чуть свѣтлѣе его лица, положилъ свою мощную руку на столъ, какъ-бы ища опоры, и обратился къ судьѣ съ слѣдующей рѣчью:

— Я только-что проходилъ мимо, началъ онъ, какъ-бы извиняясь, и подумалъ: дай-ка загляну, да посмотрю: какъ идутъ дѣла Тенесси — моего пріятеля. Какая жаркая ночь. Я не запомню, чтобы у насъ когда-нибудь стояла такая погода.

Онъ умолкъ на минуту. Но такъ какъ никто не откликнулся на его метеорологическія замѣчанія, то онъ снова прибѣгнулъ къ носовому платку и нѣсколько секундъ усердно теръ лицо.

— Вы имѣете что-нибудь сказать въ пользу подсудимаго? спросилъ наконецъ судья.

— Точно такъ, отвѣчалъ пріятель Тенесси такимъ тономъ, какъ будто почувствовалъ облегченіе. Я пришелъ сюда какъ пріятель Тенесси... котораго я знаю вотъ уже скоро четыре года вдоль и поперегъ, въ счастьи и несчастьи. Его пути бываютъ не

всегда моими путями, но этотъ молодой человѣкъ не сдѣлалъ ни одного поступка, ни одной шалости, которая не была бы мнѣ извѣстна. И если вы спросите меня — по душѣ, какъ честный человѣкъ честнаго человѣка: извѣстно ли мнѣ что-либо про него худое? то я отвѣчу — по душѣ и какъ честный человѣкъ честному человѣку: что̀ можетъ знать худого пріятель про своего пріятеля?

— Вотъ все, что̀ вы имѣете сказать? спросилъ судья нетерпѣливо, потому что быть можетъ чувствовалъ, что состраданіе, вызываемое смѣхомъ, можетъ пробудить болѣе гуманныя чувства въ членахъ суда.

— Точно такъ, продолжалъ пріятель Тенесси. Не мнѣ показывать противъ него. А теперь посмотримъ, въ чемъ дѣло. Вотъ Тенесси, которому очень нужны были деньги и которому не хотѣлось попросить ихъ у своего стараго пріятеля. Ну, и вотъ, что̀ же дѣлаетъ Тенесси? Онъ подстерегаетъ захожаго человѣка и захватываетъ его врасплохъ, а вы въ свою очередь подстерегаете его самого и захватываете врасплохъ—вотъ и вся исторія. И я спрашиваю васъ, какъ великодушный человѣкъ, спрашиваю всѣхъ васъ, какъ великодушныхъ людей—развѣ это не такъ?

— Подсудимый, спросилъ судья, имѣете ли вы предложить какіе-нибудь вопросы этому человѣку?

— Нѣтъ, нѣтъ! поспѣшно подхватилъ пріятель Тенесси. Эту игру я веду одинъ. Говоря толкомъ, дѣло-то стоитъ такъ: Тенесси пошутилъ опасную шутку съ захожимъ человѣкомъ и со всѣмъ лагеремъ. Ну, а какъ теперь поправить дѣло? Одни скажутъ такъ и такъ, а другіе такъ и этакъ. А я говорю: вотъ тутъ семьсотъ долларовъ чистымъ золотомъ и часы... это все мое достояніе... а теперь только скажите: ладно ли такъ!

И прежде чѣмъ чья-либо рука успѣла пошевелиться и остановить его, онъ высыпалъ деньги изъ дорожнаго мѣшка на столъ. Одну минуту жизнь его была въ опасности. Нѣсколько изъ присутствующихъ вскочили съ своего мѣста, нѣсколько рукъ ухватилось за скрытое оружіе, и судьѣ пришлось жестомъ руки отвергнуть предложеніе «выкинуть его за окошко». Тенесси захохоталъ. А пріятель его, повидимому незамѣтившій произведеннаго имъ волненія, воспользовался этой минутой, чтобы вытереть лицо носовымъ платкомъ.

Когда порядокъ былъ возстановленъ и пріятеля убѣдили съ помощью выразительныхъ риторическихъ фигуръ, что вина Тенесси не можетъ быть искуплена деньгами,—лицо его стало еще серьёзнѣе и краснѣе, и тѣ, кто были по близости отъ него, за-

мѣтили, что грубая рука его слегка задрожала на столѣ. Онъ съ минуту колебался, прежде чѣмъ медленно всыпать золото обратно въ мѣшокъ, какъ-бы не вполнѣ уразумѣвъ высокій духъ правосудія, одушевлявшій трибуналъ. Затѣмъ повернулся къ судьѣ и сказалъ:

— Это я самъ одинъ измыслилъ, одинъ привелъ въ исполненіе, безъ моего пріятеля; и, поклонившись присяжнымъ, собирался выдти, когда судья позвалъ его обратно.

— Если вы имѣете что-нибудь сказать подсудимому, то говорите лучше теперь.

Впервые въ этотъ вечеръ глаза подсудимаго встрѣтились съ глазами его страннаго адвоката. Тенесси улыбнулся, выказалъ бѣлые зубы и проговоривъ: — Сорвалось, дружище! протянулъ ему руку.

Пріятель Тенесси сжалъ его руку и сказалъ:

— Я зашелъ поглядѣть, какъ идутъ дѣла, потому что шелъ мимо, затѣмъ онъ пассивно выпустилъ руку и прибавивъ, что «ночь очень жаркая», снова вытеръ лицо платкомъ и, не говоря больше ни слова, удалился.

Оба больше не встрѣчались въ этой жизни; неслыханная, оскорбительная мысль подкупить судью линча, который, какъ бы ни былъ онъ пристрастенъ, слабъ или узокъ, по крайней мѣрѣ, неподкупенъ, разсѣяло всякое колебаніе у этого миѳическаго лица насчетъ участи Тенесси; и на разсвѣтѣ послѣдняго привели, подъ сильной стражей, встрѣтить эту участь къ подножію Марлейскаго холма.

Какъ онъ встрѣтилъ и какъ былъ хладнокровенъ, какъ отказывался сказать что-либо, какъ прекрасны были распоряженія комитета,—все это было достодолжнымъ образомъ изложено, съ присовокупленіемъ спасительнаго нравоученія, долженствующаго служить примѣромъ всѣмъ будущимъ бездѣльникамъ, въ мѣстной газетѣ ея издателемъ, который присутствовалъ при экзекуціи, и я отсылаю читателя къ его краснорѣчивой статьѣ. Но красота лѣтняго утра, благословенный дружескій союзъ между землей, воздухомъ и небомъ, оживляющая дѣятельность вольныхъ лѣсовъ и холмовъ, веселое обновленіе природы, а пуще всего безконечная ясность, которою все въ ней было проникнуто,—обо всемъ этомъ статья не говорила, такъ какъ все это не считалось пригоднымъ для соціальнаго нравоученія. А между тѣмъ, когда слабое и безумное дѣло было довершено, когда жизнь, съ ея рискомъ и отвѣтственностью, покинула обезображенное тѣло, болтавшееся между небомъ и землей, птицы продолжали пѣть, цвѣты

благоухать, а солнце свѣтить такъ же радостно, какъ и до этого, и быть можетъ сочинитель статьи былъ правъ.

Пріятеля Тенесси не было въ той группѣ, которая окружала зловѣщее дерево. Но когда толпа начала расходиться, вниманіе ея было привлечено страннаго вида телѣжкой, запряженной осломъ и неподвижно стоявшей у края дороги. Подойдя ближе присутствующіе сразу узнали почтенную «Дженни» и двухколесную телѣжку, принадлежавшую пріятелю Тенесси, которую онъ всегда употреблялъ для того, чтобы свозить землю съ своего пріиска; а въ нѣсколькихъ шагахъ сидѣлъ и самъ владѣлецъ телѣжки, подъ каштановымъ деревомъ, и утиралъ платкомъ потъ съ своего разгорѣвшагося лица. Въ отвѣтъ на сдѣланные ему вопросы онъ отвѣчалъ, что пріѣхалъ за тѣломъ «покойнаго», «если комитетъ ничего не имѣетъ противъ этого». Онъ не хочетъ «торопиться»; онъ можетъ «подождать». Онъ не намѣренъ работать сегодня, но когда джентльмены покончатъ съ «покойнымъ», онъ возьметъ его.

— А если кто изъ присутствующихъ, прибавилъ онъ своимъ простымъ серьёзнымъ тономъ, пожелаетъ присоединиться къ погребальному шествію, то волёнъ это сдѣлать.

Быть можетъ, повинуясь юмористическому направленію ума, которое, какъ я уже говорилъ, было отличительной чертой Санди-Бара, быть можетъ подъ вліяніемъ другого, болѣе возвышеннаго чувства, но только двѣ-трети зѣвакъ немедленно приняли это приглашеніе.

Былъ полдень, когда тѣло Тенесси было передано въ руки его пріятеля. Телѣжка подъѣхала къ роковому дереву, и всѣ замѣтили, что на ней помѣщался грубо сколоченный, продолговатый ящикъ. Телѣжка кромѣ того была украшена ивовыми вѣтками и наполнена каштановымъ цвѣтомъ. Когда тѣло уложено было въ ящикъ, пріятель Тенесси накрылъ его кускомъ пропитаннаго дегтемъ паруса, затѣмъ съ достоинствомъ помѣстился на узенькомъ передкѣ, уперся ногами въ дышло и погналъ ослицу.

Телѣжка медленно покатилась; «Дженни» шествовала тѣмъ исполненнымъ чувства собственнаго достоинства шагомъ, какимъ она имѣла обыкновеніе выступать даже при менѣе торжественныхъ обстоятельствахъ. Люди толпились вокругъ телѣжки—отчасти изъ любопытства, отчасти ради шутки, потому что всѣ были въ хорошемъ расположеніи духа: кто шелъ впереди, кто позади этого оригинальнаго катафалка. Но оттого ли, что дорога была узка, или же вслѣдствіе смутно пробудившагося чувства приличія, общество постепенно распредѣлилось попарно за телѣжкой,

медленно двигавшейся впередъ и приняло, по наружности по крайней мѣрѣ, видъ настоящей процессіи. Джекъ Фолинеди, который, когда поѣздъ только-что тронулся съ мѣста, изображалъ жестами будто играетъ похоронный маршъ, вскорѣ прекратилъ эту шутку, увидѣвъ что она не встрѣчаетъ одобренія ни въ комъ, при томъ онъ былъ настолько истиннымъ юмористомъ, чтобы не дурачиться для собственнаго удовольствія.

Дорога вела черезъ медвѣжье ущелье, которое къ этому времени убралось въ траурныя драпировки и тѣни. Красныя деревья, схоронивъ свои оконечности, обутыя въ макасины въ красной почвѣ, вытягивались рядами вдоль дороги точно индѣйцы, и своими колыхающимися вѣтвями осѣняли безъискуственнымъ благословеніемъ проходящую процессію. Заяцъ, застигнутый врасплохъ, присѣлъ въ папортникѣ, росшемъ на краю дороги. Бѣлки спѣшили схорониться въ высокихъ вѣткахъ, а орѣховки, распустивъ крылья, летѣли впередъ точно вѣстницы, пока процессія не достигла окраины Санди-Бара, гдѣ одиноко стояла хижина пріятеля Тенесси.

Мѣстность не показалась бы веселой, если бы даже пришлось узрѣть ее при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Мѣстоположеніе, лишенное всякой живописности, грубыя, неизящныя очертанія, некрасивыя подробности, которыя отличаютъ жилища калифорнійскихъ рудокоповъ,—все это представлялось здѣсь взорамъ во всей своей наготѣ, и къ этому присоединялся еще угрюмый характеръ запущенности и разоренія. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хижины находилось огороженное пространство, которое въ краткіе дни супружескаго счастія пріятеля Тенесси служило садомъ, но теперь заросло папортникомъ. Подойдя ближе, мы удивились, увидя, что то, чтó мы приняли-было за свѣже-вскопанную гряду, была груда земли изъ только-что вырытой могилы.

Телѣжка остановилась передъ самой оградой; отвергнувъ всѣ услуги, съ той простой, спокойной самоувѣренностью, которую онъ выказывалъ все время, пріятель Тенесси взвалилъ грубый гробъ себѣ на плечи и сложилъ его безъ всякой посторонней помощи въ неглубокую могилу. Затѣмъ онъ прибилъ доску, которая служила ему крышкой, и взобравшись на небольшое возвышеніе, снялъ шляпу и медленно обтеръ себѣ лицо носовымъ платкомъ. Присутствующіе поняли, что онъ готовится произнести рѣчь, и разбившись на кучки, разсѣлись по корнямъ деревьевъ, на камняхъ, и ждали, что будетъ.

— Когда человѣкъ,—медленно началъ пріятель Тенесси,—шибко набѣгался зá-день, то чтó ему остается дѣлать? Разумѣется, идти

домой. А если онъ не въ состоянiи идти домой, то чтó можетъ сдѣлать для него его лучшiй другъ? Разумѣется, принести его домой! Итакъ, вотъ—Тенесси, который всласть набѣгался, и вотъ —мы принесли его домой.

Онъ умолкъ, и поднявъ съ земли кусочекъ кварца, задумчиво потеръ имъ рукавъ и продолжалъ:

— Не разъ случалось мнѣ носить его на плечахъ, какъ вы это сейчасъ видѣли. Не разъ приносилъ я его вотъ въ эту хижину, въ такомъ видѣ, когда онъ самъ не могъ двигаться; не разъ я и «Дженни» дожидались его на томъ холмѣ и, забравъ его, доставляли домой въ такомъ состоянiи, когда онъ не могъ ни говорить, ни видѣть меня. И вотъ теперь, когда это случается въ послѣднiй разъ... тутъ онъ остановился и тихо провелъ кусочкомъ кварца по рукаву... теперь, скажу вамъ, тяжко приходится его прiятелю. Затѣмъ, господа, прибавилъ онъ, внезапно поднимая съ земли свою лопату, погребенiе кончено: примите мою благодарность и благодарность Тенесси за ваше безпокойство.

Отклонивъ всѣ предложенiя о помощи, онъ принялся закидывать землей могилу, повернувшись спиной къ толпѣ, которая постепенно разошлась послѣ минутнаго колебанiя. Когда поселенцы проходили по небольшому возвышенiю, скрывавшему Санди-Баръ изъ глазъ, нѣкоторымъ изъ нихъ, которые оглянулись назадъ, показалось, что они видятъ прiятеля Тенесси, который, окончивъ свое дѣло, сидѣлъ на могилѣ, держа лопату между колѣнъ и закрывъ лицо своимъ краснымъ носовымъ платкомъ. Но другiе утверждали, что на такомъ разстоянiи нельзя было различить его лица отъ его платка, и такимъ образомъ этотъ пунктъ остался неразъясненнымъ.

Въ реакцiю, которая наступила вслѣдъ за лихорадочнымъ возбужденiемъ этого дня, прiятель Тенесси не былъ позабытъ. Секретное слѣдствiе очистило его отъ всякаго подозрѣнiя въ соучастiи въ преступленiи Тенесси и возбудило только сомнѣнiе въ его здравомыслiи. Санди-Баръ поставилъ себѣ въ обязанность навѣщать его и осыпать различными грубыми, но искренними любезностями. Но съ этого дня его крѣпкое здоровье и его большая сила стали измѣнять ему, а когда началось дождливое время и скудная травка стала пробиваться на могилѣ Тенесси, онъ слегъ въ постель.

Какъ-то ночью, когда сосны, росшiя передъ хижиной, склоняясь подъ бурей-непогодой, раскидывали свои вѣтки надъ кровлей хижины и въ нее доносился ревъ и шумъ вздувшейся рѣки, прiятель Тенесси поднялъ голову съ подушки, проговоривъ: «пора

идти за Тенесси; я долженъ заложить «Дженни» въ телѣжку» — и собирался встать съ постели, но его удержалъ ухаживавшій за нимъ поселенецъ. Борясь съ нимъ, онъ продолжалъ свой странный бредъ:—«Такъ, такъ, смирно «Дженни», смирно, моя старушка. Какъ темно! берегись ухабовъ, да смотри, какъ-нибудь не наступи на него. Иногда, вѣдь знаешь сама, когда онъ сильно пьянъ, то угодитъ какъ разъ посреди дороги. Держись все прямо, какъ разъ на самыя сосны, вверхъ по горѣ. Вотъ онъ—говорю тебѣ! вотъ онъ... вотъ онъ идетъ на своихъ ногахъ трезвый и съ сіяющимъ лицомъ. Тенесси, старый пріятель!

И такимъ образомъ они встрѣтились.

VII.

Изумительныя похожденія мастэра Чарльза Соммертона.

Утромъ, ровно въ половинѣ десятаго, въ субботу, 26-го января 1865 г. *мастэръ* Чарльзъ Соммертонъ, пяти лѣтъ отъ роду, таинственно исчезъ изъ родительскаго дома, на Фольсомъ-Стритѣ въ Санъ-Франциско. Въ девять часовъ и 25 минутъ его видѣлъ мясникъ, который въ это время предавался забавѣ юношескаго возраста, а именно кувыркался — упражненіе, въ которомъ онъ достигъ замѣчательнаго совершенства. Въ слѣдственной коммиссіи, наряженной на скорую руку, въ людской дома подъ № 1015-мъ, Бриджетъ, кухарка, показала, что накрыла его въ девять часовъ и двадцать минутъ въ кладовой, въ ту самую минуту, какъ онъ собирался стянуть нѣсколько кусковъ сахара, чему, по ея собственному показанію, она ни за что не воспрепятствовала бы, если бы могла предвидѣть то, что́ случилось. Патси, мальчикъ съ визгливымъ голосомъ изъ сосѣдняго переулка, показывалъ, что видѣлъ «Чарлиньку» въ половинѣ девятаго около лавки мясника за угломъ, но такъ какъ этотъ же юный джентльменъ высказывалъ совершенно голословное предположеніе, что мясникъ изрубилъ на сосиски пропавшее дитя, то показаніе его принято было съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ членами суда женскаго пола, и съ искреннимъ гнѣвомъ и презрѣніемъ судьями-мужчинами.

Но какъ бы то ни было, а несомнѣнно одно, что съ половины десятаго утра до девяти часовъ вечера, когда Чарльзъ Соммертонъ былъ приведенъ домой полисменомъ, онъ пропадалъ изъ дому. Будучи по природѣ очень скрытнаго нрава, онъ ни за что и никому, за исключеніемъ одного только человѣка, не хо-

тѣлъ открыть, какъ и гдѣ провелъ все это время. Исключенiе было сдѣлано для меня. Онъ разсказалъ мнѣ нижеслѣдующее подъ великимъ секретомъ.

Выходя за двери родительскаго дома, онъ намѣревался прямо отправиться на Ванъ-Дименову Землю, но впослѣдствiи этотъ проектъ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что предполагалось завернуть и въ Отаити, гдѣ былъ убитъ капитанъ Кукъ. Средства для предстоящаго путешествiя заключались въ двухъ билетахъ на мѣста въ омнибусѣ, пяти центахъ серебряной монетой, удочки, мѣдной катушки изъ-подъ бумажныхъ нитокъ, которая въ его глазахъ смахивала на деньги, и билета въ библiотеку воскресной школы. Одежда его, удивительно приспособленная ко всякому климату, состояла изъ соломенной шляпы съ розовой лентой, полосатой рубашки, поверхъ которой надѣты были непомѣрно широкiя, сравнительно съ ихъ длиной, панталоны, полосатыхъ чулокъ, придававшихъ его дѣтскимъ ножкамъ сходство съ леденцомъ, и башмаки съ мѣдными пуговками и стальными каблуками, которые могли выбивать искры изъ тротуарныхъ плитъ. Это послѣднее обстоятельство, по мнѣнiю мастэра Чарли, должно было оказаться для него весьма полезнымъ въ пустыняхъ Ванъ-Дименовой Земли, которая, судя по картинкамъ въ его географiи, страдала отсутствiемъ мелочныхъ лавочекъ и спичекъ.

Въ ту самую минуту, какъ часы пробили половину десятаго, маленькiя ножки и соломенная шляпа мастэра Чарльза Соммертона скрылись за угломъ. Онъ пустился бѣгомъ, частiю для того, чтобы прiучить себя къ трудностямъ своего путешествiя, частiю же затѣмъ, чтобы обогнать проѣзжавшiй мимо омнибусъ. Кондукторъ, не подозрѣвавшiй объ этомъ возвышенномъ и благородномъ соревнованiи и ощутившiй нѣкоторое состраданiе при видѣ пары ножонокъ, работавшихъ изъ всѣхъ силъ, чтобы нагнать омнибусъ, остановилъ послѣднiй и великодушно помогъ юному Соммертону вскарабкаться на козлы. Тутъ наступаетъ довольно продолжительный пробѣлъ въ разсказѣ Чарльза. Онъ вынесъ такое впечатлѣнiе, что не только «проѣздилъ» свои два билета, но даже задолжалъ компанiи за нѣсколько переѣздовъ взадъ и впередъ по городу, пока наконецъ не былъ высаженъ, къ великому своему удовольствiю, на углу какой-то улицы, послѣ того, какъ рѣшительно отказался объяснить свое поведенiе. Хотя, какъ онъ сообщаетъ намъ самъ, онъ былъ весьма доволенъ такимъ исходомъ дѣла, однако нашелся вынужденнымъ при существующихъ обстоятельствахъ пустить вслѣдъ кондуктору бранное словцо, которое,

по увѣренію Патси, было самымъ подходящимъ въ подобныхъ случаяхъ и казалось особенно обиднымъ.

Теперь мы подходимъ къ самой поразительной части его разсказа, передъ которой блѣднѣютъ приключенія мальчика-съ-пальчикъ. Бываютъ моменты, когда воспоминаніе объ этихъ похожденіяхъ бросаетъ мастэра Чарльза въ жаръ и въ холодъ, и неоднократно случалось ему просыпаться ночью съ плачемъ и рыданіями, только потому, что эти похожденія приснились ему.

На углу улицы стояло нѣсколько пустыхъ бочекъ изъ-подъ сахару. Нѣсколько юныхъ джентльменовъ распоряжались тутъ, вооруженные палочками, которыми они соскабливали сахаръ, приставшій къ стѣнкамъ, и таскали его въ ротъ. Мастэръ Чарльзъ, найдя бочку, незанятую никѣмъ, съ рвеніемъ принялся за дѣло и въ теченіи нѣсколькихъ минутъ плавалъ въ неописанномъ сахарномъ блаженствѣ, изъ котораго его внезапно вывели чей-то сердитый голосъ и быстро удаляющіеся шаги его товарищей. Зловѣщій стукъ поразилъ его слухъ, и вслѣдъ затѣмъ онъ почувствовалъ, какъ бочка, въ которой онъ лежалъ, была приподнята и приставлена къ стѣнкѣ. Онъ очутился плѣнникомъ, хотя его и не открыли. Убѣжденный въ душѣ, что преступленіе, совершенное имъ, систематически и легально карается висѣлицей, онъ мужественно сдержалъ вопль, готовый вырваться изъ его груди.

Нѣсколько минутъ спустя онъ почувствовалъ, что бочку снова приподнимаетъ какая-то могучая рука, которая ухватилась за край его темницы и, по его мнѣнію, должна была принадлежать свирѣпому великану въ семи-мильныхъ сапогахъ, изображеніе котораго онъ часто встрѣчалъ въ раскрашенныхъ картинкахъ. Прежде чѣмъ онъ могъ опомниться отъ удивленія, бочка была поставлена, вмѣстѣ со многими другими, на телѣгу, которая быстро покатилась впередъ. Путешествіе его при такихъ условіяхъ было, какъ онъ описываетъ, крайне мучительно. Его бросало изъ угла въ уголъ, точно пилюлю въ пустой коробкѣ, и страданія его можно себѣ представить, но не описать. Слѣды этой продолжительной пытки виднѣлись на его одеждѣ, пропитавшейся сахарнымъ сыропомъ и въ его волосахъ, съ которыхъ послѣ продолжительнаго мытья въ горячей водѣ все еще стекала сахарная вода. Наконецъ, телѣга остановилась у набережной и извозчикъ принялся разгружать ее. Когда онъ спускалъ на-земь бочку, гдѣ притаился Чарльзъ, восклицаніе удивленія сорвалось съ его губъ и руки выпустили край бочки, которая покатилась на землю, выкинувъ своего постояльца на мостовую. Вскочить на

свои маленькія ножки и пуститься бѣжать во всѣ лопатки, было первымъ побужденіемъ Чарльза, какъ скоро онъ почувствовалъ себя свободнымъ. Онъ остановился не прежде, какъ добѣжавъ до угла Фронтъ-Стрита.

Тутъ опять существуетъ пробѣлъ въ этой правдивой исторіи. Онъ никакъ не можетъ припомнить, какимъ образомъ или когда онъ очутился передъ палаткой цирка. Онъ смутно помнитъ, что проходилъ по длинной улицѣ, гдѣ лавки всѣ были заперты. Это навело его на мысль, что сегодня воскресенье и что онъ провелъ злосчастную ночь въ бочкѣ изъ-подъ сахара. Онъ помнитъ, что услыхавъ звуки музыки въ палаткѣ, подползъ на четверенькахъ и приподнявъ холстъ въ ту минуту, какъ никого не было вблизи, пробрался въ палатку. Описаніе чудесъ, происходившихъ въ палаткѣ, ужасающихъ штукъ, выкидываемыхъ какимъ-то человѣкомъ на шестѣ, и которыя Чарльзъ пытался изобразить впослѣдствіи на заднемъ дворѣ; разсказъ о лошадяхъ, изъ которыхъ одна была вся въ пятнахъ и походила на животнаго изъ «Ноева ковчега» Чарльза, доселѣ еще непризнанное и неописанное; о женщинахъ-всадницахъ, съ великолѣпіемъ костюмовъ которыхъ могли сравняться лишь платья сестриной куклы, о раскрашенномъ клоунѣ, чьи продѣлки возбуждали смѣхъ, съ примѣсью какого-то неопредѣленнаго страха—все это требовало такихъ усилій краснорѣчія со стороны мастэра Чарльза, что мое перо не въ силахъ его изобразить, да и никакіе восклицательные знаки не могутъ его передать. Онъ хорошенько не помнитъ, что́ затѣмъ воспослѣдовало. Онъ помнитъ только, что на дворѣ смерклось, когда онъ вышелъ изъ цирка, и что онъ заснулъ, и въ промежуткахъ прогуливался по улицамъ на чьихъ-то рукахъ и наконецъ очутился въ своей постелѣ. Онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго раскаянія въ своемъ поступкѣ; не помнитъ, чтобы ему хотѣлось вернуться домой; онъ отчетливо помнитъ одно, что ощущалъ голодъ.

Онъ сообщилъ все это по секрету. Онъ желаетъ, чтобы тайна его была уважена. Онъ желаетъ узнать, читатель, есть ли у васъ въ карманѣ пять центовъ.

VIII.

Въ ожиданіи корабля.

Идиллія Фортъ-Пойнта.

Въ часовомъ разстояніи отъ плаца возвышается высокая скала, о которую непрерывно разбиваются волны океана. На песчаномъ берегу разбросано нѣсколько хижинъ, которыя имѣютъ такой видъ, какъ будто бы бурное море только-что вышвырнуло ихъ на берегъ. Обработанные небольшіе клочки земли, расположенные позади каждаго жилища, обнесены бамбуковымъ плетнемъ. Каждый изъ этихъ садиковъ, съ его небольшими грядами зеленой капусты и морковки, смахиваетъ на акварій, изъ котораго вытекла вода. Въ самомъ дѣлѣ, вы не удивились бы, встрѣтивъ русалку, окапывающую картофель или сирену, доящую моржа.

Близъ этого мѣста въ прежнее время возвышался большой береговой телеграфъ, простиравшій къ горизонту свои костлявыя руки. Онъ былъ замѣненъ обсерваторіей, соединенной электрическимъ нервомъ съ самымъ сердцемъ большого торговаго города. Съ этого пункта подаются сигналы о приходящихъ корабляхъ и дается знать объ ихъ приходѣ на биржу. И вотъ, пока мы дожидаемся прибытія парохода, позвольте мнѣ разсказать вамъ одну исторію.

Нѣсколько времени тому назадъ, простой трудолюбивый рабочій накопилъ достаточно денегъ, работая на пріискахъ, чтобы выписать съ родины жену и двухъ дѣтей. Онъ прибылъ въ Санъ-Франциско за мѣсяцъ до прибытія корабля, который долженъ былъ привезти ихъ: онъ былъ житель Запада, совершилъ свой переѣздъ сухимъ путемъ и ничего не зналъ ни о корабляхъ, ни объ рейсахъ, ни о буряхъ. Онъ досталъ себѣ работу въ городѣ, но по мѣрѣ того какъ время шло, онъ аккуратно каждый день ходилъ за справками въ контору, куда сообщалось о приходѣ кораблей. Прошелъ мѣсяцъ, а корабль все не приходилъ; затѣмъ прошла еще недѣля, двѣ недѣли, три недѣли, два мѣсяца, и наконецъ цѣлый годъ.

Грубое, терпѣливое лицо, рѣзкія черты котораго смягчались кроткимъ выраженіемъ, ежедневно появлявшееся у корабельнаго агента, исчезло. Однажды послѣ полудня оно снова появилось въ обсерваторіи, когда заходящее солнце смѣнило телеграфиста

съ его поста. Въ разспросахъ незнакомца было столько дѣтски-наивнаго и простого, что телеграфистъ съ охотой удовлетворилъ его любопытство. Когда тайны сигналовъ и телеграммъ были разоблачены передъ нимъ, незнакомецъ сдѣлалъ еще одинъ вопросъ: — какъ долго можетъ пропадать корабль, прежде чѣмъ его сочтутъ погибшимъ?

Телеграфистъ не могъ этого сказать; это зависѣло отъ обстоятельствъ.

— Годъ, напримѣръ?—Да, можетъ быть и годъ; бывало, что корабли, которые считались погибшими въ теченіи двухъ лѣтъ, приходили на родину.

Незнакомецъ вложилъ свою грубую руку въ руку телеграфиста, поблагодарилъ его за безпокойство и ушелъ.

А корабль все не приходилъ. Стройные клипера подплывали къ гавани, купеческія суда приходили съ своими пестрыми значками, и эхо въ горахъ часто откликалось на привѣтственную пушечную пальбу. Терпѣливое лицо съ прежнимъ покорнымъ выраженіемъ на челѣ, но съ лучомъ надежды въ глазахъ аккуратно появлялось на людныхъ палубахъ пароходовъ въ то время, какъ они освобождались отъ своего живого груза. Онъ все еще лелѣялъ надежду, что пропавшія дорогія существа могутъ прибыть въ одинъ прекрасный день. Онъ вступалъ въ бесѣду съ капитанами кораблей и матросами, пока наконецъ и эта послѣдняя надежда ему не измѣнила. Когда озабоченное лицо и ясные глаза снова появились въ обсерваторіи, телеграфистъ былъ очень занятъ, ему нѣкогда было отвѣчать на праздные вопросы, и посѣтитель ушелъ неудовлетворенный. Но съ наступленіемъ ночи его узрѣли сидящимъ на утесѣ, съ лицомъ обращеннымъ къ морю, и въ этой позѣ онъ просидѣлъ всю ночь.

Когда онъ окончательно сошелъ съума, ибо, по объясненію медиковъ, безуміе сообщало его глазамъ ихъ блескъ и оживленіе— то за нимъ сталъ ухаживать его товарищъ, такой же работникъ, какъ и онъ самъ, и знавшій объ его горѣ. Ему не препятствовали ходить ночью, когда никто другой не сторожилъ прихода кораблей, на берегъ и дожидаться тамъ корабля, который долженъ былъ привезти «ее» и «дѣтей». Онъ вбилъ себѣ въ голову, что корабль придетъ непремѣнно ночью. Эта мысль и другая, а именно, что онъ смѣняетъ телеграфиста, который утомился за день, повидимому утѣшали его. И вотъ, онъ ходилъ и смѣнялъ телеграфиста каждую ночь!

Цѣлыхъ два года приходили и уходили корабли. Онъ всегда встрѣчалъ и провожалъ ихъ. Его знавали лишь немногіе, посѣ-

щавшіе пристань. Когда однажды онъ не появился на своемъ обычномъ мѣстѣ, то отсутствіе его было замѣчено не сразу. Однажды въ воскресенье общество, гулявшее на берегу моря, замѣтило собаку, которая съ лаемъ забѣгала впередъ и какъ-бы звала послѣдовать за собой. Гуляющіе пошли за собакой и нашли просто-одѣтаго человѣка, распростертаго на землѣ и мертваго. Въ его карманѣ было засунуто нѣсколько бумажонокъ—главнымъ образомъ вырѣзки изъ различныхъ газетъ, въ которыхъ сообщалось о приходѣ различныхъ кораблей, а лицо было обращено къ отдаленному морю.

IX.

Млиссъ.

ГЛАВА I.

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Сіерра-Невада переходитъ въ рядъ холмовъ, лежитъ такъ-называемый «Карманъ Смита». Этотъ поселокъ обязанъ своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что на этомъ мѣстѣ нѣкій Смитъ нашелъ «карманъ» [1]). Въ какихъ-нибудь полчаса Смитъ добылъ изъ него пять тысячъ долларовъ. Три тысячи долларовъ было истрачено Смитомъ на устройство промывного станка и штоленъ. Но тутъ-то и оказалось, что «Карманъ Смита» былъ въ самомъ дѣлѣ «Карманомъ», и подобно всякимъ карманамъ могъ опорожняться. Хотя Смитъ усердно рылся въ нѣдрахъ большой «Красной Горы», но пять тысячъ долларовъ остались первымъ и послѣднимъ результатомъ его трудовъ. Гора не выдавала больше своихъ сокровищъ и станокъ усердно промывалъ остатки Смитова богатства. Самъ Смитъ быстро спускался по общественной лѣстницѣ, и вскорѣ начали поговаривать о томъ, что Смитъ пьетъ; затѣмъ стало достовѣрнымъ, что Смитъ пьяница, и наконецъ люди, по своему обыкновенію, позабыли даже, что онъ былъ когда-нибудь не пьяницей.

Но неудачи Смита не помѣшали поселку процвѣтать, и мало-по-малу «Карманъ Смита» превратился въ небольшой городокъ съ двумя магазинами модъ, съ двумя гостинницами, почтовымъ бюро и двумя «именитыми» фамиліями. Затѣмъ основалась методистская церковь; затѣмъ, немного спустя, пришлось разбить кладбище на скатѣ горы, наконецъ дошелъ чередъ и до школы.

---

[1]) *«Карманъ»* на языкѣ калифорнійскихъ золотоискателей обозначаетъ такую яму, гдѣ очень много золотого песку.

«Учитель», какъ его величало маленькое стадо, ввѣренное его попеченіямъ, сидѣлъ однажды вечеромъ въ школѣ; передъ нимъ раскрыто было нѣсколько тетрадокъ для правописанія, и онъ старательно выводилъ тѣ смѣлыя и круглыя буквы, въ которыхъ, по общераспространенному мнѣнію, соединяются красоты каллиграфіи и нравственности. Онъ только-что добрался до изреченія: «Богатство измѣнчиво», и заботливо выводилъ прописную букву съ той неправильностью въ росчеркахъ, какая вполнѣ соотвѣтствовала неискренности самаго текста,—какъ вдругъ услышалъ легкій стукъ въ дверь. Сороки цѣлый день стрекотали на крышѣ и это не мѣшало его занятіямъ, но отворившаяся дверь заставила его оглянуться. Онъ нѣсколько изумился, увидя передъ собой маленькую дѣвочку, грязно и бѣдно одѣтую. Однако ея большіе черные глаза, ея жесткіе всклокоченные черные волосы, падавшіе на загорѣлое лицо, ея красныя руки и ноги, перепачканныя въ красной глинѣ, были ему хорошо знакомы. То была Млисса Смитъ, дочь Смита, давно лишившаяся матери.

— «Чтó ей понадобилось здѣсь?» подумалъ учитель. Вдоль и вверхъ «Красной Горы» всякій зналъ «Млиссъ», какъ ее величали. Всякій зналъ ее за бѣдовую дѣвчонку. Ея вспыльчивый, непокорный нравъ, ея безумныя выходки и безпутный характеръ вошли въ пословицу, равно какъ и повѣсть о несчастной слабости ея отца. И то и другое философски принималось жителями городка. Она дралась съ школьниками и щеголяла при этомъ не только изумительнымъ богатствомъ бранныхъ словъ, но и необыкновенной силой. Она лазила по горамъ съ ловкостью опытнаго горца, и учителю случалось встрѣчать ее за цѣлыя мили отъ поселка, босикомъ и съ непокрытой головой. Добровольныя подачки, которыя она собирала въ лагеряхъ рудокоповъ, разсѣянныхъ вдоль по теченію рѣки, поддерживали ея существованіе. Нельзя сказать, чтобы никто и никогда не интересовался судьбой Млиссъ: достопочтенный Джошуа Макъ-Снэгли, мѣстный проповѣдникъ, помѣстилъ ее служанкой въ одну изъ гостинницъ въ видахъ первоначальнаго усовершенствованія ея манеръ; онъ также представилъ ее ученикамъ своей воскресной школы. Но Млиссъ швыряла тарелки въ голову хозяина гостинницы и зубъ-за-зубъ грызлась съ посѣтителями, а въ воскресной школѣ являлась такимъ пятномъ среди приличной и скучной обстановки этого заведенія, что достопочтенный джентльменъ вынужденъ былъ изгнать ее съ позоромъ, во вниманіе къ крахмальнымъ платьямъ и незапятнанной нравственности двухъ бѣло-розовыхъ дѣтей именитыхъ фамилій.

Таковы были антецеденты и характеръ Млиссъ, стоявшей теперь передъ учителемъ. Они выражались въ оборванномъ платьѣ, въ нечесанныхъ волосахъ и порѣзанныхъ ногахъ, и взывали къ его состраданію. Они сверкали въ ея черныхъ, безстрашныхъ глазахъ, и заявляли право на его уваженіе.

— Я пришла сюда вечеромъ, начала она отважно и скороговоркой, не спуская съ него своего жесткаго взгляда, потому что знала, что вы одни. Я бы не пришла въ то время, когда тутъ находятся эти дѣвчонки. Я ненавижу ихъ, и онѣ меня ненавидятъ. Вотъ что́. Вы учитель, неправда ли? Я хочу учиться.

Еслибы при своей жалкой наружности, всклокоченныхъ волосахъ и запачканномъ лицѣ она бы еще и расплакалась, то учитель почувствовалъ бы къ ней жалость, и больше ничего. Но отвага ея пробудила въ немъ то чувство уваженія, которое всѣ оригинальныя натуры невольно внушаютъ другъ другу. Въ то время, какъ онъ пристально глядѣлъ на нее, она продолжала еще торопливѣе:

— Меня зовутъ Млиссъ, Млиссъ Смитъ! Это вѣрно. Мой отецъ старый Смитъ! старый пьяница Смитъ. Я — Млиссъ Смитъ, и хочу учиться въ школѣ.

— Ну такъ чтожъ? отвѣчалъ учитель.

Она привыкла къ грубому обхожденію и отказамъ, которые зачастую обусловливались лишь желаніемъ обуздать ея непокорную натуру, а потому флегматичность учителя, очевидно, удивила ее. Она умолкла и принялась вертѣть въ пальцахъ прядь волосъ; своенравная линія, обрисовывавшаяся вокругъ ея рта, смягчилась и губы задрожали. Она опустила глаза, что-то въ родѣ румянца появилось на ея щекахъ, покрытыхъ грязью и загаромъ. Вдругъ она бросилась впередъ, призывая Бога убрать ее къ себѣ, и упала лицомъ на столъ учителя, рыдая и плача такъ, какъ будто бы сердце у ней разрывалось.

Учитель тихонько поддержалъ ее и ждалъ, пока не пройдетъ пароксизмъ. Когда, отвернувъ свое лицо, она принялась, среди рыданій, каяться въ своихъ преступленіяхъ, повторяя, что «хочетъ быть доброй, хочетъ исправиться» и проч., онъ спросилъ ее: почему она оставила воскресную школу.

Почему она оставила воскресную школу? Да, почему. Зачѣмъ онъ (Макъ-Снэгли) все твердилъ ей, что она дурная дѣвочка? Зачѣмъ онъ говорилъ, что она противна Богу? Если она противна Богу, то зачѣмъ ей ходить въ воскресную школу? Она не желаетъ надоѣдать тѣмъ, кому она противна.

Учитель разсмѣялся и вздохнулъ. И смѣхъ и вздохъ были

отъ души. Онъ спросилъ ее объ отцѣ, но это вызвало новыя рыданія у Млиссъ и горячія пожеланія, чтобы Богъ прибралъ ее, чтобы смерть взяла ее и проч. Учитель утѣшалъ ее, завернулъ въ шаль, и наказавъ ей приходить рано поутру, проводилъ ее до дверей школы. Тамъ онъ простился съ нею. Луна ярко освѣщала узкую тропинку, которая вилась передъ его глазами. Онъ остановился и наблюдалъ за маленькой фигуркой, двигавшейся по тропинкѣ, пока она не скрылась изъ его глазъ. Тогда онъ вернулся къ своему дому. Но мысль о плачущей и огорченной дѣвочкѣ не выходила у него изъ головы; школа показалась ему какой-то пустынной, и онъ ушелъ домой.

На слѣдующее утро Млиссъ явилась въ школу. Лицо ея было умыто, а жесткіе, черные волосы носили явные слѣды недавней борьбы съ гребнемъ, отъ которой досталось какъ гребню, такъ и волосамъ. Недовѣріе все еще просвѣчивало въ ея глазахъ, но вообще она вела себя сдержаннѣе и смирнѣе. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ небольшихъ испытаній и жертвъ, выпадавшихъ на долю какъ учителю, такъ и его ученицѣ. Но это обстоятельство только скрѣпило ихъ взаимное довѣріе и симпатію. Хотя Млиссъ повиновалась каждому взгляду учителя, но по временамъ, подъ вліяніемъ дѣйствительной или мнимой обиды со стороны товарищей, приходила въ невыразимое бѣшенство, и не разъ какой-нибудь маленькій тиранъ, побитый собственнымъ оружіемъ, прибѣгалъ съ разорванной курточкой и исцарапаннымъ лицомъ жаловаться учителю на свирѣпую Млиссъ. Послѣдняя послужила яблокомъ раздора для городскихъ жителей: одни грозили, что удалятъ своихъ дѣтей отъ такого опаснаго товарищества; другіе же съ жаромъ одобряли образъ дѣйствія учителя и сочувствовали принятой имъ на себя задачѣ исправленія Млиссъ; нѣкоторые изъ поселенцевъ сколотили небольшую сумму, благодаря которой оборванная Млиссъ могла облечься въ приличный и цивилизованный костюмъ, и зачастую крѣпкое пожатіе руки и безъискусственная похвала какого-нибудь неотесаннаго поселенца въ красной рубашкѣ вызывали краску на щекахъ учителя и заставляли его спрашивать себя: заслуживаетъ ли онъ такихъ похвалъ?

Три мѣсяца прошло послѣ ихъ перваго свиданія, и однажды вечеромъ учитель сидѣлъ склонившись надъ нравственными поученіями прописи, какъ вдругъ послышался стукъ въ дверь, и Млиссъ снова выросла передъ нимъ. Она была умыта и чисто одѣта и ничто не напоминало ея прежняго образа, кромѣ развѣ длинныхъ черныхъ волосъ и яркихъ черныхъ глазъ.

— Вы заняты? спросила она его. Нельзя ли вамъ идти со мной? и когда онъ отвѣчалъ, что готовъ за ней слѣдовать, прибавила своимъ прежнимъ, своенравнымъ тономъ: — когда такъ, идемте, да проворнѣй!

Они вмѣстѣ вышли за дверь и отправились по темной дорогѣ. Когда они вошли въ городъ, учитель спросилъ, куда она ведетъ его. Она отвѣчала: «повидаться съ отцомъ».

Онъ впервые услышалъ, что она назвала его такимъ почтительнымъ именемъ; до сихъ поръ она всегда величала его «старый Смитъ» или «старикъ.» Въ послѣдніе три мѣсяца она совсѣмъ не говорила про него, и учителю извѣстно было, что со времени своего исправленія Млиссъ жила отдѣльно отъ отца.

Убѣдившись, что всякіе дальнѣйшіе разспросы безполезны, онъ пассивно слѣдовалъ за ней. По разнымъ глухимъ мѣстамъ, по кабакамъ, ресторацiямъ и харчевнямъ, по игорнымъ домамъ и танцклассамъ водила Млиссъ учителя. Среди дыма и грубыхъ возгласовъ, наполнявшихъ эти вертепы, дитя, держась за руку учителя, тревожно вглядывалось въ толпу, поглощенное одной мыслью. Порою какой-нибудь кутила узнавалъ Млиссъ, приглашалъ ее пропѣть и проплясать и заставилъ бы пить водку, если бы учитель не мѣшалъ. Другіе молча, признавъ его, пропускали впередъ оригинальную чету; такъ прошло около часу. Наконецъ дитя прошептало ему на ухо, что по ту сторону ручья, на которомъ устроенъ былъ промывательный станокъ, стоитъ избушка, въ которой быть можетъ отецъ и находится. Туда пришли они послѣ получасовой, затруднительной ходьбы... но никого не нашли. Они обогнули штольни и обратили взоры на огни города, раскинувшагося на противуположномъ берегу, какъ вдругъ рѣзкій, короткій трескъ донесся въ ясномъ ночномъ воздухѣ. Эхо подхватило его, а собаки отозвались на него громкимъ лаемъ. На минуту огни какъ-бы запрыгали на окраинахъ города, ручей явственно зажурчалъ, нѣсколько камней оторвалось отъ горы и скатилось въ ручей; проснувшійся вѣтеръ прошумѣлъ въ верхушкахъ похоронныхъ елей, и безмолвіе, воцарившееся вслѣдъ затѣмъ, показалось еще глубже, еще тяжелѣе, еще зловѣщѣе. Учитель повернулся къ Млиссъ, безсознательно стремясь защитить ее, но дитя уже убѣжало. Пораженный непонятнымъ страхомъ, онъ бросился бѣжать внизъ по тропинкѣ къ руслу рѣки и прыгая съ камня на камень, достигъ подошвы «Красной горы» и крайнихъ домовъ поселка. Когда онъ переправлялся черезъ рѣку, то взглянулъ наверхъ и съ испугомъ перевелъ духъ. Высоко надъ

собой, на узкой тропинкѣ онъ увидѣлъ маленькую фигуру своей спутницы, быстро двигавшуюся въ темнотѣ.

Онъ выбрался на берегъ и, запыхавшись отъ скорой ходьбы, очутился, идя на огоньки, двигавшіеся по горѣ, среди толпы испуганныхъ и разстроенныхъ людей. Среди нихъ показалось дитя, взяло учителя за руку и молча подвело его къ какой-то пещерѣ въ горѣ. Лицо Млиссъ было блѣдно, но возбужденіе ея улеглось, и взглядъ какъ-бы говорилъ, что она давно ждала того, что̀ случилось... выраженіе этого взгляда показалось смущенному учителю почти успокоительнымъ. Дитя указало пальцемъ на нѣчто, что̀ можно было принять за груду тряпья, позабытаго прежнимъ обитателемъ пещеры. Учитель подошелъ ближе съ своимъ фонаремъ и наклонился надъ тряпьемъ. То былъ Смитъ, уже похолодѣвшій, съ пистолетомъ въ рукѣ и пулей въ сердцѣ, лежавшій возлѣ своего пустого кармана.

ГЛАВА II.

Смерть Смита дала поводъ достопочтенному Макъ-Снэгли весьма краснорѣчиво толковать объ исправленіи Млиссъ, причемъ онъ косвенно приписывалъ несчастному ребенку самоубійство отца. Онъ вдавался въ такіе чувствительные намеки, въ воскресной школѣ, на благодѣтельное вліяніе «безмолвной могилы,» что привелъ большинство дѣтей въ неописанный ужасъ и заставилъ бѣло-розовые отпрыски именитыхъ фамилій разразиться истерическимъ плачемъ, котораго не могли унять никакія утѣшенія.

Наступило длинное сухое лѣто. Травка, зазеленѣвшая въ первые весенніе дни надъ могилой Смита, высохла и почернѣла, но учитель, которому случалось проходить въ праздничные дни мимо маленькаго кладбища, не мало дивился, замѣчая, что могила осыпана полевыми цвѣтами и простенькіе вѣнки украшаютъ небольшой крестъ изъ еловаго дерева. Бо̀льшею частію вѣнки эти бывали сплетены изъ душистой травы, которую школьники охотно держали въ своихъ пюпитрахъ, пополамъ съ цвѣтами каштановъ, бузины и лѣсныхъ анемоновъ; порою учитель замѣчалъ присутствіе темно-синяго колокольчика, волчьяго корня или ядовитаго аконита. Въ странной ассоціаціи этихъ зловредныхъ растеній съ вниманіемъ къ памяти покойнаго было нѣчто такое, что̀ ущемило учителя за самое сердце. Однажды во время длинной прогулки, проходя по лѣсистому гребню горы, онъ набрелъ въ самой густой чащѣ лѣса на Млиссъ, которая возсѣдала на импровизованномъ тронѣ, на переплетенныхъ между собою вѣткахъ по-

валенной ели; на колѣняхъ у ней лежали различныя травы и еловыя шишки, и она напѣвала про себя одну изъ негритянскихъ пѣсенокъ, убаюкивавшихъ ее въ младенческіе годы. Узнавъ его издали, она очистила ему мѣсто на своемъ возвышенномъ тронѣ, и съ важнымъ и покровительственнымъ видомъ гостепріимной хозяйки, который былъ бы смѣшонъ, еслибы не былъ такъ серьёзенъ, принялась угощать его дикими яблоками и еловыми шишками. Учитель воспользовался этимъ случаемъ, чтобы объяснить ей зловредныя и ядовитыя свойства волчьяго корня, который красовался у ней на колѣняхъ въ числѣ другихъ растеній, и взялъ съ нея обѣщаніе не рвать его, пока она находится на его попеченіи. Добившись этого обѣщанія, учитель успокоился, такъ какъ зналъ уже по опыту, что на слово Млиссъ можно было положиться.

Изъ числа убѣжищъ, предложенныхъ Млиссъ, когда исправленіе ея сдѣлалось общеизвѣстнымъ, учитель избралъ для нея домъ миссисъ Морферъ, женщины мягкой и добродушной, слывшей въ молодые годы подъ названіемъ «степной розы». Будучи изъ тѣхъ личностей, которыя ведутъ ожесточенную борьбу съ собственной природой, миссисъ Морферъ, путемъ цѣлаго ряда жертвъ и самоистязаній, подчинила наконецъ свою врожденную безпечность принципамъ «порядка», которыя она за-одно съ м-ромъ Попе считала «главнымъ закономъ неба». Но она никакъ не могла справиться со своими домочадцами. Не говоря уже о супругѣ, которому случалось прегрѣшать противъ порядка, — природныя свойства ея откликались въ дѣтяхъ. Ликургъ навѣдывался въ буфетъ между трапезами, а Аристидъ приходилъ изъ школы безъ сапогъ, оставляя эту важную статью туалета за порогомъ, чтобы имѣть удовольствіе прогуляться босыми ногами по полу. Октавія и Кассандра не берегли платья. Единственнымъ исключеніемъ являлась Клитемнестра Морферъ, пятнадцатилѣтняя дѣвица. Она была олицетвореніемъ материнскаго идеала: опрятна, аккуратна и скучна.

Миссисъ Морферъ въ невинности души воображала, что «Клити» могла служить утѣшеніемъ и примѣромъ для Млиссъ. Поддавшись этому самообольщенію, миссисъ Морферъ то-и-дѣло указывала на Клити Млиссъ, когда послѣдняя «дурно вела себя». Поэтому учитель не удивился, услышавъ, что мать позволила Клити посѣщать школу, очевидно имѣя въ виду поощрить учителя и показать хорошій примѣръ Млиссъ и остальнымъ. «Клити» была вѣдь настоящей леди. Она унаслѣдовала наружность матери и, въ силу климатическихъ условій мѣстности, рано расцвѣла. Юношество Покеръ-Флата, для котораго такой цвѣтокъ

былъ въ диковину, вздыхало по ней въ апрѣлѣ и изнывало въ маѣ. Влюбленные юноши толпились у дверей школы въ моментъ распущенія учениць. Нѣкоторые ревновали къ учителю.

Быть можетъ, это послѣднее обстоятельство открыло глаза учителю. Онъ не могъ не замѣтить, что Клити была романтична; что въ школѣ она требовала, чтобы ей удѣляли много вниманія; что перья ея бывали неизмѣнно худы и требовали починки; что обыкновенно эту просьбу она сопровождала такимъ умоляющимъ взглядомъ, который плохо вязался съ ничтожностью услуги, требуемой ею; что иногда она позволяла себѣ класть свою бѣлую, пухлую руку на его руку, въ то время, какъ онъ исправлялъ ея тетрадь; что она всегда краснѣла при этомъ и отбрасывала назадъ свои бѣлокурые локоны. Не помню: говорилъ ли я, что учитель былъ молодой человѣкъ,—впрочемъ, это не важно. Онъ былъ безпощадно вышколенъ въ той школѣ, которую Клити только еще начинала проходить, и, вообще говоря, выдерживалъ нѣжные взгляды и кокетливыя ужимки, какъ настоящій юный спартанецъ. Быть можетъ, то обстоятельство, что онъ бóльшею частью бывалъ впроголодь, способствовало его аскетизму. Онъ вообще избѣгалъ Клити, но я слышалъ, что однажды вечеромъ, когда она прибѣжала въ школу за какой-то вещью, будто бы позабытой ею и которой она никакъ не могла найти, пока учитель не взялся проводить ее до дому, онъ былъ съ нею очень любезенъ, частію, я полагаю, потому, что такое поведеніе его подливало новую горечь и желчь въ удрученныя сердца поклонниковъ Клитемнестры.

На другое утро послѣ этого трогательнаго эпизода, Млиссъ не явилась въ школу. Наступилъ полдень, а Млиссъ не приходила. Изъ отвѣтовъ Клити оказалось, что онѣ вмѣстѣ шли въ школу, но что своенравная Млиссъ свернула въ другую сторону. Прошло утро, но Млиссъ не показывалась. Вечеромъ онъ пошелъ къ миссисъ Морферъ, материнское сердце которой было не на шутку встревожено. М-ръ Морферъ весь день проискалъ Млиссъ, но безуспѣшно. Аристидъ былъ заподозрѣнъ въ сообщничествѣ, но успѣлъ убѣдить домашнихъ въ своей невинности. Миссисъ Морферъ питала сильныя опасенія, что дѣвочку найдутъ утонувшей гдѣ-нибудь въ оврагѣ, или,—чтó было почти такъ же ужасно, — перепачканною до того, что вода и мыло окажутся безсильными въ борьбѣ съ грязью. Съ удрученнымъ сердцемъ вернулся учитель въ школу. Когда онъ зажегъ лампу и усѣлся у стола, то нашелъ записку, адресованную на его имя. Онъ узналъ почеркъ Млиссъ. Записка была написана на листкѣ, вы-

рванномъ, повидимому, изъ какой-то старой записной книжки, и для предупрежденія вѣроломной попытки открыть ее, запечатанная шестью сломанными облатками. Раскрывъ записку почти съ нѣжностью, учитель прочиталъ слѣдующее:

«Уважаемый сэръ, когда вы прочтете это, я уже убѣгу изъ дому. И никогда не вернусь. *Никогда*, *никогда*, *никогда*! Вы можете отдать мои бусы мери Дженнингсъ, а мою гордость Америки (раскрашенная литографія съ табачной коробки) Салли Фландерсъ. Но не давайте ничего Клити Морферъ. Не смѣйте этого дѣлать. Знаете ли, что я о ней думаю: что она совсемъ пр*а*тивная. Вотъ и все, и больше ничего отъ

преданной вамъ

Мелиссы Смитъ».

Учитель сидѣлъ и ломалъ голову надъ этимъ страннымъ посланіемъ, пока мѣсяцъ не выплылъ изъ-за отдаленныхъ горъ и не освѣтилъ тропинки, которая вела къ школѣ и была утоптана маленькими ножками. Затѣмъ, нѣсколько успокоившись, учитель разорвалъ посланіе и разбросалъ клочки.

На слѣдующее утро, съ восходомъ солнца, онъ уже пробирался сквозь лѣсную чащу, спугивая зайцевъ и возбуждая недовольный протестъ со стороны нѣсколькихъ вѣтреныхъ воронъ, которыя очевидно провели здѣсь ночь. Наконецъ онъ прошелъ на то мѣсто, гдѣ уже разъ встрѣтилъ Млиссъ. Тамъ нашелъ онъ опрокинутую ель, но тронъ былъ не занятъ. Подходя къ нему, онъ услышалъ какой-то шорохъ, который могъ быть произведенъ только испуганнымъ звѣркомъ. Раздвинувъ вѣтви, онъ встрѣтилъ взглядъ черныхъ глазъ бѣглянки Млиссъ. Они молча поглядѣли другъ на друга. Млиссъ первая прервала молчаніе.

— Что вамъ нужно? спросила она коротко.

Учитель заранѣе обдумалъ планъ аттаки.

— Мнѣ бы хотѣлось дикихъ яблоковъ, смиренно отвѣчалъ онъ.

— Вы ихъ не получите! ступайте прочь. Почему вы не попросите ихъ у Клитемнерестерѣ?

Млиссъ, повидимому, испытывала нѣкоторое облегченіе оттого, что могла выразить свое презрѣніе къ этой классической юной особѣ прибавленіемъ нѣсколькихъ лишнихъ слоговъ къ ея и безъ того уже длинному имени.

— Ахъ, вы злой человѣкъ!

— Я голоденъ, Лисси. Я ничего не ѣлъ со вчерашняго обѣда. Я умираю съ голоду.

И молодой человѣкъ прислонился къ дереву, дѣлая видъ, что готовъ упасть отъ истощенія силъ.

Сердце Мелиссы было тронуто. Въ горькіе дни своей цыганской жизни она знавала то ощущеніе, которое съ такимъ мастерствомъ изображалось передъ ней. Смягченная его слабымъ голосомъ, но все еще подозрительная, она проговорила:

— Поройтесь въ землѣ у корней дерева и вы найдете ихъ; только, смотрите, никому не говорите.

У Млиссъ были свои запасные магазины, какъ у крысъ и бѣлокъ.

Но учитель, конечно, не былъ въ состояніи найти ихъ; голодъ, надо полагать, дѣлалъ его безтолковымъ.

Наконецъ, она поглядѣла на него изъ-за листьевъ и спросила:

— Если я вылѣзу и дамъ вамъ яблоковъ, вы обѣщаетесь, что не тронете меня?

Учитель обѣщалъ.

— Надѣюсь, что вы провалитесь на мѣстѣ, если это сдѣлаете.

Учитель согласился провалиться сквозь землю, если не исполнитъ обѣщанія. Млиссъ слѣзла съ дерева. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ было слышно только, какъ учитель жевалъ яблоки.

— Лучше ли вы теперь себя чувствуете? спросила Млиссъ заботливо.

Учитель отвѣчалъ, что ему гораздо лучше, и поблагодаривъ ее съ серьёзной миной, собрался уходить. Ожиданіе его сбылось: не успѣлъ онъ сдѣлать двухъ шаговъ, какъ она окликнула его. Онъ повернулся. Она стояла блѣдная, какъ смерть, со слезами на широко открытыхъ глазахъ. Учитель почувствовалъ, что удобная минута наступила. Онъ подошелъ къ ней, взялъ ее за обѣ руки и сказалъ серьёзно, поглядѣвъ въ ея, полныя слезъ, глаза:

— Лисси, помнишь ли тотъ первый вечеръ, когда ты пришла ко мнѣ?

Лисси отвѣчала, что помнитъ.

— Ты спрашивала меня: можешь ли ты придти въ школу, чтобы научиться чему-нибудь и исправиться отъ своихъ недостатковъ, а я сказалъ...

— Приходи, подхватила дѣвочка.

— Что́ ты скажешь теперь, когда учитель пришелъ къ тебѣ и говоритъ, что ему скучно безъ своей маленькой ученицы и что онъ проситъ ее идти съ нимъ и научить его, какъ ему исправиться отъ его недостатковъ.

Дитя опустило голову и нѣсколько минутъ молчало. Учитель

ждалъ терпѣливо. Соблазненный тишиной, заяцъ пробѣжалъ какъ разъ мимо безмолвной четы и поднявъ свои блестящіе глаза и бархатные лапки, усѣлся въ травѣ и уставился на нихъ. Бѣлка спустилась насредину дерева и тамъ замерла.

— Мы ждемъ, Лисси, сказалъ учитель шепотомъ, и дитя улыбнулось. Вѣтеръ раздвинулъ верхушки деревъ и лучъ солнца освѣтилъ ея нерѣшительную маленькую фигурку. Вдругъ она торопливо взяла учителя за руку. Слова ея трудно было разслышать, но учитель откинулъ назадъ ея черныя волосы и поцѣловалъ ее въ лобъ. И вотъ, рука объ руку, они вышли изъ сырой и прохладной лѣсной чащи на открытую дорогу, залитую солнцемъ.

ГЛАВА III.

Хотя Млиссъ вообще и перестала воевать съ школьниками, но отношенія ея къ Клитемнестрѣ все еще оставались натянутыми. Быть можетъ, ревность не совсѣмъ улеглась въ ея крошечной груди. Быть можетъ, кокетливые пріемы Клитемнестры раздражали ее болѣе, чѣмъ все остальное. Какъ бы то ни было, и такъ какъ учитель постоянно сдерживалъ ея вспышки, то вражда ея проявилась въ новой и неуловимой формѣ.

Учитель при первомъ знакомствѣ съ Млиссъ никакъ не предполагалъ, чтобы эта дѣвочка могла играть въ куклы. Но учитель, подобно многимъ другимъ психологамъ по профессіи, судилъ вѣрнѣе *a posteriori*, чѣмъ *a priori*. У Млиссъ была кукла — настоящій портретъ въ миніатюрѣ самой Млиссъ. Ея злополучное существованіе было тайной, которую случайно открыла миссисъ Морферъ. Кукла была старинной подругой цыганской жизни Млиссъ и носила явные слѣды перенесенныхъ ею страданій. Первоначальный цвѣтъ лица ея пострадалъ отъ непогоды и густого слоя грязи. Она очень походила на прежнюю Млиссъ. На ней было надѣто такое же грязное и такое же разорванное платье, какъ и то, въ которомъ еще такъ недавно щеголяла сама Млиссъ.

Млиссъ никогда не показывала ее никому изъ дѣтей. Она укладывала ее спать въ дупло дерева, росшаго возлѣ школы и позволяла ей дышать свѣжимъ воздухомъ лишь во время своихъ странствій. Млиссъ добросовѣстно выполняла свои обязанности относительно куклы, но не пріучала ее ни къ какимъ роскошамъ.

Между тѣмъ миссисъ Морферъ, повинуясь похвальному побужденію, купила новую куклу и подарила ее Млиссъ. Дитя приняла куклу съ серьёзнымъ и любопытнымъ видомъ. Учитель,

взглянувъ однажды на куклу, нашелъ, что она слегка напоминаетъ Клитемнестру своими круглыми красными щеками и кроткими голубыми глазами. Вскорѣ стало очевиднымъ, что сама Млиссъ замѣтила это сходство. Вслѣдствіе этого она принялась кормить ее колотушками, и случалось, приволакивала ее на шнуркѣ въ школу и обратно. Порою, положивъ ее на пюпитръ, она втыкала булавки въ ея терпѣливое и беззащитное туловище. Вымѣщала ли она такимъ образомъ на куклѣ досаду, возбуждаемую въ ней совершенствами Клити, или же она, подобно всякимъ язычникамъ, питала смутное убѣжденіе, что оригиналъ ея восковаго моделя можетъ зачахнуть и даже умереть отъ истязаній, которымъ подвергается послѣдній—это метафизическій вопросъ, котораго я здѣсь не берусь рѣшать.

Не взирая на эти нравственныя безобразія, учитель не могъ не замѣтить, что Млиссъ была очень понятлива и умна. Она никогда не выказывала замѣшательства и нерѣшительности, свойственныхъ дѣтскому возрасту. Отвѣты ея въ классахъ всегда поражали своей смѣлостью и опредѣленностью. Конечно, и ей случалось ошибаться; но когда маленькая красная ручка подымалась надъ пюпитромъ, то въ классѣ воцарялось напряженное молчаніе и самого учителя сбивали съ толку порою неожиданные отвѣты.

Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя странности Млиссъ, которыя вначалѣ забавляли его, начинали мало-по-малу тревожить. Онъ не могъ не видѣть, что Млиссъ была мстительна, дерзка и своенравна, что въ ней собственно только и было хорошаго, что ея физическое мужество и правдивость. Млиссъ была и безстрашна и искренна; быть можетъ, для подобныхъ характеровъ эти два прилагательныхъ являются синонимами.

Учитель, ломая голову надъ этими вопросами, пришелъ наконецъ къ заключенію, весьма обыкновенному у искреннихъ людей, а именно, что онъ вообще слишкомъ поддается предубѣжденіямъ, и результатомъ такого размышленія было то, что онъ рѣшился посовѣтоваться съ достопочтеннымъ Макъ-Снэгли. Рѣшеніе это нѣсколько задѣвало его гордость, такъ какъ онъ и Макъ-Снэгли не были друзьями. Но размышляя о Млиссъ и о томъ вечерѣ, когда они впервые свидѣлись, онъ — быть можетъ вслѣдствіе извинительнаго суевѣрія, внушавшаго ему, что не простой случай направилъ своенравные шаги Млиссъ въ школу, быть можетъ вслѣдствіе пріятнаго сознанія въ рѣдкомъ великодушіи своего поступка, — подавилъ свою антипатію и отправился къ Макъ-Снэгли.

Этотъ достойный джентльменъ выразилъ удовольствіе, что его видитъ, и замѣтилъ, что онъ кажется не совсѣмъ здоровымъ, заявивъ надежду, что онъ не страдаетъ «невралгіей» или «ревматизмомъ». Самъ онъ, по его словамъ, мучится лихорадкой со времени послѣдней конференціи, но умѣетъ «терпѣть и молиться».

Помолчавъ съ минуту, чтобы дать учителю время хорошенько проникнуться уваженіемъ къ его методѣ леченія, онъ освѣдомился о сестрѣ Морферъ.

— Она украшеніе христіанства, и подростающіе дѣти ея обѣщаютъ тоже служить его украшеніемъ, прибавилъ Макъ-Снэгли; въ особенности эта благовоспитанная молодая дѣвица, миссъ Клити.

И дѣйствительно, совершенства Клити повидимому трогали его въ такой мѣрѣ, что онъ нѣсколько минутъ распространялся о нихъ. Учитель находился въ двойномъ затрудненіи. Во-первыхъ, эти похвалы Клити служили такимъ рѣшительнымъ осужденіемъ для бѣдной Млиссъ. Во-вторыхъ, въ тонѣ, съ какимъ Макъ-Снэгли говорилъ о первенцѣ миссисъ Морферъ, было что-то непріятно-конфиденціальное, такъ что учитель, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ свести разговоръ на болѣе простые предметы, сослался на необходимость сдѣлать еще одинъ визитъ и ушелъ, не посовѣтывавшись на счетъ Млиссъ; причемъ въ своихъ послѣдующихъ размышленіяхъ объ этомъ предметѣ не совсѣмъ справедливо обвинялъ достопочтеннаго Макъ-Снэгли въ томъ, что тотъ отказался дать ему требуемый совѣтъ.

Быть можетъ, это обстоятельство снова сблизило учителя и ученицу. Дитя, казалось, замѣтило перемѣну въ обращеніи учителя, который сталъ съ ней гораздо сдержаннѣе въ послѣднее время, и въ одну изъ длинныхъ послѣобѣденныхъ прогулокъ внезапно остановилась, влѣзла на пень и поглядѣвъ ему прямо въ лицо своими большими пытливыми глазами:

— Вы въ своемъ умѣ? спросила она, вопросительно тряся своими черными косами.

— Да.

— Вы не огорчены?

— Нѣтъ.

— И не голодны? (голодъ по мнѣнію Млиссъ былъ болѣзнью, которая во всякую минуту могла схватить человѣка).

— Нѣтъ.

— И не думаете о ней?

— О комъ, Лисси?

— Объ этой бѣлобрысой дѣвушкѣ? (то былъ послѣдній эпи-

тетъ, придуманный Млиссъ, которая была совсѣмъ смуглой брюнеткой, для Клитемнестры).

— Нѣтъ.

— Честное слово? (выраженіе, которымъ учитель предложилъ замѣнить ея любимое: провалиться вамъ на мѣстѣ!)

— Да.

— Честное и благородное слово?

— Да.

Послѣ этого Млиссъ горячо поцѣловала его и соскочивъ съ пня, умчалась впередъ. Въ теченіи двухъ или трехъ дней послѣ этого разговора она старалась вести себя, какъ и всѣ другія дѣти, и быть, какъ она выражалась, «добренькой».

Прошло два года съ тѣхъ поръ, какъ учитель поселился въ «Карманѣ Смита», и такъ какъ его жалованье было невелико, а надежды поселка сдѣлаться столицей Штата далеко не вѣрны, то онъ и подумывалъ о переходѣ на другое мѣсто. Онъ увѣдомилъ частнымъ образомъ распорядителей школы о своемъ намѣреніи, но такъ какъ образованные молодые люди съ безукоризненной нравственностью составляли рѣдкость въ эту пору года, то онъ согласился продолжать свои занятія въ школѣ до конца зимы. Кромѣ этого, онъ никому не сообщалъ о своемъ намѣреніи, ни миссисъ Морферъ, ни Клити и никому изъ учениковъ. Частью онъ умолчалъ о немъ вслѣдствіе природной скрытности характера, частью во избѣжаніе вульгарнаго любопытства и безцеремонныхъ вопросовъ, частью наконецъ потому, что обыкновенно вѣрилъ лишь въ совершившіеся факты.

Онъ старался не думать о Млиссъ. Быть можетъ, эгоистическій инстинктъ побуждалъ его считать свою привязанность къ этому ребенку глупой, романтической и непрактичной. Онъ даже пытался убѣдить себя, что для ея исправленія будетъ гораздо лучше, если она будетъ находиться подъ руководствомъ болѣе пожилого и болѣе строгаго учителя. Ей было почти одиннадцать лѣтъ, и по законамъ «Красной Горы», она станетъ женщиной черезъ немного лѣтъ. Онъ исполнилъ свой долгъ. По смерти Смита онъ написалъ къ его родственникамъ и получилъ отвѣтъ отъ родной тетки Млиссъ. Эта послѣдняя благодарила учителя и извѣщала о своемъ намѣреніи пріѣхать въ Калифорнію вмѣстѣ съ мужемъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Учитель строилъ воздушные замки насчетъ будущаго житья-бытья Млиссъ, но когда онъ прочиталъ ей письмо, Млиссъ выслушала письмо невнимательно, покорно приняла его изъ рукъ учителя и затѣмъ вырѣзала изъ него ножницами фигурки, долженствовавшія изображать

Клитемнестру, надписала на нихъ «бѣлобрысая дѣвушка», для устраненія всякаго недоразумѣнія, и приклеила къ наружнымъ стѣнамъ школы.

Когда лѣто пришло къ концу и послѣдняя жатва была убрана въ долинахъ, учителю пришло въ голову тоже собрать въ нѣкоторомъ родѣ свою собственную жатву, то-есть устроить ученикамъ и ученицамъ экзаменъ. И вотъ, ученые и почетные обитатели «Кармана Смита» были приглашены присутствовать на освященномъ временемъ обычаѣ истязать застѣнчивыхъ дѣтей подобно тому, какъ истязуютъ свидѣтелей на судѣ. Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, самые смѣлые и хладнокровные пожинали всѣ лавры. Читатель не удивится, узнавъ что Млиссъ и Клити первенствовали и привлекали всеобщее вниманіе: Млиссъ бойкостью и ясностью отвѣтовъ, Клити спокойнымъ самообладаніемъ и безукоризненностью манеръ. Остальныя дѣти смущались и сбивались въ отвѣтахъ. Блистательные и скорые отвѣты Млиссъ, разумѣется, привлекали особенно лестное вниманіе и похвалы. Антецеденты Млиссъ безсознательно будили живѣйшую симпатію въ томъ классѣ людей, атлетическія фигуры которыхъ красовались вдоль стѣнъ, и красивыя, бородатыя головы выглядывали изъ оконъ. Но популярности Млиссъ былъ нанесенъ неожиданный ударъ.

Макъ-Снэгли самъ пригласилъ себя и пріятно развлекался, пугая самыхъ застѣнчивыхъ учениковъ неопредѣленными и неясными вопросами, которые произносилъ внушительнымъ, гробовымъ голосомъ. Млиссъ только-что погрузилась въ астрономію и слѣдила за теченіемъ нашей планеты и различныхъ другихъ въ пространствѣ, какъ вдругъ Макъ-Снэгли поднялся съ своего мѣста съ необыкновенной торжественностью.

— Млиссъ! ты говоришь объ обращеніи земли и о движеніяхъ солнца, и кажется утверждаешь, что такъ было съ сотворенія міра, не такъ ли?

Млиссъ презрительно кивнула головой.

— Развѣ это справедливо? спросилъ Макъ-Снэгли, складывая руки.

— Да, подтвердила Млиссъ, крѣпко сжимая свои красныя губки.

Въ окнѣ показалась бѣлокурая голова съ голубыми глазами, принадлежавшая величайшему бездѣльнику изъ золотоискателей, и обратившись къ дѣвочкѣ, прошептала:

— Стой на своемъ, Млиссъ!

Достопочтенный Макъ-Снэгли испустилъ глубокій вздохъ и

бросилъ сострадательный взглядъ на учителя, затѣмъ на дѣтей, и наконецъ остановилъ свои взоры на Клити. Эта молодая дѣвица подняла свою круглую, бѣлую ручку. Ея соблазнительныя линіи еще болѣе выигрывали отъ сосѣдства съ массивнымъ золотымъ браслетомъ, подаркомъ одного изъ ея поклонниковъ, надѣтымъ по случаю торжества. Наступило минутное молчаніе. Круглыя щечки Клити были румяны и нѣжны. Большіе глаза Клити были ясны и цвѣта лазури. Бѣлое кисейное платье съ низкимъ вырѣзомъ мягко охватывало бѣлыя, пухлыя плечики Клити. Клити поглядѣла на учителя, и тотъ кивнулъ головой.

Тогда Клити мягко проговорила:

— Іисусъ Навинъ приказалъ солнцу остановиться, и оно повиновалось ему!

Глухіе апплодисменты раздались въ публикѣ, торжествующее выраженіе показалось на лицѣ Макъ-Снэгли, лицо же учителя омрачилось, а физіономіи, торчавшія въ окнахъ, выразили комическое разочарованіе. Млиссъ провела рукой по своему учебнику астрономіи, и затѣмъ съ шумомъ захлопнула книгу. Макъ-Снэгли издалъ стонъ, ропотъ изумленія пробѣжалъ въ публикѣ, а изъ оконъ послышались радостные вопли, когда Млиссъ, ударивъ своимъ краснымъ кулачкомъ по пюпитру, произнесла съ паѳосомъ:

— Я этому не вѣрю!

ГЛАВА IV.

Длинное дождливое время года подходило къ концу. Приближеніе весны сказывалось въ наливающихся почкахъ и шумящихъ потокахъ, катившихся съ горъ. Еловые лѣса издавали свѣжій, смолистый запахъ. Азаліи уже были покрыты почками, и надъ могилой Смита зазеленѣла нѣжная травка.

На улицахъ города прибито было нѣсколько афишъ, возвѣщавшихъ, что знаменитая драматическая труппа дастъ нѣсколько представленій, и новость эта произвела большое волненіе и великія ожиданія среди учениковъ и ученицъ нашей школы. Учитель обѣщалъ Млиссъ, что сведетъ ее въ театръ, и сдержалъ свое слово.

Исполненіе было самое посредственное; мелодрама не была достаточно плоха, чтобы вызвать смѣхъ, и недостаточно хороша, чтобы взволновать. Но учитель, повернувшись со скучающимъ видомъ къ Млиссъ, былъ изумленъ и даже почувствовалъ нѣчто къ родѣ угрызенія совѣсти, замѣтивъ потрясающее дѣйствіе, ка-

кое производило зрѣлище на ея впечатлительную натуру. Кровь бросалась ей въ лицо съ каждымъ біеніемъ ея маленькаго сердечка. Ея маленькія страстныя губки были раскрыты отъ учащеннаго дыханія, глаза расширены, а черныя брови подняты. Она не смѣялась надъ пошлыми шутками комика, потому что Млиссъ вообще рѣдко смѣялась. Она также не прибѣгала къ носовому платку, подобно чувствительной «Клити», которая при этомъ ухитрялась тутъ же перекидываться словечками съ своими поклонниками и бросать кокетливые взгляды на учителя. Но когда представленіе было окончено и зеленый занавѣсъ опустился на маленькую сцену, Млиссъ глубоко перевела духъ и повернулась къ учителю съ утомленнымъ видомъ и съ улыбкой, выражавшей какъ-бы извиненіе.

Затѣмъ она сказала:

— Отведите меня теперь домой! и опустила рѣсницы, какъбы стараясь мысленно воспроизвести все видѣнное ею.

Идучи къ миссисъ Морферъ, учитель нашелъ нужнымъ осмѣять все представленіе.—Чего добраго, говорилъ онъ, Млиссъ вообразила, что молодая дама, которая такъ хорошо играла, представляла все это взаправду и въ самомъ дѣлѣ влюблена въ джентльмена, который былъ такъ нарядно одѣтъ. Но, вѣдь, еслибы это было такъ, то тѣмъ хуже для нея!

— Почему! спросила Млиссъ, быстро поднимая опущенныя рѣсницы.

— О, потому, что онъ при своемъ теперешнемъ жалованьѣ не могъ бы содержать жену и покупать себѣ такія нарядныя платья; да еслибы они были женаты, то не получали бы столько денегъ, сколько получаютъ ихъ теперь, когда только разыгрываютъ влюбленныхъ. Притомъ же, прибавилъ учитель, судьба ихъ уже связана съ другими лицами; какъ мнѣ кажется, мужъ хорошенькой молодой графини собираетъ билеты у дверей, или подымаетъ занавѣсъ, или зажигаетъ свѣчи, или вообще занимается чѣмъ-то въ этомъ родѣ...

Учитель долго разглагольствовалъ на эту тему; Млиссъ взяла его руку въ свои и пыталась заглянуть ему въ глаза, которые учитель рѣшительно отворачивалъ отъ нея. Млиссъ имѣла самое смутное понятіе объ ироніи, хотя сама порою впадала въ сардоническое настроеніе духа, которое одинаково отражалось какъ на ея поступкахъ, такъ и на ея рѣчахъ.

Но молодой человѣкъ не унимался, пока не дошелъ до дверей миссисъ Морферъ и не поручилъ Млиссъ материнскимъ заботамъ послѣдней. Отклонивъ приглашеніе миссисъ Морферъ от-

дохнуть и закусить, и закрывъ глаза рукой, чтобы избѣжать кокетливыхъ взглядовъ голубоокой Клитемнестры, онъ извинился и ушелъ домой.

Дня два или три спустя послѣ театральнаго представленія, Млиссъ не явилась въ школу, и учителю пришлось отложить свою обычную послѣобѣденную прогулку, вслѣдствіе отсутствія своей вѣрной спутницы. Онъ убралъ книги и собирался оставить школу, какъ вдругъ возлѣ него раздался тоненькій голосокъ:

— Извините, сэръ.

Учитель обернулся и увидѣлъ Аристида Морфера.

— Чтó тебѣ нужно, крошка? отвѣчалъ учитель нетерпѣливо,—въ чемъ дѣло? говори скорѣй!

— Извините, сэръ, я и Кергъ, мы думаемъ, что Млиссъ опять собирается сбѣжать.

— Это что за пустяки, возразилъ учитель съ той досадой, которую въ насъ всегда возбуждаютъ непріятныя вѣсти.

— Да что, сэръ! она совсѣмъ больше не сидитъ дома, и Кергъ, и я, мы видѣли, какъ она разговаривала съ однимъ изъ актеровъ; да она и теперь съ нимъ; а еще, сэръ, она сказала мнѣ и Кергу, что могла бы говорить рѣчи не хуже миссъ *Целлерстины Монморесси*, и принялась декламировать ее наизусть.

Тутъ маленькій мальчикъ умолкъ.

— Съ какимъ актеромъ? спросилъ учитель.

— Съ тѣмъ, который носитъ блестящую шляпу. И волосы... И золотую булавку... И золотую цѣпочку, отвѣчалъ правдивый Аристидъ, ставя точки, вмѣсто запятыхъ, чтобы успѣть перевести духъ.

Учитель надѣлъ перчатки и шляпу, чувствуя непріятное стѣсненіе въ груди и, выйдя изъ школы, пошелъ по дорогѣ. Аристидъ побѣжалъ рядомъ съ нимъ, изъ всѣхъ силъ работая своими маленькими ножонками, чтобы поспѣть за крупными шагами учителя, и когда послѣдній внезапно остановился, Аристидъ ударился головой объ его ноги.

— Гдѣ они разговаривали? спросилъ учитель.

— Въ Аркэдѣ, отвѣчалъ Аристидъ.

Когда они дошли до главной улицы, учитель остановился.

— Бѣги домой, сказалъ онъ мальчику. Если Млиссъ дома, приходи въ Аркэдъ и скажи мнѣ. Если ее тамъ нѣтъ, оставайся дома; скорѣй!

И Аристидъ пустился бѣжать со всѣхъ ногъ.

Аркэдъ стоялъ какъ разъ поперегъ дороги. То было продолговатое зданіе, содержавшее погребокъ, билліардную и трактиръ.

Когда молодой человѣкъ переходилъ черезъ площадь, то замѣтилъ, что двое или трое прохожихъ оглянулись на него. Онъ оглядѣлъ свое платье, вынулъ носовой платокъ и отеръ лицо, прежде чѣмъ войти въ погребокъ. Тамъ находились уже обычные посѣтители, которые уставились на учителя, когда тотъ вошелъ. Одинъ изъ нихъ такъ пристально и съ такимъ страннымъ выраженіемъ поглядѣлъ на него, что учитель остановился и въ свою очередь уставился на него... но тутъ увидѣлъ, что то было его собственное изображеніе, отражавшееся въ большомъ зеркалѣ. Это заставило учителя сообразить, что должно быть онъ нѣсколько взволнованъ, а потому онъ взялъ со стола газету и постарался привести себя въ порядокъ за чтеніемъ объявленій.

Послѣ этого онъ прошелъ черезъ погребокъ въ трактиръ, и затѣмъ въ билліардную. Дѣвочки тамъ не было. Въ послѣдней комнатѣ у одного изъ билліардныхъ столовъ стоялъ человѣкъ, державшій въ рукахъ широкополую глянцовитую шляпу. Учитель узналъ въ немъ агента драматической труппы; онъ съ первой же встрѣчи не взлюбилъ его за особую манеру носить бороду и волосы. Довольный тѣмъ, что предмета его поисковъ тутъ не было, учитель обратился къ человѣку съ глянцовитой шляпой. Тотъ замѣтилъ учителя, но принялъ безпечный видъ, которымъ вульгарныя натуры обыкновенно, хотя и безуспѣшно, пытаются отвести глаза наблюдателямъ. Помахивая кіемъ, который держалъ въ рукѣ, онъ сдѣлалъ видъ, будто прицѣливается имъ въ шаръ, лежавшій посреди билліарда. Учитель всталъ противъ него и ждалъ, пока тотъ подниметъ глаза; когда взоры ихъ встрѣтились, учитель подошелъ къ нему.

Онъ хотѣлъ избѣжать сцены или ссоры, но когда заговорилъ, то почувствовалъ, что ему какъ-будто сдавили горло, вслѣдствіе чего слова съ трудомъ выговаривались, и звукъ собственнаго голоса испугалъ его,—до того онъ былъ глухъ и неровенъ.

— Мнѣ говорили, началъ онъ, что Миссъ Смитъ, сирота и одна изъ моихъ ученицъ, сообщила вамъ о томъ, что собирается поступить на сцену. Правда ли это?

Человѣкъ съ глянцовитой шляпой оперся на билліардъ и такъ толкнулъ шаръ, что тотъ запрыгалъ на билліардѣ. Затѣмъ, обойдя билліардъ, поправилъ шаръ и прицѣливаясь въ другой, проговорилъ:

— Положимъ, что это правда.

Горло учителя опять судорожно сжалось, но стиснувъ сукно билліарда въ рукѣ, обтянутой перчаткой, онъ продолжалъ:

— Если вы джентльменъ, то я долженъ сказать вамъ, что

я ея опекунъ и отвѣчаю за ея будущность. Вы знаете такъ же хорошо, какъ и я, какого рода жизнь предстоитъ ей съ вами. Вамъ скажетъ всякій здѣсь, я уже спасъ ее отъ жизни, которая была бы хуже смерти... отъ уличной, порочной жизни. Я и теперь стараюсь спасти ее. Будемъ говорить, какъ люди. У ней нѣтъ ни отца, ни матери, ни сестры, ни брата. Можете ли вы замѣнить ей все это?

Человѣкъ съ глянцовитой шляпой поглядѣлъ на кончикъ своего кія и затѣмъ оглядѣлся вокругъ, какъ-бы ища свидѣтелей, которые могли бы позабавиться вмѣстѣ съ нимъ.

— Я знаю, что она странная, своенравная дѣвушка, продолжалъ учитель, но она уже исправилась сравнительно съ тѣмъ, какою была прежде. Полагаю, что имѣю надъ ней нѣкоторое вліяніе. Я прошу и надѣюсь, что вы не станете поощрять ея намѣреніе, но какъ человѣкъ, какъ джентльменъ, предоставите мнѣ заботиться о ней. Я готовъ...

Тутъ въ горлѣ у учителя снова пересохло и онъ не докончилъ фразы...

Человѣкъ съ глянцовитой шляпой, истолковавъ по своему молчаніе учителя, поднялъ голову съ грубымъ, рѣзкимъ смѣхомъ и громко сказалъ:

— Хотите-молъ сами прибрать ее къ рукамъ. Эта штука вамъ не удастся, молодой человѣкъ!

Оскорбленіе заключалось больше въ тонѣ, чѣмъ въ словахъ, больше во взглядѣ, чѣмъ въ тонѣ, а всего больше въ инстинктивной грубости натуры этого человѣка. Самымъ лучшимъ аргументомъ съ такого рода животными является кулакъ. Учитель почувствовалъ это и ударилъ кулакомъ животное прямо въ осклабляющуюся харю. Ударъ выбилъ у агента изъ одной руки шляпу, а изъ другой кій, и разорвалъ перчатку и кожу на рукѣ у учителя. Онъ угодилъ прямо въ уголъ рта противника, и подпортилъ на время особую форму его бороды.

Послышался крикъ, проклятіе, шумъ борьбы и топотъ многочисленныхъ шаговъ. Затѣмъ толпа разступилась направо и налѣво, и два выстрѣла послышались одинъ за другимъ. Затѣмъ толпа снова окружила противника учителя, а этотъ послѣдній остался одинъ. Онъ помнилъ, что вынулъ горящій пыжъ изъ своего рукава лѣвой рукой. Правую кто-то держалъ. Поглядѣвъ на нее, онъ увидѣлъ, что кровь струилась изъ нея, а пальцы сжимали рукоятку сверкающаго ножа. Онъ не могъ припомнить, когда и какъ онъ схватилъ этотъ ножъ.

Человѣкъ державшій его за руку, былъ м-ръ Морферъ. Онъ

тащилъ учителя къ дверямъ, но учитель упирался и старался разсказать ему, не взирая на спазмы въ горлѣ, о Млиссъ.

— Все въ порядкѣ, другъ мой, отвѣчалъ м-ръ Морферъ. Она дома.

И они вмѣстѣ вышли на улицу. Дорогой м-ръ Морферъ сообщилъ, что Млиссъ прибѣжала домой нѣсколько минутъ тому назадъ и потащила его за собой, говоря, что кто-то готовится убить учителя въ Аркэдѣ. Желая остаться на-единѣ, учитель обѣщался м-ру Морферу, что не пойдетъ разыскивать агента сегодня вечеромъ, и простившись съ м-ромъ Морферомъ, направился къ школѣ. Подходя къ ней, онъ удивился, замѣтивъ, что дверь открыта... удивленіе его возросло, когда онъ нашелъ въ школьной комнатѣ Млиссъ.

Въ основѣ характера учителя, какъ я уже раньше намекалъ на это, лежалъ эгоизмъ, какъ и у большинства нервныхъ натуръ. Грубый намекъ, только-что брошенный ему въ лицо противникомъ, все еще щемилъ его за сердце. Весьма возможно, думалось ему, что и другіе точно такъ же объясняютъ его привязанность къ дѣвочкѣ, которая во всякомъ случаѣ была неразумна и романтична. Кромѣ того, вѣдь она добровольно отвергла его авторитетъ и дружбу! Неужели онъ затѣмъ оспаривалъ всеобщее мнѣніе, чтобы въ концѣ-концовъ быть вынужденнымъ признать истину, которую всѣ предсказывали? И вотъ, ему довелось подраться въ винномъ погребкѣ съ какимъ-то проходимцемъ и рисковать жизнью,—и ради чего? Чего онъ добился? Ничего! Что́ скажутъ люди? Что́ скажутъ его друзья? Что́ скажетъ Макъ-Снэгли?

Терзаемый угрызеніями совѣсти, онъ всего менѣе желалъ бы въ настоящую минуту встрѣтиться съ Млиссъ. Онъ вошелъ въ дверь и подойдя къ своему столу, объявилъ дѣвочкѣ кратко и холодно, что занятъ и желаетъ остаться одинъ. Когда она встала съ мѣста, онъ занялъ его и закрылъ лицо руками. Нѣсколько времени спустя отнявъ руки отъ лица, онъ увидѣлъ, что она не трогалась съ мѣста и глядѣла ему въ лицо съ тревожнымъ выраженіемъ.

— Вы его убили? спросила она.

— Нѣтъ, отвѣчалъ учитель.

— Вѣдь я затѣмъ и дала вамъ ножъ! продолжала дѣвочка торопливо.

— Дала мнѣ ножъ? повторилъ удивленный учитель.

— Ну да, дала вамъ ножъ. Я залѣзла подъ прилавокъ. Видѣла какъ вы его ударили. Видѣла какъ вы оба упали. Онъ

выронилъ свой ножъ. Я подала вамъ его. Зачѣмъ вы его не зарѣзали? спѣшила объясниться Млиссъ, выразительно мигая своими черными глазами и размахивая маленькой красной ручкой.

Учитель могъ только взглядомъ выразить свое удивленіе.

— Да, продолжала Млиссъ. Еслибы вы спросили меня, то я сказала бы вамъ, что собираюсь уйти съ актерами. А почему? Потому что вы скрыли отъ меня, что уѣзжаете отсюда. А я это знала. И не хотѣла оставаться здѣсь одна съ этими Морферами. Скорѣе—умереть!

И съ драматическимъ жестомъ, вполнѣ подъ-стать къ ея характеру, она показала ему нѣсколько зеленыхъ листьевъ:

— Вотъ ядовитое растеніе, которое, по вашимъ словамъ, можетъ убить меня. Я уйду съ актерами или съѣмъ вотъ это, и умру. Мнѣ все равно. Я не останусь здѣсь, гдѣ всѣ меня ненавидятъ и презираютъ! Да и вы не бросили бы меня, если бы не ненавидѣли и не презирали!

Страстная маленькая грудь вздымалась и двѣ крупныя слезы навернулись на рѣсницы Млиссъ, но она поспѣшила смахнуть ихъ передникомъ.

— Если вы запрете меня въ тюрьму, чтобы я не убѣжала, продолжала съ сердцемъ Млиссъ, то я отравлюсь. Отецъ убилъ себя, почему же и мнѣ не убить себя? Вы сказали, что кусочекъ этого корня убьетъ меня, и я всегда ношу его здѣсь; и она ударила себѣ кулакомъ по груди.

Учитель подумалъ о незанятомъ мѣстѣ возлѣ могилы Смита, такъ какъ суевѣріе заставляло жителей городка хоронить своихъ покойниковъ поодаль отъ могилы самоубійцы, и взявъ руки Млиссъ въ свои, онъ поглядѣлъ въ ея честные глаза и сказалъ:

— Лисси, хочешь идти со мной?

Дѣвочка охватила его шею руками и радостно отвѣчала:

— Да.

— Но теперь же... сегодня вечеромъ?

— Сегодня вечеромъ.

И рука объ руку они пошли по дорожкѣ, по той самой узкой дорожкѣ, которая однажды уже привела усталаго ребенка къ учителю и по которой, казалось, имъ уже не суждено было ходить вмѣстѣ. Звѣзды горѣли надъ ихъ головами. Къ добру или къ худу, но урокъ судьбы не пропалъ даромъ и двери школы «Красной Горы» затворились за нашей четой навѣки.

X.

Уличная собака.

Оторвавъ глаза отъ газеты, я усматриваю собаку, лежащую на ступеняхъ противуположнаго дома. Ея поза можетъ заставить думать прохожихъ и случайныхъ наблюдателей, что она принадлежитъ господамъ, живущимъ въ этомъ домѣ, и слѣдовательно занимаетъ извѣстное положеніе въ свѣтѣ. Я видѣлъ, какъ посѣтители гладили ее, въ томъ убѣжденіи, что оказываютъ этимъ любезность ея хозяину, и собака лукавыми движеніями поддерживала въ нихъ это заблужденіе. Но все это чистое притворство и обманъ съ ея стороны. У ней нѣтъ ни хозяина, ни жилища. Она парія и отверженное существо; короче говоря, она уличная собака.

Этотъ эпитетъ говоритъ намъ о такой безнадежной и неисправимой цыганской жизни, какая, быть можетъ, не всякому понятна. Только тѣ, кому извѣстны бродяжническія привычки и грабительскіе инстинкты уличныхъ мальчишекъ большихъ городовъ, оцѣнятъ все его значеніе. Это низшая ступень въ общественной лѣстницѣ, на какую только можетъ опуститься почтенный песъ. Собака слѣпого нищаго, собака, спутница точильщика ножей—занимаютъ сравнительно болѣе высокое мѣсто. Надъ ними по крайней мѣрѣ есть только одинъ хозяинъ. Но уличная собака является рабой цѣлой юной ватаги, и обязана повиноваться знакамъ и призыву всякаго уличнаго пострѣла. Она подчинена не столько личности какого-нибудь мальчишки, сколько мальчишескому элементу и принципу вообще. Она дѣятельно участвуетъ во всѣхъ ихъ проказахъ, мелкихъ воровствахъ, набѣгахъ на задніе дворы, битьѣ оконныхъ стеколъ и другихъ юношескихъ развлеченіяхъ. Такимъ образомъ она является отраженіемъ пороковъ нѣсколькихъ хозяевъ, не обладая добродѣтелями или особенностями ни одного изъ нихъ.

Если вести «собачью жизнь» вообще считается крайней гранью житейской невзгоды, то жизнь уличной собаки еще злополучнѣе. Она участвуетъ во всѣхъ проказахъ, и если только не отличается особенной опытностью, то всегда служитъ козломъ отпущенія. Она никогда не имѣетъ доли въ добычѣ своихъ сообщниковъ. За отсутствіемъ законныхъ развлеченій, она служитъ игрушкой для своихъ товарищей, и я видалъ, что униженіе ея доходило до того, что ей привязывали къ хвосту крапиву. Уши и хвостъ

обыкновенно выкраиваются на всевозможные лады въ силу прихоти бѣдовой шайки, которой она состоитъ членомъ; и если только она отличается малѣйшей храбростью, то ее неизмѣнно подзадориваютъ къ дракѣ съ болѣе крупными собаками. Ее почти не кормятъ и ежечасно обижаютъ; дурная слава товарищей лишаетъ ее всякихъ симпатій, и разъ обратившись въ уличную собаку, она уже не можетъ измѣнить своего положенія. Она зачастую продается въ рабство своими безчеловѣчными товарищами. Я помню, что однажды у самыхъ дверей моего дома ко мнѣ подошли двое изъ такихъ скороспѣлыхъ сорванцовъ, и предложили продать собаку, которую вели на веревкѣ. Цѣна была крайне умѣренная, сколько мнѣ помнится, всего пятьдесятъ центовъ. Вообразивъ, что несчастное животное недавно лишь попало въ ихъ злодѣйскія руки и желая спасти ее отъ униженія сдѣлаться рабой уличныхъ мальчишекъ, я уже готовился заключить предлагаемую сдѣлку, когда замѣтилъ, что собака обмѣнялась многозначительнымъ взглядомъ съ своими хозяевами. Я немедленно прервалъ всѣ переговоры и прогналъ съ глазъ долой юныхъ обманщиковъ и ихъ четвероногаго сообщника. Дѣло было ясно. Собака была старая, опытная, закаленная уличная собака, и я былъ вполнѣ увѣренъ, что она убѣжитъ къ своимъ старымъ товарищамъ при первой возможности. Такъ и случилось, какъ я о томъ узналъ впослѣдствіи, когда одинъ добросердечный, но не проницательный сосѣдъ мой, купилъ ее. Нѣсколько дней спустя я видѣлъ, какъ два юныхъ негодяя продавали ее въ другомъ кварталѣ, такъ какъ въ нашемъ они уже нѣсколько разъ перепродали ее.

Но, спроситъ читатель, если жизнь уличной собаки такая несчастная, то почему она не промѣняетъ ее на какую-нибудь другую и не откажется отъ непріятнаго товарищества. Признаюсь, я часто ломалъ голову надъ этимъ вопросомъ. Долгое время я никакъ не могъ рѣшить: является ли этотъ зловредный союзъ слѣдствіемъ вліянія собаки на мальчишку, или *vice versa*, и кто изъ двухъ обладаетъ слабѣйшей и впечатлительнѣйшей натурой. Я убѣдился теперь въ томъ, что вначалѣ собака несомнѣнно подчиняется вліянію мальчишки, и будучи еще невиннымъ щенкомъ сбивается съ пути собачьей истины хитрыми и лукавыми мальчишками. Подростая и освоиваясь съ обычаями своихъ друзей-бродягъ, она становится сознательнымъ плутомъ, съ наслажденіемъ сбиваетъ съ толку невинныхъ дѣтей, вводитъ ихъ въ различные соблазны и такимъ образомъ мститъ за свое униженіе. Въ этомъ отношеніи и въ виду тѣхъ неблаговидныхъ уловокъ, въ которыхъ я уличилъ ее, я и считаю нужнымъ предупредить

родителей и опекуновъ объ опасности, которой подвергаются ихъ питомцы со стороны уличной собаки.

Уличная собака лукаво ведетъ свои подкопы. Вначалѣ она соблазняетъ юный умъ перспективой неограниченной свободы, которую она олицетворяетъ собственной персоной. Она будетъ сторожить у калитки сада какого-нибудь маленькаго мальчика и постарается прыжками и заигрываніемъ выманить его изъ священной ограды. Она устроитъ воображаемую погоню и примется бѣгать вокругъ одного и того же мѣста какъ безумная; затѣмъ подбѣжитъ къ ребенку поглядывая такъ, какъ если бы хотѣла сказать:—поглядите, видите, какъ это легко и просто! Если несчастный ребенокъ не съумѣетъ воспротивиться соблазну и выйдетъ за калитку, то съ этой минуты онъ окончательно деморализируется. Уличная собака вселяетъ въ него свои свойства. Плутоватая тварь прямо приводитъ его въ кругъ своихъ друзей-бродягъ. Иногда злополучное дитя, если оно очень мало, попадаетъ въ концѣ-концовъ въ полицію, куда приводятъ заблудившихся дѣтей.

Когда я встрѣчаю на улицѣ мальчика, совсѣмъ оглушеннаго и сбитаго съ толку, то бо́льшею частію я нахожу по близости и уличную собаку. Когда я читаю объявленія о пропавшихъ дѣтяхъ, я всегда мысленно прибавляю къ ихъ описанію: «ихъ видѣли въ послѣдній разъ въ обществѣ уличной собаки». Вліяніе этой твари не ограничивается маленькими мальчиками. Я зачастую видалъ, какъ она терпѣливо дожидалась болѣе взрослыхъ мальчиковъ по дорогѣ въ школу, и хитрыми, лукавыми маневрами увлекала ихъ къ безцѣльному бродяжничеству. Я видалъ, какъ она лежала у дверей школы съ намѣреніемъ завести дѣтей, возвращавшихся домой, въ отдаленные закоулки. Она заводила многихъ довѣрчивыхъ мальчиковъ на пристани и набережныя, прикидываясь водолазомъ, чего въ сущности не было; другихъ же заманивала побродить съ собой, прикинувшись охотничьей собакой, которою она отродясь не бывала. Безсовѣстная, лицемѣрная и лукавая, она привлекала многія дѣтскія сердца, откликаясь на всѣ имена, какими они ее называли, не отставала отъ нихъ ни на шагъ до тѣхъ поръ, пока они не попадали впросакъ, и покидала въ тотъ самый моментъ, когда они наиболѣе нуждались въ ея помощи. Я видалъ, какъ она отнимала у маленькихъ учениковъ ихъ завтракъ, какъ-бы нечаянно сбивая ихъ съ ногъ. Я видалъ, какъ болѣе взрослые дѣлились съ ней худо нажитымъ добромъ. Будучи вначалѣ орудіемъ, она съ теченіемъ времени становится сообщницей; жертва обмана, она научается обманы-

вать другихъ; на самый лучшій конецъ она не что иное, какъ бродяга изъ бродягъ.

И совсѣмъ тѣмъ, я все-таки не могу не сожалѣть о ней въ то время, какъ она лежитъ на моихъ глазахъ въ долгое лѣтнее утро, наслаждаясь краткими промежутками спокойствія и отдыха, которыми она украдкой пользуется у чужихъ дверей. Но вотъ раздается рѣзкій свистъ, мальчики возвращаются домой изъ школы, и собаку выводитъ изъ ея дремоты ловко брошенная картофелина, которая попадаетъ ей прямо въ голову и пробуждаетъ ее къ тяжкой дѣйствительности; а именно: что она осуждена отнынѣ и навѣки быть уличной собакой.

Кромѣ приведенныхъ разсказовъ, озаглавленныхъ у Бретъ-Гарта: *«Повѣствованія объ аргонавтахъ» (Tales of the argonauts)* и *эскизовъ* въ родѣ: «Уличный мальчишка», «Покинутые мною околотки» и проч. Бретъ-Гартъ написалъ еще рядъ *Испанскихъ и американскихъ легендъ (Spanish and American legends)*, но ни по содержанію своему, ни по формѣ, эти легенды не представляютъ большого интереса.

Кромѣ прозы, Бретъ-Гартъ писалъ также и стихи, но послѣдніе значительно уступаютъ въ достоинствѣ прозаическимъ разсказамъ. Нѣкоторыя стихотворенія, называемыя авторомъ *поэмами*, любопытны лишь по сюжету, которымъ вдохновлялся поэтъ. Такъ, напримѣръ, одно стихотвореніе воспѣваетъ медвѣдя. Другое—обращено къ *«Черепу Пліоценовой формаціи»*, третье сообщаетъ о томъ, *«Что думаетъ паровозъ»*.

Но всѣ эти «поэмы» не отличаются особенными достоинствами.

Наконецъ, у Бретъ-Гарта есть цѣлый рядъ *пародій* на романы нѣкоторыхъ европейскихъ писателей, напримѣръ, Александра Дюма, Виктора Гюго, Вильки Коллинза, Чарльза Рида и проч. Пародіи эти, возбудившія негодованіе нѣкоторыхъ отечественныхъ рецензентовъ, между тѣмъ весьма замѣчательны. Строгимъ пуристамъ слѣдовало бы помнить, что, во-первыхъ: «смѣяться право не грѣшно надъ тѣмъ, что́ кажется смѣшно». А во-вторыхъ, что никакая пародія не въ состояніи уронить истинно великаго произведенія, да на такія и не посягаетъ Бретъ-Гартъ.

Онъ весьма тонко подмѣчаетъ слабыя стороны, фальшивыя ноты, манерность, фразерство нѣкоторыхъ европейскихъ писателей, положимъ, весьма талантливыхъ, но отнюдь не великихъ и отличающихся многими, весьма существенными недостатками. Чи-

татель, хорошо знакомый съ тѣми произведеніями, на которыя написалъ пародіи Бретъ-Гартъ, и главное, съ характеромъ ихъ авторовъ, не можетъ не смѣяться при чтеніи этихъ мастерскихъ пародій. Хотя, конечно, въ переводѣ трудно передать всю ихъ соль, но для того, чтобы высказанное мнѣніе не показалось голословнымъ и читатель могъ судить: насколько Бретъ-Гартъ ловко попадаетъ въ самое больное мѣсто извѣстнаго писателя, приводимъ отрывки изъ нѣкоторыхъ, наиболѣе рельефныхъ пародій.

Никто, конечно, не станетъ отрицать, что Викторъ Гюго, напримѣръ, не взирая на свои достоинства, манерностью языка, претенціозностью выраженій, реторической шумихой, страстью къ дешевымъ эффектамъ зачастую просится въ каррикатуру. И развѣ не мастерскую каррикатуру рисуетъ на него Бретъ-Гартъ:

I.

Быть добрымъ, значитъ быть оригинальнымъ. Что такое добрый человѣкъ? Епископъ Миріэль.

Мой другъ, вы пожалуй станете возражать противъ этого. Вы пожалуй скажете: я знаю, что̀ такое добрый человѣкъ. Вы, чего добраго, скажете, что вашъ священникъ добрый человѣкъ.

О! вы ошибаетесь; вы англичанинъ, а англичане животные.

Англичане воображаютъ, что они нравственны, когда они только угрюмы. И опять же англичане носятъ такія некрасивыя шляпы и одѣваются такъ безобразно.

О! они просто *canaille*.

И все-таки епископъ Миріэль добрый человѣкъ— почти такой же добрый, какъ и вы. Добрѣе васъ въ сущности.

Однажды монсиньоръ Миріэль былъ въ Парижѣ. Этотъ ангелъ имѣлъ привычку ходить по улицамъ, какъ и первый встрѣчный. Онъ не былъ гордъ, хотя былъ изященъ. Ну вотъ, трое *gamins de Paris* обозвали его скверными словами.

Что̀ сдѣлалъ этотъ добрый человѣкъ? Онъ кротко подозвалъ ихъ къ себѣ.

— Дѣти мои, сказалъ онъ, это очевидно не ваша вина. Я признаю въ этомъ оскорбленіи и непочтеніи вину вашихъ родителей. Помолимся за вашихъ родителей.

Они стали на колѣни и помолились за родителей.

Эффектъ былъ трогательный.

Епископъ спокойно оглянулся вокругъ.

— По зрѣломъ размышленіи, произнесъ онъ торжественно,

я вижу, что ошибся; ясно, что виновато общество. Помолимся за общество.

Они снова стали на колѣни и помолились за общество.

Эффектъ былъ еще торжественнѣе. Какъ вы думаете объ этомъ?

Всякому памятна исторія епископа съ теткой *Nez Retroussé*. Тетка *Nez Retroussé* продавала спаржу. Она была бѣдна; въ этомъ словѣ заключается великій смыслъ, мой другъ. Иные говорятъ: «бѣденъ, но честенъ». Я же говорю: О!

Епископъ Миріэль купилъ шесть связокъ спаржи. У этого добраго человѣка былъ очаровательный порокъ: онъ любилъ спаржу. Онъ далъ ей *франкъ* и получилъ три *су* сдачи.

Су оказались фальшивыми. Какъ поступилъ этотъ добрый епископъ? Онъ сказалъ: — мнѣ не слѣдовало брать сдачи съ бѣдной женщины.

Потомъ замѣтилъ своей экономкѣ: — никогда не берите сдачи съ бѣдной женщины.

И прибавилъ про себя: потому, что *су* будутъ по всей вѣроятности фальшивыми.

II.

Когда человѣкъ совершаетъ преступленіе, общество заключаетъ его въ тюрьму. Тюрьма—это худшая изъ гостинницъ, какую только можно себѣ представить. Населеніе въ ней низкое и грубое. Масло горькое, кофе заплеснѣвѣлый. Ахъ! это ужасно!

Въ тюрьмѣ, какъ и въ плохой гостинницѣ, человѣкъ вскорѣ утрачиваетъ не только нравственность, но, что́ гораздо хуже для француза, утонченныя манеры и деликатность.

Жанъ Вальжанъ вышелъ изъ тюрьмы съ смутными понятіями объ обществѣ. Онъ позабылъ объ условіяхъ современнаго гостепріимства. Поэтому онъ удралъ съ подсвѣчниками епископа.

Разберемъ это дѣло: подсвѣчники были украдены — это очевидно. Общество заключило Жана Вальжана въ тюрьму, это тоже очевидно. Въ тюрьмѣ общество лишило его утонченности манеръ — это также очевидно.

Что́ такое общество?

Вы, да я — мы общество.

Другъ мой, вы да я украли эти подсвѣчники.

III.

Епископъ также пришелъ къ этому заключенію. Онъ глубоко размышлялъ въ теченіи шести дней. Утромъ на седьмой отправился въ полицейскую префектуру.

Онъ сказалъ: Monsieur, арестуйте меня. Я укралъ подсвѣчники.

Чиновникъ руководился законами общества и отказалъ въ этомъ епископу.

Что-же сдѣлалъ епископъ?

Онъ заказалъ себѣ очаровательное ядро съ цѣпью, надѣлъ на ногу и носилъ всю остальную жизнь.

Это фактъ!

Или вотъ еще отрывокъ изъ пародіи на извѣстное произведеніе Мишле́ «La femme»:

I.

Женщина, какъ учрежденіе.

«Еслибы не женщины, то немногіе изъ насъ существовали бы теперь на свѣтѣ». Вотъ замѣчаніе одного осторожнаго и скромнаго писателя. Онъ былъ также проницателенъ и уменъ.

Женщина! Созерцайте ее и восхищайтесь ею. Любуйтесь ею и любите ее. Если она пожелаетъ поцѣловать васъ, дозвольте ей это. Помните, что она слаба, а вы сильны.

Но не обращайтесь съ ней грубо. Не ухаживайте при ней, даже если она ваша жена, за другой женщиной. Не дѣлайте этого. Будьте всегда вѣжливы, даже если ей другой покажется милѣе васъ.

Еслибы вашей матери, мой дорогой Амадисъ, не показался вашъ отецъ милѣе всякаго другого, вы могли бы быть сыномъ этого всякаго другого. Подумайте объ этомъ. Всегда будьте философомъ, даже на счетъ женщинъ.

Немногіе мужчины понимаютъ женщинъ. Французы быть можетъ лучше, чѣмъ всѣ другіе. Я французъ.

II.

Дитя.

Она дитя — крошечное существо — младенецъ.

У ней есть отецъ и мать. Предположимъ для примѣра, что они женаты. Будемъ нравственными, если не можемъ быть счастливыми и свободными—они женаты—быть можетъ они любятъ другъ друга — кто знаетъ?

Но она ничего объ этомъ не знаетъ; она младенецъ — крошка, игрушка.

Она вначалѣ некрасива. Это жестоко, быть можетъ, но она красна и положительно безобразна. Она чувствуетъ это и плачетъ. Она рыдаетъ. Ахъ, мой Боже, какъ она рыдаетъ! Ея крики и вопли становятся отчаянными.

Слезы текутъ изъ ея глазъ ручьями. Она глубоко и сильно чувствуетъ, какъ Альфонсъ де-Ламартинъ въ своихъ Confessions.

Если вы ея мать, сударыня, то примитесь трясти ея пеленки, боясь не попали ли въ нихъ булавки, и тому подобное. Ахъ! она притворщица! вы, даже *вы* не поняли ее!

Но у ней проявляются уже очаровательныя стремленія. Поглядите, какъ она трясетъ своими пухлыми рученками. Она съ умоляющимъ видомъ смотритъ на свою мать. У ней есть уже свой языкъ. Она говоритъ: «гу, гу» и «га, га».

Она чего-то проситъ — эта крошка!

Она голодна, она хочетъ кушать. Покормите ее, сударыня!

Первый долгъ матери кормить свое дитя!..

III и IV.

. . . .

V.

Первая любовь.

Она болѣе не сомнѣвается въ своей красотѣ. Она любима.

Она видѣлась съ нимъ тайкомъ. Онъ живъ и остроуменъ. Онъ знаменитъ. Онъ уже имѣлъ интригу съ Фифиной, горнич-

ной, и бѣдная Фифина въ отчаяніи. Онъ дворянинъ. Она знаетъ, что онъ сынъ баронессы Кутюрьеръ. Она обожаетъ его.

Она прикидывается, что не замѣчаетъ его. Бѣдная дурочка! Ипполитъ разстроенъ, убитъ, неутѣшенъ и очарователенъ.

Она восхищается его сапогами, его галстукомъ, его перчатками, его очаровательными панталонами, его сюртукомъ и тросточкой.

Она предлагаетъ ему бѣжать съ нимъ. Онъ въ восторгѣ, но великодушно отказывается, быть можетъ, она ему надоѣла...

Она читаетъ *Поля и Виргинію*. Она внѣ себя отъ восхищенія. Когда она читаетъ, какъ эта примѣрная молодая особа пожертвовала жизнью, чтобы только не показаться своему возлюбленному въ *déshabillé*, она рыдаетъ.

Добродѣтельный Бернарденъ де-Сен-Пьеръ! дочери Франціи поклоняются вамъ!..

VI.

Жена.

Ей наскучило любить, и она выходитъ замужъ...

VII.

Ея старость.

Француженки никогда не старѣются.

Изъ англійскихъ писателей Бретъ-Гартъ особенно удачно пародируетъ Чарльза Рида. Этотъ талантливый и плодовитый писатель отличается своими особенностями въ слогѣ и манерѣ разсказывать, которыя иногда впадаютъ въ *шаржъ* и наскучаютъ, особенно при назойливомъ повтореніи извѣстныхъ литературныхъ пріемовъ въ цѣломъ рядѣ произведеній. Кромѣ внѣшнихъ пріемовъ, Чарльзъ Ридъ повторяется и въ типахъ, изображаемыхъ имъ. Есть у него, напримѣръ, излюбленный женскій типъ, который неизмѣнно фигурируетъ въ каждомъ изъ его рамановъ. Это типъ женщины, которая женственнѣй самой женственности, граціознѣй самой граціи, но съ мягкими и кроткими внѣшними пріемами скрываетъ извѣстную дозу энергіи и стойкости. Вмѣстѣ

съ этими качествами ей нечужды и тѣ слабости, которыя испоконъ вѣка считаются принадлежностью всякой дочери Евы: наивная хитрость, невинное лукавство и тѣ спеціальныя слабости, составляющія исключительную принадлежность дочерей Альбіона и возводимыхъ Чарльзомъ Ридомъ въ перлъ созданія: чопорность и жеманство. Словомъ, типъ обольстительной сирены, сильной своей мнимой слабостью и очаровательной въ своихъ недостаткахъ. Этотъ типъ, весьма удавшійся Чарльзу Риду и заинтересовывающій читателя своей новизной въ лицѣ Люси, героинѣ романа *«Любитъ — не любитъ!»*, повторяясь неизмѣнно во всѣхъ послѣдующихъ романахъ Чарльза Рида (напр., въ лицѣ Грэсъ, въ романѣ *«Поставьте себя на его мѣсто»*, въ лицѣ главной героини романа *«Вѣроломство»*, и проч.) — утрачиваетъ свою оригинальность и свѣжесть, и становится приторенъ. Въ послѣднемъ изъ вышеупомянятыхъ романовъ, напр., въ *«Вѣроломствѣ»*, авторъ заставляетъ свою героиню строго держаться свѣтскихъ приличій даже на необитаемомъ островѣ, куда ее выкинула буря, вмѣстѣ съ влюбленнымъ въ нее молодымъ человѣкомъ, которому она не позволяетъ переночевать въ той пещерѣ, гдѣ сама укрывается на ночь, и изъ ложно понятого чувства скромности и стыдливости готова отдать бѣдняка на произволъ расходившимся стихіямъ и даже чуть-ли не на съѣденіе дикимъ звѣрямъ. Чарльзъ Ридъ не налюбуется своей героиней, но всякій безпристрастный и здравомыслящій человѣкъ только плечами пожметъ при видѣ тѣхъ штукъ, которыя она выкидываетъ.

Бретъ-Гартъ, съ свойственной ему чуткостью до всякой фальши, очень ловко выставляетъ въ своей пародіи всю неестественность подобныхъ выходокъ, а также осмѣиваетъ страсть Чарльза Рида, особенно сказывающуюся въ его послѣднихъ романахъ,—прибѣгать къ внѣшнимъ эффектамъ, нанизывать сенсаціонныя происшествія, накликать на своихъ героевъ цѣлый рядъ всяческихъ бѣдствій, пожаровъ, наводненій, кораблекрушеній и проч. Конечно, всѣ эти страхи оканчиваются обыкновенно ничѣмъ, и герои, которые, подобно нашему казенному добру, въ огнѣ не горятъ и въ водѣ не тонутъ, выходятъ цѣлы и невредимы изъ борьбы съ стихіями и людскимъ коварствомъ, и соединяются узами брака.

Въ пародіи Бретъ-Гарта влюбленные другъ въ друга, герой и героиня, разлучаемые жестокостью родителей, неожиданно улетаютъ на воздушномъ шарѣ.

«......Лэди Каролина упала въ обморокъ. Прикосновеніе холодного носа ея собачки привело ее въ чувство. Она не рѣшалась заглянуть за край лодочки; не рѣшалась взглянуть на раз-

верстую пасть чудовища, готоваго ее поглотить. Она бросилась на дно лодочки и обняла единственное живое существо, спасенное съ ней..... пуделя. Потомъ она заплакала. Въ эту минуту раздался ясный голосъ, который казалось доносился изъ окружающаго воздуха:

— Могу я побезпокоить васъ просьбой взглянуть на барометръ?

Она высунула голову изъ лодочки. Литтль висѣлъ на концѣ длинной веревки. Она отдернула голову.

Черезъ минуту онъ увидѣлъ ея смущенное, краснѣющее личико, снова выглянувшее изъ лодочки—блаженное зрѣлище!

— О, пожалуйста, не забирайтесь сюда! Оставайтесь тамъ, гдѣ вы находитесь, пожалуйста!

Литтль повиновался. Само собой разумѣется, что она ничего не смыслила въ барометрѣ и сказала ему объ этомъ. Литтль улыбнулся.

— Будьте такъ добры, передайте его мнѣ.

Но у нея не было ни шнурка, ни веревки. Наконецъ она сказала:

— Подождите одну минутку.

Литтль подождалъ. Лицо ея больше не показывалось, но вотъ барометръ медленно былъ спущенъ къ нему.... на шнуркѣ отъ корсета.

Барометръ сильно упалъ. Литтль поглядѣлъ на клапанъ и ничего не сказалъ. Вдругъ ему послышался вздохъ. Затѣмъ рыданіе. Затѣмъ нѣсколько рѣзкое замѣчаніе:

— Отчего вы ничего не предпринимаете?..... Какимъ путемъ мы можемъ спуститься на землю?

— Открывъ клапанъ.

— Почему же вы его не открываете?

— *Потому что веревка отъ клапана порвалась?*

Лэди Каролина упала въ обморокъ. Когда она очнулась, было темно. Они какъ будто продирались сквозь громадный обломокъ чернаго мрамора. Она застонала и содрогнулась.

— Я бы желала, чтобы мы могли зажечь свѣчу.

— У меня нѣтъ спичекъ, отвѣчалъ Литтль. Но кажется, что у васъ на шеѣ надѣто янтарное ожерелье. Янтарь при извѣстныхъ условіяхъ издаетъ электричество. Дайте мнѣ ожерелье.

Онъ взялъ янтарное ожерелье и принялся тереть его. Затѣмъ попросилъ ее поднести суставъ пальца къ ожерелью. Результатомъ этого была яркая искра. Это повторялось въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Свѣтъ былъ не особенно ярокъ, но его было

достаточно для того, чтобы приличія были спасены и деликатныя чувства скромной дѣвушки успокоены.

Вдругъ послышался трескъ и запахъ газа. Литтль поблѣднѣлъ, въ конусѣ воздушнаго шара образовалась трещина, черезъ которую вырывался газъ, и они начали уже опускаться. Литтль былъ покоренъ, но твердъ.

— Если шелковая матерія не выдержитъ, мы погибли. Къ несчастію у меня нѣтъ веревки, или-чего нибудь другого, чтобы задѣлать отверстіе.

Инстинктъ женщины спохватился объ этомъ раньше, чѣмъ разумъ мужчины. Но ее смущало одно обстоятельство.

— Будьте такъ добры, спуститесь на конецъ веревки на одну минуту, произнесла она съ очаровательной улыбкой.

Литтль повиновался. Черезъ минуту она позвала его. Она держала нѣчто въ рукахъ...... удивительное изобрѣтеніе семнадцатаго столѣтія, усовершенствованное въ настоящемъ: пирамиду изъ шестнадцати обручей изъ гибкой, но крѣпкой стали.

Съ крикомъ радости Литтль схватилъ ихъ, полѣзъ на воздушный шаръ и скрѣпилъ эластическими обручами его конусообразную оконечность. Затѣмъ спустился въ лодочку.

— Мы спасены.

Лэди Каролина покраснѣла и собрала складки своихъ легкихъ, но античныхъ драпировокъ въ уголъ лодочки.

Они медленно опускались на землю. Лэди Каролина уже различала очертанія Реби-Голла.

— Я полагаю, что сойду здѣсь, проговорила она.

Литтль прикрѣпилъ воздушный шаръ якоремъ и собирался послѣдовать за ней.

— Не спѣшите, мой другъ, замѣтила она съ лукавой улыбкой. Насъ не должны видѣть вмѣстѣ. Люди стали бы сплетничать; до свиданія!

Литтль снова вскочилъ на воздушный шаръ и отлетѣлъ въ Америку.......

Изъ приведенныхъ образчиковъ читатель, хорошо знакомый съ литературными пріемами и недостатками Виктора Гюго, Мишле и Чарльза Рида, согласится, что пародія Бретъ-Гарта необыкновенно вѣрно передаетъ ихъ. Можно почти сказать, что нелѣпости оригиналовъ, послужившихъ для каррикатуры, не превзойдены послѣдней, а только подчеркиваются ею.

А. Э.

НОВЫЕ СВИДѢТЕЛИ
ЕКАТЕРИНИНСКАГО ВѢКА

Одиннадцатый и двѣнадцатый томы Сборника Русскаго Историческаго Общества.

Дѣятельности «Русскаго Историческаго Общества», предсѣдательствуемаго со дня основанія Е. И. В. Государемъ Наслѣдникомъ, исполнилось нынѣ семь лѣтъ, заключившихся вышедшимъ надняхъ изданіемъ одиннадцатаго и двѣнадцатаго томовъ «Сборника». Плодомъ этой дѣятельности было внесеніе въ науку отечественной исторіи значительной массы матеріаловъ, изъ которыхъ многіе явились въ свѣтъ, безъ сомнѣнія, благодаря только обширнымъ средствамъ и авторитету Общества. Тѣмъ признательнѣе должна быть наука къ заслугамъ этого Общества, отъ котораго она ожидаетъ и въ будущемъ сильнѣйшаго содѣйствія къ изученію историческихъ судебъ родины. Припоминая себѣ все содержаніе изданныхъ доселѣ матеріаловъ, мы видимъ, что до сихъ поръ Общество посвящало свою дѣятельность главнымъ образомъ Екатерининскому вѣку; такое сосредоточеніе силъ на одной эпохѣ, совершенно невозможное для частныхъ собирателей, которые очень скоро истощили бы свой запасъ или были бы вынуждены наполнять свои изданія историческимъ хламомъ, увеличиваетъ достоинство «Сборника». Половина его изданія, а именно: томы I, IV, VII, VIII, IX и XII, посвящена исключительно Екатерининскому вѣку.

Послѣдній, только-что вышедшій томъ заключаетъ въ себѣ обширную дипломатическую переписку англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, отъ начала 1762 года, не за-долго до вступленія на престолъ Екатерины II, когда, 19-го февраля, англійскій посолъ, Робертъ Кейтъ, въ постъ-скриптумѣ извѣщалъ свое министерство, что «въ настоящую минуту не видно, чтобы императрица пользовалась какою-нибудь значительною долею вліянія (any great degree of credit), — и до 11-го декабря 1769 года, когда имя Екатерины II, нанесшей ударъ Портѣ, гремѣло уже по всей Европѣ.

Относительно XI-го тома ограничимся въ настоящую минуту краткимъ указаніемъ его содержанія. Въ немъ заключены письма, указы и замѣтки Петра В., доставленныя частными лицами и извлеченныя изъ Сенатскаго архива; между ними находится впрочемъ много до сихъ поръ неизданныхъ и чрезвычайно важныхъ документовъ, уясняющихъ многостороннюю и неутомимую дѣятельность Петра Великагр. Подобнаго рода документы для вѣка Екатерины II были уже изданы Обществомъ и составили седьмой томъ его «Сборника». Въ дополненіе къ такимъ внутреннимъ источникамъ теперь являются предъ нами показанія постороннихъ свидѣтелей Екатерининскаго вѣка, какими и можно назвать англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ; ихъ депеши, какъ мы сказали, составляютъ содержаніе XII-го тома, на которомъ мы и остановимъ вниманіе читателей.

Изъ предисловія къ XII-му тому мы видимъ, что еще въ 1870 году, августѣйшій Предсѣдатель Общества выразилъ желаніе обратить особенное вниманіе на изданіе документовъ, относящихся къ Екатерининскому вѣку. При этомъ не были забыты и донесенія иностранныхъ пословъ того времени, хранящіяся въ Стокгольмѣ, Вѣнѣ, Штутгартѣ; всѣхъ богаче оказался Лондонъ. По сношенію съ лордомъ Гренвиллемъ, лондонскій архивъ иностранныхъ дѣлъ былъ весьма радушно открытъ къ услугамъ нашего Общества и найденъ въ величайшемъ порядкѣ. Въ снятыхъ для Общества копіяхъ англійскіе чиновники вычеркнули одни скандалезныя извѣстія безъ всякой исторической цѣнности. За-границей нѣкоторые изъ этихъ документовъ попадали въ печать, но у насъ они являются въ первый разъ и притомъ несравненно въ большемъ объемѣ.

I.

Въ лицѣ англійскихъ пословъ мы пріобрѣтаемъ не только новыхъ, но и весьма замѣчательныхъ свидѣтелей Екатерининскаго вѣка. Въ Англіи обязанности посла хотя и возлагаются исключительно на лица высшаго сословія, но тѣмъ не менѣе это званіе отнюдь не синекура, и въ эту должность избираются личности наиболѣе способныя: дѣло состоитъ не въ одной дипломаціи, но и въ изученіи страны, съ цѣлью ознакомиться съ нею для извлеченія, конечно, всевозможныхъ матеріальныхъ выгодъ для англійской торговли и промышленности. Задача не легкая, и потому званіе посла сопряжено не съ однимъ почетомъ, но и съ трудомъ, требующимъ отъ человѣка способности внимательнаго изслѣдованія, изученія. Вотъ почему дипломатическая переписка англійскихъ пословъ можетъ имѣть весьма важное значеніе, какъ историческій матеріалъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что такая переписка не нуждается уже въ критикѣ; напротивъ, очень часто англійскіе послы, произнося свой судъ надъ окружающею ихъ средою, произносятъ судъ и надъ собой, обличая или свое пристрастіе, или непониманіе того, что совершалось на ихъ глазахъ; но они во всякомъ случаѣ не могутъ быть заподозрѣны ни въ лести, ни въ опасеніи говорить правду: письма ихъ были шифрованы или пересылаемы чрезъ вѣрныя руки. Если имъ случалось писать по почтѣ, то они и этимъ пользовались для того, чтобы ввести въ заблужденіе русское правительство, о чемъ послѣ секретно предупреждалось англійское министерство. Такъ, напр., посланникъ Букингамъ пишетъ длинное письмо въ Лондонъ къ Галифаксу изъ Москвы, отъ 10-го февр. 1763 г., съ подробнѣйшимъ описаніемъ придворнаго спектакля,—такъ что читая удивляешься, какимъ образомъ посланникъ рѣшился занять вниманіе своего правительства обстоятельнымъ описаніемъ того, ка̀къ кто былъ одѣтъ, ка̀къ кто игралъ свою роль, и сверхъ того рѣшился наполнить письмо выраженіями своего личнаго восторга. Но дѣло объясняется очень просто: дня четыре спустя, тотъ же посланникъ пишетъ въ Англію, что ему достовѣрно извѣстно, какъ всѣ его письма вскрываются: «это соображеніе—прибавляетъ Букингамъ—побудило меня написать такой *подробный* отчетъ о трагедіи, сыгранной при дворѣ, такъ какъ я зналъ, что императрица желала, чтобы на этотъ вечеръ было обращено вниманіе». Первое письмо, слѣдовательно, было отправлено въ Англію по почтѣ съ

полнымъ убѣжденіемъ, что его съ удовольствіемъ прочтутъ и въ Петербургѣ, а второе—секретно. Однимъ словомъ, отзывы англійскихъ пословъ могли быть не искренни, но только въ подобныхъ случаяхъ, о которыхъ они и извѣщали особо. Историкъ можетъ только пожалѣть объ одномъ, что въ дипломатической перепискѣ много мѣста занимаютъ сообщенія переговоровъ о заключеніи торговаго трактата съ Россіею, и все это насчетъ характеристики нашего общества и сообщенія подробностей изъ его быта; но англійскіе послы, конечно, и не думали о томъ, что мы воспользуемся ихъ перепискою для научныхъ цѣлей, и весьма справедливо служили интересамъ дня.

Впрочемъ, и при этомъ имъ случалось невольно характеризовать ту среду, въ которой имъ приходилось вращаться для достиженія меркантильныхъ цѣлей Англіи. Это была, конечно, вліятельная среда, отъ которой зависѣло содѣйствовать или противодѣйствовать англійскимъ видамъ, другими словами, безкорыстно защищать интересы своей родины, или продавать ее. Вотъ, напримѣръ, письмо, которое получилъ англійскій посланникъ въ Петербургѣ отъ своего кабинета, по поводу затрудненій, встрѣченныхъ Англіею у насъ при возобновленіи торговаго договора съ новою императрицею, съ цѣлью увеличить льготы англійскихъ купцовъ. Герцогъ Галифаксъ пишетъ изъ Лондона графу Букингаму въ Петербургъ, отъ 25-го февраля 1763 г.: «Что касается до *подарковъ*, о которыхъ вы упоминаете, то въ настоящую минуту могу только сообщить вамъ, что королю не угодно, чтобы вы входили въ какія-то бы ни было соглашенія и условія до тѣхъ поръ, пока вы не получите отъ меня дальнѣйшихъ свѣдѣній по этому предмету. Въ то же время его величеству, прежде чѣмъ придти къ окончательному рѣшенію этого вопроса, угодно получить отъ васъ подробное увѣдомленіе на счетъ того, *какую именно сумму вы бы считали нужнымъ раздать лицамъ, упомянутымъ въ вашей депешѣ, и въ какихъ размѣрахъ*» [1]). Въ прошедшемъ столѣтіи не было желѣзнодорожныхъ концессій, но за то торговые трактаты съ сосѣдями давали, какъ видно, наживу, и потому патріотизмъ нашихъ Вагенеровъ находилъ для себя немалыя искушенія. Самой депеши англійскаго посла со спискомъ лицъ, ожидающихъ подарковъ, мы не находимъ въ «Сборникѣ»; можетъ быть, она и не сохранилась.

[1]) Курсивъ въ „Сборникѣ."—Еще въ декабрѣ 1762 г. гр. Букингамъ писалъ: „Бестужевъ объявилъ, что его расположенію къ Англіи совершенно безкорыстно; но я предполагаю, что въ случаѣ, если онъ окажетъ намъ существенную услугу, онъ не откажется отъ выраженія нашей за то признательности".

Наша торговля съ Англіею, сто лѣтъ тому назадъ, представляла значительные обороты, такъ что, судя по нимъ, подарки могли быть весьма приличными кушами. Тотъ же графъ Букингамъ пишетъ изъ Петербурга въ Лондонъ, отъ 20-го апрѣля 1764 г.: «Вслѣдствіе желанія, высказаннаго мнѣ Панинымъ нѣсколько дней тому назадъ, я писалъ ему вчера весьма подробный отчетъ о ввозѣ и вывозѣ товаровъ англійскими купцами въ Петербургѣ въ 1763 году. Я употребилъ всѣ зависящія отъ меня мѣры для того, чтобы отчетъ этотъ былъ вѣренъ:

«Цѣнность вывезенныхъ товаровъ, считая таможенныя пошлины и случайные расходы, простирается до	3.465,000 руб.
«Цѣнность ввезенныхъ товаровъ . . .	910,000 »
«Балансъ въ пользу Россіи	2.555,000 руб.

И эта цифра баланса возростала быстро въ послѣдующіе годы; по крайней мѣрѣ въ 1765 г. (1/12 марта) новый посланникъ отзывается такъ о нашихъ финансахъ: «Лордъ Букингамъ, кажется, описывалъ вамъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, милордъ, блестящее состояніе финансовъ императрицы. Дѣйствительно, ея частная казна простирается до семи милліоновъ рублей, и она такъ бережлива, что сумма эта возрастаетъ съ каждымъ днемъ; но несмотря на ея богатство, страна, повидимому, бѣдна, и ни въ рукахъ купцовъ, ни за игорными столами, почти не видно золота или серебра. Это тѣмъ болѣе удивительно, такъ какъ положительно доказано, что Россія ежегодно получаетъ *шестьсотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ*, составляющихъ балансъ въ ея пользу въ торговлѣ ея съ Англіей. Еще удивительнѣе обстоятельство, противорѣчащее здравому смыслу и опыту всѣхъ прочихъ странъ, заключается въ слѣдующемъ: несмотря на то, что монеты въ обращеніи весьма мало, всякій предметъ, который случается купить, дороговизной превосходитъ всякое понятіе; впрочемъ, здѣсь много такихъ парадоксовъ, для объясненія которыхъ потребовалась бы особенная способность».

Вопросы торговаго трактата доводили иногда пословъ до раздраженія, и тотъ же сэръ Дж. Макартней, въ маѣ того же года пишетъ «весьма секретно»: «берусь за перо, чтобы сообщить вамъ, милордъ, то, въ чемъ, къ сожалѣнію, вы вѣроятно и сами вполнѣ убѣждены, а именно, что торговый договоръ подвигается съ необычайной медленностью; да и не можетъ быть иначе въ странѣ, гдѣ все это дѣло ведется какими то лавками, величаемыми коллегіями, и мелкими купцами, которыхъ имъ угодно называть членами

коммиссіи. Лордъ Букингамъ можетъ увѣрить васъ, что терпѣніе есть единственное оружіе, съ помощью котораго министръ при здѣшнемъ дворѣ можетъ подвинуть возложенное на него дѣло. Я убѣжденъ, что если бы мною было употреблено какое-либо другое средство, то я былъ бы еще дальше отъ успѣха. Отношенія Панина ко мнѣ, повидимому, столь искренни и онъ такъ часто и торжественно высказываетъ свою дружбу, что я не могу приписывать его винѣ медлительность дѣла, тѣмъ болѣе, что въ томъ не было бы выгоды ни лично для него, ни для русскаго народа, и въ этомъ отношеніи всѣ согласны со мной. Поэтому я объясняю эту неудачу единственно отсутствіемъ всякой методичности, преобладающимъ въ дѣлахъ всей этой обширной имперіи».

Прошелъ еще одинъ годъ, но дѣло не подвинулось ни на шагъ. Въ началѣ февраля 1766 года, сэръ Дж. Макортней пишетъ въ Лондонъ, по поводу того же трактата, весьма характеристичное письмо, которое мы и приводимъ цѣликомъ:

«Съ сердечнымъ прискорбіемъ долженъ я сообщить вамъ, милордъ, полную неудачу моихъ переговоровъ.

«Все, что̀ могло склонить этотъ дворъ на мои требованія, все, что̀ могло побудить здѣшнихъ министровъ исполнить мои просьбы, наконецъ, все, что̀ могло польстить императрицѣ и внушить ей согласіе на мои предложенія, все это было мною сдѣлано. Никакая хитрость не осталась неиспробованной, ни одинъ доводъ не высказаннымъ, ни одно усиліе не употребленнымъ, словомъ, все, что̀ внушалъ мнѣ умъ, чѣмъ снабжало меня свойство дѣла и что̀ подсказывали мнѣ настоящія обстоятельства, было мною выполнено съ неусыпнымъ вниманіемъ, неутомимой дѣятельностью и неослабѣвавшимъ усердіемъ. Но дворъ этотъ выслушивалъ меня съ самымъ возмутительнымъ хладнокровіемъ и съ самымъ стоическимъ равнодушіемъ; результатомъ всего этого оказалось полное отреченіе и совершенный отказъ. Дабы поставить вашу милость въ возможность судить о моемъ образѣ дѣйствій въ этомъ случаѣ и увѣдомить меня, поступалъ ли я, какъ по существу самого дѣла, такъ и по способу его выраженія, согласно со смысломъ данныхъ мнѣ инструкцій, позвольте мнѣ подробно изложить вамъ одну подробность хода переговоровъ. Она (русская императрица) выслушала меня съ самымъ милостивымъ вниманіемъ и отвѣчала мнѣ въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ. Она поручила мнѣ передать отъ ея имени королю, что она ничѣмъ не дорожитъ до такой степени, какъ его дружбой, что̀ и готова доказать всякимъ средствомъ, не унижающимъ достоинство ея престола и не стѣсняющимъ ея монархическихъ правъ;

выразивъ желаніе, чтобы я сообщилъ это въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ и объявилъ бы, что ничто не въ состояніи огорчить ее до такой степени, какъ невозможность выполнить какую бы то ни было просьбу короля великобританскаго. Она указала мнѣ обратиться за дальнѣйшимъ объясненіемъ ея чувствъ къ ея министерству, которое, согласно съ этимъ, и выдало мнѣ меморіалъ подъ № 2, врученный мнѣ въ прошлую среду 8-го числа. Слишкомъ хорошо зная упрямство Панина и опасаясь его послѣдствій, прочитавъ его меморіалъ, я на слѣдующій же день отправился къ нему, чтобы отговорить его отъ немедленнаго принятія мѣръ, клонящихся ко вреду нашихъ купцовъ. Меня особенно побуждало къ тому извѣстіе, сообщенное мнѣ въ то самое утро однимъ англичаниномъ, который передалъ мнѣ, что намѣреваясь купить домъ, онъ говорилъ объ этомъ съ своимъ близкимъ пріятелемъ Бакунинымъ, первымъ чиновникомъ въ канцеляріи Панина, и тотъ совѣтовалъ ему ни въ какомъ случаѣ не кончать этого дѣла, если только оставалась возможность отъ него отступиться, такъ какъ на будущее время всякій англійскій домъ будетъ обложенъ постойной повинностью, и самъ онъ видѣлъ черновую указа, отмѣняющаго декларацію императрицы Елизаветы въ пользу нашихъ торговцевъ и полагалъ, что указъ этотъ будетъ немедленно обнародованъ. Не найдя Панина дома, я на слѣдующій день послалъ къ нему секретаря, чтобы узнать, когда я могу имѣть честь говорить съ нимъ, въ отвѣтъ на что онъ назначилъ сегодня послѣ театра въ девять часовъ вечера. Я спросилъ у него, справедливо ли то, что́ я слышалъ—онъ очень спокойно отвѣчалъ мнѣ, что это совершенная правда, что онъ часто предупреждалъ меня, что таково должно быть окончаніе нашего дѣла, и спросилъ меня, неужели я удивленъ тѣмъ, что онъ держитъ данное имъ мнѣ слово; далѣе онъ сказалъ, что намѣреніе его не заключаетъ ничего поспѣшнаго или необдуманнаго, а составляетъ результатъ продолжительнаго размышленія и убѣжденія, что нѣтъ никакой возможности вести переговоры съ англичанами на равныхъ правахъ, что рѣшился онъ на немедленное исполненіе этого намѣренія въ тѣхъ видахъ, чтобы дать здѣшнимъ англійскимъ купцамъ время предупредить своихъ друзей въ Англіи, прежде чѣмъ наступитъ сезонъ мореплаванія, черезъ что они имѣли бы возможность принять сообразныя съ этимъ мѣры и не потерпѣли бы убытка, вслѣдствіе надеждъ на трактатъ, который, быть можетъ, они считали уже оконченнымъ; въ заключеніе, онъ высказалъ надежду, что въ настоящемъ случаѣ я отдамъ справедливость деликатности его чувствъ, прямотѣ

его намѣреній и основательности его поступковъ. Я упрашивалъ его не дѣлать ни шагу болѣе въ этомъ дѣлѣ до тѣхъ поръ, пока я не получу отвѣта отъ своего двора, насчетъ окончательнаго его рѣшенія по вопросу о предполагаемомъ союзѣ съ Россіей и съ Даніей. Онъ отвѣчалъ, что не видитъ цѣли подобной отсрочки, и полагаетъ, что мы также, какъ и онъ, должны разсматривать торговый договоръ положительно уничтоженнымъ, и что было бы жестоко по отношенію къ купцамъ не предупредить ихъ заблаговременно о томъ, къ чему они должны готовиться въ будущемъ. Уступая моимъ просьбамъ, онъ сказалъ, что въ доказательство своего желанія оказать мнѣ услугу, онъ обѣщаетъ лично мнѣ отложить дѣйствія, которыхъ я опасался, до пріѣзда слѣдующаго курьера, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы я сообщилъ здѣшнимъ нашимъ купцамъ настоящее положеніе дѣла. Я сказалъ, что не могу рѣшиться на подобнаго рода шагъ, не имѣя на то приказаній изъ Англіи и потому просилъ его въ этомъ случаѣ меня извинить; но онъ настаивалъ и объявилъ, что съ своей стороны уступитъ моему желанію лишь на этомъ условіи. Я сказалъ ему, что сообщу это русской компаніи въ Лондонѣ, что́ будетъ столь же цѣлесообразно, такъ какъ письмо мое дойдетъ туда гораздо ранѣе, чѣмъ корабли будутъ имѣть возможность отправиться въ эту страну; я опасался послѣдствій, которыя сообщеніе подобнаго рода могло вызвать между нашими купцами, такъ какъ оно почти равнялось бы самому оффиціальному объявленію; поэтому я старался убѣдить его довольствоваться тѣмъ, что я предлагалъ, и, наконецъ, мнѣ это удалось; но прежде, чѣмъ проститься со мной, онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ, что, хотя въ этомъ дѣлѣ я могу полагаться на его обѣщаніе, какъ на слово частнаго лица, тѣмъ не менѣе, онъ не считалъ себя связаннымъ имъ въ своемъ оффиціальномъ характерѣ министра, такъ какъ онъ считалъ декларацію императрицы Елизаветы уже отмѣненной въ силу этого Pro-Memoria, несмотря на то, что дѣло это еще не было обнародовано. Таково, милордъ, въ настоящую минуту положеніе возложенныхъ на меня переговоровъ, которое предоставляю мудрому рѣшенію вашей милости; однако, я не исполнилъ бы своей обязанности, какъ министръ, еслибы я не прибавилъ къ этому изложенія своихъ собственныхъ мнѣній, основанныхъ на опытѣ въ этомъ государствѣ, на знакомствѣ съ дворомъ и на разсмотрѣніи этого вопроса.

«Здѣсь я долженъ замѣтить, что обѣ державы находятся во взаимномъ заблужденіи другъ объ другѣ. Въ Петербургѣ вообра-

жаютъ, что англійскій дворъ можетъ склонить британскій народъ на сторону своихъ мыслей также легко, какъ русская императрица можетъ принудить своихъ подданныхъ повиноваться указу или исполнить повелѣніе. И хотя я употреблялъ всевозможныя усилія для того, чтобы объяснить имъ различіе обоихъ правительствъ, они или не могутъ, или не хотятъ понять этого. Наша ошибка, по отношенію къ нимъ, состоитъ въ томъ, что мы считаемъ ихъ народомъ образованнымъ и такъ и относимся къ нимъ. Между тѣмъ, они нисколько не заслуживаютъ подобнаго названія и, несмотря на мнѣніе людей, незнакомыхъ съ этимъ вопросомъ, я осмѣлюсь утверждать, что Тибетское королевство или владѣнія пресвитера Іоанна имѣютъ столько же права величаться этимъ именемъ. Ни одинъ изъ здѣшнихъ министровъ не понимаетъ латинскаго языка и весьма немногіе знакомы съ общими основаніями литературы. Гордость нераздѣльна съ невѣжествомъ, и потому ваша милость не удивитесь, если дѣйствія этого двора часто проникнуты гордостью и тщеславіемъ. Въ разговорѣ съ русскими министрами упоминать о Гроціусѣ и Пуфендорфѣ было бы все равно, какъ толковать о Кларкѣ и Тиллотсонѣ съ Диваномъ константинопольскимъ. Увѣряю васъ, что въ этихъ словахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго. Мнѣ говорили, что только со времени нынѣшняго царствованія здѣсь введены обычныя формы дѣлопроизводства, употребляемыя при другихъ дворахъ. Панинъ и вице-канцлеръ увѣряли меня, что во времена императрицы Елизаветы, Бестужевъ подписывалъ всѣ трактаты, конвенціи и деклараціи безъ всякихъ уполномочій со стороны государыни. Ваша милость можетъ узнать, справедливо это или нѣтъ, приказавъ навести о томъ справку въ архивѣ. Вы поймете, что международные законы не могли достигнуть особенныхъ успѣховъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ ничего похожаго на университетъ.

«Принимая во вниманіе ихъ варварство и незнаніе тѣхъ искусствъ, которыя, развивая способности и освѣщая умъ, приводятъ къ открытіямъ, я ни мало не опасаюсь ихъ успѣховъ въ торговлѣ и попытокъ въ мореплаваніи. Ихъ, какъ дѣтей, привлекаетъ всякая новая мысль, которую они преслѣдуютъ на минуту, а затѣмъ оставляютъ ее, какъ только въ воображеніи ихъ возникнетъ что-нибудь новое. Самое поверхностное знакомство съ ихъ исторіей доказываетъ, что они всегда поступали такимъ образомъ.

«Эдикты Петра I-го основаны на нашемъ актѣ мореплаванія, и однако, я полагаю, что никогда ни одна изъ морскихъ державъ не пострадала отъ нихъ. Напротивъ того, усердіе Россіи

къ морскому дѣлу ослабѣло съ такой удивительной быстротой, что уже при Петрѣ II-мъ князь Долгорукій составилъ указъ, которымъ даже воспрещалось кораблестроеніе. Когда онъ впалъ въ немилость, при вступленіи на престолъ императрицы Анны, мнѣнія опять перемѣнились, и прежняя система была возобновлена, но съ столь малымъ успѣхомъ, что въ послѣднее время всѣ попытки ихъ въ коммерческихъ предпріятіяхъ кончались лишь убытками, неудачами и стыдомъ. Упрямство, съ которымъ они отказываются отъ декларацін, въ сущности происходитъ единственно отъ гордости, такъ какъ труднѣе переспорить русскаго тамъ, гдѣ задѣта его гордость, чѣмъ въ дѣлѣ, касающемся его интересовъ. Что до меня касается, то насколько я это дѣло знаю и могу о немъ судить, я полагаю, что положительно невозможно склонить ихъ къ выполненію нашихъ требованій. Поэтому мое скромное мнѣніе состоитъ въ томъ, чтобы мы, во всякомъ случаѣ, ратификовали трактатъ (т.-е. прежній), такъ какъ черезъ это мы по крайней мѣрѣ утвердимъ за собою то, что уже условлено и пріобрѣтено, но чего мы, безъ сомнѣнія, и быть можетъ навсегда лишимся, въ случаѣ если оно будетъ отмѣнено.»

Конечно, всѣ такіе отзывы обрисовываютъ и самихъ авторовъ: нельзя не замѣтить въ этихъ отзывахъ огорченія подъ вліяніемъ неудачи и при видѣ упорства, съ которымъ наши дѣды начинали уже не охотно дозволять стричь себя. Упреки министрамъ Екатерины II въ непониманіи латинскаго языка—въ духѣ того времени вообще; но эти упреки ничего не говорятъ о ихъ умѣ, такъ какъ тотъ же посланникъ, за нѣсколько времени передъ тѣмъ, писалъ, какъ трудно ему было обмануть Панина, и какъ этотъ «варваръ» уничтожилъ его одной фразой: «если вы говорите отъ себя—сказалъ онъ послу — то вы хотите меня обмануть, а если вы говорите отъ имени вашихъ, то они хотятъ обмануть васъ».

II.

Вообще, въ отзывахъ англійскихъ пословъ о нашемъ народѣ, о прогрессивныхъ стремленіяхъ правительства, замѣтна, сквозь нѣкоторую правду, зависть и боязнь прогресса, выразившіяся въ ироническихъ отзывахъ о всемъ, что походило на усилія выйти изъ примитивныхъ формъ быта. Вотъ, напр., еще одно письмо въ высшей степени любопытное и по предмету, котораго

оно касается, и по рельефности качествъ пишущаго. 28-го февраля 1768 года, Гейнрихъ Шерлей пишетъ въ Лондонъ о «депутатахъ русскихъ провинцій» собранныхъ въ Москву, и пишетъ именно на тему «мы не созрѣли», которою позже воспользовались и наши публицисты.

№ 184. (№ 7. Весьма секретно и конфиденціально). «Депутаты русскихъ провинцій, созванные въ Москву для пересмотра, исправленія и дополненія законовъ ихъ имперіи, по желанію двора должны переѣхать въ Петербургъ, и принялись выѣзжать съ 8-го числа этого мѣсяца. Пріемы, употребленные ими до сихъ поръ, при ихъ попыткахъ рѣшить столь многочисленныя, важныя и трудныя дѣла, показались мнѣ до того комичными, что было бы смѣшно наполнять нѣсколько листовъ отчетомъ о такихъ вещахъ, которыя могутъ только поразить, но не заинтересовать наше любопытство, возбужденное шумной лестью лицъ, увлекающихся одной лишь наружностью или усматривающихъ для себя выгоду въ куреніи ѳиміама передъ идоломъ тщеславія императрицы. Для того, чтобы дать вамъ, милордъ, правильное понятіе объ этомъ собраніи выборныхъ людей и о ихъ дѣйствіяхъ, позвольте мнѣ предположить нѣкоторое число самыхъ невѣжественныхъ нашихъ мелкихъ торговцевъ и лавочниковъ, какъ великобританскихъ, такъ и ирландскихъ, собранныхъ въ качествѣ депутатовъ различныхъ американскихъ народовъ, состоящихъ подъ властью или подъ покровительствомъ его величества и имѣющихъ дѣло съ нѣсколькими джентльменами, незнакомыми съ общими началами, составляющими основаніе благоустроенной администраціи; и все это было бы слишкомъ лестной копіей съ того оригинала, обладаніе которымъ служитъ для Россіи поводомъ къ такой гордости. Что же касается до дѣйствій,—послѣ того, что я высказалъ на счетъ личностей, о дѣйствіяхъ ихъ не трудно догадаться. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ лица, назначенныя членами коммиссіи, не суть настоящіе дѣятели, а служатъ лишь орудіями власти, то я осмѣлюсь изложить вамъ, милордъ, причины, по мнѣнію моему, руководящія дѣйствіями русской императрицы, при попыткѣ, которая ей самой должна представляться неудобоисполнимой, при настоящемъ положеніи этого государства. Права ея на престолъ весьма непрочны также и потому, что первоначальный планъ Чернышева, Панина и нѣкоторыхъ другихъ, стоявшихъ во главѣ переворота, вовсе не имѣлъ цѣлью возвести ее на тронъ; они намѣревались только вручить ей регенство, на время малолѣтства ея сына, и воцареніе ея произошло единственно вслѣдствіе ошибки одного изъ лицъ, за-

мышлявшихъ послѣ того противъ жизни графа Орлова и за то сосланныхъ въ свои имѣнія; ошибка его состояла въ томъ, что онъ, безъ всякаго на то приказанія, явившись къ первому гвардейскому полку, провозгласилъ ее русской императрицей. Итакъ, повторяю, права ея на престолъ весьма непрочны, и потому она съ самаго воцаренія старалась пріобрѣсти любовь своихъ подданныхъ. Въ имперіи подобной Россіи, гдѣ монархъ имѣетъ столько власти, самое счастливое обстоятельство состоитъ въ томъ, когда собственные его интересы побуждаютъ его управлять своими владѣніями умѣренно и справедливо. Благія послѣдствія подобнаго положенія дѣлъ ощущались этой страной, быть можетъ, болѣе въ началѣ этого царствованія, чѣмъ въ настоящую минуту. Достовѣрно, что императрица стала смѣлѣе, съ большей довѣрчивостью относится къ собственному могуществу, и почти невозможно быть дѣятельнѣе ея, ближе знать характеръ ея подданныхъ или внимательнѣе пользоваться этимъ важнымъ условіемъ. Она въ высшей степени подозрительна и двулична съ тѣми, которые слѣпо не раздѣляютъ ея видовъ».

Благодаря дѣятельности того же самаго «Русскаго Историческаго Общества», мы въ состояніи опровергнуть теперь сравненіе депутатовъ Екатерининской коммиссіи съ англійскими «лавочниками». Нашимъ читателямъ знакомы въ извлеченіи многія подробности изъ дѣйствій той коммиссіи, составившія IV и VIII томы «Сборника»; между депутатами, оказывается, было не мало членовъ, мало уступающихъ англійскимъ джентльменамъ, и которые даже не упускали случая украшать свои рѣчи воспоминаніями изъ классической древности, что́ одно должно бы измѣнить мнѣніе англійскаго посла о нихъ. Напримѣръ, депутатъ отъ казаковъ Оренбургской линіи, Харитонъ Самсоновъ, представилъ коммиссіи мнѣніе о необходимости позаботиться о народномъ здравіи (77-е засѣданіе), и между прочимъ говорилъ такъ: «Для искорененія же двухъ губительнѣйшихъ болѣзней, какъ-то, оспы и другой, (которую прямымъ именемъ не допускаетъ назвать благопристойность), то уменьшеніе вреда отъ первой чрезъ прививаніе, конечно, должно быть, по надлежащемъ изслѣдованіи, произведено въ дѣйствіе. Что же принадлежитъ другой болѣзни, неизвѣстной счастливымъ римлянамъ (сіе счастіе, можетъ быть, было и оттого, что они прежде насъ жили, а нынѣшніе италіянцы имѣютъ равную со всѣми участь), то господинъ депутатъ отъ медицинской коллегіи преподаетъ правоучительное правило, чтобы для предохраненія нашего юношества отъ сей болѣзни, представлять ему ужасныя дѣйствія, отъ нея происходящія, по примѣ-

ру упоминаемыхъ нами римлянъ, которые для отвращенія дѣтей своихъ отъ пьянства, представляли передъ ними пьяныхъ невольниковъ. Но я опасаюсь, чтобы этотъ способъ и т. д. — слѣдуетъ затѣмъ изложеніе мѣръ, принимаемыхъ въ Швеціи. Однимъ словомъ, казакъ Самсоновъ едва ли заслуживаетъ сравненіе съ «невѣжественнымъ мелкимъ торговцемъ» великобританскимъ или ирландскимъ. Очевидно, посланникъ не близко зналъ, что̀ происходило въ засѣданіяхъ Екатерининской коммиссіи, или иначе, онъ произнесъ бы свое мнѣніе съ оговоркой. Сравненіе избирателей съ американскими дикарями, которыхъ представляли тѣ депутаты, также говоритъ болѣе о напускномъ презрѣніи къ русскому народу, нежели объ искренности убѣжденія посланника; вѣдь разсуждаетъ же онъ, что императрица созвала коммиссію для «пріобрѣтенія любви своихъ подданныхъ»; а въ такомъ случаѣ, народъ, располагаемый подобными мѣрами, не можетъ быть названъ варварскимъ.

III.

Совершенно иначе должны мы отозваться о значеніи дипломатической переписки тамъ, гдѣ дѣло идетъ о характеристикѣ отдѣльныхъ личностей, близко знакомыхъ писавшимъ и находившихся съ ними въ постоянномъ соприкосновеніи. Такова характеристика Петра III, написанная вскорѣ послѣ его смерти:

«Переходя къ разсмотрѣнію причинъ, вызвавшихъ переворотъ, очевидно, что главная изъ нихъ заключалась въ отнятіи церковныхъ земель и въ пренебреженіи императора къ духовенству; къ этому надо прибавить строгую дисциплину, которую императоръ стремился ввести между войсками, особенно между гвардіей, привыкшей до того времени къ лѣни и распущенности. Недовольство это еще усилилось, вслѣдствіе намѣренія императора вести бо̀льшую часть гвардіи въ Германію для войны съ Даніей. Къ этой мѣрѣ и весь народъ относился весьма враждебно, тяготясь новыми издержками и опасностями, цѣль которыхъ состояла въ возвращеніи герцогства Шлезвигскаго, пріобрѣтенія, по ихъ мнѣнію, весьма незначительнаго и совершенно безполезнаго для Россіи, между тѣмъ какъ самъ императоръ пожертвовалъ своей дружбѣ къ королю прусскому завоеваніями русскаго оружія, которыя могли со временемъ оказаться весьма полезными для имперіи; тѣмъ не менѣе, народное желаніе мира до того сильно, что и противъ этой уступки общественное мнѣніе не воз-

стало, а даже одобрило ее. Нѣсколько другихъ ничтожныхъ обстоятельствъ, преувеличенныхъ молвою и искаженныхъ злонамѣренными личностями, мало-по-малу подготовляли паденіе этого несчастнаго государя, который обладалъ многими прекрасными качествами, и въ теченіе своего кратковременнаго царствованія не сдѣлалъ ничего жестокаго; но дурное воспитаніе развило въ немъ отвращеніе отъ занятій, а неудачно выбранные любимцы еще болѣе усилили въ немъ этотъ недостатокъ, отзывавшійся полнымъ безпорядкомъ во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ. Кромѣ того, императоръ къ несчастію былъ слишкомъ убѣжденъ, что милости, щедро розданныя имъ при вступленіи на престолъ, навсегда укрѣпили за нимъ любовь народную, вслѣдствіе чего онъ предался полной беззаботности и бездѣйствію, столь пагубно отразившимся на его судьбѣ.

«Въ заключеніе скажу, что не только я, но многіе, весьма умные и наблюдательные люди въ послѣднее время замѣчали въ государѣ значительную перемѣну въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ онъ былъ въ первые мѣсяцы по вступленіи на престолъ; по мнѣнію лицъ этихъ разсѣянная жизнь и постоянная лесть низкихъ личностей, окружавшихъ его, вредно подѣйствовали на его разсудокъ. Признаться, я никогда не ожидалъ, чтобы этотъ переворотъ произошелъ такъ быстро, хотя я всегда былъ того мнѣнія, что если бы императоръ выѣхалъ изъ своихъ владѣній, онъ подвергся бы опасности никогда въ нихъ не вернуться; вотъ почему я всячески старался отговорить его отъ этого намѣренія, и то лично намекалъ ему объ этомъ, то представлялъ всю опасность задуманнаго дѣла тѣмъ, кто имѣлъ честь быть къ нему приближеннымъ и право подавать ему совѣтъ. Не знаю, исполняли ли они свои обязанности въ этомъ отношеніи, особенно принцъ Георгъ, но если даже кто-нибудь изъ нихъ пытался это сдѣлать, опытъ доказалъ, что усилія ихъ оказались безполезными».

Еще болѣе любопытна характеристика двора или, лучше сказать, правительства Екатерины II, въ первые мѣсяцы ея воцаренія, и мнѣніе англійскаго посла о самой императрицѣ. Посланникъ графъ Букингамъ пишетъ изъ Москвы въ Лондонъ, 25-го ноября 1762 года:

№ 25. (Весьма секретно). «Настоящее правительство, повидимому, совершенно спокойно. Если за послѣднее время возникали безпокойства или опасенія, они ни въ чемъ не выражались, и каково бы ни было ихъ положеніе въ другихъ отношеніяхъ, въ деньгахъ они, очевидно, не нуждаются. Я вывожу это заклю-

ченіе изъ того обстоятельства, что въ послѣднія двѣ недѣли уплачено нѣсколько долговъ, сдѣланныхъ императрицей, пока она была великой княгиней, а также нѣсколько долговъ покойнаго императора.

«При вступленіи на престолъ императоръ Петръ нашелъ значительныя богатства, накопившіяся въ послѣдніе годы царствованія его предшественницы, когда, съ уменьшеніемъ ея развлеченій, уничтожились и многіе расходы; денегъ этихъ онъ не успѣлъ истратить, такъ какъ по смерти его въ различныхъ дворцахъ отысканы большія суммы. Такъ какъ пронесся слухъ томъ, будто бы императрица согласилась отправить корпусъ войскъ на помощь императрицѣ-королевѣ, я воспользовался случаемъ спросить канцлера и вице-канцлера, существуетъ ли основаніе для такого предположенія; они увѣрили меня, что никогда не было и рѣчи ни чемъ подобномъ. Чѣмъ чаще я вижу этихъ лицъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ ихъ неспособности управлять дѣлами обширнаго государства. Канцлеръ имѣетъ манеры аристократа, но если онъ когда-нибудь отличался способностями, онѣ должно быть сильно притупились, и онъ такъ ослабѣлъ морально и физически, что положительно неспособенъ къ той усиленной дѣятельности, которой требуетъ его положеніе. Я увѣренъ, что онъ не питаетъ искренней дружбы къ Англіи и, если образъ его дѣйствій будетъ намъ благопріятенъ, руководить имъ будетъ въ такомъ случаѣ не личное его къ намъ расположеніе, а благоразуміе или воля его государыни. Вице-канцлеръ такъ долго жилъ въ Англіи, что нѣтъ надобности распространяться объ его характерѣ, способностяхъ и связяхъ. Бестужевъ старъ, а судя по наружности, кажется еще старше. Если въ настоящую минуту онъ еще способенъ къ занятію дѣлами, это не можетъ быть продолжительно. Говорятъ, что императрица постоянно обращается къ нему за совѣтомъ, и изъ обращенія его со мной замѣтно, что ему бы хотѣлось всѣхъ утвердить въ этомъ мнѣніи. Одинаковой степенью довѣрія императрицы пользуется Панинъ, который, кажется, способнѣе всѣхъ русскихъ министровъ для занятія первой роли. Что касается до самой императрицы, то судя по всему, что мнѣ удалось замѣтить и узнать, она по способностямъ, познаніямъ и дѣятельности стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ ее окружающихъ. Сознавая трудность своего положенія, и въ тоже время помня заслуги, недавно ей оказанныя, и опасности, окружавшія ее до послѣдняго времени, она еще не рѣшается дѣйствовать самостоятельно и освободиться отъ вліянія нѣкоторыхъ приближенныхъ къ ней лицъ, несмотря на то, что ихъ характеры и на-

клонности должны внушать ей презрѣніе. Въ настоящую минуту она всячески старается пріобрѣсти довѣріе и любовь своихъ подданныхъ; если это ей удастся, то она воспользуется усиленіемъ своей власти для чести и благосостоянія имперіи».

Такая оцѣнка Екатерины II-й въ самые первые мѣсяцы ея правленія доказываетъ большую проницательность графа Букингама; легко было поставить императрицу неизмѣримо выше всего ее окружающаго лѣтъ пять-шесть спустя, но въ 1762-мъ году авторъ письма имѣлъ еще мало данныхъ для своего сужденія, и тѣмъ не менѣе не ошибся.

Въ нашемъ краткомъ анализѣ мы поспѣшили только охарактеризовать значеніе новаго и важнаго источника для изученія одной изъ памятныхъ эпохъ нашего прошедшаго; но мы должны сознаться, что приведенныя нами выписки и образцы далеко еще не исчерпываютъ всего интереса, какой заключается въ двѣнадцатомъ томѣ «Сборника». Это — непрерывный и вмѣстѣ самый оживленный комментарій къ началу правленія Екатерины II-й; если этотъ комментарій иногда служитъ оборотною стороною медали, то не рѣдко въ немъ встрѣчаются новыя данныя, которыя обрисовываютъ въ новомъ и выгодномъ свѣтѣ какъ самый вѣкъ, такъ и великую представительницу этого вѣка.

М. М.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е декабря, 1873 г.

Русскія болота.

Болота сѣверо-западной Россіи, и ихъ громадная площадь. — Полѣсье и условія его населенія.—Зарѣчье.—Состояніе лѣсовъ и луговъ. — Доходность и повинности.—Стремленіе къ переселенію.—Осушеніе болотъ въ Западной Европѣ.— Начало этого дѣла у насъ.—Извѣстія изъ Бѣлозерскаго уѣзда.

Въ нынѣшнемъ году наше правительство обратило серьёзное вниманіе на изслѣдованіе вопроса объ осушеніи болотъ на сѣверѣ и западѣ Россіи, съ практическимъ разрѣшеніемъ котораго тѣсно связана матеріальная судьба значительной части населенія. Мы не компетентны въ технической сторонѣ этого дѣла, и потому ограничимся оцѣнкою его съ экономической точки зрѣнія.

Изслѣдованія современнаго хозяйственнаго состоянія Россіи, произведенныя въ нынѣшнемъ году особою коммиссіею, обнаружили, что производительность Россіи, въ сравненіи съ ея пространствомъ и естественнымъ плодородіемъ почвы, незначительна,—незначительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ; что свободное дѣйствіе даровыхъ производительныхъ силъ природы встрѣчаетъ препятствіе не только въ способахъ пользованія этими силами, но и въ климатическихъ условіяхъ, а главнымъ образомъ въ странномъ, неравномѣрномъ распредѣленіи влаги, которое, подвергая однѣ мѣстности засухамъ, обращаетъ другія въ неизмѣримыя болота, однимъ словомъ, мы страдаемъ то оттого, что вовсе нѣтъ воды, то оттого, что воды слишкомъ много. Въ нынѣшнемъ году отъ перваго случая пострадала Самарская губернія; нашъ сѣверо-западный край страдаетъ постоянно отъ обилія воды— болотной.

Извѣстно также, что на югѣ Россіи, вслѣдствіе возрастанія населенія, пространства пахатныхъ земель съ каждымъ годомъ увеличиваются, а вмѣстѣ съ тѣмъ обширныя нѣкогда пространства луговъ

постоянно уменьшаются, вызывая упадокъ скотоводства и возвышеніе цѣнности скота. Отсюда очевидна необходимость въ содѣйствіи къ развитію скотоводства въ другихъ, менѣе населенныхъ мѣстностяхъ, для которыхъ скотоводство составило бы и существенное средство къ улучшенію быта населенія вообще. Это тѣмъ болѣе важно, что прогоняемые въ столицу чрезъ всю Россію громадные гурты скота служатъ часто обыкновеннымъ способомъ распространенія и даже источникомъ эпизоотій; а потому, если бы было развито скотоводство въ значительныхъ размѣрахъ въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ, то несомнѣнно, что такое развитіе само по себѣ послужило бы однимъ изъ надежнѣйшихъ способовъ къ предупрежденію нынѣшнихъ разорительныхъ падежей. Между тѣмъ значительныя пространства этихъ губерній—особенно сѣверо-западныхъ и западныхъ — покрыты нынѣ болотами, совершенно недоступными для сельско-хозяйственной культуры.

Общая площадь неудобныхъ земель въ Европейской Россіи простирается до 26%, т.-е., она занимаетъ ¼ всего пространства Россіи! Наибольшая часть неудобныхъ земель покрыта болотами, сосредоточенными преимущественно на сѣверѣ и западѣ; таковы болота, покрывающія губерніи: Новгородскую, С.-Петербургскую, Псковскую и такъ-называемое „Полѣсье“, заключающее въ себѣ низменныя части трехъ сосѣднихъ губерній: Гродненской, Минской и Волынской. Въ Новгородской губ. болота занимаютъ площадь величиною до 17,000 кв. верстъ или до 1.800,000 десят., т.-е., около ⅙ части всей губерніи, которая почти въ 4 раза болѣе Бельгіи. Всю площадь болотъ въ названныхъ трехъ сѣверныхъ губерніяхъ можно считать до 3.000.000 десят., и эта цифра едва ли будетъ найдена преувеличенною. Въ Гродненской губ. подъ болотами находится около 200,000 десят., въ Минской губ. общее пространство непроизводительныхъ земель составляетъ 1.116,000 десят., изъ нихъ 947,900 десят. покрыты болотами, такъ что на сто десятинъ общаго пространства приходится 13,6 десят. занятыхъ болотами, водами и проч., т.-е., неудобныя земли покрываютъ почти ⅐ часть всего пространства Минской губерніи, занимающей 62,134 кв. версты, т.-е., равной тремъ вмѣстѣ взятымъ губерніямъ: Московской, Калужской и Тульской. Но въ число 947,900 десят. еще не вошли всѣ земли болотнаго свойства: въ этой губерніи находятся огромныя болотныя пространства, покрытыя мелкимъ негоднымъ лѣсомъ, и значительное количество болотныхъ луговъ, дающихъ грубое, причиняющее болѣзни скоту сѣно. Вообще Минская губернія принадлежитъ къ числу тѣхъ областей европейской Россіи, въ которыхъ огромныя болотныя пространства занимаютъ наибольшее протяженіе въ ущербъ производитель-

ности и оказываютъ чувствительное вліяніе на климатъ и благосостояніе сельскаго класса.

Самая низменная и болотистая часть губерніи лежитъ по теченію р. Припети, долина которой извѣстна подъ именемъ „Полѣсья". Границы Полѣсья не могутъ быть съ точностью опредѣлены, потому что страна, носящая это названіе, не составляя отдѣльной провинціи, заключаетъ въ себѣ смежныя части нѣсколькихъ губерній, имѣющихъ одинъ топографическій характеръ: обширныя, необозримыя болота, то открытыя, то поросшія кустарникомъ или лѣсами, крайній недостатокъ въ путяхъ сообщенія, ощущаемый особенно въ весеннее и осеннее время,—слабое населеніе, разсѣянное по деревнямъ и застѣнкамъ, удаленнымъ другъ отъ друга на значительное разстояніе, и обширные, часто непроходимые лѣса,—таковы отличительныя черты этого края. Вообще, можно сказать, что Полѣсье занимаетъ треугольникъ, образуемый линіями, соединяющими Брестъ-Литовскъ, Могилевъ-на-Днѣпрѣ и м. Чернобыль, при впаденіи р. Припети въ Днѣпръ; но главнымъ образомъ въ Полѣсье входятъ: Пинскій, Мозырскій, Рѣчицкій, южная часть Слуцкаго и Бобруйскаго уѣздовъ, Минской губ., часть Гродненской и сѣверная часть Волынской губ. Общее пространство болотъ въ Полѣсьѣ, занимающемъ площадь около 80,000 кв. верстъ, едва ли можетъ быть менѣе 2 милл. десятинъ!

Между тѣмъ, это Полѣсье находится въ благопріятномъ климатѣ и занимаетъ выгодное, центральное мѣсто между столицами и главнѣйшими городами юга и запада Россіи, а равно и важнѣйшими городами Австріи и Пруссіи. Но, благодаря своимъ исключительнымъ особенностямъ, Полѣсье пріобрѣло репутацію непроходимой, безплодной и дикой мѣстности, а потому обойдено шоссейными и желѣзными путями сообщенія и не только разобщено отъ промышленныхъ пунктовъ, но само лежитъ преградою между западными и восточными мѣстностями Россіи, какъ въ торговомъ и промышленномъ, такъ и въ стратегическомъ отношеніи.

На сѣверѣ болота лежатъ большею частью въ плоскихъ или котловинообразныхъ возвышенностяхъ, изъ которыхъ беретъ начало множество ручьевъ, рѣчекъ, дающихъ въ свою очередь начало значительнымъ рѣкамъ; глубина болотъ здѣсь отъ 1 аршина до 6 саженъ. Болота на западѣ лежатъ въ котловинахъ и вообще низменныхъ мѣстахъ, глубина ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительнѣе. Обширнѣйшія болота тянутся по границамъ С.-Петербургской и Олонецкой губерній (около 200,000 десят.); кромѣ того огромныя массы болотъ идутъ отъ сѣвера на югъ, почти непрерывно по границамъ Новгородскаго и Старорусскаго уѣздовъ съ уѣздами: Тихвинскимъ, Кре-

стецкимъ и Демянскимъ. Въ Полѣсьѣ наибольшія пространства болотъ сосредоточены въ уѣздахъ: Мозырскомъ, Пинскомъ и Рѣчицкомъ. Какъ на сѣверѣ, такъ и на западѣ болота имѣютъ одинаковое происхожденіе: скопленіе въ долинахъ атмосферной и почвенной влаги и недостатокъ естественныхъ стоковъ ея. Въ Новгородской губерніи, напримѣръ, какъ выше замѣчено, болота занимаютъ плоскости и котловины на возвышенныхъ мѣстахъ, откуда берутъ начало многочисленныя рѣки; но всѣ эти рѣки замѣтны лишь на нѣкоторомъ разстояніи отъ болотъ, истоки же ихъ, засоренные валежникомъ и иломъ, заросли мхомъ и образовали какъ-бы плотины, задерживающія воду въ болотѣ. Равнымъ образомъ и въ Полѣсьѣ, окаймленномъ Карпатами, огромное количество водъ, стекающихъ въ весеннее время съ подножія Карпатовъ, не находя естественнаго выхода въ источникахъ, питающихъ рѣки Полѣсья, наполняютъ обширный низменный бассейнъ р. Припети и образуютъ топкія болота Полѣсья.

Открытыхъ болотъ на сѣверѣ мало; всѣ они заросли мхомъ, мелкимъ лѣсомъ—большею частью сосновымъ—или кустарникомъ. Нѣкоторыя болота въ уѣздахъ: Устюжскомъ, Старорусскомъ, Валдайскомъ и Бѣлозерскомъ торфяного свойства (около 600 т. дес.). Въ Полѣсьѣ болота тянутся безпрерывными почти массами, то въ видѣ открытыхъ трясинъ, то покрытыя камышами, лозою и мелкимъ карчавымъ лѣсомъ. Открытыя трясины составляютъ едва ли не $^1/_3$ часть всѣхъ болотъ Полѣсья.

Въ ненастное время болота совершенно непроходимы и только зимою, когда они замерзаютъ, могутъ имѣть сообщеніе между собою нѣкоторыя деревни, выстроенныя среди болотъ на возвышенныхъ мѣстахъ. „Весенніе и осенніе разливы водъ (въ Полѣсьѣ), надолго затрудняющіе коммуникаціи, дѣлаютъ край глухимъ и мертвымъ; разсѣянные какъ-бы по островамъ жители, окруженные болотами и лишенные въ продолженіи полугода сообщенія съ окрестными мѣстами, живутъ какъ полудикіе“ [1]).

Само собою разумѣется, что сухопутные способы сообщенія въ болотистыхъ мѣстностяхъ находятся вообще въ крайне неудовлетворительномъ состояніи и для поддержанія ихъ требуются огромныя, хотя въ то же время и безплодныя жертвы со стороны мѣстнаго населенія. Дороги въ Полѣсьѣ мѣстами совершенно покрываются водою, а мѣстами дѣлаются топкими, гати размываются, мосты разрушаются и нерѣдко уносятся на далекія разстоянія, такъ что направленія дорогъ узнаются только по прогалинамъ въ лѣсахъ или обо-

---

[1]) Матеріалы для геогр. и стат. Россіи.

значаются вѣхами. Поэтому на проселочныхъ дорогахъ проѣздъ совершенно прекращается на два и даже на три мѣсяца, а на военно-коммуникаціонныхъ онъ сопряженъ съ величайшими затрудненіями и даже опасностями.

Дурное качество путей сообщенія особенно становится чувствительнымъ и даже гибельнымъ во время неурожаевъ. Такъ, въ 1854 и 1855 годахъ во многихъ мѣстахъ люди умирали съ голоду, но достать хлѣба было негдѣ, тогда какъ въ сосѣдней Волынской губерніи онъ былъ дешевъ и изобиленъ. Между тѣмъ на содержаніе дорогъ (почтовыхъ, военныхъ и проселочныхъ) требуются весьма значительныя жертвы со стороны мѣстнаго населенія. Такъ, въ періодъ времени съ 1853 по 1860 г., за который мы имѣемъ точныя свѣдѣнія, выставлено было сельскими обывателями, по требованію земской полиціи, для починки дорогъ, мостовъ и плотинъ въ одной Минской губерніи 820,945 подводъ и 1.228,393 рабочихъ пѣшихъ, т.-е. среднимъ числомъ въ годъ по 102,618 подводъ и 153,549 рабочихъ. Оцѣнивая каждую подводу въ 75 к., а трудъ каждаго рабочаго въ 15 к. сер., увидимъ, что поддержаніе путей сообщенія въ кое-какомъ видѣ обходится ежегодно въ одной Минской губерніи до 100,000 руб. При этомъ не должно упускать изъ виду, что починка дорогъ производится весною и лѣтомъ, когда каждый часъ времени дорогъ для земледѣльца.

Общее вредное вліяніе болотъ обнаруживается между прочимъ и въ слабой населенности болотистыхъ мѣстностей. Въ Минской губерніи, напримѣръ, на пространствѣ 1659 кв. м. всего населенія 1.135,568, т.-е. среднимъ числомъ 684 человѣка на одну кв. м., тогда какъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ европейской Россіи на одну кв. м. приходится до 3000 человѣкъ. Въ Новгородской губ. населенность еще менѣе: тамъ на одну кв. мил. приходится среднимъ числомъ только 462 человѣка, т.-е. почти на $^2/_3$ менѣе того средняго количества жителей, которое приходится на одну кв. м. вообще въ европейской Россіи. Вліяніе болотъ на населенность еще замѣтнѣе при разсмотрѣніи населенности по уѣздамъ: менѣе всего населены тѣ уѣзды, гдѣ наиболѣе сосредоточены болота, хотя общее пространство этихъ уѣздовъ несравненно болѣе другихъ. Такъ, въ Минскомъ, безболотномъ уѣздѣ, на одну кв. м. приходится 1547 жителей, между тѣмъ въ Мозырскомъ уѣздѣ — наиболѣе болотистомъ—это число не превышаетъ 287 человѣкъ. Въ болотистомъ Холмскомъ уѣздѣ Псковской губерніи на кв. м. приходится только 373 жителя, тогда какъ въ другихъ 5-ти уѣздахъ этой губерніи число жителей на кв. м. превышаетъ 1000; въ Волынской губерніи въ Овручскомъ уѣздѣ (болотистомъ) 575 жит. на кв. м., въ другихъ же уѣздахъ это число

доходитъ до 3000. Въ болѣе болотистыхъ уѣздахъ Новгородской губерніи на 1 кв. версту приходится только 4,5 человѣка, тогда какъ въ другихъ уѣздахъ той же губерніи это число доходитъ до 15-ти человѣкъ.

Какъ весьма любопытныя въ этомъ отношеніи, приведемъ слѣдующія еще данныя. Въ южной части Пинскаго уѣзда (Зарѣчье) на пространствѣ 1,400 кв. верстъ находится всего около 70 небольшихъ деревень, расположенныхъ на возвышающихся среди болотъ песчаныхъ холмахъ. Это число еще значительно, но рядомъ съ Зарѣчьемъ къ сѣверо-востоку, между устьями р.р. Стыри и Горини съ правой стороны и р.р. Ясельдою и Смерть съ лѣвой, на пространствѣ 860 кв. вер., изъ которыхъ болѣе половины занято открытыми болотами, а остальная часть — непроходимыми болотными кустарниками и карчавымъ лѣсомъ, — находится только нѣсколько околицъ да два-три куреня (временныя корчмы). Затѣмъ, южнѣе, на пространствѣ 1360 кв. вер. расположено всего 7 населенныхъ мѣстностей. Во всемъ Мозырскомъ уѣздѣ на пространствѣ 1.468,000 десят. земли находится всего 362 населенныхъ мѣстъ, изъ которыхъ 189 имѣютъ менѣе 20-ти дворовъ каждое. Особенно пустынный видъ имѣетъ 3-й станъ Мозырскаго уѣзда, занимающій болѣе 3-й части его и имѣющій всего 88 населенныхъ мѣстъ, такъ что на 5,680 десят. приходится едва одна деревня; бóльшая половина этихъ поселеній находится въ сѣверной оконечности стана; остальное же пространство покрыто непрерывными лѣсами и трясинами, которыя тянутся широкою полосою до р. Уборти отъ границъ Пинскаго уѣзда. Здѣсь на пространствѣ до 1300 кв. верстъ *нѣтъ ни одного* населеннаго мѣста. Равнымъ образомъ въ южной части Рѣчицкаго уѣзда на пространствѣ 450 кв. верстъ, представляющихъ одно частью открытое, частью поросшее лѣсомъ болото, не расположено ни одного жилого двора, ни одной корчмы.

Обиліе болотъ имѣетъ сильное вліяніе на климатъ страны; это вліяніе не столь еще вредно на сѣверѣ въ холодномъ поясѣ: оно обнаруживается здѣсь въ рѣзкихъ перемѣнахъ температуры и вообще въ непостоянствѣ климата. Другое дѣло на западѣ, въ умѣренномъ поясѣ: тамъ болота заражаютъ атмосферу гнилыми испареніями, наносящими множество болѣзней какъ людямъ, такъ и животнымъ. Въ изобиліи болотъ кроется источникъ господствующихъ весною продолжительныхъ лихорадокъ, злокачественныхъ горячекъ и между прочимъ пріобрѣвшей ужасную извѣстность болѣзни—*колтуна*, которою поражены почти всѣ крестьяне болотныхъ мѣстъ и распространеніе которой ослабѣваетъ по мѣрѣ удаленія отъ этой мертвящей и унылой природы.

Населеніе въ болотныхъ мѣстностяхъ слабосильное, болѣзненное и недолговѣчное. Прибыль населенія за пятилѣтній періодъ съ 1858—1863 годъ составляла только: въ Новгородской губ. 0,63, въ Псковской 0,35, въ Минской, 0,30, и въ Гродненской 0,28, т.-е. действительная прибыль населенія въ названныхъ губерніяхъ за пять лѣтъ на 50—200% менѣе долженствовавшей произойти отъ перевѣса рожденій надъ смертностью. Средняя жизнь въ европейской Россіи доходитъ почти до 40-ти лѣтъ, между тѣмъ въ Полѣсьѣ она не превышаетъ 25—29-ти лѣтъ.

Само собою разумѣется, что населеніе Полѣсья — этого гнѣздилища всевозможныхъ болѣзней, — можетъ давать контингенты для военнаго вѣдомства годные лишь для относительно легкой службы. Высказывая это мнѣніе наше, спѣшимъ подтвердить его данными относительно числа забракованныхъ рекрутовъ по Гродненской, Минской и Волынской губерніямъ за пять лѣтъ съ 1863—1868 г. Было забраковано на каждую тысячу *среднимъ числомъ* въ Россіи:

По тѣлес. недост.	Хронич. болѣз.	Всего.
78,4	81,8	160

Въ названныхъ же губерніяхъ эти числа за тотъ же (5-ти-лѣтній) періодъ таковы:

въ Гродненской	83	137	220
„ Минской	86	116	202
„ Волынской	102	95	197

Не безъинтересны также данныя относительно болѣзненности и смертности рекрутовъ въ этихъ 3-хъ губерніяхъ, сравнительно съ другими мѣстностями. По среднему шестилѣтнему выводу (1863—1868 г.) на мѣстахъ набора заболѣло (среднее) 18,9 и умерло 0,35 на каждую тысячу. Между тѣмъ въ Волынской губерніи % заболѣвшихъ за тотъ періодъ былъ 39,0; въ Минской 21,8 и въ Гродненской 21,6; % же умершихъ въ Минской губерніи составляетъ 1,10. Такимъ образомъ, число заболѣвшихъ рекрутовъ въ Волынской губерніи слишкомъ въ два раза болѣе средняго числа больныхъ новобранцевъ вообще; процентъ же умершихъ рекрутовъ въ Минской губерніи слишкомъ въ 3 раза болѣе средняго числа умершихъ рекрутовъ за 6-тилѣтній періодъ времени. Относительно смертности новобранцевъ Минская губернія занимаетъ весьма почетное мѣсто (второе) въ ряду всѣхъ губерній европейской Россіи, включая и Царство Польское.

Обращаясь къ производительности болотистыхъ мѣстностей, мы найдемъ, что она значительно слабѣе здѣсь чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Прежде всего вліяніе болотъ обнаруживается на лѣсной ра-

стительности. Общее пространство лѣсной площади въ разсматриваемыхъ нами трехъ сѣверныхъ и трехъ западныхъ губерніяхъ составляетъ около 10 мил. десят. (9,715); т.-е. подъ лѣсною площадью находится около 30% общаго пространства, занимаемаго этими губерніями; лѣса раскинуты на всемъ пространствѣ, но преимущественно находятся на болотистыхъ мѣстахъ, лежащихъ далѣе отъ сплавныхъ пунктовъ и менѣе доступныхъ для вырубки.

Хотя указанное выше количество лѣса нельзя не признать весьма значительнымъ, но мы имѣемъ въ виду не количество лѣсовъ, но главнымъ образомъ качество ихъ. Въ этомъ отношеніи собранныя нами данныя далеко неутѣшительны. Дознано уже, что лѣса на болотахъ вообще не имѣютъ ни того роста, ни тѣхъ качествъ, которыми отличаются лѣса, ростущіе на сухомъ грунтѣ. Такъ 1.800,000 десят. болотъ Новгородской губерніи покрыты или мелкимъ *карчавымъ* лѣсомъ или кустарникомъ, въ Полѣсьѣ на болотной почвѣ встрѣчаются часто лозовые лѣса, имѣющіе жалкій видъ и состоящіе изъ тощей березы или ели, которыя едва ли когда-нибудь достигаютъ размѣровъ, необходимыхъ для самыхъ ничтожныхъ построекъ. Лѣса эти не приносятъ никакой пользы. Такъ какъ притомъ бóльшая часть лѣсовъ на сѣверѣ и западѣ лежитъ въ мѣстахъ болѣе удаленныхъ отъ сплавныхъ рѣкъ и не легко доступныхъ, то поэтому цѣнность лѣса на мѣстѣ весьма незначительна. Въ сѣверныхъ губерніяхъ предѣлы цѣны на лѣсъ отъ 4 р. до 78 р. за десятину при сплошной рубкѣ и отъ 75 коп. до 4 руб. за куб. саж. Въ Полѣсьѣ цѣнность лѣса колеблется между 21—149 р. за десятину и 1 р. 75 коп. до 6 руб. за кубич. саж. Самая низкая цѣна на лѣсъ въ наиболѣе болотныхъ уѣздахъ и въ то же время болѣе и лѣсистыхъ, каковы Пинскій, Мозырскій и Рѣчицкій, и высшая цѣна въ уѣздахъ менѣе болотныхъ, гдѣ слѣдовательно и лѣсъ лучшаго качества и удобнѣе способы сбыта.

Общее пространство луговъ въ разсматриваемыхъ нами мѣстностяхъ довольно значительно: оно составляетъ около 10% всего пространства. Казалось бы поэтому, что скотоводство въ этихъ мѣстностяхъ должно бы процвѣтать; мы видимъ однакоже въ дѣйствительности далеко не то. Скотоводство, здѣсь вообще незначительное сравнительно съ другими мѣстностями, клонится къ упадку. Въ Волынской губ. количество скота съ 677 т. головъ (въ 1851 г.) уменьшилось до 529 т.; количество же овецъ съ 1.061,000 (1851 г.) до 818 т. (1871 г.). Въ Новгородской губ. рогатаго скота было въ 1851 г. 500 т. головъ, а къ 1871 г. оставалось только 378 т. Въ Псковской и Минской губерніяхъ, количество рогатаго скота, по заявленію мѣстныхъ землевладѣльцевъ и предводителей дворянства,

также уменьшается; въ послѣдней губерніи число рогатаго скота послѣ 1861 г. уменьшилось почти на половину. (Докладъ Высоч. учрежд. коммиссіи для изслѣдованія сельск. производ. Россіи. Приложенія I, II, III, IV и V.). Къ уменьшенію численности скота присоединяется ухудшеніе его породы. Причина неудовлетворительнаго состоянія скотоводства главнымъ образомъ въ частыхъ опустошительныхъ падежахъ скота отъ чумы и сибирской язвы, которыя хотя въ большинствѣ случаевъ и заносятся сюда прогоняемыми съ юга гуртами скота, но тѣмъ не менѣе и самостоятельно зарождаются, въ особенности въ Полѣсьѣ. Вообще, въ столь обильныхъ болотами мѣстностяхъ сухихъ луговъ, дающихъ вполнѣ хорошее сѣно, мало; большею частью луга низменные, мокрые и болотные. На этихъ лугахъ произрастаетъ жесткая трава, неудобная для корма скота; этотъ-то дурной кормъ въ связи съ небрежнымъ уходомъ за скотомъ и служитъ источникомъ болѣзней, отъ которыхъ ежегодно падаетъ скотъ въ Полѣсьѣ. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію по крайней мѣрѣ то, что повальное воспаленіе легкихъ и сибирская язва принадлежатъ къ числу мѣстныхъ эпизоотій въ Полѣсьѣ. Они появляются почти ежегодно въ низменныхъ и болотистыхъ мѣстахъ, и распространенію ихъ способствуютъ какъ болотныя пастбища съ малопитательною травою, содержащею въ примѣси нѣкоторыя ядовитыя растенія, испорченная, гнилая вода, такъ и холодныя, сырыя помѣщенія скота [1]).

Но лучшимъ, вѣрнѣйшимъ мѣриломъ производительности почвы могутъ служить средніе урожаи хлѣба и количество сбора его. Къ сожалѣнію, однакоже, и эти данныя неблагопріятны въ разсматриваемыхъ мѣстностяхъ. Средніе урожаи хлѣба здѣсь не превышаютъ самъ-3,47, т.-е. они далеко недостаточны для мѣстныхъ потребностей. Общій, средній сборъ хлѣба въ шести губерніяхъ составляетъ ежегодно около 15.463,000 четвертей, среднимъ числомъ на душу мѣстнаго населенія приходится всего лишь 1,85 четвертей, а потому ежегодно недостаетъ хлѣба для мѣстнаго потребленія въ губерніяхъ: Петербургской 1.452,000 четвер., Псковской 341,000, Новгородской 313,000, Волынской 145,000 и Минской 62,000.

Очевидно, что и доходность земель въ болотистыхъ мѣстностяхъ не можетъ быть значительною. Въ Новгородской губерніи она составляетъ отъ 18 коп. до 1 р. 20 коп. съ десятины; среднимъ числомъ она не превышаетъ 50 коп. съ десятины; въ Петербургской губ. десятина даетъ средняго дохода около 1 р. 50 коп., въ Псковской около 2 р. 50 коп., въ Минской около 1 р. 30, въ Волынской

---

[1]) Матеріалы для географ. и статист. Россіи. Гродненск. губ.

менѣе 2 руб. и только въ одной Гродненской губ. болѣе 3 руб. При такой доходности земель и цѣны на нихъ весьма незначительны: въ Новгородской и Псковской губерніяхъ цѣны на землю колеблются въ предѣлахъ отъ 3—14 руб. за десятину, въ Минской губ. отъ 3—19 р., и въ Волынской не превышаютъ 23 руб. за десятину.

Поэтому денежныя повинности, падающія на землю, далеко не соотвѣтствуютъ доходности ея. Такъ, съ каждой десятины земли платится въ губерніяхъ: Гродненской 60 коп., Минской 74, Псковской 75, С.-Петербургской 91, Новгородской 1 р. 43 к. и въ Волынской около 2 руб.; при этомъ не должно забывать, что почти 1/6 часть пространства всѣхъ этихъ губерній занята неудобными землями, преимущественно болотами. Вообще вся сумма денежныхъ повинностей составляетъ на душу мужескаго пола: въ Петербургской губ. 9 р. 77 коп., въ Псковской 5 р. 26 к., въ Новгородской 5 р. 90 к., въ Гродненской 4 р. 30 к., въ Волынской 4 р. 78 и въ Минской 3 р. 66 коп. Денежныя повинности съ земли для нѣкоторыхъ плательщиковъ, по отношенію къ нормальному доходу, составляютъ отъ 160 до 210%, а потому населеніе обременено большими недоимками, которыя по одной Новгородской губ. къ 1-му января 1872 г. простирались до 3.050,572, р., т.-е. среднимъ числомъ болѣе 6 р. с. на каждую душу мужского пола. По остальнымъ пяти губерніямъ количество недоимокъ не столь громадно, но все-таки довольно значительно. Такъ, въ Петербургской губ. оно составляетъ около 471 т. р., Псковской и Гродненской около 300 т., въ Минской болѣе 300 т. и въ Волынской около 750 т. р. Смѣемъ думать однакоже, что данныя, относящіяся до трехъ губерній Полѣсья едва-ли не ниже дѣйствительности, ибо извѣстна бѣдность здѣшняго крестьянина, который, не выручая отъ земледѣлія средствъ не только для уплаты налоговъ, но и для своего прокормленія, не имѣетъ на мѣстѣ достаточныхъ способовъ и къ другимъ заработкамъ.

За исключеніемъ Петербургской губерніи, которую присутствіе столицы ставитъ въ исключительныя условія, въ другихъ пяти, обильныхъ болотами, губерніяхъ, въ особенности же въ Полѣсьѣ, при очерченныхъ уже выше естественныхъ условіяхъ страны, ни заводская, ни мануфактурная промышленность, ни, наконецъ, сельскіе промыслы не могутъ достигнуть того развитія и разнообразія, чтобы давать обильные заработки сельскому населенію. Хотя этотъ выводъ едва-ли можетъ быть оспариваемъ, тѣмъ не менѣе въ подкрѣпленіе его приведемъ нѣкоторыя данныя, заимствованныя изъ доклада Высоч. учрежд. коммиссіи и „Ежегодника" министерства финансовъ (1869 г.) о заводахъ и фабрикахъ въ пяти губерніяхъ: Псковской, Новгород-

ской, Гродненской, Минской и Волынской. Общее число фабрикъ и заводовъ въ 1870 г. было:

Въ Волынской.	губ.	417	на нихъ работало	2,680	чел.
„ Гродненской.	„	389	„ „ „	6,097	„
„ Минской . .	„	118	„ „ „	1,123	„
„ Новгородской.	„	183	„ „ „	2,615	„
„ Псковской. .	„	275	„ „ „	2,281	„

Всего въ пяти губерніяхъ фабрики и заводы даютъ заработки 14,796 рабочимъ; изъ этого числа до 40% падаетъ на Гродненскую губ., находящуюся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ сравнительно съ другими четырьмя губерніями.

Въ частности данныя о заводахъ и фабрикахъ таковы: во-первыхъ, ни въ одной изъ этихъ пяти губерній нѣтъ фабрикъ ни хлопчатобумажныхъ, ни ситцевыхъ, ни бумаготкацкихъ, льняныхъ, шелковыхъ, ни шерстяныхъ. Затѣмъ, суконныхъ фабрикъ въ губ. Волынской 45, Гродненской 86 и Минской 4; на всѣхъ этихъ 135 фабрикахъ всего 5,137 рабочихъ; писчебумажныхъ фабрикъ всего 11, дающихъ заработки 497 рабочимъ; кожевенныхъ заводовъ 278, всего съ 844 рабочими; красильныхъ и отдѣлочныхъ заведеній 33, всего съ 85 рабочими; шерстопрядильныхъ 6 (въ Гродненск. губ.) съ 118 рабочими всего; полотнянныхъ фабрикъ 1 съ 21 рабочимъ; канатныхъ 1 съ однимъ же рабочимъ... Вообще можно сказать, что если и возникаютъ заводы и фабрики въ болотистыхъ мѣстностяхъ, каковы разсматриваемыя нами, и особенно Полѣсье, то большею частью вслѣдствіе необходимости, но не какъ результатъ разсчетливой предпріимчивости. Прибавимъ къ этому, что по размѣру поступленія пошлинъ за право торговли и промысловъ, по даннымъ за 1870 г. (Ежегод. М. Ф. 1873 г.), Псковская, Минская и Гродненская губерніи занимаютъ 42-е мѣсто въ ряду губерній Европ. Россіи, за исключеніемъ царства польскаго.

Что же касается собственно до сельскихъ промысловъ, то главнымъ занятіемъ, послѣ земледѣлія, на сѣверѣ и въ Полѣсьѣ служитъ для сельскаго населенія лѣсной промыселъ — рубка и сплавъ лѣса; остальные мелкіе промыслы было бы утомительно да и безполезно перечислять, достаточно замѣтить лишь, что всѣ они не даютъ достаточныхъ заработковъ мѣстному сельскому населенію, которое поэтому вынуждено искать ихъ въ другихъ губерніяхъ, оставляя свои хозяйства на попеченіе женщинъ и дѣтей.

Къ сожалѣнію, мы не могли собрать точныхъ свѣдѣній о числѣ уходящихъ ежегодно рабочихъ изъ болотныхъ мѣстностей въ другія губерніи, но полагаемъ однакоже, что число это должно

быть значительно, судя по тому, что изъ одной Волынской части Полѣсья уходитъ ежегодно съ плотами по рѣкамъ, впадающимъ въ Припеть и по Бугу до 40 т. человѣкъ, и сверхъ того въ разныя губерніи расходится до 10 т. чел. Крестьяне Новгородской и Псковской губ. идутъ на заработки преимущественно въ Петербургъ, гдѣ многіе промышляютъ извозомъ, а женщины огородными работами.

Изъ Полѣсья же крестьяне идутъ преимущественно въ южныя хлѣбородныя губерніи, и между прочимъ въ Кіевскую.

На первый взглядъ такое передвиженіе крестьянъ изъ болотистыхъ мѣстностей въ другія, гдѣ существуетъ болѣе высокая заработная плата, можетъ казаться выгоднымъ и полезнымъ какъ для самихъ переходящихъ съ мѣста на мѣсто крестьянъ, которые должны бы находить хорошіе для себя заработки, такъ и для хозяевъ тѣхъ мѣстностей, куда направляются рабочіе, такъ какъ эти хозяева должны бы быть облегчены въ своихъ хозяйственныхъ операціяхъ, вслѣдствіе прилива рабочихъ рукъ. Но при этомъ не должно забывать, что передвиженіе крестьянъ изъ болотистыхъ мѣстностей во всякомъ случаѣ фактъ ненормальный уже потому, что онъ вызывается вовсе не избыткомъ населенія относительно пространства, но исключительно неблагопріятными условіями, въ которыхъ находятся обильныя болотами мѣстности. Поэтому, что́ бы ни говорили частные, отдѣльные, факты въ пользу передвиженія крестьянъ, но эти факты не могутъ уравновѣсить общихъ бѣдственныхъ послѣдствій той общей причины, которая и задерживаетъ развитіе производительности въ болотныхъ мѣстностяхъ, и вынуждаетъ обойденное природою мѣстное сельское населеніе блуждать по лицу Россіи для пріисканія заработковъ. Кромѣ того, передвиженіе крестьянъ изъ указанныхъ мѣстностей не приноситъ существенной пользы ни самимъ крестьянамъ, которые вынуждаются къ тому лишь крайнею необходимостію, ни тѣмъ мѣстностямъ, куда они уходятъ, не говоря уже о тѣхъ, которыя оставляются ими.

Отправляясь на заработки за 800 и 1,000 верстъ, крестьяне возвращаются большею частью или съ пустыми руками, или съ самыми незначительными сбереженіями, которыя не оставляютъ слѣдовъ не только въ хозяйствѣ крестьянина, но и въ его домашнемъ быту. Прибавимъ къ этому, что даже въ Кіевскую губернію, ближайшую къ Полѣсью, крестьяне проходятъ до того изнуренными, что обыкновенно десятая часть ихъ тотчасъ же попадаетъ въ больницы. Если въ такомъ состояніи бѣлоруссы приходятъ въ Кіевскую губернію, то едвали являются они въ лучшемъ видѣ въ болѣе отдаленныя губерніи, напримѣръ, Екатеринославскую или Таврическую. Затѣмъ, такъ какъ рабочіе направляются не въ однѣ и тѣ же мѣстности постоянно, то

поэтому губерніи, находящіяся въ зависимости отъ пришлыхъ рабочихъ, испытываютъ весьма чувствительныя колебанія въ цѣнахъ на трудъ; эти колебанія всегда сопровождаются тяжкими послѣдствіями то для хозяевъ-нанимателей, то для мѣстнаго рабочаго населенія.

Являясь въ данную мѣстность въ избыткѣ одинъ годъ, пришлые рабочіе понижаютъ мѣстную рабочую плату до наименьшихъ ея предѣловъ, приводя къ тѣмъ же предѣламъ и заработки мѣстнаго населенія; но на слѣдующій годъ дѣло совершенно мѣняется: кочующая масса рабочихъ избрала другое направленіе [1]), и кризисъ постигаетъ уже нанимателей, которые должны уменьшать хозяйственныя операціи свои и нести убытки. Вслѣдствіе этого въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыя отъ времени до времени направляются рабочіе изъ болотныхъ губерній, замѣчается полная необезпеченность земледѣльческаго промысла, шаткость всякихъ хозяйственныхъ разсчетовъ, и все это вмѣстѣ взятое парализуетъ полезную предпріимчивость и задерживаетъ прогрессъ въ производительности страны. Такимъ образомъ, крестьяне болотистыхъ мѣстностей, не внося трудъ въ землю своихъ губерній, приносятъ и въ другія мѣстности, куда направляются, не пользу, но разстройство, препятствуя установленію прочныхъ отношеній между мѣстными хозяевами и рабочими и подвергая кризису то тѣхъ, то другихъ. Во всякой странѣ рабочая плата служитъ признакомъ, даже мѣриломъ экономическаго ея состоянія; но на этого рода данныхъ едва ли возможно основывать какіе-либо выводы относительно Россіи до тѣхъ поръ, пока массы сельскаго населенія, вслѣдствіе исключительно неблагопріятныхъ условій, будутъ вынуждены блуждать по Россіи, ища заработковъ, и пока, слѣдовательно, громадныя пространства Россіи будутъ оставаться совершенно недоступными для какой бы то ни было культуры, составляя въ то же время главную причину жалкаго быта мѣстнаго населенія. „Взгляните,—говорится въ „Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи: Гродненская губернія",—на здѣшняго (въ Полѣсьѣ) крестьянина — блѣдный, тощій, едва передвигающій ноги, тащится онъ въ поле на своей хилой и тощей, какъ самъ онъ, лошаденкѣ; онъ терпѣливо стегаетъ своихъ костлявыхъ воловъ, которые едва-едва тащатъ плугъ; онъ придетъ съ ними сюда же въ другой и въ третій разъ, и въ вознагражденіе своего труда, самаго честнаго и усерднаго, получитъ самъ-третей урожая, и то если природа ему поблагопріятствуетъ! Но осушите болота, хотя бы лежащія по р. Припети— эти *полѣсскія тундры*, по которымъ скитаются миріады гадовъ и

[1]) Въ особенности эти направленія мѣняются часто при открытіи большихъ работъ, напримѣръ, устройство желѣзныхъ дорогъ.

надъ которыми гнѣздится въ атмосферѣ зародышъ *колтуна*, уродующаго человѣка самыми безобразными видами, губящаго молодость и передающагося изъ одного поколѣнія въ другое—и тогда природа измѣнится тутъ къ лучшему и исчезнетъ та блѣдность лица, которая характеризуетъ здѣшняго крестьянина, напоминая объ отсутствіи въ немъ энергіи и живой самодѣятельности".

Бѣдствіе, отъ котораго страдаютъ и теперь огромныя пространства Россіи, тяготѣли въ прежнія времена и надъ другими странами Европы; но вездѣ и давно уже приняты самыя энергическія мѣры къ обращенію болотистыхъ мѣстностей въ прекрасные луга и пашни.

Не вдаваясь въ подробный историческій обзоръ работъ по осушенію болотъ въ Западной Европѣ, обратимъ вниманіе на важнѣйшія этого рода работы послѣдняго времени. Такъ, во Франціи осушены бургундскія болота, тянувшіяся въ Изерскомъ департаментѣ на 56 верстъ въ длину и представлявшія большія затрудненія для осушки; въ настоящее время болота эти на всемъ пространствѣ покрыты пашнями, лугами и лѣсомъ. Не менѣе замѣчательно осушеніе Дивской долины (vallée de la Dive), лежащей въ департаментѣ Марны и Лоары, и Сентъ-Гондскихъ болотъ; въ 1852 году обширныя пространства болотъ въ Солоньскомъ краѣ (la Sologne) покрылись уже плодородными хозяйственными угодьями и молодымъ лѣсомъ. На работы по осушенію правительствомъ употреблено въ періодъ времени въ 1860—64 г. болѣе 2.000,000 руб., независимо отъ расхода также болѣе 2-хъ милл., употребленныхъ собственно на введеніе дренажа. Въ Италіи замѣчательны работы по осушенію Тосканскихъ мареммъ, а также венеціанскихъ и неаполитанскихъ болотъ. На осушку первыхъ употреблено было по 1862 г. около 5 милл. руб. сер.; на работы по осушенію неаполитанскихъ земель (съ 1855—1863 г.) 3.565,105 р. Эти цифры показываютъ, какія значительныя жертвы приноситъ правительство на осушеніе земель и какъ энергично оно взялось за дѣло. Не меньшую дѣятельность обнаружила Пруссія: не говоря объ обширныхъ осушительныхъ работахъ, произведенныхъ въ царствованіи Фридриха Великаго, скажемъ, что въ теченіи 10-ти лѣтъ, съ 1850—1860 г., осушенное пространство составляло 625,000 моргеновъ земли, т.-е. около 104,300 десят. Что же касается до расходовъ по осушенію, то намъ извѣстно, что въ 1850 г. на эту часть ассигновано было 50,000 талеровъ; затѣмъ этотъ первоначальный кредитъ постоянно увеличивался, и въ 1857 г. возросъ до 2.014,677 талеровъ; въ теченіи 10-ти лѣтъ съ 1850—1860 г. на осушеніе земель затрачено было въ Пруссіи 4.436,000 талеровъ. Осушеніе болотъ въ одномъ Oderbruck, произведенное въ теченіи 6-ти лѣтъ (1853—1859 г.), стоило 2.670,000 талеровъ; изъ нихъ 1.370.000 тале-

ровъ было обращено на общественныя суммы, а остальныя 1.300,000 талеровъ разложены на заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ землевладѣльцевъ. Также энергично ведены осушительныя работы вообще въ Германіи. Въ Баваріи заслуживаютъ особенное вниманіе работы по осушенію болотъ, лежащихъ между Ингольштадтомъ и Нейбургомъ по р. Дунаю. Эти болота были крайне топки, бо́льшею частью непроходимы и причиняли вредъ своими испареніями; нынѣ непроходимыя топи покрыты плодородными лугами и пастбищами, и заселены богатыми колонистами.

Но ни одинъ народъ не выказалъ столько энергіи въ дѣлѣ осушенія, какъ голландцы, а между тѣмъ въ Голландіи осушеніе сопряжено было съ такими техническими затрудненіями, которыя мало извѣстны въ другихъ странахъ. Здѣсь была примѣнена особая система осушенія болотъ, обусловливаемая топографическимъ положеніемъ страны,—система выкачиванія изъ болотъ воды, при помощи пара и вѣтряныхъ мельницъ. Болѣе всего замѣчательны извѣстныя работы по осушенію цѣлаго Гарлемскаго озера, для осушенія котораго необходимо было выкачать около 80.400,000 куб. саж. воды, для чего потребовалось построить 114 самыхъ большихъ вѣтряныхъ мельницъ и дѣйствовать ими въ теченіи четырехъ лѣтъ. Эти 114 мельницъ впослѣдствіи замѣнены были тремя паровыми машинами въ 400 силъ каждая. Осушеніе одного этого озера обошлось въ 4.958,250 руб. серебромъ.

Влажность климата и непроницаемость подпочвы въ Англіи способствовали тамъ образованію обширныхъ болотъ и мокрыхъ холодныхъ почвъ; поэтому англичане со свойственною имъ предпріимчивостью давно уже (со временъ Елизаветы) приступили къ осушенію многочисленныхъ болотъ; замѣчательнѣйшія работы въ послѣднее время произведены по осушенію ботисгамскихъ болотъ при помощи паровыхъ машинъ. Въ одно только царствованіе Викторіи употреблено было на воздѣланіе неудобныхъ земель, преимущественно на осушеніе, 29.600,000 руб. сер. и именно только въ періодъ времени съ 1846 по 1850 г.:

Актомъ	101-мъ	28-го	августа	1844	года	назначено	6.220,000	руб.
„	108-мъ	28-го	„	1846	„	„	2.500.000	„
„	32-мъ	8-го	іюня	1847	„	„	3.120,000	„
„	106-мъ	14-го	іюля	1847	„	„	2,310,000	„
„	51-мъ	14-го	августа	1848	„	„	5.900,000	„
„	23-мъ	24-го	мая	1849	„	„	3.270,000	„
„	31-мъ	15-го	іюля	1850	„	„	6.250,000	„
					Итого	. .	29.600,000	руб.

Вслѣдствіе произведенныхъ основныхъ улучшеній, производительность почвы значительно усилилась, такъ что улучшенныя мѣстности даютъ ежегодно на 275 т. руб. сер. болѣе дохода, сравнительно съ прежнимъ временемъ.

Въ Россіи также были примѣры осушенія болотъ какъ частными лицами, такъ и правительствомъ, но весьма недавно, да и то въ самыхъ микроскопическихъ размѣрахъ. Таково осушеніе болотъ посредствомъ дренажа въ казенномъ имѣніи Альтъ-Шварденъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Эти работы произвелъ курляндскій помѣщикъ баронъ Фирксъ, который для изученія дренажа ѣздилъ заграницу и привезъ оттуда нѣсколько машинъ для выдѣлки дренажныхъ трубъ. Кромѣ г. Фиркса должно упомянуть о трудахъ по осушенію болотъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ барона Унгеръ-Штернберга. Вообще хозяева этихъ губерній въ дѣлѣ осушенія болотъ и культивированія ихъ выказали наиболѣе и сознанія пользы дѣла, и умѣнья приняться за него.

Изъ работъ по осушенію, произведенныхъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, мы можемъ указать на работы, произведенныя въ Новгородской губерніи у станціи Бурги, Николаевской желѣзной дороги, г-мъ Ратьковымъ-Рожновымъ, и на работы въ Полѣсьѣ г. Валицкаго, проведшаго Первяцкій и Рыбницкій каналы.

Изъ работъ же, произведенныхъ правительствомъ, независимо отъ опытовъ осушенія болотъ въ Тверской и частью Псковской губерніи, имѣвшихъ учебную цѣль — образованіе опытныхъ техниковъ, должно указать на болѣе обширныя работы по осушенію окрестностей С.-Петербурга, начатыя въ 1818 г. и оконченныя въ пятидесятыхъ годахъ, а также на работы въ бывшихъ военныхъ поселеніяхъ въ Новгородской губерніи. Работы, произведенныя частными лицами, равно какъ и правительствомъ, принесли безъ сомнѣнія извѣстную пользу; но всѣ эти работы въ совокупности, при томъ громадномъ пространствѣ, какое занимаютъ болота вообще въ Россіи, — составляютъ не болѣе, какъ каплю въ морѣ.

Усилія частныхъ лицъ имѣли совершенно частныя цѣли, безъ всякаго общаго вліянія; работы правительства предприняты были или болѣе въ полицейскихъ цѣляхъ (осушеніе окрестностей Петербурга), или въ цѣляхъ учебныхъ (работы въ Псковской и Тверской губерніяхъ). Только въ настоящее время впервые вопросъ объ осушеніи болотъ получилъ настоящее значеніе, и поднятъ до высоты государственнаго вопроса.

Министерство государственныхъ имуществъ взяло на себя въ нынѣшнемъ году иниціативу и руководство столь важнымъ дѣломъ и снарядило двѣ экспедиціи для изслѣдованія вопроса объ осушеніи

болотъ на сѣверѣ и западѣ Россіи. Сѣверная экспедиція состоитъ изъ девяти техниковъ, подъ начальствомъ одного изъ чиновъ лѣсного вѣдомства г. Гржегоржевскаго. Районъ дѣйствій экспедиціи составляютъ три губ.: С.-Петербургская, Новгородская и Псковская; при этомъ сѣверные уѣзды Новгородской губ.: Тихвинскій, Бѣлозерскій, Кирилловскій, Устюжскій, Череповецкій и Боровичскій предоставлены изслѣдованію старшаго запаснаго лѣсничаго г. Яроцкаго, при содѣйствіи четырехъ спеціалистовъ. Въ составъ этой экспедиціи приглашенъ также опытный луговодъ финляндскій землевладѣлецъ Бекманъ.

Западная экспедиція состоитъ изъ девяти же техниковъ, подъ начальствомъ полковника генеральнаго штаба Жилинскаго. Районъ дѣйствій этой экспедиціи—*Полѣсье.*

Сѣверная экспедиція сдѣлала въ нынѣшнемъ году обзоръ и подробное описаніе болотъ пространствомъ въ общей сложности до 2.000.000 десят., во всѣхъ уѣздахъ Новгородской губерніи и въ Холмскомъ уѣздѣ Псковской губ. Въ нынѣшнемъ же году экспедиція произвела примѣрное осушеніе одного болота, которое она избрала руководствуясь соображеніемъ, чтобы эта работа имѣла наиболѣе благопріятные и поучительные результаты.

Что же касается до дѣйствій экспедиціи, изслѣдующей Полѣсье подъ начальствомъ полковника Жилинскаго, то должно прежде всего замѣтить, что топографическое положеніе болотъ Полѣсья, лежащихъ въ котловинахъ и вообще низменныхъ мѣстахъ, требовало отъ г. Жилинскаго болѣе сложныхъ работъ; на долю его выпала болѣе трудная задача, а потому мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности работъ его. Экспедиція полковника Жилинскаго открыла свои дѣйствія въ концѣ іюня нивеллировочными работами по р. Припети, принимая за основной пунктъ мѣстечко Наровлю, какъ пунктъ, расположенный между мозырскими высотами и устьемъ рѣки Словечны. Въ теченіи мѣсяца, съ 20-го іюня по 20-е іюля, исполнена сѣть нивеллировочныхъ работъ на пространствѣ около 2500 квадр. верстъ. Сверхъ того по рѣкамъ Припети, Словечнѣ и Убортѣ (въ низовьяхъ послѣдней) произведены промѣры для опредѣленія площади поперечныхъ сѣченій и опредѣлены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скорости паденія воды. Затѣмъ, по 1-е сентября, произведены нивеллировки и изслѣдованы теченія рѣкъ въ мѣстности, расположенной по правой сторонѣ Припети, на пространствѣ около 4,000 кв. верстъ. Такимъ образомъ, въ нынѣшнемъ году произведено полное изслѣдованіе болотъ на площади въ 6,500 кв. верстъ, обнимающей огромный четыреугольникъ по теченію р. Припети, Уборти и Словечны Минской губ. и по границѣ этой губерніи съ Волынскою. При про-

изводствѣ работъ полковникъ Жилинскій, подвигаясь постепенно во всѣхъ направленіяхъ по району изслѣдованій, поставилъ задачею своею всестороннее изученіе мѣстности съ цѣлію собрать самыя точныя данныя для опредѣленія тѣхъ болотныхъ пространствъ, осушеніе которыхъ представилось бы наиболѣе необходимымъ и полезнымъ въ производительномъ отношеніи.

Изслѣдованія сѣверной экспедиціи обнаружили, что осушеніе болотъ здѣсь не представитъ особенныхъ затрудненій. Большая часть болотъ,—какъ мы уже замѣтили выше,—лежитъ на значительныхъ возвышенностяхъ, занимая плоскія или котловинообразныя мѣста, изъ которыхъ берутъ начало ручьи и рѣчки, дающія начало значительнымъ рѣкамъ. Поэтому, для осушенія болотъ необходимо прежде всего улучшить ту естественную канализацію, которою такъ щедро надѣлила страну сама природа въ сотняхъ и даже тысячахъ всякихъ источниковъ: рѣкъ, рѣчекъ и ручейковъ.

Что касается до осушенія полѣсскихъ болотъ, то, на основаніи добытыхъ изслѣдованіями данныхъ, полковникъ Жилинскій полагаетъ, что достиженіе этой задачи не представитъ непреодолимыхъ затрудненій и слѣдовательно не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго.

Для осушенія Полѣсья необходимо прежде всего воспользоваться выгоднымъ распредѣленіемъ водъ въ низовьяхъ Припети — между гор. Мозыремъ и мѣстечкомъ Чернобылемъ (Кіевской губерніи). Нѣсколько ниже Мозыря р. Припеть дѣлаетъ крутой поворотъ, почти подъ прямымъ угломъ; низовые ея притоки — рѣки Словечна и Уша имѣютъ направленія теченій перпендикулярныя къ общему направленію рѣкъ Горыни и Уборти. Если рр. Словечну и Ушу, имѣющія большое протяженіе и сильное паденіе воды,—расчистить отъ лѣсныхъ заваловъ и песчаныхъ наносовъ, а затѣмъ продолжить ихъ вверхъ, посредствомъ каналовъ, до тѣхъ болотъ, по которымъ протекаетъ Горынь и Уборть,— то этимъ путемъ, при содѣйствіи побочныхъ каналовъ, будетъ данъ широкій стокъ для избытка воды изъ долины р. Припети, образующаго полѣсскія болота. Вообще рѣки, которыми преимущественно должно воспользоваться для осушенія этихъ болотъ, суть: Стырь, Случь, Горынья, Уборть, Словечна, Ушь, Стоходь, Турся, Тубла, Птичь и Ясельда, впадающая въ Припеть.

Всѣ искусственные магистральные и побочные каналы должны быть устроены по направленію теченія названныхъ рѣкъ, причемъ глубина каналовъ конечно должна быть сообразована со скоростью и силою паденія воды въ рѣкахъ. Во всякомъ случаѣ каналы должны быть настолько значительными, чтобы, служа цѣлямъ осушенія, они открыли и новые пути для сплава лѣсныхъ матеріаловъ изъ отдаленныхъ лѣсныхъ казенныхъ и частныхъ дачъ.

Но прежде чѣмъ проектировать сѣть магистральныхъ и побочныхъ каналовъ, полковникъ Жилинскій находитъ необходимымъ разрѣшить весьма важный въ техническомъ отношеніи вопросъ, именно опредѣлить объемъ массы воды, которой должно дать выходъ; а для этого необходимо прослѣдить полный оборотъ прибыли и убыли воды и весеннихъ разливовъ въ особенности; эти-то работы и предположено произвести весною будущаго года, когда будутъ возобновлены и вообще дальнѣйшія изысканія экспедицій.

Мы не знаемъ, до какой суммы могутъ простираться расходы на осушеніе болотъ на сѣверѣ и западѣ Россіи, но вѣрно одно, что всякая производительная затрата, до какихъ бы размѣровъ она ни доходила, никогда не чрезмѣрна, а потому какая бы сумма ни потребовалась на исполненіе настоящаго предпріятія министерства государственныхъ имуществъ, эта сумма не должна казаться слишкомъ значительною въ виду тѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, которыя это предпріятіе должно дать въ своемъ окончательномъ результатѣ для всего государства.

Если взять въ соображеніе, чего стóитъ и правительству, и обществу необходимая помощь въ случаѣ голода въ той или другой губерніи, то всякая затрата съ одной стороны на осушеніе болотъ, а съ другой на правильное орошеніе маловодныхъ странъ [1]), окажется весьма ничтожною сравнительно съ первымъ расходомъ, не говоря о бѣдствіяхъ, причиняемыхъ голодомъ и невознаградимыхъ никакими расходами.

Ѳ. С—чъ.

---

[1]) Не странно ли и не обидно ли въ то же время читать признанія нашихъ офицеровъ, бывавшихъ заграницей, что побѣжденная нами Хива „представляла на каждомъ шагу образцовое земледѣліе, культурную обработку и орошеніе", и могла быть сравнена въ этомъ отношеніи съ сѣверной Италіей—а не съ нами. См. выше: „Взятіе Хивы", стр. 584 и 585.

Во время печатанія настоящей статьи, мы получили извѣстіе изъ Бѣлозерскаго уѣзда Новгородской губерніи о бѣдственномъ положеніи населенія одной изъ волостей этого уѣзда, именно Хилецкой волости, и кстати помѣщаемъ его, такъ какъ вообще зашла рѣчь о причинахъ неудовлетворительности нашего сельскаго хозяйства. Какъ видно, не одни болота или засуха виною тому. Намъ пишутъ: „Крайне бѣдственное положеніе населенія Хилецкой волости подтвердили и гласные уѣзднаго земскаго собранія, знающіе этотъ край; они заявили, что проѣзжая по этой волости рѣшительно нельзя достать никакой провизіи, даже хлѣба сколько-нибудь возможнаго, а во многихъ деревняхъ не находили никакого хлѣба. Крестьяне не рѣдко питаются вареными грибами и картофелемъ, очень часто безъ хлѣба. Земля—песокъ-вѣянецъ, крестьяне не имѣютъ въ надѣлѣ на выгонъ для скота и на дрова для топлива. Крестьяне преимущественно покупаютъ дрова у помѣщиковъ по самой дорогой цѣнѣ. Земское собраніе, имѣя въ виду, что надѣлъ Хилецкихъ крестьянъ не полонъ, признало, говорятъ, единственнымъ средствомъ къ улучшенію быта крестьянъ увеличеніе ихъ надѣла до полнаго количества и замѣну неудобныхъ земель, попавшихъ въ надѣлъ, удобными, а потому и постановило представить копіи съ доклада и журнала губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію и просить его войти въ положеніе крестьянъ Хилецкой волости; въ видахъ же исключительности случая ходатайствовать о дополненіи надѣла до указаннаго правительствомъ размѣра и о замѣнѣ неудобной, нарѣзанной въ надѣлъ, земли удобной, хотя бы и въ отдѣльныхъ пустошахъ. Независимо отъ этого просятъ губернское собраніе обратить его вниманіе на положеніе Хилецкой волости и ходатайствовать предъ правительствомъ объ улучшеніи быта крестьянъ Хилецкой волости. Копія съ журнала посылается въ коммиссію при министерствѣ государственныхъ имуществъ, разработывающую вопросъ о мѣрахъ къ развитію сельско-хозяйственной промышленности“.

При этомъ намъ доставлена въ формѣ таблицы общая картина сельскаго хозяйства въ Хилецкой волости. Цифры ея дѣлаютъ излишними всякія разсужденія:

Въ Хилецкой волости Бѣлозерскаго уѣзда:	Разряды домохозяевъ. I. имѣющихъ не менѣе 3 лошадей.	II. имѣющихъ не менѣе 2 лошадей.	III. имѣющихъ по 1 лошади.	IV. не имѣющихъ лошадей.	V. бобылей, неимѣющихъ земли.	ИТОГО:
Число домохозяевъ	10	31	120	54	55	270
Число душъ обоего пола	154	292	711	236	150	1,543
Число мужскихъ работниковъ	37	69	145	56	19	326
Надѣловъ	63	121 1/4	273 3/4	93	—	551
Количество земли по надѣлу	338 1/2 д.	660 1/4	1,419 3/4	505 1/4	—	2,923 3/4 д.
" " купленной	50 д.	—	6 д.	—	—	56 д.
Посѣвъ хлѣба: ржи четвертей	52 ч.	68 1/4 ч.	118 3/4 ч.	21 1/4 ч.	—	260 1/4 ч.
овса четвертей	109 ч.	143 ч.	241 ч.	48 3/4 ч.	—	541 3/4 ч.
ячменя мѣръ	77 м.	141 1/2 м.	281 м.	56 3/4 м.	—	556 1/4 м.
картофеля мѣръ	70 м.	147	285	83 1/2	—	585 1/2 м.
Урожай за исключеніемъ сѣмянъ:						
ржи самъ 2 1/2	78 ч.	102 ч.	178 ч.	32 ч.	—	400 ч.
овса . . 3	218 ч.	286 ч.	482 ч.	98 ч.	—	1,084 ч.
ячменя . 5	39 ч.	70 ч.	141 ч.	28 ч.	—	278 ч.
картофеля 3	170 м.	294 м.	570 м.	167 м.	—	1,171 м.
Валовой доходъ урожая на сумму	1,493 р.	2,053 р.	3,632 р.	706 р.	—	7,884 р.
Оброковъ и податей	516 р. 89 к.	1,039 р. 8 к.	2,331 р. 70 к.	812 р. 97 к.	—	4,700 р. 64 к.
Государственныхъ, земскихъ и другихъ сборовъ	206 р. 2 к.	423 р. 28 к.	985 р. 79 к.	326 р. 32 к.	12 р. 30 к.	1.953 р. 71 к.
Вообще оброковъ и сборовъ	722 р. 91 к.	1,462 р. 36 к.	3,316 р.	1,139 р.	12 р. 30 к.	6,654 р. 35 к.
Процентное отношеніе ихъ къ доходности	50%	75%	90%	160%	—	—
Скотоводство: лошадей	36	60	120	—	—	216
коровъ	50	67	122	21	1 1/2	261 1/2
мелкаго скота	79	129	237	56	6	507
Стоимость скота по оцѣнкѣ	1,029 р.	2,299 р.	4,457 р.	266 р.	21 р.	8,072 р.
Сумма недоимокъ къ 1 января 1873 года	1,202 р. 28 к.	4,461 р. 61 к.	13,676 р. 84 к.	5,055 р. 90 к.	275 р. 45 1/4 к.	24,672 р. 8 1/4 к.
Процентное отношеніе недоимокъ къ стоимости скота	75%	50%	33%	5%	7 1/2%	—

Въ самомъ дѣлѣ, картина мало утѣшительная: изъ 270 хозяйствъ только 10 имѣютъ 3 лошади, и 30 по 2 лошади, а 230 хозяйствъ имѣютъ по одной, или остаются совсѣмъ безъ лошадей, причемъ 55 бобылей безземельныхъ. Менѣе двухъ десятинъ надѣла на душу; урожай болѣе, нежели плохой; оброковъ и сборовъ 6,654 рубля при валовомъ доходѣ урожая въ 7,784 рубля. Такія извѣстія объ отдѣльныхъ мѣстностяхъ показываютъ, что какъ ни важны мѣры, предпринимаемыя, напр., къ осушенію болотъ, но онѣ однѣ окажутся слабыми къ исправленію нашего сельскаго хозяйства, такъ какъ не одни болота причиняютъ ему вредъ. — *Ред.*

ЗАМѢТКА

Берлинская конференція о реформѣ прусскихъ среднеучебныхъ заведеній и наша „Nordische Presse“.

Мы уже сообщили въ ноябрьской книгѣ журнала, по поводу берлинской конференціи, обсуждавшей необходимость реформы не только прусскихъ реальныхъ училищъ, но и прусскихъ гимназій, какъ обошлись „Москов. Вѣдомости“ съ этимъ крайне непріятнымъ для нихъ обстоятельствомъ. Ниже читатели найдутъ обѣщанную нами тогда корреспонденцію по этому вопросу; здѣсь же намъ необходимо обратить вниманіе на извѣстную союзницу „Московскихъ Вѣдомостей“ въ вопросѣ о классицизмѣ и реализмѣ, а именно на издаваемую въ Петербургѣ „Nordische Presse“. Эта газета посвятила въ ноябрѣ нѣсколько передовыхъ статей той же берлинской конференціи, въ сущности одинаково непріятной для нея, какъ и для „Московскихъ Вѣдомостей“, но она отретировалась съ большею честью, чѣмъ ея московскіе союзники. Послѣдніе, какъ мы видѣли, безъ всякой церемоніи заявили, что въ Пруссіи собираются-молъ закрыть реальныя училища, какъ никуда негодныя, о чемъ мы-де, редакція „Москов. Вѣдомостей“, не разъ заявляли почтенной публикѣ, предостерегая ее отъ реальныхъ училищъ. Конечно, „Москов. Вѣдом.“ про себя знали, что онѣ морочатъ публику; кто же въ самомъ дѣлѣ изъ публики пойдетъ повѣрять ихъ! Но на подобное удобство не могла никакъ разсчитывать наша нѣмецкая „Nordische Presse“, издаваемая въ Петербургѣ, гдѣ многіе читаютъ настоящія нѣмецкія газеты; скрывать истины она и не рѣшилась, не рѣшилась она также и искажать

истину, подобно „Московскимъ Вѣдомостямъ"; но за то она и поступила замѣчательнымъ образомъ! Намъ остается только поздравить „Московскія Вѣдомости" съ такою союзницей, какъ „Nordische Presse".

Годъ-два тому назадъ, когда у насъ велись въ печати пренія по вопросу о классицизмѣ и реальномъ образованіи, „Nordische Presse", вмѣстѣ съ „Москов. Вѣдом.", увѣряла, что реальныя училища заведены въ Пруссіи въ видѣ опыта, и что этотъ опытъ ясно доказалъ всю ихъ безполезность и даже вредъ, что они клонятся сами къ очевидному паденію, и прусское правительство стремится къ закрытію ихъ, такъ какъ они не могутъ быть общеобразовательными учебными заведеніями,—такими могутъ-де считаться однѣ гимназіи, благодаря классической ихъ программѣ. Такъ говорила „Nordische Presse" два года тому назадъ; что́ же теперь она заговорила, послѣ Берлинской конференціи? Сообщивъ программу прусскихъ реальныхъ училищъ, она въ своей передовой статьѣ, 4 ноября, заключаетъ такъ: „Общеобразовательная, духовная зрѣлость учениковъ *нѣмецкихъ* реальныхъ училищъ не можетъ быть, слѣдовательно, подвергнута никакому сомнѣнію [1]). Итакъ, вотъ что́ запѣла нѣмецкая газета, наговорившая такъ много года два тому назадъ о невозможности достигнуть „духовной зрѣлости" помимо классическихъ гимназій. По этому пункту, слѣдовательно, „Nord. Presse" просто взяла и опровергла себя: она теперь только высказала то, что́ мы два года тому назадъ утверждали, когда говорили, что въ Пруссіи признаютъ реальныя училища такими же общеобразовательными и научными, а не практическими учебными заведеніями, какъ и гимназіи. Но это только половина дѣла: что́ сказать этой „Nord. Presse" послѣ такого признанія о „russische Realschule"? Расточивъ похвалу въ пользу прусской реальной школы, съ *общеобразовательнымъ* характеромъ, безъ всякихъ практическихъ примѣненій, мы затруднились бы на мѣстѣ нѣмецкой газеты высказаться о „русской реальной школѣ". Но тутъ-то и начинается курьёзъ, подобнаго которому мы видѣли мало въ печати. Русскія реальныя училища, говоритъ нѣмецкая газета,—это совсѣмъ другое дѣло! По ея мнѣнію, министерство народнаго просвѣщенія сдѣлало даже ошибку, назвавъ русскія профессіональныя школы реальными училищами. „Сходство въ названіи (т.-е. русскихъ и прусскихъ училищъ) подало большой поводъ къ ложнымъ заключеніямъ относительно сущности дѣла. Потому—продолжаетъ „N. P."—было бы лучше, если бы здѣш-

[1]) Die allgemeine geistige Reife der deutschen Realschüler kann also nicht wohl bezweifelt werden. Но два года тому назадъ эта же „Nordische Presse" подвергала общеобразовательность, научность и зрѣлость учениковъ реальныхъ училищъ величайшему сомнѣнію!!

нее (т.-е. петербургское) министерство просвѣщенія держалось твердо своей первоначальной мысли, а именно: *вновь учреждаемыя училища назвать не реальными училищами, а высшими городскими*" (höhere Bürgerschule) [1]). Но вѣдь это слово въ слово то, что̀ мы утверждали года два тому назадъ и что̀ вызывало всегда громы со стороны „Москов. Вѣд." и „Nord. Presse"; мы именно говорили, что напрасно хотятъ у насъ назвать реальными училищами такія училища, которыя имѣютъ программу прусскихъ городскихъ школъ: „Мы ничего не имѣемъ противъ послѣднихъ—заключали мы въ іюлѣ 1872 г.— но мы вынуждены будемъ только сказать, что въ современной намъ Пруссіи существуютъ превосходныя классическія гимназіи и рядомъ съ ними такія же превосходныя и *равносильныя* имъ реальныя гимназіи; а у насъ — однѣ классическія гимназіи, и притомъ нельзя сказать, чтобы превосходныя". Теперь это же самое утверждаютъ и наши противники, сознавшись, что наши такъ-называемыя реальныя училища есть собственно высшія городскія школы — и больше ничего! Къ этому признанію наши защитники классицизма, какъ мы видѣли, присоединяютъ убѣжденіе, что реальныя училища *въ Германіи* даютъ, наравнѣ съ гимназіями, „духовную зрѣлость" своимъ учащимся. Наши противники такимъ образомъ сознаются теперь, что сравнительно съ Пруссіей мы, несмотря на послѣднюю реформу нашихъ среднеучебныхъ заведеній, отстали далеко: тамъ существуютъ и гимназіи, и реальныя училища, дающія строго-научное образованіе, и тѣ и другія одинаково приготовляютъ къ университету; а у насъ однѣ классическія гимназіи, такъ какъ наши реальныя училища суть не что иное, по сознанію „Nord. Presse", какъ только высшія городскія училища. Затѣмъ, русскій читатель можетъ предложить нѣмецкой газетѣ вопросъ: значитъ, вы желаете намъ, русскимъ, имѣть также реальныя училища въ прусскомъ значеніи этого слова? Но вотъ тутъ-то и начинается курьёзъ! „Nordische Presse" въ томъ же нумерѣ (№ 287), отозвавшись съ похвалою о реальныхъ училищахъ въ Пруссіи, рѣшительно утверждаетъ, что прусскія „реальныя училища въ *Россіи* еще невозможны". — Почему?—Потому что вы еще варвары! Конечно, „Nordische Presse" не выражается въ такой рѣзкой формѣ; она только дипломатически говоритъ, что „въ Россіи недостаетъ для

---

[1]) Die Aehnlichkeit der Bezeichnung hat viele zu falschen Schlüssen über das Wesen veranlasst. Es wäre daher besser gewesen, wenn die hiesige Unterrichts-Verwaltung den anfangs gehegten Gedanken festgehalten hätte, nähmlich: die neueinzurichtenden Anstalten nicht Realschulen, sondern höhere Bürgerschulen zu nennen.

процвѣтанія реальныхъ училищъ I-го порядка необходимыхъ условій [1]).— Позвольте спросить, какихъ?

„Во-первыхъ,—говоритъ наша нѣмецкая газета, — въ нѣмецкой реальной школѣ учатъ новѣйшимъ языкамъ вовсе не для того, чтобы ученики во время школьнаго обученія говорили на этихъ языкахъ; вся сила—въ грамматикѣ. Юноша въ Германіи, по выходѣ изъ реальнаго училища, плохо (mangelhaft) говоритъ по-французски; еще менѣе имѣетъ онъ практики въ англійскомъ; но за то онъ основательно знаетъ грамматики обоихъ языковъ и ею изощрилъ свой разумъ (наконецъ-то! до сихъ поръ наши классики приписывали силу изощренія разума одной грамматикѣ греческой и латинской)... Все различіе, такимъ образомъ, между гимназіею и реальнымъ училищемъ (въ Пруссіи) состоитъ въ томъ, что первая даетъ образованіе преимущественно классическое, а второе — преимущественно новѣйшее; но *и гимназія, и реальное училище даютъ одинаково научное образованіе*". Намъ очень пріятно слышать послѣднее заключеніе отъ недавнихъ враговъ реальнаго образованія, утверждавшихъ, что только классическая школа можетъ быть научною. Но, позвольте, кто же у насъ устроилъ дѣло такъ, что изученіе новѣйшихъ языковъ сдѣлалось дѣломъ практики, а не науки, какъ то мы видимъ въ Пруссіи?

— „Die Feinde des Klassizismus", — враги классицизма — отвѣчаетъ „Nord. Presse", разумѣя подъ этимъ, конечно, насъ. Помилуйте, но развѣ отъ насъ зависѣло устроить научное обученіе новымъ языкамъ? Этотъ упрекъ со стороны „Nord. Presse" никакъ не можетъ относиться къ намъ. Мы, напротивъ, всегда утверждали, что новѣйшіе народы не птицы, и въ ихъ языки вложены такіе же законы, какъ и въ древніе, а потому изученіе грамматики новѣйшихъ языковъ можетъ имѣть совершенно такую же научную силу, какъ и изученіе древнихъ языковъ. Съ этимъ-то и не соглашались именно „друзья классицизма", а въ томъ числѣ и сама „Nordische Presse".

„Во-вторыхъ—продолжаетъ „Nord. Presse" — обученіе новѣйшимъ языкамъ въ Россіи ввѣрено людямъ, которые хотя говорятъ по-французски и по-нѣмецки, но, съ одной стороны, не знаютъ этихъ языковъ научно, а съ другой — сами не получили университетскаго образованія". Хочетъ ли этимъ сказать „Nord. Presse", что у насъ новѣйшимъ языкамъ обучаютъ одни французскіе парикмахеры и нѣмецкіе сапожники — мы не знаемъ; но во всякомъ случаѣ, въ дурномъ устройствѣ у насъ обученія новѣйшимъ языкамъ не могутъ быть виновны „die Feinde des Klassizcismus"; «друзья классицизма» одни

---

[1]) Es fehlt hier (въ Россіи) durchaus an den zum Blühen einer Realschule I. Ordnung erforderlichen Vorbedingungen.

могли бы сдѣлать что-нибудь для научнаго направленія въ обученіи новѣйшимъ языкамъ. „Nord. Presse“ предвидитъ такое наше замѣчаніе и восклицаетъ: „но откуда въ Россіи взять учителей новѣйшихъ языковъ, когда не могутъ добыть учителей классическихъ языковъ“; и вслѣдъ за этимъ признаніемъ наивно прибавляетъ: „если въ Россіи сравнить гимназіи съ реальными училищами, то это будетъ имѣть самыя печальныя послѣдствія для гимназій“. Во-первыхъ, мы этого не думаемъ; во-вторыхъ, учителей для новыхъ языковъ можно было бы получить тѣмъ самымъ способомъ, какимъ добываются учителя классическихъ языковъ, т.-е. — устройствомъ Института новѣйшихъ языковъ и приглашеніемъ изъ-за границы ученыхъ учителей новѣйшихъ языковъ; а въ-третьихъ, наконецъ, „Nordische Presse“ не совсѣмъ права, намекнувъ на то, что будто бы у насъ и теперь учителя новѣйшихъ языковъ—люди мало образованные.

Третій доводъ нѣмецкой газеты основывается на предположеніи нашего варварства: „между борьбою классиковъ съ реалистами въ Германіи и въ Россіи — восклицаетъ „Nord. Presse“ — есть большое различіе. Въ Германіи самый ревностный другъ реальной школы цѣнитъ значеніе самостоятельно пріобрѣтенныхъ свѣдѣній изъ классической древности; въ Германіи также и ученикъ реальной школы, независимо отъ преподаванія латинскаго языка и исторіи, достаточно пропитанъ классицизмомъ. Музеи, наглядныя изображенія въ школѣ, а особенно многочисленныя и превосходныя юношескія книги (разумѣется, на нѣмецкомъ языкѣ) вводятъ каждаго нѣмецкаго мальчика въ міръ классической древности съ десятилѣтняго его возраста. Но такое распространенное въ Германіи повсюду и доведенное до научной образованности познаніе древняго міра немыслимо въ Россіи, еслибы устроить здѣсь реальныя училища I-го разряда, потому что въ Россіи сами учителя при наилучшихъ познаніяхъ и способностяхъ не могли бы воспользоваться тѣмъ преимуществомъ, какое доставляетъ въ Германіи привычное обращеніе (Vertrautheit) съ древностью, обратившееся въ національное богатство. А чтобы достигнуть этого привычнаго обращенія съ древностью, необходимо много и много десятковъ лѣтъ“. Однимъ словомъ, Россія — страна еще варварская; ея сапожники, портные, лавочники не достигли еще той „Vertrautheit mit dem Alterthum“, какое „Nordische Presse“ усматриваетъ среди нѣмецкаго бюргерства. Вотъ почему въ Россіи невозможны реальныя училища въ смыслѣ общеобразовательныхъ и научныхъ заведеній, и бѣдная Россія должна довольствоваться одними профессіональными школами. „Nordische Presse“ не рѣшаетъ вопроса, откуда же мы получимъ людей съ реально-научнымъ образованіемъ, но можно предположить, судя по благосклонному нынѣ отзыву ея

о нѣмецкихъ реальныхъ училищахъ, она разсчитываетъ, что мы можемъ en attendant имѣть въ виду высылку къ намъ людей съ научно-реальнымъ образованіемъ изъ Германіи.

Итакъ, вотъ до чего договорились наши противники и союзники „Москов. Вѣдомостей". Теперь оказывается и по ихъ словамъ, что научное образованіе и духовную зрѣлость можно получать и въ классическихъ гимназіяхъ, и въ реальныхъ училищахъ; но это вѣрно только для Германіи и нѣмецкихъ мальчиковъ, Россія же — еще не дозрѣла, и по приблизительному разсчету почтенной нѣмецкой газеты намъ нужно для „Vertrautheit" съ древностью—viele Jahrzehnte!

Во всѣхъ этихъ высшихъ соображеніяхъ „Nordische Presse" назидательно, конечно, одно ея признаніе, что реальное образованіе совершенно равносильно классическому и доставляетъ учащимся одинаковую „geistige Reife", духовную зрѣлость, которая потому и оправдываетъ допущеніе ихъ въ Германіи на нѣкоторые факультеты, точно также, какъ и воспитанники классическихъ гимназій допускаются тамъ не на всѣ факультеты. Очень сожалѣемъ только, что „Nordische Presse" не понимала всего этого года два тому назадъ и вооружалась на насъ вмѣстѣ съ „Московскими Вѣдомостями" за то, чт́о теперь сама же утверждаетъ, правда, для одной Германіи. Но мы никогда не согласимся въ томъ, что „Nord. Presse" имѣетъ возможность лучше насъ знать Россію и потребности ея общества; мы никогда съ нею не согласимся, что русскіе принадлежатъ къ какой-то низшей расѣ, и потому имъ достаточно пока одно профессіональное образованіе, которое, сказать мимоходомъ, и можетъ пожалуй ихъ сдѣлать низшею расою. Еще менѣе мы согласны съ „Nord. Presse" относительно различія спора классиковъ съ реалистами у насъ и въ Германіи. Наши защитники реальнаго образованія—по крайней мѣрѣ, мы имѣемъ право сказать это о себѣ — не менѣе нѣмецкихъ „Freunde der Realschule" проникнуты уваженіемъ къ классической древности и къ ея культурному вліянію; вмѣстѣ съ нѣмецкими „друзьями реальной школы", мы думаемъ однако, что уваженіе къ классическому образованію совмѣстимо съ пониманіемъ важности силы *научно-реальнаго* образованія, и не понимаемъ только одного, отчего наши „классики" не послѣдуютъ примѣру нѣмецкихъ классиковъ, которые давно уразумѣли все преимущество для своей родины вести общество къ культурнымъ цѣлямъ двумя путями одинаково строго-научными.

А.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го декабря 1873.

Обѣтъ Франціи на семь лѣтъ.

Къ шумнымъ, безконечнымъ, порой блестящимъ, всегда утомительнымъ преніямъ національнаго собранія нельзя, конечно, примѣнить заглавіе одной изъ пьесъ великаго англійскаго драматурга: „много шума изъ-за ничего“; нельзя потому, что въ этихъ преніяхъ рѣчь идетъ о судьбѣ Франціи. Но нельзя къ нимъ примѣнить также и заглавіе другой пьесы того же автора: „все хорошо, что́ хорошо кончается“; дѣло въ томъ именно, что этими преніями ничто не кончается, что имъ самимъ не предвидится конца. Затѣваютъ монархію, не могутъ ее сдѣлать и хотятъ ее замѣнить диктатурою королевскаго намѣстника; но вмѣсто такого намѣстничества создаютъ семилѣтнюю власть диктатора съ титуломъ республиканскимъ. Королевства возстановить не могутъ, республики признать не хотятъ, а между тѣмъ утверждаютъ республику на 7 лѣтъ, но все-таки въ предположеніи, что послѣ, а можетъ быть и раньше этого срока, возстановится монархія. Наконецъ, перемѣняютъ министерство и назначаютъ новое, которое оказывается тѣмъ же самымъ, съ малымъ различіемъ. Всѣ партіи, наперерывъ, твердятъ, что временный порядокъ, непрочность, неизвѣстность о будущемъ стали нестерпимы странѣ, и такой порядокъ, такую непрочность и неизвѣстность продляютъ на семь лѣтъ. Исполнительная власть, исходящая изъ произвола одного собранія, такъ какъ никакой конституціи не существуетъ, назначается на такой срокъ, когда этого собранія уже не будетъ, когда, стало быть, новое представительство страны ничѣмъ не будетъ обязано признавать дарованный этой власти срокъ. Среди всѣхъ этихъ противорѣчій ясно одно, что при обсужденіи конституціонныхъ законовъ вопросъ о срокѣ власти президента долженъ быть поставленъ и рѣшенъ вновь; стало быть, то рѣшеніе, которымъ

маршалъ Макъ-Магонъ облеченъ былъ властью на 7 лѣтъ, само по себѣ ничего еще не рѣшило.

Но оно было нужно большинству для того, чтобы занять позицію. Монархисты, которые, какъ извѣстно, составляютъ ядро консервативнаго большинства, возвели-было довольно надежные ретраншементы на прямомъ своемъ пути, пути къ возстановленію королевства. Но самъ вождь ихъ, графъ Шамборъ, своимъ знаменитымъ письмомъ отъ 27 октября сдалъ этотъ лагерь непріятелю. Тогда монархисты, лишенные опоры, и растерянное вокругъ нихъ консервативное большинство должны были прежде всего утвердиться на какой-либо новой позиціи, сосредоточиться на чемъ-либо и констатировать, что большинство это продолжаетъ существовать. Съ этой цѣлью монархисты, независимо отъ всякой логики и справедливости, вырвали изъ всѣхъ учредительныхъ предложеній, внесенныхъ въ собраніе, одно — предложеніе Шангарнье и товарищей о продленіи на нѣсколько лѣтъ власти маршала Макъ-Магона, поставили его внѣ очереди и вотировали его. Хотя при обсужденіи конституціонныхъ законовъ вопросъ этотъ и долженъ возникнуть вновь, но все-таки онъ уже предрѣшенъ и, главное, предрѣшеніе его констатировало фактъ, что консервативное большинство, группирующееся вокругъ монархистовъ, продолжаетъ существовать; что, несмотря на свою блестящую неудачу, несмотря на вызванное ихъ интересами и ихъ пораженіемъ недовольство въ странѣ, партія „борьбы", то-есть реакціи, продолжаетъ господствовать въ собраніи и управлять Франціею. Нужды нѣтъ, что для привлеченія нѣкоторыхъ сомнительныхъ голосовъ монархисты должны были при этомъ сдѣлать двѣ уступки: сперва признать за Макъ-Магономъ титулъ президента республики, потомъ сократить предполагавшійся десятилѣтній срокъ его власти на три года. Главное для монархистовъ заключалось все-таки въ томъ, чтобы открытіе собранія не застало ихъ растерянными, сконфуженными неудачею, лишенными непосредственно программы, имъ нужно было непремѣнно сохранить инициативу за собой и соединить вокругъ себя большинство такимъ предложеніемъ, которое имѣло шансы возсоздать это большинство. Иначе, если бы, пристыженные неудачею, они упустили инициативу изъ своихъ рукъ и подверглись бы грому насмѣшекъ и укоровъ республиканцевъ за неудачу съ претендентомъ, сидя въ бездѣйствіи, то большинство могло составиться и противъ нихъ, большинство могло бы составиться въ пользу узаконенія республики.

Это объясненіе необходимо, чтобы выставить всю возможность споровъ, возникшихъ въ собраніи о томъ, можно ли выдѣлить вопросъ о продленіи власти президента изъ другихъ конституціонныхъ

вопросовъ, и показать, что такое выдѣленіе и предрѣшеніе вопроса о срокѣ президентской власти, хотя и было противно логикѣ и всѣмъ понятіямъ государственнаго права, но имѣло свой смыслъ, смыслъ чисто-практическій: необходимость для монархистовъ собрать вокругъ чего-либо реальнаго разрозненныя дружины большинства, которыя готовы были разбѣжаться, когда имъ такъ неожиданно и прямо лицомъ къ лицу показано было мистическое „бѣлое знамя". Безъ такого объясненія было бы совершенно непонятно, какимъ образомъ самые плохіе аргументы могли восторжествовать въ этихъ преніяхъ надъ соображеніями совершенно неоспоримыми; какимъ образомъ собраніе, по умственному развитію своихъ членовъ неуступающее ни одному въ Европѣ, могло сдѣлать нѣчто совершенно противное всякой логикѣ, нѣчто совершенно нераціональное.

Первое засѣданіе происходило 5-го ноября. Въ немъ прочтено было вице-президентомъ совѣта, герцогомъ Брольи, посланіе президента. Посланіе это было составлено, разумѣется, не самимъ Макъ-Магономъ, но тѣмъ же герцогомъ Брольи. Маршаломъ оно было только подписано и притомъ только „маршаломъ Макъ-Магономъ, герцогомъ Маджентскимъ", безъ всякаго иного именованія. Газета „Temps" замѣтила по этому поводу: „въ посланіи ни словомъ не упомянуто о французской республикѣ и о томъ, что маршалъ Макъ-Магонъ есть президентъ ея, но о герцогствѣ Маджентскомъ упомянуто". Одинъ этотъ фактъ уже характеризовалъ все посланіе: факты несомнѣнно существующіе, какъ тотъ, что Франція нынѣ республика, въ посланіи не упоминались, но факты несуществующіе, какъ и само герцогство Маджентское, въ посланіи упоминались.

Правда, въ посланіи говорится о полномъ спокойствіи во Франціи, о счастливомъ очищеніи ея территорій отъ иноземныхъ войскъ и о дружественныхъ отношеніяхъ къ Франціи иностранныхъ державъ, такъ какъ безъ такого вступленія не обходятся никакія посланія и тронныя рѣчи. Но и это, единственное справедливое мѣсто въ посланіи, помѣщено въ немъ не кстати, потому что, какъ сейчасъ увидимъ, ему противорѣчитъ конецъ. Переходя къ подробностямъ, посланіе 5-го ноября сообщало, что порядокъ былъ повсюду твердо поддерживаемъ въ странѣ, и притомъ не гражданами, но начальствомъ: „l'ordre public a été fermement maintenu"; это значитъ, начальство строго смотрѣло за сохраненіемъ порядка; „чиновники, преданные дѣлу порядка", съ точностью примѣняли существующіе законы и управленіе, имъ порученное, воодушевлялось консервативнымъ духомъ. Все это, очевидно, столько же нереально, какъ „герцогство Маджентское". Твердо поддерживать порядокъ не было никакого повода, такъ какъ порядокъ держался самъ, не было ника-

кихъ попытокъ къ нарушенію его; чиновники не столько примѣняли законы, сколько пользовались отсутствіемъ законовъ для проявленія произвола: осадное положеніе въ Парижѣ и Ліонѣ продолжало существовать и командующіе войсками безпрестанно запрещали газеты по такимъ поводамъ, которые никакой законности не представляли, напримѣръ, за нападки на монархистскіе происки депутатовъ или за оскорбленіе гр. Шамбора. Самъ „консервативный духъ“ чиновниковъ уже противорѣчитъ точному примѣненію ими законовъ, потому что это есть духъ партіи, а дѣйствуя въ духѣ партіи, нельзя примѣнять съ точностью законовъ, которые никакихъ партій не знаютъ; чиновники ни въ какомъ иномъ духѣ дѣйствовать не должны, какъ только въ духѣ безпристрастія и законности для всѣхъ равномѣрной.

Составитель посланія, герцогъ Брольи не могъ не коснуться роялистскихъ замысловъ и вызваннаго ими волненія, но и здѣсь онъ провелъ фальшивую ноту, сказавъ сперва, что „матеріальное спокойствіе не помѣшало волненію умовъ“, и уже затѣмъ прибавивъ, что къ наступленію сессіи „борьба партій особенно усилилась, какъ того и слѣдовало ожидать“. Между тѣмъ, ожидать этого вовсе не слѣдовало, такъ какъ не волненіе произвело борьбу партій, но роялистскіе замыслы, имѣвшіе характеръ настоящаго заговора, произвели волненіе. Какъ бы то ни было, волненіе умовъ было сильное, и отсюда, казалось бы, возможно вывесть только одно заключеніе: заключеніе о необходимости установить прочный образъ правленія, для того чтобы волненія по вопросу о немъ прекратились. Но авторъ посланія ухитрился вывесть заключеніе прямо противоположное: „быть можетъ, вы подумаете, что волненіе, произведенное столь жаркими спорами, служитъ доказательствомъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ и умовъ весьма неудобно установлять какой-либо образъ правленія, который предрѣшалъ бы на неопредѣленное время будущность“. Изъ такого страннаго, прямо анти-логическаго заключенія, и выводится затѣмъ въ посланіи просьба о сообщеніи нынѣшнему, временному, правленію двухъ необходимыхъ гарантій: нѣкоторой устойчивости, такъ чтобы оно не подлежало смѣнѣ со дня на день, и усиленія власти, такъ чтобы правительство могло заботиться о будущности общества и энергически защищать его (prendre souci de l'avenir de la société et la défendre énergiquement)“. Итакъ, временная власть сохраняется для того, чтобы не предрѣшать будущности; но вмѣстѣ съ тѣмъ, власть эту полагается вооружить новыми полномочіями для того, чтобы заботиться о будущности же. Монархисты собранія ужаснулись письма графа Шамбора и произвели то посланіе, которое они вложили въ руки маршала Макъ-Магона. Но при

сравненіи этихъ двухъ документовъ нельзя не придти къ выводу, что графъ Шамборъ нравственно стоитъ гораздо выше роялистской партіи. Какъ цѣльно, естественно и логично представляется его письмо сравнительно съ этимъ сплетеніемъ увертокъ, крючковъ и самопротиворѣчій, которыми монархисты замѣнили неуступчивую програму претендента! Въ письмѣ гр. Шамбора есть мысль, конечно не современная, но совершенно ясная и нигдѣ себѣ не противорѣчащая. Претендентъ прямо доводитъ мысль свою до крайности, чтобы предварить Францію отъ недоразумѣній, ему же выгодныхъ; не представляйте себѣ меня податливѣе, пріятнѣе, чѣмъ я есть,— говорилъ онъ,—никакими обѣщаніями я васъ заманивать не стану; мое убѣжденіе таково, что надо перестроить общество на его „естественныхъ началахъ", надо употреблять силу для дѣла порядка; таковы мои убѣжденія, знайте это впередъ, и затѣмъ, зовите меня или не зовите; я готовъ, но будьте готовы и вы идти за мною. Онъ намѣренно и прямодушно показалъ одну изнанку своей программы, не обѣщая ничего, а предъявляя только требованія. Монархисты, которые ужаснулись заявленію своего претендента, хотятъ въ сущности того же: они хотятъ правительства борьбы, которое бы заботилось въ консервативномъ духѣ о будущности общества и энергически защищало это общество, хотя никто на него не нападаетъ. Убѣжденія ихъ, высказанныя въ посланіи, однородны съ убѣжденіями графа Шамбора: „правительство недостаточно вооружено, чтобы обезнадежить мятежъ, печать безнаказанно предается такимъ выходкамъ и крайностямъ (violences), которыя могутъ извратить умъ населенія; выборныя общинныя власти забываютъ, что онѣ должны служить органами закона..." Итакъ, не въ одномъ мятежѣ опасность; она — въ самой странѣ, въ умѣ населенія, способномъ извратиться подъ вліяніемъ печати, въ избранныхъ народомъ, ближайшихъ къ нему органахъ, и ихъ стремленіи къ самостоятельности. Развѣ это не та же мысль о необходимости опеки надъ Франціею, опеки спасающей и предохраняющей общество отъ собственныхъ его учрежденій и заблужденій, — мысль, лежащая въ основѣ письма гр. Шамбора? Различіе только въ томъ, что въ письмѣ претендента она выражена прямодушно и безъ всякаго противорѣчія, между тѣмъ, какъ въ манифестѣ консерваторовъ, т.-е. въ посланіи, она только ехидно нашептывается, противорѣча разнымъ оптимистскимъ завѣреніямъ, которыми пилюля позолочена для читающей массы. Сказать прямо, что общество должно быть, для осуществленія реакціонерныхъ идеаловъ, перестроено на иныхъ началахъ—это показалось монархистамъ слишкомъ сильнымъ; гр. Шамборъ погубилъ свое дѣло такой откровенностью; надо признать передъ страной, что въ сущ-

ности все обстоитъ достаточно благополучно, хотя никакой перестройки еще не было; но тутъ же наклепать обществу на печать, на муниципалитеты, на мнимыхъ враговъ общества. И вотъ, результатомъ подобныхъ соображеній явилось посланіе, которое хотя и не пугаетъ публику какъ письмо президента, но и стоитъ нравственно гораздо ниже того знаменитаго документа, представляя одно сплетеніе робкихъ оговорокъ и мелкихъ инсинуацій. Что́-нибудь изъ двухъ: или во Франціи господствуетъ спокойствіе, и отношенія ея къ прочимъ державамъ удовлетворительны, однимъ словомъ, общее положеніе дѣлъ, при республикѣ, хорошо,—въ такомъ случаѣ неумѣстны опасенія за мятежъ, возбужденія печати и т. д.; или, если всѣ опасенія и жалобы, высказанныя въ концѣ посланія, справедливы, въ такомъ случаѣ нельзя говорить объ удовлетворительномъ положеніи страны. Въ первомъ случаѣ, логика требовала бы окончательнаго узаконенія республики, при которой освобождена территорія и водворено спокойствіе; во второмъ случаѣ, логика требовала бы немедленнаго и безусловнаго установленія монархіи, а не диктатуры, которая берется въ семь лѣтъ озаботиться будущностью общества.

Только-что герцогъ Брольи́ прочелъ въ засѣданіи 5-го ноября президентское посланіе, какъ президентъ собранія Бюффе́ прочелъ предложеніе, внесенное генераломъ Шангарнье, отъ имени бо́льшаго числа членовъ правой стороны, слѣдующаго содержанія: „ст. 1, исполнительная власть поручается маршалу Макъ-Магону на десятилѣтній періодъ, считая со дня утвержденія настоящаго закона; ст. 2, власть эта будетъ дѣйствовать въ ея нынѣшнихъ условіяхъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ рѣшено иначе учредительными законами; и ст. 3, для обсужденія учредительныхъ законовъ будетъ назначена, въ публичномъ засѣданіи и посредствомъ поименнаго голосованія, коммиссія изъ тридцати членовъ“. Затѣмъ де-Гуляръ потребовалъ обсужденіе этого предложенія внѣ очереди, а за нимъ глава кабинета герцогъ Брольи́ поддержалъ это требованіе отъ имени министерства. Между тѣмъ, бонапартистъ баронъ Эшассеріо́ внесъ проектъ закона о созваніи на 4-го января 1874 года народа къ поголовной подачѣ голосовъ для рѣшенія вопроса объ окончательномъ образѣ правленія, съ тѣмъ, чтобы народу предложенъ былъ тройной вопросъ: королевство, республика или имперія? Эшассеріо̀ объяснилъ, что если народъ предпочтетъ королевство, корона должна быть предоставлена графу Шамбору; если предпочтена будетъ республика, должно быть немедленно произведено, тѣмъ же путемъ всеобщей подачи голосовъ, избраніе президента республики; наконецъ, если большинство окажется за имперію, то корона должна быть предоставлена Наполеону IV-му; во всѣхъ случаяхъ, въ теченіи слѣдующихъ

за плебисцитомъ 6-ти мѣсяцевъ, должно быть избрано учредительное собраніе, нынѣшнее же собраніе должно удалиться. Дюфоръ, который, будучи министромъ юстиціи при Тьерѣ, внесъ проекты учредительныхъ законовъ, потребовалъ, чтобы нынѣшнія предложенія были отосланы въ ту же коммиссію, для того, чтобы соединить въ одномъ обсужденіи учредительные проекты. Въ рѣчи произнесенной при этомъ, Дюфоръ доказывалъ, что нельзя опредѣлять власти исполнительной оставивъ безъ опредѣленія власть законодательную. Жалуются, что нынѣшнее правительство не обезпечено (précaire) и взамѣнъ его прямо предлагаютъ правительство временное—вотъ сущность возраженій Дюфора. Далѣе онъ напомнилъ, что страна была совершенно спокойна, и если произошло волненіе, то единственно вслѣдствіе „поѣздки въ Фросдорфъ“ и ея послѣдствій. „Съ этой трибуны—заключилъ свою рѣчь Дюфоръ—я благодарю графа Шамбора за то, что своимъ письмомъ онъ уже подалъ надежду (на успокоеніе страны). А если бы намъ удалось создать правленіе окончательное, то мы получимъ еще болѣе, чѣмъ было дано намъ письмомъ 27-го октября. Собраніе огромнымъ большинствомъ рѣшило обсуждать предложеніе Шангарнье внѣ очереди. Но послѣ этого рѣшенія остался все-таки вопросъ о томъ, соединять ли это предложеніе вмѣстѣ съ разсмотрѣніемъ учредительныхъ законовъ, отославъ его въ ту же коммиссію, или назначить спеціальную коммиссію для обсужденія одного закона о продленіи власти. Дюфоръ, а за нимъ бывшій президентъ собранія Греви, требовали соединенія по слѣдующему соображенію: они опасались, что монархисты, добившись продленія власти Макъ-Магона и учредивъ нѣчто въ родѣ диктатуры, какъ суррогатъ монархіи, будутъ затѣмъ откладывать на неопредѣленное время обсужденіе учредительныхъ законовъ, потому что утвержденіе какихъ бы то ни было учредительныхъ законовъ при республикѣ было бы равносильно признанію ея. Вслѣдствіе этого республиканцы и добивались, чтобы продленіе власти президента было соединено съ утвержденіемъ учредительныхъ законовъ; такимъ образомъ, хотя власть Макъ-Магона и была бы продлена, но за то республика была бы фактически утверждена. Понятно, что монархисты не хотѣли согласиться на такую процедуру по той самой причинѣ, которая побуждала республиканцевъ настаивать на ней. Вопросъ этотъ: ставить ли продленіе власти такъ или иначе въ зависимость отъ утвержденія конституціонныхъ законовъ, занималъ главное мѣсто при всѣхъ послѣдующихъ преніяхъ, и вотъ почему необходимо выяснить его. Мы уже сказали, каковъ былъ интересъ республиканской партіи требовать, чтобы продленіе власти было поставлено въ связь или въ зависимость отъ приданія самой республикѣ опредѣленныхъ конституціон-

ныхъ органовъ. Но независимо отъ интереса республиканцевъ, въ пользу предложенной ими процедуры, очевидно, были и справедливость, и простой здравый смыслъ. Противъ нераздѣльнаго обсужденія какъ учрежденія исполнительной власти, такъ и прочихъ учрежденій не было, въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ преній, приведено ни одного сколько-нибудь серьёзнаго аргумента. Противники такого раціональнаго соединенія, требовавшіе, чтобы продленіе исполнительной власти было постановлено отдѣльно отъ учредительныхъ законовъ, могли представлять только пустыя соображенія въ родѣ того, что маршалъ Макъ-Магонъ лично заслуживаетъ полнаго довѣрія, что отказать ему въ гарантіяхъ, которыхъ онъ требовалъ въ посланіи, значило бы выразить ему недовѣріе, что страна прежде всего нуждается въ спокойствіи и т. д. Всѣ эти аргументы не имѣли никакого юридическаго значенія и были завѣдомо фальшивы уже потому, что никто не отказывался продлить власть президента и дать ему гарантіи, лишь бы только одновременно были даны гарантіи прочности всему порядку, всей государственной жизни.

Наоборотъ, предложеніе республиканцевъ, хотя и исходившее изъ интереса ихъ партій, оправдывалось соображеніями раціональными и даже совершенно неоспоримыми. Чтобы высказать это, достаточно просмотрѣть двѣ превосходныя рѣчи Греви, изъ которыхъ одна была произнесена въ томъ же засѣданіи, 5-го ноября. „Я поддерживаю отсылку всѣхъ предложеній въ одну коммиссію— говорилъ Греви, когда герцогъ Брольи заявилъ, что необходимо назначить особую коммиссію для обсужденія продленія власти.—Вы должны соединить оба предложенія для того, чтобы сравнивать ихъ одно съ другимъ и обсуждать вмѣстѣ. Если вы сдѣлаете иначе, то это будетъ значить, что учредительные проекты вы откладываете на неопредѣленное время; стало быть, вы создадите на десять лѣтъ не-конституціонное, не-легальное правительство. Власть, предполагаемая вами, будетъ власть временная до тѣхъ поръ, пока учредительные законы не сдѣлаютъ ее властью окончательною. А такой власти временной вы не имѣете права назначать на срокъ болѣе продолжительный, чѣмъ ваше полномочіе. Вы имѣете право управлять страной; исполнительная власть есть только ваша делегація, и вы не можете создать власть болѣе долговѣчную, чѣмъ вы сами. Развѣ вы можете пытаться управлять временно страною, когда васъ самихъ уже не будетъ (т.-е. когда собраніе разойдется)? Какимъ же образомъ довѣрите вы кому-либо власть, которой не имѣете сами? Власти революціоннаго характера вы учредить не можете; такая власть, по праву, ничтожна; ее не будетъ уважать нація; это будетъ власть не-легальная, стало быть власть революціонная“. Послѣ воз-

раженій де-Гуляра, что вопросъ о продленіи власти выдѣляется вовсе не для неопредѣленной отсрочки учредительныхъ законовъ, и что законы эти все-таки должны быть разсмотрѣны въ непродолжительномъ времени, но что прежде всего слѣдуетъ предоставить знаменитому мужу ту силу, которую онъ признаетъ для себя необходимою, собраніе большинствомъ 362 голосовъ противъ 348, отвергло предложеніе Дюфора объ отсылкѣ предложенія Шангарнье о продленіи власти президента въ ту же коммиссію, которая будетъ обсуждать учредительные законы.

На другой день послѣ этого рѣшенія, въ засѣданіи 6-го ноября, президентъ лѣваго центра, Леонъ Сэ, представилъ запросъ министерству, почему оно откладываетъ производство выборовъ для пополненія наличныхъ вакансій депутатовъ; обсужденіе этого запроса было отсрочено на нѣсколько дней. Затѣмъ, происходили въ собраніи выборы для возобновленія его бюро, т.-е. президента, вице-президентовъ и секретарей. Бонапартистъ Бюффè былъ избранъ вновь 384 голосами изъ 393; вся лѣвая сторона не подавала голосовъ. Въ числѣ вице-президентовъ наиболѣе голосовъ получилъ Мартель, кандидатъ лѣвой стороны; другіе избранные вновь вице-президенты: графъ Бенуà д'Ази, де-Гуляръ и де-Шабó-Латуръ. Въ общемъ бюрò собраніе осталось въ томъ видѣ, какъ оно было до вакацій національнаго собранія.

Послѣ рѣшенія, что предложеніе Шангарнье о продленіи власти не должно быть передаваемо въ общую коммиссію вмѣстѣ съ учредительными законами, слѣдовало избраніе для обсужденія предложенія Шангарнье особой коммиссіи. Эти выборы происходили въ засѣданіяхъ 7-го и 8-го ноября по отдѣленіямъ. Изъ 15-ти избранныхъ ими (по одному отъ каждаго отдѣленія) въ эту коммиссію членовъ 8 оказались республиканцами, 7 монархистами. Такимъ образомъ, въ коммиссіи о продленіи власти президента на 10 лѣтъ образовалось большинство неблагопріятное самому продленію. Вслѣдствіе того министры подали просьбы объ увольненіи, впрочемъ, только для формы, такъ какъ маршалъ Макъ-Магонъ безъ труда убѣдилъ ихъ остаться до разрѣшенія вопроса о срокѣ его власти. Президентомъ коммиссіи былъ избранъ де-Ремюза.

Само собою разумѣется, что республиканская партія воспользовалась своимъ большинствомъ въ коммиссіи для того, чтобы сдѣлать изъ продленія власти президента не столько продленіе власти, сколько утвержденіе республики. Съ этой цѣлью, большинство членовъ коммиссіи не только вновь связало продленіе власти съ утвержденіемъ учредительныхъ законовъ, но соединило его еще и съ распущеніемъ нынѣшняго собранія. Въ засѣданіи 11-го и 12-го ноября, коммиссія,

большинствомъ 8-ми противъ 7-ми голосовъ, приняла предложенiе Казимiра Перье́ о продленiи власти президента республики не на десять, но на пять лѣтъ, и то со времени открытiя новаго законодательнаго собранiя, а также о назначенiи первой половины января 1874 года срокомъ для внесенiя на разсмотрѣнiе самого собранiя учредительныхъ законовъ. Докладчикомъ коммиссiи избранъ былъ извѣстный публицистъ Лабулѐ. Меньшинство 7-ми членовъ коммиссiи оставались при мнѣнiи о продленiи власти президента на 10-ть лѣтъ безъ всякихъ отсрочекъ и ограниченiй; меньшинство сдѣлало только одну уступку, а именно согласилось назвать въ проектѣ закона главу исполнительной власти президентомъ республики. Жюль-Симонъ, членъ коммиссiи, представилъ еще проектъ дополненiя къ рѣшенiю предположенному большинствомъ, по мысли Казимiра Перье. Но это дополненiе равнялось совершенному устраненiю вопроса о продленiи власти президента.

Вотъ предложенiе Жюля - Симона: Францiя имѣетъ правленiе республиканское (est constituée en république); составъ, предѣлы и срокъ властей законодательной и исполнительной установляются учредительнымъ закономъ; до изданiя же такого закона, полномочiя президента республики остаются въ томъ видѣ, какъ они были опредѣлены законами 31-го августа 1871 года (такъ-называемая конституцiя Ривѐ) и 13-го марта 1873 года (порядокъ сообщенiй президента съ собранiемъ). Жюль-Симонъ поддерживалъ свое предложенiе въ рѣчи, которою доказывалъ, что принятiе предложенiя Шангарньѐ привело бы не только къ временному, но и къ личному правленiю, къ нѣкотораго рода диктатурѣ. Предоставить кому-либо власть не опредѣливъ ея условiй, значитъ сдѣлать нѣчто противное здравому смыслу, такъ разсудилъ Жюль-Симонъ. „Что́ же побуждаетъ нѣкоторыхъ людей рѣшаться на предложенiе неразумное до смѣшного? Побужденiе можетъ быть и добросовѣстное, но то же самое, которымъ оправдывали всѣ государственные перевороты: требуется спаситель; что государственный переворотъ есть преступленiе—это сознаютъ, но увѣряютъ себя, что его все-таки слѣдуетъ совершить, потому что было бы еще преступнѣе не совершить его“. Большинство коммиссiи однако не приняло предложенiя Жюля-Симона, остановясь на мысли о томъ, чтобы продлить власть президента, но соединить это продленiе съ такими уступками, которыя бы утвердили республику.

Въ засѣданiи нацiональнаго собранiя 15-го ноября, докладчикъ коммиссiи Пятнадцати Лабулѐ прочелъ докладъ о проектѣ закона по вопросу о продленiи власти, формулированному въ предложенiи Шангарнье. Приведемъ тѣ мѣста доклада, въ которыхъ заключалась его сущность. „Меньшинство коммиссiи, движимое желанiемъ безотлага-

тельно установить такую власть, которая господствовала бы надъ партіями, признало возможнымъ нынѣ же продолжить полномочіе главы государства, предоставивъ будущему времени заботу объ опредѣленіи этихъ полномочій. Большинство же, наоборотъ, не признало возможнымъ продолжить безъ условій такую власть, которой объемъ ничѣмъ неопредѣленъ. Оно, большинство коммиссіи, приняло во вниманіе, что безъ конституціонныхъ гарантій власть, не взирая на умѣренность того, кто ею пользуется, есть не что иное какъ диктатура, болѣе или менѣе прикрытая“. Излагая возникшія въ коммиссіи сомнѣнія, имѣетъ ли собраніе право учредить власть на такое время, когда самого этого собранія быть можетъ уже не будетъ, докладъ доказывалъ, что именно въ виду такихъ сомнѣній и слѣдуетъ связать продленіе власти съ утвержденіемъ конституціонныхъ законовъ, потому что тогда и самое это продленіе будетъ имѣть характеръ дѣйствія учредительнаго, на которое собраніе имѣетъ право и которое слѣдующимъ собраніемъ не можетъ быть отмѣнено. „Покончить съ временнымъ положеніемъ, ослабляющимъ страну, устроить въ странѣ законное правленіе, то-есть республику—вотъ цѣль, которой мы хотимъ достигнуть; вотъ вся наша политика... Мы предлагаемъ продлить власть Макъ-Магона, президента республики, на пять лѣтъ со времени открытія слѣдующаго законодательнаго собранія; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы оговариваемъ, что такое опредѣленіе будетъ имѣть характеръ конституціонный только тогда, когда оно будетъ включено въ органическіе законы. Иными словами, если вы продлите власть простымъ закономъ, то продленіе и будетъ значить не болѣе, чѣмъ простой законъ; мы не обезпечиваемъ вамъ будущности. Но если вы хотите, чтобы это продленіе было твердо и безповоротно, то впишите его въ органическіе законы и сдѣлайте маршала президентомъ республики утвержденной конституціею. Если конституціонные законы будутъ утверждены, то власть президента будетъ имѣть въ нихъ основу прочную; если же собраніе разойдется не утвердивъ конституціонныхъ законовъ, не давъ странѣ учрежденій, въ такомъ случаѣ и продленная имъ власть будетъ только одно слово. Будущее собраніе можетъ оставить это слово безъ вниманія, можетъ удержать или устранить президента по своему усмотрѣнію. Никогда владѣтелю не удавалось связать чѣмъ-либо своего преемника. Завѣщаніе Лудовика XIV-го было кассировано парламентомъ, и вы не будете счастливѣе „великаго короля“. Собраніе, которое наслѣдуетъ вамъ, развѣ не будетъ державнымъ, какъ и это? И можно ли представить себѣ, чтобы державная воля собранія отжившаго могла ограничить державную волю собранія живого? Средины нѣтъ. Или у насъ будетъ конституція и власть президента будетъ имѣть прочную опору; или консти-

туціи у насъ не будетъ, и Франція снова будетъ предоставлена случайностямъ междоусобныхъ раздоровъ и революцій"...

Подъ вліяніемъ такихъ соображеній, которыя, повторяемъ, были неоспоримы и никѣмъ не могли быть опровергнуты впослѣдствіи, коммиссія представила на утвержденіе собранія слѣдующій проектъ закона: „*Ст. 1.* Полномочія маршала Макъ-Магона, президента республики, будутъ сохранены за нимъ (lui seront continués) на *пятилѣтній* періодъ *со дня открытія будущаго законодательнаго собранія. Ст. 2.* Права эти опредѣляются нынѣ существующими условіями до изданія учредительныхъ законовъ. *Ст. 3.* Постановленіе, содержащееся въ *ст. 1*, будетъ включено въ органическіе законы и получитъ конституціонный характеръ только по утвержденіи этихъ законовъ. *Ст. 4.* Въ теченіи трехъ дней послѣ изданія настоящаго закона, отдѣленіями собранія будетъ избрана коммиссія изъ тридцати членовъ для разсмотрѣнія учредительныхъ (конституціонныхъ) законовъ, представленныхъ національному собранію 19-го и 20-го мая 1873 года".

Мы уже сказали, что меньшинство коммиссіи, то-есть 7 изъ 15-ти ея членовъ, высказалось за простое принятіе предложенія Шангарньѐ, съ тою только прибавкой, что главѣ исполнительной власти будетъ приданъ титулъ президента республики. Но, по иниціативѣ члена меньшинства коммиссіи Депе́йра, меньшинство согласилось включить въ проектъ еще постановленіе о немедленномъ назначеніи коммиссіи изъ 30-ти членовъ для разсмотрѣнія учредительныхъ законовъ. Это постановленіе и въ проектѣ большинства вошло потому, что было заимствовано у Депе́йра. Такимъ образомъ, рядомъ съ проектомъ закона, внесеннымъ коммиссіею, то-есть ея большинствомъ, представленъ былъ собранію и контръ-проектъ меньшинства, составленный Депе́йромъ и формулированный такъ: „*Ст. 1.* Исполнительная власть поручается маршалу Макъ-Магону, герцогу Маджентскому, *на десять лѣтъ со времени изданія настоящаго закона.* Власть эта отправляется и далѣе (continue à être exercé) съ титуломъ президента республики и въ нынѣшнихъ условіяхъ, до могущаго послѣдовать измѣненія ихъ учредительными (конституціонными) законами. *Ст.* 2. Въ теченіи трехъ дней послѣ изданія настоящаго закона, будетъ назначена, въ публичномъ засѣданіи и поименнымъ голосованіемъ, коммиссія изъ тридцати членовъ для разсмотрѣнія учредительныхъ законовъ".

Впередъ уже было извѣстно, что правый центръ рѣшился поддерживать контръ-проектъ Депе́йра; но для того, чтобы болѣе обезпечить принятіе его и привлечь на его сторону хоть нѣсколько голосовъ изъ лѣваго центра, правительство рѣшилось пожертвовать

тремя годами изъ десятилѣтняго срока диктатуры. Такимъ образомъ, когда въ засѣданіи 17 ноября предстояло открыться преніямъ по докладу коммиссіи Пятнадцати, герцогъ Брольи взошелъ на трибуну и прочелъ новое президентское посланіе. Въ этомъ посланіи президентъ самъ вмѣшивался въ пренія, и самъ выговаривалъ себѣ семилѣтній срокъ власти. „Франція, которая желаетъ прочности и силы правительства“, говорилось въ этомъ второмъ посланіи, „не поняла бы такого рѣшенія, которымъ президенту предоставлялась бы власть подвергнутая въ самомъ началѣ, какъ относительно продолжительности, такъ и относительно самаго характера, оговорками и условіямъ пріостановительнаго свойства (à des reserves et à des conditions suspensives). Отсылать ко времени утвержденія конституціонныхъ законовъ начало дѣйствія продленія власти или вступленіе въ силу самаго рѣшенія собранія значило бы выразить впередъ, что чрезъ нѣсколько дней будетъ вновь подвергнуто вопросу то, чтó было бы рѣшено теперь. Я долженъ желать болѣе, чѣмъ кто-либо, скораго обсужденія учредительныхъ законовъ, необходимыхъ для опредѣленія условій отправленія государственныхъ властей, и собраніе навѣрное исполнитъ безотлагательно рѣшеніе уже постановленное имъ въ этомъ смыслѣ. Но подчинять обсуждаемое нынѣ предложеніе утвержденію учредительныхъ законовъ, не значитъ ли это дѣлать сомнительною (incertain) ту власть, которую вы хотите создать, и ослаблять ея авторитетъ“? Далѣе президентъ выражалъ, что самъ не желалъ говорить о срокѣ своей власти, но уступаетъ желанію многихъ депутатовъ знать его мнѣніе по этому предмету. „Я понимаю мысль тѣхъ, кто для покровительства развитію большихъ (коммерческихъ) предпріятій предлагалъ продлить власть на десять лѣтъ; но обсудивъ хорошенько, я думаю (après avoir bien réfléchi, j'ai cru), что продленіе на семь лѣтъ достаточно удовлетворило бы требованіямъ общаго интереса и болѣе соотвѣтствовало бы тѣмъ силамъ, какія я еще могу посвятить странѣ“. Посланіе заключилось обычными завѣреніями въ консервативныхъ чувствахъ и намѣреніяхъ маршала.

Итакъ, самъ президентъ, совершенно неожиданно, низошелъ съ Олимпа и вмѣшался въ бой, подобно Минервѣ и Нептуну, которые выступали сами противъ Иліона или противъ враговъ его, когда плошали герои. Чтеніе посланія сопровождалось волненіемъ и шумомъ съ лѣвой стороны, особенно въ томъ мѣстѣ гдѣ говорилось противъ обставленія исполнительной власти оговорками и условіями. Герцогъ Брольи, читая посланіе, неизвѣстно съ какой цѣлью—быть можетъ просто подъ вліяніемъ смущенія, такъ какъ онъ и читалъ нетвердымъ голосомъ — опустилъ слово „suspensives“, и потому при

чтеніи выходило, какъ будто президентъ высказывается не противъ отсрочки дѣйствія закона, но вообще противъ обставленія своей власти какими бы то ни было условіями. Тогда съ лѣвой стороны поднялся такой шумъ, что Брольи долженъ былъ прервать чтеніе, и возобновилъ его только послѣ усиленныхъ призывовъ къ тишинѣ со стороны президента собранія. По требованію докладчика коммиссіи, засѣданіе было прервано на полтора часа, и въ это время Лабулé, ознакомившись съ рукописью посланія, усмотрѣлъ въ немъ успокоительное слово „suspensives", и по возобновленіи засѣданія объяснилъ, что въ посланіи говорилось только объ оговоркахъ и условіяхъ „пріостановительнаго" свойства. По его же требованію, пренія были отложены до слѣдующаго дня.

Между тѣмъ и самъ народъ имѣлъ случай какъ-бы вмѣшаться въ эти пренія новымъ заявленіемъ своихъ республиканскихъ сочувствій. 16-го ноября происходили выборы въ департаментахъ Нижней Сены и Обы. Республиканскими кандидатами являлись генералы Летелльѐ, Валазѐ и Соссьѐ. Первый былъ избранъ 83-мя тысячами голосовъ противъ 48 т., данныхъ въ пользу консервативнаго кандидата Деженетé; второй 42-мя тысячами голосовъ противъ 17 т., поданныхъ за консерватора Аржанса. Этотъ результатъ имѣлъ весьма большое значеніе, какъ по моменту, въ который происходили выборы, такъ и по особымъ, мѣстнымъ условіямъ. По обстоятельствамъ момента, республиканскіе кандидаты получали значеніе генераловъ, идущихъ противъ главы правительства и арміи; такъ ихъ прямо и называли программы ихъ противниковъ. Много было говорено противъ вмѣшательства арміи въ политику, и всѣ республиканскія газеты заявляли, что въ общемъ принципѣ онѣ не одобряютъ военныхъ кандидатуръ, но что пока не измѣненъ — согласно проекту, внесенному уже депутатомъ Филиппотó — законъ въ такомъ смыслѣ, что служащіе военные не могутъ быть избираемы въ палату, Летелльѐ и Соссьѐ, хотя генералы, должны быть поддерживаемы республиканскою партіей, кандидатами которой они являются [1]). И генералы были избраны прямо въ смыслѣ заявленія противъ продленія власти Макъ-Магона. По мѣстнымъ условіямъ, выборы эти были тѣмъ важнѣе, что республиканецъ генералъ Летелльѐ получилъ огромный перевѣсъ надъ консерваторомъ въ такихъ промышленныхъ и весьма консервативныхъ городахъ, каковы Руанъ и Гавръ, а республиканецъ генералъ

---

[1]) Извѣстно, что впослѣдствіи военный министръ отчислилъ генераловъ Летелльѐ и Соссье отъ командованія ихъ частями, а консерваторъ генералъ Дюкро сложилъ съ себя званіе депутата. Но дѣйствіе военнаго министра было несправедливо, такъ какъ депутатами остаются командующіе генералы: д'Орелль, герцогъ Омальскій, Шангарнье, де-Сиссе, Шанзи и др.

Соссьѐ одержалъ побѣду надъ Аржансомъ въ самомъ городѣ Труà, котораго Аржансъ былъ мэромъ, и въ которомъ этотъ кандидатъ получалъ огромное большинство голосовъ при прежнихъ выборахъ. Итакъ, промышленное, торговое населеніе, которое лучше кого-либо могло оцѣнить что́ лучше для „развитія большихъ предпріятій“: простое продленіе власти президента или утвержденіе республики, высказывалось за послѣднее, а въ департаментѣ Обы населеніе даже лично популярному на мѣстѣ кандидату предпочло генерала Соссьѐ для того только, чтобы избрать республиканца. Консервативные органы заявили, что эти „зловѣщіе“ выборы должны еще болѣе укрѣпить консерваторовъ собранія въ ихъ стремленіяхъ создать сильную власть.

Внезапное выступленіе самого президента республики въ арену борьбы совершенно измѣнило ея условія. До посланія, собранію предстояло рѣшить между проектами коммиссіи (5-лѣтн. срокъ послѣ открытія новаго собранія) и контръ-проектомъ меньшинства (10-лѣтн. срокъ безусловно), т.-е. между заключеніями Лабулѐ или Депѐйра. Мы уже сказали, что правый центръ принялъ рѣшеніе поддерживать предложеніе Депѐйра. Но по всей вѣроятности правый центръ понесъ бы пораженіе, еслибы контръ-проектъ Депѐйра остался въ прежнемъ видѣ. Бонапартисты во всякомъ случаѣ подали бы голоса противъ него, потому что 10-лѣтній срокъ казался слишкомъ продолжительнымъ для ихъ видовъ; на перебѣжчиковъ изъ лѣваго центра разсчитывать было нельзя безъ уступки имъ; наконецъ, ходили слухи, что и многіе легитимисты будутъ вотировать противъ предложенія Депѐйра. Разсчитывали — хотя быть можетъ и не совсѣмъ основательно,—что противъ него состоится большинство въ около 100 голосовъ. Посланіе измѣнило все это. Во-первыхъ, сокращая срокъ на три года, оно дѣлало уступку для привлеченія колеблющихся; во-вторыхъ, влагая требованіе 7-лѣтняго срока въ уста самого президента республики, оно ставило колебавшихся депутатовъ въ необходимость или согласиться на этотъ срокъ, или отвергнуть уже не предложеніе Шангарньѐ или замѣнившій его контръ-проектъ Депѐйра, но формальное требованіе, выраженное главою правительства. Безспорно, вмѣшательство Макъ-Магона въ пренія, для того чтобы въ нѣкоторомъ родѣ торговаться о продленіи его власти, было и нераціонально и даже, до нѣкоторой степени, неприлично. Это было нѣчто въ родѣ насилія. Но какъ маневръ для полученія большинства, дѣйствіе это было искусно и, какъ сейчасъ увидимъ, увѣнчалось успѣхомъ.

Засѣданіе 19 числа началось замѣчательной рѣчью бывшаго „вице-императора“ Руэ, по поводу упомянутаго выше предложенія Эшас-

серіо́ о призывѣ къ народу, о произведеніи плебисцита, для избранія одной изъ трехъ формъ правленія. „Вамъ предлагаютъ семилѣтнее продленіе“, сказалъ Руэ; „вы сохранили за собой учредительную власть, когда утверждали конституцію Ривѐ; когда вы утвердили законъ, выработанный прежнею коммиссіею Тридцати (о порядкѣ сношеній между президентомъ республики и собраніемъ), вы также сохраняли за собой учредительную власть. Спрашиваю себя: можете ли вы сохранить за собой эту власть теперь, если утвердите продленіе? Нѣтъ, этимъ актомъ ваша учредительная власть будетъ исчерпана. *(Перерывы).* Нѣтъ! не говорите мнѣ! Вы не хотите отказаться и впредь отъ власти учредительной, и я не порицаю васъ за это: вы имѣете сочувствія, которыя я уважаю, которыя я самъ питаю къ другой династіи, къ другимъ принципамъ, къ другому горю. Но въ такомъ случаѣ, что́ же будетъ значить семилѣтняя власть? Какимъ образомъ она будетъ безсмѣнна за это время? Куда дѣваются всѣ эти соображенія о возстановленіи спокойствія и прочности? Или вы отказываетесь отъ власти учредительной, или проектъ вовсе не имѣетъ значенія. Если вы не откажетесь отъ права дѣлать вновь учредительныя постановленія, то семилѣтняя власть будетъ одно слово, и больше ничего.... Это будетъ такой временный порядокъ, который немедленно исчезнетъ, когда у васъ будетъ подготовлено правленіе окончательное. Мнѣ скажутъ, что предложеніе это служитъ только первою статьей учредительныхъ законовъ, въ которые оно и войдетъ. Правда, дано обѣщаніе обсудить учредительные законы и вы собираетесь назначить коммиссію для ихъ изготовленія. Я полагаю, что вы и будете обсуждать ихъ; но въ тотъ моментъ, когда ихъ придется утверждать голосованіемъ,—большинство отступитъ назадъ, потому что это значило бы основать республику, узаконенную и устроенную республику. Таково ли намѣреніе большинства? Да, утверждая кратковременную власть, вы тѣмъ создадите республику и республика, въ такомъ случаѣ, будетъ основана монархистами. Среди нашихъ частныхъ разговоровъ, когда я спрашивалъ: какимъ образомъ вы хотите сдѣлать переходный порядокъ на семь лѣтъ? — мнѣ отвѣчали: „Неужели вы этому вѣрите *(Смѣхъ)*? Пусть продержится сколько можетъ!“ Но по-моему опасно принимать на себя такую отвѣтственность передъ страною: обѣщать ей устойчивость, и дать только переходный порядокъ и волненіе!

„Мы можемъ довѣрить маршалу только то время, которое принадлежитъ намъ самимъ; мертвые не связываютъ закономъ живыхъ. Власть эта исчезаетъ предъ новымъ собраніемъ. Итакъ, вы ставите себя между невозможностью съ одной стороны, и республикою съ другой. Вы думаете, что я въ принципѣ противлюсь продленію? Нѣтъ,

или оно будетъ на очень краткій срокъ, на срокъ собственной вашей власти, если вы хотите, дабы спасти Францію отъ увлеченій, создать на два-три года правительство не борьбы, но рѣшительное"... На этомъ мѣстѣ оратора прервалъ смѣхъ на правой сторонѣ и Депѐйръ замѣтилъ ему: „18 и 3 года — это 21 годъ (императорскому принцу 18-ть лѣтъ, чрезъ три года онъ совершеннолѣтенъ, вотъ смыслъ намека). Руэ поправился увѣреніемъ: „еслибы я воодушевлялся теперь чѣмъ-либо кромѣ безусловной преданности странѣ, если бы я руководился задней мыслью о династіи и далекими надеждами, то сошелъ бы съ этой трибуны". Затѣмъ Руэ перешелъ къ главному своему предмету, къ спросу народа о формѣ правленія, доказывая, что спокойствіе, безопасность, будущность могутъ быть обезпечены только плебисцитомъ, который одинъ и можетъ создать окончательный порядокъ. „Да, говорилъ онъ, призывъ къ народу—это и есть право. Это не уловка, это принципъ, а при настоящихъ обстоятельствахъ это совершенная необходимость. Я знаю, что его станутъ отрицать, но принципъ этотъ возьметъ свое (fera son chemin) и въ странѣ, и въ этомъ собраніи. Меня прерываютъ возраженіемъ, что плебисцитъ 1870 года былъ недолговѣченъ. Но плебисцитъ 1870 года совершенно неповиненъ въ войнѣ: онъ долженъ былъ служить поводомъ къ тому, чтобы не нуждаться въ войнѣ, а не къ тому, чтобы вести ее.

„Народовластіе есть догматъ, овладѣвшій съ 1789 года всѣми учрежденіями этой страны и внесшій въ нихъ право; онъ прошелъ чрезъ кровопролитныя эпохи; онъ затмился въ 1815 году передъ принципомъ преданія, но ожилъ вновь на баррикадахъ 1830 года, а въ 1848 году развился. Оружіе его—всенародная подача голосовъ. Многіе боятся ея, но никто не дерзаетъ попытаться ее уничтожить.

„Еще говорятъ, что плебисциты были только утвержденіями совершившихся фактовъ, ратификаціями революціоннаго и цезаристскаго рода. Но право выше употребленія, которое изъ него дѣлается. Впрочемъ, припомните плебисцитъ 1848 года: одинъ изъ кандидатовъ былъ во главѣ власти, другой былъ — вчерашній изгнанникъ, народъ подавалъ голоса въ полной независимости; вы знаете чтó онъ отвѣтилъ. — Когда вы собрались въ Бордо, вы могли устроить окончательное правительство; вы этого не сдѣлали — вы провозгласили бордоскій договоръ. Послѣ мятежа 18-го марта вы, оказавъ націи великую услугу, были сильны, могущественны. Казалось, наступила тогда минута, чтобы устроить окончательное правленіе. Сдѣлали вы это? Нисколько: вы провозгласили бордоскій договоръ. Когда глава исполнительной власти въ 1872 году предлагалъ вамъ организовать республику, чѣмъ отвѣчала ему коммиссія тридцати?—

бордоскимъ договоромъ. Бордоскій договоръ! Таковъ былъ всегдашній отвѣтъ на предложеніе о чемъ-либо окончательномъ. Наконецъ, сдѣлана была попытка возстановить монархію. Она неудалась; но пусть бы она удалась, и въ такомъ случаѣ, не можетъ быть сомнѣнія, лѣвая сторона отвѣчала бы вамъ ссылкою на бордоскій договоръ. Итакъ, вы осуждены на безусловную нейтральность, вы ничего учредить не можете: стало быть, вашъ долгъ — обратиться къ самой странѣ для рѣшенія вопроса. Спросите народъ, чего желаетъ онъ: королевства? республики? имперіи?—и на другой же день никто не будетъ въ состояніи сказать, что правительство, основавшееся на данномъ народомъ отвѣтѣ, не представляетъ свободнаго выраженія народной воли. Слишкомъ долго вы имѣли только такія правленія, которыя были зачаты въ грѣхѣ и потому слабы: въ 1830 году сдѣлано было насиліе надъ принципомъ, что король неотвѣтственъ, въ 1848 году насиліе ниспровергло другую династію..." Здѣсь оратора прервалъ возгласъ „а второе декабря?"—„Да развѣ я думалъ отрицать, что 2-ое декабря родилось отъ насилія?" неожиданно произнесъ бывшій вице-императоръ. „Вотъ для того-то, чтобы будущее правленіе не было запечатлѣно подобными пороками, для того-то именно я и требую призыва къ народу. Это было бы великое поученіе политической нравственности для народа, если бы наконецъ онъ получилъ правительство чистое, въ самомъ зачаткѣ своемъ, и отъ революціи, и отъ государственнаго переворота. Оно было бы сильно и въ странѣ и внѣ страны; а всякое правительство, созданное собраніемъ, будетъ имѣть противъ себя на равной ногѣ всѣ прочія партіи. Да, впрочемъ, для чего разсуждать объ этомъ долѣе? — заключилъ Руэ: Вѣдь ничего иного вы не въ состояніи и сдѣлать".

Республиканецъ Накѐ послѣ Руэ защищалъ принципъ обращенія къ народу не такъ хорошо какъ онъ, но съ большой искренностью и собственно съ той цѣлью, которую онъ прямо и указалъ, чтобы не оставить плебисцита за одними бонапартистами въ видѣ ихъ собственности и ихъ оружія. Но одинъ голосъ Накѐ, къ которому присоединился еще Дюваль, значилъ слишкомъ мало. Дюваль предложилъ даже вмѣсто назначенія плебисцита на 4-е января 1874 г., назначить его немедленно, то-есть до утвержденія учредительныхъ законовъ, и Эшассеріо, авторъ бонапартистскаго предложенія о призывѣ къ народу, тотчасъ согласился измѣнить въ этомъ смыслѣ свое предложеніе.

Въ такомъ видѣ оно было пущено на голоса и отвергнуто 499-ю голосами противъ 88-ми! Итакъ, за исключеніемъ бонапартистовъ и нѣсколькихъ случайныхъ голосовъ, всѣ вотировавшіе были противъ обращенія къ народу, а лѣвая сторона, кромѣ двухъ - трехъ чле-

новъ, *воздержалась* отъ подачи голосовъ. Вотъ крупный и знаменательный фактъ этихъ преній. Ясно, что предложеніе о призывѣ къ народу не могло пройти въ нынѣшнемъ собраніи; не въ томъ дѣло. Дѣло въ томъ, что защитники народовластія, республиканцы, ничего серьёзнаго не могутъ возразить противъ плебисцитарнаго права, но сознаютъ неудобство допустить его, потому что *не довѣряютъ народу.* А что, если народъ вдругъ предпочтетъ имперію? Но тѣмъ самымъ республиканцы становятся въ крайне-фальшивое положеніе. Значитъ, они только ссылаются на народную волю, но не хотятъ, даже боятся ее услышать. Въ такомъ случаѣ, на чемъ же они основываютъ свое право: на недоразумѣніи, на разобщеніи представителей народа съ народомъ, на необходимости опеки повѣренныхъ народа надъ народомъ — ихъ довѣрителемъ? Быть можетъ, и прибавимъ, весьма вѣроятно, что представители народа, люди образованные, лучше оцѣнятъ интересы народа, чѣмъ сама масса. Но если только принять мысль, что народу слѣдуетъ благодѣтельствовать не взирая на его волю, что ему слѣдуетъ давать лучшее правленіе, чѣмъ то, какое онъ способенъ понять и оцѣнить,—то уже нѣтъ причинъ останавливаться и на всеобщемъ избраніи законодателей; надо устроить цензъ, цензъ образованія или хотя бы имущественный, потому что богатые люди, по всей вѣроятности, будутъ образованнѣе бѣдныхъ. Этого мало; нѣтъ причины не идти далѣе и далѣе, ограничивая законодательное право и замыкая его въ тѣсномъ кружкѣ нѣсколькихъ государственныхъ людей. Нѣтъ сомнѣнія, что, напр., кабинетъ Брольи состоитъ изъ людей болѣе образованныхъ, болѣе талантливыхъ и опытныхъ, чѣмъ большинство членовъ національнаго собранія, такъ какъ кабинетъ составленъ большинствомъ же, конечно, не изъ заурядныхъ его членовъ. Такимъ образомъ, республиканцы должны на этомъ пути разсужденія отступать шагъ за шагомъ и придти, пожалуй, къ монархіи, или къ олигархіи знаменитѣйшихъ юрисконсультовъ, или, наконецъ, къ одному Миносу, Ликургу, Дракону или Солону. Французская республика въ такомъ случаѣ должна найти своего Платона, который предписалъ бы ей организацію.

Что умѣренные республиканцы выпустили изъ рукъ вопросъ о плебисцитѣ—было большой ошибкой. Одинъ Тьеръ, изъ нихъ прозорливый политикъ, хотя по природѣ и всему прошлому не республиканецъ, былъ *за* призывъ къ народу. И какъ слабы были возраженія докладчика коммиссіи, республиканца и извѣстнаго публициста Лабулэ противъ плебисцитарнаго права! Онъ сослался на мнимое затрудненіе: будто народъ не съумѣетъ различить трехъ избирательныхъ урнъ; онъ сказалъ, что вотировать призывъ къ народу

значитъ вотировать распущеніе нынѣшняго собранія, но что тогда проще вотировать распущеніе, произвесть новые выборы и спросить мнѣніе страны этимъ путемъ. Еще онъ сказалъ: „опасность призывовъ къ народу та, что всякая побѣжденная партія охотно будетъ требовать призыва къ народу, въ надеждѣ низложить враждебный ей порядокъ". Но въ томъ-то и бѣда, что „побѣжденною партіей" часто бываетъ большинство населенія. Партія, неимѣющая шансовъ въ массѣ народа, никогда не предложитъ плебисцита.

Впрочемъ, мы не защищаемъ сами принципа о созданіи учрежденій посредствомъ всенароднаго голосованія. Мы считаемъ излишнимъ выступать съ личнымъ мнѣніемъ въ разсмотрѣніе преній по вопросу практически намъ чуждому. Мы только провѣряемъ мнѣнія французскихъ партій о французскихъ дѣлахъ. И вотъ съ этой-то точки зрѣнія, провѣряя мнѣніе республиканцевъ о плебисцитѣ, о всенародной волѣ, мы находимъ противорѣчіе въ такомъ мнѣніи съ кореннымъ принципомъ республиканцевъ — народовластіемъ. Пусть принципъ плебисцитарнаго права будетъ признанъ не лучшею изъ основъ государственнаго устройства. Но дѣло въ томъ, что въ такой странѣ, гдѣ онъ уже былъ примѣненъ, гдѣ къ нему взываетъ одна партія, его уже трудно устранить и всякая партія, которая отвернется отъ него, ослабитъ тѣмъ свои шансы въ будущемъ. Есть уступки массѣ, которыхъ можно до времени не дѣлать, но разъ онѣ сдѣланы, ихъ взять назадъ нельзя, а надо съ ними мириться и стараться совѣтомъ, просвѣщеніемъ направлять народъ къ благоразумному пользованію ими. Можно не поднимать цѣну на аукціонѣ выше такого-то предѣла, но разъ этотъ предѣлъ превзойденъ, нельзя купить вещь меньшею цѣной; можно не расширять избирательнаго права, но разъ оно расширено до такого-то предѣла, никакая партія, если хочетъ имѣть будущность, не должна избирать себѣ девизомъ поворотъ назадъ, ограниченіе этого права. Противъ нея была бы сила. Можно сказать, что плебисцитарное право было дано французской массѣ слишкомъ рано; что значительная часть ея еще безграмотна, нѣкоторая часть подчинена клерикальному вліянію (хотя и не исключительно невѣжественная часть); что поэтому-то масса легко можетъ избрать себѣ третью имперію, а можетъ быть и всю систему 2-го декабря, съ законами „общественной безопасности", можетъ избрать императоромъ какого-нибудь головорѣза. Все это можетъ быть, но изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ. Нельзя навязать народу, который освоился съ мыслью о своемъ полновластіи, правленіе, которое было бы по чьему-либо усмотрѣнію „лучше", либеральнѣе, гуманнѣе, чѣмъ самъ народъ, и разсчитывать на прочность этого правленія. За отсутствіемъ силы массы — плебисцита,

его свергнетъ другая, еще болѣе грубая сила массы — революція. Нѣсколько разъ было примѣнено всенародное голосованіе о формѣ правленія, и вотъ теперь остается только стараться о просвѣщеніи народа, о растолкованіи ему его интересовъ, но напрасно было бы вырывать изъ его рукъ рѣшающую власть и навязывать ему чью-либо произвольную опеку, хотя бы и опеку лучшей изъ республикъ. Вотъ почему намъ кажется, что уклонясь отъ голосованія, умѣренные республиканцы сдѣлали лишь то, что вся польза бывшихъ преній будетъ достояніемъ однихъ бонапартистовъ.

Послѣ рѣчи Депейра въ защиту его предложенія, измѣненнаго согласно посланія (7-лѣтній срокъ, безусловно), во время которой депутатъ Варруà прервалъ хвалу маршала Макъ-Магона восклицаніемъ: „Послѣ Седана военнаго мы опасаемся Седана политическаго!“ — и былъ призванъ къ порядку, собраніе отсрочило свое засѣданіе до вечера того же 19-го числа. Въ вечернемъ засѣданіи, герцогъ Брольи произнесъ крайне-безсодержательную рѣчь, рекомендуя продленіе власти Макъ-Магона и выражая „сожалѣніе о тѣхъ, кто не сочтетъ счастливой Францію, когда она будетъ обладать этимъ величіемъ (posséder une telle grandeur — это примѣнялось къ характеру Макъ-Магона). За нимъ говорилъ Греви, и снова въ строго-логической аргументаціи повторилъ свое убѣжденіе, что собраніе можетъ продлить власть президента на время послѣ своего закрытія неиначе, какъ посредствомъ учредительныхъ законовъ, что иначе собраніе создастъ только нѣчто переходное и непрочное, какъ того и хотятъ монархисты, которые говорятъ о прочной власти, но разумѣютъ именно переходный порядокъ, во время котораго они будутъ волновать страну стараясь додѣлать то, чтó недавно сдѣлать не успѣли.

Затѣмъ, президентъ собранія пустилъ на голоса предложеніе Депèйра, измѣненное согласно посланію: немедленное продленіе власти на 7 лѣтъ, съ безотлагательнымъ вступленіемъ въ силу этого закона и назначеніе въ три дня коммиссіи учредительныхъ законовъ. Результатъ голосованія былъ: въ пользу предложенія Депèйра 383 голоса; противъ—317 голосовъ.

Такимъ образомъ, маневръ правительства, пожертвовавшаго тремя годами диктатуры и заставившаго самого президента республики потребовать опредѣленнаго срока его же власти, увѣнчался успѣхомъ. Бонапартисты не подавали голосовъ, а нѣкоторые члены лѣваго центра (изъ группы К. Перьè) подали голоса за продленіе. Нѣсколько крайнихъ легитимистовъ, какъ-то виконтъ д'Абовилль, маркизъ де-Франльё, генералъ дю-Тампль не подавали голосовъ. Побѣда въ дѣйствительности принадлежала правому центру. Вотъ текстъ закона, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ обнародованъ въ „Оффиціальной

Газетѣ", съ помѣткою 20-го ноября (засѣданіе 19-го числа окончилось въ 2 часа пополуночи): „*Ст. 1.* Исполнительная власть предоставляется маршалу Макъ-Магону, герцогу маджентскому, на 7 лѣтъ, считая со дня изданія настоящаго закона; власть эта будетъ отправляться и впредь съ титуломъ президента республики и въ нынѣшнихъ условіяхъ, до могущаго быть измѣненія ихъ учредительными законами. *Ст. 2.* Въ теченіе трехъ дней, послѣдующихъ за изданіемъ настоящаго закона, назначена будетъ, въ публичномъ засѣданіи и поименнымъ голосованіемъ, коммиссія изъ тридцати членовъ для разсмотрѣнія учредительныхъ законовъ. Утверждено въ публичномъ засѣданіи въ Версалѣ 20-го ноября 1873". Подписи президента собранія и секретарей; затѣмъ: „Президентъ республики издаетъ (promulgue) настоящій законъ". Подпись его и скрѣпа министра юстиціи.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о запросѣ Леона Сэ относительно произвольной отсрочки выборовъ и о составѣ новаго кабинета, такъ какъ прежній сохранялъ портфели лишь временно, до рѣшенія вопроса о продленіи власти. Запросъ былъ сдѣланъ и пренія по нему происходили въ засѣданіи 24-го ноября. Леонъ Сэ обсудилъ всю политику кабинета, упрекалъ его прямо въ измѣнѣ данному ему въ руки закону (trahi le dépot qui vous était confié), и сказалъ въ заключеніе: „кабинетъ этотъ мы видимъ въ послѣдній разъ; чѣмъ началъ онъ—попыткою подкупить печать (циркуляръ Паскаля); чѣмъ онъ кончаетъ—фальсификаціею вашихъ голосованій (нарочно не производитъ выборовъ, чтобы устранить нѣсколько республиканскихъ голосовъ)". Впрочемъ, въ отношеніи собственно произвольной отсрочки выборовъ Брольи въ своемъ отвѣтѣ извернулся весьма ловко: напомнивъ, что законъ даетъ правительству шесть мѣсяцевъ срока для пополненія вакантнаго мѣста въ избраніи выборами, онъ замѣтилъ, что и Тьеръ, котораго министромъ былъ Леонъ Сэ, отсрочивалъ шесть мѣсяцевъ выборы въ Корсикѣ потому только, что опасался избранія Руэ и присутствія его въ палатѣ.

Выше сказано, что голосованіе 19-го ноября было побѣдой праваго центра; крайней правой продленіе власти на 7 лѣтъ не было пріятно, и нѣкоторые члены ея воздержались отъ голосованія. Въ этомъ же смыслѣ произошло и преобразованіе кабинета: члены крайней правой, Эрну и Лабулльери, вышли изъ кабинета. Депѐйръ, за свою услугу, занялъ мѣсто министра юстиціи (послѣ Эрну); вице-президентомъ совѣта остался герцогъ Брольи, но сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ (вмѣсто Бѣле́, который также вышелъ изъ кабинета), а постъ министра иностранныхъ дѣлъ предоставилъ герцогу Деказу; Фурту́ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія,

Дессейллиньи́—торговли, де-Ларси́—публичныхъ работъ. Мань (министръ финансовъ), генералъ Дю-Баррайль (военный министръ) и адмиралъ Домпьеръ д'Ормера̀ (морской министръ) остались на мѣстахъ. Характеръ новаго министерства прежній, съ нѣкоторымъ усиленіемъ орлеанистскаго элемента (правый центръ). Списокъ министровъ былъ обнародованъ 27-го ноября. На другой же день герцогъ Брольи́, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, внесъ проектъ временнаго муниципальнаго закона, составленный въ реакціонерномъ духѣ: до утвержденія учредительныхъ законовъ мэры въ главныхъ городахъ какъ департаментовъ, такъ и округовъ и кантоновъ, назначаются президентомъ республики, въ прочихъ общинахъ префектомъ департамента; но мэры должны быть назначаемы изъ среды членовъ муниципальнаго совѣта, т.-е. изъ выборныхъ.

Таковъ былъ первый плодъ новаго „древа познанія", насажденнаго во Франціи на семь лѣтъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12-го (24) ноября, 1873.

Современное положеніе вопроса о реальной школѣ въ Пруссіи.

Исполняю данное вамъ обѣщаніе — сообщить подробности о недавней конференціи въ Берлинѣ по поводу вопроса о программахъ нашихъ реальныхъ школъ. Благодаря полемикѣ, которая происходила у васъ въ послѣдніе годы, ваши читатели хорошо знакомы съ исторіею этого вопроса; но я тѣмъ не менѣе позволю себѣ напомнить нѣкоторые факты, необходимые для уясненія значенія нынѣшней конференціи. Зная русскій языкъ настолько, чтобы читать, я знако́мъ съ тѣмъ, что̀ было уже сказано въ вашемъ журналѣ, и потому могу избѣгнуть лишнихъ повтореній.

Въ исторіи реальной школы въ Пруссіи выступаютъ на первый планъ два акта, которые могутъ быть названы главными станціями въ развитіи ея судебъ, а именно: 1) „Законъ объ обученіи и экзаменахъ въ реальныхъ школахъ" — 6-го октября 1859 гогда, — дѣло умѣренно-либеральнаго министра народнаго просвѣщенія „новой эры" фонъ-Бетманъ-Гольвега, и 2) „Мнѣнія университетскихъ совѣтовъ" о допущеніи воспитанниковъ реальныхъ школъ на факультеты; эти мнѣнія были вытребованы министромъ народнаго просвѣщенія второй

реакціонной эпохи фонъ-Мюлеромъ въ 1871 году, и ими заключилась его дѣятельность въ вопросѣ о реальныхъ школахъ. Въ политическомъ отношеніи представлялся тогда, и представляется еще и теперь, гораздо болѣе важнымъ вопросъ о народной школѣ, отъ устройства которой зависитъ образованіе большей части народа. Однако и вопросъ о реальной школѣ не замолкалъ ни на одно мгновеніе, и послѣ того, какъ въ сессію 1871 года законъ о надзорѣ за училищами исключительно занялъ вниманіе ландтага, послѣдній въ сессію 1872—73 былъ заваленъ петиціями о реальныхъ школахъ. Цѣлыхъ 68 большею частію согласныхъ между собою петицій присланы были изъ 57 большихъ городовъ, преимущественно западныхъ провинцій, въ палату депутатовъ, и всѣ они одинаково ходатайствовали о томъ, чтобы реальныя школы перваго разряда были сравнены съ гимназіями, какъ относительно допущенія къ университетскому образованію, такъ и относительно будущаго положенія въ государственной службѣ. Эти петиціи отчасти были буквально одинаковы съ прежними, и Липштадтская, которая была приведена у васъ въ извлеченіи (В. Е., декабрь 1871 г., стр. 768 и слѣд.), можетъ считаться образцомъ всѣхъ ихъ.

Всѣ петиціи были переданы въ учебную коммиссію, состоявшую изъ д-ра Тельхова (предсѣдатель), графа Ф. Бетуза-Гука, д-ра Брюэля, Древелло, д-ра Эберта, Энгелькена, Флершютца, Гольтца, д-ра Линдемана, д-ра Люціуса, д-ра Паура, Штроссера, д-ра Валлихса и Вальтера; слѣдовательно, въ политическомъ отношеніи изъ представителей всѣхъ партій, а въ дѣловомъ отношеніи отчасти изъ спеціалистовъ-педагоговъ, отчасти изъ дилеттантовъ. Такой составъ со времени введенія парламентскихъ обычаевъ все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе и внѣ парламента для того, чтобы уничтожить односторонность, присущую спеціалистамъ. Коммиссія имѣла два засѣданія. Въ первомъ изъ нихъ д-ръ Пауръ, рѣшительный приверженецъ реальной школы, сообщилъ историческій очеркъ, содержащій почти то же самое, что́ говорилось въ одной изъ статей вашего журнала, но очеркъ былъ подкрѣпленъ критическими замѣчаніями; во второмъ засѣданіи онъ представилъ свои заключенія, съ которыми большинство коммиссіи однако не согласилось. Первую часть его сообщенія *я* могу пропустить, такъ какъ она, какъ я уже сказалъ, для вашихъ читателей не представитъ ничего новаго. Въ послѣдней части своего сообщенія [1]) докладчикъ переходитъ къ вопросу о томъ, достаточна ли степень научной подготовки окончившихъ курсъ въ реальныхъ школахъ для университетскаго образованія, и по этому по-

---

[1]) Отчетъ объ этомъ находится въ «Anlagen zu den Stenographischen Berichten».

воду сравниваетъ программу и вмѣстѣ съ тѣмъ практическое выполненіе ея въ двухъ коллегіяхъ, находящихся въ его родномъ городѣ— Гёрлитцѣ.

Программы гимназій настоящаго времени, говорится въ относящихся сюда мѣстахъ сообщенія, находятся въ циркулярномъ предписаніи отъ 7-го января 1856 г., которое потомъ было нѣсколько дополнено. Законъ объ обученіи въ реальныхъ школахъ — есть упомянутый нами законъ 6-го октября 1859 г. По положеніямъ, находящимся въ обоихъ предписаніяхъ, отъ учениковъ, поступающихъ въ низшіе классы гимназій и реальныхъ школъ, требуются одни и тѣ же элементарныя познанія. Въ обоихъ учрежденіяхъ считается по 6 классовъ, изъ которыхъ терція большею частію, а секунда и прима вездѣ безъ исключенія состоятъ изъ двухъ лѣтъ, такъ что учащихся въ гимназіи и реальной школѣ, если они остаются въ заведеніи на sexta, проходятъ полный курсъ ученія обыкновенно въ 9 лѣтъ, а слѣдовательно подвергаются окончательному экзамену въ одинаковомъ возрастѣ. Изученію нѣмецкаго языка въ гимназіяхъ посвящаются въ началѣ 2, а въ реальныхъ школахъ—4 часа въ недѣлю; въ двухъ высшихъ классахъ гимназіи три часа посвящаются исключительно философской пропедевтикѣ. Латинскій языкъ начинается въ sexta гимназіи, занимая 10 часовъ въ недѣлю, и оканчивается въ высшемъ классѣ, занимая 8 часовъ въ недѣлю; онъ начинается 8-ю и оканчивается 3 часами въ тѣхъ же классахъ реальныхъ школъ. На исторію и географію въ гимназіяхъ полагается 2 и 3 часа въ недѣлю, въ реальныхъ школахъ—3 и 3 часа; математика и счисленіе въ гимназіяхъ занимаютъ 4 и 4 часа, въ реальныхъ 5 и 5 часовъ; въ среднихъ классахъ число учебныхъ часовъ по упомянутымъ предметамъ отчасти уменьшается, отчасти увеличивается. Французскій языкъ въ обоихъ заведеніяхъ начинается въ quinta, въ гимназіи съ 3-мя, въ реальной школѣ съ 5-ью часами, и оканчивается въ гимназіи 2-мя, а въ реальной школѣ 4-мя часами. Въ гимназіи съ tertia прибавляется греческій языкъ — по 6 часовъ въ недѣлю, а въ реальной школѣ вмѣсто него—въ томъ же классѣ—англійскій языкъ—по 5 часовъ. Для естественныхъ наукъ, включая физику и химію въ высшихъ классахъ, полагается,—въ реальной школѣ отъ двухъ до шести часовъ, въ гимназіяхъ въ обоихъ низшихъ классахъ, а также въ tertia—2 часа, но только если находятся соотвѣтствующіе преподаватели, въ противномъ случаѣ изученіе естественныхъ наукъ выбрасывается и назначенные для этого учебные часы посвящаются географіи и счисленію, или исторіи и французскому языку; въ quarta гимназіи естественныя науки исключаются во всякомъ случаѣ, а въ двухъ высшихъ классахъ отъ 1 до 2-хъ часовъ посвящается физикѣ. Два часа

для географіи и исторіи въ обоихъ низшихъ классахъ гимназіи — единственные, назначенные для этихъ предметовъ, и изученіе исторіи ограничивается здѣсь только библейскою исторіею въ часы закона божія, древними нѣмецкими сказаніями при изученіи нѣмецкаго языка, и свѣдѣніями, сообщаемыми при удобныхъ случаяхъ во время уроковъ географіи. Въ quarta и tertia на долю географіи приходится среднимъ числомъ по 1 часу въ недѣлю, а въ secunda только около 1 часа въ двѣ недѣли. Въ реальной школѣ географія и исторія, начиная съ низшихъ классовъ и до высшихъ, распредѣлены гораздо равномѣрнѣе; географія — съ постоянными ссылками на исторію, и естествознаніе, математическая и физическая географія въ связи съ изученіемъ математики и естественныхъ наукъ; въ противоположность скудному и отрывочному изученію физики въ гимназіяхъ, здѣсь еще въ tertia начинаются приготовительные уроки физики и химіи, и при дальнѣйшемъ изученіи два часа въ недѣлю полагаются на химическіе опыты; въ гимназіяхъ химія совсѣмъ не преподается.

Чтобы показать, какимъ образомъ выполняются обѣ программы относительно главнѣйшихъ предметовъ обученія, мы представимъ для примѣра двѣ новѣйшія программы для высшихъ классовъ гимназіи и реальной школы въ Гёрлитцѣ.

Въ гимназіи изъ закона божія проходятся священная и церковная исторія, въ реальной школѣ — ученіе о вѣрѣ и нравственности. По нѣмецкому языку въ гимназіи — логика, исторія литературы съ 1624 года съ болѣе подробнымъ изученіемъ „Лаокоона“ Лессинга и Гердера; въ реальной школѣ—исторія литературы съ 1720 по 1815 годъ; чтеніе Валленштейна, Ифигеніи и пѣсни о Нибелунгахъ, упражненія въ свободномъ изложеніи своихъ мыслей, объясненіе значенія словъ и употребленія ихъ. По латинскому языку — въ гимназіяхъ Цицеронъ, Тацитъ, Теренцій и Горацій; въ реальной школѣ — Титъ Ливій и Виргилій, съ просодіей и метрикой. По французскому языку— въ гимназіи отрывки изъ Шатобріана и вполнѣ „Аталія“ — Расина; въ реальной школѣ отрывки изъ „Исторіи перваго крестоваго похода“, Мишо, и вполнѣ „Мизантропъ“ Мольера. Вмѣсто греческаго языка гимназій въ реальной школѣ по англійскому языку главы изъ Христоматіи Герикса и вполнѣ Ричардъ II-й Шекспира. По исторіи и географіи въ гимназіи исторія Германіи со временъ Реформаціи до 1848 года; исторія Бранденбурга и Помераніи съ 1640 по 1815 годъ, и древняя исторія Маркъ-Бранденбурга со включеніемъ ихъ географіи; въ реальной школѣ — исторія среднихъ вѣковъ и общій обзоръ географіи; по математикѣ — въ гимназіи репетиціи изъ геометріи и тригонометріи, стереометрія, исчисленіе рядовъ и рентъ, правило бинома, уравненія 3-й степени; въ реальной школѣ ученіе

о сплошности, биномъ Ньютона и алгебрическій анализъ. По физикѣ въ гимназіи математическая географія, акустика и гальванизмъ; въ реальной школѣ кромѣ физики—еще химія. Нѣмецкая литература въ Германіи изучается только въ prima, тогда какъ въ реальной школѣ она начинается еще въ secunda. Изъ нѣмецкихъ сочиненій въ гимназіи разработываются, напр., слѣдующія темы: ходъ мыслей Шиллера въ его статьѣ о возвышенномъ; ходъ идей въ Аристотелевой хвалебной пѣснѣ добродѣтели; въ реальной школѣ: идея судьбы въ Валленштейнѣ Шиллера, *Tellheim* и *Riccant de la Marlinière* въ „*Minna von Barnhelm*“ Лессинга. Темы изъ классическихъ сочиненій въ гимназіи были, напр., Comparatur bellum Pelopponesium cum bello XXX annuorum; изъ французскихъ: анализъ 1-го акта „Мизантропа“ Мольера, Бранденбургское курфиршество во время тридцатилѣтней войны. Изъ англійскаго: въ реальной школѣ: Параллель между Генрихомъ I-мъ германскимъ и Альфредомъ Великимъ; литераторы въ царствованіе королевы Анны. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ гимназіи еженедѣльно задается одно латинское сочиненіе, тогда какъ въ реальной школѣ въ то же время—одно французское и одно англійское сочиненіе.

Докладчикъ постарался также ознакомиться со степенью образованія оканчивающихъ курсъ въ обоихъ заведеніяхъ, и для этого присутствовалъ при занятіяхъ и кромѣ того изучалъ работы, представляемыя оканчивающими курсъ; хотя онъ не входитъ въ частности, но считаетъ себя вправѣ общее впечатлѣніе, полученное имъ въ обоихъ заведеніяхъ, относительно существенныхъ цѣлей, которыя онъ имѣлъ при этомъ въ виду, выразить такимъ образомъ, что, во-первыхъ, система преподаванія въ одномъ заведеніи никакъ не можетъ назваться болѣе научною, чѣмъ въ другомъ; во-вторыхъ, оканчивающіе курсъ въ реальныхъ школахъ по научной подготовкѣ и по способности къ устному и письменному выраженію своихъ мнѣній на предложенныя темы вообще нисколько не уступаютъ гимназистамъ. Такимъ образомъ, ученики высшаго класса реальныхъ школъ, несмотря на то, что они совсѣмъ не изучали греческаго языка и слабѣе изучали латинскій, безъ всякаго сомнѣнія стоятъ на одинаковомъ уровнѣ умственнаго развитія съ учениками высшаго класса гимназій, и изученіе французскаго и англійскаго языковъ, математики и естественныхъ наукъ вполнѣ вознаграждаетъ то, чтó они теряютъ сравнительно съ воспитанниками гимназій относительно изученія древнихъ языковъ.

Затѣмъ докладчикъ говорилъ объ особенно строгихъ требованіяхъ закона объ обученіи и экзаменахъ въ реальныхъ школахъ, чтó можетъ ручаться за научную зрѣлость учениковъ, и затѣмъ прово-

дитъ слѣдующую въ высшей степени интересную параллель между обоими способами обученія.

„Подводя итогъ всему, можно выразить слѣдующимъ образомъ сравнительную степень образованія оканчивающихъ курсъ въ гимназіи и въ реальной школѣ: первые въ такой же степени занимаются латинскимъ языкомъ, какъ послѣдніе французскимъ и англійскимъ; первые получаютъ такія же ограниченныя познанія въ греческомъ языкѣ, какъ послѣдніе въ латинскомъ; первые изучаютъ математику менѣе подробно, чѣмъ послѣдніе, въ особенности же послѣдніе имѣютъ преимущество сравнительно съ первыми въ изученіи естественныхъ наукъ, которыя или преподаются въ гимназіяхъ весьма слабо, или совсѣмъ не преподаются; остальные предметы въ тѣхъ и другихъ заведеніяхъ изучаются одинаково. Эта параллель привела бы насъ къ опредѣленному заключенію, если бы мы могли подвергнуть точной оцѣнкѣ (чего однако до сихъ поръ еще не сдѣлано) перевѣсъ въ знаніи классическихъ языковъ у оканчивающихъ курсъ въ гимназіяхъ съ перевѣсомъ знаній новѣйшихъ языковъ и естественныхъ наукъ у оканчивающихъ курсъ въ реальныхъ школахъ.

„Высокую образовательную силу обоихъ древнихъ языковъ не станетъ отрицать никто, учившійся этимъ языкамъ, точно также какъ выразительность, естественную простоту и красоту въ сочиненіяхъ грековъ и римлянъ; но съ другой стороны нельзя отрицать богатство, полноту и отголосокъ современной жизни въ новѣйшихъ литературахъ, такъ что Шекспира можно вполнѣ сравнить съ Софокломъ. Нельзя не признать синтаксическихъ преимуществъ французскаго языка, нельзя не обратить вниманія на то, что свойства классическаго языка—въ его формахъ и синтаксисѣ—дѣйствующія возбуждающимъ образомъ на умъ ученика, въ своемъ существенномъ и наиболѣе рѣзкомъ развитіи перешли въ латинскую грамматику, которая съ этой стороны достаточно извѣстна воспитанникамъ реальныхъ школъ. Затѣмъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ дѣйствительности результаты классическаго обученія въ гимназіяхъ — сравнительно съ употребляемымъ на это временемъ—ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть такъ значительны, какъ это обыкновенно предполагаютъ; что про изученіе древности во всей полнотѣ и наглядности здѣсь не можетъ быть и рѣчи, а что въ самыхъ счастливыхъ случаяхъ въ этомъ отношеніи учащими даются не болѣе, какъ начальныя свѣдѣнія, которыя только помогаютъ послѣдующему настоящему изученію; наконецъ, что кончающіе курсъ въ гимназіяхъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые посвящаютъ себя изученію теологіи или филологіи, или вообще ученой карьерѣ, во всю свою жизнь даже и не заглядываютъ въ латинскихъ или греческихъ писателей, такъ что

впослѣдствіи не могутъ читать ни Гомера, ни Горація! Но пусть приписываютъ классическимъ языкамъ какое угодно сильное или слабое вліяніе на развитіе ума, во всякомъ случаѣ нельзя не придавать большого значенія въ дѣлѣ развитія мыслительной способности и наблюдательности методическому руководству къ наблюденію и изслѣдованію явленій природы, сопровождаемому и подкрѣпляемому безусловною точностью математическихъ заключеній, какъ это дѣлается въ реальныхъ школахъ. Нельзя отдать безусловнаго преимущества въ дѣлѣ умственнаго развитія одному методу предъ другимъ, но и нельзя отрицать того, что если оканчивающіе курсъ въ гимназіяхъ превосходятъ оканчивающихъ курсъ въ реальныхъ школахъ въ *одномъ*, то послѣдніе за то превосходятъ первыхъ въ *другомъ*; что, такимъ образомъ, если мы хотимъ судить строго, тѣ и другіе выходятъ изъ школы, не получивши достаточнаго общаго образованія. Удастся ли при будущемъ преобразованіи высшихъ школъ достигнуть въ этомъ отношеніи равенства и приготовлять учениковъ одинаково развитыхъ съ той и другой стороны, это теперь вопросъ посторонній. Пока можно усомниться въ успѣхѣ такого опыта. Наши университеты были бы весьма довольны, если бы видѣли юношей, приходящихъ въ храмъ науки, — все равно, изъ гимназій они или изъ реальныхъ школъ, — которые бы одинаковое число лѣтъ подготовлялись къ изученію наукъ, начиная первоначально съ одного и того же, — одни въ классическомъ направленіи, находя удовлетвореніе своихъ стремленій и свои идеалы въ древнемъ мірѣ, другіе въ направленіи реальномъ, развивая свой умъ и мыслительную способность на изученіи современнаго. Самые факультеты, соотвѣтственно этимъ двумъ направленіямъ, раздѣляются на такіе, которые болѣе соотвѣтствуютъ гимназическому образованію, каковы теологическій, филологическій и, можетъ быть, юридическій; и на такіе, которые болѣе приближаются къ образованію въ реальныхъ школахъ, каковы медицинскій, математическій и вообще естественно-историческій. Хотя полное раздѣленіе этихъ отдѣловъ не желательно, но весьма несправедливо допускать окончившихъ курсъ въ гимназіи, *несмотря* на ихъ недостаточную подготовку въ математикѣ, естественныхъ наукахъ и новыхъ языкахъ, на всѣ факультеты безъ исключенія, а окончившимъ курсъ въ реальныхъ школахъ *изъ-за* недостаточной подготовки ихъ въ классическихъ языкахъ закрывать доступъ въ бо̀льшую часть факультетовъ. Возраженіе относительно того, что отъ такой благосклонности къ реальнымъ школамъ произойдетъ упадокъ классическаго образованія и вообще высокаго умственнаго развитія, не имѣетъ значенія, такъ какъ, напротивъ, только съ уничтоженіемъ всякихъ принудительныхъ мѣръ можетъ проявиться настоящая охота

и стремленіе къ изученію классической древности, и только тогда оно можетъ принести настоящіе плоды. Правда, что при допущеніи учениковъ реальныхъ школъ въ факультеты не будетъ больше латинскихъ диссертацій и диспутовъ *внѣ* области филологіи, но они и безъ того сдѣлались чистою игрушкой. Если кто добьется чести представить свои ученыя изслѣдованія, то это можно сдѣлать и на родномъ языкѣ, на которомъ стыдно будетъ писать такія ничтожныя вещи, какія представляются теперь на латинскомъ языкѣ.

„Совершенно справедливо, что ученикамъ реальныхъ школъ недостаетъ познаній въ греческомъ языкѣ, отчасти въ еврейскомъ, и можетъ быть у нихъ недостаточны познанія въ латинскомъ языкѣ для изученія теологіи и классической филологіи; но изъ учениковъ реальныхъ школъ вообще только рѣдкіе будутъ посвящать себя изученію этихъ предметовъ, а если кто и почувствуетъ склонность къ этому, то онъ, само собою разумѣется, обратитъ свою энергію на то, чтобы пополнить указанные недостатки, и навѣрное будетъ обладать необходимыми для этого умственными силами. Примѣры подобной твердости воли съ счастливыми результатами совсѣмъ не рѣдки. Что касается юриспруденціи, то возраженія, представленныя разными факультетами (въ ихъ мнѣніяхъ), что ученики реальныхъ школъ имѣютъ недостаточныя для ея изученія познанія въ латинскомъ и греческомъ языкѣ, несовсѣмъ основательно, потому что до пониманія *Corpus juris* даже и ученики гимназій доходятъ только въ университетѣ, а въ исторіи какъ тѣ, такъ и другіе одинаково сильны.

„Занимающій насъ споръ часто представляютъ въ такомъ видѣ, что будто бы защитники реальнаго обученія стремятся къ уничтоженію гимназическаго образованія и къ замѣнѣ его реальнымъ, и будто бы безъ всякихъ основаній стараются объ упадкѣ классическаго образованія. Затѣмъ защитники гимназическаго образованія ставятъ чрезмѣрно высокую цѣль университетскому образованію, какъ будто бы цѣль университетовъ заключается въ приготовленіи не будущихъ врачей, судей или учителей, а настоящихъ университетскихъ профессоровъ; и когда выражаютъ требованія, чтобы каждый врачъ понималъ Гиппократа въ оригиналѣ, или чтобы юристъ могъ понимать отрывки изъ греческаго права, то это, принимая въ разсчетъ настоящее положеніе вещей, не болѣе, какъ чистое заблужденіе".

Послѣ этихъ сообщеній о совѣщаніяхъ и спеціально о докладѣ, я позволю себѣ привести еще нѣсколько замѣчаній, касающихся вопроса о классическомъ и реальномъ образованіи, которыя, можетъ быть, будутъ небезъинтересны.

Что касается противниковъ классическаго образованія, то, на-

сколько мнѣ извѣстно, едва ли кто заходилъ такъ далеко въ этомъ отношеніи, какъ извѣстный французскій политико-экономъ Фредерикъ Бастіà; въ весьма замѣчательной статьѣ, которая сдѣлала бы честь даже Полю-Луи-Курье (величайшему изъ французскихъ стилистовъ, который былъ, напротивъ, жаркій поклонникъ классической древности), онъ совершенно отрицаетъ всякую полезность классическаго обученія.

Хотя Бастіа, какъ я уже сказалъ, въ своей ненависти противъ древняго міра заходитъ слишкомъ далеко, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ несомнѣнно правъ. Можно весьма уважать древній міръ (чтó дѣлаю и я, между прочимъ, независимо отъ всего другого, также и потому, что изученіе его служитъ связующею нитью для всѣхъ народовъ и уничтожаетъ слишкомъ одностороннее національное развитіе), но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать того, что для изученія его употребляютъ *слишкомъ много времени.* Государственному человѣку и оратору я посовѣтовалъ бы изучать Демосѳена и Цицерона, Ѳукидида и Тацита въ подлинникѣ, но для девятнадцатилѣтнихъ молодыхъ людей время, употребляемое на изученіе древнихъ языковъ, можно считать потеряннымъ, и у нихъ остаются въ памяти развѣ только нѣкоторые стихи изъ латинской грамматики въ родѣ того, что

Многія слова на is
Masculini generis и т. д.

Защитники классическаго образованія заблуждаются въ одномъ отношеніи. Классическая древность сама по себѣ остается неизмѣнною, *но ея отношеніе къ настоящему измѣняется.* Когда Европа вышла изъ варварства, въ которое она ввергнута была переселеніемъ народовъ и распаденіемъ римской имперіи, то она нашла все необходимое для ея образованія и обученія въ древности. Поэтому мы не можемъ даже представить себѣ, съ какимъ уваженіемъ смотрѣли тогда на древній міръ. Буркхардтъ въ своей замѣчательной исторіи Возрожденія превосходно изобразилъ это вліяніе древности:

„Въ нашемъ столѣтіи, говоритъ онъ [1]), достаточно громко раздаются похвалы образованію вообще и древнему въ особенности. Но такого восторженнаго отношенія, такого убѣжденія въ томъ, что эта потребность есть первая изъ всѣхъ, мы все-таки не найдемъ ни у кого, какъ у флорентинцевъ XV-го и начала XVI-го вѣка. Относительно этого есть косвенныя доказательства, устраняющія всякое сомнѣніе: такъ часто не допускали бы дочерей къ участію въ наукахъ, если бы послѣднія не считали науку первымъ благомъ земной

[1]) *Die Cultur der Renaissance in Italien.* Ein Versuch von J. Burckhardt, S. 170 и слѣд.

жизни. Не было людей, которые бы позволяли себѣ въ другихъ отношеніяхъ все, и сохранили бы охоту и силы для критической обработки естественной исторіи Плинія, какъ Филиппо Строцци. Мы не хотимъ этими указаніями высказать похвалу или осужденіе, но только указать на духъ времени въ самыхъ яркихъ его особенностяхъ. XV-е столѣтіе было періодомъ *многостороннихъ людей*. Флорентинскій купецъ и государственный человѣкъ былъ зачастую вмѣстѣ съ тѣмъ знатокъ обоихъ древнихъ языковъ; вмѣстѣ съ своими сыновьями и дочерями онъ занимался главнѣйшими вопросами гуманистовъ, политикою и этикою Аристотеля. Филологическія познанія гуманистовъ были не объективнымъ изученіемъ классической древности, но получали логическое примѣненіе къ дѣйствительной жизни. Папы и правители того времени были такъ неустрашимы въ проведеніи своихъ идей относительно образованія, что это должно было импонировать. Еще Левъ X-й въ привилегіи на печатаніе (только-что вновь открытаго тогда) Тацита говоритъ, что великіе авторы даютъ норму для жизни и служатъ утѣшеніемъ въ несчастіи. Изъ свѣтскихъ князей XV-го столѣтія былъ, повидимому, наиболѣе увлеченъ древностію Альфонсъ Великій, король Неаполитанскій. Онъ, какъ кажется, былъ при этомъ совершенно наивенъ, и античный міръ въ своихъ памятникахъ и сочиненіяхъ произвелъ на него громадное, подавляющее впечатлѣніе, сохранившееся на всю его жизнь. Онъ съ необыкновенною легкостію оставилъ свою Аррагонію вмѣстѣ съ сосѣдними странами и посвятилъ себя вполнѣ новымъ владѣніямъ. У него на службѣ были отчасти одновременно, отчасти одинъ за другимъ Георгъ Трапезунтскій, молодой Хризоборасъ, Лоренцо Валла, Бартоломео Фаччіо и Антоніо Панормита, которые были его историками. Послѣдній изъ названныхъ ученыхъ долженъ былъ ежедневно объяснять ему и его двору Тита Ливія, даже во время походовъ въ лагерѣ. Эти люди стоили ему ежегодно 50,000 золотыхъ гульденовъ; Фаччіо за его „*Historia Alfonsi*“ онъ подарилъ, кромѣ 500 дукатовъ ежегоднаго жалованья, еще по окончаніи работы 1,500 золотыхъ гульденовъ, сказавши при этомъ: „Никогда не удастся заплатить вамъ, что̀ слѣдуетъ, потому что ваше сочиненіе неоцѣненно, даже и въ томъ случаѣ, если бы я подарилъ вамъ мои лучшіе города, но со временемъ я постараюсь вознаградить васъ по возможности“.

Все это можно пожалуй назвать модой, подобно тому, какъ впослѣдствіи была мода разводить тюльпаны. Но возстановленіе древности имѣло матеріальную причину. Древность во всѣхъ отношеніяхъ обладала бо́льшими познаніями, чѣмъ вышедшіе изъ варварства средніе вѣка, и поэтому вновь открытыя сочиненія по всѣмъ

наукамъ, на основаніи которыхъ новѣйшіе начали дальнѣйшую разработку вмѣсто того, чтобы начинать сначала. Это ослѣпило современниковъ и они совершенно серьёзно приняли за правду, что сказалъ Горацій въ своей тонкой аллегоріи, будто уже Гомеръ заключаетъ въ себѣ сумму всѣхъ искусствъ и наукъ.

Всѣ спеціальныя науки, которыя были уже развиты въ средніе вѣка, считаютъ своей новой эрой то время. Но гораздо важнѣе была древность для нѣкоторыхъ великихъ склонностей Италіи и особенно того времени: красоты рѣчей и красоты слога. Для этого древность служила образцомъ, и республики также, какъ папы и князья, не могли обойтись безъ гуманически образованныхъ секретарей для своей переписки и публичныхъ рѣчей. Такимъ образомъ, великіе ученые XV-го столѣтія преимущественно бо́льшую часть своей жизни служили государству на этомъ поприщѣ. Уже Николай V-й и Пій II-й все болѣе и болѣе привлекали въ свои канцеляріи лучшія силы. По гордому выраженію одного изъ этихъ секретарей канцеляріи, эти собранія поэтовъ и ораторовъ придавали папской куріи столько же блеска, сколько получали отъ нея, а въ другомъ мѣстѣ объ этомъ говорится такъ: „апостолическіе секретари держатъ въ своихъ рукахъ важнѣйшія дѣла міра, потому что кто же иной, какъ не они пишутъ и даютъ рѣшенія относительно важнѣйшихъ вопросовъ католической вѣры, уничтоженія ересей, возстановленія мира и посредничества между важнѣйшими государствами? Кто какъ не они составляютъ статистическіе обзоры всего христіанскаго міра? Они повергаютъ въ изумленіе королей, князей и народы всѣмъ тѣмъ, что̀ исходитъ отъ папъ; они составляютъ приказы и инструкціи для легатовъ; они получаютъ приказанія только отъ папъ, и имѣютъ доступъ къ нимъ во всякое время дня и ночи“. Можно себѣ представить, съ какимъ прилежаніемъ изучались тогда сочиненія Цицерона, Плинія и другихъ. Уже въ XV-мъ столѣтіи появился цѣлый рядъ руководствъ къ составленію латинскихъ писемъ, какъ побочное дѣло для большихъ грамматическихъ и лексикографическихъ работъ, масса которыхъ въ библіотекахъ еще и теперь повергаетъ въ изумленіе. Въ то время у народа, который считалъ лучшимъ наслажденіемъ удовлетвореніе слуха, еще блестящѣе должно быть положеніе ораторовъ, тѣмъ болѣе, что фантастическая картина римскаго сената и его ораторовъ господствовала надъ всѣми умами. Красноречіе, имѣвшее въ средніе вѣка убѣжище въ церкви, совершенно эманципировалось отъ нея; оно составляло необходимый элементъ и украшеніе возвышеннаго существованія. Всѣ праздничные часы, занятые теперь музыкой, посвящались тогда латинскимъ (а отчасти и итальянскимъ) рѣчамъ, и люди пользовались всѣми воз-

можными случаями для произнесенія рѣчей. Недаромъ посланники одного государства къ другому назывались *oratores:* кромѣ тайныхъ порученій, они должны были произносить краснорѣчивыя публичныя рѣчи при возможно пышной обстановкѣ. Ученые князья, сильные въ краснорѣчіи, весьма охотно сами произносили рѣчи. Такимъ образомъ, князья при каждой торжественной встрѣчѣ выслушивали рѣчи цѣлыми часами. Поэтому латинскій языкъ сдѣлался не только языкомъ ученыхъ, но употреблялся обыкновенно и во всѣхъ итальянскихъ провинціяхъ. Дѣло дошло до того, что латинскій языкъ едва не сдѣлался господствующимъ въ Италіи. Гуманисты думали, что онъ можетъ и долженъ остаться единственнымъ письменнымъ языкомъ. Поджіо удивлялся тому, что Дантъ написалъ свое великое произведеніе по-итальянски; извѣстно также, что самъ Дантъ пытался писать его на латинскомъ языкѣ и начало „Ада“ написалъ гекзаметрами. Петрарка придавалъ бо́льшее значеніе своимъ слабымъ латинскимъ стихотвореніямъ, чѣмъ своимъ сонетамъ и канцонамъ, и требованіе отъ поэтовъ, чтобы они писали по-латыни, удержалось до Аріоста.

Господство гуманистовъ въ Италіи продолжалось однако не много времени. Послѣ того какъ многія блестящія генераціи поэтовъ-филологовъ съ начала XIV-го столѣтія ввели въ Италію и весь міръ культъ древности, и метода образованія и воспитанія была существенно утверждена ими; послѣ того, какъ они часто имѣли вліяніе на государственныя дѣла и по мѣрѣ силъ воспроизводили античную литературу въ началѣ XVI-го столѣтія, весь классъ этихъ людей потерялъ всякое довѣріе, въ то время какъ безъ ихъ ученія и ихъ знанія не могли и не желали обойтись.

Это можно отчасти поставить имъ въ вину, отчасти приписать перемѣнѣ условій. Описанная выше культура превосходно выражается двумя словами вышеупомянутаго автора; причина, вслѣдствіе которой пало господство древняго міра, заключалась въ томъ, что положеніе новаго міра относительно его сдѣлалось независимымъ. Это онъ называетъ *открытіемъ міра и людей.*

Крестовые походы впервые открыли европейцамъ далекія страны и возбудили страсть къ приключеніямъ. Итальянцы стояли во главѣ этого движенія, наполняя своими товарами гавани Средиземнаго моря. Вскорѣ послѣ того открыты были новыя страны и всѣ увидѣли, что земля не такъ велика, какъ думали. Съ развитіемъ путешествій шла рука объ руку обработка географіи. Пытливый умъ все болѣе и болѣе обращался къ естественнымъ наукамъ, и въ другихъ отношеніяхъ все болѣе и болѣе приближался къ природѣ. Италія была первая страна, гдѣ была сознана *ландшафтная красота,* играю-

щая такую роль въ современной жизни, искусствѣ и поэзіи, тогда какъ въ древности она имѣла второстепенное значеніе. Природа конечно всегда производила впечатлѣніе на людей, но только въ новѣйшее время сознали всю прелесть ландшафта. Ясныя доказательства глубокаго дѣйствія ландшафтной красоты начинаются съ Данта, но въ смыслѣ настоящаго времени достигаютъ полнаго развитія только у Петрарки.

Цвѣтущее время возрожденія въ Италіи прошло; оно распространило своимъ вліяніемъ только слабый свѣтъ въ другихъ странахъ Европы. Затѣмъ наступилъ періодъ, во время котораго филологи пользовались классическою древностію, подобно тому какъ варвары пользовались развалинами Рима, — выжигая изъ драгоцѣннаго мрамора известь; они пользовались древними языками только въ томъ отношеніи, что извлекали изъ нихъ драгоцѣннѣйшія грамматическія особенности. О содержаніи сочиненія не было и рѣчи, и Лессингъ весьма удачно выразился объ этихъ филологахъ въ слѣдующихъ словахъ:

Ich singe nicht für kleine Knaben,
Die voller Stolz zur Schule geh'n
Und den Ovid in Händen haben,
Den ihre Lehrer nicht versteh'n [1]).

Эти филологи, несмотря на собственную темноту, смотрѣли съ презрѣніемъ на другіе факультеты, почти также какъ теперь защитники классическаго образованія смотрятъ на преобладаніе реальнаго образованія. Бёкъ, превосходный ученый, обладавшій въ полномъ смыслѣ слова классическимъ образованіемъ, уже 50 лѣтъ тому назадъ высказывалъ этимъ филологамъ горькую истину въ рѣчи, которая нисколько не потеряла бы, если бы произнесена была по-нѣмецки [2]).

Надѣюсь, что читатели не сочтутъ сдѣланнаго мною отступленія слишкомъ длиннымъ и вовсе неинтереснымъ. Я могу обратиться теперь къ настоящему предмету моего письма. Вслѣдствіе вышеупомянутаго возбужденія вопроса, въ послѣднюю сессію прусскаго ландтага новый министръ народнаго просвѣщенія д-ръ Фалькъ созвалъ конференцію изъ педагоговъ и членовъ ландтага, съ цѣлью обсужденія вопроса объ организаціи высшихъ школъ. Между прочимъ въ эту конференцію призваны были провинціальные школьные совѣтники *(provinzial Schulrath)* Гандтеръ и Кликсъ изъ Берлина, Шрадеръ изъ Кёнигсберга, государственный совѣтникъ по учебной части (*Staatsschulrath*)

[1]) Я пою не для дѣтей, идущихъ съ гордостью въ школы, держа въ рукахъ Овидія, котораго не понимаютъ ихъ учителя.

[2]) Aug. Boeckhii Oratio de antiquarum literarum disciplina.

Гофманнъ изъ Берлина, директоры реальныхъ школъ и гимназій: Галленкампфъ, Кернъ, Остендорфъ, Фриче, Крузе, Бонитцъ и Іегеръ; члены палаты депутатовъ: д-ра Рейхеншпергеръ, Луціусъ, Леве, Пауръ и Теховъ. Предсѣдательствовалъ самъ министръ; младшій государственный секретарь министерства народнаго просвѣщенія Сидовъ, директоръ этого министерства Грейфъ, и многіе совѣтники отдѣленія народнаго просвѣщенія (министерство имѣетъ два отдѣленія: народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ) явились въ засѣданіе; докладчикомъ былъ тайный совѣтникъ Визе, который знакомъ вашимъ читателямъ по цитатамъ и ссылкамъ вашего журнала, человѣкъ пригодный для всякой системы, и державшійся при ханжѣ Раумерѣ, также какъ онъ держится и при свободномыслящемъ Фалькѣ.

Собранію была представлена докладная записка, содержащая цѣлый рядъ положеній, которыя должны были обсуждаться собраніемъ, а именно:

1. Вслѣдствіе постепеннаго развитія высшаго обученія въ Пруссіи въ настоящее время существуютъ различныя по программѣ и обширности курсовъ категоріи школъ: гимназіи, прогимназіи, реальныя школы 1 и 2-го разряда, высшія бюргерскія школы съ латинскимъ языкомъ и безъ него.

Большое число этихъ заведеній соединено съ предварительными элементарными школами.

a) Можно ли уничтожить нѣкоторыя изъ этихъ категорій, или цѣлесообразнѣе, чтобы онѣ всѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями въ программахъ и названіяхъ, существовали совмѣстно?

b) Считать ли необходимостью особенное положеніе реальныхъ школъ между гимназіями и специальными техническими заведеніями? Или, въ виду народныхъ интересовъ, слѣдуетъ ввести большее однообразіе въ систему образованія, уничтожить существующее теперь раздѣленіе высшаго обученія на гимназическое и реальное, и соединить оба направленія въ однихъ и тѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ?

c) Сохранить ли также, какъ общія элементарныя и народныя школы, заведенія приготовительныя для реальныхъ школъ и гимназій и вновь учреждать подобныя заведенія не дозволять?

d) Удовлетворительна ли комбинація гимназическихъ и реальныхъ классовъ, по такъ-называемой бифуркаціонной системѣ?

2. Какія измѣненія желательны въ программѣ реальныхъ и высшихъ бюргерскихъ школъ, судя по опыту, со времени примѣненія закона объ обученіи и экзаменахъ 6-го октября 1859 г.?

3. Нужно ли измѣненіе въ существующихъ постановленіяхъ от-

носительно допущенія учениковъ реальныхъ школъ къ университетскому образованію?

4. Какія измѣненія могутъ быть признаны необходимыми въ теперешней организаціи гимназій, относительно учебныхъ предметовъ, назначаемаго для нихъ числа часовъ въ недѣлю и относительно того, какіе предметы начинать въ различныхъ классахъ?

5. Преподаваніе религіи:

a) Необходимы ли измѣненія существующихъ общихъ постановленій относительно положенія этого предмета въ программѣ, и самихъ учителей, ихъ образованія, назначенія и надзора за ними, и если нужны, то какія именно?

b) Въ какой степени необходимо обращать вниманіе на меньшинство учениковъ другого вѣроисповѣданія въ одномъ и томъ же заведеніи, если настоящія условія обученія останутся тѣ же?

6. Если необходимо заботиться о религіозномъ обученіи въ высшихъ школахъ, то необходимо ли кромѣ того оставлять или учреждать такія учрежденія, гдѣ оно представляетъ конфессіональный или церковный характеръ?

7. Въ новѣйшее время слышатся жалобы на высшія школы, что онѣ слишкомъ мало заботятся о развитіи сознанія нѣмецкой національности. Чтó можно прибавить въ этомъ отношеніи къ тому, чтó уже сдѣлано?

8. Съ разныхъ сторонъ указываютъ на то, что слѣдовало бы сдѣлать стенографію обязательнымъ предметомъ въ высшихъ школахъ. Желательно ли введеніе ея?

9. Нужно ли утверждать законнымъ путемъ объемъ школъ, число классовъ и ихъ посѣщенія? Какія постановленія были бы желательны въ этомъ отношеніи?

10. Сохранить ли существующія постановленія относительно возраста для принятія учениковъ и продолжительности курса въ отдѣльныхъ классахъ? Какія измѣненія въ случаѣ необходимости были бы нужны?

11. Сохранить ли установленное въ настоящее время число учебныхъ часовъ, и, въ случаѣ необходимости, увеличить ихъ или уменьшить?

12. Необходимо ли уничтоженіе послѣобѣденнаго преподаванія, и какъ могутъ школы, кромѣ введенія гимнастики, заботиться о цѣлесообразномъ устройствѣ классныхъ комнатъ и т. п., а также о тѣлесномъ здоровьѣ учениковъ болѣе, чѣмъ въ настоящее время?

13. Въ какомъ размѣрѣ должно быть опредѣлено все количество каникулярнаго времени, и какъ согласовать время праздниковъ?

14. При многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно при такихъ, которыя состоятъ въ вѣдѣніи городовъ, находятся особыя попечительства. Опредѣлить ли ихъ права и составъ закономъ? Удобоисполнимо ли учредить при обѣихъ школахъ, содержимыхъ правительствомъ, подобнымъ же образомъ попечительства, въ которыхъ бы могла принимать участіе интересующаяся публика, такъ-называемыя школьныя общины?

15. Должны ли быть распространены дисциплинарныя права школы надъ ввѣренными ей учениками также и на отношенія учениковъ внѣ школы?

16. Можетъ ли быть даровано учителямъ право повышенія (*Ascensionsrecht*), и какимъ образомъ они могутъ пользоваться имъ сообразно съ качествомъ преподаваемыхъ ими предметовъ?

17. Слѣдуетъ ли удержать существующую норму, по которой директоръ высшей школы обязанъ принять на себя еженедѣльно до 16-ти учебныхъ часовъ, старшій учитель до 22-хъ, обыкновенный учитель—до 24-хъ и преподаватели техническихъ и элементарныхъ познаній до 28-ми?

18. Можно ли допустить, чтобы учителя, кромѣ своей обязанности, имѣли постороннія занятія, и подъ какимъ условіемъ?

19. Насколько учителя могутъ замѣнять своихъ товарищей безъ ущерба для дѣла?

Я выписалъ всѣ вопросные пункты, хотя и не всѣ они, по содержанію своему, касаются предмета настоящей статьи, но всѣ имѣютъ весьма важное значеніе для педагоговъ и свидѣтельствуютъ о желаніи министра составить себѣ ясное понятіе о положеніи и нуждахъ современной школы, равно какъ и о желаніи его выслушать мнѣніе объ этомъ предметѣ компетентныхъ и опытныхъ людей, а не однихъ собственныхъ чиновниковъ. Вопросные пункты были распредѣлены по группамъ, и каждая группа обсуждалась отдѣльно. Министръ руководилъ преніями, и всѣ, принимавшіе въ нихъ участіе, свидѣтельствуютъ о безпристрастіи, съ которымъ онъ выполнялъ свою задачу. Мнѣнія *не* пускались на голоса, но формулировались въ видѣ положеній, относительно которыхъ конференція пришла къ соглашенію безъ голосованія.

Обратимся теперь къ частностямъ занятій конференціи.

Первую группу составляетъ пунктъ первый съ его подраздѣленіями, т.-е. самая сущность того вопроса, который насъ интересуетъ.

Докладчикъ представилъ бѣглый историческій очеркъ существующей школьной системы. Онъ началъ со времени эпохи реформаціи, отъ которой ведетъ свое начало современная школьная система въ

Германіи. Школьная система организовалась не случайно, а напротивъ соотвѣтственно нуждамъ и желаніямъ общества. Гимназіи удовлетворяли долгое время, но-мало-по-малу отъ нихъ стали требовать подготовки молодыхъ людей для спеціальнаго научнаго образованія и для бюрократической дѣятельности. Гимназическое образованіе было основано на изученіи языковъ, исторіи и закона божія, къ которымъ была впослѣдствіи присоединена математика. Еще въ прошломъ столѣтіи, и даже раньше, стали находить такое образованіе одностороннимъ: явилась потребность въ познаніи природы; но только въ послѣднее время, вслѣдствіе значительнаго развитія промышленности, стали все настойчивѣе и настойчивѣе требовать болѣе реальныхъ и разностороннихъ знаній. Число предметовъ преподаванія было увеличено, и посредствомъ закона объ обученіи и экзаменахъ 1859 г. сдѣлана была попытка установить систему школьнаго образованія. Были учреждены два рода школъ, съ цѣлію дать болѣе свободы развитію реальныхъ школъ втораго разряда. Поэтому были оставлены высшія бюргерскія школы, а въ реальныхъ школахъ перваго разряда введенъ новый порядокъ, по которому воспитанники, получивши опредѣленную сумму знаній, могли бы выходить изъ школы, не достигая высшихъ классовъ. По мнѣнію многихъ, реальная школа не соотвѣтствуетъ своему коренному назначенію давать образованіе бюргерамъ; каждый ставитъ ей свои требованія, тогда какъ школа должна давать общее образованіе. Это дало поводъ къ разногласіямъ. Одни, признавая удовлетворительными реальныя училища въ ихъ настоящемъ видѣ, требовали только расширенія программы для сравненія съ гимназіями; другіе хотятъ снова придать имъ то значеніе, которое они имѣли при ихъ основаніи, и третьи, наконецъ, находятъ, что реальныя школы только понижаютъ уровень общаго образованія. *Въ сущности тѣ и другія училища представляютъ двѣ вѣтви одного и того же ствола.*

На первомъ планѣ выставленъ былъ вопросъ большой важности: существуетъ ли потребность въ реальныхъ школахъ, какъ въ самостоятельномъ промежуточномъ звенѣ между гимназіями и спеціальными техническими заведеніями, или же слѣдуетъ оба школьныя направленія, гимназическое и реальное, соединить въ одномъ и томъ же заведеніи? Самъ докладчикъ стоялъ за первое предложеніе.

Противъ такого бюрократическаго взгляда, отрицающаго до извѣстной степени всякое преобразованіе, поднялась весьма сильная оппозиція. Я считаю нужнымъ замѣтить, что протоколы конференціи еще не опубликованы и, вѣроятно, еще не скоро появятся въ печати. Всѣ газетныя извѣстія по этому дѣлу исходятъ изъ одного и того же источника: они принадлежатъ перу одного изъ членовъ

конференціи. Перечисленіемъ ихъ заниматься не стóитъ. Насчетъ достовѣрности этихъ свѣдѣній никѣмъ не было выражено сомнѣній, и лично знакомые мнѣ члены конференціи утверждали, что они написаны весьма объективно. Въ протоколахъ не будутъ выставлены имена ораторовъ, а просто переданы результаты совѣщаній, какъ это принято относительно собраній, имѣющихъ частный характеръ.

Рѣчь Визе вызвала большіе споры. Прежде всего въ ней горячо оспаривалось то мнѣніе, что реальныя школы нуждаются въ большемъ развитіи, и отрицалось, чтобы онѣ могли въ этомъ новомъ видѣ удовлетворять желаніямъ бюргерскаго сословія, стремящагося дать своимъ дѣтямъ образованіе, соотвѣтствующее ихъ будущей дѣятельности. Можетъ случиться, что такихъ школъ, въ какихъ нуждается среднее сословіе, совсѣмъ не будетъ, — а между тѣмъ, они-то и составляютъ насущную потребность настоящаго времени, подъ какимъ бы названіемъ онѣ ни существовали. Курсъ наукъ въ нихъ, по окончаніи элементарнаго обученія, долженъ продолжаться шесть лѣтъ (т.-е. отъ 9-ти-лѣтняго возраста до 15-ти-лѣтняго), и въ теченіе этого времени ученикъ долженъ достигать той степени образованія, какая вызывается потребностями бюргерскаго сословія и какая можетъ положить прочное основаніе дальнѣйшему развитію, столь необходимому при самоуправленіи. Цѣли этой вполнѣ удовлетворяетъ изученіе одного новѣйшаго языка, напр., французскаго. Воспитанники, сдавшіе успѣшно экзаменъ въ присутствіи правительственнаго коммиссара, получаютъ право на годичный срокъ отбыванія воинской повинности.

Такія школы учредятся многими городами; нѣкоторые города преобразуютъ въ нихъ свои реальныя школы, такъ что большинство воспитанниковъ, наполняющихъ младшіе и средніе классы реальныхъ школъ, уже ради пріобрѣтенія права на отбываніе воинской повинности въ годичный срокъ, перейдутъ въ эти школы. Въ высшихъ школахъ такимъ образомъ осталось бы меньшинство, стремящееся къ достиженію высшаго научнаго образованія.

Относительно этой стороны вопроса члены конференціи были согласны между собою, и различіе взглядовъ высказалось лишь далѣе. Многіе утверждали, что нельзя легко относиться къ тѣмъ пробѣламъ и той двойственности, какая замѣчается въ народномъ образованіи. Этотъ расколъ въ народномъ образованіи весьма скоро можетъ отразиться въ литературѣ народной, которая поэтому утратитъ свою общепонятность для всѣхъ слоевъ общества. Возвращеніе къ прежней формѣ школы съ уничтоженіемъ реальнаго училища невозможно. Высшія школы должны быть подняты до того уровня, который допускаетъ непосредственный переходъ отъ нихъ къ за-

нятію высшими науками. Такое образованіе достается двумя путями: такъ-называемымъ гуманитарнымъ путемъ (древніе языки) и реальнымъ (математика и естественныя науки). Тотъ, кто избираетъ для спеціальнаго изученія науку, требующую знанія древнихъ языковъ, идетъ въ гимназію; тотъ же, кто для дальнѣйшаго усовершенствованія нуждается въ математикѣ и естественныхъ наукахъ, поступаетъ въ реальную школу, въ которой такимъ образомъ преподаваніе латинскаго языка является совершенною аномаліею. Логическая послѣдовательность допускаетъ поэтому только два рода школъ: гимназію и реальную школу безъ латинскаго языка. Изъ этого ясно, что реальная школа, какъ учебное заведеніе низшаго разряда, ни съ какой стороны не выдерживаетъ критики и не можетъ оправдать своего существованія.

Другіе члены конференціи не раздѣляли такого мнѣнія и требовали, напротивъ, измѣненія программы реальныхъ школъ въ пользу увеличенія въ нихъ числа уроковъ латинскаго языка. По мнѣнію ихъ, латинскій языкъ послужитъ центромъ, вокругъ котораго могутъ группироваться другія науки, и ученикъ будетъ введенъ въ классическій міръ и безъ знанія греческаго языка. Латинскій языкъ призванъ быть связующимъ звеномъ между обоими направленіями высшихъ общеобразовательныхъ школъ.

Въ отвѣтъ на это было заявлено, что хотя въ послѣдніе годы и увеличилось число оканчивающихъ курсъ въ реальныхъ школахъ, тѣмъ не менѣе изъ числа 5—600 учениковъ въ 80-ти реальныхъ школахъ Пруссіи, въ старшій классъ вступаютъ всего 15—16, что служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что реальныя школы не даютъ законченнаго образованія.

Строгіе классики настаиваютъ на необходимости гимназическаго образованія. Если, говорили они, не дать юношеству однообразнаго высшаго образованія, которое оно имѣло прежде, то никогда нельзя будетъ выдти изъ неясности и запутанности настоящаго положенія дѣлъ. Вмѣстѣ съ этимъ разрѣшился бы самъ собою давнишній споръ о томъ, можно ли допускать воспитанниковъ реальныхъ школъ въ университеты.

Наконецъ, были члены конференціи, которые желали по крайней мѣрѣ большаго сближенія обоихъ образовательныхъ направленій, и было сдѣлано примирительное предложеніе, заключавшееся въ томъ, чтобы соединить въ одно учрежденіе реальную школу и гимназію и притомъ такъ, чтобы начиная съ *secunda* являлось раздѣленіе программъ, курсъ же преподаванія въ *prima* былъ характера приготовительнаго для дальнѣйшаго спеціальнаго занятія науками. Такимъ образомъ, на извѣстной точкѣ разойдутся пути съ одной стороны

тѣхъ изъ учениковъ, которые посвящаютъ себя изученію математики, естественныхъ наукъ и новѣйшихъ языковъ, съ другой тѣхъ, которые избрали для спеціальнаго изученія такъ-называемыя гуманныя науки. Нѣкоторые изъ членовъ конференціи выработали программу для подобной двухсторонней школы. Засѣдавшая въ 1849 г. въ Берлинѣ училищная конференція уже рѣшила этотъ вопросъ въ пользу системы такихъ школъ и учредила заведенія, въ которыхъ три первыхъ класса посвящались обыкновеннымъ предметамъ высшихъ школъ; изъ иностранныхъ языковъ въ нихъ преподавался латинскій и французскій; далѣе путь раздваивался. Одни изъ учениковъ поступали въ такъ-называемую высшую гимназію (*Obergymnasium*), другіе въ реальную гимназію. Училища такого рода были въ дѣйствительности учреждены, но общее преподаваніе со временемъ было ограничено однимъ низшимъ классомъ, иногда двумя, потому что въ слѣдующихъ классахъ, въ *quarta*, уже начиналось для учениковъ гимназій преподаваніе греческаго языка.

Въ конференціи господствовало собственно согласіе въ томъ, что въ сущности могутъ быть лишь три вида высшихъ училищъ: гимназіи, съ измѣненіемъ учебной программы согласно требованіямъ новѣйшей культуры, реальныя школы, безъ латинскаго языка, и среднія учебныя заведенія съ однимъ иностраннымъ языкомъ, а именно французскимъ. Было однако признано возможнымъ, что нѣкоторыя мѣстныя условія, въ особенности въ мелкихъ городахъ, вызовутъ необходимость устройства школъ, соединяющихъ въ себѣ гимназію и реальную школу, или представляющее нѣчто среднее между ними. Изъ двухъ предложенныхъ въ конференціи проектовъ, одинъ говорилъ о раздѣленіи учебныхъ путей начиная съ *secunda*, другой съ *tertia*, т.-е. съ началомъ преподаванія греческаго языка. Второй проектъ встрѣтилъ больше сочувствія, но все же представились нѣкоторыя затрудненія; было выражено опасеніе относительно того, возможно ли будетъ поручать вѣдѣнію одного директора два столь различныя заведенія. Словомъ, проектъ былъ признанъ неудобовыполнимымъ. Особенно жарки были пренія о преподаваніи латинскаго языка въ реальныхъ школахъ; вопросъ этотъ собственно и составлялъ главный предметъ споровъ. Во время преній настаивалось особенно на томъ, чтобы было окончательно выяснено, представляетъ ли латинскій языкъ для реальныхъ школъ необходимый элементъ для образованія, или нѣтъ. Если да, то не можетъ быть и рѣчи объ уничтоженіи преподаванія латинскаго языка; если нѣтъ, то сохранить его можно только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ или другихъ какихъ-либо условій. Сдѣлавъ латинскій языкъ второстепеннымъ предметомъ преподаванія, онъ утратитъ свое влія-

ніе на общее образованіе, а оно и должно составлять цѣль реальной школы.

Какъ только со стороны учебнаго управленія не будетъ препятствій къ исключенію латинскаго языка изъ предметовъ преподаванія, надо ожидать, что онъ будетъ исключенъ изъ большинства, если не изъ всѣхъ заведеній, потому что уже теперь многіе родители, ученики и общинныя управленія считаютъ преподаваніе латинскаго языка излишнимъ.

Съ этимъ однако не всѣ согласны. Въ большихъ и торговыхъ городахъ не желаютъ изгнанія латинскаго языка изъ реальныхъ школъ; многіе директора высказались за преподаваніе латыни, и нельзя не согласиться съ тѣмъ, что она значительно облегчаетъ изученіе новыхъ языковъ.

Съ другой стороны приводилось, что въ послѣднее время часто, даже въ большихъ торговыхъ городахъ и центрахъ промышленной жизни, реальныя школы преобразовывались въ гимназіи. Этотъ фактъ несомнѣнно доказываетъ, что какъ мѣстныя училищныя управленія, такъ и родители сознаютъ неудовлетворительность существующей формы реальныхъ школъ, и что только школы безъ латинскаго языка, подготовляющія слушателей въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, будутъ прочны, всѣ же остальныя мало-по-малу будутъ преобразованы въ гимназіи.

Это мнѣніе, по мѣрѣ выясненія предмета во время преній, мало-по-малу сдѣлалось мнѣніемъ большинства. Референтъ со стороны министерства просвѣщенія хотя и высказался противъ него и предложилъ сохранить латынь, но сдѣлалъ весьма существенную и неожиданную уступку, заявивъ, что латынь должна быть сохранена въ реальныхъ школахъ, какъ предметъ необязательный. Онъ согласился съ тѣмъ, что слѣдуетъ предоставить городамъ имѣть реальныя школы съ латинскимъ языкомъ, или же безъ него, по ихъ желанію.

Относительно приготовительныхъ школъ, соединенныхъ весьма часто съ гимназіями и реальными школами, было не трудно столковаться. Такія приготовительныя школы возникли вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ многихъ родителей, не желавшихъ посылать своихъ дѣтей въ низшіе классы народныхъ школъ, которые бываютъ обыкновенно переполнены. Всего въ 30 или 40 лѣтъ своего существованія они быстро распространились, и въ настоящее время при 435 среднихъ учебныхъ заведеніяхъ ихъ насчитывается до 200.

Я полагаю, что достаточно точно изложилъ пренія по первому главному отдѣлу доклада. Голосованія не производилось, но результатъ совѣщаній можетъ быть резюмированъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Общее образованіе, необходимое для дальнѣйшихъ научныхъ работъ, получается одинаково въ гимназіяхъ и реальныхъ школахъ. Гимназіи и реальныя школы имѣютъ одинаковую продолжительность курса; гимназія достигаетъ своей цѣли посредствомъ языковъ и литературы классической древности; реальная школа—посредствомъ математики и естественныхъ наукъ. Французскій и англійскій языки составляютъ предметы преподаванія существенной важности въ реальной школѣ, латинскій языкъ не входитъ въ ея учебную программу.

2) Высшее образованіе для бюргеровъ пріобрѣтается въ среднихъ или бюргерскихъ школахъ. Эти школы имѣютъ шестилѣтній курсъ; въ нихъ принимаются дѣти, начиная съ 9-лѣтняго возраста, съ элементарными познаніями, преподается одинъ иностранный языкъ (обыкновенно французскій), и образованіе, получаемое въ нихъ, вполнѣ законченное.

3) Эти чистыя формы для высшихъ школъ могутъ быть установлены только посредствомъ законоположенія; по желанію общинъ, учебное управленіе можетъ разрѣшать низшія и смѣшанныя формы.

4) Низшія спеціальныя школы составляютъ существенную потребность; но онѣ не могутъ одновременно выполнять задачу среднихъ школъ или подготовлять для научныхъ занятій.

Перехожу ко второму отдѣлу доклада (пункта 2—4).

Относительно гимназій не трудно было придти къ соглашенію. Гимназіи признаны приготовительными школами для всѣхъ факультетовъ университета, а также и для всѣхъ высшихъ спеціальныхъ заведеній. Указано было на одинъ недостатокъ, а именно, что естественныя науки допущены въ *sexta* и *quinta* условно, если найдется соотвѣтствующій преподаватель; въ *quarta* опущены совсѣмъ, и только въ *tertia* назначено 2 урока по естественной исторіи, а также что физика начинается только съ *secunda*, и то разъ въ недѣлю. Нѣтъ сомнѣнія, что естественныя науки должны входить въ гимназическій курсъ, а потому на нихъ должно быть удѣлено достаточное число уроковъ. Число уроковъ математики должно быть усилено. Французскій же языкъ долженъ начинаться не съ *quinta*, а съ *tertia* и ученикъ, посредствомъ двухъ уроковъ, долженъ достигнуть свободнаго пониманія легкихъ французскихъ писателей.

При распредѣленіи лекцій въ реальныхъ школахъ бой снова возгорѣлся; понятно, что мнѣнія тѣхъ, кто былъ за латынь въ реальныхъ школахъ, и тѣхъ, кто латыни не желалъ, совершенно расходились при вопросѣ о распредѣленіи занятій. Всѣ однако были согласны въ томъ, что до сихъ поръ учебный матеріалъ реальныхъ школъ былъ слишкомъ обширенъ и что его слѣдуетъ сократить. Одинъ изъ членовъ конференціи предложилъ программу, которая

имѣла большой успѣхъ. По этой программѣ число уроковъ французскаго языка въ *sexta*, *quinta* и *quarta* назначено 8, въ *tertia* 6, въ *secunda* 5 и въ *prima* 4; англійскій языкъ начинается съ *tertia*, математикѣ отводится во всѣхъ классахъ по шести уроковъ; естественнымъ наукамъ въ двухъ низшихъ классахъ по два урока, въ двухъ среднихъ по 3 и 4, въ двухъ высшихъ по 6 и 8; рисованію въ четырехъ низшихъ по 2, въ двухъ высшихъ по 3 урока. Въ этой программѣ необходимо было уменьшеніе числа уроковъ французскаго языка съ 8 до 4, а также найдено несообразнымъ, что общее число уроковъ въ *prima* по всѣмъ языкамъ только 10, а по естественнымъ наукамъ 14. Тѣмъ не менѣе всѣ признали, что легко будетъ согласиться относительно подробностей этой программы, если только она въ цѣломъ будетъ принята.

Вопросъ о томъ, нуждаются ли въ измѣненіяхъ нынѣ дѣйствующія постановленія относительно допущенія окончившихъ курсъ въ реальныхъ щколахъ въ университеты, вызвалъ продолжительные споры. Для тѣхъ,—и они составляли большинство,—которые желали исключенія на будущее время латыни изъ программы реальныхъ школъ, не было сомнѣнія, что нельзя идти далѣе министерскаго предписанія отъ 7 декабря 1870 года, которымъ былъ открытъ доступъ для окончившихъ курсъ въ реальныхъ школахъ на философскій факультетъ, для изученія математики, естественныхъ наукъ и новыхъ языковъ. Они высказались въ этомъ смыслѣ, причемъ нѣкоторыми было замѣчено, что несправедливо, допустивъ разъ въ университеты окончившихъ курсъ въ реальныхъ школахъ, дѣлать впослѣдствіи относительно ихъ нѣкоторыя ограниченія. Въ упомянутомъ министерскомъ предписаніи значится именно, что при назначеніи молодыхъ учителей, удовлетворившихъ испытанію *pro facultate docendi* изъ новыхъ языковъ, при всѣхъ равныхъ условіяхъ, слѣдуетъ отдавать предпочтеніе получившему гимназическое образованіе. Это постановленіе признано неудовлетворительнымъ. Если оно опиралось на томъ соображеніи, что обучавшіеся древнимъ языкамъ глубже и полнѣе могутъ владѣть новыми, то при этомъ не было принято во вниманіе, что этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только экзаменаторами, а ни въ какомъ случаѣ не администраціей.

Иначе отнеслись къ вопросу о допущеніи въ университеты окончившихъ курсъ въ реальныхъ школахъ приверженцы латыни. Они нападали на извѣстныя мнѣнія объ этомъ предметѣ факультетовъ на томъ основаніи, что университетскіе профессора до сихъ поръ не имѣли случая убѣдиться, на собственномъ опытѣ, въ успѣхахъ подобныхъ молодыхъ людей. Они приводили, кромѣ того, отчеты провинціальныхъ учебныхъ коллегій и экзаменаціонныхъ коммиссій,

которыхъ мнѣніе по этому предмету было спрошено министерствомъ и которые единогласно высказались противъ расширенія правъ, дарованныхъ предписаніемъ министерства отъ 7 декабря 1870 года; члены этихъ управленій сами прошли черезъ гимназіи, а потому понятно ихъ пристрастіе къ нимъ; равная степень умственной зрѣлости какъ окончившихъ курсъ въ гимназіи, такъ и въ реальной школѣ неоспорима, хотя бы развитіе тѣхъ и другихъ было достигнуто съ помощью различнаго учебнаго матеріала.

Сторонники реальныхъ школъ не настаивали только на допущеніи учениковъ школъ къ изученію теологіи; но нѣкоторые шли дальше и требовали неограниченнаго доступа окончившимъ курсъ во всѣ высшія общеобразовательныя заведенія на всѣ факультеты. Высшее учебное заведеніе есть такое, которое подготовляетъ своихъ учениковъ для научныхъ занятій. Если такое заведеніе имѣетъ право выдавать по экзамену аттестаты зрѣлости, то такой аттестатъ долженъ открывать владѣльцу его дорогу во всѣ высшія какъ научныя, такъ и техническія заведенія. При этомъ возможны, правда, случаи, что кто-нибудь изберетъ спеціальность, для которой онъ недостаточно подготовленъ. Но подобная возможность не исключается и при существующихъ условіяхъ. Большинство членовъ конференціи не согласилось съ этимъ взглядомъ, и результатъ совѣщанія по этому отдѣлу можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ:

1) Существующую учебную программу гимназій сохранить; желательны только нѣкоторыя измѣненія въ ней относительно французскаго языка и естественныхъ наукъ.

2) Въ учебную программу реальныхъ школъ ввести французскій и англійскій языки, предоставивъ отдѣльнымъ школамъ бо́льшую свободу въ распредѣленіи занятій этими языками, сообразуясь съ мѣстными условіями и потребностями.

3) Допущеніе окончившихъ курсъ въ гимназіи на всѣ факультеты и во всѣ высшія техническія спеціальныя школы, безъ всякаго ограниченія; допущеніе учениковъ реальныхъ школъ, получившихъ аттестатъ зрѣлости, на философскій факультетъ, безъ всякаго дальнѣйшаго ограниченія.

Вотъ результаты совѣщаній конференціи относительно предмета, который насъ занимаетъ. Если принять въ соображеніе, что бо́льшая часть изъ членовъ конференціи были приверженцы классическаго образованія, то нельзя не признать, что у насъ сдѣланъ громадный шагъ впередъ въ пользу реальнаго образованія, и что рано или поздно придется уступить требованіямъ современнаго общества. Это и выра-

зится въ *учебномъ законѣ*, для котораго октябрьская конференція должна послужить подготовкой. Характеръ и энергія Фалька даютъ право ожидать, что онъ проведетъ этотъ законъ, остававшійся въ теченіи 25-ти лѣтъ пустымъ словомъ въ нашей конституціи.

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

Ноябрь, 1873.

Кабинетъ Гладстона и вступленіе въ министерство Джона Брайта.

Хотя Англія въ данный моментъ и не сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе Европы, тѣмъ не менѣе мѣсто ея въ общемъ европейскомъ строѣ осталось за ней. Кипучая дѣятельность и богатство англійскаго народа будутъ всегда достойны глубокаго изученія и наблюденія для серьёзныхъ людей всѣхъ странъ. Впрочемъ, къ концу настоящаго года и въ ея политическомъ организмѣ закипѣла жизнь съ новою силой.

Временный застой въ политической жизни Англіи былъ, впрочемъ, весьма естественнымъ явленіемъ. Вотъ уже пять лѣтъ, какъ м-ръ Гладстонъ находится во главѣ управленія, а каковы бы ни были способности государственнаго человѣка, такой срокъ для Англіи слишкомъ продолжителенъ. По весьма различнымъ причинамъ, министерство казалось близкимъ къ паденію среди общаго къ нему равнодушія.

Но вотъ внезапно пробѣжала гальваническая искра и произошло оживленіе тамъ, гдѣ консерваторы произносили уже *caput mortuum*. Этотъ послѣдній моментъ мы и выбираемъ для нашего ретроспективнаго обзора политики кабинета Гладстона.

Дѣло разгорѣлось по поводу выборовъ члена парламента отъ города Бата, и первый толчокъ къ тому былъ данъ великимъ вождемъ торизма—Дизраэли. Дизраэли слишкомъ увлекся—и проигралъ дѣло. Его письмо, адресованное къ „*dear Grey*“, и напечатанное наканунѣ выборовъ, не осталось, конечно, безъ вліянія на результатъ выборовъ, который былъ побѣдой либеральнаго кандидата, чего не случалось въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. „Уже пять лѣтъ,—писалъ онъ 3-го октября,—какъ министры истощаютъ всѣ отрасли промышленности, затрудняютъ всѣ профессіи, гнетутъ всѣ классы, угрожаютъ собственности во всѣхъ ея видахъ... называя это политикой

и гордясь ею: но страна, полагаю, рѣшилась положить конецъ всему этому грабежу и неурядицѣ (*blundering and plundering*)".

Нѣсколько дней спустя, въ органѣ консерваторовъ *Quarterly Review* явилась другая задорная статья, вышедшая изъ-подъ пера оратора, руководящаго борьбой въ верхней палатѣ — маркиза Салисбюри. „Настали времена, восклицаетъ благородный лордъ, когда хищничества знаменитаго корсара (т.-е. министерства Гладстона) распространили повсюду разореніе и ужасъ". Вслѣдъ за этимъ послѣдовала вторая побѣда либеральнаго кандидата въ Таунтонѣ. И въ довершеніе, въ теченіи той же недѣли знаменитый агитаторъ и радикалъ Джонъ Брайтъ вступилъ вновь въ министерство.

Итакъ, борьба завязалась. Наступилъ моментъ, наиболѣе удобный для оцѣнки дѣятельности министерства Гладстона, провѣрки его заслугъ, побѣдъ и пораженій, а также и для выясненія въ истинномъ свѣтѣ твердости или шаткости его союзниковъ и тактики его противниковъ. Обзоръ дѣятельности кабинета Гладстона послужитъ намъ въ то же время какъ-бы введеніемъ къ періодическимъ обзорамъ политическаго положенія государства и состоянія англійскаго общества.

Въ 1868 году 3-го апрѣля послѣдовало пораженіе партіи тори въ лицѣ Дизраэли, по вопросу объ упраздненіи (*disestablishment*) ирландской церкви. Три мѣсяца послѣ этого, былъ закрытъ седьмой парламентъ королевы Викторіи, послѣдній въ ряду парламентовъ, составленныхъ на основаніи „билля о реформѣ" (Reform bill) 1832 г. Въ предшествовавшемъ году консерваторы были вынуждены завершить дѣло, начатое либералами и даровать новую парламентскую реформу, которая основываетъ избирательную систему на такъ-называемомъ *„домонанимательскомъ правѣ"* (*Household suffrage*). Всякій *наниматель* дома (*householder*) получаетъ право голоса, а также и жилецъ, нанимающій квартиру извѣстной стоимости, впрочемъ весьма не высокой, пріобрѣтаетъ то же право. Не вдаваясь въ подробности этого закона приведу только одинъ примѣръ: въ Ноттингэмѣ, который имѣетъ 80 тысячъ жителей, насчитывается около 13 тыс. избирателей, изъ которыхъ *по крайней мѣрѣ половина* состоитъ изъ ремесленниковъ и рабочихъ.

Парламентъ, собравшійся 10-го декабря 1868 года, при первомъ министрѣ Гладстонѣ, отличался дотолѣ неслыханнымъ либерализмомъ и стремленіемъ къ реформамъ. Первый министръ имѣлъ за собой большинство ста голосовъ,—фактъ неслыханный въ лѣтописяхъ англійскаго парламента.

Въ самомъ началѣ прошли пять важныхъ мѣръ. Успѣхъ Гладстона, какъ справедливо замѣтили ему два года тому назадъ край-

ніе либералы [1]), былъ предрѣшенъ избирателями, выразившими свою волю такимъ блестящимъ большинствомъ. Хотя эти мѣры уже утверждены теперь законодательнымъ путемъ, но не перестаютъ быть предметомъ преній и рѣчей. Они состоятъ въ слѣдующемъ:

1) *Упраздненіе* (*disestablishment*) *ирландской церкви*, приведенныхъ въ исполненіе 26-го іюля 1869 года. Консерваторы можетъ быть и примились бы съ этой мѣрой, но, какъ говорилъ недавно Брайтъ, „еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ считалось совершенно невозможнымъ уничтоженіе признанной церкви: теперь же стало очевидно, что это не только возможно, но и легко, и что религія можетъ процвѣтать безъ оффиціальной поддержки и безъ покровительства государства“.

2) *Аграрная реформа* въ Ирландіи (*Irish land act*), утвержденная голосованіемъ августа 1-го 1870 года. Полный историческій очеркъ этой реформы здѣсь невозможенъ; онъ подробно изложенъ въ замѣчательной брошюрѣ Стюарта Милля (*Irish land question*). Эта мѣра превосходна во всѣхъ отношеніяхъ; она устанавливаетъ защиту въ лицѣ государства для фермера и хлѣбопашца противъ землевладѣльца, и даетъ первымъ нѣкоторыя права на обработываемую ими землю.

Замѣтимъ кстати, что Англія относительно вопроса о поземельной собственности одна изъ самыхъ отсталыхъ странъ, и новый аграрный законъ Ирландіи есть только нерѣшительный шагъ впередъ по тому пути, на который Россія такъ смѣло вступила нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

3) Организація *системы національнаго образованія*. Такова по крайней мѣрѣ цѣль *закона объ элементарномъ образованіи* (*Elementary education act*), утвержденнаго въ томъ же 1870 году и не удовлетворившаго никого, ни радикаловъ, ни консерваторовъ, ни господствующую церковь, ни диссидентовъ. Если въ сводѣ англійскаго законодательства есть много сбивчивыхъ постановленій, то этотъ законъ по преимуществу можетъ служить яркимъ представителемъ двоедушія и двусмысленности: вызванный требованіями диссидентовъ и свободныхъ мыслителей, поддержанный и переработанный вигами, исправленный консерваторами и переисправленный англиканами, онъ явился на свѣтъ безобразнымъ выродкомъ, котораго никто не хочетъ признавать, въ томъ числѣ и законные его родители: м-ръ Брайтъ уже намекаетъ на его близкое преобразованіе, по иниціативѣ министерства. Скоро я буду имѣть случай возвратиться къ этому предмету: реформа касается всей системы общественнаго образованія, и въ бу-

---

[1]) См. превосходную статью м-ра Фаусета, члена парламента, въ *Fortnightly Review*, за ноябрь 1871 года.

дущемъ мѣсяцѣ этотъ вопросъ неизбѣжно снова поднимется при избраніи совѣта (*School Board*), для завѣдыванія лондонскими школами.

4) Уничтоженіе *покупки чиновъ по арміи (purchase in the army)*, постановленное путемъ голосованія въ 1871 году, законъ, слывущій у торіевъ подъ названіемъ *„дезорганизаціи арміи"*. Не говоря уже о первостепенной важности этого закона самого по себѣ, онъ въ то же время долженъ служить ступенью къ искорененію того же злоупотребленія и въ англиканской церкви.

5) Наконецъ, *„закрытая подача голосовъ" (Ballot)*, существенная парламентская реформа, состоящая въ принятіи системы закрытой баллотировки. До прошлаго года въ Англіи право подачи голоса примѣнялось путемъ открытаго голосованія. Эта форма конечно могла бы быть прекрасной и преисполненной достоинства въ идеальномъ государствѣ, состоящемъ изъ гражданъ добродѣтельныхъ, какъ Сократъ и непреклонныхъ, какъ Гиппократъ, отвергшій дары Артаксеркса. Но въ подлунномъ нашемъ мірѣ, гдѣ все такъ несовершенно, нужно умѣть довольствоваться относительно хорошимъ и быть предусмотрительнымъ. Либералы не заблуждались въ этомъ отношеніи, и съ 1817 года не переставали требовать закрытой подачи голосовъ, тогда какъ тори упрямо стояли за старую систему.

Причина этого очень понятна. Въ этой странѣ чудовищныхъ состояній и безпредѣльной нищеты покупка голосовъ становится невозможна съ исчезновеніемъ средствъ провѣрять добросовѣстность продавцевъ. И англійскіе пэры въ продолженіи двухъ сессій отвергали *(Ballot bill) „билль о баллотировкѣ"*, который окончательно прошелъ только въ 1872 году.

Въ суммѣ, всѣ эти заслуги не маловажны и, казалось, должны бы вмѣниться въ честь той администраціи, которая съумѣла ихъ осуществить.

Несмотря на это, министерство утратило большинство въ парламентѣ, которое медленно, но постепенно убывало, какъ глыба снѣга подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей.

Изъ ста голосовъ не осталось ни одного. Мало того, въ концѣ прошлой сессіи министерство испытало пораженіе и нравственно было ниспровергнуто по одному второстепенному вопросу, и если устояло фактически, то лишь благодаря тому, что Дизраели не оказалъ особой готовности взять въ свои руки власть при большинствѣ всего трехъ голосовъ и съ перспективой вынужденнаго обновленія парламента черезъ годъ.

То же охлажденіе произошло въ самой странѣ: ненавистная торіямъ баллотировка *(Ballot)* доставила имъ цѣлый рядъ избирательныхъ побѣдъ и, замѣтимъ мимоходомъ, породила сближенія и заигры-

ванія, не лишенныя нѣкоторой трогательности между двумя закоренѣлыми и ожесточенными врагами. Эта перемѣна общественнаго мнѣнія слишкомъ значительна, для того чтобы ее возможно было исключительно приписать мѣстнымъ или частнымъ причинамъ, промахамъ или мелкой мести уязвленнаго самолюбія; конечно, все это существовало, какъ мы будемъ имѣть случай указать въ другомъ мѣстѣ; но тутъ есть болѣе общія причины, до которыхъ слѣдуетъ всегда доискиваться, хотя онѣ и скрываются за мелочными эпизодами, бросающимися въ глаза близорукимъ политикамъ.

Въ данномъ случаѣ существуетъ одинъ капитальный фактъ, на который до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, никто не указывалъ. Въ министерствѣ Гладстона хотѣли упорно видѣть лишь либеральный кабинетъ, ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ, на него смотрѣли какъ на новое изданіе администраціи Пальмерстона, Росселя и проч. Это заблужденіе! Въ сущности это случай, не имѣющій прецедента: радикальная партія въ первый разъ достигла власти, хотя и не абсолютной, но достаточно сильной, чтобы давать перевѣсъ по своему усмотрѣнію. Присутствіе въ новомъ министерствѣ Брайта, бирмингэмскаго дѣятеля, должно бы было раскрыть глаза, но къ несчастію болѣзнь заставила его исчезнуть съ политической арены при самомъ началѣ, и только теперь, черезъ четыре года, онъ появляется вновь. Его отсутствіе продлило заблужденіе; Гладстонъ, лишенный этой важной поддержки, предался своимъ инстинктамъ консерватора и приверженца *High Church* (верхней церкви), что́ мало-по-малу посѣяло и утвердило раздоръ между имъ и бывшими его сторонниками.

Но чтобы вполнѣ понять настоящее положеніе, необходимо знать весь ходъ дѣятельности радикальной партіи, которая постепенно пріобрѣтаетъ все усиливающееся значеніе. Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе интересенъ, что онъ мало изслѣдованъ и даже мало извѣстенъ въ самой странѣ, какъ я это постараюсь доказать.

До самаго конца послѣдняго столѣтія, въ Англіи существовали только двѣ партіи: виги и тори. Американская война и французская революція породили первую фракцію въ партіи прогрессистовъ: нѣсколько виговъ, съ Фоксомъ во главѣ, отдѣлились отъ своихъ политическихъ единомышленниковъ и составили отдѣльную группу. Они получили названіе *демократовъ*. Ихъ вѣкъ длился недолго: Ватерлоо и 1815 годъ стерли ихъ въ прахъ.

Но они успѣли вонзить ядовитую стрѣлу въ грудь старой британской конституціи, и теперь она умираетъ отъ этой раны. Такіе люди какъ Гёнтъ и Коббетъ являются преемниками демократовъ и расширяютъ начатое ими дѣло. Имъ присвоивается имя *радикаловъ (Radical Reformers)* съ 1819 года, и съ тѣхъ поръ это наименова-

ніе получаетъ право гражданства въ политическомъ нарѣчіи, гдѣ оно играетъ нынѣ такую видную роль.

Конечно, англійская нація, на своемъ островѣ, быстро воспринимаетъ и отражаетъ событія, совершающіяся на континентѣ, но нельзя же преувеличивать и соглашаться съ лордомъ Салисбюри, когда онъ говоритъ, что Англія перешла въ протестантство подъ вліяніемъ возстаній какого-нибудь герцога Альбигойскаго или вслѣдствіе преслѣдованій, обрушившихся на Гизовъ [1]). Желѣзная рука Генриха VIII и духъ самой расы болѣе способствовали такому результату, чѣмъ всѣ ау-то-да-фе Испаніи и Франціи, будь сказано не во гнѣвъ англійскому народу и не съ цѣлью умалить его великодушное сочувствіе къ притѣсненнымъ.

Мы считаемъ ошибочнымъ упорствовать вмѣстѣ съ благороднымъ лордомъ въ томъ, что всѣ волненія этой страны въ теченіи XIX вѣка должны считаться только отголосками континентальныхъ движеній. Возьмемъ для примѣра 1819 годъ: развѣ тогда были въ Европѣ сколько-нибудь серьёзныя волненія, кромѣ извѣстнаго возмущенія въ Манчестерѣ, гдѣ толпа въ сорокъ тысячъ человѣкъ, со включеніемъ туда женъ и дѣтей, волновалась, бушевала и выставляла на своихъ знаменахъ надписи въ родѣ слѣдующихъ: *„Всеобщая подача голосовъ!“ „Всесословное представительство или смерть!“* — Желаніе ихъ было удовлетворено въ этомъ послѣднемъ отношеніи, войска дали залпъ, и въ *свободной Англіи* того времени триста или четыреста человѣкъ поплатились жизнью за этотъ день.

Въ томъ же году въ Лондонѣ появилась газета *„The Republican“*. Уже въ 1817 существовалъ листокъ подъ этимъ наименованіемъ, но онъ былъ ничтоженъ и недолговѣченъ. Второй *„Republican“* продолжалъ издаваться вплоть до 1826 года. Издатель его заявилъ впрочемъ, что подъ словомъ *„республика“* слѣдуетъ подразумѣвать всякое правительство, сообразующееся съ общими интересами. Онъ требовалъ всеобщей подачи голосовъ и палату общинъ, ежегодно возобновляемую. Третья газета того же имени возникла въ 1832 году, существованіе ея было также кратковременно и съ тѣхъ поръ уже не возобновлялось.

Между тѣмъ знаменитый „законъ реформы“ утвержденъ въ 1832 году. На этотъ разъ радикалы присоединились къ вигамъ, что́ случается рѣдко, и проникли въ парламентъ. Но если уничтожены гнилыя мѣстечки *(rotten Boroughs)* и средніе классы, до нѣкоторой степени, получили избирательныя права, то ремесленники ничего еще этимъ не выиграли.

---

[1]) Quarterly Review, стр. 565. Октябрь 1873.

И вотъ, появляются *„чартисты“*, третье преобразованіе англійскихъ демократовъ. Въ 1839 въ палату общинъ поступаетъ петиція, съ 1.200,000 подписями, требующая всеобщей подачи голосовъ, закрытой баллотировки *(ballot)* и ежегодныхъ парламентовъ. Чартистское движеніе послѣ послѣдняго судорожнаго усилія замираетъ въ 1868—69 году.

Нельзя, конечно, отрицать взаимнаго вліянія въ развитіи цивилизованныхъ націй, и стремленіе изолировать одинъ народъ отъ остальныхъ было бы неразумно, тѣмъ не менѣе оскорбительно для англійскаго народа считать всѣ его движенія не болѣе какъ плохими копіями революцій, совершившихся во Франціи. Достаточно одного взгляда на краткій обзоръ событій, сдѣланный нами, чтобы возстановить факты въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Въ сущности самый сильный взрывъ радикализма совпадаетъ съ царствованіемъ Лудовика XVIII. Чартизмъ—современникъ Луи-Филиппа, и наконецъ въ то время, когда Франція молчаливо изнывала подъ гнетомъ Наполеона III, Англія благополучно достигала разрѣшенія агитаціи, поднятой въ пользу радикальныхъ мѣръ, вводя ихъ въ составъ органическихъ законовъ королевства. Всѣ эти мѣры заключались уже въ программахъ агитаторовъ 1819 и Чартистовъ 1839 года. Съ тѣхъ поръ, конечно, явились новые люди, давшіе научную основу требованіямъ радикаловъ; я говорю объ ученіи Бентама, нашедшаго себѣ достойнаго преемника въ лицѣ знаменитаго и оплакиваемаго Джона Стюарта Милля. Рядомъ съ этими людьми слѣдуетъ назвать позитивистовъ, группу хотя и малочисленную, но тѣсно сплоченную, состоящую изъ людей дѣятельныхъ, интеллигентныхъ, съ опредѣленной доктриной, которые своими вѣскими голосами поддерживаютъ республиканскія требованія Брадлауговъ, Оджеровъ, сэра Чарльза Дилька и проч.

Гладстонъ, несмотря на свою добрую волю, не могъ спѣться съ той группой, усиліямъ которой онъ въ сущности обязанъ былъ своею властью. За недостаткомъ виговъ, онъ вступилъ въ ряды либеральныхъ консерваторовъ. Гладстонъ только теперь догадывается, что его покинули самыя свѣжія боевыя силы, и что онъ, обезсиленный и парализованный, остался при одномъ арріергардѣ и резервѣ. Выдвинутый радикалами, Гладстонъ едва можетъ быть названъ либеральнымъ министромъ.

Въ этомъ-то и заключается настоящая причина его одиночества, а вовсе не въ страхѣ, какъ стараются увѣрить многіе, навѣяннымъ парижскими событіями 1871 г. Правда, эти событія подняли не мало новыхъ вопросовъ: борьба между капиталомъ и трудомъ опредѣлилась еще рѣзче и рабочіе стали простирать свои требованія не

только на избирательныя права, но и на долю участія въ матеріальномъ благосостояніи. Рабочіе союзы (*trades'union*) стали все болѣе и болѣе распространяться подъ руководствомъ людей высокой нравственности и замѣчательнаго ума, каковы Галлидеи, Макъ-Дональды и проч., принадлежащіе сами къ средѣ рабочихъ, и существованіе ихъ упрочилось санкціею закона. Успѣхи эти возбуждали, правда, неудовольствіе нѣкоторыхъ классовъ, между прочимъ и либераловъ, но это чувство не доходило до страха. Впрочемъ, не они отдѣлились отъ министра во время подачи голосовъ въ послѣднюю сессію, а—какъ мы уже говорили выше—радикалы.

Вотъ все, что́ можно сказать относительно главной причины неуспѣха Гладстона; кромѣ того, ему содѣйствовали еще нѣкоторыя болѣе частныя обстоятельства. Такъ, напримѣръ, англиканское духовенство по самой природѣ вещей консервативно, а нон-конформисты естественные союзники радикаловъ. Законъ объ образованіи, передававшій въ руки англиканскаго духовенства воспитаніе дѣтей почти во всѣхъ мѣстностяхъ Соединеннаго Королевства, естественно вызвалъ и продолжаетъ вызывать постоянныя жалобы со стороны диссидентовъ, которые составляютъ важную фракцію въ парламентѣ и въ странѣ, и могутъ удовлетвориться не иначе, какъ серьёзнымъ измѣненіемъ закона. Мистеръ Брайтъ уже обѣщалъ такую поправку.

Этотъ законъ объ образованіи можетъ служить новымъ доказательствомъ безполезности полумѣръ: онъ возбудилъ недовольство какъ послѣдователей оффиціальной церкви, такъ и диссидентовъ. За ними слѣдуютъ двѣ другія категоріи недовольныхъ, которыя, исходя изъ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія, считаютъ себя въ правѣ одинаково негодовать противъ одного и того же закона, а именно противъ „*билля о продажѣ питей*“ (*Licensing Bill*). Недовольные эти, съ одной стороны, всѣ приверженцы трезвости, съ другой — винные торговцы. Первые извѣстны подъ именемъ „*Teetotalers*“, они каждое воскресенье ходятъ по улицамъ и перекресткамъ, проповѣдуя народу абсолютное воздержаніе отъ всякихъ спиртныхъ напитковъ. Для холодныхъ странъ, общества трезвости составляютъ такой же бичъ, какъ и сама язва пьянства. Увѣрять людей, что употребленіе вина, въ размѣрѣ одного глотка, даже во время болѣзни, есть смертный грѣхъ и самоотравленіе, можно только въ состояніи тихаго помѣшательства, а успѣшное распространеніе такого заблужденія возможно лишь въ такомъ государствѣ, гдѣ столько странныхъ сектъ успѣли привиться къ христіанству. Титотэлеры считали, что *Licensing Bill* или законъ о продажѣ питій значительно уменьшитъ ихъ сбытъ. Но министръ на это навѣрно не разсчитывалъ, потому что не далѣе какъ въ нынѣшнемъ году онъ внесъ въ бюд-

жетъ такой блестящій остатокъ по приходу, съ помощью таксы на спиртъ. Стѣснительность принятой системы была какъ разъ такого размѣра, что не достигла никакихъ результатовъ, кромѣ раздраженія винопродавцевъ (publican), класса обладающаго большимъ вліяніемъ, благодаря безчисленному количеству его кліентовъ.

Министерство съумѣло нажить себѣ враговъ даже между женщинами, отказавши въ своей поддержкѣ той фракціи радикаловъ, которая въ послѣднюю сессію доставила контингентъ пятидесяти голосовъ въ пользу „избирательныхъ правъ женщинъ". Это обстоятельство вовсе не маловажно. Во время недавнихъ выборовъ въ Таунтонѣ, миссъ Роза Гарретъ вела съ такой силой агитацію противъ правительственнаго кандидата, что едва не достигла успѣха.

Наконецъ въ области финансовъ, налогъ на доходы (*Income tax*) еще по-сію пору возбуждаетъ ожесточенный ропотъ со стороны многихъ лицъ, которыхъ онъ касается. Къ этимъ общимъ и частнымъ причинамъ, возбудившимъ непріязнь къ министру, слѣдуетъ присоединить, для полноты картины, еще нѣкоторые факты изъ внѣшней политики. Они второстепенны по значенію и весьма не блестящи. Назовемъ прежде всего уплату вознагражденія Соединеннымъ Штатамъ по элэбэмскому дѣлу (*Alabama claims*). Я полагаю, что трудно произнести по этому вопросу болѣе справедливаго сужденія, чѣмъ то, которое высказалъ Брайтъ въ своей рѣчи въ Бирмингэмѣ. „О трактатѣ 1872 года,—сказалъ онъ,—говорятъ не иначе какъ о великомъ позорѣ для Англіи. Неправда: ничего позорнаго не произошло въ 1872 году, весь стыдъ лежитъ на 1861—63 г. Еслибы правительство этой страны соблюло относительно Соединенныхъ Штатовъ великодушный нейтралитетъ, какъ я выразился въ то время; еслибы аристократія не симпатизировала открыто возставшимъ плантаторамъ юга, а самые значительные журналы наши отнеслись справедливо къ своимъ заатлантическимъ братьямъ, ссоры между Соединеннымъ Королевствомъ и Соединенными Штатами не воспослѣдовало-бы... Говорятъ, правительство было слишкомъ уступчиво. Что́ же изъ этого! Я утверждаю, не обинуясь, что черезъ какихъ-нибудь пятьдесятъ лѣтъ исторія, занося этотъ фактъ на свои страницы, скажетъ объ этомъ трактатѣ и третейскомъ судѣ, что посредствомъ ихъ лордъ Гренвиль и м-ръ Гладстонъ прибавили болѣе славную главу къ лѣтописямъ Англіи, чѣмъ еслибы она была посвящена повѣствованію о кровопролитнѣйшихъ битвахъ". Эти краснорѣчивыя и благородныя слова должны были найти отголосокъ въ сердцѣ каждаго порядочнаго англичанина. Но нельзя отрицать, что униженіе, къ какому бы времени оно ни относилось, существовало, а также и то, что м-ръ Гладстонъ несетъ по этому дѣлу долю отвѣтственно-

сти, такъ какъ въ былое время онъ не скупясь расточалъ свои симпатіи южанамъ, и такимъ образомъ способствовалъ возникновенію справедливыхъ требованій удовлетворенія со стороны американскаго правительства.

Второе дѣло по внѣшней политикѣ—война на Золотомъ берегѣ съ дикимъ племенемъ ашантіевъ, не представляетъ тоже особенно утѣшительнаго зрѣлища. Допустимъ, что жестокости туземцевъ затрудняли торговыя сношенія на этой части африканскаго берега, но все же нельзя не сказать, что правительство впуталось въ войну нѣсколько легкомысленно. Тамъ встрѣтились непредвидѣнныя препятствія къ успѣху: во-первыхъ, несомнѣнная храбрость свирѣпаго врага, во-вторыхъ, убійственный для европейцевъ климатъ; въ сущности правительство раскаивается въ этомъ предпріятіи, чтó ни для кого уже не составляетъ тайны.

Итакъ, безъ опоры въ парламентѣ, оставленный передовыми либералами, а чтò хуже всего, терпимый консерваторами, которые довольно охотно мирятся съ *беззубымъ* либеральнымъ правительствомъ (*toothlese*) [1]), чтò должно было статься съ Гладстономъ? Въ этомъ весь вопросъ. Одинъ французскій государственный человѣкъ, авторъ извѣстныхъ „Писемъ объ Англіи", сказалъ объ ученикѣ сэра Роберта Пиля, что онъ проницателенъ до нерѣшительности. „Умъ его,—говоритъ Луи-Бланъ, — менѣе энергиченъ, чѣмъ тонокъ, онъ позволяетъ ему всесторонне обнять предметъ, чтó приводитъ его къ колебаніямъ между *pro* и *contra*, и такимъ образомъ перевѣсъ со стороны проницательности оказывается въ ущербъ твердости мнѣнія" [2]). На мой взглядъ это только вѣжливый способъ сказать, что м-ръ Гладстонъ не имѣетъ вовсе мнѣній. И дѣйствительно, будучи консерваторомъ по природѣ, онъ до сихъ поръ плылъ по теченію, въ ту сторону, куда тянуло общественное мнѣніе страны, не проявляя собственныхъ убѣжденій. Пока громко не высказывались противъ его администраціи, онъ поддавался еще своимъ побужденіямъ и правилъ въ духѣ золотой середины. Но какъ только вѣтеръ общественнаго мнѣнія подулъ сильнѣе, онъ натянетъ паруса и покорно понесется впередъ. Возвращеніе Брайта въ министерство послужитъ сигналомъ для начала маневра.

Что касается Брайта, то онъ представляетъ совершенную противоположность Гладстону. Онъ не ищетъ популярности, напротивъ, во многихъ уже случаяхъ приносилъ въ жертву свою популярность собственнымъ убѣжденіямъ: во-первыхъ, во время крымской войны,

---

[1]) Рѣчь лорда Салисбюри въ Гертфордѣ, 17-го октября 1873 г.

[2]) *Louis Blanc*, Lettres sur l'Angleterre. 1866. Т. II. стр. 238.

когда потерялъ свое мѣсто депутата отъ Манчестера вслѣдствіе упорной проповѣди мира; вторично во время американской войны, когда отстаивалъ противъ англійскаго общества вообще, и м-ръ Гладстона въ частности, несомнѣнную правоту сѣвера. Онъ не изъ новообращенныхъ тори, это человѣкъ всю жизнь боровшійся, рука объ руку съ другомъ своимъ Кобденомъ, за свободу торговли и политики. Болѣзнь заставила его удалиться изъ министерства и отрѣшиться отъ дѣлъ, но онъ возвращается къ нимъ снова въ критическую минуту, вызванный конечно бездѣйствіемъ Гладстона и съ цѣлью придать новую жизнь его администраціи.

Я умышленно нѣсколько разъ указывалъ на рѣчь, произнесенную Брайтомъ въ Бирмингэмѣ 22-го октября текущаго года. Встрѣченный неоспоримымъ энтузіазмомъ 15 т. человѣкъ слушателей, этотъ государственный человѣкъ снова изложилъ, съ нѣкоторыми поправками, програму передовой либеральной партіи. Пылкій и безспорно краснорѣчивѣйшій англійскій ораторъ, едва оправившись отъ долгой и страшной болѣзни, появился опять въ Бирмингэмѣ, аренѣ его прежнихъ подвиговъ, и старая мощь его первыхъ успѣховъ вернулась къ нему. Онъ произнесъ министерскую рѣчь, какъ принято это называть во Франціи, и въ настоящую минуту на него очень ясно указываютъ, какъ на будущаго главу кабинета. Будьте увѣрены, что если не случится новаго приступа болѣзни или Гладстонъ не будетъ насильственно увлеченъ впередъ, то Джону Брайту суждено занять его мѣсто.

Прежде всего онъ заявилъ себя за отдѣленіе церкви отъ государства: за упраздненіе (*disestablishement*) церкви въ Англіи. Это будетъ потребовано гораздо ранѣе, чѣмъ полагаютъ. Онъ отчасти сталъ на точку зрѣнія диссидентовъ, которые косвенно подняли этотъ вопросъ по поводу закона объ образованіи; онъ обѣщалъ категорически, но только отъ себя лично, уничтоженіе 25 §, простое упоминаніе о которомъ приводитъ въ бѣшенство веслеянцевъ и способно довести до ярости всякаго баптиста. Сама палата лордовъ не была имъ пощажена; онъ предложилъ отнять отъ нея права высшей юридической инстанціи.

Наконецъ, и что̀ важнѣе всего, онъ высказался за одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ радикальной программы, а именно за „освобожденіе земли“ (*the free Land*). Но это, какъ говоритъ „*Times*“ (23-го октября): „вопросъ спорный, и если ораторъ, какъ можно заключить изъ нѣскольких выраженій его, имѣлъ въ виду только облегченіе перехода изъ рукъ въ руки поземельной собственности путемъ продажи, то и онъ не встрѣтитъ оппозиціи“.

„*Saturday Review*“ относится къ дѣлу менѣе спокойно. Еженe-

дѣльный органъ умѣренныхъ консерваторовъ очень вѣрно понялъ новизну духа, которой вѣяло отъ этой рѣчи. „При упраздненіи ирландской церкви, говоритъ эта газета, Гладстонъ придавалъ этой мѣрѣ значеніе исключенія изъ общаго правила. То же самое онъ повторилъ и относительно аграрной реформы: она объяснялась тогда исключительнымъ положеніемъ страны и должна была остаться мѣстнымъ явленіемъ. Откуда же взялись теперь намеки на новые законы объ охотѣ, и какъ смѣетъ Брайтъ утверждать, что фермеры, платящіе ренту за землю, имѣютъ право на все находящееся на ней, включительно до зайцевъ? Какъ осмѣливается онъ одобрять земледѣльцевъ (*agricultural labourers*) и ихъ вожака м-ра Арша въ ихъ требованіяхъ повышенія заработной платы, соразмѣрно съ ихъ потребностями".

Консервативная газета не ошибается: все перемѣнилось. Министерство вполнѣ обновляется и начинаетъ показывать когти лорду Салисбюри, который только-что изливалъ свою радость на счетъ его незлобивости и беззубія. Либеральные выборы Бата и Таунтона дали первый толчокъ, бирмингэмская рѣчь окончательно ставитъ министерство на ноги и увлекаетъ его въ движеніе. Стоитъ обратить вниманіе на тонъ, которымъ заговорили либеральныя газеты. „*Spectator*" разсыпается въ похвалахъ Брайту. Даже вполнѣ радикальный „*Examiner*" и тотъ выражаетъ полный восторгъ: „въ области политики, восклицаетъ онъ, по вопросамъ избирательной реформы и земли, Брайтъ готовъ довести преобразованія до возможно желаннаго предѣла. Въ молодости своей онъ былъ энергическимъ піонеромъ, кто же дерзнетъ порицать его, если теперь, на закатѣ дней своихъ, онъ хочетъ сорвать для своихъ соотечественниковъ плодъ уже созрѣвшій и отчасти выращенный его трудами".

Однакоже на этомъ пути предстоитъ еще много дѣла. Въ настоящую минуту страна кажется расположена идти за Брайтомъ. Мы уже указали на настроеніе „Times'a". Консерваторы чуютъ опасность. Въ статьѣ *Quarterly Review*, о которой я не разъ упоминалъ, какъ о событіи не уступающемъ въ значеніи самой рѣчи мистера Брайта, лордъ Салисбюри, стараясь парализовать врага, обращается къ умѣреннымъ либераламъ, и тѣмъ самымъ обнаруживаетъ все безсиліе собственной партіи. „Отъ васъ требуютъ, говоритъ она, ни болѣе ни менѣе, какъ идти слѣдомъ за радикалами и продолжать начатое ими дѣло разрушенія: т.-е., грабить и производить безпорядки „*plundering and blundering*", какъ выразился Дизраэли. Нужно рѣшить, совмѣстна ли такая роль съ вашимъ достоинствомъ. Кромѣ того, всѣ предполагаемыя мѣры чисто революціоннаго характера, прибавляетъ онъ, вѣроятно въ утѣшеніе себѣ, въ вигахъ доселѣ не было

задатковъ для превращенія въ революціонеровъ". Все это справедливо, но дѣло-то въ томъ, что время виговъ миновало. Къ какой бы партіи человѣкъ ни принадлежалъ, онъ не можетъ не согласиться съ словами м-ра Брайта, которыми я и заключу мое первое письмо: „рѣчь идетъ о политикѣ послѣднихъ сорока лѣтъ. Эта эпоха знаменательная для нашихъ друзей консерваторовъ; въ теченіе всего этого сорокалѣтняго періода управленіе страной находилось въ рукахъ либеральной партіи; даже и въ тѣ времена, когда она не стояла во главѣ министерства, сила оставалась на ея сторонѣ. Дѣятельность сэра Роберта Пиля была ничѣмъ инымъ, какъ осуществленіемъ требованій, заявленныхъ лигою въ пользу свободы хлѣбной торговли. А что́ было первой заботою еще въ недавнее время министерствъ Дерби и Дизраэли, какъ не изданіе закона, котораго мы съ вами желали и столько разъ требовали изъ Бирмингэма? Несомнѣнно, въ теченіе этого времени совершилось много перемѣнъ, но за то и много улучшеній. Взгляните, какъ повысилось общее довольство, спокойствіе, благосостояніе и комфортъ во всѣхъ классахъ. Еслибы я обратился ко всѣмъ, здѣсь присутствующимъ, пожилымъ людямъ и просилъ ихъ разсказать намъ положеніе дѣлъ въ періодъ ихъ молодости, они конечно сказали бы намъ, что страна путемъ благотворной революціи сдѣлала большіе успѣхи въ отношеніи благосостоянія рабочихъ классовъ. Исторія послѣднихъ сорока лѣтъ представляетъ картину побѣдъ свободы".

Судя по всему, Англія намѣрена и продолжать идти впередъ по тому же пути.

К.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА

Историческое развитіе матеріалистическаго ученія.

Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart, von *Friedrich Albert Lange*. Zweite, verbesserte und vermehrte Auflage. Erstes Buch. Geschichte des Materialismus bis auf Kant. (Исторія матеріализма и критика его значенія въ наше время, соч. Фридриха Альберта Ланге) 1873.

Матеріалистическая философія не рѣдко выступаетъ врагомъ религіи, а такъ какъ религіозное стремленіе человѣка связано въ наше время, почти во всемъ образованномъ мірѣ, не съ однимъ лишь душевнымъ спокойствіемъ отдѣльныхъ личностей, но съ громадными и сильными интересами какъ духовныхъ корпорацій, такъ

и свѣтскихъ властей, то понятно, что матеріалистическое ученіе, подкрѣпившееся въ XIX-мъ вѣкѣ новыми доводами быстро развившихся естественныхъ наукъ, должно было вызвать противъ себя не только ожесточенную полемику въ періодической и ученой печати, но также разнаго рода государственныя ограниченія. Такого рода преслѣдованіямъ, впрочемъ, матеріализмъ подвергался и прежде, даже въ самыя отдаленныя времена. Правда, что между прежними гоненіями матеріализма и нынѣшними есть большая разница, напримѣръ, въ степени жестокости; но основаніемъ этихъ гоненій какъ прежде, такъ и теперь, служатъ все одни и тѣ же интересы и то мнѣніе, что матеріалистическое ученіе само по себѣ есть какое-то случайное явленіе, проступокъ, а не результатъ извѣстнаго направленія общественной мысли. Многіе ученые философы даже отвергали матеріализмъ, какъ особое философское направленіе, и утверждали, что онъ выражаетъ собою лишь простое отрицаніе всякой философіи; но хотя матеріализмъ въ дѣйствительности приходитъ въ своихъ послѣднихъ выводахъ къ превращенію философіи въ естествознаніе, тѣмъ не менѣе онъ представляетъ собою цѣлое міросозерцаніе, которое ведетъ начало съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ возникли всѣ другія философскія системы. Книга Ланге есть самый рѣшительный доводъ противъ всѣхъ отрицателей матеріализма: „Матеріализмъ — сказано въ ней — столь же старъ, какъ философія, но не старѣе". Можно было бы доказывать даже, что *первый* опытъ въ философіи у іоническихъ натуръ-философовъ былъ матеріализмъ, но такъ какъ выработанная система Демокрита появляется лишь вмѣстѣ съ другими философемами, то вѣрнѣе ставить матеріализмъ въ числѣ „первыхъ философскихъ опытовъ" (стр. 123). Завзятые матеріалисты, какъ извѣстно, выводятъ свое міровоззрѣніе не изъ философскаго мышленія. Матеріализмъ, по ихъ мнѣнію, есть прямой результатъ опыта, здраваго человѣческаго разсудка и естествознанія.

Книга Ланге представляетъ впрочемъ не простое историческое изложеніе ученій и біографическихъ свѣдѣній всевозможныхъ представителей матеріализма, но изложеніе въ послѣдовательномъ историческомъ порядкѣ основныхъ положеній матеріалистической философіи, какъ они возникали, развивались и видоизмѣнялись въ рукахъ наиболѣе замѣчательныхъ изслѣдователей, или подъ вліяніемъ важнѣйшихъ историческихъ моментовъ. Авторъ, впрочемъ, не пренебрегаетъ біографическою стороною своего дѣла, но лишь настолько, насколько эта сторона можетъ выяснить научную сторону или разрушить какіе-нибудь крупные предразсудки, препятствующіе матеріализму пріобрѣсть безпристрастныхъ и терпѣливыхъ слушателей и читателей,

На этомъ пути Ланге удалось сдѣлать нѣсколько литературныхъ открытій и уличить въ небрежномъ отношеніи къ матеріализму даже такого осторожнаго историка, каковъ Геттнеръ. Самъ Ланге не матеріалистъ, но это нисколько не мѣшаетъ ему относиться съ полнымъ безпристрастіемъ и даже съ сочувствіемъ къ важнѣйшимъ представителямъ школы, и отдавать имъ предпочтеніе передъ противниками всякій разъ, когда матеріалисты того заслуживаютъ. Для своихъ цѣлей онъ избираетъ лишь оригинальныхъ, сильныхъ и стойкихъ мыслителей этой школы, предоставляя себѣ мимоходомъ упоминать о другихъ, отличавшихся больше заимствованіями, чѣмъ своеобразными взглядами на разныя задачи своего ученія. Такъ, напримѣръ, изъ англійскихъ философовъ-матеріалистовъ Ланге останавливается преимущественно на Гоббзѣ, а изъ французскихъ на Ла-Метри и Гольбахѣ; Дидро играетъ у него незначительную роль, такъ какъ этотъ писатель сталъ болѣе или менѣе серьёзнымъ матеріалистомъ лишь въ послѣднее время своей дѣятельности;—о Гельвеціусѣ Ланге только упоминаетъ. Въ древнемъ мірѣ Ланге признаетъ матеріалистами Демокрита, Эпикура и Тита Лукреція Кàра, несмотря на то, что первые двое продолжали отдавать почести языческимъ богамъ.

Всего важнѣе въ разбираемомъ нами сочиненіи то, что оно возстановляетъ преемственную связь между древнимъ матеріализмомъ и новымъ, указывая черезъ весь средневѣковой періодъ слѣды матеріалистической философіи, старавшейся тамъ-и-сямъ въ разныя времена вновь распространить и упрочить свое вліяніе. Къ сожалѣнію, изложеніе исторіи матеріализма въ схоластическій періодъ не сопровождается толковымъ описаніемъ общественныхъ и политическихъ явленій того времени, и потому не можетъ служить матеріаломъ для сравнительнаго опредѣленія взаимныхъ воздѣйствій между матеріалистической философіей и тогдашнею историческою жизнью. Но за то относительно древняго міра и распространенія матеріализма въ періодъ возрожденія наукъ въ книгѣ Ланге есть, если не полныя, то хоть нѣкоторыя свѣдѣнія касательно зависимости матеріалистическаго міровоззрѣнія отъ окружающей жизни и вліянія матеріализма на исторію народовъ. Оказывается, что и въ древнихъ, и въ новыхъ государствахъ появленіе матеріализма совпадаетъ съ эпохами отживанія устарѣлыхъ общественныхъ формъ, когда личность ищетъ освобожденія, новой жизни, когда старые идеалы изжиты, а новыхъ пока нѣтъ. Если общество еще способно примѣниться къ новымъ требованіямъ и дать личности болѣе широкій просторъ, то матеріализмъ способствуетъ въ немъ обширному успѣху во всѣхъ отрасляхъ матеріальнаго развитія: въ торговлѣ, промышленности, всевозможныхъ приложеніяхъ естествознанія; — если же старыя обще-

ственныя формы не могутъ удовлетворить новымъ запросамъ, то матеріалистическая философія, разнуздавъ всѣ страсти человѣка, совершенно разрушаетъ общественную жизнь, причемъ она утрачиваетъ всѣ свои главныя достоинства и замѣняется другими ученіями, болѣе соотвѣтственными распущенному состоянію общества. Примѣры хорошаго, здороваго развитія матеріализма представляютъ древняя Греція и Англія съ XVII вѣка; примѣры дурныхъ послѣдствій его: древній Римъ и Франція съ XVII вѣка. Въ первыхъ двухъ государствахъ господство матеріалистическаго ученія способствовало ихъ матеріальному процвѣтанію, между тѣмъ какъ въ послѣднихъ двухъ Ланге приписываетъ ему гибельное вліяніе на оба народа.

Въ послѣднихъ выводахъ нашего автора подъ матеріализмомъ разумѣется не матеріалистическая философія только, но всѣ скептическія школы, точкою отправленія которыхъ служитъ то основное положеніе, что всѣ явленія въ природѣ происходятъ изъ различныхъ сочетаній матеріальныхъ атомовъ; сюда принадлежитъ и сенсуализмъ, какъ прямое продолженіе матеріализма.

Несомнѣнно, что матеріальное развитіе аѳинской республики и Англіи совпадаетъ съ распространеніемъ въ нихъ ученій Демокрита и Гоббза; но хотя эти оба философа были матеріалисты весьма послѣдовательные, однако ни одинъ изъ нихъ не доходилъ до послѣдняго предѣла матеріалистической философіи—до атеизма: Демокритъ самъ поклонялся языческимъ богамъ, а Гоббзъ былъ самымъ ярымъ сторонникомъ государственной религіи и нравственности. Какъ бы то ни было, и въ Аѳинахъ, и въ Англіи, среди матеріальнаго процвѣтанія, въ образованныхъ классахъ общества, способныхъ понимать философскія задачи, матеріализмъ произвелъ распущенность нравовъ, которая въ Англіи была лишь переходнымъ явленіемъ, между тѣмъ какъ въ Греціи (во времена Эпикура), Римѣ и Франціи потрясла до основанія весь государственный организмъ. Съ бо́льшей ясностью изображаетъ Ланге этотъ фактъ при сравненіи Англіи съ Франціей въ XVII вѣкѣ.

Это былъ періодъ Карла II въ Англіи и Лудовика XIV во Франціи. Легкомысленное обращеніе съ религіей и нравами было характеристическою чертою обоихъ дворовъ. Франція въ это время переживала цвѣтущую пору своей такъ-называемой классической литературы; блескъ внѣшняго вліянія на литературномъ и политическомъ поприщахъ вполнѣ удовлетворялъ изнѣженную и распущенную аристократію, между тѣмъ какъ все болѣе распространявшаяся централизація съ угнетеніемъ и эксплуатаціей народной массы подготовляла то сильное броженіе въ умахъ, которое разразилось потомъ страшною революціей. Въ Англіи, хотя аристократія вела тоже

крайне распущенную жизнь и отличалась крайнею безсовѣстностью въ политикѣ, она однако бросилась въ изученіе естественныхъ наукъ и въ развитіе промышленныхъ силъ страны, и эта страсть къ естествознанію вмѣстѣ съ погонею за богатствомъ успѣли въ концѣ-концовъ восторжествовать надъ матеріализмомъ роскоши и чувственныхъ наслажденій. Тогда именно громадные города Англіи стали отчасти вновь выростать изъ почвы, отчасти расширяться въ тѣхъ исполинскихъ размѣрахъ, въ какихъ мы видимъ ихъ теперь по прошествіи двухъсотъ лѣтъ матеріальнаго процвѣтанія страны. Въ Англіи изъ матеріалистической морали возникъ кодексъ политической экономіи, между тѣмъ какъ во Франціи до самаго появленія Вольтѣра матеріализмъ распространялъ лишь эпикурейскія привычки низшаго порядка, которыя, соединившись съ постоянно возраставшими религіозными суевѣріями и предразсудками, привели въ концѣ-концовъ общество къ колебательнымъ движеніямъ между крайностями: атеистическимъ и революціоннымъ матеріализмомъ съ одной стороны, и фанатически религіознымъ деспотизмомъ съ другой.

Перейдемъ теперь къ главному содержанію разбираемой нами книги: къ историческому развитію основныхъ положеній матеріализма.

Первымъ основательнымъ и серьёзнымъ учителемъ матеріализма Ланге признаетъ Демокрита, который жилъ въ V-мъ вѣкѣ до Р. Хр. въ іонической колоніи Абдера на Ѳракійскомъ берегу. Демокритъ былъ сынъ очень богатаго купца, и все свое наслѣдство употребилъ на путешествія по тогдашнему міру. Возвратившись домой, онъ нуждался въ помощи брата, но когда наконецъ написалъ свое большое сочиненіе: „Діакосмосъ", то къ нему на философскія бесѣды стала стекаться такая толпа слушателей, что онъ пріобрѣлъ возможность жить безбѣдно, пользуясь притомъ столь громаднымъ почетомъ въ городѣ, что ему еще при жизни ставили почетныя колонны. Но книга его, благодаря только тому, что вся его философія вошла въ составъ ученія Эпикура и вызвала Аристотеля и Платона на полемику съ нею, извѣстна намъ въ общихъ своихъ положеніяхъ.

Ядромъ Демокритовой философіи служитъ атомистика, вліяніе которой на современное ученіе объ атомахъ можно прослѣдить исторически. „Нѣтъ ничего, кромѣ атомовъ и пустого пространства", гласитъ основная аксіома у Демокрита. Атомы существуютъ въ безконечномъ числѣ и отличаются безгранично разнообразными формами. Въ вѣчномъ паденіи чрезъ безконечное пространство, бо́льшіе атомы, падающіе быстрѣе мелкихъ, отпрядываютъ отъ послѣднихъ, образуя такимъ образомъ движенія въ сторону и круговое, которыми и начинается образованіе міра. Безчисленные міры образуются и исчезаютъ снова то одновременно другъ съ другомъ, то послѣдова-

тельно одинъ за другимъ.—Различіе всѣхъ вещей зависитъ отъ различія составляющихъ ихъ атомовъ по числу, величинѣ, формѣ и порядку; *качественнаго* различія атомовъ нѣтъ. Въ атомахъ нѣтъ никакихъ *внутреннихъ состояній,* они дѣйствуютъ другъ на друга лишь посредствомъ давленія и удара. Душа состоитъ изъ мелкихъ, гладкихъ и круглыхъ атомовъ, подобныхъ атомамъ огня; это самые подвижные атомы, и ихъ движеніе, проникая все тѣло, производитъ всѣ явленія жизни. Душа есть, слѣдовательно, особое вещество, отличное отъ тѣлъ,—положеніе совершенно не матеріалистическое и ведетъ за собою у Демокрита также дуалистическую нравственность: душа у него составляетъ главное, а тѣло—только ея сосудъ. Но за то умственныя способности Демокритъ не отличаетъ отъ другихъ явленій: умъ есть „явленіе, истекающее изъ математическихъ свойствъ извѣстныхъ атомовъ въ ихъ отношеніи къ другимъ". Далѣе, мы находимъ у Демокрита и тѣ основныя положенія матеріалистическаго ученія, которыя принимаются вполнѣ физикою и химіею XIX-го вѣка: „Изъ ничего не выходитъ ничего; изъ того, что̀ есть, ничто не можетъ быть уничтожено,—всякое измѣненіе есть лишь соединеніе и раздѣленіе частей"; а новѣйшій матеріализмъ говоритъ: „матерія неуничтожима". Наконецъ, мы находимъ еще у Демокрита и законъ причинности: „Ничто не происходитъ случайно, но все имѣетъ свое основаніе и совершается по необходимости". Это положеніе показываетъ, что Демокритъ уже устранялъ телеологію, чтобы открыть дорогу серьёзнымъ научнымъ изслѣдованіямъ. Однако у него еще нѣтъ объясненія того, какая причина вызываетъ происхожденіе цѣлесообразныхъ предметовъ изъ безцѣльныхъ, а между тѣмъ атомистическое ученіе необходимо ведетъ къ отысканію этой причины, которую и нашелъ потомъ послѣдователь Демокрита, Эмпедоклъ. Атомистика должна показать, какимъ образомъ при помощи однихъ атомовъ, вмѣсто всякихъ безцѣльныхъ образованій, появляются многоразличныя тѣла растеній и животныхъ со всѣми ихъ органами къ сохраненію отдѣльныхъ особей и видовъ; только съ такимъ доказательствомъ въ рукахъ можно понимать *умственное движеніе*, какъ частный случай общаго движенія. Въ наше время эта задача занимала Дарвина; замѣчательно, что въ рѣшеніи Эмпедокла есть намекъ на принципъ борьбы за существованіе: „цѣлесообразное—говоритъ онъ—потому взяло верхъ, что по самой сущности своей стремится *къ самосохраненію*, между тѣмъ какъ безцѣльное давно прекратилось".

Нравственная теорія Демокрита, несмотря на признаніе души высшею силою, чѣмъ тѣло, въ основѣ своей совершенно совпадаетъ съ матеріализмомъ—съ ученіемъ о личномъ наслажденіи жизнью. Сча-

стье состоитъ въ пріятномъ спокойствіи духа, которое доступно человѣку лишь при господствѣ надъ своими желаніями. Воздержность и сердечная чистота, соединенныя съ образованіемъ духа и развитіемъ ума, даютъ человѣку средства къ достиженію этой цѣли, несмотря ни на какія случайности въ жизни. Чувственныя наслажденія удовлетворяютъ лишь мимолетно, и только тотъ можетъ быть дѣйствительно счастливъ, кто творитъ добро ради его внутренняго достоинства, а не изъ страха или корысти... Всѣ эти выводы Демокритъ представляетъ какъ результатъ опыта, а различіе между добромъ и зломъ онъ предполагаетъ уже извѣстнымъ само собою. Очевидно, слѣдовательно, что у него нѣтъ еще строгой, послѣдовательной теоріи, согласной съ его атомистикою. Эту теорію пытаются выработать потомъ Аристиппъ и Эпикуръ, каждый своимъ путемъ, первый въ IV-мъ, второй въ III-мъ вѣкѣ до Р. Х.

Аристиппъ проповѣдывалъ, что цѣль существованія есть наслажденіе; онъ отличалъ два рода ощущеній по роду движеній, изъ которыхъ они происходятъ: движеніе тихое, нѣжное—*удовольствіе*, движеніе грубое, быстрое — *боль* или *неудовольствіе*. Такъ какъ чувственное наслажденіе вызываетъ болѣе живыя ощущенія, чѣмъ нравственное, то первое слѣдуетъ предпочитать второму; точно также физическая боль, по Аристиппу, хуже душевной. Наконецъ, само счастіе есть лишь результатъ многихъ отдѣльныхъ наслажденій, а цѣлью жизни должно быть всякое чувственное наслажденіе въ отдѣльности. И Аристиппъ дѣйствительно велъ свою жизнь согласно съ своею моралью; любимѣйшимъ его мѣстопребываніемъ были дворы тирановъ. Діонисій Сиракузскій цѣнилъ его выше всѣхъ другихъ философовъ, вѣроятно потому, что Аристиппъ подчинялся всякимъ прихотямъ тирана.

Эпикуръ возсталъ противъ проповѣди Аристиппа и доказывалъ, что изъ Демокритовой философіи нельзя выводить такихъ нравственныхъ правилъ, какія выводилъ Аристиппъ. И по личному характеру своему Эпикуръ былъ прямая противоположность Аристиппа. Сынъ бѣднаго школьнаго учителя въ Аѳинахъ, онъ пріобрѣлъ стремленіе къ ученымъ занятіямъ уже съ 14-лѣтняго возраста, когда, обучаясь въ школѣ Гезіодовой космогоніи, его поразила мысль о происхожденіи всего изъ хаоса,—„а хаосъ откуда взялся?“ спросилъ онъ своихъ учителей. Потомъ онъ слушалъ всѣхъ тогдашнихъ философовъ и кончилъ тѣмъ, что сдѣлался приверженцемъ Демокритова матеріализма. Онъ самъ учился въ разныхъ городахъ Греціи и наконецъ въ Аѳинахъ, гдѣ онъ купилъ садъ, въ которомъ и жилъ съ своими приверженцами, и куда приглашала надпись: „Странникъ, здѣсь будетъ тебѣ хорошо, здѣсь высшимъ благомъ признаютъ на-

слажденіе". Въ древнемъ мірѣ не знали другого примѣра столь прекрасной и чистой общей жизни, какую велъ Эпикуръ съ своею школою. Умирая, Эпикуръ завѣщалъ свой садъ школѣ, который долго потомъ служилъ средоточіемъ эпикурейцевъ. Понятно, что человѣкъ, способный къ подобной жизни, не могъ держаться Аристипповыхъ взглядовъ на нравственность. Умственное наслажденіе онъ считалъ, разумѣется, болѣе высокимъ, чѣмъ физическое; оно потому выше, что умъ возбуждается не только настоящимъ, но также прошлымъ и будущимъ. Но Эпикуръ стоитъ на матеріалистической почвѣ, когда утверждаетъ, что добродѣтель немыслима безъ наслажденія. Всѣ добродѣтели исходятъ изъ мудрости, которая учитъ насъ, что нельзя быть счастливымъ, не будучи умнымъ, благороднымъ и справедливымъ, и обратно: мудрый, благородный и справедливый не можетъ не быть истинно счастливымъ. Эпикуръ признавалъ боговъ и отдавалъ имъ обычныя поклоненія, но не изъ страха предъ жрецами и предъ фанатизмомъ народной массы, а потому, что его беззаботные и безболѣзненные боги составляли дѣйствительный идеалъ его философіи. Главное, о чемъ хлопоталъ Эпикуръ—это объ избавленіи человѣчества отъ напрасныхъ страховъ и предразсудковъ, которые мѣшаютъ людямъ быть счастливыми. На смерть — училъ онъ—слѣдуетъ смотрѣть вполнѣ равнодушно, такъ какъ она лишаетъ насъ чувства. „Пока мы существуемъ, смерти нѣтъ; когда же является смерть, насъ нѣтъ. Къ чему же бояться приближенія какой-либо вещи, когда эта вещь сама по себѣ не заключаетъ въ себѣ ничего страшнаго. Еще глупѣе славить раннюю смерть, которую всякій можетъ нанесть себѣ самъ. У того нѣтъ болѣе ничего дурного въ жизни, кто истинно убѣдился въ томъ, что въ прекращеніи жизни нѣтъ ничего дурного". Представляя себѣ, что вся природа должна служить человѣку въ устраненіи его страховъ и предразсудковъ, Эпикуръ и въ природѣ сталъ искать лишь однихъ успокоеній и разъясненій; а такое ошибочное воззрѣніе на природу повело къ тому, что и Эпикуръ, и его школа изучили природу съ слишкомъ узкой точки зрѣнія, такъ что, можетъ быть, именно этому обстоятельству слѣдуетъ приписать, хотя отчасти, тотъ замѣчательный фактъ, что въ древнемъ мірѣ матеріалисты не сдѣлали ни одного важнаго открытія ни въ естествознаніи, ни въ математикѣ. Что касается до примѣненія атомистики къ объясненію всѣхъ явленій, Эпикуръ почти ничего не прибавилъ къ ученію Демокрита. Только относительно души онъ не впалъ въ дуализмъ своего предшественника, хотя его опредѣленіе все-таки не удовлетворяетъ требованій новѣйшаго матеріализма. Но не слѣдуетъ забывать, что въ тѣ отдаленныя времена ни о нервной дѣятельности, ни объ отправленіяхъ мозга ничего не

знали, и между тѣмъ Эпикуръ принимаетъ душу какъ особый *органъ*, а не что-либо постороннее тѣлу. Тѣло покрываетъ душу и ведетъ къ ней ощущенія; вмѣстѣ съ душою тѣло участвуетъ въ ощущеніи и лишается его одновременно съ душою. Съ гибелью тѣла должна гибнуть и душа.

Послѣ Эпикура греческая философія совершенно падаетъ, и косвенное вліяніе матеріализма замѣчается лишь въ блистательномъ развитіи математики и естествознаніи въ Александріи, хотя всѣ важнѣйшія открытія дѣлаются послѣдователями Платона и Пиѳагора. При научныхъ изслѣдованіяхъ, александрійскіе ученые употребляли уже наблюденіе и опытъ, но у нихъ недоставало научной гипотезы.

Ученіе Эпикура имѣетъ за собою большое историческое значеніе, такъ какъ въ этой формѣ являлся потомъ матеріализмъ и въ Римѣ, и у арабовъ, и въ Новой Европѣ временъ возрожденія, у Гассенди.

Въ Римѣ эпикурейское ученіе пало на недобрую почву и подвергалось столь сильнымъ искаженіямъ, что его отождествляли съ кодексомъ всякаго распутства. Только у поэта Тита Лукреція, умершаго въ 55-мъ г. до Р. Хр., матеріализмъ получилъ форму стройнаго и цѣльнаго ученія. Его поэма „De rerum natura" весьма много способствовала тому, что при возрожденіи наукъ новые изслѣдователи увидѣли ученіе Эпикура въ хорошемъ свѣтѣ. Лукрецій придалъ матеріализму „такую ясность, твердость и силу—говоритъ Ланге—какихъ оно никогда не имѣло ни прежде, ни послѣ до нашихъ дней". Нашъ авторъ подробно разсказываетъ содержаніе поэмы, но мы коснемся лишь оригинальныхъ ея частей, а не того, что̀ уже извѣстно изъ Эпикура. Лукрецій открыто отрицаетъ безсмертіе души и религію, хотя признаетъ происхожденіе послѣдней изъ чистыхъ источниковъ. Боги, которымъ люди приписали жизнь, чувство и сверхчеловѣческія силы, суть не что иное, какъ фантастическіе образы. Замѣчая правильную смѣну временъ года, восходъ и закатъ звѣздъ, и не имѣя понятія о причинахъ этихъ явленій, люди населили небо богами и приписали имъ не только всѣ небесныя явленія, но также бури и градъ, молнію и громъ. „О, несчастный родъ смертныхъ", — восклицаетъ поэтъ — „приписавшій подобныя вещи богамъ и обвинившій ихъ въ столь желчномъ гнѣвѣ! Сколько бѣдъ нанесли эти люди сами себѣ, сколько ранъ намъ, и сколько слезъ нашимъ потомкамъ!"

Интересна попытка Лукреція выяснить самый трудный и до сихъ поръ еще нерѣшенный вопросъ матеріализма: отношеніе ощущенія къ матеріи. По принципу, чувствуемое должно развиваться изъ не-

чувствительнаго. Поэтъ поясняетъ, что не изъ всего и не при всякихъ обстоятельствахъ можетъ возникнуть ощущеніе, что чувствительное или чувствами одаренное создается изъ матеріи лишь при особаго рода тонкости, формы, движенія и порядкѣ атомовъ. Ощущеніе существуетъ лишь въ органическомъ животномъ тѣлѣ, и здѣсь оно принадлежитъ не отдѣльнымъ частямъ, а цѣлому организму. Но „органическое цѣлое“ есть уже какъ-бы новый принципъ возлѣ „атомовъ“ и „пустого пространства“, изъ которыхъ выводилъ свое міровоззрѣніе Демокритъ и Эпикуръ.

Поэма Лукреція важна еще въ политическомъ отношеніи. Поэтъ относится къ политической дѣятельности отрицательно; какъ погонѣ за богатствомъ онъ предпочитаетъ бережливость и воздержность, такъ погонѣ за политическимъ могуществомъ и царскимъ достоинствомъ онъ противопоставляетъ спокойное повиновеніе. Замѣчательно, что до самаго Гольбаха почти всѣ матеріалисты, и древніе и новые, держались того же политическаго принципа. Ланге считаетъ ихъ одобреніе спокойнаго повиновенія равнозначительнымъ отрицанію государства, какъ сферы нравственнаго общенія (стр. 119).

Послѣ Лукреція, когда начались безпрестанныя междоусобныя войны и Римъ сталъ приходить въ полный упадокъ, не только матеріализмъ, но и философское мышленіе вообще стали исчезать въ древнемъ мірѣ. При Неронѣ и Калигулѣ ни одна изъ философскихъ системъ не находилась въ столь жалкомъ, необработанномъ видѣ, какъ философія Демокрита и Эпикура: тогда начали свое господство нео-платоники и нео-пиѳагорейцы. Антиматеріалистическое направленіе въ этихъ системахъ дошло до того, что одинъ изъ главныхъ представителей, Плотинъ, заявлялъ, что онъ стыдится, что у него есть тѣло, и онъ никогда не говорилъ, отъ какихъ родителей происходитъ. Въ то же время религія, какъ торжествующая сила, приняла всевозможныя формы, такъ что не было такого предразсудка или суевѣрія, которые не могли бы найти себѣ своеобразнаго религіознаго культа. Такъ продолжалось цѣлые три вѣка послѣ Р. Хр., пока наконецъ христіанство не стало брать верха надъ всѣми другими религіями, распространяя свою проповѣдь о заступничествѣ за бѣдныхъ и угнетенныхъ.

Такъ какъ матеріализмъ тѣсно связанъ съ развитіемъ и процвѣтаніемъ научныхъ изслѣдованій, то изъ религій, уцѣлѣвшихъ или вновь появившихся послѣ паденія Рима, та должна была наиболѣе способствовать возрожденію матеріализма, ученіе которой всего легче допускаетъ развитіе науки. Изъ трехъ религій, придерживающихся единобожія: христіанства, іудаизма и магометанства, послѣднее оказалось наиболѣе благопріятнымъ для научныхъ изслѣдованій, и

у арабовъ именно мы снова встрѣчаемся съ матеріалистическими принципами и выводами. Христіанство, по мнѣнію Ланге, тоже заключаетъ въ себѣ хорошіе задатки для успѣшнаго движенія науки, но оно, къ сожалѣнію, въ первые вѣка своего существованія и (въ формѣ римскаго католицизма) вплоть до эпохи возрожденія наукъ въ Европѣ являлось самымъ энергическимъ врагомъ научной мысли. Въ магометанствѣ, напротивъ, единобожіе является въ наиболѣе рѣзкой формѣ, и миѳическихъ добавленій почти нѣтъ. Магометанство имѣло вліяніе на научное движеніе не только тѣмъ, что оно дало возможность своимъ приверженцамъ заниматься точными научными изслѣдованіями, но и своею собственною философіей въ ученіи Аверроэса, которое оказало столь сильное вліяніе на тогдашнее состояніе умовъ, что послужило причиною наиболѣе дерзкихъ расколовъ въ христіанствѣ. Рѣзкую противоположность съ христіанскимъ ученіемъ представлялъ „аверроизмъ" въ трехъ вопросахъ. Онъ училъ, въ противоположность христіанской догматикѣ о міроздапіи, что міръ и матерія вѣчны. Отношеніе Бога къ міру принимается въ аверроизмѣ или въ пантеистическомъ смыслѣ, или такимъ образомъ, что Богъ дѣйствуетъ непосредственно лишь на неподвижныя звѣзды, и затѣмъ звѣздная сила вліяетъ на всѣ остальные предметы. Наконецъ, въ аверроизмѣ была доктрина, противная ученію о личномъ безсмертіи; доктрина *объ единствѣ разума*, который одинъ признается безсмертнымъ; въ душу человѣка этотъ единый разумъ посылаетъ познанія на подобіе того, какъ свѣтъ проникаетъ въ глаза. Въ этихъ трехъ ученіяхъ Аверроэса матеріализмъ, разумѣется, играетъ самую незначительную роль, но присутствіе его несомнѣнно, хотя аверроизмъ, превратившись впослѣдствіи въ безусловное почитаніе Аристотеля, сталъ однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій противъ распространенія матеріализма.

Въ дѣлѣ распространенія точныхъ наукъ, арабскіе ученые способствовали матеріализму тоже лишь косвеннымъ образомъ, возбуждая въ схоластическомъ мірѣ идею о законности и правильности въ природѣ и органической жизни. Астрологія, алхимія и особенно медицина арабовъ заключали въ себѣ задатки будущихъ крупныхъ научныхъ обобщеній, и сближеніе сарациновъ съ христіанскими народами повело къ учрежденію въ Европѣ многихъ медицинскихъ школъ, особенно въ Южной Италіи. Такъ, уже въ XI-мъ вѣкѣ, въ монастырѣ Монте-Кассино, монахъ Константинъ, признаваемый современниками вторымъ Гиппократомъ и много путешествовавшій на Востокѣ, посвятилъ свой свободный досугъ переводу арабской медицинской литературы. Въ Монте-Кассино, и позже въ Салерно и Неаполѣ возникли тѣ знаменитыя медицинскія школы, куда стека-

лись со всего Запада всѣ жаждавшіе знанія. Особеннымъ либерализмомъ въ религіозномъ отношеніи отличался этотъ уголъ Италіи во времена Фридриха II-го, друга сарациновъ. Про императора разсказывали, что онъ отвергалъ будто бы всѣ религіи: и Моисея, и Магомета, и Христа, и входилъ въ сношенія съ сектой ассассиновъ, которыхъ заклеймили кличкою „магометанскіе іезуиты". Объ этой сектѣ дошли до насъ свѣдѣнія лишь изъ рукъ ихъ противниковъ, и надо думать, что послѣдніе не пожалѣли черныхъ красокъ для ихъ описанія. Увѣряютъ, что ассассины исповѣдывали тайное ученіе, которое доходило до высшихъ степеней полнаго атеизма со всѣми требованіями чувственнаго и властолюбиваго себялюбія.

Арабская литература, во всякомъ случаѣ, сыграла важную роль, какъ въ дѣлѣ возрожденія научнаго мышленія, такъ и въ созданіи освободительныхъ помысловъ въ самой схоластической литературѣ, гдѣ такъ-называемая *византійская логика* стала стремиться къ отождествленію слова съ мыслью, причемъ она приходила иногда на мысль о необходимости свободы мышленія внѣ указанныхъ формъ. Еще въ XIII-мъ вѣкѣ схоластики этого разряда стали проповѣдывать теорію *двоякой истины*, въ силу которой философская истина должна быть допускаема наравнѣ съ богословскою, хотя обѣ онѣ заключали бы въ себѣ взаимно противоположный смыслъ. Съ особеннымъ жаромъ теорію двоякой истины отстаивалъ парижскій университетъ; въ 1247 году, одинъ изъ профессоровъ, Іоганъ де-Брескэнъ, оправдывалъ свои „заблужденія", осужденныя мѣстнымъ епископомъ, что онъ обучалъ осужденнымъ фразамъ не „богословски", но „философски". Но несмотря на то, что епископъ не принялъ подобнаго оправданія, въ 1270 и 1276 годахъ духовнымъ властямъ снова пришлось судить еще нѣсколько „заблужденій", въ числѣ которыхъ помѣщены слѣдующія фразы: „при знаніи богословія невозможно никакое знаніе"; „христіанская религія препятствуетъ расширенію знанія"; „мудрые въ мірѣ одни лишь философы"; „рѣчи богослововъ основаны на басняхъ". Мало того, профессора отвергали нѣкоторые существенные догматы христіанства, напримѣръ, воскресеніе Христа и т. п.; они отвергали такія ученія во имя философіи, но не забывая никогда прибавлять, что отвергаемое философіей ученіе должно считаться справедливымъ „по католической вѣрѣ". То же самое явленіе повторялось въ томъ же XIII-мъ вѣкѣ въ Англіи и Италіи, гдѣ тоже епископы издавали свои строгіе выговоры. Въ Италіи аверроизмъ процвѣталъ тогда въ падуанскомъ университетѣ, куда стекалось юношество всей Сѣверной Италіи и особенно изъ Венеціи, населенной въ то время богатымъ купечествомъ и государственными людьми, весьма склонными къ практическому мате-

ріализму. Аверроизмъ господствовалъ въ Падуѣ до XVII-го вѣка и своею приверженностью къ аристотелевой философіи много препятствовалъ впослѣдствіи возрожденію наукъ въ Италіи; но падуанскій аверроизмъ оказалъ за то большія услуги распространенію вольнаго мышленія, которое въ началѣ XVI-го вѣка, въ лицѣ профессора Помпонацція, коснулось, подъ личиной двоякой истины, даже такого вопроса, какъ безсмертіе души; кромѣ того, Помпонацій возстаетъ противъ вѣры въ привидѣнія и называетъ „одержимыхъ бѣсами“ больными; наконецъ, онъ оспариваетъ ученіе о свободной волѣ, отвергаетъ чудеса и даже критикуетъ самое понятіе о божествѣ, стараясь показать противорѣчіе между всемогуществомъ, всевѣдѣніемъ и добротою Бога съ одной стороны, и грѣховностью человѣка съ другой. Во всѣхъ этихъ полемикахъ Помпонацція проглядываетъ значительное свободомысліе, но дѣйствительной матеріалистической системы еще нѣтъ, хотя атомистическая теорія уже успѣла снова проникнуть въ школы тогдашней Европы, и именно въ Парижѣ, въ первой половинѣ XIV-го вѣка, гдѣ профессоръ Николаусъ де-Аутрикарія училъ, что въ явленіяхъ природы нѣтъ ничего, кромѣ движенія соединяющихся и раздѣляющихся между собою атомовъ. Но эта попытка возобновленія атомистической теоріи оставалась исключительною, пока не начался полный переворотъ въ тогдашней учебной системѣ въ пользу гуманизма, то-есть изученія писателей классической древности. Одинъ изъ первыхъ поборниковъ гуманизма, Лоренцій Валла, написалъ „Діалогъ о наслажденіи“, который можно признать первою попыткою оправданія эпикурейскаго ученія. Правда, что въ этомъ діалогѣ авторъ ставитъ христіанскую мораль выше эпикурейской, но онъ все-таки относится къ послѣдней съ рѣшительнымъ предпочтеніемъ передъ всѣми прочими системами и системою стоиковъ въ томъ числѣ, которая одна пользовалась нѣкоторымъ почетомъ среди тогдашнихъ схоластиковъ.

Окончательные удары аристотелевой философіи и схоластикѣ вообще нанесли реформація и такіе изслѣдователи, какъ Филиппъ Меланхтонъ, испанецъ Вивесъ и естествоиспытатель Конрадъ Гесснеръ, но въ особенности появившаяся въ 1543 году и посвященная папѣ книга Николая Коперника „О путяхъ небесныхъ тѣлъ“. Однимъ изъ самыхъ раннихъ и рѣшительныхъ приверженцевъ новой теоріи объ отношеніяхъ земного шара къ солнцу былъ итальянскій философъ Джордано Бруно, который хотя придерживался въ богословскихъ вопросахъ пантеистическаго ученія, тѣмъ не менѣе подводилъ подъ пантеизмъ совершенно матеріалистическую основу, такъ какъ приписывалъ матеріи происхожденіе и развитіе всѣхъ вещей. Бруно съ такою горячностью и откровенностью проповѣдывалъ свои мысли,

что попалъ въ Венеціи въ руки инквизиціи, и затѣмъ, послѣ восьмилѣтняго заключенія въ разныхъ тюрьмахъ, былъ сожженъ въ Римѣ 17 февраля 1600 года.

Въ XVII вѣкѣ являются, наконецъ, главные представители научныхъ методовъ: Бэконъ и Декартъ, и начинается серьёзное возрожденіе науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ появляется и матеріализмъ въ лицѣ самыхъ крупныхъ своихъ представителей: француза Гассенди и англичанина Гоббза.

Пьеръ Гассенди былъ сынъ бѣднаго провансальскаго крестьянина; 16-ти лѣтъ отъ роду онъ былъ уже преподавателемъ реторики, а 19-ти—профессоромъ философіи въ Э (*Aix*). Впослѣдствіи Гассенди возвели въ каноники Диньи. Гассенди извѣстенъ какъ математикъ, естествоиспытатель и философъ. Главныя сочиненія Гассенди направлены противъ Аристотеля, Декарта и въ защиту Эпикура. Гассенди защищаетъ нравственную философію Эпикура и является твердымъ сторонникомъ атомистической теоріи. Въ своихъ объясненіяхъ о разныхъ предметахъ, касавшихся религіи, Гассенди отличался замѣчательною ловкостью, и не разъ употреблялъ въ дѣло теорію двойной истины. Ланге заключаетъ отсюда, что Гассенди былъ чуть ли не такимъ же матеріалистомъ, какъ Гольбахъ, и что всѣ его ссылки на божество будто бы лицемѣрны, хотя можно быть и матеріалистомъ и вѣрить въ существованіе Бога, какъ вѣрилъ въ свое время Эпикуръ. Какъ бы то ни было, Гассенди можно назвать матеріалистомъ лишь въ томъ смыслѣ, что онъ твердо держался атомистической теоріи и что для него не существовало такого предмета, къ которому бы онъ не осмѣлился отнестись скептически. Богъ признается имъ первою причиною всего, но въ своихъ философскихъ и физическихъ изслѣдованіяхъ Гассенди легко довольствуется одними *второстепенными* причинами, принципомъ которыхъ служитъ матерія. Ощущеніе объясняетъ онъ по Лукрецію, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ существованіе безсмертнаго и безтѣлеснаго духа, которому однако онъ отводитъ такое же бездѣятельное, хотя и высокое мѣсто, какъ Богу. Что же касается до дѣйствующей души, она состоитъ изъ матеріальныхъ атомовъ. Въ своихъ ученіяхъ о внѣшнемъ мірѣ Гассенди держался, разумѣется, научныхъ взглядовъ и, разсуждая о системахъ міра, высказываетъ свое предпочтеніе системѣ Коперника, которая, по его мнѣнію, самая простая и всего лучше соотвѣтствующая дѣйствительности; но такъ какъ Библія буквально признаетъ движеніе солнца, то — прибавляетъ нашъ осторожный философъ — слѣдуетъ вѣрить и системѣ Тихо. Всѣ эти „ловкости" Гассенди, его споръ съ Декартомъ и Аристотелемъ, его похвалы Эпикуру и особенно той мысли послѣдняго, „что человѣкъ можетъ

мыслить про себя, что̀ ему угодно, но за то во внѣшнихъ дѣйствіяхъ долженъ соблюдать законы страны", — все это наводитъ Ланге на подозрѣніе Гассенди въ полномъ матеріализмѣ, особенно потому, что послѣднюю доктрину политической индифферентности проповѣдывали какъ древніе матеріалисты, такъ и послѣ Гассенди, и съ особенною рѣзкостью другъ его Гоббзъ, котораго Ланге называетъ самымъ послѣдовательнымъ изъ всѣхъ приверженцевъ матеріализма. Гассенди умеръ въ 1655 году 63-хъ лѣтъ отъ роду.

Гоббзъ родился въ 1588 году. Сынъ сельскаго священника, онъ отличался съ малыхъ лѣтъ большими способностями къ наукамъ; 14-ти лѣтъ онъ поступилъ уже въ оксфордскій университетъ, а 20-ти лѣтъ сталъ секретаремъ лорда Кэвендиша, затѣмъ былъ компаніономъ сына этого лорда и воспитателемъ сына этого послѣдняго; вся жизнь его, такимъ образомъ, прошла въ кругу высшей англійской аристократіи. Онъ часто ѣздилъ во Францію, то добровольно, то какъ изгнанникъ, и тамъ, въ Парижѣ, ему пришлось давать уроки математики будущему англійскому королю Карлу II. Самъ Гоббзъ началъ изучать геометрію лишь на 41-мъ году отъ рожденія, а естественныя науки двумя годами позже, и это изученіе привело его тотчасъ же къ вопросу, послужившему лозунгомъ для матеріалистическихъ споровъ XVIII вѣка: „какой родъ движенія вызываетъ чувство и фантазію въ живомъ существѣ?" Прежде этой задачи, Гоббзъ выступилъ въ литературу лишь въ 1628 году съ англійскимъ переводомъ Ѳукидида, съ заявленною цѣлью напугать своихъ соотечественниковъ участью Аѳинъ, предавшихся на волю демократіи. Но главныя его сочиненія: „de homine", „de corpore", „de cive" и „Левіаѳанъ" появились гораздо позже, послѣднее въ 1651 году, и такъ какъ въ немъ Гоббзъ выражался слишкомъ откровенно о королевскомъ достоинствѣ, то попалъ въ немилость. Издавъ въ то же время сочиненіе противъ папской непогрѣшимости, онъ принужденъ былъ за то покинуть Францію. Англія, свободу которой Гоббзъ порицалъ, приняла его безъ всякихъ возраженій. При возстановленіи монархіи, Гоббзъ примирился съ королевскимъ дворомъ, но жилъ въ почетномъ удаленіи, весь посвященный въ свои занятія: на 88 году своей жизни онъ издалъ переводъ Гомера, на 91-мъ — циклометрію.

Въ самомъ опредѣленіи философіи Гоббзъ заявляетъ свои матеріалистическія стремленія, такъ какъ философія, по его мнѣнію, есть „познаніе, *путемъ вѣрныхъ заключеній*, дѣйствій и явленій по принятымъ причинамъ и, съ другой стороны, возможныхъ причинъ по признаннымъ дѣйствіямъ"; — заключать же значитъ *считать*, а всякій счетъ можно свести на сложеніе и вычитаніе. Цѣлью фило-

софіи должно быть „предвидѣніе дѣйствій" для практическихъ потребностей въ жизни. Такимъ образомъ, философія становится настоящей естественной наукой. Замѣчательно, что въ нынѣшней Англіи самое слово *philosophy* употребляется скорѣе въ смыслѣ *физики*, чѣмъ *философіи*: всякаго естествоиспытателя называютъ тамъ *natural philosophe*. Придавая такое практическое значеніе философіи, Гоббзъ впрочемъ являлся лишь вѣрнымъ послѣдователемъ Бэкона. Но въ теоріи мірозданія Гоббзъ является какъ-бы приверженцемъ Аристотеля и Декарта, такъ какъ онъ отрекается отъ атомизма и пустого пространства, и въ своей теоріи объ ощущеніи заявляетъ сенсуалистическіе взгляды, которые впослѣдствіи стали краеугольнымъ камнемъ философіи Локка. Гоббзъ принимаетъ, что движенія тѣлесныхъ предметовъ передаются нашимъ чувствамъ при посредствѣ воздуха, отъ чувствъ идутъ къ мозгу и изъ мозга наконецъ въ сердце. Каждому движенію во внѣшнемъ мірѣ соотвѣтствуетъ противодвиженіе (изъ сердца) въ самомъ организмѣ, которое и есть *ощущеніе*; между внѣшнимъ давленіемъ и ощущеніемъ, такимъ образомъ, проходитъ нѣкоторое время. Обратнымъ движеніемъ къ внѣшнему предмету обусловливается наше представленіе предметовъ *внѣ* организма. Субъектъ ощущенія самъ человѣкъ, взятый какъ одно цѣлое; образы объекта (ощущаемаго предмета) или чувства воспріятія предмета — не самъ предметъ, но движеніе, исходящее изнутри насъ самихъ. Свѣтъ отъ свѣтящагося предмета и звукъ отъ звучащаго, слѣдовательно, суть только формы внутренняго движенія въ человѣческомъ организмѣ. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ тому сенсуалистическому выводу, что всѣ, такъ сказать, чувственныя качества предметовъ принадлежатъ не самимъ вещамъ, а создаются въ организмѣ. Чисто матеріалистическимъ положеніемъ въ этомъ понятіи объ ощущеніи является лишь признаніе ощущенія простымъ движеніемъ тѣлесныхъ частей.

Самымъ рѣшительнымъ матеріалистомъ является Гоббзъ въ своихъ политическихъ и религіозныхъ разсужденіяхъ. Познаніе Бога, говоритъ онъ, не входитъ въ предѣлы науки, ибо гдѣ нечего слагать и вычитать, тамъ не можетъ быть и мышленія. Связь между причинами и дѣйствіями приводитъ, правда, ученаго къ признанію *послѣдней основы* всякаго движенія, — перваго движущаго принципа; такъ какъ ближайшее опредѣленіе этого принципа совершенно немыслимо и противорѣчитъ мышленію, то признаніе и опредѣленіе идеи божества слѣдуетъ предоставить религіозной вѣрѣ, причемъ государственной власти рекомендуется допускать лишь такіе догматы, которые полезны государственной жизни. Это одинъ изъ главныхъ пунктовъ абсолютистской или диктаторской теоріи Гоббза.

Гоббзъ приходитъ къ своему абсолютизму путемъ чисто-матеріалистическихъ соображеній. Человѣкъ (разсуждаетъ Гоббзъ) по природѣ своей стремится къ сохраненію своихъ личныхъ интересовъ, и будь въ немъ даже врожденное расположеніе къ миру, не можетъ не нарушать интересовъ своихъ ближнихъ. Въ немъ нѣтъ никакого политическаго инстинкта, — только страхомъ и разсудкомъ приходитъ онъ къ союзу съ ближними ради общей безопасности. Государство, такимъ образомъ, основывается на договорѣ, въ которомъ не принимаетъ никакого участія ни божественная воля, ни какое-либо религіозное освященіе. Религія—говоритъ Гоббзъ—дѣло не здѣшняго міра, и потому духовенство не должно вмѣшиваться въ государственныя дѣла, и никто не обязанъ ему ни малѣйшимъ повиновеніемъ. Отсюда его отрицаніе папской непогрѣшимости и неудовольствіе Карла II, желавшаго быть монархомъ божественной воли. Какъ бы то ни было, основываясь на томъ, что люди соединяются въ государство ради общей безопасности, Гоббзъ отдаетъ ихъ въ руки государственной власти безусловно. Его эгоистическій человѣкъ не имѣетъ никакой природной склонности соблюдать какіе-либо законы,—только одинъ страхъ можетъ принудить его къ этому. Для того, чтобы удержать этихъ эгоистовъ отъ междоусобной войны, нужно чтобы эгоизмъ власти стоялъ выше всѣхъ другихъ эгоизмовъ; поэтому правительство только въ такомъ случаѣ въ состояніи будетъ управлять страною, если власть его будетъ безгранична. Отсюда предпочтеніе Гоббзомъ абсолютной и наслѣдственной монархіи всѣмъ другимъ родамъ правительственной власти. При такомъ взглядѣ на государство понятнымъ становится и названіе самой книги о государствѣ: „Левіаѳанъ". Государство поглощаетъ въ себя все: руководствуясь интересами своего собственнаго эгоизма, оно устанавливаетъ порядокъ во всемъ, судитъ и рядитъ, даетъ права и собственность, какъ ему угодно, даже устанавливаетъ понятія о добрѣ и злѣ, добродѣтели и порокѣ; — за охраненіе жизни и собственности все должно ему повиноваться и жертвовать всѣмъ, чѣмъ можетъ. Государство Гоббзъ ставитъ выше религіи по тѣмъ же самымъ причинамъ, по какимъ ставили его такъ Эпикуръ и Лукрецій: въ силу того мнѣнія, что религія происходитъ будто бы исключительно изъ чувства страха передъ невидимыми вліяніями. „Страхъ передъ невидимыми силами,—говоритъ Гоббзъ—передъ выдуманными ли, или передъ переданными по преданію, называется *религіею*, если онъ установленъ государствомъ, и *суевѣріемъ*, если государство его не установляло." Послѣ этого опредѣленія нечего удивляться тому, что Гоббзъ, говоря о чудесахъ, объявилъ, что чудеса не для всѣхъ чудесами бываютъ, и что такъ какъ въ Англіи государство при-

знаетъ Библію, то и чудеса слѣдуетъ подобно пилюлямъ глотать, не раскусывая. Укажемъ еще на одинъ фактъ личнаго отношенія Гоббза къ религіи. Когда однажды въ Сенъ-Жерменѣ Гоббзъ заболѣлъ сильною горячкою, и къ нему прислали друга Гассенди, такое же вольнодумное духовное лицо, чтобы Гоббзъ умеръ по всѣмъ правиламъ римско-католической церкви, то Гоббзъ попросилъ оставить религіозныя церемоніи въ сторонѣ и сказать ему лучше, какъ поживаетъ Гассенди. Но когда затѣмъ явился англиканскій епископъ, то Гоббзъ принялъ церковныя утѣшенія подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ епископъ не выходилъ изъ предѣловъ предписанныхъ закономъ церковныхъ обрядовъ. Какъ изъ этого дѣйствительнаго факта, такъ и изъ всѣхъ опредѣленій Бога — а ихъ у него много—видно только, что Гоббзъ атеистомъ не былъ. И замѣчательно, что всѣ англійскіе естествоиспытатели и философы, какъ бы сильно ни держались матеріалистической почвы въ своихъ изслѣдованіяхъ, со временъ Гоббза и до нашихъ дней, всегда заявляли себя въ пользу божественной гипотезы, какъ „*перваго движущаго принципа*", какъ первой причины всего.

Французскіе матеріалисты XVIII вѣка, научившіеся матеріализму главнымъ образомъ у Гоббза и послѣдовавшихъ за нимъ англійскихъ философовъ и естествоиспытателей, придали матеріализму вполнѣ законченный характеръ, высказавшись совершенно ясно въ пользу атеизма и окончательнаго устраненія всякой религіи. Пользуясь такими замѣчательными работами въ естествознаніи, какъ работы Ньютона, Бойля, Гартли и Пристлея, и такою философской разработкой человѣческой природы, какую даютъ сочиненія Шэфтсбюри и Толэнда, французы не впали въ тотъ грубый взглядъ на человѣческій эгоизмъ, какого держался Гоббзъ, и дали въ своей системѣ особое значеніе образованію и воспитанію человѣчества. И въ системѣ Ла-Меттри [1]), и въ системѣ Гольбаха [2]), съ подробностями которыхъ знакомитъ насъ Ланге, человѣкъ является гораздо болѣе привлекательнымъ, чѣмъ у Гоббза. Гоббзъ, подобно всѣмъ древнимъ матеріалистамъ, отличается аристократическимъ чванствомъ, между тѣмъ какъ у французовъ рождается уже вопросъ о демократизаціи матеріализма. Правда, Гольбахъ сознаетъ, что матеріализмъ можетъ быть основанъ лишь на познаніи законовъ природы, и что такъ какъ масса людей не имѣетъ ни времени, ни склонности къ изученію ихъ, то онъ не можетъ быть народнымъ, но за то, въ противность Гоббзу, Гольбахъ требуетъ полнаго равноду-

---

[1]) L'homme machine и Discours sur le bonheur.

[2]) Système de la nature.

шія государства въ дѣлахъ религіи; пусть всѣ думаютъ, что хотятъ, и учатъ, чему кто можетъ: плоды философскихъ изслѣдованій станутъ рано или поздно достояніемъ всѣхъ, какъ становятся теперь результаты естественныхъ наукъ. Извѣстно, что матеріализмъ нашего, XIX-го вѣка, идетъ въ этомъ вопросѣ по стопамъ Гольбаха, хотя раздаются среди него и такіе голоса, которые требуютъ государственной власти для *запрещенія* религіи, а между тѣмъ еще не доказано, что религія вообще противоестественна человѣческому существу.

Проповѣдуя атеизмъ, Гольбаху пришлось доказывать, что атеизмъ совмѣстенъ съ нравственностью, и онъ доказываетъ эту совмѣстность тѣмъ, что поступки людей исходятъ не изъ общихъ представленій, но изъ страстей и естественныхъ стремленій. Всѣ нравственныя и умственныя способности человѣка Гольбахъ выводитъ изъ впечатлительности къ вліяніямъ внѣшняго міра. „Чувствительная душа есть не что иное, какъ человѣческій мозгъ, легко воспринимающій внѣшнія впечатлѣнія. Такъ, мы называемъ чувствительнымъ такого человѣка, котораго приводитъ въ слезы одинъ взглядъ на несчастнаго, или разсказъ страшнаго приключенія, или простая мысль о трогательной сценѣ“. Здѣсь — говоритъ Ланге — „стоялъ Гольбахъ непосредственно у источниковъ матеріалистической нравственной философіи, которой до сихъ поръ нѣтъ... Дѣло въ томъ, чтобы найти такой принципъ, который шелъ бы дальше эгоизма. Во всякомъ случаѣ, *сострадания* здѣсь мало. Если же взять *сорадость* (Mitfreude) и расширить свой кругозоръ до того, чтобы въ него вошло все естественное участіе, которое питаетъ хорошо организованный человѣкъ къ существу, однородность и сходство котораго съ собою онъ признаетъ, то мы получимъ основу, на которой можно во всякомъ случаѣ приблизительно показать, что добродѣтели, какъ всѣ другіе предметы, тоже могутъ мало-по-малу внѣдряться въ человѣка *путемъ глазъ и ушей*; и этой этикѣ можно было бы дать глубокое основаніе, еслибъ доказано было, что взаимное отношеніе чувствъ способно мало-по-малу, въ теченіи тысячелѣтій, установить общность человѣческаго рода во всѣхъ интересахъ, — общность, состоящую въ томъ, чтобы каждый отдѣльный человѣкъ переживалъ судьбы всего человѣчества въ гармоніи или дисгармоніи своихъ собственныхъ чувствъ и представленій“ (стр. 379, 380).

Но, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать этотъ естественный путь умозаключеній, Гольбахъ, подобно всѣмъ прочимъ матеріалистамъ, сталъ выводить нравственность изъ чисто разсудочнаго опредѣленія средствъ къ достиженію личнаго счастія, и такимъ образомъ пришелъ лишь къ революціонной программѣ въ политикѣ: „Такъ какъ

правительство—говоритъ онъ—пріобрѣтаетъ свою власть отъ одного общества исключительно, и само учреждается для общественнаго блага, то само собою разумѣется, что общество, если того требуютъ его интересы, можетъ взять свое полномочіе назадъ, можетъ измѣнить образъ правленія и расширить или ограничить предѣлы власти, довѣренной правительству; за обществомъ остается вѣчный высшій надзоръ по тому неизмѣнному закону природы, который часть подчиняетъ цѣлому". Въ этомъ своемъ ученіи Гольбахъ шелъ дальше всѣхъ своихъ современниковъ, и въ немъ уже вѣетъ революціоннымъ духомъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что политика Гольбаха прямо противоположна политикѣ Гоббза, но въ дѣйствительности Гоббзъ, въ своей доктринѣ абсолютной монархіи, говоритъ то же самое. И въ самомъ дѣлѣ, Гоббзъ, хотя неохотно, соглашается, что всякая могущественная революція, если ей удастся установить новую государственную власть, вполнѣ оправдывается въ этомъ поступкѣ (стр. 244). Это совершенно послѣдовательно: кто защищаетъ право безусловнаго деспотизма въ какой-либо правительственной формѣ, тотъ долженъ защищать и всякую удачную революцію, власть которой въ моментъ удачи есть тоже не что иное, какъ безусловный деспотизмъ.

Само собою разумѣется, что политика Гольбаха не можетъ установить никакихъ нравственныхъ правилъ, никакого точнаго опредѣленія средствъ, ведущихъ человѣчество къ общему благополучію. Фіаско великой французской революціи, въ которой матеріалистическая политическая нравственность играла весьма важную роль, доказало лучше всего несостоятельность подобной политики. Между тѣмъ, въ сочиненіи Гольбаха матеріализмъ, по мнѣнію Ланге, достигъ своего совершенства и своихъ границъ. „То, что „Système da la nature" даетъ въ сомкнутой связи — говоритъ нашъ авторъ — новое время снова многоразличнымъ образомъ раздробило и разсѣяло. Новыя побужденія, новыя точки зрѣнія пріобрѣтены въ большомъ числѣ, но кругъ основныхъ законовъ остался неизмѣнно тѣмъ же самымъ, какимъ онъ былъ уже во времена Эпикура и Лукреція" (стр. 388).

PS. Въ сентябрьской книгѣ журнала „Знаніе", докторъ Португаловъ напечаталъ довольно обширную рецензію на нашу статью о книгѣ Эстерлена: „Die Seuchen, ihre Ursachen, Gesetze und Bekämpfung", помѣщенную въ іюльской книгѣ.

Г. Португаловъ не читалъ книги Эстерлена и возражаетъ, поэтому, противъ *нашего* изложенія теоріи Эстерлена объ эпидемическихъ болѣзняхъ. Противъ этого возраженія мы не написали бы ни

одного слова, еслибы почтенный рецензентъ правильно понималъ наше изложеніе чужихъ мыслей. Но такъ какъ въ данномъ случаѣ этого не произошло, то мы вынуждены вступиться за Эстерлена, появляющагося въ статьѣ г. Португалова въ искаженной формѣ; искаженіе это касается какъ разъ той части нашего изложенія, которая можетъ въ глазахъ русскаго читателя нанести самый чувствительный ударъ не только теоріи Эстерлена, но и его политической личности. Пользуясь ловко выхваченными фразами изъ нашей статьи, г. Португаловъ обвиняетъ и Эстерлена и его эпидемическую теорію не въ чемъ иномъ, какъ въ поддержаніи того ученія Мальтуса, „что не всѣ призваны на пиръ природы, что народу необходимо иногда вымирать", что вся общественная и частная гигіена— величайшее бѣдствіе для человѣчества и ревнители ея—величайшіе преступники, а эпидеміи, говоритъ Эстерленъ, величайшее благо, потому что онѣ „*служатъ* [1]) *выраженіемъ стремленія природы привесть въ равновѣсіе число живыхъ людей съ находящимися въ ихъ рукахъ средствами для продолженія и сохраненія жизни*" (стр. 21 статьи г. Португалова).

Во-первыхъ, мы должны сказать, что г. Эстерленъ нигдѣ, ни у насъ, ни въ своей книгѣ, не говоритъ, что „эпидеміи величайшее благо", а во-вторыхъ, въ нашей статьѣ за словомъ „*служатъ*" стояла частичка: „какъ бы". Зачѣмъ г. Португаловъ выпустилъ эту частичку, мы не знаемъ, а ее выпускать никакъ не слѣдовало.

Кромѣ этой выписки г. Португаловъ, для доказательства того, что Эстерленъ будто бы согласенъ съ Мальтусомъ, приводитъ еще слѣдующую: „эпидеміи суть выраженіе того факта, что при данныхъ условіяхъ число людей превышаетъ существующія средства къ продолженію и сохраненію жизни".

Несмотря на то, что въ нашей статьѣ, нѣсколькими фразами ниже, прямо сказано, что въ числѣ этихъ погибающихъ людей „попадаютъ всѣ тѣ, которые не могли пользоваться достаточнымъ количествомъ питательныхъ веществъ или *не умѣли бережливо и осторожно пользоваться своею жизнью*", и что „эпидеміи могутъ... служить яснымъ доказательствомъ того, что у многихъ людей недоставало средствъ къ удовлетворенію *главнѣйшихъ потребностей жизни и здоровья*, и что многіе другіе, имѣя подобныя средства въ своемъ распоряженіи, не умѣли или не хотѣли ими воспользоваться",—несмотря на все это и умолчавъ объ этихъ нашихъ объясненіяхъ, г. Португаловъ прямо выводитъ изъ приведенныхъ имъ выписокъ, что Эстерленъ будто бы говоритъ только объ одной пищѣ, а не о

[1]) Мы подчеркиваемъ слова, которыя г. Португаловъ приписываетъ намъ.

всѣхъ важнѣйшихъ факторахъ жизни и здоровья. А это огромная разница. Выводъ Эстерлена требуетъ улучшенія всей общественной обстановки, и нигдѣ ни однимъ словомъ ни Эстерленъ, ни наша статья не говорятъ ничего въ оправданіе существованія эпидемій, какъ это дѣлаетъ Мальтусъ. Что же касается до того, что эпидемическая смертность имѣетъ постоянную связь съ смертностью отъ другихъ болѣзней при разныхъ условіяхъ и формахъ общественной жизни, въ этомъ всякій можетъ убѣдиться изъ статистики смертности любого европейскаго государства, если брать довольно долгіе сроки, напримѣръ, десятилѣтній. Вы замѣтите тогда, что эпидемическая смертность нисколько не нарушаетъ средней десятилѣтней смертности, и что, несмотря на эпидеміи, если въ тотъ же десятилѣтній періодъ были сдѣланы въ странѣ какія-либо важныя гигіеническія улучшенія, то средняя десятилѣтняя смертность все-таки окажется слабѣе смертности въ такой же срокъ безъ эпидемій и безъ улучшеній. Этотъ статистическій фактъ означаетъ вѣдь что-нибудь, и если онъ можетъ что-нибудь значить, то только то, что въ извѣстные періоды общественной жизни при данныхъ гигіеническихъ, политическихъ и всякихъ другихъ условіяхъ, извѣстное общество лишается отъ разныхъ болѣзней опредѣленнаго числа людей, все равно, отъ эпидемическихъ ли вмѣстѣ съ другими болѣзнями, или исключительно отъ не-эпидимическихъ. Это выводъ огромной важности, такъ какъ онъ ясно говоритъ, что эпидемія не есть какое-то случайное явленіе, которое можетъ имѣть столь благопріятныя обстоятельства, что, несмотря ни на какія гигіеническія условія, въ состояніи убить все населеніе въ любой части земного шара. При теоріи воздушной или водяной міазмы такая нелѣпость мыслима, и такая нелѣпость всѣхъ пугаетъ совершенно напрасно. Между тѣмъ какъ при теоріи Эстерлена противъ эпидеміи возможна правильная борьба, такъ какъ его теорія требуетъ для этой цѣли устраненія изъ общественной жизни всего, что̀ можетъ разслаблять человѣческій организмъ.

Что касается до другихъ, такъ сказать, фактическихъ аргументовъ, которые приводитъ г. Португаловъ въ пользу міазматической теоріи или противъ теоріи Эстерлена, то они, во-первыхъ, постоянно разбиваются самимъ рецензентомъ, и наконецъ приводятъ его къ тому, что онъ самъ говоритъ: „міазматическая теорія, конечно, быть можетъ, несостоятельна и толковать о ней не сто́итъ труда“ (стр. 22). Но мы, дѣлать нечего, скажемъ и о ней нѣсколько словъ.

Прежде всего г. Португаловъ приводитъ въ пользу существованія міазмъ новѣйшія наблюденія трехъ врачей о найденныхъ ими „микрококкусахъ“, которые будто бы производятъ перемежающуюся ли-

хорадку, дифтеритъ и тифъ. Самъ г. Португаловъ признается, что всѣ эти наблюденія никѣмъ еще не провѣрены, но онъ не спѣшитъ прибавить, что *до* этихъ наблюденій такихъ микрококкусовъ находили врачи цѣлыми десятками и всѣмъ имъ приписывали причину то холеры, то тифа, то какой-либо другой эпидеміи, а между тѣмъ, когда дѣло доходило до повѣрки, то оказывалось, что всѣ эти опасные микрококкусы составляютъ принадлежность здороваго организма.

Далѣе. Эстерленъ утверждаетъ фактъ, что при эпидеміи заболѣваютъ и умираютъ преимущественно дѣти, старики и вообще слабые люди. Противъ этого положенія г. Португаловъ приводитъ цифры Литтре о парижской холерѣ 1832 г., которыя должны показывать, насколько холера увеличила шансы смерти въ разныхъ возрастахъ. Мы не знаемъ, какимъ образомъ составлялъ Литтре свои цифры, но вотъ цифры Эстерлена о той же эпидеміи, которыя доказываютъ справедливость выводовъ Эстерлена. Эстерленъ беретъ цифры населенія по возрастамъ, затѣмъ число смертныхъ случаевъ въ каждомъ возрастѣ, наконецъ высчитываетъ, сколько умерло холерою на 1000 человѣкъ каждаго возраста, и затѣмъ опредѣляетъ отношеніе одного умершаго отъ холеры на число всѣхъ людей каждаго возраста. Всѣ эти цифры въ полномъ составѣ можно найти на стр. 820 въ его „Handbuch der medicinischen Statistik". Г. Португаловъ питаетъ „самое непритворное уваженіе" къ Эстерлену за его медицинскую статистику, — какъ жаль, что онъ не заглянулъ въ нее раньше, чѣмъ привелъ цифры Литтре! Вотъ что̀ бы онъ тамъ нашелъ:

Возрасты:	0—5	5—10	10—15	15—20	20—25	25—30	30—40	40—50	50—60	60—70	70—80	80—90	90—100
Холерою умеръ одинъ изъ	41	153	271	210	86	63	45	36	28	19	11	13	22

Итакъ, сравнительно въ ме́ньшемъ числѣ умирали люди въ возрастѣ отъ 5-ти лѣтъ до 30-ти, а въ бо́льшемъ дѣти до 5-ти лѣтъ и взрослые отъ 30-ти лѣтъ, и притомъ почти въ постоянно усиливающейся прогрессіи сообразно съ повышеніемъ въ возрастѣ.

Есть еще одно возраженіе. Г. Португалову почему-то кажется, что вездѣ, гдѣ появляются условія ослабленія жизненной энергіи у людей: въ походахъ, въ Самарской губерніи въ настоящее время, у французовъ во время осады Парижа, то по Эстерлену будто бы тамъ слѣдовало непремѣнно появиться *новой* эпидеміи и въ особенности холеры. Г. Португаловъ самъ подтверждаетъ тотъ фактъ, что во всѣхъ приведенныхъ имъ случаяхъ смертность усиливалась, но не отъ холеры, а отъ усиленія прежде существовавшихъ тамъ эпидемій, и это онъ тоже называетъ опроверженіемъ Эстерленовой теоріи.

Louis-Blanc.— Questions d'aujourd'hui et de demain. Première série. — Politique (*Луи-Бланъ*: Сегодняшніе и завтрашніе вопросы. Первая серія: Политика). Paris, *E. Dentu*, 1873.

„Сегодня и завтра", о которыхъ трактуетъ въ своей книгѣ Луи-Бланъ, относятся къ Франціи; но вопросы, разрѣшаемые теперь во Франціи, имѣютъ столь общечеловѣческое значеніе, что могутъ интересовать образованныхъ людей всего міра, особенно вопросы политическіе, которыми и занимается сочиненіе Луи-Блана. Книга эта состоитъ изъ восьми отдѣльныхъ статей, писанныхъ въ разное время— съ 1835 по 1870 годъ; всѣ онѣ имѣютъ цѣлью разъяснить сущность основныхъ политическихъ учрежденій во Франціи: каковы они теперь и какими бы имъ слѣдовало быть, еслибъ они создавались на разумныхъ началахъ. Луи-Бланъ разбираетъ при этомъ цѣль и организацію поголовной подачи голосовъ, какъ главную и необходимую основу правильной политической жизни, и затѣмъ переходитъ къ организаціи законодательной и исполнительной властей, и къ опредѣленію границъ ихъ полномочій, а также гарантій въ исправномъ исполненіи ихъ обязанностей. Въ особой статьѣ Луи-Бланъ сообщаетъ о попыткѣ англичанина Гэра создать представительство меньшинства, и, наконецъ, опредѣливъ роль государственной власти въ дѣлахъ страны, переходитъ къ отличенію общинной дѣятельности отъ государственной. Само собой разумѣется, что авторъ, какъ республиканецъ и демократъ, въ каждой изъ своихъ статей затрогиваетъ вопросъ о республикѣ и имперіи, — этотъ животрепещущій вопросъ въ нынѣшней Франціи. И какъ-то странно читать теперь статьи 30-хъ годовъ, которыя продолжаютъ еще служить такимъ же орудіемъ республиканской пропаганды во Франціи, какимъ были онѣ во времена Луи-Филиппа. Надо отдать справедливость автору, что и тогда, въ тѣ далекія времена, онъ защищалъ свое дѣло столь вѣскими доводами, что всѣ позднія изслѣдованія не прибавили къ нимъ почти ничего новаго. Луи-Бланъ — писатель вообще весьма логичный и очень талантливый, съ большимъ умомъ и обильнымъ запасомъ разнообразныхъ знаній, и въ этихъ статьяхъ можно найти всѣ хорошія качества автора.

Вопросъ о поголовной подачѣ голосовъ имѣетъ въ современной Европѣ весьма большой интересъ, такъ какъ демократизація нынѣшнихъ западныхъ государствъ продолжается безпрерывно, несмотря ни на какія препятствія, и такъ какъ поголовное избирательное право служитъ основою демократическихъ государствъ. 1848-й годъ положилъ столь прочный фундаментъ поголовной подачѣ голо-

совъ, что съ тѣхъ поръ всѣ стремленія реакціонеровъ помѣшать распространенію этого выборнаго начала остаются совершенно безуспѣшными. Во Франціи это начало упрочивается окончательно, оно принимается въ Германіи; въ другихъ государствахъ избирательное право дѣлаетъ быстрые шаги къ поголовному, между тѣмъ какъ сословный и податный цензы мало-по-малу теряютъ вѣсъ въ общественномъ мнѣніи. Но вообще говоря, можно утверждать, что въ наше время нѣтъ еще ни одного государства въ цивилизованномъ мірѣ, гдѣ бы поголовная подача голосовъ отличалась правильной организаціей и не подвергалась никакимъ давленіямъ, на подобіе тѣхъ, какіе присущи другимъ выборнымъ началамъ уже по самой ихъ сущности: то-есть, не создавали бы привилегированныхъ положеній для тѣхъ или другихъ сословій и интересовъ, для богатствъ и политическаго деспотизма, въ родѣ бонапартовскаго.

Какъ бы то ни было, всѣ лучшіе публицисты нашего времени согласны въ томъ, что при постепенной и безостановочно совершающейся демократизаціи европейскихъ обществъ, единственной прочной основой для политическаго развитія государствъ можетъ служить лишь поголовное голосованіе, но только съ тѣми или другими ограниченіями. Принципъ самый признанъ, но въ примѣненіи его существуетъ большое разногласіе. Луи-Бланъ подвергаетъ добросовѣстной критикѣ разные планы организаціи демократическаго государства, и найдя многіе изъ нихъ несостоятельными, приходитъ, однако, къ тому заключенію, что такая организація возможна на поголовномъ избирательномъ правѣ и притомъ такъ, что послѣднее не станетъ орудіемъ цезаризма. Главный вопросъ при этой, какъ при всякой другой организаціи, обезпечивающей политическую свободу, заключается въ томъ, куда помѣстить гарантіи свободы, „въ условія ли самой государственной власти или въ самоё власть,—опредѣляя этой власти черту, за которую она не должна переходить, или отождествляя ее съ обществомъ посредствомъ такой организаціи, при которой власть сама, для собственной пользы, никогда не переходила бы опредѣленнаго предѣла". Но ставить власти гарантіи противъ ея собственной воли, значитъ, по мнѣнію автора, возбуждать въ самомъ корнѣ правительственной власти недовѣріе между управляемыми и управляющими, и потому Луи-Бланъ старается разрѣшить заданный вопросъ такъ, чтобы государственная власть не отдѣлялась отъ общества. Государство должно быть обществомъ, дѣйствующимъ какъ одно цѣлое, „государство — это *я* Людовика XIV-го, но произносимое не однимъ человѣкомъ, а цѣлымъ народомъ". Поэтому, первымъ условіемъ демократической организаціи правительствъ является участіе всего народа въ правительственной дѣятельности, но это уча-

стіе можетъ быть посредственнымъ или непосредственнымъ; авторъ склоняется въ пользу перваго, находя непосредственное участіе поголовной подачи голосовъ въ законодательной дѣятельности неблагоразумнымъ, несправедливымъ и даже просто невозможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ системы непосредственнаго участія поголовной подачи голосовъ въ законодательствѣ (Луи-Бланъ разбираетъ предложенія соціалистовъ Консидерана и Риттингсгаузена, и республиканца Ледрю-Роллена) ведутъ или къ образованію особой законодательной коммиссіи, либо къ передачѣ законодательной дѣятельности избирательнымъ округамъ или общинамъ, причемъ въ государствѣ вмѣсто одного законодательнаго собранія образуется множество, которыя будутъ наполнены людьми, весьма мало компетентными въ правительственныхъ вопросахъ. Съ другой стороны, всѣ системы вышеупомянутаго рода разумѣютъ подъ „волею народа" одну лишь волю большинства голосовъ, тогда какъ меньшинство, даже почти такое же большое, какъ большинство, остается въ этихъ системахъ совершенно исключеннымъ изъ законодательной дѣятельности страны.

По плану Консидерана, законодательная дѣятельность представляется въ такомъ видѣ: „каждый законъ — говоритъ онъ—имѣетъ одинъ или нѣсколько принциповъ. Народъ, въ своихъ общинахъ, голосуетъ принципъ законовъ. Голоса составляются въ каждой мѣстной секціи. Все дѣлается публично и добросовѣстно. Слагаютъ голоса, и коллективная, дѣйствительная или непосредственная воля народа и большинства заявлена. Вотъ законъ. Остается только дать ему редакцію. Это сдѣлаетъ министерство, назначаемое народомъ". „То же самое произойдетъ—говоритъ Консидеранъ въ другомъ мѣстѣ,—если вмѣсто министровъ будетъ назначена особая законодательная коммиссія, работы которой будутъ становиться закономъ только при одобреніи ихъ посредствомъ поголовной подачи голосовъ. Этой же коммиссіи или министерству будетъ предоставлено право издавать распоряженія, не подвергающіяся народному голосованію,—распоряженія, впрочемъ, второстепенныя и составленныя непремѣнно въ томъ духѣ, въ какомъ составлены важнѣйшіе, первостепенные законы. Между тѣмъ, секціи будутъ постоянно открыты и могутъ отвергать распоряженія министерства или коммиссіи въ продолженіе опредѣленнаго періода времени".

Планъ Риттингсгаузена во многомъ сходенъ съ планомъ Консидерана. У него вся страна дѣлится на секціи въ 1,000 человѣкъ каждая, которая выбираетъ себѣ президента. Этимъ секціямъ министерство посылаетъ запросъ о необходимости того или другого закона. Каждая секція рѣшаетъ принципъ и подробности закона по-

своему и посылаетъ свое рѣшеніе министерству, которое передаетъ ихъ всѣхъ особой редакціонной коммиссіи для составленія „яснаго и простого текста закона“.

Наконецъ, у Ледрю-Роллена является на сцену собраніе народныхъ избранниковъ, именуемыхъ коммиссарами, которые приготовляютъ *законы* и издаютъ *декреты*, а народъ принимаетъ или опровергаетъ законы простымъ большинствомъ голосовъ, и безпрекословно покоряется декретамъ.

Во всѣхъ этихъ планахъ, направленныхъ противъ такъ-называемой парламентской системы, въ которой законы составляются и окончательно утверждаются представителями или довѣренными націи, мы находимъ однако организацію какихъ-то коммиссій, которыя должны приводить въ форму закона тѣ или другія рѣшенія народныхъ секцій: у Консидерана это дѣлаетъ или министерство, или особая законодательная коммиссія; у Риттингсгаузена—особая редакціонная коммиссія, а у Ледрю-Роллена—собраніе коммисаровъ. Правда, что коммиссіи Консидерана и Риттингсгаузена не сами даютъ первоначальную форму закону, а только создаютъ законъ изъ разнообразныхъ рѣшеній многочисленныхъ народныхъ собраній, но при этой работѣ онѣ все-таки будутъ разсуждать и голосовать по разнымъ статьямъ приготовляемыхъ ими мѣръ, то-есть играть роль чисто парламентскую. Что же касается до коммиссіи коммиссаровъ Ледрю-Роллена, то если она отличается чѣмъ-нибудь отъ обыкновенной парламентской палаты, то развѣ тѣмъ, что ея законы нуждаются въ утвержденіи поголовною подачею голосовъ.

Съ другой стороны, законы во всѣхъ этихъ планахъ составляются и вводятся лишь по желанію простого большинства гражданъ, имѣющихъ право голоса: въ первыхъ двухъ планахъ законъ создается большинствомъ голосовъ въ большинствѣ секцій, а во второмъ—простымъ большинствомъ народнаго голосованія. Все управленіе въ этихъ правительственныхъ системахъ будетъ, слѣдовательно, совершаться такъ, какъ хочетъ численное большинство, — это будетъ не народное правленіе, посредствомъ всего народа, но господство случайнаго большинства надъ меньшинствомъ. Но что̀ такое большинство въ современномъ обществѣ? „Говоря вообще,—спрашиваетъ Луи-Бланъ, — правда ли, или нѣтъ, что просвѣщенныхъ людей въ обществѣ гораздо меньше, чѣмъ невѣжественныхъ, преданныхъ душъ гораздо меньше, чѣмъ эгоистическихъ сердецъ, — друзей прогресса гораздо меньше, чѣмъ рабовъ привычки, пропагандистовъ справедливыхъ идей гораздо меньше, чѣмъ тѣхъ, которые распространяютъ, допускаютъ, или склонны допускать, ложныя идеи?..“ Разумѣется, все это правда, и поэтому требовать, чтобы большее число управ-

ляло меньшимъ, значитъ, требовать того, чтó противно интересамъ всѣхъ—всѣхъ безъ исключенія, чтó противно интересамъ народа, то-есть: чтобы невѣжество управляло просвѣщеніемъ, чтобы эгоизмъ управлялъ преданностью, чтобы рутина управляла прогрессомъ, чтобы ложь управляла правдой. Уже Руссо отлично понималъ этотъ нелѣпый выводъ, когда онъ говоритъ, что *противно естественному порядку вещей, чтобы большее число правило, а меньшее управлялось*" (стр. 68, 69).

Этого мало; — самое составленіе законовъ въ безчисленныхъ народныхъ собраніяхъ — совершенная нелѣпость, какъ потому, что мѣстныя собранія сами по себѣ никогда не въ состояніи воодушевляться всенародными стремленіями, такъ и потому, что масса разнообразныхъ рѣшеній по одному и тому же вопросу дѣлаетъ невозможнымъ непосредственное составленіе *одного* закона, который соединялъ бы въ себѣ или, по крайней мѣрѣ, мирилъ бы рѣшенія всѣхъ секцій народнаго голосованія.

Путемъ такихъ весьма крѣпкихъ возраженій противъ сторонниковъ непосредственнаго законодательства, Луи-Бланъ приходитъ къ тому заключенію, что общенародное голосованіе должно только избирать законодателей, какъ своихъ довѣренныхъ лицъ (mandataire), отвѣтственныхъ передъ избирателями и легко удаляемыхъ въ случаѣ неисправнаго исполненія возложенныхъ на нихъ порученій. Для послѣдней цѣли онъ назначаетъ перемѣну состава законодательнаго собранія разъ въ каждые два года, и даже ежегодную. Что народъ умѣетъ хорошо отличить способныхъ законодателей отъ неспособныхъ, это было уже замѣчено Монтескьё въ его историческихъ изслѣдованіяхъ о древнемъ Римѣ и Аѳинахъ,—это видно также изъ выборовъ многихъ современныхъ законодательныхъ собраній. Луи-Бланъ указываетъ на удачные, по его мнѣнію, примѣры законодательныхъ собраній: конвентъ 1798 года и національное собраніе 1789 года.

Отдавая предпочтеніе парламентскому законодательству передъ непосредственнымъ, Луи-Бланъ ждетъ самъ возраженія въ такомъ родѣ: — „Въ парламентѣ законъ создается тоже большинствомъ голосовъ; отчего же это большинство слѣдуетъ допустить, а большинство народнаго голосованія не слѣдуетъ?" „А потому, — отвѣчаетъ нашъ авторъ, — что въ выборномъ собраніи большинство и меньшинство, какъ составленные одно и другое изъ *избранныхъ* гражданъ, должны быть оцѣниваемы по ихъ способностямъ и, слѣдовательно, при всѣхъ другихъ равныхъ обстоятельствахъ, большинство должно имѣть верхъ." Но отсюда не слѣдуетъ, разумѣется, что парламентское большинство должно быть непремѣнно непогрѣшимымъ, ибо мы весьма часто видимъ, что парламенты составляются изъ

членовъ, неправильно избранныхъ или посредствомъ избирателей, находившихся подъ какимъ-либо постороннимъ давленіемъ.

Самою лучшею и самою справедливою системою выборовъ Луи-Бланъ признаетъ систему Гэра, которая одна даетъ возможность почти каждому избирателю имѣть своего личнаго представителя въ законодательномъ собраніи. Статья, въ которой онъ излагаетъ эту систему, помѣчена 1864 годомъ, между тѣмъ какъ прежде, въ статьѣ 1850-го года, онъ рекомендовалъ тотъ самый порядокъ выборовъ, который установленъ французскимъ закономъ 1849 года и который практикуется въ нынѣшней Франціи, то-есть такъ-называемый scrutin de liste, по которому въ каждомъ департаментѣ избиратель подаетъ свой голосъ за *всѣхъ* кандидатовъ этого департамента. Система Гэра стремится удовлетворить не только мѣстнымъ интересамъ, но и національнымъ, такъ чтобы депутаты участвовали въ составленіи законовъ не въ качествѣ представителей той или другой мѣстности, но и всей націи вообще. Система Гэра состоитъ въ слѣдующемъ: въ каждомъ избирательномъ округѣ учреждаются повѣрочныя коммиссіи, а въ столицѣ центральное бюро. Каждый кандидатъ въ депутаты долженъ заявить генеральному регистратору свое имя, адресъ и званіе и названіе избирательнаго округа, котораго онъ желаетъ быть представителемъ въ парламентѣ. Списокъ этихъ заявленій публикуется въ алфавитномъ порядкѣ округовъ во всеобщее свѣдѣніе. Избиратель подаетъ свой голосъ запискою за собственноручною подписью; на этой запискѣ онъ пишетъ имена избираемыхъ имъ изъ регистраторскаго списка кандидатовъ, и притомъ въ такомъ порядкѣ, что первое имя означаетъ самаго желательнаго кандидата, второе болѣе желательнаго чѣмъ третье, но менѣе перваго, и т. д. Всѣ эти записки мѣстныя повѣрочныя коммиссіи пересылаютъ центральному бюро, гдѣ генеральный регистраторъ дѣлитъ число полученныхъ записокъ на требуемое число депутатовъ, и частное покажетъ ему, какое число голосовъ должно пасть на каждаго депутата. Такъ, если допустить, что Палата Общинъ въ Англіи должна состоять изъ 650 членовъ, и что центральное бюро получило 6.500,000 записокъ, то только тѣ кандидаты становятся членами парламента, которые пріобрѣли за себя 10,000 голосовъ на протяженіи *всего* государства. Прежде всего сосчитываютъ *первыя* имена на запискахъ; затѣмъ вторыя, если первыхъ не хватитъ (такъ какъ за иного кандидата можетъ высказаться гораздо большее число избирателей), затѣмъ третьи, и т. д., пока не составится полный списокъ кандидатовъ, получившихъ за себя въ указанномъ порядкѣ не менѣе 10,000 голосовъ. Такимъ образомъ, почти несомнѣнно, что каждый избиратель найдетъ того или другого изъ своихъ избран-

ныхъ въ новомъ составѣ парламента, и только тѣ кандидаты или тѣ интересы не будутъ имѣть представительства въ законодательномъ собраніи, которые не насчитываютъ въ странѣ и одного десятка тысячъ приверженцевъ, а такими интересами страна въ нѣсколько десятковъ милліоновъ душъ можетъ пренебречь весьма легко. Между тѣмъ, при нынѣшней системѣ выборовъ, даже самые знаменитые и наиболѣе извѣстные люди въ странѣ не имѣютъ шансовъ принять непосредственное участіе въ представительствѣ страны. Въ Англіи, напримѣръ, даже Джонъ Стюартъ Милль терпѣлъ неудачу на выборахъ, а въ нынѣшней Франціи не удостоился избранія Викторъ Гюго. Только съ введеніемъ системы Гэра—говоритъ Луи-Бланъ—„будетъ обезпечено мѣсто среди представителей націи за великими умами, за гражданами, дѣйствительно замѣчательными, за независимыми характерами; только тогда не нужно будетъ, ради своего избранія, становиться орудіемъ какой-либо вліятельной клики или рабомъ партіи". Этого мало,—сами избиратели станутъ стараться назначать лучшихъ людей, такъ какъ ихъ кандидатамъ придется бороться не только съ кандидатами мѣстнаго меньшинства, но съ отборнѣйшими людьми на всей поверхности страны.

Учрежденное такимъ образомъ собраніе можетъ, по всей справедливости, считаться способнѣйшимъ законодательнымъ собраніемъ, какое только можетъ имѣть въ данное время нація; въ его же рукахъ должна быть и исполнительная власть. Луи-Бланъ заявляетъ себя рѣшительнымъ противникомъ какъ второй или верхней палаты, такъ и президента, избираемаго народомъ, котораго (т.-е. президента), онъ считаетъ гораздо болѣе опаснымъ для политической свободы націи, чѣмъ монархію. Къ этому послѣднему выводу онъ приходитъ цѣлымъ рядомъ сравненій монархіи съ президентскою республикою. Англія служитъ ему лучшимъ доказательствомъ того, что политическая свобода можетъ процвѣтать и въ монархіи также хорошо, какъ, напримѣръ въ американской республикѣ, гдѣ президентъ избирается не поголовною подачею голосовъ, не народомъ слѣдовательно, а особою избирательною коммиссіей, члены которой избираются народомъ непосредственно; но эта коммиссія уже не народъ, а лишь собраніе лицъ, признаваемыхъ народомъ наиболѣе способными для избранія главы исполнительной власти.

Въ особой статьѣ авторъ разсматриваетъ отношенія между государствомъ и общиною, причемъ онъ заявляетъ себя сторонникомъ *политическаго единства* и противникомъ *единства административнаго*. Подъ единствомъ политическимъ онъ разумѣетъ единство національное, единство во всѣхъ "интересахъ, общихъ всѣмъ частямъ націи". Федеративное устройство страны не одобряется у Луи-

Блана: „федерализмъ—говоритъ онъ—былъ всегда для народа зерномъ ссоръ самыхъ кровопролитныхъ и принципомъ неизбѣжной гибели“; даже Соединенные Штаты не внушаютъ ему довѣрія въ своей прочности, пока они станутъ держаться федеративнаго устройства. Но политическая централизація не должна расплываться въ централизацію административную; община, какъ выраженіе принципа ассоціаціи, должна быть свободна въ удовлетвореніи своихъ мѣстныхъ нуждъ и потребностей: пусть она избираетъ своего мэра; пусть мэръ назначаетъ общинныхъ должностныхъ лицъ; пусть общинные совѣты свободно дѣйствуютъ въ предѣлахъ своихъ хозяйственныхъ и финансовыхъ обязанностей; пусть засѣданія ихъ будутъ гласными и пусть, наконецъ, центральная власть только наблюдаетъ за дѣятельностью общинъ, а не господствуетъ надъ нею. Луи-Блана упрекали въ томъ, что онъ будто бы страшный централизаторъ, но въ дѣйствительности онъ возстаетъ только противъ федерализма, а не противъ общиннаго самоуправленія.

Liberty, Equality, Fraternity. By *James Fitzjames Stephen*, Q. C. (Свобода, равенство, братство. Сочиненіе *Джемса Фитцджемса Стифена*). London, *Smith, Elder & C°*. 1873.

Сочиненіе Стифена — полемическаго свойства и имѣетъ цѣлью доказать несостоятельность *свободы*, *равенства* и *братства*, какъ принциповъ общественной дѣятельности. „Самою обычною вѣрою дня—говоритъ авторъ—служитъ теперь та, что человѣческое племя, взятое въ совокупности, имѣетъ передъ собою блестящія судьбы разнаго рода, и что путь къ нимъ лежитъ въ устраненіи всѣхъ стѣсненій въ человѣческой дѣятельности, въ признаніи существеннаго равенства между всѣми человѣческими существами, и въ братствѣ или общей любви. Эти доктрины весьма часто принимаются какъ религіозная вѣра. На нихъ смотрятъ не только какъ на истины, но еще на такія, за которыя вѣрующіе готовы сражаться, и для установленія которыхъ они не прочь пожертвовать всѣми исключительно-личными цѣлями“. Стифенъ не желаетъ быть адвокатомъ *рабства*, *кастового начала* и *вражды*, и онъ не отрицаетъ того, что свобода, равенство и братство хороши въ извѣстномъ смыслѣ, но онъ хочетъ пояснить „наиболѣе разумнымъ“ приверженцамъ этихъ принциповъ, во-первыхъ, то, что не слѣдуетъ преувеличивать хорошія стороны ихъ ученій и забывать о дурныхъ, и во-вторыхъ, то, „что эти *слова* неудобны къ обращенію въ догматъ религіи, что предметы, ими обозначаемые, не служатъ сами себѣ цѣлью, и что употребляемыя въ совокупности, они не даютъ типа, хотя бы смутнаго, такого обще-

ственнаго быта, который могъ бы возбуждать въ разумномъ человѣкѣ восторженность или самоотверженіе" (стр. 2, 3).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ общей политической дѣятельности разныхъ странъ цивилизованнаго міра: въ парламентской политикѣ, въ періодической прессѣ, на общественныхъ сходкахъ, въ земскихъ съѣздахъ, и вообще въ борьбѣ разныхъ политическихъ партій, принципы свободы, равенства и братства примѣняются весьма часто самымъ нелѣпымъ образомъ, и что эти принципы служатъ въ бо́льшей части случаевъ коньками самаго пошлаго либерализма и крайнихъ до безразсудства радикальныхъ увлеченій, но это вовсе не какія-нибудь *слова*, какъ полагаетъ Стифенъ, а очень солидныя и довольно точно опредѣляемыя начала общественной дѣятельности во всѣхъ ея формахъ. Противъ нелѣпостей, которыми часто обставляются принципы свободы, равенства и братства, вести борьбу весьма похвально, но не слѣдуетъ топтать въ грязь и сами принципы, столь плодотворные для успѣховъ цивилизаціи и общаго блага всего человѣчества и такъ громко возвѣщенные христіанствомъ. Можно и непремѣнно слѣдуетъ нападать на всѣ тѣ теоріи, гдѣ въ опредѣленіе свободы входитъ и своеволіе, гдѣ подъ именемъ равенства рекомендуется уравненіе всѣхъ въ той или другой формѣ рабства, и гдѣ, наконецъ, за спиною братства кроются зависть и себялюбіе. Но Стифенъ, хотя даетъ въ свой полемикѣ мѣсто именно этимъ толкованіямъ разбираемыхъ имъ принциповъ, тѣмъ не менѣе старается нанести имъ ударъ также въ лицѣ лучшаго и вѣрнѣйшаго приверженца „современной религіи", покойнаго Джона Стюарта Милля. Эти принципы ненавистны автору даже и въ той формѣ, въ какой представляетъ ихъ Милль.

Самъ Стифенъ, извѣстный юристъ, писатель талантливый, обладающій довольно ловкою діалектикою, и нельзя сказать, чтобы мало логичнымъ умомъ. Заявляя себя въ прежнихъ сочиненіяхъ утилитаристомъ, послѣдователемъ Бентама и „ученикомъ" Милля, онъ возбудилъ нынѣшнимъ своимъ сочиненіемъ великую радость въ англійской консервативной прессѣ, высказавшись довольно рѣзкимъ образомъ противъ радикальныхъ принциповъ своего учителя. Стифенъ дѣйствительно утилитаристъ въ своемъ родѣ и вполнѣ преданъ опытному принципу „логики" Милля и всей теоретической части его „Политической Экономіи"; но онъ знать не хочетъ того общечеловѣческаго, братскаго утилитаризма, который проповѣдывалъ Милль, ему ненавистно равенство, предлагаемое столь рѣшительнымъ образомъ въ сочиненіяхъ Милля: „Подчиненность женщинъ" и „Утилитаріанизмъ", и онъ не признаетъ личной свободы человѣка въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ британская конституція или британское об-

щественное мнѣніе, между тѣмъ какъ Милль, въ своей книгѣ „О свободѣ“, требовалъ гораздо бо́льшаго. Такимъ образомъ, подобно Миллю, онъ придерживается опытнаго метода въ своихъ изслѣдованіяхъ и только то признаетъ истиною, что подтверждается опытомъ и наблюденіемъ; подобно Миллю же онъ держится, въ нравственныхъ и политическихъ наукахъ, того основного взгляда на человѣческую натуру, что всѣ личныя и общественныя стремленія человѣка развились изъ чувства самосохраненія, изъ желанія радостей и счастія, отсутствія боли и страданій. Но развитіе этого основного начала человѣческихъ побужденій идетъ у Стифена совсѣмъ не въ ту сторону, въ которую направляется оно у Милля. Милль смотритъ на исторію не только какъ на улучшеніе матеріальнаго быта людей, но и какъ на нравственное совершенствованіе ихъ самихъ, а Стифенъ полагаетъ, что какъ въ прежнія времена человѣкъ руководился исключительно личными, его одного касающимися интересами и побужденіями, такъ это и теперь, и что онъ навсегда останется такимъ, *обыденнымъ* утилитаристомъ. „Какъ законодатели и моралисты, такъ и всѣ другія человѣческія существа—говоритъ Стифенъ—заботятся о своемъ собственномъ счастіи и счастіи своихъ друзей и знакомыхъ гораздо больше, чѣмъ о счастіи другихъ“. Милль утверждаетъ, что „между своимъ собственнымъ счастьемъ и счастьемъ другихъ справедливость требуетъ оставаться столь строго безпристрастнымъ, какимъ бываетъ безкорыстный и доброжелательный наблюдатель“. Если таково требованіе справедливости — отвѣчаетъ нашъ авторъ—„то я могу только сказать, что почти вся жизнь и почти всѣхъ людей представляется однимъ безпрерывнымъ рядомъ несправедливостей, такъ какъ почти каждый человѣкъ проводитъ свою жизнь въ пріобрѣтеніи средствъ для своего счастья и счастья тѣхъ, кто съ нимъ тѣсно связанъ, нисколько не заботясь о всемъ остальномъ мірѣ. Нѣтъ,— люди такъ созданы, что личные и общественные мотивы не отличаются въ нихъ другъ отъ друга и не существуютъ въ отдѣльности. Когда и въ какой бы мѣрѣ ни старались люди нравиться другимъ, они стараются лишь потому, что имъ самимъ пріятно доставлять удовольствіе другимъ... Человѣкъ служитъ себѣ полнымъ собственнымъ центромъ“ (стр. 273, 274).

Взглядъ Стифена на человѣческую природу, проведенный послѣдовательно до самыхъ послѣднихъ выводовъ, долженъ необходимо привесть къ отрицанію принциповъ свободы, равенства и братства, какъ побужденій для общественной дѣятельности, и къ замѣнѣ ихъ исключительно личными, эгоистическими интересами. И надобно отдать справедливость нашему автору, онъ проводитъ свой отрицательный и печальный взглядъ на человѣческую натуру съ замѣча-

тельною смѣлостью и послѣдовательностью, хотя при этомъ позволяетъ себѣ тамъ-и-сямъ представлять воззрѣнія Милля въ искаженномъ видѣ, какъ будто Милль раздѣляетъ разныя теоретическія заблужденія и практическія излишества всевозможныхъ приверженцевъ свободы, равенства и братства.

Общественный утилитаризмъ Стифена отличается отъ „братскаго" прежде всего въ томъ, что онъ нейдетъ дальше того, что́ называется *самоотверженіемъ*, подъ которымъ нашъ авторъ понимаетъ такіе факты, гдѣ побужденія, имѣющія непосредственное отношеніе къ другимъ людямъ и только посредственное къ самой личности, оказываются сильнѣе побужденій, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ себѣ и только посредственное къ другимъ. Такъ, „удовольствіе нравиться въ обществѣ исполненіемъ обыкновенныхъ приличій бываетъ въ бо́льшей части случаевъ сильнѣе ничтожной непріятности ограниченія своей воли. Но, съ другой стороны, удовольствіе помочь бѣднымъ и непріятнымъ родственникамъ, находящимся въ вашей зависимости, представляется обыкновенно слабѣйшимъ побужденіемъ, чѣмъ непріятность вступленія въ бракъ, который самъ желаешь заключить. Если человѣкъ откажется отъ такого брака ради содержанія своихъ родственниковъ, то онъ совершитъ самоотверженіе, дальше котораго обыденный утилитаризмъ идти не можетъ". Вообще говоря, этотъ утилитаризмъ вполнѣ удовлетворяетъ и оправдываетъ всѣ обыкновенные случаи благотворительной дѣятельности, ибо, какъ всѣ другія нравственныя системы, онъ принимаетъ въ свои разсчеты оба главные фактора человѣческой дѣятельности: привычку и страсть. Взаимныя чувства мужей и женъ, родителей и дѣтей, родственниковъ, друзей, ближнихъ, людей одной и той же профессіи, одного и того же ремесла, членовъ одной націи и т. д., ростутъ сами собою;—моральнымъ системамъ въ этихъ чувствахъ дѣла весьма мало. Стифенъ допускаетъ, между прочимъ, въ силу „всеобщаго опыта", что „нѣкоторыя желанія и побужденія, касающіяся интересовъ другихъ людей болѣе очевиднымъ образомъ, чѣмъ своихъ, берутъ перевѣсъ надъ нѣкоторыми желаніями и побужденіями, касающимися самой личности болѣе очевиднымъ образомъ, чѣмъ другихъ, и что если взять средній выводъ сравнительной силы этихъ обоихъ классовъ желаній и побужденій въ обыкновенныхъ людяхъ, то всегда получится весьма крупное число индивидуальныхъ исключеній. Въ каждой арміи, напримѣръ, есть среднее мужество, на которое вы можете разсчитывать въ каждомъ солдатѣ. Но во всякой арміи есть также извѣстное число солдатъ, у которыхъ желанія и побужденія, создающія привычку храбрости, достигаютъ крайней точки героизма, и есть въ ней также такіе солдаты, у которыхъ трусость достигаетъ

крайнихъ предѣловъ". Если вынужденная храбрость солдата можетъ быть названа самоотверженіемъ, въ такомъ случаѣ можно сказать, что обыденный утилитаризмъ допускаетъ его; но вообще говоря, этотъ утилитаризмъ кончается тамъ, гдѣ начинается добровольное самоотверженіе въ пользу общества. Онъ учитъ: „люби твоего ближняго и ненавидь твоего врага; люби твоего ближняго въ той степени, насколько онъ сближается съ тобою и взываетъ къ твоимъ страстямъ и симпатіямъ; въ ненависти къ врагу помни, что подъ непосредственнымъ вліяніемъ раздраженія ты можешь возненавидѣть человѣка въ бо̀льшей мѣрѣ, чѣмъ послѣ добросовѣстнаго обсужденія всѣхъ его отношеній къ тебѣ и твоимъ друзьямъ, къ твоимъ постояннымъ и отдаленнымъ интересамъ въ сравненіи съ непосредственными". Обыденный утилитаристъ, такимъ образомъ, нисколько не интересуется какими-либо вопросами о тождествѣ интересовъ всего человѣчества, о своемъ братствѣ съ неизвѣстными людьми. Онъ всегда ставитъ на первый планъ свою собственную личность: „я желаю—говоритъ онъ — моего собственнаго благополучія, благополучія моей семьи и друзей, я интересуюсь моею націею, я готовъ дѣлать добро разнымъ людямъ, встрѣчающимся мнѣ на пути; но если въ теченіи моей жизни мнѣ встрѣтится человѣкъ или много людей, обращающихся враждебно со мною, или съ моими или съ моимъ народомъ, то я поступлю съ ними какъ съ врагомъ, съ полнымъ равнодушіемъ относительно вопроса о томъ, можно ли, или нѣтъ найти между нами родство по Адаму или по какой-нибудь первобытной обезьянѣ".

Въ общемъ выводѣ, обыденный утилитаризмъ приходитъ, по свидѣтельству самого Стифена, къ признанію того, что „хорошее здоровье и умѣренное богатство составляютъ изъ всѣхъ благъ, достойныхъ желанія, несравненно и безконечно лучшее" (стр. 301), если допустить, что человѣкъ до̀лженъ руководиться въ своей жизни соображеніями лишь того порядка вещей, въ которомъ онъ существуетъ на земномъ шарѣ. Если приверженцы „братства" способны находить свое личное счастье въ счастьи другихъ, въ счастьи всего человѣчества, — это ихъ личный вкусъ, — но если они бросятъ въ обыденныхъ утилитаристовъ упрекъ, что „вы-молъ, по нашему мнѣнію, скоты" (brutes), то послѣдніе могутъ отвѣчать имъ весьма основательно: а вы, по нашему мнѣнію, дураки (fools).

Какъ бы то ни было, жизнь въ обыденномъ утилитаризмѣ представляется мало привлекательною, и чтобы хоть сколько-нибудь возвысить ее изъ „скотскаго" положенія, Стифенъ предлагаетъ религію, которая состоитъ въ вѣрованіи въ Бога и будущую жизнь. Только при помощи религіи, утверждаетъ нашъ авторъ, можно внушить лю-

дямъ и стремленіе къ высокой добродѣтели. Адъ и рай, такимъ образомъ, являются вещами столь убѣдительнаго свойства въ нравственномъ отношеніи, что человѣкъ, этотъ обыденный утилитаристъ по своей натурѣ, можетъ стать даже братскимъ утилитаристомъ изъ страха передъ адскими муками и изъ стремленія къ райскимъ наслажденіямъ. Прибавляя будущую жизнь къ благамъ земной жизни— говоритъ Стифенъ—вы придаете счастью особое значеніе и устанавливаете шкалу разныхъ родовъ счастья. Прибавьте вѣру въ Бога, и добродѣтель перестаетъ быть простымъ фактомъ: она становится закономъ для общества, члены котораго могутъ быть названы тогда, при помощи строгой метафоры, братьями, если они повинуются этому закону въ должной мѣрѣ. Добродѣтель, какъ законъ, предполагаетъ общественныя отношенія, и закону: „будьте добродѣтельны", можетъ повиноваться лишь такой человѣкъ, который желаетъ счастья добрымъ людямъ и который желаетъ также, въ нѣкоторой степени, самъ дѣлать людей добрыми" (стр. 304).

Осторожность, съ какою высказываетъ, наконецъ, Стифенъ возможность развитія въ людяхъ общечеловѣческаго чувства, самопожертвованія изъ-за добродѣтели, изъ желанія „дѣлать людей добрыми", нисколько не уменьшаетъ значенія этого допущенія. Итакъ, религія, правильно направленная, можетъ развить въ людяхъ чувство братства. Стифенъ понимаетъ смутнымъ образомъ, что даже ученіе Іисуса Христа, извѣстнымъ образомъ разъясняемое, можетъ послужить крѣпкою основою для религіи братства, и онъ, поэтому, прямо отвергаетъ „нагорную проповѣдь", какъ нѣчто несообразное съ человѣческою природою. Христіанъ, которые составили бы свой нравственный кодексъ исключительно изъ однихъ „филантропическихъ отрывковъ четырехъ Евангелій", Стифенъ считаетъ людьми, желающими „перевернуть весь міръ верхъ дномъ",—они были бы „сектою страстныхъ коммунистовъ, низвергающихъ всѣ установленныя правила поведенія и всѣ человѣческія учрежденія". Люди, какъ обыденные утилитаристы, не признаютъ подобныхъ идеаловъ и было бы „чудовищною несправедливостью" осуждать ихъ за это;—если христіанство требуетъ подобнаго признанія, то оно — заключаетъ онъ уже весьма рискованно—„ложно и вредно" (стр. 317).

Однако въ христіанской догматикѣ есть еще другая сторона, которая весьма нравится Стифену: сторона ужасная—адъ. „Христіанская любовь—говоритъ онъ—любовь временная и условная, она прекращается у вратъ ада, а адъ—это существенная часть христіанской схемы. Въ христіанствѣ любовь и ужасы взаимно предполагаютъ другъ друга; человѣческое терпѣніе не приняло бы этихъ ужасовъ, еслибъ непосредственныя заявленія религіи не отличались сострада-

ніемъ и любовью". Такими натянутыми объясненіями надѣется нашъ авторъ лишить Милля и всѣхъ приверженцевъ „религіи братства" важнаго аргумента, которымъ снабжаютъ ихъ гуманныя ученія Іисуса Христа.

Какъ бы то ни было, христіанскій идеалъ человѣческихъ отношеній не удовлетворяетъ Стифена, и онъ создаетъ свой на тѣхъ самыхъ антропологическихъ началахъ, на которыхъ создавались всѣ религіи, въ которыхъ характеръ божества опредѣлялся характеромъ вѣрующихъ. Человѣкъ созданъ по подобію Божію—учатъ эти религіи; по человѣку, слѣдовательно, можно судить и о качествахъ самого Бога. Мы уже знаемъ, каковъ нравственный характеръ людей по Стифену,—такой же характеръ долженъ быть и у Бога. „Говорить, что Создатель этого міра чисто благодѣтельное существо, значитъ (по мнѣнію Стифена) говорить неправду или, по крайней мѣрѣ, нѣчто такое, что̀ само по себѣ крайне невѣроятно и не совпадаетъ со многими извѣстными фактами; *такъ* говорить можно только на основаніи гипотезъ, которыя едва ли возможно доказывать или даже понимать, и въ пользу которыхъ нѣтъ никакихъ очевидныхъ данныхъ". Если бы нашего автора спросили, допускаетъ ли онъ, что Богъ безусловно расположенъ способствовать счастію человѣчества, онъ отвѣтилъ бы рѣшительно: „нѣтъ". Богъ, по его соображеніямъ, такое Существо, которое „имѣетъ сознаніе и волю, и безконечную силу, и которое, какова бы ни была его собственная сущность, такъ устроивалъ міръ или міры, гдѣ я живу, чтобы мнѣ было извѣстно, что добродѣтель—это законъ, предписанный мнѣ и другимъ". Еслибъ Стифена спросили затѣмъ, можетъ ли онъ любить подобное Существо, онъ отвѣчалъ бы, что чувствуетъ къ нему не любовь, а благоговѣніе (awe). „Законъ—прибавляетъ онъ—подъ которымъ мы живемъ, законъ суровый и, насколько можно судить, непоколебимый, но благородный и возбуждающій какъ благоговѣйное уваженіе къ его Создателю и къ уставу, учрежденному въ управляемомъ Имъ мірѣ, такъ и искреннее желаніе дѣйствовать согласно съ нимъ насколько возможно". На основаніи этого закона, религіозная теорія жизни представляется нашему автору въ формѣ такихъ приказаній и совѣтовъ: — „Достигайте себѣ всего лучшаго, что̀ можете, но не иначе, какъ опредѣленнымъ предписаннымъ способомъ, или вамъ же будетъ хуже. Нѣкоторые изъ васъ счастливы,—тѣмъ лучше для насъ. Нѣкоторые несчастны;—пусть они помогаютъ себѣ всѣми средствами установленнымъ способомъ, пусть другіе помогаютъ имъ на установленныхъ условіяхъ, но когда все это будетъ сдѣлано, многое еще придется выстрадать. Терпите какъ можете, и въ счастіи ли, или въ несчастіи всегда помните, что странный міръ, въ которомъ вы живете,

не составляетъ собою всего, и что вы сами, живущіе въ немъ, принадлежите ему не совсѣмъ" (стр. 313). Въ другомъ мѣстѣ Стифенъ относится къ забитымъ и слабымъ еще строже: „безконечно мудрый и могущественный Законодатель... создалъ міръ, какъ онъ есть, для *благоразумнаго*, *стойкаго, смѣлаго*, и *терпѣливаго* племени людей, *которые не глупцы и не трусы*, у которыхъ нѣтъ особливой любви ко всѣмъ существующимъ, которые ясно понимаютъ, чего хотятъ, и рѣшились достигнуть своего всѣми законными средствами". Въ подобную „безконечную мудрость"—увѣряетъ авторъ—вѣруетъ „солидная, упрочившаяся часть англійской націи", а ужъ если эти удивительные англичане такъ вѣруютъ, такъ такимъ „энтузіастамъ и гуманистамъ" какъ Милль, слѣдуетъ только сложить руки и замолчать!

Чтобы придать особый авторитетъ своему воззрѣнію на нравственное достоинство человѣка и на его отношенія къ окружающему міру и божеству, Стифенъ, въ заключительной главѣ своей книги, бросаетъ скептическій взглядъ на всѣ другія вѣрованія и на само человѣческое знаніе. Въ этомъ отношеніи онъ является истиннымъ сыномъ XIX-го вѣка и его переспорить невозможно. „Есть—говоритъ онъ—неразрѣшимые вопросы: „чтó такое мы? чтó такое міръ? машина ли простая человѣкъ, и представляется ли міръ простымъ фактомъ, не внушающимъ ничего достойнаго обсужденія, кромѣ самого себя?"... „Это загадки Сфинкса, и такъ или иначе, мы должны посчитаться съ ними. Если мы рѣшаемся вовсе не разгадывать ихъ—мы можемъ. Если мы колеблемся въ нашемъ отвѣтѣ—это тоже можно, но чтó бы мы ни дѣлали, мы дѣлаемъ въ свою голову. Если человѣкъ просто обращается спиною къ Богу и будущей жизни, никто не можетъ помѣшать ему въ этомъ,—никто не можетъ доказать, что онъ ошибается. Если человѣкъ думаетъ иначе, и дѣйствуетъ какъ думаетъ, то я не понимаю, какимъ образомъ можно доказать, чтó *онъ* ошибается. Пусть каждый дѣйствуетъ какъ ему кажется лучше, и если онъ поступаетъ ложно, тѣмъ хуже ему самому. Мы стоимъ въ горномъ проходѣ среди снѣжнаго вихря и ослѣпительнаго тумана, сквозь которые отъ времени до времени мелькаютъ передъ нами тропинки, быть можетъ тоже обманчивыя. Оставаясь на мѣстѣ, мы умремъ отъ мороза, а если пойдемъ по ложному пути, будемъ разбиты въ дребезги. Мы положительно не знаемъ, есть ли вѣрный путь".

Чтó можетъ быть мрачнѣе и ужаснѣе этого скептицизма? Чтó же дѣлать, какъ же жить?.. „Будьте крѣпки и мужественны—отвѣчаетъ Стифенъ—поступайте какъ можно лучше, надѣйтесь на лучшее, и берите то, чтó дается. Важнѣе всего, не предавайтесь мечтамъ и

избѣгайте лжи, но идите своею дорогою, куда бы она ни вела, съ открытыми глазами и съ поднятой головой. Если смерть конецъ всему, то вы встрѣтите ее наилучшимъ образомъ. Если же нѣтъ, то выйдемъ на слѣдующую сцену, какова бы она ни была, какъ честные люди, безъ всякой софистики въ нашихъ устахъ и безъ маски на лицѣ" (стр. 334).

Какою бы непріятною и безотрадною ни казалась нравственная теорія нашего автора, съ нею приходится считаться, такъ какъ она послѣдовательна, логична, не противорѣчитъ сама себѣ и въ состояніи ввести въ кругъ своихъ объясненій всѣ крупные факты человѣческой жизни и человѣческаго знанія. Этою теоріей нравственнаго поведенія руководится, въ дѣйствительности, громадная часть человѣчества и она лежитъ въ основѣ вѣрованій всѣхъ партій, отрицающихъ нравственное совершенствованіе человѣка. Это—нравственная теорія всякаго застоя, всякой реакціи, всякаго консерватизма. Это—восхваленіе физической силы и отрицаніе нравственнаго прогресса, и Стифенъ дѣйствительно употребляетъ множество страницъ на то, чтобы доказать, что все въ мірѣ совершается силою и исходитъ изъ силы, и что нравственнаго прогресса въ человѣчествѣ нѣтъ и не можетъ быть. Онъ замѣчаетъ, что люди становятся менѣе честолюбивыми, менѣе чувствительными къ личнымъ невзгодамъ, болѣе умѣренными въ своихъ желаніяхъ удовлетворять свои нужды и болѣе робкими относительно нанесенія страданій себѣ и другимъ,—и тотчасъ же заключаетъ, что современный прогрессъ ведетъ къ худшему, „отъ силы къ слабости". Понятно также, почему онъ является противникомъ всякихъ мѣръ, ведущихъ къ упроченію братства и равенства, и къ расширенію личной свободы, и нѣтъ ничего удивительнаго также въ томъ, что критики консервативнаго лагеря должны были принять книгу Стифена съ самымъ неподдѣльнымъ восторгомъ.

Но есть одинъ очень важный фактъ, который теорія Стифена не умѣетъ и не можетъ объяснить, и между тѣмъ въ немъ заключается главная сила теоріи братства—это фактъ самоотверженной преданности людей дѣлу общественнаго благополучія. Нашъ авторъ признаетъ его, но такъ какъ до этой преданности доходили пока весьма немногіе люди, то Стифену кажется достаточнымъ назвать эту преданность „фанатическою привязанностью къ излюбленной теоріи", чтобы окончательно отдѣлаться отъ этого фактическаго опроверженія его нравственныхъ совѣтовъ. Но если въ нѣкоторыхъ людяхъ, подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, „сочувствіе къ ближнему, интересъ къ чужому благополучію, нетерпѣливость къ несправедливостямъ, которымъ подвергаются другіе люди", становятся въ нихъ

до того сильнымъ побужденіемъ, что оказываютъ могущественное вліяніе на ихъ поведеніе, то отчего бы и въ другихъ людяхъ, поставленныхъ въ тѣ же благопріятныя обстоятельства, не могла развиться та же „фанатическая привязанность“ къ общему благу всего человѣчества?.. Прогрессивное движеніе человѣчества не только существуетъ, но и доказываетъ весьма почтенными фактами, что люди, по мѣрѣ своего умственнаго развитія, улучшаютъ и свои нравственныя отношенія какъ разъ въ томъ направленіи, противъ котораго ратуетъ Стифенъ: уничтоженіе сперва рабства, а потомъ крѣпостного права, и признаніе за современнымъ рабствомъ (Англіей, напримѣръ) почти полной равноправности въ цѣлой массѣ разныхъ политическихъ и экономическихъ отношеній—что̀ доказываютъ всѣ эти перемѣны и переходы въ исторіи насильственнаго положенія народной громады, какъ не установленіе во взаимныхъ сношеніяхъ людей все болѣе братскихъ взглядовъ. Или, можетъ быть, весь этотъ прогрессъ есть не что иное, какъ жалкое заблужденіе, которое лишь напрасно питаетъ въ людяхъ мечты о возможности въ будущемъ еще болѣе, и даже вполнѣ братскаго сближенія? Но вѣдь это нужно доказать, а ни Стифенъ, ни его сторонники такихъ доказательствъ не даютъ.

Далѣе. Обыденный утилитаризмъ Стифена представляетъ намъ человѣка совершенно изолированнымъ отъ всего общества, и интересующимся лишь своими нуждами и нуждами своей узкой, индивидуальной сферы. Между тѣмъ, всѣ новѣйшія изысканія въ жизни первобытнаго, доисторическаго человѣка приходятъ къ тому заключенію, что даже въ тѣ отдаленныя времена люди всегда жили въ обществѣ, что безъ общества и общественныхъ дѣлъ они немыслимы, а слѣдовательно и самъ обыденный утилитаризмъ, основанный исключительно на эгоизмѣ, не могъ удовлетворять нравственныя требованія даже того звѣря-человѣка. Милль основываетъ свою теорію братства именно на общественномъ характерѣ людей, и всѣ доводы Стифена нисколько не подрываютъ этой основы. Стифенъ можетъ, конечно, говорить, что „все стремленіе новой цивилизаціи“ направлено будто бы къ тому, чтобы „дать человѣку возможность держаться одиноко и заботиться о своихъ личныхъ интересахъ“, но дѣйствительные историческіе факты свидѣтельствуютъ прямо противоположное и скорѣе оправдываютъ опасенія Милля о томъ, что нынѣшнее направленіе цивилизаціи грозитъ въ будущемъ паденіемъ оригинальности, „эксцентричности“—какъ въ дѣятельности, такъ и въ мышленіи людей. Сравните, въ самомъ дѣлѣ, современное общество цивилизованныхъ государствъ съ обществомъ за 50 лѣтъ тому назадъ, и вамъ сразу бросится въ глаза цѣлая масса законодательныхъ и общественныхъ уравненій и сближеній разныхъ слоевъ и сферъ граж-

данъ одного и того же государства и даже цѣлыхъ націй между собою. Прежде народныя массы—большинство населенія—вовсе не принимали никакого участія въ политической жизни страны, и объ нихъ, объ ихъ образованіи и благосостояніи никто не заботился;—это былъ какой-то сбродъ „подлыхъ“ людей, годный только служить „пушечнымъ мясомъ“ на войнѣ. Сама народная масса тоже не заключала въ себѣ никакихъ объединительныхъ, братскихъ элементовъ, за исключеніемъ развѣ общаго сознанія своего безсилія и необходимости нести на себѣ все бремя общественнаго строя, не пріобрѣтая за то никакихъ льготъ. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, не только „ассоціація“, но даже „акціонерная компанія“ была словомъ почти новымъ;—о дружныхъ промышленныхъ, торговыхъ или ремесленныхъ предпріятіяхъ тогда почти помину не было. А теперь?... между низшими и высшими классами почти во всей Европѣ разница состоитъ лишь въ силѣ образованія и распредѣленія богатствъ; даже въ общественныхъ отношеніяхъ буржуа и аристократъ начинаютъ заявлять рабочему почти братскія отношенія въ разныхъ политическихъ и экономическахъ союзахъ, а въ Англіи, напримѣръ, такіе союзы дали рабочему классу такую силу въ политическихъ судьбахъ страны, что, благодаря ихъ оппозиціи, британское правительство не осмѣлилось вмѣшаться въ сѣверо-американскую междоусобную войну. Рабочія ассоціаціи въ пользу повышенія заработной платы повели въ концѣ-концовъ къ тому, что работодатели признали права рабочихъ на общіе доходы предпріятія, какъ это мы видимъ въ заведеніяхъ Бриггза и т. п. Для умственнаго образованія и нравственнаго развитія народныхъ массъ сдѣлано тоже весьма многое: почти вездѣ признано необходимымъ дать каждому гражданину хотя какія-нибудь элементарныя свѣдѣнія, основалась и развилась въ значительныхъ размѣрахъ народная или популярная литература, и простому человѣку открытъ доступъ ко всякому образованію и во всѣ высшія должности въ государствѣ. Взглядъ на женщину тоже значительно измѣнился въ смыслѣ уравненія ея правъ на общественное и политическое вліяніе... Чѣмъ же объяснить все это движеніе, какъ не смягченіемъ самихъ нравовъ, какъ не нравственнымъ улучшеніемъ самихъ людей во всемъ цивилизованномъ мірѣ, а между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы этому уравнительному, братственному движенію среди людей наступаетъ уже конецъ: Милль называетъ наше время лишь „раннимъ періодомъ человѣческаго прогресса“—early stage of human advancement. Разумѣется, при настоящемъ состояніи общественной жизни въ цивилизованномъ мірѣ еще нѣтъ необходимыхъ данныхъ для основанія религіи братствъ, но тѣмъ не менѣе наклонность общественнаго чувства къ сближенію всѣхъ людей между собою, къ

установленію взаимной помощи между ними, дѣйствительно существуетъ и съ каждымъ поколѣніемъ развивается все въ бо́льшихъ размѣрахъ и распространяется все на большее число взаимныхъ человѣческихъ обязанностей: обыденный утилитаризмъ утрачиваетъ постепенно свое подавляющее вліяніе, а утилитаризмъ общественный становится все болѣе ощутительнымъ во всѣхъ сферахъ жизни. „Все, что способствуетъ укрѣпленію общественныхъ связей и здоровому росту общества — говоритъ справедливо Милль — усиливаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждомъ человѣкѣ его личное расположеніе къ практическимъ соображеніямъ относительно благосостоянія другихъ. Все это ведетъ также человѣка все болѣе и болѣе къ отождествленію своихъ лучшихъ ощущеній съ благомъ другихъ людей или, по крайней мѣрѣ, съ постоянно возрастающею важностью практическаго обсужденія этого блага. Человѣкъ какъ-бы инстинктивно приходитъ къ сознанію себя существомъ, которое *не можетъ* не заботиться о другихъ. Благополучіе другихъ становится для него предметомъ столь же естественныхъ и необходимыхъ заботъ, какъ каждое изъ физическихъ условій его существованія“... [1]).

Изъ всего нашего разсужденія видно, что хотя утилитарная нравственность Стифена построена весьма логично и носитъ на себѣ призрачный отпечатокъ правдоподобія; но такъ какъ она не можетъ отвергнуть ни существованія нѣкоторыхъ фактовъ, подрывающихъ ее въ самомъ основаніи, ни того необходимаго вывода, что прогрессивное развитіе современныхъ обществъ обусловливается, хотя не исключительно, нравственнымъ совершенствованіемъ самихъ народовъ, — то и сомнѣніе, которое она старается навести на будущее торжество братскаго утилитаризма, не имѣетъ никакой силы. Съ другой стороны, при допущеніи возможности братства, равенство и свобода, какъ принципы общественной организаціи, пріобрѣтаютъ реальное значеніе практическихъ средствъ къ нравственному совершенствованію человѣческой природы. И Милль, дѣйствительно, вступается за эти принципы, не какъ за мечтательныя „права человѣка“, но какъ за политическія начала, признанныя опытомъ способными направлять общество естественнымъ путемъ къ наибольшему его благополучію. Въ этомъ отношеніи Милль значительно отличается отъ французскихъ революціонныхъ теоретиковъ XVIII вѣка, и между тѣмъ только въ толкованіи Милля свобода и равенство начинаютъ быть серьёзными правилами для практической политики. Стифенъ же ничего этого не понялъ въ сочиненіяхъ Милля и подсовываетъ подъ его имя нелѣпыя теоріи нѣкоторыхъ француз-

---

[1]) Utilitarianism, второе изданіе, стр. 47, 48.

скихъ коммунистовъ и „непримиримыхъ“ разныхъ націй. Такъ, напримѣръ, полемизируя противъ равенства, онъ вводитъ въ защищаемыя имъ неравенства—неравенство пола, возраста, племени, богатства и образованія, какъ будто Милль хлопочетъ сравнять людей во всѣхъ *природныхъ* качествахъ; въ общемъ итогѣ этихъ неравенствъ недостаетъ только мускульной силы, органическаго роста и физическаго здоровья вообще! Но Милль говоритъ лишь объ *общественномъ* равенствѣ людей во всемъ, что́ касается сохраненія ихъ личнаго благополучія и пользованія орудіями къ его достиженію. Когда Милль защищаетъ гражданскую и политическую равноправность женщины, то вовсе не потому, что она равна мужчинѣ въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ (противъ чего споритъ Стифенъ), а потому, что она взрослый человѣкъ, и это самый сильный, неотразимый доводъ: негръ въ Соединенныхъ Штатахъ получилъ полное равенство съ бѣлыми тоже не потому, что его племя обладаетъ равными съ бѣлымъ племенемъ физическими и умственными силами, а потому, что рабство или просто угнетенное, обдѣленное положеніе взрослыхъ людей въ обществѣ вредно развитію всего общества, всей страны. Мы не говоримъ, что нѣтъ на свѣтѣ такихъ чудаковъ, которые полагаютъ, что полнаго благополучія люди достигнутъ только тогда, когда всѣ они вполнѣ уравняются въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ, когда у каждаго человѣка будетъ въ карманѣ по равному числу червонцевъ, а въ головѣ по равному количеству знаній,—но Милль былъ не изъ ихъ числа.

Плохо понимаетъ Стифенъ и ученіе Милля о свободѣ, хотя этимъ вопросомъ наполнена бо́льшая половина его книги. Свобода, по мнѣнію нашего автора, не есть нѣчто положительное; она выражаетъ лишь „отсутствіе стѣсненія“, а въ приложеніи къ политикѣ ею называютъ „отсутствіе *вреднаго* стѣсненія“. Но при такомъ опредѣленіи всякое политическое своеволіе можетъ существовать рядомъ съ призрачною свободою, ибо произволъ будетъ оправдывать себя постоянно тѣмъ, что его стѣсненія будто бы полезны обществу. Такимъ опредѣленіемъ „свободы“ обыкновенно руководятся всѣ псевдолиберальные государственные люди,—такое опредѣленіе, собственно говоря, ничего не опредѣляетъ, и „свобода“ въ немъ является лишь пустымъ словомъ. Это правда, что нынѣшній европейскій либерализмъ, слѣдуя примѣру французскихъ революціонеровъ XVIII-го вѣка, разумѣетъ подъ свободою именно отсутствіе вредныхъ стѣсненій, а иные и отсутствіе всякихъ стѣсненій, что́ уже совершенно нелѣпо. Вся полемика Стифена противъ свободы, какъ принципа дѣятельности, направлена именно противъ этого теоретическаго толкованія свободы и вредныхъ его послѣдствій. Но зачѣмъ тутъ припутанъ Милль и вся

его книга „о свободѣ“ — понять трудно, такъ какъ между вышеприведеннымъ понятіемъ о свободѣ и понятіемъ Милля нѣтъ ничего общаго. Милль выводитъ свое понятіе не изъ умозрительныхъ теорій о правахъ человѣка, а изъ политическаго опыта народовъ, пользующихся свободою и лишенныхъ ея, и онъ приходитъ къ весьма простому практическому правилу, что „человѣчество, въ образѣ ли одной личности или цѣлаго общества, имѣетъ право вмѣшиваться въ свободу дѣятельности кого-либо изъ своихъ сочленовъ только съ единственною цѣлью: ради самозащиты; что единственнымъ предлогомъ для справедливаго употребленія силы противъ кого-либо изъ членовъ цивилизованнаго общества, противно волѣ самого члена, можетъ служить охраненіе другихъ отъ вреда. Собственная же польза личности, физическая ли, или нравственная, не можетъ служить достаточнымъ поводомъ къ вмѣшательству: несправедливо принуждать человѣка дѣлать что-либо или не дѣлать потому только, что такъ будетъ лучше ему самому, или что онъ станетъ оттого счастливѣе, или что, по мнѣнію другихъ, онъ поступилъ бы въ данномъ случаѣ умно или даже справедливо... Единственная доля поведенія человѣка, подвластная обществу, та, которая касается другихъ людей. Въ той же долѣ, которая касается его самого, независимость человѣка, по справедливости, безусловна: надъ самимъ собою, надъ своимъ собственнымъ тѣломъ и духомъ, личность самодержавна“ [1]).

Стифенъ толкуетъ это опредѣленіе въ томъ смыслѣ, что будто бы Милль запрещаетъ правительственной власти и общественному мнѣнію вмѣшиваться въ свободу дѣятельности гражданина даже въ видахъ общественной пользы; но въ дѣйствительности Милль просто выдѣляетъ изъ поведенія человѣка цѣлый разрядъ дѣятельностей, которыя касаются исключительно самой дѣйствующей личности, и ставитъ ихъ внѣ правительственнаго и общественнаго вмѣшательства, и всѣ требованія Милля въ этомъ отношеніи сводятся къ освобожденію отъ вмѣшательства „внутренней области сознанія“, „области вкусовъ и занятій“, и составленія союзовъ съ другими людьми, безвредныхъ для остального общества. Практика цивилизованныхъ народовъ доказала, что во всѣхъ этихъ областяхъ человѣческой дѣятельности свобода личности способствуетъ развитію благосостоянія и нравственнаго совершенствованія общества.

Предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ распространиться подробнѣе о Миллевскихъ правилахъ свободы, но мы надѣемся въ скоромъ времени вернуться къ этому предмету въ другой разъ.

---

[1]) On Liberty, *второе изданіе,* стр. 21, 22.

ПО ПОВОДУ „ТОЛКОВАГО СЛОВАРЯ" ДАЛЯ.

Въ мартовской книгѣ „Р. Вѣстника" нынѣшняго года помѣщена была статья г. Мельникова, посвященная воспоминаніямъ о Далѣ и, по поводу Даля, вмѣщавшая злобныя инкриминаціи противъ меня. Эти инкриминаціи высказаны были въ такомъ тонѣ, что я и тогда счелъ излишнимъ вступать въ какой-нибудь споръ съ ихъ авторомъ, и теперь считаю. Но при этомъ замѣшано было имя Даля и замѣшанъ былъ вопросъ, разъясненіе котораго можетъ быть не лишено интереса для исторіи нашихъ народныхъ изученій, и объ этой послѣдней сторонѣ дѣла мы намѣрены сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Поводомъ къ упомянутымъ нападеніямъ противъ меня подало слѣдующее обстоятельство.

Въ *1861* году, когда появились въ свѣтъ первые выпуски „Толковаго Словаря", этотъ трудъ былъ внесенъ въ Географическое Общество на соисканіе Константиновской преміи. Сколько мы помнимъ, дѣло шло такимъ образомъ. Отдѣленіе этнографіи, въ которомъ былъ тогда предсѣдателемъ Н. В. Калачовъ, и куда поступилъ этотъ трудъ, выбрало для разбора его коммиссію, изъ трехъ лицъ, гг. Срезневскаго, Савваитова и меня. Каждый опредѣлилъ свое мнѣніе о трудѣ Даля, и результатъ долженъ былъ быть изложенъ въ *общей* рецензіи Отдѣленія, которое и присудило Далю Константиновскую премію. Въ общей рецензіи, принятой Отдѣленіемъ, упомянуто было и одно частное замѣчаніе, находившееся въ моемъ предварительномъ мнѣніи и касавшееся нѣсколькихъ словъ, помѣщеніе которыхъ въ „Словарѣ" не было достаточно выяснено и возбуждало тогда нѣкоторыя недоумѣнія. Затѣмъ, *общее* мнѣніе, принятое Отдѣленіемъ и въ которомъ я участвовалъ, считало трудъ Даля достойнымъ преміи, которая и была за нимъ утверждена Совѣтомъ Географическаго Общества. Это мнѣніе отдѣленія вскорѣ потомъ явилось и въ печати, въ отчетахъ Общества.

Проходитъ за тѣмъ нѣсколько лѣтъ, въ теченіи которыхъ не было никакой рѣчи объ этой рецензіи, а я забылъ о ней и думать. „Словарь" продолжалъ издаваться (онъ выходилъ въ теченіи шести лѣтъ тетрадями), какъ вдругъ Даль выступилъ, по поводу ея, съ запросами ко мнѣ и обвиненіями. При послѣднемъ или одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ „Словаря", въ началѣ *1867* года, словомъ, лѣтъ черезъ *пять-шесть* послѣ упомянутой рецензіи, Даль выступилъ съ

филиппикой противъ моихъ замѣчаній 1861 года. Онъ только-что познакомился съ рецензіей Этнографическаго Отдѣленія, съ чьей-то помощью разыскалъ въ бумагахъ Отдѣленія мое ненапечатанное мнѣніе (упомянутое въ указанной выше рецензіи Этногр. Отдѣленія), увидѣлъ въ моихъ замѣчаніяхъ „поношеніе", „заподозрѣнье" его труда, цѣлое покушеніе, и рѣзкимъ образомъ требовалъ моихъ объясненій. Все это сдѣлано было столь безтактно, что я предпочелъ оставить эти требованія безъ всякаго отвѣта, хотя мнѣ было конечно ясно, что мое молчаніе еще больше укрѣпитъ Даля въ мысли, что я дѣйствительно оказывалъ покушеніе противъ его труда. Дальше я объясню въ нѣкоторой подробности основанія, побудившія меня поступить такъ, а не иначе, — и почему я былъ довольно равнодушенъ къ выводамъ и соображеніямъ Даля.

Теперь, въ воспоминаніяхъ о Далѣ, г. Мельниковъ разработываетъ тему Даля; не понимая настоящаго положенія дѣла въ литературѣ, онъ повторяетъ обвиненія Даля, снабжаетъ ихъ собственными украшеніями, приходитъ въ негодованіе противъ моего мнимаго покушенія противъ „Словаря" Даля, и въ томъ, что я оставилъ безъ отвѣта инкриминацію Даля, видитъ—ни болѣе, ни менѣе—какъ нарушеніе „литературной честности". Нападенія такого противника, какъ г. Мельниковъ, для меня довольно индифферентны, и я не вздумалъ бы предлагать читателю полемики съ этимъ писателемъ; я буду говорить о самомъ предметѣ, имѣющемъ общій интересъ, такъ какъ имя Даля есть уже историческое имя русской литературы.

Упомяну прежде всего, что я не имѣлъ никогда никакихъ личныхъ отношеній съ Далемъ; никогда мнѣ не случилось и видѣть его. Упоминаю это для тѣхъ, кто любитъ отыскивать въ мнѣніяхъ, чисто и исключительно литературныхъ, какую-либо подкладку личныхъ отношеній и интересовъ. Мое отношеніе къ нему было чисто отвлеченно-литературное; теперь и это мое литературное пониманіе его дѣятельности конечно болѣе опредѣлилось, чѣмъ въ 1861 году, но въ сущности дѣла и теперь остается приблизительно то же.

Даль есть безъ сомнѣнія одинъ изъ людей, много и замѣчательно послужившихъ дѣлу изученія народности и пріобрѣтшихъ право на почетное мѣсто въ исторіи нашего общественнаго самосознанія. Въ свое время, это былъ писатель, стоявшій въ первыхъ рядахъ литературы, вносившій въ нее новый элементъ, который высоко цѣнился лучшими современниками. Въ то время въ литературѣ впервые стало сказываться сближеніе съ народною жизнью, которому предстояло расширить содержаніе литературы новыми, до тѣхъ поръ мало ею затронутыми предметами, доставить ей болѣе широкую точку зрѣнія на жизнь общества и народа. Въ смыслѣ этого сближенія Даль

много работалъ и много сдѣлалъ въ литературѣ; этой заслуги Даля отрицать невозможно, да никто, сколько мы знаемъ, и не отрицалъ. Но эта дѣятельность имѣла свои недостатки, опредѣлявшіеся отчасти условіями времени, отчасти свойствами личнаго таланта и понятій писателя.

Первая извѣстность Даля была чисто-литературная. Первые труды, которые дали ему имя въ литературѣ, были различныя повѣсти и разсказы „Казака Луганскаго", заимствованныя изъ народной жизни. Даль былъ въ замѣчательной степени „бывалый" человѣкъ, знакомый съ различными краями русской земли, съ народными нравами, отлично владѣвшій языкомъ, и его разсказы, отражавшіе въ себѣ это рѣдкое тогда знаніе народа, были въ литературѣ новостью, которая не могла не произвести впечатлѣнія. Съ тридцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ, „Казакъ Луганскій" оставался однимъ изъ любимыхъ разсказчиковъ, за которымъ безспорно признавалось знаніе народнаго быта и языка, и большой литературный талантъ.

Но изученіе народности имѣло у Даля еще другую сторону; онъ былъ не только разсказчикомъ и беллетристомъ, но и собирателемъ фактовъ народнаго быта и языка. Въ первое время только въ небольшомъ кругу знали эту сторону его трудовъ; но потомъ она болѣе и болѣе выдвигалась на первый планъ: Даль разсказчикъ смѣнялся этнографомъ. Собранныя имъ пѣсни онъ предоставлялъ Кирѣевскому; его сказки переданы были въ сборникъ Аѳанасьева. Впослѣдствіи онъ издалъ свои „Пословицы", напечаталъ свое изслѣдованіе о нарѣчіяхъ русскаго языка, въ 1861 началъ изданіе „Толковаго Словаря", оконченное въ 1867.

Какими же ближайшими чертами опредѣляется значеніе трудовъ Даля въ развитіи того постепеннаго обращенія литературы къ народнымъ изученіямъ, которое составляетъ столь обширное и характеристическое явленіе послѣднихъ періодовъ нашей литературы,— періода Гоголевскаго и новѣйшаго?

Въ обѣихъ сторонахъ своей дѣятельности, и какъ беллетристъ, и какъ этнографъ, Даль былъ человѣкомъ извѣстнаго времени; его „народность" образовалась подъ вліяніемъ литературныхъ и общественныхъ взглядовъ, какіе господствовали въ Пушкинскую пору, до появленія новыхъ направленій, и не вышла изъ этихъ предѣловъ. Понятіе „народности" едва начинало проникать тогда въ умы, скорѣе какъ инстинктъ, чѣмъ какъ сознательное представленіе. Появившись у насъ вообще параллельно съ національнымъ движеніемъ на Западѣ и въ родственномъ славянскомъ мірѣ, это стремленіе было на первыхъ порахъ неяснымъ чувствомъ, способнымъ къ сильной возбужденности, но еще мало опредѣлявшимъ предметъ своихъ

исканій. Мы указывали въ другомъ мѣстѣ, какимъ образомъ народность была заявлена даже оффиціально и какъ опредѣлены были при этомъ ея отличительныя свойства, которыя и признаны обязательными. Это оффиціальное заявленіе имѣло для себя извѣстныя основанія и въ явленіяхъ общественной образованности: здѣсь, внѣ какихъ-либо національно-политическихъ программъ и внѣ оффиціальной иниціативы въ самомъ дѣлѣ зарождалось также движеніе, именно въ смыслѣ „народности", которое принимало потомъ различныя формы въ своемъ дальнѣйшемъ ходѣ и играло весьма различную роль въ общественныхъ понятіяхъ и литературѣ.

Эта „народность", выходившая изъ общественной иниціативы, съ самаго начала бывала различной силы, по степени обдуманности своихъ принциповъ; были (немногіе, впрочемъ) люди, у которыхъ интересъ къ народному съ самаго начала выросталъ въ цѣлое систематическое воззрѣніе, какъ у первыхъ славянофиловъ. У другихъ (и именно у большей части) это было, какъ замѣчено, не вполнѣ ясное влеченіе, и у людей средняго уровня образованія, оно нерѣдко вполнѣ, или почти вполнѣ совпадало съ оффиціальной теоріей; въ массѣ общества, оно являлось въ грубѣйшей формѣ извѣстнаго „квасного" патріотизма.

„Народныя" симпатіи выражались въ литературѣ двумя способами: во-первыхъ, желаніемъ ввести въ самую литературу элементы народнаго содержанія и языка, разсказами изъ народнаго быта, съ передачею особенностей народнаго языка, и во-вторыхъ, научными изученіями народности, языка, нравовъ, обычаевъ, старины, народной поэзіи и преданій. Первое требовало литературнаго таланта; писателей этого рода было тогда немного, и между ними Даль стоялъ на первомъ планѣ: ни у кого не было такого знанія подробностей народнаго быта и умѣнья владѣть языкомъ. Въ своихъ, тогда еще неизданныхъ этнографическихъ трудахъ, Даль также превосходилъ многихъ своихъ товарищей умѣньемъ подмѣчать и собирать факты.

Какъ писатель изъ народнаго быта, Даль въ настоящее время если еще не забытъ, то далеко уже не пользуется такой извѣстностью и авторитетомъ, какъ въ прежнія времена, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Это именно и объясняется тѣми свойствами его литературной дѣятельности, которыя были даны отчасти характеромъ его личныхъ понятій, отчасти временемъ и школой. Ни для самого Даля, ни вообще для большинства той школы, понятіе „народнаго" далеко не было тѣмъ, чѣмъ оно стало впослѣдствіи. Ихъ привязанность къ народному, какъ инстинктъ, была неопредѣленная, они увлекались народнымъ для народнаго, видѣли въ немъ какую-то мистическую силу, которая должна войти въ жизнь и которая сама

сдѣлаетъ все для своего существованія; они готовы были впередъ восхищаться народнымъ — обычаемъ, пословицей, пѣсней, мотивомъ; въ народномъ языкѣ они видѣли верхъ литературной формы. Это былъ своего рода романтизмъ, и дѣйствительно ихъ изображенія народной жизни, при всей реальности самого предмета, оставляли вообще или романтически неясное, или анекдотическое впечатлѣніе— такъ бывало даже у Даля, наиболѣе близко державшагося дѣйствительности; а напр. Вельтманъ остался съ начала до конца фантастическимъ романтикомъ, не только въ своей поэзіи, но и въ своей наукѣ. Разсказы Даля читались легко, были занимательны по содержанію; но читатель оставался безъ всякаго опредѣленнаго вывода о той жизни, какую ему изображали. Дѣло въ томъ, что эти разсказы, при неясности общей идеи, не имѣли содержанія, или ихъ содержаніе было внѣшнее, анекдотическое; они рисовали вѣрно подробности нравовъ, но оставляли нетронутымъ весь вопросъ объ общественномъ положеніи народа, тотъ вопросъ, который именно и заключаетъ въ себѣ все великое и самое существенное значеніе истинной „народности".

Мы не думаемъ винить въ этомъ Даля. Это была черта не одного Даля, а цѣлой литературной эпохи. Литература пережила сантиментальное Карамзинское и Мерзляковское отношеніе къ народному; великій талантъ Пушкина указалъ вѣрные пріемы поэтическаго изображенія народныхъ мотивовъ,—его эпигоны, къ которымъ и принадлежалъ въ этомъ смыслѣ Даль, развивали эту сторону дѣла, разработали ее въ подробностяхъ, но не пошли дальше въ сущности. Бѣлинскій былъ очень высокаго мнѣнія о талантѣ Даля, восхищался его разсказами, ставилъ его на второе мѣсто послѣ Гоголя, но замѣтилъ, что это — талантъ частностей, отдѣльныхъ типовъ, изображеніе подробностей быта; словомъ, Бѣлинскій уже чувствовалъ, что этотъ талантъ имѣетъ свою опредѣленную границу, дальше которой онъ не идетъ. Въ самомъ дѣлѣ, литературное значеніе той манеры, которую представлялъ собою Даль, пало, когда завершился кругъ дѣятельности Гоголя и ясно обозначились новыя литературныя стремленія. Когда начало обнаруживаться во всей силѣ вліяніе Гоголя, успѣхъ манеры Даля былъ уже невозможенъ, потому, что вопросъ „народности" сталъ пониматься именно въ указанномъ сейчасъ, болѣе широкомъ общественномъ значеніи, и требованія отъ литературы повысились. Не только такія произведенія, какъ „Записки Охотника", но даже какъ повѣсти Григоровича („Деревня", „Антонъ Горемыка"),—хотя послѣдняго обвиняли даже просто въ подражаніи Ж. Занду,—заслонили окончательно прежнюю литературу, въ томъ

числѣ и Даля. Новѣйшій „этнографическій очеркъ“ опередилъ Даля и въ самой вѣрности изображенія бытовыхъ подробностей.

Такимъ же образомъ, въ теоретическихъ понятіяхъ о народности и о значеніи этнографическихъ изысканій Даль былъ человѣкомъ своей эпохи. Изученія народности впервые пріобрѣтали тогда ревностныхъ партизановъ, но ка́къ поэтическое изображеніе народа не шло въ этой школѣ дальше частностей, въ сущности нерѣдко совпадая съ извѣстными идеями оффиціальной народности, и не успѣло возвыситься до цѣльнаго изображенія жизни (что́ начинается только послѣ Гоголя), такъ и этнографія начиналась ощупью, безъ яснаго сознанія ни истинной цѣли, ни правильныхъ пріемовъ науки. Дѣятели этого періода, Сахаровъ, Даль, Вельтманъ, Терещенко, Снегиревъ, Макаровъ и др., всѣ были въ этомъ дѣлѣ болѣе или менѣе самоучки; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ, Сахаровъ и Даль, оба съ юности увлекались интересомъ къ народности, оба дѣлались этнографами безъ всякой теоретически-научной подготовки, развивали свои „народныя“ стремленія практическимъ знакомствомъ съ жизнью, странствованіями среди народа. Эти первые дѣятели совершили много важныхъ трудовъ, которые бывали для своего времени настоящими открытіями, и напр., изданія Сахарова очень долго, до новыхъ сборниковъ, давали пищу образовавшейся послѣ научной школѣ этнографовъ. Но въ пріемахъ старой этнографіи, временъ Сахарова и Даля, было слишкомъ много ненаучнаго, какъ было много произвольнаго во всемъ ихъ пониманіи народности. Такъ, собственныя теоріи Сахарова не выдерживаютъ никакой критики; теперь извѣстно, что, даже какъ собиратель текстовъ, онъ не понималъ научныхъ требованій и позволялъ себѣ произвольное обращеніе съ текстами. Извѣстно, какъ мало критики и много произвола представляютъ этнографическіе и археологическіе труды Снегирева. Извѣстно, какъ много мѣста имѣло воображеніе въ этнографіи и археологическихъ изслѣдованіяхъ Вельтмана, которыя однако онъ имѣлъ слабость считать научными. Извѣстно, какого довѣрія заслуживалъ Макаровъ и пр. и пр. Даль былъ серьёзнѣе другихъ членовъ этой этнографической школы; въ прежнее время онъ почти и не выступалъ въ литературѣ съ своими этнографическими трудами; притомъ онъ поставилъ себѣ почти исключительной задачей чистое собираніе фактовъ,— но общія свойства школы замѣчались и у него. Между прочимъ эти свойства выказались въ томъ, какъ онъ понималъ практическое примѣненіе этнографическихъ изученій. Даль и его современники смутно чувствовали, что между жизнью такъ-называемаго образованнаго, высшаго класса и жизнью милліоновъ подлиннаго русскаго народа существуетъ какой-то разладъ; но они не понимали ясно ни основ-

ныхъ причинъ этого разлада, ни средствъ противъ него. Далю казалось, что дѣлу помочь вовсе не мудрено—слѣдуетъ только сблизиться съ внѣшнимъ народнымъ бытомъ, принять нѣкоторые изъ оставленныхъ національныхъ обычаевъ, бросить иноземщину, и главное, принять народный языкъ. Даль и этнографы его школы думали серьёзно, что этимъ путемъ можно совершить цѣлый поворотъ въ общественной образованности. Имъ не приходило въ голову, что такими внѣшними, поверхностными средствами нельзя сдѣлать совершенно ничего; и болѣе научное обращеніе съ фактами народной жизни и языка уже скоро отвергло тѣ выводы, къ которымъ приходили эти первые этнографы, и тѣ произвольные планы, съ какими они думали преобразовать „не-народный“ характеръ общества и литературы. Съ другой стороны, самое пониманіе народности оказывалось у нихъ очень поверхностнымъ. Большая часть изъ нихъ не имѣла вовсе или очень небольшую долю критическаго взгляда на общественное положеніе народности; большею частью они удовлетворялись тогдашнимъ status quo, даже восторгались имъ, какъ Сахаровъ; мы знаемъ случаи, когда этнографы этой школы, на словахъ великіе любители народа, становились къ нему на дѣлѣ въ ненавистную роль соглядатаевъ и сыщиковъ (напр., по дѣламъ о старообрядческомъ расколѣ), иногда со всѣми аттрибутами этого ремесла—въ сороковыхъ годахъ... Не всѣ конечно доходили до этого послѣдняго; но даже и лучшіе люди той школы, къ которымъ принадлежалъ Даль, не имѣя яснаго критическаго отношенія къ положенію вещей, приходили къ понятіямъ, которыя не могутъ не казаться странными. Не касаясь сущности дѣла, они думали, что весь разладъ отношеній общества съ народомъ можно поправить одними романтическими отношеніями къ народности; они полагали, что дѣло чуть ли не совсѣмъ исправится, если общество начнетъ говорить и писать тѣмъ „маленько-мужицкимъ“ языкомъ, который сталъ тогда рекомендовать и блаженный „Маякъ“; этой внѣшней поддѣлкой думали поправить все, повидимому не подозрѣвая вовсе, какъ глубоко лежитъ то зло, которое требовало излеченія.

Главнѣйшимъ пунктомъ, на которомъ вертѣлись мысли Даля, была испорченность и неправильность нашего литературнаго языка. У него давно сложилось убѣжденіе, что нашъ литературный языкъ крайне испорченъ и заимствованіями иностранныхъ словъ и оборотовъ, и неправильнымъ употребленіемъ собственныхъ; онъ утверждалъ, что даже лучшіе писатели наши, самъ Пушкинъ, виноваты въ этой порчѣ. Даль настаивалъ на необходимости исправленія этой порчи, и средствомъ для возстановленія чистоты и правильности языка считалъ введеніе въ языкъ литературный языка народнаго.

Эта мысль, будучи опредѣлена извѣстными условіями и ограниченіями, могла быть справедлива; но Даль высказывалъ ее какъ общее правило, не подлежащее никакому ограниченію, и мысль становилась странностью. Съ нимъ случилось то, чтó обыкновенно бываетъ съ самоучками: додумавшись до чего-нибудь, иногда не совсѣмъ несправедливаго, своимъ умомъ, они считаютъ свою мысль открытіемъ, и даютъ ей обыкновенно самую рѣзкую форму, доводятъ ее до крайности; если другіе возражаютъ, спорятъ противъ нея, ограничиваютъ ее, то, по мнѣнію самоучекъ, это бываетъ только отъ закоснѣнія въ прежнемъ заблужденіи, отъ недоброжелательства къ автору открытія; какого-нибудь недостатка, недосмотра, преувеличенія въ самомъ „открытіи" самоучка никакъ не хочетъ допустить. Бываетъ иногда, что самая крайность мысли можетъ имѣть свою пользу, дѣлая болѣе видною самую сущность дѣла, и что преувеличенія отпадаютъ послѣ сами собой; но бываетъ и другое—что изъ-за своей крайности мысль такъ и остается безплодной. Опасаемся, не случилось ли этого послѣдняго и съ Далемъ.

Еще въ 1837 году, когда Жуковскій проѣзжалъ черезъ Уральскъ въ свитѣ Цесаревича,—нынѣ царствующаго Государя Императора,—Даль, находившійся тогда въ Уральскѣ, завелъ съ Жуковскимъ разговоръ объ этомъ предметѣ и между прочимъ представилъ ему слѣдующій образчикъ двоякаго способа выраженія. 1) На принятомъ литературномъ языкѣ: „казакъ осѣдлалъ лошадь какъ можно поспѣшнѣе, взялъ товарища своего, у котораго не было верховой лошади, къ себѣ на крупъ и слѣдовалъ за непріятелемъ, имѣя его всегда въ виду, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ на него напасть"; и 2) на народномъ языкѣ: „казакъ сѣдлалъ уторопь, посадилъ безконнаго товарища на зàбедры и слѣдилъ непріятеля въ нàзерку, чтобы при спопутности на него ударить". Жуковскій, котораго трудно было бы заподозрить въ нежеланіи успѣховъ русскому литературному языку, не раздѣлялъ мнѣній Даля, и о приведенномъ примѣрѣ замѣтилъ, что по второму способу можно говорить только съ казаками и притомъ о близкихъ имъ предметахъ.

Замѣчаніе Жуковскаго было чрезвычайно справедливо и мѣтко попадало въ сущность дѣла. Дѣйствительно, такая фраза, будучи принята въ литературное изложеніе, какъ предлагалъ Даль, была бы понятна казакамъ, но очень легко могла бы привести въ недоумѣніе обыкновенныхъ читателей; въ литературномъ языкѣ она могла бы найти мѣсто только какъ образчикъ мѣстнаго языка. И если уже тогда предложенія Даля встрѣчали отпоръ въ чисто-литературныхъ кругахъ, то эти предложенія не болѣе успѣха могли встрѣтить у людей, болѣе спеціально занимавшихся филологическими изслѣдова-

ніями. Имъ не могли не казаться странностью понятія Даля о литературномъ и народномъ языкѣ. Литературный языкъ не есть вещь, создаваемая произволомъ писателей, и вовсе не такъ легко поддается искусственнымъ передѣлкамъ, съ какими бы благими намѣреніями ни задумывалъ ихъ отдѣльный писатель. Литературный языкъ есть явленіе историческое, развитіе котораго совершается вовсе не случайно, а по извѣстнымъ историческимъ основаніямъ; на этомъ историческомъ пути онъ многоразлично измѣняется: во-первыхъ, по общимъ условіямъ своего филологическаго развитія, пріобрѣтаетъ и теряетъ свои формы и образованія; во-вторыхъ, слѣдуетъ за судьбами національнаго просвѣщенія, и удовлетворяя его наростающимъ потребностямъ въ выраженіи новыхъ являющихся понятій, отчасти развиваетъ свои собственныя данныя, отчасти дѣлаетъ заимствованія у другихъ языковъ. Нѣтъ, конечно, ни одного языка на свѣтѣ, имѣвшаго какую-нибудь культурную исторію, который не подвергался бы подобнымъ измѣненіямъ и былъ бы совершенно свободенъ отъ заимствованій; и нѣтъ націи, съ какимъ-нибудь образованіемъ, у которой литературный языкъ могъ бы совпадать съ народнымъ. Надо было не имѣть этихъ самыхъ элементарныхъ понятій о свойствахъ развитія литературнаго языка, чтобы заявлять тѣ требованія, какія заявлялъ Даль. Въ самомъ дѣлѣ, нуженъ былъ бы цѣлый переворотъ, чтобы достигнуть предлагаемаго имъ исправленія языка: нужно бросить иностранныя слова, вошедшія въ литературный языкъ и (замѣтимъ особенно) въ *разговорное* употребленіе, и слѣдовательно, для замѣны ихъ, во-первыхъ, ввести множество малоизвѣстныхъ словъ изъ народнаго словаря, и, во-вторыхъ, составить множество новыхъ. Это былъ бы цѣлый громадный трудъ, и кто же могъ бы совершить его, а затѣмъ, еслибы даже былъ составленъ такой словарь въ народномъ стилѣ, кто бы могъ ввести эти новыя слова и *насильственно* дать имъ употребленіе, — потому что иначе невозможно было бы искоренить прежняго привычнаго языка? Очевидно, что мѣра должна бы быть общая, потому что введеніе только двухъ-трехъ десятковъ новыхъ словъ (взамѣнъ иностранныхъ или своихъ, уже находящихся въ обращеніи, но неправильно составленныхъ)—еслибы оно и совершилось добровольнымъ согласіемъ— конечно не поправило бы дѣла серьёзно. Но далѣе, гдѣ остановиться? Не одни только современные писатели могутъ быть обвинены, съ точки зрѣнія Даля, во введеніи иностранныхъ словъ; эти слова обильнымъ потокомъ вошли въ русскій языкъ со временъ Петра; мало того: они входили въ русскій языкъ гораздо раньше, и русскій языкъ „искажался" подъ вліяніемъ чужихъ языковъ еще въ самыя отдаленныя времена. Принятіе христіанства ввело къ намъ

массу церковныхъ словъ или цѣликомъ греческихъ, или взятыхъ изъ другого, хотя и родственнаго славянскаго нарѣчія, которое само подверглось вліянію греческаго; цѣлый рядъ книгъ на этомъ славянскомъ нарѣчіи составилъ нашу первую церковную литературу,— и это было первымъ началомъ отдѣленія нашего литературнаго языка отъ народнаго. Далѣе, самый народный языкъ „искажался“ еще въ древнія времена введеніемъ иностранныхъ словъ, напримѣръ, множества бытовыхъ словъ, взятыхъ съ татарскаго и т. д. и т. д. Чѣмъ же греческія или татарскія слова, или по греческому образцу составленныя слова, которыя вошли въ языкъ въ старину, лучше латинскихъ или французскихъ, вошедшихъ въ болѣе новое время? При исправленіи литературнаго языка въ народномъ смыслѣ, между ними не должно бы быть разницы..... Но возможно ли все это сдѣлать? Конечно невозможно,—да и не нужно.

Правда, литературный и разговорный языкъ образованнаго слоя можетъ къ своей невыгодѣ страдать излишествомъ иностранныхъ словъ и своихъ неправильностей; — но въ средствахъ самаго языка есть своя, такъ сказать, физіологическая возможность исправить эти недостатки. Кто нѣсколько знакомъ съ исторіей нашего литературнаго языка, тому извѣстно, напримѣръ, какое множество иностранныхъ словъ, вошедшихъ при Петрѣ, изчезло изъ обращенія потомъ, когда языкъ самъ успѣлъ приладиться къ требованіямъ новаго образованія и найти болѣе правильныя выраженія для новыхъ понятій; сколько словъ, бывшихъ въ употребленіи во времена Екатерины, такимъ же образомъ исчезли впослѣдствіи изъ литературнаго языка; сколько словъ, употребительныхъ еще въ сороковыхъ годахъ, вышли изъ употребленія теперь, просто вслѣдствіе того же естественнаго процесса, которымъ самъ языкъ охраняетъ наиболѣе свойственныя ему формы и удаляетъ несвойственныя.... Даль совѣтовалъ писателямъ заняться исправленіемъ литературнаго языка въ народномъ смыслѣ. Но, не говоря уже о томъ, насколько состоятельна была программа исправленія у самого Даля, онъ давалъ имъ задачу едва ли не напрасную. Правда, личными усиліями можетъ быть сдѣлано довольно многое, но, во-первыхъ, не можетъ быть сдѣлано все, чтó считалось бы нужнымъ, а во-вторыхъ, можетъ быть сдѣлано фальшиво (примѣръ послѣдняго можетъ представить современный литературный языкъ у чеховъ), и *преднамѣренность* можетъ быть положительно вредна. Обыкновенно, дѣло исправленія языка происходитъ иначе, безъ этой преднамѣренности, а именно въ силу естественныхъ требованій языка. Тѣ писатели, которые считаются преобразователями языка,—какъ Ломоносовъ, Карамзинъ, Пушкинъ,— достигаютъ этого результата именно тѣмъ, что становятся исполни-

телями созрѣвшей въ данное время потребности, которая чувствуется тогда же и другими, хотя слабо и неясно; и то, что они угадываютъ общую потребность и даетъ силу ихъ такъ называемому преобразованію. Карамзинъ рѣшилъ, что нужно писать, какъ говорятъ, и говорить, какъ пишутъ, и это есть весьма близкое изображеніе такъ называемыхъ преобразованій языка, — но „говоритъ" конечно само общество, и передѣлать его говоръ конечно никто не въ состояніи, ни Шишковъ, ни — Даль.

Высказывая свои требованія о преобразованіи литературнаго языка, Даль и самъ исполнялъ ихъ, и писалъ своеобразнымъ языкомъ, избѣгая иностранныхъ словъ, сочинялъ взамѣнъ ихъ русскія, употреблялъ слова народнаго языка. Это бывало хорошо въ его разсказахъ, гдѣ могли быть кстати, могли быть даже необходимы различныя подробности народнаго языка; но Даль хотѣлъ того же народнаго языка и въ не-беллетристическомъ изложеніи. Здѣсь это часто бывало уже не кстати, и явная преднамѣренность усиливала неблагопріятное впечатлѣніе этой манеры; почти невозможно было избѣжать при ней неловкаго выбора словъ, когда непремѣнно требовалось русское и народное слово для выраженія вещи, не существующей въ народныхъ понятіяхъ. Могло случаться (и случалось), что народному слову придавался смыслъ, котораго оно собственно не имѣетъ; что, напримѣръ, о предметахъ литературныхъ, не существующихъ въ народныхъ понятіяхъ—говорилось въ выраженіяхъ, имѣвшихъ тонъ казацкій, замѣченный Жуковскимъ.

Мнѣнія Даля о литературномъ языкѣ и объ его исправленіи были давно извѣстны. У спеціалистовъ Даль пользовался большимъ уваженіемъ, какъ большой, почти единственный въ своемъ родѣ практическій знатокъ народнаго языка, какъ ревностный и дѣятельный собиратель произведеній народной поэзіи, но при всемъ томъ считался человѣкомъ, далеко невполнѣ компетентнымъ въ исторической и филологической сторонѣ дѣла.

Въ то время, въ 1861 году, когда явились первые выпуски „Толковаго Словаря" и когда мнѣ надо было высказать о немъ свое мнѣніе,—указанныя выше обстоятельства были мнѣ извѣстны. Очень естественно, что приступая къ пересмотру „Словаря", я не могъ не имѣть въ виду своеобразныхъ мнѣній Даля о народномъ языкѣ —мнѣній, какъ извѣстно было, весьма рѣшительныхъ, но, какъ не менѣе было извѣстно, мало опиравшихся на филологическія основанія. На мой взглядъ, въ мнѣніяхъ Даля было много ошибочнаго, въ его реформаторскихъ притязаніяхъ не мало фантастическаго и произвольнаго; и на мой взглядъ было бы жаль, еслибы эти мнѣнія отразились и на издаваемомъ имъ „Словарѣ". По нѣко-

торымъ примѣрамъ, которые встрѣтились въ самыхъ первыхъ выпускахъ, оказывалось, что до извѣстной степени эти мнѣнія дѣйствительно отражались на „Словарѣ“. По моему мнѣнію, критика *обязана* была обратить на это вниманіе. Если бы она не сдѣлала этого, она показала бы или недостатокъ вниманія, или недостатокъ прямого отношенія къ дѣлу.

Замѣтимъ, что въ 1861 году появились только первые выпуски, заключавшіе только три-четыре буквы алфавита. Само собою разумѣется, что отзывъ и могъ относиться только къ этой долѣ труда, и никоимъ образомъ не могъ заключать въ себѣ рѣшенія впередъ о дальнѣйшихъ, еще не появившихся въ свѣтъ, частяхъ начатаго изданія; а съ другой стороны, если бы въ работѣ встрѣтилось что-либо внушающее недоумѣнія, отзывъ естественно долженъ былъ остановиться на подобныхъ вещахъ — чтобы могло выясниться самое дѣло: авторъ имѣлъ бы въ отзывѣ указаніе, для него, быть можетъ, небезполезное, которымъ могъ бы воспользоваться въ продолженіи своей работы. Конечно, только послѣдующія части труда могли показать, принадлежатъ ли подобныя вещи къ цѣлой системѣ автора (и тогда они составили бы положительный недостатокъ его труда), или они болѣе или менѣе случайны, простой недосмотръ; но указать ихъ въ самомъ началѣ было необходимо. Наконецъ, было еще обстоятельство, затруднительное для критики: сколько мы помнимъ, первые выпуски явились безъ того предисловія, въ которомъ авторъ объяснялъ способъ составленія своего „Словаря“ и которое явилось только съ послѣднимъ выпускомъ перваго тома.

Въ первыхъ же буквахъ „Словаря“ дѣйствительно встрѣтились вещи, которыя способны были возбудить недоумѣніе. Встрѣтились, во-первыхъ, нововведенія Даля въ правописаніи, во-вторыхъ—нѣкорыя необычныя слова. И то, и другое давало поводъ думать, что Даль не только не покидаетъ своихъ реформаторскихъ мнѣній, но и думаетъ воспользоваться „Словаремъ“ для ихъ осуществленія. Нѣсколько подобныхъ необычныхъ словъ и было указано въ моемъ отзывѣ: напримѣръ, при словѣ „автоматъ“ я встрѣтилъ слово „живуля“; при словѣ „гимнастика“—слово „ловкосиліе“; при словѣ „гармонія“—слово „согласъ“. Эти примѣры заставляли думать, что Даль въ своемъ трудѣ не ограничивается ролью чистаго лексикографа, собирателя, но и вдается въ извѣстную уже его роль исправителя языка. Мнѣ казалось, да и всякому безпристрастному человѣку должно было казаться, что послѣдняя роль была бы здѣсь совершенно неумѣстна, и могла бы только вредить первой. Словарь—вовсе не есть личное дѣло; лексикографъ народнаго языка долженъ представлять народный языкъ, и только; для своихъ плановъ пре-

образованія онъ могъ бы найти другое мѣсто... Въ указанныхъ примѣрахъ было или произвольное употребленіе народныхъ словъ, или собственное сочиненіе лексикографа, и должно сказать, что и то, и другое было несовершенно удачно. Слово „живуля" если, быть можетъ, и принадлежитъ къ старымъ словамъ, то во всякомъ случаѣ оно — не изъ счастливыхъ выраженій народнаго языка; а быть можетъ, оно принадлежитъ и не старому языку, а къ тѣмъ вторичнымъ новѣйшимъ образованіямъ народнаго языка, какихъ въ немъ встрѣчается не мало, и которыя свидѣтельствуютъ не всегда о свѣжей силѣ, а иногда о порчѣ и ломкѣ языка (какъ такую порчу представляетъ, напр., языкъ испорченной народной жизни,—фабричной, трактирной, кабацкой и т. п.): наконецъ, того прямого смысла („автоматъ"), какое Даль придалъ этому слову, оно, конечно, никакъ не могло имѣть,—потому что собственное понятіе „автомата" въ народномъ языкѣ пока еще неизвѣстно. Далѣе, слово „согласъ" есть дѣйствительно въ народномъ языкѣ, но вовсе не въ томъ смыслѣ, какое ему придалъ Даль въ данномъ случаѣ. Наконецъ, слово „ловкосиліе" было уже просто сочиненіе самого Даля, и къ сожалѣнію не болѣе счастливое, чѣмъ „мокроступы" адмирала Шишкова.—Впослѣдствіи, въ своей защитѣ и вмѣстѣ обвиненіи противъ меня, Даль говорилъ, что-де указанныя имъ слова, какъ „ловкосиліе" поставлены только въ объясненіяхъ словъ, а не внесены въ самый словарь;—но когда словарь былъ еще только на буквѣ *Г*, кто же могъ знать, что „ловкосиліе" не явится подъ буквою *Л?*

Изложенныя здѣсь замѣчанія были указаны въ моей запискѣ. Этнографическое отдѣленіе, на основаніи мнѣнія назначенной имъ коммиссіи, опредѣлило удостоить трудъ Даля Константиновской медали, но вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи моей рецензіи,—„*члены Отдѣленія* (какъ сказано было въ отчетѣ Географическаго Общества) почли долгомъ заявить и *съ своей стороны,* что было бы весьма желательно, чтобы такія слова, какъ указанныя г. П—мъ, и подобныя имъ, были вносимы въ Словарь не иначе какъ съ оговоркою, гдѣ именно и кѣмъ они сообщены составителю, черезъ что самое, *по ихъ мнѣнію*, устранится отъ этого важнаго и необходимаго для всѣхъ изданія возможное, въ противномъ случаѣ, нареканіе на г. Даля, что онъ помѣщаетъ въ словарь народнаго языка слова и рѣчи, противныя его духу и слѣдовательно, повидимому, вымышленныя, или по крайней мѣрѣ весьма сомнительнаго свойства".

Этотъ отзывъ, формулированный *Этнографическимъ Отдѣленіемъ*, черезъ *нѣсколько лѣтъ* (въ 1867) послужилъ Далю поводомъ къ обвиненію противъ *меня*, который будто бы „поносилъ трудъ цѣлой жизни",—хотя въ самой статьѣ его объ этомъ предметѣ упоминается,

что „приговоръ", на который онъ отвѣчаетъ, былъ сдѣланъ „ученымъ обществомъ", т.-е. Этнографическимъ Отдѣленіемъ. Несмотря на то, онъ нашелъ удобнымъ требовать отвѣта только отъ *меня*.

Я не нашелъ нужнымъ отвѣчать (дальше я подробнѣе объясню, почему не нашелъ нужнымъ), хотя предвидѣлъ конечно, что Даль растолкуетъ мое молчаніе какъ признаніе, что я въ самомъ дѣлѣ легкомысленно поносилъ его трудъ. Теперь, это истолкованіе явилось въ статьѣ г. Мельникова...

Должно сказать, что въ полемикѣ Даля,—не говоря уже о писаніяхъ его біографа,—обнаруживались весьма странныя понятія объ элементарныхъ литературныхъ требованіяхъ. Между прочимъ, я не отвѣчалъ изъ уваженія къ Далю: какъ ни мало я сочувствовалъ его филологическимъ идеямъ, онъ былъ въ моихъ глазахъ человѣкъ много потрудившійся надъ полезными изученіями, и мнѣ не хотѣлось говорить съ нимъ тѣмъ тономъ, какимъ тогда приходилось бы отвѣчать.

Остановимся, во-первыхъ, на внѣшней сторонѣ дѣла. Начать съ того, что Далю слѣдовало бы раньше поинтересоваться отзывомъ Этнографическаго Отдѣленія. По этому отзыву, ему опредѣляется премія—повидимому, для него цѣнная (впослѣдствіи онъ не считаетъ, по скромности, своего труда достойнымъ этой награды), опредѣляется впередъ, въ то время, когда только-что появились первые выпуски труда, вышедшаго вполнѣ только пять лѣтъ спустя; словомъ, въ этомъ отзывѣ оказывается полное внимательности признаніе его труда,—а онъ даже не полюбопытствовалъ посмотрѣть, что́ сказало (и напечатало тогда же) Этнографическое Отдѣленіе объ его трудѣ. Въ своемъ „отвѣтѣ" онъ говорилъ, что уже много лѣтъ, за недосугомъ, ничего не читалъ, отдавъ все время словарю: да вѣдь отзывъ относился къ тому же словарю, и прочесть пришлось бы всего нѣсколько строкъ! По всей вѣроятности, вопросъ могъ бы совершенно выясниться на первыхъ порахъ, еслибы Даль оцѣнилъ спокойнѣе замѣчанія, сдѣланныя Отдѣленіемъ. Тогда, быть можетъ, онъ бы не увидѣлъ „поношенія" въ отзывѣ, назначавшемъ — впередъ — премію его труду; онъ конечно не отнесъ бы къ цѣлому труду отзыва, который говорилъ только о первыхъ буквахъ „Словаря",—и который, быть можетъ,—могъ бы послужить чѣмъ-нибудь при дальнѣйшей работѣ, напр., хоть устранить окончательно возникшее недоумѣніе.

Затѣмъ Даль, собственно говоря, и не могъ обращаться съ своими рекриминаціями ко мнѣ; онъ долженъ былъ бы обращаться къ Этнографическому Отдѣленію. *Оно* обсуждало вопросъ; *оно* формулировало отзывъ; *его* отзывъ былъ напечатанъ, тогда какъ моя рецензія была только однимъ изъ матеріаловъ для его рѣшенія. Даль ставилъ дѣло такъ, какъ будто весь отзывъ Отдѣленія былъ мо-

имъ дѣломъ. Это — несправедливо, и по всѣмъ литературнымъ обычаямъ сдѣлать такого вывода было нельзя. Отзывъ принадлежалъ Отдѣленію, и мнѣніе *членовъ Отдѣленія* прямо указано. А если у этихъ членовъ и безъ моей записки составлялись тѣ же впечатлѣнія отъ первыхъ выпусковъ „Словаря"? Если моя записка высказывала только одно изъ многихъ мнѣній или недоумѣній этого рода? Далю могло быть извѣстно, что въ обсужденіи дѣла участвовалъ между прочимъ, и такой компетентный филологъ, какъ, напр., г. Срезневскій, также бывшій тогда въ числѣ „членовъ Отдѣленія". Какимъ образомъ все это оказывается только моимъ дѣломъ?

Далѣе, очень странно читать у Даля разсказъ о томъ, какъ онъ, наконецъ, узналъ черезъ пять лѣтъ объ отзывѣ Этнографическаго Отдѣленія. Въ учено-литературныхъ нравахъ добраго стараго времени, при отсутствіи свободно высказываемыхъ мнѣній, при крайней щепетильности авторскихъ самолюбій, было въ немаломъ ходу учено-литературное сплетничество, которое—у людей, воспитавшихся въ это доброе старое время—хранилось и донынѣ. Къ сожалѣнію, Даль не устранился отъ этого источника свѣдѣній, источника, столь часто мутнаго или и вовсе грязнаго.

Даль самъ разсказываетъ, какъ мы видѣли, что онъ только черезъ пять лѣтъ собрался прочесть отзывъ ученаго общества, на основаніи котораго онъ получилъ премію: — „иначе, говоритъ онъ, я бы тогда же счелъ долгомъ объясниться" (такъ бы это и слѣдовало). „Мнѣ извѣстенъ былъ доселѣ одинъ только темный и безыменный намекъ (?), въ томъ же духѣ, сдѣланный однимъ изъ гг. академиковъ; я тогда же писалъ къ нему, просилъ прямыхъ указаній и объясненій, но просилъ безуспѣшно (?); объясненій ни моихъ, ни своихъ повидимому не желали: а такъ какъ намекъ былъ очень темный и могъ относиться даже и не ко мнѣ (?), то я и не могъ настаивать на объясненіи" [1]).

Безыменные, темные намеки; безуспѣшныя просьбы—какая не нужная путаница, — когда можно было просто прочесть замѣчанія, сдѣланныя гласно и печатно ученымъ обществомъ!

Наконецъ, Даль узналъ о существованіи отзыва Этнографиче-

---

[1]) По связи разсказа слѣдуетъ, что темный намекъ относился именно къ моей запискѣ, о которой Даль говоритъ ниже. Біографъ Даля называетъ упомянутаго академика: это былъ, по его словамъ, покойный Коркуновъ. Но Коркуновъ (съ которымъ, замѣчу мимоходомъ, я никогда не бывалъ знакомъ) умеръ еще въ 1859 году, когда „Толковый Словарь" еще и не появлялся. Остается несовсѣмъ ясно: — говорилъ ли дѣйствительно Даль о намекахъ, относящихся къ другому времени, и стало быть не примѣнимыхъ къ этому случаю: — или же тѣнь Коркунова вызвана біографомъ Даля, „для прикрытія" какой нибудь живой личности?

скаго Отдѣленія, и сталъ доискиваться моего разбора. „Распросы мои,—говоритъ онъ,—наконецъ объяснили мнѣ, что разборъ этотъ никогда не былъ напечатанъ, и я *съ великимъ трудомъ добылъ свѣденье* о томъ, на какія именно слова моего словаря разборщикъ (?) ссылается". Опять, странные обходы, не совсѣмъ употребительные въ литературныхъ обычаяхъ. Даль сталъ доискиваться моего разбора, никогда ненапечатаннаго и мной предназначавшагося не для печати, а только для возбужденія вопроса, — который и обсуждался вовсе не однимъ мною. Даль имѣлъ дѣло съ частнымъ мнѣніемъ, для печати не назначеннымъ, и поступить съ нимъ такъ, какъ поступилъ, онъ не имѣлъ права. Если бы шла рѣчь объ исправленіи моего частнаго мнѣнія, онъ могъ бы ко мнѣ и обратиться; но онъ поступилъ иначе:—распорядившись, безъ моего спроса, моей ненапечатанной запиской, Даль предпочелъ взвалить на эту записку весь отзывъ Этногр. Отдѣленія, для котораго это мнѣніе служило только однимъ поводомъ, — и еще требовалъ отъ меня отвѣта!

Въ такихъ формахъ являлось это дѣло. Всякому разсудительному человѣку понятно, что самыя эти формы, достаточно безцеремонныя относительно меня, могли побудить меня не вступать въ разговоръ, начинаемый подобнымъ образомъ. Было и еще одно случайное обстоятельство, которое усилило эти побужденія. Запросы Даля явились въ такое время, когда моя литературная дѣятельность находилась въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ и подвергалась различнымъ каверзамъ, о которыхъ Даль могъ бы знать, еслибы „читалъ". Совпаденіе его нападокъ съ другими могло быть и случайно; могло быть, что никто не наводилъ Даля на полемику именно въ *это* время, но во всякомъ случаѣ совпаденіе оказалось, и антипатичное чувство, которое эти нападки могли возбудить во мнѣ и безъ того, при этомъ обстоятельствѣ еще усилилось...

Обратимся теперь къ сущности отвѣтовъ Даля на отзывъ Этногр. Отдѣленія (котораго, повторяю, я все-таки не могу брать на свою отвѣтственность). Даль споритъ противъ мнѣнія Отдѣленія, что при словахъ малоизвѣстныхъ должны бы быть выставляемы обозначенія, какой мѣстности эти слова принадлежатъ и кѣмъ сообщены. Это мнѣніе не такъ странно, какъ изображаетъ Даль: важность указанія въ такихъ случаяхъ мѣстности, едвали требуетъ объясненія. Довольно сказать, что самъ Даль въ „Толковомъ Словарѣ" дѣлаетъ указанія мѣстности при словахъ рѣдкихъ и мало извѣстныхъ; еще прежде, въ своемъ мнѣніи о приготовлявшемся въ 1850-хъ годахъ изданіи академическаго Словаря, онъ самъ предлагалъ введеніе въ него словъ областныхъ, съ такимъ же обозначеніемъ [1]). Не менѣе серьезно и

[1]) См. Изв. II Отд. Академіи Наукъ, 1852, стр. 340.

замѣчаніе относительно частной принадлежности словъ; дѣло не въ томъ, чтобъ были поименно названы купцы и крестьяне, отъ которыхъ слышано слово, или другія лица, которыми оно сообщено,— а въ томъ, чтобы въ этихъ, сравнительно не многихъ случаяхъ, дана была возможность провѣрки и ближайшаго опредѣленія. Даль конечно долженъ былъ знать, что очень часто мѣстность еще не даетъ всего опредѣленія областнаго или малоупотребительнаго слова; въ самой мѣстности оно можетъ быть знакомо не всѣмъ, а только извѣстнымъ классамъ и родамъ населенія, — какъ, напр., многоразличный техническій словарь народнаго труда, промысловыхъ и другихъ частныхъ обычаевъ и быта. Онъ самъ отчасти съ этимъ соглашается, и можно сказать, что если бы онъ дѣлалъ и эти частныя указанія, то конечно не убавилъ бы, а много бы прибавилъ своему словарю цѣны въ отношеніи „народописательномъ", или этнографическомъ.

Выше мы приводили объясненія, которыя дѣлаетъ Даль относительно словъ, упомянутыхъ въ моей запискѣ 1861 года; и указывали, что эти объясненія не совсѣмъ состоятельны. Въ самомъ дѣлѣ,— придумываетъ ли онъ собственнаго сочиненія слово (а такихъ не мало,— въ чемъ читатель можетъ убѣдиться, просмотрѣвъ въ „Толковомъ Словарѣ" объясненія иностранныхъ словъ, часто весьма неудачныя), придаетъ ли слову, существующему въ языкѣ, произвольное значеніе, ему собственно не принадлежащее, — это во всякомъ случаѣ недостатокъ, которому не слѣдовало бы въ „Словарѣ" быть. И негодованіе Даля совершенно напрасно; онъ самъ былъ виноватъ, вводя въ свой „Словарь" цѣли, постороннія настоящему дѣлу лексикографа, — т.-е. цѣли преобразованій въ языкѣ. Онъ говоритъ, что послѣднимъ критеріемъ относительно подлинности словъ остается русское ухо;— оно намъ и мѣшало помириться съ указанными выше словами при началѣ „Словаря"; замѣчанія о нихъ и были сдѣланы потому, что можно было ожидать, что они явятся и впредь, въ его продолженіи.

То, въ чемъ было простое желаніе указать на являющіяся недоумѣнія, въ чемъ было желаніе оказать, быть можетъ, пользу самому дѣлу,—Даль съ крайней нетерпимостью, и въ несовсѣмъ употребительныхъ литературныхъ пріемахъ, выставилъ какъ „поношеніе" его труда; забывъ всѣ обстоятельства дѣла, онъ ставилъ меня отвѣтчикомъ за то, за что́ отвѣчать меня ничто не обязывало, наконецъ вообще ставилъ дѣло на невозможную почву. — Оцѣнивъ по достоинству всѣ вышеизложенныя обстоятельства, читатель можетъ видѣть, почему я счелъ тогда отвѣтъ на все это совершенно излишнимъ [1]).

[1]) Это подало теперь г. Мельникову поводъ, съ величайшимъ апломбомъ предать меня осужденію, во имя „литературной честности". Относительно этого предмета, я

Впослѣдствіи, явившаяся въ литературѣ подробная оцѣнка „Словаря“ Даля, уже въ полномъ его составѣ, достаточно подтвердила замѣчанія, сдѣланныя въ 1861 году,—какъ сейчасъ увидимъ.

По окончаніи изданія, „Толковый Словарь“ Даля былъ представленъ на соисканіе Ломоносовской преміи, которая и была ему присуждена. Разборъ „Словаря“ порученъ былъ академику Я. К. Гроту, и рецензія, имъ составленная, заключаетъ въ себѣ весьма обстоятельный и безпристрастный разборъ Далевскаго труда. Критикъ отдалъ полную справедливость замѣчательнымъ достоинствамъ этого труда, его богатству, оригинальности, великому трудолюбію автора; но рядомъ съ тѣмъ указалъ и его слабыя стороны, недостатки „Словаря“ въ научно-филологическомъ отношеніи, и ошибочность его посторонних преобразовательныхъ цѣлей,—тѣ недостатки, о которыхъ мы выше говорили. Читатель можетъ найти въ рецензіи г. Грота много вѣрныхъ замѣчаній объ этихъ сторонахъ работы Даля. Здѣсь мы считаемъ нелишнимъ привести его слова о томъ, что́ составляло главнѣйшій пунктъ обвиненій, взведенныхъ Далемъ собственно противъ меня.

„Г. Даля не разъ упрекали въ томъ,—говоритъ г. Гротъ,—что въ Словарѣ его встрѣчаются слова сомнительныя и такія, которыя составлены имъ самимъ, однакоже занесены безъ всякихъ оговорокъ. Упрекъ этотъ такъ важенъ, что мы не можемъ оставить его безъ разсмотрѣнія.

„Возражая на такое обвиненіе, самъ г. Даль сознается что „при *толкованіяхъ*, а иногда и въ числѣ производныхъ словъ могли попадаться и такія, кои доселѣ не писались, а можетъ быть даже и не говорились“:—„въ переводахъ чужихъ словъ“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „могутъ попадаться въ „Словарѣ“ изрѣдка вновь сочиненныя слова, отдаваемыя на общій судъ; но въ красной строкѣ или въ числѣ объясняемыхъ словъ *сочиненныхъ мною словъ нѣтъ:* въ красную строку, въ число реченій, набираемыхъ крупнымъ наборомъ, отъ строки, собиратель ставилъ только слова читаныя или слышаныя имъ“. Къ числу словъ, составленныхъ самимъ авторомъ, разумѣется, изъ соединенія уже извѣстныхъ словъ, относятся, напр., имена сущ.: ловкосиліе (при словѣ гимнастика), міроколица (при сл. атмосфера), глазоемъ (при сл. горизонтъ), насылъ, насылка (при сл.

вынужденъ сказать, что вообще мало забочусь о согласіи своихъ мнѣній съ мнѣніями г. Мельникова, но что, быть можетъ, счелъ бы для себя величайшимъ несчастіемъ, еслибы мои понятія о нѣкоторыхъ предметахъ литературной честности когда-нибудь стали сходны съ понятіями г. Мельникова.

адресъ). Г. Даль и прежде уже, въ статьяхъ своихъ, предлагалъ подобныя новосоставленныя слова; теперь онъ считалъ долгомъ *словарника* (употребляю его слово) „перевести каждое изъ принятыхъ словъ на свой языкъ и выставить тутъ же всѣ равносильныя, отвѣчающія или близкія ему выраженія рускаго языка, чтобы показать, есть ли у насъ слово это или его нѣтъ"... „Если", говоритъ онъ, „предлагаемыя слова не сыщутъ одобренія и пріема у писателей, то, можетъ быть, дадутъ поводъ къ толкамъ и къ отысканію другихъ и лучшихъ словъ, и тогда цѣль наша очевидно будетъ достигнута". Попытка замѣнять чужія слова своими, стараніе изгонять варваризмы конечно заслуживаетъ всякаго уваженія, какъ и все то, что̀ г. Даль говоритъ объ этомъ въ своемъ предисловіи; однакожъ мы не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ, которое уже было выражаемо другими, что всѣ вновь, придуманныя самимъ авторомъ слова, должны бы быть отмѣчены особенными знаками. Г. Даль совершенно справедливо разсуждаетъ о трудности указывать всякій разъ лицо, отъ котораго то или другое слово было слышано; но что̀ бы онъ ни возражалъ противъ приведеннаго требованія, мы находимъ, что̀ никакое новое слово (какъ, напр., міроколица) не могло быть составлено имъ безсознательно, и потому не понимаемъ, что̀ мѣшало ему отмѣчать такія слова. Отъ несоблюденія этого пользующійся словаремъ поставленъ въ большое затрудненіе. Чтобы убѣдиться, ходитъ ли въ народѣ такое-то слово, употребленное г. Далемъ въ толкованіяхъ и кажущееся почему-либо сомнительнымъ, необходимо каждый разъ справиться, стоитъ ли это слово въ красной строкѣ. Но въ красной строкѣ помѣщены только слова относительно первообразныя; а затѣмъ между производными отъ нихъ, напечатанными также крупнымъ шрифтомъ, иногда встрѣчаются опять-таки сомнительныя слова (напр., насылъ, насылка, въ смыслѣ „адресъ"), ничѣмъ не отличенныя отъ словъ вполнѣ достовѣрныхъ.

„Для большей ясности разсмотримъ слѣдующій примѣръ. Въ толкованіи слова *горизонтъ* помѣщены у г. Даля между прочимъ слѣдующія: небоземъ, глазоемъ, зрѣймо, завѣсь, закрой *касп.*, озоръ, овидь *арх.* Ищемъ этихъ объяснительныхъ словъ, каждаго въ своемъ мѣстѣ, и находимъ: слово *зрѣймо* съ отмѣткою *стар.* и съ толкованіемъ: „видо́къ, видки, разстояніе, на какое видитъ глазъ"; но это уже не то, что горизонтъ; словъ *небоземъ* и *глазоемъ* не находимъ вовсе; при словѣ *завѣсь,* подъ глаг. *завѣшивать,* не встрѣчаемъ значенія „горизонтъ"; слово же *озоръ* показано въ трехъ значеніяхъ: 1) соглядатай; 2) дозоръ; 3) горизонтъ. Итакъ, повидимому мы вправѣ заключить, что слова *небоземъ* и *глазоемъ* составлены самимъ г. Далемъ, *завѣсь* предлагается имъ въ новомъ значеніи, *озоръ* же упо-

требляется такъ въ народѣ. Но тутъ новое сомнѣніе: слово *озоръ* отмѣчено рязанскимъ; спрашивается, относится ли эта отмѣтка только къ первому его значенію, или ко всѣмъ тремъ; весьма любопытно было бы знать, въ какихъ мѣстностяхъ *озоръ* употребляется въ смыслѣ горизонта. Далѣе, подъ словомъ „горизонтъ" предлагаются для замѣны его еще два мѣстныя слова: *закрой* касп., и *овидь* арх.; но изъ нихъ мы второго вовсе не находимъ въ азбучномъ порядкѣ, а первое приведено подъ глаголомъ *закрывать*, какъ астрах., между прочимъ въ такомъ значеніи: „разстоянье, на которомъ въ морѣ предметъ скрывается изъ виду; 12—15 верстъ"; это опять не совсѣмъ тоже, что горизонтъ, и едва ли можетъ соотвѣтствовать выражаемому послѣднимъ понятію. Такимъ образомъ, читатель лишенъ положительнаго и вполнѣ надежнаго руководства для повѣрки и оцѣнки словъ, предлагаемыхъ авторомъ въ толкованіяхъ. Когда употребленное въ объясненіяхъ слово пропущено въ алфавитной номенклатурѣ, то мы въ недоумѣніи, оттого ли это, что оно придумано самимъ легсикографомъ, или пропускъ произошелъ случайно. Когда же такое пояснительное слово стоитъ еще и въ настоящемъ своемъ мѣстѣ, но безъ означенія, откуда оно родомъ, то мы опять не можемъ быть вполнѣ увѣрены въ его дѣйствительномъ существованіи. Такъ изъ словъ, предлагаемыхъ г. Далемъ для перевода имени *атмосфера*, мы, правда, встрѣчаемъ *колоземицу* подъ словомъ *коло*, но не видя, изъ какой мѣстности оно заимствовано, сомнѣваемся, точно ли это — народное слово, тѣмъ болѣе: что при немъ находимъ только примѣръ изъ области науки: „Дознано, что у луны колоземицы нѣтъ". Другое въ томъ же значеніи предлагаемое слово: *міроколица* не помѣщено въ номенклатурѣ, и мы слѣдовательно вправѣ думать, что оно принадлежитъ самому г. Далю; но опять насъ приводитъ въ сомнѣніе то, что оно встрѣчается подъ словомъ *вода* въ слѣдующей фразѣ: „испаренія водныя наполняютъ міроколицу въ видѣ облаковъ" и проч. Казалось бы, что если это слово — придуманное, то не слѣдовало бы употреблять его иначе, какъ при самомъ словѣ *атмосфера*, къ переводу котораго оно должно служить" [1]).

Сравнивъ сдѣланныя здѣсь замѣчанія съ тѣмъ, что указывалось въ моей запискѣ 1861 года и въ отзывѣ Этнографическаго Отдѣленія, читатель безпристрастный увидитъ, что эти послѣднія не были лишены основанія, и въ сущности тѣмъ болѣе могли быть цѣнны, что дѣлались при первомъ началѣ изданія, когда именно могли бы послужить для автора добрымъ совѣтомъ. Критикъ, разбиравшій уже оконченную работу Даля, подтвердилъ то, что́ было замѣчено

[1]) Филологич. Разысканія академика Я. К. Грота, стр. 30—33.

еще въ 1861 году, и если этотъ критикъ, отдававшій справедливость его великой любви къ дѣлу и обширному предпріятію, находилъ, что „не всѣ“, заданные себѣ вопросы, Даль „рѣшалъ удовлетворительно“, что трудъ его „не свободенъ отъ увлеченій“, и при всѣхъ своихъ замѣчательныхъ достоинствахъ, „не стоитъ въ уровень съ современными требованіями науки“ [1]),— то замѣчанія, сдѣланныя при появленіи первыхъ буквъ „Словаря“ не имѣли иной цѣли, какъ предохранить его отъ подобныхъ недостатковъ.

А. Пыпинъ.

ПО ПОВОДУ КІЕВСКИХЪ ЗАСТОЛЬНЫХЪ РѢЧЕЙ.

Письмо въ редакцію.

М. Г. Извѣстна всѣмъ привычка редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ искажать и подтасовывать факты въ пользу ея любимыхъ коньковъ и тенденцій,—но никогда эта привычка не проявляется у нея съ такимъ постоянствомъ, какъ тогда, когда ей представится поводъ пошумѣть съ своею крайне-классическою системою образованія юношества. Недавно такой поводъ представился московскимъ классикамъ въ видѣ обѣда, даннаго нѣкоторыми лицами въ Кіевѣ г. министру народнаго просвѣщенія. Обѣды лицамъ высокопоставленнымъ, обѣды подчиненныхъ начальникамъ,—вовсе не рѣдкость, и собственно говоря, странно черпать изъ застольныхъ рѣчей на такихъ обѣдахъ аргументы въ пользу какой бы то ни было системы школьнаго дѣла. Особенно странно то со стороны „Московскихъ Вѣдомостей“, которыя нѣкогда такъ ратовали противъ правъ цѣлыхъ корпорацій, земствъ и городскихъ думъ, дающихъ деньги на поддержаніе учебныхъ заведеній, судить о томъ, какова должна быть система обученія въ этихъ заведеніяхъ.

Теперь эти же „Московскія Вѣдомости“ въ застольныхъ рѣчахъ нѣсколькихъ кіевлянъ увидѣли подтвержденіе своимъ любимымъ теоріямъ и поспѣшили возвѣстить, что вотъ-де Кіевъ, откуда пошло просвѣщеніе на Руси, — высказался въ пользу этихъ теорій. Бѣда только въ томъ, что „Московскія Вѣдомости“ невѣрно передали смыслъ, а еще болѣе невѣрно истолковали значеніе всѣхъ почти рѣчей, сказанныхъ на вышеупомянутомъ обѣдѣ.

---

[1]) Филологич. Разыск., стр. 58—59.

На этомъ обѣдѣ говорили городской голова господинъ Демидовъ князь Санъ-Донато, ректоръ университета г. Бунге, профессоръ Покровскій и г. Юзефовичъ. Изъ этихъ ораторовъ г. Покровскій говорилъ о такомъ предметѣ, который не имѣетъ ничего общаго съ тою или другою системой устройства гимназій—о городской больницѣ-клиникѣ. Затѣмъ князь Санъ-Донато, вѣроятно, очень удивился, увидѣвъ въ „Моск. Вѣд." имя свое въ числѣ авторитетовъ въ пользу классическаго или реальнаго образованія. Какъ гостепріимный хозяинъ, онъ привѣтствовалъ высокопочтеннаго гостя, учредителя строго-классической системы въ гимназіяхъ; но тотъ же хозяинъ нѣсколько лѣтъ назадъ съ роскошнымъ хлѣбосольствомъ угощалъ и съ любезностью привѣтствовалъ и съѣздъ естествовѣдовъ, во главѣ коего стояли профессоры кіевскаго физико-математическаго факультета, которые въ то время подвергались картоннымъ громамъ „Московскихъ Вѣдомостей" за то, что порѣшили ходатайствовать, чтобы воспитанники реальныхъ гимназій имѣли доступъ въ университеты. И никто не думалъ тогда ссылаться на г. Демидова, какъ на авторитетъ въ пользу реальнаго образованія. Въ рѣчи г. Бунге о классицизмѣ не было ни слова: онъ предложилъ тостъ за „новаго почетнаго члена университета, котораго (члена) совѣтъ университета избралъ за его ученыя и административныя заслуги". Да г. Бунге и не можетъ являться защитникомъ классическихъ теорій „Московскихъ Вѣдомостей" послѣ своихъ статей о народномъ образованіи, напечатанныхъ лѣтъ 13—15 тому назадъ въ „Отечественныхъ Запискахъ", гдѣ почтенный профессоръ является далеко не большимъ другомъ классицизма даже и въ той скромной долѣ, какая существовала тогда въ нашихъ гимназіяхъ. „Московскія Вѣдомости" впрочемъ, которымъ, какъ трактовавшимъ спеціально о вопросѣ классицизма и реализма, должна бы быть извѣстна литература этого вопроса въ Россіи, не ограничились записываньемъ г. Бунге въ горячіе классики, а еще выкинули изъ его рѣчи то замѣчаніе, которое могло быть интересно въ настоящее время въ виду агитаціи близкихъ „Моск. Вѣдомостямъ" лицъ противъ университетскаго устава 1863 г., а именно слова г. Бунге о „дарованной Высочайшею волею университетамъ *самостоятельной* жизни".

Намъ неизвѣстны ученые труды г. Юзефовича, которые бы давали намъ право считать его авторитетомъ по вопросу „о грекахъ и латинахъ"; но такъ какъ г. Юзефовичъ дѣйствительно служилъ по учебному вѣдомству, хоть и въ административныхъ должностяхъ, или какъ выразился провинціальный риторъ, описывавшій обѣдъ, — съ паѳосомъ, граничащимъ съ ироніей,— г. Юзефовичъ „пережилъ много направленій учебнаго дѣла", руководя имъ „въ Кіевѣ въ министерство гр. Уварова, кн. Ширинскаго-Шихматова и А. С. Норова",

то можно было бы послушать съ пользою наблюденій г. Юзефовича. Бѣда только въ томъ, что г. Юзефовичъ, пережившій столько системъ, пережилъ ихъ столько, что трудно составить себѣ ясное понятіе о томъ, какой же онъ системы защитникъ. Въ новой кіевской рѣчи г. Юзефовичъ привѣтствуетъ „твердую систему", установившуюся наконецъ въ недавніе годы въ нашемъ школьномъ дѣлѣ, осуждаетъ прежнія ломки, которыя совершались или въ направленіи безъ смысла ретроградномъ, или во имя *слѣпого либерализма*, ломки, обратившей всѣ наши учебныя и воспитательныя заведенія, отъ низшихъ до высшихъ,—по словамъ оратора,—въ разсадники не знанія, а прививки (разсадники прививки!) молодымъ умамъ готовыхъ идей, готовыхъ выводовъ науки (это, должно быть, что-то особое отъ знанія?), оставляемой безъ серьёзнаго изученія на произволъ (а готовые выводы куда дѣлись?) незрѣлой мысли, и потому не развивающей, а растлѣвающей ее (кто кого растлѣваетъ?—мысль науку, или наоборотъ?). Приведенная выдержка не показываетъ въ г. Юзефовичѣ оратора съ хорошимъ филологическимъ образованіемъ, но ради энергіи его изреченій московскіе публицисты ссылаются на авторитетъ даже и г. Юзефовича, видя въ немъ горячаго классика и консерватора. Но мы нашли въ Современной Лѣтописи „Русскаго Вѣстника", то-есть въ изданіи тѣхъ же публицистовъ, одну рѣчь г. Юзефовича, сказанную именно въ „эпоху ломки и либерализма", и въ этой рѣчи г. Юзефовичъ является совсѣмъ съ другими идеями. Мы разумѣемъ рѣчь, сказанную г. Юзефовичемъ при „прощаніи Кіева съ Н. И. Пироговымъ въ 1861 г.", въ коей г. Юзефовичъ выступаетъ врагомъ „старой, неподвижной рутины" вообще, и въ частности восхваляетъ Н. И. Пирогова за составленный имъ проектъ среднихъ заведеній, „разрѣшающій одну изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ задачъ нашего времени, именно: *примиреніе двухъ образовательныхъ направленій* (?) — *общечеловѣческаго* (?) *съ реальнымъ*. Извѣстно, что весь споръ классиковъ и реалистовъ въ послѣднее время именно на на томъ и стоялъ, что первые не хотѣли признать со всѣми послѣдствіями за реальными гимназіями правъ *образовательныхъ* заведеній. Что же касается состоянія учебныхъ заведеній, которое г. Юзефовичъ рисуетъ столь мрачнымъ въ эпоху „слѣпого либерализма", то о немъ въ 1861 году г. Юзефовичъ, имѣя, по собственному выраженію,—„всѣ данныя для сравненія настоящаго съ прошедшимъ",—находилъ въ учебныхъ заведеніяхъ той эпохи „возбужденіе педагогической дѣятельности въ наставникахъ, любовь къ образованію въ учащихся, возвышеніе научныхъ требованій со стороны студентовъ и, наконецъ, несомнѣнное улучшеніе въ общемъ нравственномъ направленіи молодежи!" Московскіе риторы печатали въ свое время рѣчь г.

Юзефовича съ вышеприведенными словами и съ такимъ патетическимъ предисловіемъ, что молъ „бывшій помощникъ попечителя, имѣя, по его словамъ, всѣ данныя для сличенія настоящаго (въ 1861 г.) съ прошедшимъ, съ благодарнымъ (?) самоотверженіемъ отрицаетъ въ своемъ лицѣ господствовавшую у насъ систему образованія", а теперь печатаютъ сѣтованія того же г. Юзефовича на эпоху ломки во имя слѣпого либерализма и дѣлаютъ изъ него эксперта по части консерватизма и классицизма. Изъ сопоставленія же рѣчей г. Юзефовича въ 1861 и 1873 г. видно, что онъ если и можетъ быть экспертомъ по вопросу о классицизмѣ, то развѣ только тогда, если мы сочтемъ „самоотверженіе", съ коимъ г. Юзефовичъ переживаетъ разныя эпохи, служитъ разнымъ системамъ и высказываетъ разныя мнѣнія съ одинаково стоическою силою,—за классическую добродѣтель и за извѣстное римлянамъ искусство говорить: pro и contra.

А. А.

Кіевъ, 16-го ноября.

НЕКРОЛОГЪ.

Августъ Любенъ.

На-дняхъ получена въ Петербургѣ печальная вѣсть о смерти одного изъ лучшихъ нѣмецкихъ педагоговъ, Августа Любена, который съ 10 января 1870 года состоялъ почетнымъ членомъ здѣшняго Педагогическаго общества. Имя его такъ часто произносилось въ засѣданіяхъ общества и педагогическіе труды его такъ разнообразны и важны для всякаго занимающагося школьнымъ дѣломъ, что каждый пойметъ значеніе такой потери не только для тѣснаго круга, гдѣ Любенъ дѣйствовалъ, какъ учитель и директоръ учительской семинаріи, но и для педагоговъ всѣхъ образованныхъ странъ. Учителя естествовѣдѣнія съ глубокимъ сожалѣніемъ отнесутся къ извѣстію о смерти человѣка, который основалъ методику преподаванія естественныхъ наукъ въ элементарномъ курсѣ и до самаго послѣдняго времени издавалъ по этому предмету сочиненія, лучшія въ своемъ родѣ. Учителя русскаго языка и словесности вспомнятъ его труды по литературѣ, превосходные разборы образцовъ и книгу для чтенія, которая послужила матеріаломъ при составленіи нашихъ лучшихъ книгъ для чтенія; учителя географіи пожалѣютъ о педагогѣ, разъяснившемъ въ своей методикѣ и курсѣ для элементарныхъ

школъ многіе вопросы по преподаванію географіи; преподаватели рисованія, занимающіеся методикой своего предмета, также вспомнятъ хотя старые, но очень интересные курсы рисованія для школъ, составленные Любеномъ еще въ 1827 году; наконецъ всѣ рѣшительно педагоги почувствуютъ важность потери редактора „Jahresbericht'a" и журнала „Practischer Schulmann", къ которымъ приходится непремѣнно прибѣгать каждому, кто занимается серьёзно педагогикой. На многихъ нашихъ педагоговъ, между прочимъ и составителя этихъ строкъ, смерть Любена произвела еще болѣе тяжелое впечатлѣніе, такъ какъ многіе у насъ знали его лично и всѣ сохранили о немъ память, какъ о человѣкѣ въ высшей степени симпатичномъ, внушающемъ не только глубокое уваженіе, но и искреннюю любовь всѣмъ тѣмъ, которые имѣли случай съ нимъ ближе познакомиться. 14/2 окт. 1872 года Любенъ праздновалъ 50-лѣтній юбилей своей учительской дѣятельности; прошло не много болѣе года, и не стало человѣка, къ которому еще недавно можно было, несмотря на его старость, вполнѣ вѣрно примѣнить текстъ священнаго писанія: „Не отемнѣстѣ очи его, ни истлѣста устнѣ его" (Втор. 34 ст. 7), такъ какъ до послѣдняго времени очи его зорко слѣдили за всѣми сколько-нибудь замѣчательными явленіями въ педагогическомъ мірѣ, и уста его не переставали наставлять лицъ, готовящихся къ трудному дѣлу обученія.

Августъ Любенъ родился въ 1804 году въ деревнѣ Голцовъ, недалеко отъ прусскаго города Кюстрина. Отецъ его былъ учителемъ въ этой деревнѣ, и Августъ Любенъ былъ восьмымъ его ребенкомъ. Учился онъ въ школѣ у своего отца, но познанія его были очень ограничены, такъ что первый экзаменъ при поступленіи въ семинарію онъ не выдержалъ и поступилъ туда нѣсколько мѣсяцевъ спустя, занявшись прилежно приготовленіемъ къ этому экзамену. Отецъ желалъ, чтобы онъ сдѣлался купцомъ, но при случайномъ посѣщеніи семинаріи въ Нейцелле, ему такъ понравилось устройство семинаріи, что онъ заявилъ отцу желаніе сдѣлаться учителемъ, на что́ и получилъ тотчасъ согласіе. 1-го октября 1820 года, поступилъ онъ въ число семинаристовъ въ Нейцелле и черезъ два года кончилъ тамъ курсъ. Хотя преподаваніе въ семинаріи было тогда далеко неудовлетворительно, однако Любенъ въ своей автобіографіи съ большимъ сочувствіемъ относится ко многимъ изъ своихъ учителей, преимущественно къ учителямъ естественной исторіи, географіи и рисованія, которые очень сильно повліяли на развитіе его наклонности къ этимъ учебнымъ предметамъ. По окончаніи курса Любенъ получилъ мѣсто младшаго учителя (Hilfslehrer) въ новой Вейсенфельской семинаріи, директоромъ которой былъ извѣстный педагогъ Гарнишъ и товарищами его по преподаванію учителя Штубба и Гентчель. Здѣсь Любенъ

многому научился. Гарнишъ передалъ своимъ молодымъ сослуживцамъ главнѣйшіе принципы Песталоцціевыхъ воззрѣній на обученіе, и всѣ три молодыхъ учителя усердно занимались своимъ самообразованіемъ, много работая, читая и упражняясь въ преподаваніи. Въ 1825 году Любенъ получилъ мѣсто сельскаго учителя въ Альслебенѣ и тамъ съ большимъ успѣхомъ сталъ примѣнять все то, чему онъ научился въ Вейсенфельсѣ. Тамъ-же онъ началъ свою литературную дѣятельность изданіемъ курса рисованія. Въ 1828 году его пригласили въ городскую школу въ Ашерслебенѣ, гдѣ онъ былъ сначала учителемъ, а потомъ ректоромъ, т.-е. начальникомъ школы, и оставался на этомъ мѣстѣ до 1849 года. Въ это время появилось много сочиненій его: первое изданіе его методики, ботаники и зоологіи, учебникъ естественной исторіи, учебникъ географіи и статьи о преподаваніи естественной исторіи въ Wegweiser'ѣ Дистервега. Въ 1848 году, когда всѣ учителя Германіи устроивали собранія и посылали петиціи въ парламентъ, Любенъ былъ предсѣдателемъ съѣзда учителей въ Мерзебургѣ и тезисы, выставленные этимъ собраніемъ, отличаются разумнымъ и вполнѣ педагогическимъ направленіемъ. Именно собраніе ходатайствовало: во 1) о доставленіи учителямъ лучшей подготовки; 2) объ отдѣленіи школы отъ церкви; 3) объ инспектированіи школъ не пасторами, а педагогами; 4) объ устройствѣ провинціальныхъ учительскихъ съѣздовъ; 5) объ увеличеніи жалованья учителямъ. Практическаго результата требованія эти тогда не имѣли никакого, но принципы эти всегда защищались Любеномъ, до конца его жизни, и всѣ они послужили основаніемъ его трудовъ при составленіи учебнаго плана бременскихъ народныхъ школъ и бременской семинаріи. Съ 1849 по 1858 годъ Любенъ былъ ректоромъ городскихъ школъ въ Мерзебургѣ и устроилъ ихъ такъ хорошо, что сталъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ лучшихъ педагоговъ въ Германіи. Поэтому неудивительно, что бременскій сенатъ выбралъ его директоромъ вновь учреждаемой семинаріи въ городѣ Бременѣ, изъ сорока конкуррентовъ. На этомъ мѣстѣ Любенъ оставался до своей смерти и могъ видѣть плоды своей дѣятельности какъ директора семинаріи, такъ какъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ много хорошихъ учителей вышло изъ его учебнаго заведенія. Литературную свою дѣятельность онъ продолжалъ безостановочно. Кромѣ изданія двухъ вышеупомянутыхъ педагогическихъ журналовъ, онъ постоянно былъ занятъ новыми трудами или переработкою прежнихъ своихъ сочиненій. Послѣднимъ литературнымъ трудомъ Любена была его автобіографія, написанная для изданія подъ заглавіемъ: „Народная школа XIX-го столѣтія въ біографіяхъ замѣчательныхъ педагоговъ“ (Die Volksschule des XIX Jahrhunderts in Biographien hervorragender Schul-

männer), предпринятаго для составлении капитала въ пользу учительскихъ сиротъ въ Баваріи. Итакъ, однимъ изъ послѣднихъ мірскихъ дѣлъ Любена было доброе дѣло въ пользу сиротъ того сословія, которое безъ того многимъ обязано Любену. Кромѣ литературной и учительской дѣятельности Любена еще слѣдуетъ упомянуть объ его участіи въ общихъ съѣздахъ нѣмецкихъ учителей, гдѣ онъ всегда игралъ видную роль, читая рефераты, возбуждавшія всеобщій интересъ и участвуя въ преніяхъ о различныхъ вопросахъ, занимавшихъ учительское сословіе въ Германіи. Его разумное воззрѣніе на педагогическое дѣло, остроуміе и трезвый, умѣренный образъ мыслей возбуждали общее къ нему расположеніе, и можно съ полною достовѣрностью сказать, что высказанныя имъ на этихъ собраніяхъ мнѣнія имѣли сильное вліяніе не только на всѣхъ нѣмецкихъ учителей, но даже и на нѣкоторыя оффиціальныя распоряженія и узаконенія различныхъ германскихъ правительствъ. Самъ пруссакъ родомъ, Любенъ всегда очень внимательно слѣдилъ за развитіемъ школьнаго дѣла на своей родинѣ, и сильно возсталъ противъ регулятивовъ, изданныхъ прусскимъ министерствомъ въ 1854 году для ограниченія курса семинарій и народныхъ школъ. Это отношеніе его къ оффиціальной прусской педагогикѣ и побудило его главнымъ образомъ принять мѣсто директора семинаріи въ Бременѣ. Потомъ на учительскихъ съѣздахъ въ Кетенѣ и Мангеймѣ онъ читалъ рефераты о преподаваніи словесности и естественной исторіи въ семинаріяхъ, и въ нихъ очень ясно доказалъ всю несостоятельность и узкость взгляда регулятивовъ. Въ 1869 году въ самомъ Берлинѣ, въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія Мюлера, онъ жестоко критиковалъ оффиціальные прусскіе „лезебухи“ гдѣ выборъ образцовъ основанъ на практическомъ значеніи ихъ для обыденной жизни, а не на литературномъ ихъ достоинствѣ. Онъ впрочемъ глубоко вѣрилъ въ хорошую будущность прусской народной школы и въ частныхъ разговорахъ нѣсколько разъ высказывалъ мысль, что никакія министерскія распоряженія не могутъ уничтожить то, что постепенно выработано на основаніи научныхъ изысканій и опыта педагогами. „Какой министръ можетъ уничтожить все это“, сказалъ онъ мнѣ однажды въ своемъ кабинетѣ, указывая на обширную библіотеку свою, заключающую всѣ лучшія педагогическія сочиненія Германіи. И на самомъ дѣлѣ, простая перемѣна въ личномъ составѣ прусскаго министерства измѣнила разомъ положеніе дѣлъ въ этомъ государствѣ: регулятивы уничтожены, въ Берлинѣ созываются конференціи, на которыхъ выработываются проекты школьныхъ узаконеній, основанныхъ на здравыхъ педагогическихъ началахъ, и безъ сомнѣнія скоро о регулятивномъ времени будутъ вспоминать въ Пруссіи,

какъ о давно прошедшемъ. Любену при концѣ его жизни пришлось еще видѣть эту перемѣну и онъ конечно долженъ былъ сознавать, что его литературные труды и личное участіе въ образованіи молодого поколѣнія педагоговъ имѣли вліяніе на развитіе тѣхъ здравыхъ педагогическихъ воззрѣній, которыя замѣтны въ послѣднихъ министерскихъ распоряженіяхъ въ Пруссіи. Къ намъ, русскимъ, которые посѣщали его семинарію, Любенъ былъ всегда чрезвычайно любезенъ, и очень интересовался вопросами, касающимися русскихъ школъ. Онъ, между прочимъ, очень сочувственно отнесся къ проекту общеобразовательныхъ заведеній и проекту общаго плана устройства народныхъ училищъ, изданныхъ нашимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1860 году. „Если во многихъ подробностяхъ,—говорилъ Любенъ объ этомъ проектѣ,—онъ окажется непримѣнимымъ, то этимъ не слѣдуетъ особенно смущаться, измѣнить это всегда можно; но хорошо то, что въ основаніе этого проекта легли здравыя педагогическія начала“.

Вотъ краткое изложеніе дѣятельности человѣка, надъ которымъ такъ недавно еще къ общему сожалѣнію закрылась могила. Изъ этого очерка видно, что въ теченіи болѣе пятидесяти лѣтъ Августъ Любенъ честно служилъ педагогическому дѣлу; постоянно работая и совершенствуясь, онъ выработалъ въ себѣ твердыя убѣжденія касательно педагогическихъ вопросовъ, и словомъ и дѣломъ поддерживалъ эти убѣжденія, не взирая на затруднявшія его дѣятельность обстоятельства, и оставилъ на память о себѣ множество педагогическихъ трудовъ, которыми долго еще будутъ пользоваться всѣ серьёзные педагоги. Мысль, высказываемая въ Гораціевой одѣ: „Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный“ относится не къ однимъ только поэтамъ, а ко всемъ дѣятелямъ, выработавшимъ нѣчто, чѣмъ будутъ пользоваться будущія поколѣнія. Съ полною справедливостью можно примѣнить эту истину и къ Любену, который построилъ себѣ памятникъ въ школѣ, важное значеніе которой на судьбы человѣчества все болѣе и болѣе выясняется. Нашимъ педагогамъ, сочувствующимъ той цѣли, достиженію которой Любенъ посвятилъ всю свою жизнь, прежде всего слѣдуетъ поклониться этому скромному памятнику, такъ какъ они должны глубоко вѣрить въ могущество школы для прогресса человѣчества и знать, что каждое хорошее сѣмя, положенное въ эту благодарную почву, дастъ обильный урожай въ будущемъ.

К. Сентъ-Илеръ.

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 16-го октября 1873 года.

1) Выдано 60 руб. писателю, лишившемуся мѣста въ одной изъ редакцій.

2) Выслано 120 руб. дочери ученаго на воспитаніе ея дѣтей.

3) Выдано 50 руб. писателю на покупку матеріаловъ для модели изобрѣтенной имъ машины.

4) Двумъ студентамъ 1-го курса с.-петербургскаго университета предоставлены учрежденныя Обществомъ стипендіи.

5) Выслано 50 руб. дочери профессора, находящейся въ крайности.

6) Уплачено въ с.-петербургскій университетъ за двухъ студентовъ 50 р.

Засѣданіе комитета 28-го октября.

1) Выдано 30 руб. писателю, находящемуся въ больницѣ.

2) Выслано 300 руб. писателю, лишенному средствъ къ жизни и пострадавшему отъ пожара.

3) Отклонены ходатайства: двухъ лицъ о пособіи и одного о ссудѣ, какъ несогласныя съ правилами Общества.

4) Выдано 50 руб. писателю, недавно вышедшему изъ больницы.

Общее собраніе членовъ Общества 28-го октября 1873 г.

По открытіи собранія, секретарь прочелъ слѣдующій отчетъ:

Мм. гг. Въ собраніи 22-го апрѣля вамъ былъ представленъ отчетъ о дѣйствіяхъ комитета Общества въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ настоящаго года. Нынѣ, представляя отчетъ за послѣдующіе мѣсяцы, комитетъ имѣетъ честь доложить, что съ 1-го апрѣля по настоящее число изъ суммъ Общества оказаны слѣдующія пособія: въ ссуду выдано: одному лицу 250 р., одному 200 р., одному 100 р. и одному 50 руб. Въ единовременное пособіе было назначено: семейству одного лица 500 р., двумъ лицамъ по 400 р., двумъ по 300 р., четыремъ по 200 р., четыремъ по 150 р., одному 130 р., двумъ по 120 р., шести по 100 р., четыремъ по 75 р., двумъ по 60 р., девяти по 50 р., одному 30 р., пяти по 25 р. и одному 24. Выслано книгъ одному писателю на 17 р. 50 к. На похороны вдовы писателя

выдано 50 р. На воспитаніе въ здѣшней консерваторіи дочери писателя положено отпускать ежегодно по 150 руб., а по поступленіи ея въ комплектъ учепицъ консерваторіи по 100 р. Въ видахъ предоставленія молодому писателю средствъ къ окончанію образованія въ Академіи Художествъ, предназначено выдавать ему ежемѣсячно, въ теченіе $1^1/_2$ года, по 25 руб. Изъ пожертвованныхъ А. А. Краевскимъ 600 р. отпущено 100 р. на воспитаніе сына покойнаго писателя. Внесено въ Технологическій Институтъ 70 руб., въ уплату за слушаніе лекцій однимъ студентомъ. На воспитаніе малолѣтнаго сына покойнаго писателя назначено отпускать ежемѣсячно по 15 р. и на первоначальное обзаведеніе его въ пансіонѣ отпущено единовременно 10 руб. Изъ учрежденныхъ Обществомъ четырехъ стипендій, въ 125 руб. каждая, для студентовъ 1-го курса с.-петербургскаго университета, двѣ предоставлены уже двумъ бѣднымъ студентамъ. Наконецъ, уплачено по 50 р. за право слушанія лекцій въ томъ же университетѣ двумя студентами.

Независимо отъ денежныхъ пособій, комитетъ содѣйствовалъ пяти писателямъ въ полученіи слѣдовавшаго имъ отъ редакцій повременныхъ изданій и отъ издателей книгъ гонорара. Въ двухъ случаяхъ, и именно по дѣлу Скорнякова съ редакціею журнала „Сіяніе“ и по другому, прекращенному самимъ просителемъ, содѣйствіе комитета не увѣнчалось успѣхомъ: редакція журнала „Сіяніе“ не отвѣчала даже на посланное ей сообщеніе объ уплатѣ денегъ, а другая редакція, несмотря на неоднократныя обѣщанія секретарю Общества самого редактора уплатить слѣдовавшую сумму, обѣщаній этихъ не исполнила. Въ третьемъ случаѣ, просьба писателя отвергнута издателемъ, какъ неосновательная, а въ двухъ остальныхъ ходатайства просителей были удовлетворены редакціями. Равнымъ образомъ, редакція одного журнала изъявила готовность исполнить желаніе просителя о возвращеніи его рукописи, если онъ представитъ надлежащую сумму денегъ на пересылку рукописи, о чемъ ему и сообщено.

По ходатайству вдовы писателя, комитетъ просилъ о назначеніи ей пенсіи изъ суммъ комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, и просьба эта была уважена. По другому ходатайству такого же рода отвѣта на просьбу комитета еще не послѣдовало. Комитетъ принималъ также мѣры къ доставленію мѣста вдовѣ писателя и указалъ ей способы къ полученію просимой ею должности.

По ходатайству комитета и при благосклонномъ содѣйствіи члена Общества М. С. Сушинскаго, малолѣтный сынъ покойнаго писателя опредѣленъ въ воспитательное заведеніе Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

По просьбѣ одного писателя, вскорѣ послѣ того скончавшагося, выданъ женѣ его билетъ на безплатное пользованіе въ лечебницѣ члена Общества Л. Н. Симонова, а по ходатайству другого члена Общества, В. А. Манассеинъ былъ приглашенъ оказать ему врачебную помощь.

Наконецъ, комитетъ обратился къ начальству Медико-Хирургической Академіи съ просьбою объ освобожденіи стипендіатки Общества отъ платы за слушаніе лекцій.

Отклонены ходатайства въ 23-хъ случаяхъ, и именно: въ четырехъ о ссудѣ, такъ какъ ходатайства эти не соотвѣтствовали правиламъ Общества о выдачѣ ссудъ, въ восемнадцати — о пособіяхъ, потому что просители неудовлетворяли тѣмъ условіямъ устава Общества, при которыхъ только возможна помощь изъ литературнаго фонда, и въ одномъ—о пересылкѣ рукописи просителя за-границу, такъ какъ проситель не подходитъ подъ правила Общества.

Разрѣшеніе двухъ просьбъ отложено впредь до представленія просителями доказательствъ правъ ихъ на помощь со стороны Общества. По одной просьбѣ собирались свѣдѣнія, которыя и получены лишь на этихъ дняхъ.

Въ видахъ распространенія свѣдѣній, какъ о самомъ Обществѣ нашемъ, такъ и о его дѣятельности, комитетъ, согласно заявленію г. Тюрина, распорядился сдачею въ книжные магазины нѣсколькихъ экземпляровъ устава и отчетовъ Общества.

По ходатайству комитета объ измѣненіи правилъ относительно устройства чтеній въ пользу общества, г. министръ народнаго просвѣщенія входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о томъ, чтобъ за исключеніемъ городовъ, гдѣ имѣютъ свое пребываніе попечители учебныхъ округовъ, во всѣхъ прочихъ публичныя чтенія въ пользу Общества разрѣшаемы были губернаторами, съ предоставленіемъ имъ, въ случаѣ надобности, поручать просмотръ программъ чтеній и самыхъ статей директорамъ мѣстныхъ гимназій. Государь Императоръ, въ 17-й день прошлаго мая, высочайше соизволилъ на приведеніе этого предложенія въ исполненіе, о чемъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и сдѣлано надлежащее распоряженіе.

По заявленію П. Е. Басистова, комитетъ вошелъ въ сношеніе съ книжнымъ магазиномъ И. Г. Соловьева въ Москвѣ о принятіи имъ на себя труда по полученію взносовъ мѣстныхъ членовъ Общества и пожертвованій. И. Г. Соловьевъ весьма любезно отозвался на это предложеніе, и магазину его выдана особая книжка на записку означенныхъ взносовъ и пожертвованій.

Исполняя постановленіе § 41 устава, требующаго, чтобъ молодые люди, получающіе пособіе для окончанія своего образованія, во все время производства имъ этого пособія находились подъ нѣкотораго рода нравственнымъ попечительствомъ комитета, комитетъ не переставалъ собирать, по мѣрѣ возможности, свѣдѣнія о занятіяхъ питомцевъ Общества и можетъ засвидѣтельствовать, что питомцы эти вполнѣ заслуживаютъ поддержки Общества.

Въ заключеніе комитетъ считаетъ долгомъ привести съ глубочайшею признательностью имена слѣдующихъ лицъ, оказавшихъ ему содѣйствіе въ истекшемъ полугодіи: Н. Н. Булича, К. К. Ренненкампфа, М. С. Сушинскаго, А. Н. Бекетова, П. Е. Басистова, В. А. Манассеина, барона А. О. Стуарта и В. Я. Жуковскаго."

Послѣ того казначей доложилъ слѣдующія свѣдѣнія о состояніи кассы Общества съ 1-го апрѣля по 1-е октября. Къ 1-му апрѣля въ кассѣ было 59,286 р. 44 к., поступило 8,892 р. 44 коп., а именно: отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ—1,300 р., отъ 135 членовъ—2,456 р., единовременно отъ одного лица — 18 р., по духовному завѣщанію Лобанова—200 р., отъ концерта—3,435 р. 70 к., процен-

товъ съ капитала—1,482 р. 74 к. Израсходовано—8,172 руб. 25 к.; въ томъ числѣ: на пенсіи 20 лицамъ—2,363 р., на единовременныя пособія 38 лицамъ—4,254 р., на воспитаніе 10 лицъ—940 р., въ ссуду 4 лицамъ—600 р., за храненіе бумагъ въ Государственномъ Банкѣ—14 р. 5 к. и за чековыя книжки—1 р. 20 к. Къ 1-му октября въ кассѣ на лицо—60,006 р. 63 к.; въ томъ числѣ процентными бумагами—56,800 р.; на текущемъ счету—3,144 р., наличными деньгами—62 руб. 63 коп.

Капитала стипендіи Е. П. Ковалевскаго къ 1-му апрѣля состояло 7,939 р. 97 к.; поступило пожертвованій и процентовъ 265 р. 43 к.; израсходовано за храненіе бумагъ въ Государственномъ Банкѣ 2 р. 90 к. Къ 1-му октября состояло 8,202 р. 50 к.

Въ заключеніе была произведена баллотировка лицъ, предложенныхъ въ члены Общества, причемъ избраны слѣдующія лица: Александръ Ивановичъ Стронинъ, Александръ Львовичъ Боровиковскій, Ѳедоръ Іосифовичъ Лешетицкій, Константинъ Константиновичъ Гирсъ, Сергѣй Николаевичъ Константиновъ, Николай Петровичъ Миссюра, Павелъ Петровичъ Казанскій, Алексѣй Адріановичъ Головачевъ, Алексѣй Ѳедоровичъ Поляковъ, Владиміръ Карловичъ Саблеръ. Надежда Николаевна Быстрова, Ольга Александровна Кобеко, Серафима Николаевна Гирсъ, Марія Дмитріевна Де-Вальденъ, Антонія Эрастовна Хржановская, Парасковія Константиновна Кушникова.

По окончаніи этихъ занятій, О. Ѳ. Миллеръ прочелъ главу изъ рукописнаго сочиненія П. В. Анненкова: „Пушкинъ въ деревнѣ“.

II. Самарскій Дамскій Комитетъ Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.

Самарскій Дамскій Комитетъ, желая принести посильную помощь постигнутому голодомъ населенію Самарской губерніи, постановилъ принять участіе въ сборѣ и раздачѣ пособій голодающимъ. А потому обращается ко всѣмъ съ просьбой о присылкѣ ему денежныхъ и всякихъ другихъ пожертвованій (консервовъ, сухарей, одежды, обуви и пр.), причемъ покорнѣйше проситъ пожертвованія, какія кто найдетъ возможнымъ собрать съ этой цѣлью, пересылая въ гор. Самару Дамскому Комитету, на имя казначея Комитета Николая Александровича Мордвинова.

III. Уставъ Общества вспомоществованія студентамъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

I. Цѣль общества.

§ 1.

Общество имѣетъ цѣлію доставлять нуждающимся студентамъ С.-Петербургскаго Университета средства къ существованію въ С.-Петербургѣ для окончанія Университетскаго образованія.

Примѣчаніе. Общество можетъ оказывать пособіе и лицамъ, окончившимъ курсъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, въ теченіи перваго года по выходѣ ихъ изъ Университета.

§ 2.

Для достиженія этой цѣли Общество:

1) выдаетъ нуждающимся студентамъ пособія единовременныя или постоянныя;

2) принимаетъ, съ разрѣшенія подлежащаго начальства, мѣры къ удешевленію жизни студентовъ;

3) принимаетъ заботы какъ о пользованіи заболѣвшихъ студентовъ на дому, такъ и о помѣщеніи ихъ въ больницахъ и клиникахъ;

4) пріискиваетъ нуждающимся студентамъ занятія, могущія доставить имъ средства къ жизни.

§ 3.

Какъ единовременныя, такъ и постоянныя пособія выдаются только въ видѣ временныхъ безпроцентныхъ ссудъ.

Примѣчаніе. Съ лицъ, невозвратившихъ ссуду въ теченіи 4-хъ лѣтъ по оставленіи ими Университета, производится взысканіе законнымъ порядкомъ, какъ скоро комитетъ Общества узнаетъ, что лицо, воспользовавшееся ссудою, занимаетъ мѣсто, обезпеченное подлежащимъ содержаніемъ.

II. Составъ общества.

§ 4.

Общество находится въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, имѣетъ печать съ своимъ наименованіемъ и открываетъ свои дѣйствія, когда число членовъ будетъ не менѣе 50.

§ 5.

Общество состоитъ изъ членовъ: учредителей, дѣйствительныхъ и почетныхъ.

§ 6.

Къ членамъ-учредителямъ принадлежатъ лица, подписавшія проектъ устава передъ открытіемъ общества.

§ 7.

Въ дѣйствительные члены могутъ быть избираемы Обществомъ какъ преподаватели С.-Петербургскаго Университета, бывшіе воспитанники сего Университета и получившіе въ немъ ученую степень, такъ и посторонніе лица.

Примѣчаніе 1. Члены, не платившіе своего взноса въ теченіе 2-хъ лѣтъ, считаются выбывшими изъ общества.

Примѣчаніе 2. Студенты С.-Петербургскаго Университета и воспитанники другихъ учебныхъ заведеній въ члены Общества выбираемы быть не могутъ.

§ 8.

Учредители и дѣйствительные члены вносятъ или ежегодно не менѣе 5-ти рублей, или единовременно не менѣе 100 рублей.

§ 9.

Въ почетные члены избираются лица, оказавшія какія-либо важ-

ныя услуги, или сдѣлавшія въ пользу Общества значительныя пожертвованія.

§ 10.

Первоначальный составъ общества образуется изъ учредителей, съ утвержденіемъ же устава дѣйствительные и почетные члены избираются въ общемъ собраніи общества, посредствомъ закрытой баллотировки, простымъ большинствомъ голосовъ.

III. Средства общества.

§ 11.

Средства общества составляются изъ: а) ежегодныхъ взносовъ членовъ, б) единовременныхъ пожертвованій какъ членовъ, такъ и постороннихъ лицъ, в) возвращаемыхъ обществу ссудъ, выданныхъ имъ въ пособіе нуждающимся студентамъ.

§ 12.

Для усиленія средствъ обществу предоставляется устраивать публичныя лекціи, спектакли, концерты и т.-п. съ надлежащаго разрѣшенія и съ соблюденіемъ установленныхъ для сего правилъ.

IV. Комитетъ Общества и кругъ его дѣятельности.

§ 13.

Дѣлами общества завѣдуетъ Комитетъ, состоящій изъ 11-ти членовъ, изъ которыхъ 4 должны быть выбраны изъ преподавателей С.-Петербургскаго Университета, по возможности—по одному изъ каждаго факультета.

Примѣчаніе. Въ составъ членовъ Комитета входитъ также Ректоръ С.-Петербургскаго Университета, въ качествѣ непремѣннаго члена.

§ 14.

Члены Комитета избираются въ общемъ собраніи закрытою баллотировкою. Избранными считаются получившіе наибольшее число голосовъ, но во всякомъ случаѣ не менѣе $1/3$ голосовъ присутствующихъ въ собраніи членовъ.

§ 15.

Члены Комитета выбываютъ поочереди и при томъ ежегодно по 4 человѣка.

§ 16.

Комитетъ выбираетъ изъ своей среды товарища предсѣдателя, двухъ секретарей и казначея, предсѣдатель же Комитета выбирается общимъ собраніемъ. Предсѣдатель Комитета предсѣдательствуетъ и въ общемъ собраніи. Кромѣ того, по спеціальнымъ вопросамъ могутъ быть образуемы особыя Коммиссіи изъ членовъ Общества, приглашаемые Комитетомъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ отсутствія предсѣдателя и его помощника, Комитетъ выбираетъ временнаго предсѣдателя изъ среды членовъ Комитета.

§ 17.

Комитетъ собирается по мѣрѣ надобности по приглашенію предсѣдателя или его товарища.

§ 18.

Для дѣйствительности засѣданія Комитета необходимо присутствіе въ немъ по крайней мѣрѣ 3-хъ членовъ, считая въ томъ числѣ предсѣдателя или его товарища и одного изъ секретарей.

§ 19.

На обязанности Комитета лежатъ:

а) распредѣленіе занятій между членами Комитета;

б) принятіе прошеній о пособіи, собраніе по этимъ прошеніямъ всѣхъ необходимыхъ для разрѣшенія оныхъ свѣдѣній, и обсужденіе степени нуждъ просителей, на основаніи собранныхъ о нихъ свѣдѣній;

в) опредѣленіе размѣра пособій, какъ единовременныхъ, такъ и постоянныхъ, и постановленія о выдачѣ таковыхъ пособій;

г) пріисканіе занятій нуждающимся студентамъ;

д) полученіе обратно денегъ, выданныхъ въ ссуду;

е) ежемѣсячная повѣрка суммъ Общества;

ж) созваніе общихъ собраній;

з) сношеніе съ подлежащими мѣстами и лицами;

и) попеченіе объ увеличеніи средствъ Общества приглашеніемъ къ пожертвованіямъ, открытіемъ публичныхъ лекцій и т. п.

і) представленіе общему собранію отчета о дѣйствіяхъ Общества за истекшій годъ, съ изложеніемъ предположеній на будущее время;

к) разсмотрѣніе предположеній, поступившихъ въ Комитетъ.

§ 20.

Казначей Общества принимаетъ членскіе взносы, единовременныя пожертвованія и возвращаемыя ссуды, ведетъ приходо-расходныя книги и долговую книгу и вообще все счетоводство, производитъ денежныя выдачи по постановленіямъ комитета и составляетъ годовой денежный отчетъ.

Примѣчаніе. Приходо-расходныя книги и долговыя книги выдаются казначею за печатью Общества, подписью предсѣдателя и скрѣпою одного изъ секретарей.

§ 21.

Секретари составляютъ журналы засѣданій комитета и общаго собранія, ведутъ алфавитные списки членамъ Общества и студентамъ, прибѣгающимъ къ его помощи (съ показаніемъ мѣста жительства просителей, собранныхъ о нихъ свѣдѣній и какого рода оказано имъ вспомоществованіе), и вообще всю переписку, а также составляютъ отчеты о дѣйствіяхъ Общества. Всѣ исходящія бумаги подписываются предсѣдателемъ и скрѣпляются однимъ изъ секретарей.

§ 22.

Изъ поступающихъ въ Общество суммъ въ наличныхъ деньгахъ хранится только то количество, которое потребно на текущіе расходы по удовлетворенію канцелярскихъ издержекъ для веденія письменнаго дѣлопроизводства. Всѣ же прочія суммы обращаются или

въ процентныя бумаги государственныхъ кредитныхъ учрежденій и предпріятій, правительствомъ гарантированныхъ, или на текущій счетъ въ одно изъ кредитныхъ установленій, по усмотрѣнію Комитета. Деньги для текущихъ расходовъ хранятся у казначея, а кредитныя бумаги у предсѣдателя и его помощника, или въ государственномъ банкѣ.

Чеки и книжки кредитнаго учрежденія, въ коемъ хранятся суммы Общества, всегда находятся у предсѣдателя, за подписью коего и скрѣпою дѣлается отпускъ денегъ чеками.

§ 23

Комитетъ, по собраніи всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній о просителѣ и по признаніи его заслуживающимъ вспомоществованія, выдаетъ пособіе въ видѣ временной ссуды, причемъ отъ просителей отбирается росписка (на простой бумагѣ) и съ обязательствомъ возвращенія ссуды. Росписка эта отмѣчается въ долговой книгѣ Общества и хранится у казначея впредь до уплаты долга.

§ 24.

Лицамъ, жертвующимъ въ пользу Общества сумму, достаточную для выдачи постоянной или временной стипендіи, предоставляется назначать ее по собственному выбору, но деньги, поступающія въ возвратъ такихъ стипендій, присоединяются къ общимъ суммамъ Общества.

§ 25.

Для разсмотрѣнія годичнаго отчета о дѣйствіяхъ Комитета и о произведенныхъ имъ расходахъ и состояніи суммъ и прочаго имущества, Обществомъ избирается ревизіонная комиссія изъ пяти членовъ.

V. Общія собранія.

§ 26.

Общее собраніе Общества бываетъ ежегодно незадолго до 8-го февраля, т.-е. дня основанія С.-Петербургскаго университета. Кромѣ того, общее собраніе созывается Комитетомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ найдетъ это необходимымъ или когда о томъ поступитъ требованіе, подписанное 25-ю лицами, состоявшими до того времени въ теченіе 2-хъ лѣтъ членами Общества.

§ 27.

Въ годовомъ общемъ собраніи читается общій годовой отчетъ, заключеніе по оному ревизіонной комиссіи и объясненіе по оному Комитета, а также списокъ членовъ, выбывшихъ изъ Общества въ теченіе прошлаго года, избираются должностныя лица на мѣсто выбывшихъ членовъ Комитета и ревизіонной коммиссіи на слѣдующій годъ. Отчетъ Общества, по разсмотрѣніи и утвержденіи его общимъ собраніемъ, печатается во всеобщее свѣдѣніе.

§ 28.

Предметы занятій чрезвычайныхъ общихъ собраній составляютъ:

избраніе новыхъ членовъ Общества и постановленіе рѣшеній по всѣмъ предположеніямъ, поступающимъ отъ имени Комитета или черезъ посредство комитета, отъ членовъ Общества.

§ 29.

Приговоры общаго собранія постановляются простымъ большинствомъ голосовъ, за исключеніемъ только вопросовъ: объ измѣненіи устава, для чего требуется присутствіе въ собраніи, по крайней мѣрѣ, половины членовъ Общества, живущихъ въ Петербургѣ и согласіе не менѣе ²/₃ наличныхъ членовъ, и о закрытіи Общества, для чего требуется присутствіе не менѣе ²/₃ всѣхъ членовъ Общества, живущихъ въ Петербургѣ и также согласіе ²/₃ наличныхъ членовъ. О постановленіяхъ общаго собранія составляются журналы за общимъ подписаніемъ присутствующихъ.

§ 30.

На измѣненіе или дополненіе устава испрашивается разрѣшеніе въ установленномъ порядкѣ.

§ 31.

Если по какимъ-либо обстоятельствамъ Общество прекратитъ свои дѣйствія, то весь денежный капиталъ и вообще все его имущество обращаются, по опредѣленію общаго собранія, на употребленіе, соотвѣтствующее цѣли Общества.

ПОПРАВКА.

Въ первой книгѣ романа „Полжизни“ (ноябрь) просятъ сдѣлать слѣдующія исправленія:

Стр.	*строч.*	*Напечатано:*	*вмѣсто:*
113	6 сн.	такъ изъ	такъ не изъ
168	4 „	въ мірѣ	въ міръ
171	20 „	переписки	приписки
177	4 „	къ	въ
185	19 „	странное	страшное
188	13 св.	фонъ-деръ-Гельдта	фанъ-деръ-Гольдта
199	14 „	счастіемъ	сіяніемъ

М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1873 году.

Въ 1873-мъ году, экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

Акмолинская обл.
(260,000 жит.)

	экз.
Омскъ г. г.	17
Акмолинскъ кр.	3
Петропавловскъ	3
	23

Амурская обл.
(22,297 жит.)

Благовѣщенскъ	10
Албазинъ	3
	13

Архангельская губ.
(281,758 жит.)

Архангельскъ	17
Шенкурскъ	1
Сороцкая	1
Онега	1
Кемь	2
Мезень	2
Холмогоры	1
Кочманская	1
	26

Астраханская губ.
(593,580 жит.)

Астрахань	19
Енотаевскъ	1
Черный-Яръ	3
	23

Бакинская губ.
(513,560 жит.)

	экз.
Баку	18
Ленкорань	2
Шемаха	3
Нуха	1
Куба	4
	28

Бессарабская обл.
(1.091,627 жит.)

Кишиневъ г. г.	45
Сороки	6
Бричаны	2
Секурянская	1
Банежская	2
Оргѣевъ	2
Скуляны	3
Бѣльцы	8
Новоселица	2
Глинная	1
Купчинская	5
Липканы	2
Сталинештенская	1
Хотинъ	8
Бендеры	3
Байрамчевская	1
Камрать	1
Аккерманъ	8
Корнешты	1
	102

Варшавская губ.
(1.004,234 жит.)

	экз.
Варшава	60
Гроецъ	1
Гура-Кальварія	1
Ново-Дворъ	3
Минскъ	2
Скерневицы	2
Кутно	1
Александровъ	1
Влоцлавскъ	4
Ловичъ	3
	78

Виленская губ.
(1,019,429 жит.)

Вильна	40
Свенціаны	2
Бежданы	1
Дисна	3
Заборье	1
Вилейка	1
Щучинъ	3
Лида	1
Ошмяны	2
Молодечно	1
Залѣсье	1
	56

Витебская губ.
(884,933 жит.)

Витебскъ	12
Усвятъ	1
Городокъ	1
Сеньковская	1
Невель	1
Люцинъ	1

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 110938179